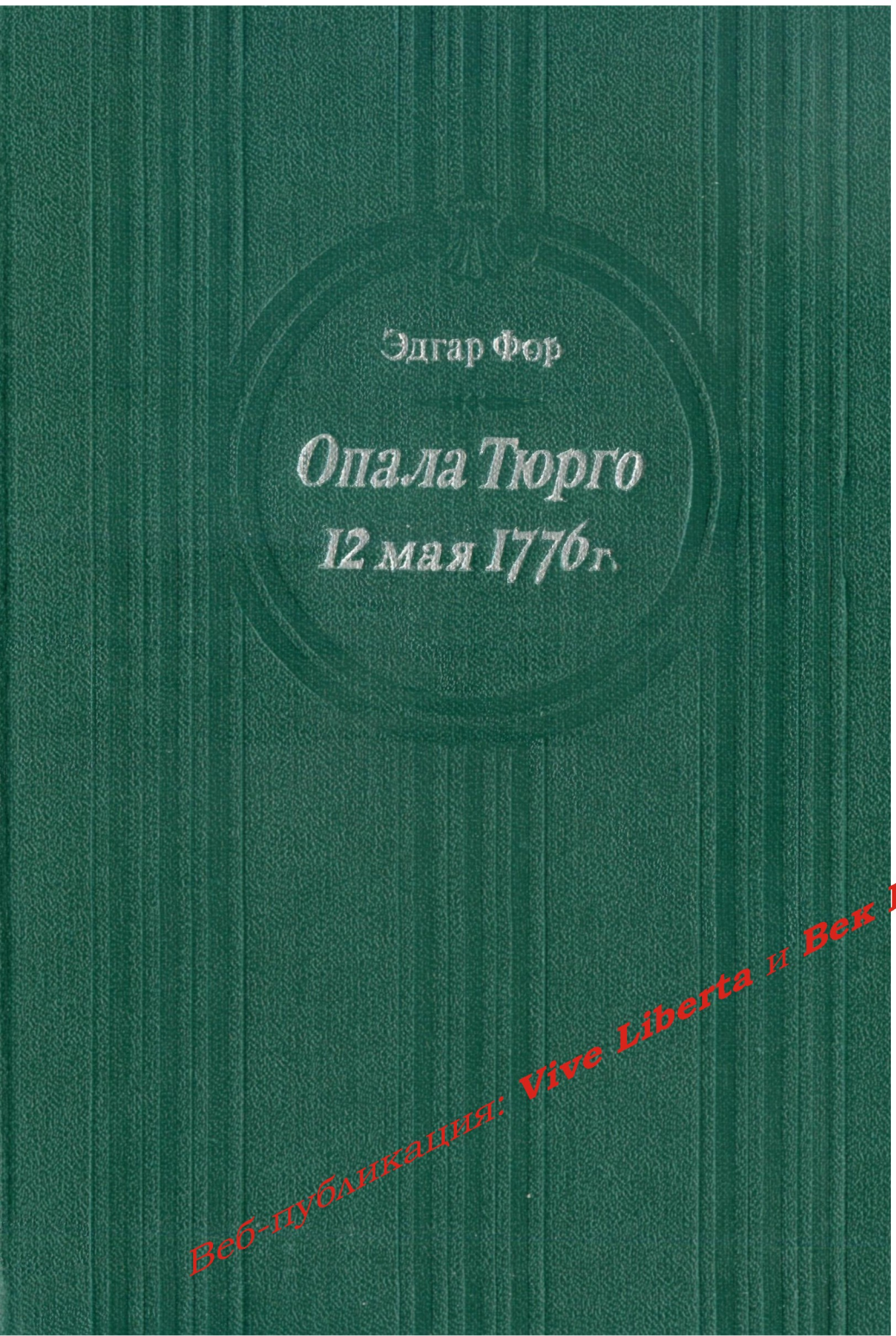

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2013

Edgar Faure

La Disgrâce de Turgot

12 mai 1776

Paris 1973

Эдгар Фор

Опала Тюрго

12 мая 1776 г.

Перевод с французского Е.М.Шишмаревой
ред. Н.В.Рудницкой
Предисловие и редакция
доктора исторических наук
В. М. Далина

Москва
Издательство
«Прогресс»
1979

ТЮРГО И ЕГО НОВЕЙШИЙ БИОГРАФ

ОТ АВТОРА

Часть первая. НАДЕЖДА
I. Шантлу и Поншартрен
II. Варфоломеевская ночь, или Избиение министров
III. Двое застенчивых
IV. Вступление в должность генерального контролера
V. Обзор техники управления
VI. Возвращение парламентов
VII. Бюджетная политика
Наследство аббата Террэ
Позиция Тюрго
Расходы финансового управления
Военные расходы
Королевский двор

Часть вторая. «МУЧНАЯ ВОЙНА»
I. Хлебная политика от Террэ до Тюрго
Хлебный бюджет и ведущая роль зернового сектора
Свобода хлебной торговли на службе экономической экспансии
Анализ доходов, получаемых производителями
Воздействие на заработную плату и на экономику в целом
Эдикт от 15 сентября
Государственная торговля хлебом и плановое вмешательство Террэ
Указ
II. Предвестники
Дороговизна против голода
Мятеж в Дижоне
Позиция Неккера
Признаки кризиса
III. Последовательный ход событий
IV. Правительственные меры
Последние беспорядки
Обращение к духовенству и различные решения
Репрессии
Последние события
V. Дело о заговоре и революционное явление
Проблема истолкования
Результаты расследования
Косвенные доказательства
Исстари знакомые явления
Революционное явление

Часть третья. ПРОВАЛ
I. Летнее солнцестояние
II. Второе дыхание (От техники управления к великим реформам)
Служба почтовых сообщений и перевозок
Великий проект
Разные дела
III. Крапленые карты
IV. Шесть эдиктов
Рыночная полиция и регламенты хлебной торговли
Малые эдикты
Дорожная повинность
Цеховая система
Аббат Террэ. Предложение реформы Тюрго. Доктрина упразднения цехов
V. Королевское заседание парламента
VI. Противоположные шансы
Враг народа
Второе дело де Гина
VII. Голова на плахе

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ
БИБЛИОГРАФИЯ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Тюрго и его новейший биограф

Мало о ком из выдающихся деятелей XVIII в. сохранились такие почти единодушные положительные отзывы и современников, и историков, как о Тюрго (1727—1781). Конечно, и у него были противники, в том числе сама королева Мария Антуанетта, добивавшаяся от Людовика XVI (по авторитетному свидетельству столь близкого ей австрийского посла Мерси-Аржанто) не только отстранения Тюрго, но и его заключения в Бастилию. Но даже самые крайние недруги Тюрго не решались обвинять его в каком-либо нарушении нравственных принципов или в недостаточной компетентности. Ему ставили в вину лишь чрезмерную верность принципам, возведенным в «систему», и «помешательство на общественном благе» (rage du bien public), упрекали в том, что он «чрезмерно добродетелен» и «слишком философ», как писал о нем аббат Галиани.

Блестящие теоретические способности Тюрго, как и его высокие нравственные достоинства, проявились очень рано. Семья предназначала Тюрго к религиозной деятельности, где его, как впоследствии почти всех его сверстников, ожидало самое блестящее будущее. Но тут сразу сказалась искренность Тюрго, бывшая, по мнению русского историка Г. Е. Афанасьева, автора двух серьезных исследований о Тюрго, «основным свойством его натуры»[1]. Он категорически отказался от теологиче-

1 Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1884, с. 29.

ского призвания: «Я не могу обречь себя носить маску в течение всей жизни» [1].

«Уже в молодости, — писал о нем В. П. Волгин, превосходный знаток истории общественной мысли во Франции XVIII в., — Тюрго обратил на себя внимание своей научной одаренностью» [2]. В двух замечательных лекциях, прочитанных в Сорбонне двадцатитрехлетним Тюрго (на латинском языке), по мнению В. П. Волгина, был высказан ряд важных «философско-исторических идей, развитых впоследствии Кондорсе и Контом». В них был дан «один из первых набросков продуманной буржуазной теории прогресса» [3]. Тюрго «соединял в себе тонкую наблюдательность и большой практический опыт с даром широких научных обобщений» [4]. Редко о ком из мыслителей XVIII в. В. П. Волгин отзывался с такой теплотой и уважением.

Тюрго, в особенности как экономиста, высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс. Уже в «Немецкой идеологии», написанной еще в 1845 г., есть очень интересное упоминание о Тюрго, свидетельствующее о том, что уже в это время К. Маркс размышлял о роли Тюрго и высоко его ценил [5].

Когда в немецком «Социал-демократе» в 1881 г. появилась статья, приравнявшая Тюрго к Неккеру, Энгельс возмущенно писал: «Как можно ставить Тюрго, *одного из первых экономистов XVIII века* (курсив наш. — *В. Д.*), на одну доску с весьма практическим представителем финансовой аристократии Неккером, предшественником Лаффитов и Перейров» [6].

Маркс с похвалой отзывался о главном экономическом труде Тюрго «Размышления об образовании и распределении богатств». Еще в «Капитале» он писал о Тюрго как об одном из авторов «первой систематической концепции капиталистического производства» [7]. В «Теориях прибавочной стоимости» он упрекал Адама Смита за «до нескромности» скромную оценку «такого... человека, как Тюрго, который — в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции» [8].

Тюрго был автором ряда статей в «Энциклопедии». Его интересовали и вопросы лингвистики, и географии, план построения которой он набросал. Он действительно отличался в

1 Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1884, с. 29.
2 Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции XVIII века. М., 1958, с. 88.
3 Там же, с. 88 и 92.
4 Там же, с. 80.
5 См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 529.
6 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 139.
7 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 405
8 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 346.

целом ряде отраслей науки необыкновенной «одаренностью».

Но Тюрго — и в этом его отличие от подавляющего большинства талантливых теоретиков — был и превосходным практиком, отличным администратором и замечательным государственным деятелем. Его характеристику как администратора дал не кто иной, как Токвиль, человек достаточно сдержанный и критический в своих отзывах. Знакомясь с администрацией старого порядка, он внимательно проконспектировал «Œuvres» Тюрго (эти заметки занимают 55 печатных страниц) и дал ему такую любопытную оценку: «В общем, Тюрго при всех выдающихся особенностях его ума и сердца представляется мне отцом хорошо нам известной административной расы (только отец был несравненно выше своих детей): привязанность к порядку, единообразию, равенству под опекой администрации; враждебность ко всем привилегиям и вообще ко всему, что мешает доброжелательной администрации; общественная добродетель с ее стремлением к созданию справедливого правительства, равного ко всем, деятельного, предусмотрительного, доброжелательного, вмешивающегося во все, но не склонного к созданию свободного правительства. Идеал чиновника (fonctionnaire) в демократическом обществе, подчиненном абсолютному правительству. Но больше ничего (rien de plus)»[1]. Мы не согласились бы с этими последними строками: Тюрго был не *просто и не только* «идеальным» администратором. Маркс гораздо шире и правильнее определил Тюрго. Но со всеми остальными своими талантами Тюрго соединял и достоинства превосходного администратора — и это Токвиль определил совершенно точно. Добавим к этому, что и автор наиболее фундаментального труда о предреволюционных французских интендантах (правда, относившийся к ним весьма доброжелательно) П. Н. Ардашев выделял Тюрго как одного из немногих интендантов, характер которого был отмечен «печатью энтузиазма». «Мне не нравится, — привел он слова Тюрго, — это всегдашнее благоразумие и неприязнь ко всякому энтузиазму... Не нравится мне... постоянное согласие... со всеми этими господами, наслаждающимися настоящим и желающими только, чтобы все шло по-старому, потому что так они чувствуют себя превосходно»[2].

Эти особенности Тюрго — интенданта крупнейшей провинции Лимузен (он занимал этот пост в течение тринадцати лет, с 1761 по 1774 г.) — ясно прослеживаются даже по небольшой

1 Tocqueville Alexis. Œuvres complétes. L'Ancien Régime et la Révolution, t II, 1953. Appendice, p. 383.
2 Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Киев, 1906, с. 441.

коллекции личных писем Тюрго к Демаре (инспектору мануфактур в Лимузене, позднее видному ученому и члену Академии), хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве[1]. В них поражает живой ум Тюрго, разнообразие его интересов, цепкая практическая хватка. Его очень занимают технические нововведения, связанные, в частности, со знаменитой лиможской фарфоровой мануфактурой. В 1762 г. он сообщает Демаре (Des Maretz) о применении квасцов, изготовляемых из глины, и производстве кремней (formation du silex)[2]. В другом письме он просит прислать план печи, сообщает, что некий Фурнеро обнаружил каолин и нуждается в присылке кусков саксонского фарфора[3]. В 1771 г. он пишет о печи для обжигания фарфоровой массы, а в ноябре 1773 г. с удовлетворением сообщает о том, что мануфактура фарфора добилась очень больших успехов и производит сейчас «превосходные изделия», в частности замечательную глазурь (le blanc)[4]. Его занимают и более общие естественнонаучные проблемы. В двух письмах он сообщает об электричестве (électricité revendicative), о двойном преломлении (double réfraction) и в связи с этим о возможном применении кристаллов для диоптрии. Он собирается изложить свои идеи по этому поводу Д'Аламберу, знаменитому французскому материалисту и его личному другу[5]. В то же время он просит прислать ему книгу о Беккариа — виднейшем итальянском юристе[6].

Тюрго интересуют и вопросы внешней политики. Он просит Демаре разузнать у его спутника по недавнему путешествию о происходившей тогда русско-турецкой войне (письмо от 1771 г.), о рельефе местности, где идут военные действия, и о местоположении Бендер — находится ли город на территории Новороссии[7].

С живейшим вниманием он следит за внутриполитическими событиями. В 1771 г. в Лимож приходят слухи об устранении Мопу, по-видимому, в связи с реформой парламентов. В ноябре 1773 г. он не решается на большое путешествие по Лимузену: он должен иметь возможность уехать в Париж, «куда его могут вызвать с минуты на минуту» [8].

1 ЦПА ИМЛ, ф. 320, оп. 1, в коллекцию входит восемь писем — автографов Тюрго — с 1762 по 1773 г.
2 ЦПА ИМЛ, ф. 320, оп. 1, № 37.
3 Там же, № 38.
4 Там же, № 40 и 43.
5 Там же, № 39.
6 Там же, № 40.
7 Там же, № 40.
8 Там же, № 38 и 43.

Почти в каждом письме виден заботливый и деятельный — вспомним токвилевскую характеристику — администратор. В 1763 г. он выражает сожаление, что до сих пор не намечено направление новой дороги на Бордо. В августе 1771 г. он сообщает с тревогой об очень плохих видах на урожай: «Рожь во всем Лимузене очень плоха; засуха сожгла гречиху... Пока хороши только каштаны». Он не знает, за что приняться[1]. Известно, какое внимание уделял Тюрго созданию благотворительных мастерских в годы неурожаев. Он создал их в Лимузене в неурожайный 1771/72 г. и с радостью сообщал Демаре, что они «действуют превосходно» [2]. В 1775 г. он будет настаивать на применении этого опыта в масштабе всей страны.

В то же время этот все более популярный интендант, о котором с восторгом пишет уже тогда Вольтер как о человеке, который может принести благоденствие миллионам французов, чувствует за собой постоянное наблюдение, уверен в том, что его корреспонденция подвергается просмотру, и ищет путей для того, чтобы его избежать. И в этом отношении примечательно его письмо от 19 марта 1771 г.: «Господин де Мирабо будет превосходной оказией, которой вы можете воспользоваться для пересылки мне многого» [3]. Конечно, Мирабо-отец был слишком стар для такой миссии. Идет ли речь об Оноре Габриеле Мирабо? Неужели Тюрго знал его и обратил на него внимание? Вот вопрос, который было бы чрезвычайно интересно выяснить.

Последнее письмо (от 7 ноября 1773 г.), в котором Тюрго сообщал, что ждет с минуты на минуту вызова в Париж, оказалось действительно пророческим. Несколько месяцев спустя наступил его «звездный час», и он был призван в столицу. 10 мая 1774 г. скончался после пятидесяти девяти лет бесславного царствования Людовик XV. Время г-жи Дюбарри и ее фаворитов кончилось. На престол вступил двадцатилетний Людовик XVI; и никому еще в голову не могло прийти, как бесславно и трагически закончится и это новое царствование. Наоборот, Париж и вся страна были преисполнены самых радужных надежд. После «Варфоломеевской ночи министров», прекрасно описанной Эдгаром Фором, после устранения исключительно непопулярных министров Мопу и аббата Террэ начались поиски новых «добродетельных» людей. Выбор, естественно, пал на Тюрго. 20 июля он был назначен морским министром, а месяц спустя, 24 августа, ему был поручен важнейший пост государственного контролера финансов.

1 Там же, № 37 и 41.
2 Там же, № 38.
3 Там же. («M-r de Mirabeau sera une occasion précieuse dont vous pourriez profiter pour m'envoyer bien des choses»).

«Никогда еще, — писал Вольтеру в эти дни известный французский просветитель, будущий видный жирондист маркиз Кондорсе, близкий друг Тюрго и впоследствии его биограф, — в королевский Совет не вступал человек, который соединял бы в себе в такой степени добродетель, мужество, бескорыстие, привязанность к общественному благу, образование и стремление к его распространению. С этой минуты (назначения Тюрго) я сплю так спокойно, как будто я нахожусь под покровительством всех законов Англии»[1].

Сам Вольтер отозвался на это известие восторженным письмом Тюрго: «Кондорсе пишет мне, что он полагает начало своему счастью лишь с того дня, как Тюрго назначен государственным секретарем. А я должен Вам сказать, что считаю себя весьма несчастным, ибо собираюсь умирать в то время, когда добродетель и выдающийся ум на месте. Вы будете завалены комплиментами правдивыми, и вы будете почти единственным человеком, с которым это случилось»[2].

Прежде чем принять назначение генеральным контролером, Тюрго попросил аудиенции у короля. У Тюрго была своя обширная программа действий, и ему нужно было заручиться полной поддержкой для ее осуществления. Людовик XVI ее твердо обещал. Не прошло и месяца, как Тюрго представил свой первый ордонанс о свободе хлебной торговли. О значении этой меры с энтузиазмом писал позднее Мишле: «Тюрго, став министром, сел за стол и подготовил поразительное произведение — сентябрьский ордонанс, благородный, ясный, красноречивый. Это — Марсельеза хлеба!» [3].

Эта «Марсельеза хлеба» была, правда, поддержана далеко не всеми. Убежденный противник свободы хлебной торговли, аббат Галиани предсказал тогда же неизбежность поражения Тюрго: «Доверие к нему уменьшится, к нему начнут испытывать неприязнь, скажут, что он не справляется со своими обязанностями, энтузиазм охладится, он уйдет сам или от него избавятся и тем исправят ошибку — на такой пост не станут назначать слишком добродетельного человека...»[4]. Увы, Галиани оказался пророком. Но осенью 1774 г. энтузиазм был еще чрезвычайно силен, и сам скептик Вольтер считал, что Франция вступает в «золотой век».

Весной 1775 г. этот энтузиазм стал охладевать. Сперва 17 апреля в Дижоне, затем 2 мая в Версале и 3 мая в Париже

1 См.: Афанасьев Г. Е. Цит. соч., с. 22—23.
2 Там же, с. 23. См. также: Сиволап И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978, с. 147.
3 Michelet J. Histoire de la France. Louis XVI, p. 206—207.
4 См.: Афанасьев Г. Е. Цит. соч., с. 229.

вспыхнули продовольственные волнения с требованием установления пониженных цен на хлеб. Разразилась так называемая «Мучная война». Тюрго выступил в несвойственной ему роли — фактического министра внутренних дел и главы полиции. Тюрго действовал — не забудем все же, что он был убежденнейшим апологетом частной, буржуазной собственности, — со всей решительностью и даже жестокостью, правда исходя из убеждения, что «Мучная война» — это не движение неимущих, а результат «заговора» его злейших противников. Помимо многочисленных арестов, двух человек, доля вины которых не была даже установлена, повесили «для примера». Движение было подавлено, и казалось, что доверие короля к Тюрго все еще не было поколеблено. В начале 1776 г. Тюрго внес проект шести эдиктов, в том числе о полной ликвидации цехов и уничтожении дорожной повинности, тяжелым бременем ложившейся на крестьян. Значение этих эдиктов со всей силой подчеркнул К. Маркс, считая их «введением к французской революции... *Февральским* эдиктом *1776 года* он упразднил цехи. (Этот эдикт был отменен через три месяца после его опубликования.) Точно так же Тюрго освободил крестьян от дорожной повинности и пытался ввести единый налог на земельную ренту»[1]. Парижский парламент оказал бешеное сопротивление этим эдиктам. Для их утверждения 12 марта 1776 г. было проведено королевское заседание парламента (lit de justice). Тюрго, казалось, вышел победителем. Но его враги оказывали на короля все большее давление, и он в конце концов устал сопротивляться. Ровно через три месяца, отказав Тюрго даже в личной встрече, Людовик XVI 12 мая 1776 г. дал Тюрго отставку.

«Никогда не забывайте, государь, — писал Тюрго королю незадолго до своей отставки, — что только слабость привела голову Карла I на плаху». Может быть, семнадцать лет спустя, 21 января 1793 г., Людовик и вспомнил это зловещее предсказание!

«Франция была слишком счастлива... Я сражен и в отчаянии», — писал Вольтер 17 мая де Вэну. «...Мы никогда не утешимся, — с тяжелым чувством писал он месяц спустя Лагарпу, — увидев зарождение и гибель этого золотого века, который Тюрго нам подготовлял... Передо мной одна только смерть, после того как Тюрго покинул свой пост. Все это словно громовой удар поразило мой мозг и мое сердце» [2]. Пять лет пустя, 20 марта 1781 г., Тюрго скончался.

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 38—39.
2 Voltaire's Correspondance, vol. XCIV, p. 136. Об отношении Вольтера к Тюрго см.: Сиволап И. И. Цит. соч., с. 147—150.

Вся эта драматическая история, продолжавшаяся 20 месяцев, с 24 августа 1774 г. и до 12 мая 1776 г., является темой превосходного исследования Эдгара Фора, вышедшего в 1961 г. в серии «Тридцать дней, создавших Францию», которое предлагается сейчас вниманию советских читателей. Но прежде, чем охарактеризовать вкратце эту книгу, нам нужно сказать несколько слов о ее авторе и предупредить, что он вовсе не историк, хотя его исследование и безупречно с точки зрения самых строгих профессиональных требований.

* * *

Эдгар Фор (род. в 1908 г.) — уроженец винодельческого юга Франции. Его дед был учителем, а позднее директором школы в Нарбонне, его отец был врачом, так же как и его дед по материнской линии[1]. Э. Фор получил юридическое образование, но он им не довольствовался. По совету своего преподавателя философии Брайса Пирена и в силу собственного интереса к России и Октябрьской революции Эдгар Фор изучил русский язык в Нормальной школе живых восточных языков и стал ее дипломантом. Для судеб его будущей книги это было существенно — Фор, как убедится читатель, внимательно изучил и труды Г. Е. Афанасьева, лучшего русского «тюрговеда», и работы советского знатока этого периода В. С. Люблинского. Но гораздо большее значение это знание русского языка имело для определения позиции Фора по отношению к нашей стране: он всегда мог черпать свою информацию из первоисточника.

Как талантливый юрист, Эдгар Фор быстро завоевал свои первые лавры. Его политическая деятельность началась несколько позднее. Решительный враг нацизма, он последовал за Шарлем де Голлем в Алжир и с 1943 г. стал сотрудничать сперва во Французском комитете национального освобождения, а затем и во Временном правительстве, где был ближайшим сотрудником Пьера Мендес-Франса, начальником кабинета которого он стал в 1945 г., когда Мендес-Франс возглавил министерство экономики. В конце года Фор вошел в состав французской делегации на Нюрнбергском процессе. В 1946 г. он впервые был избран депутатом. В 1949 г. Э. Фор занимает самостоятельный пост в составе правительства. В пятидесятых годах он становится виднейшим политическим деятелем Четвертой республики. Он входит в состав девяти правительств и дважды (в 1952 и 1955 гг.) возглавляет кабинет. Фор занимал посты министра финансов, бюджета, иностранных дел, юстиции. Его подпись значится под Женевскими соглашениями, положившими конец войне в Индокитае. Он входил и в кабинет Пфлимлена — последний кабинет Четвертой республики. Хотя еще в апреле 1958 г. он высказался за необходимость привлечения де Голля к власти, после мая 1958 г. его правительственная деятельность обрывается. Как он пишет сам в «Опале Тюрго», «любовь к власти — такая страсть, которая не в силах снести более одного разрыва» (Э. Фор ошибся — в его собственной деятельности их оказалось два), но «первую отставку можно перенести».

1 См.: Balotti P. Portrait d'Edgar-Faure. Paris, 1978.

Для Э. Фора эта «первая отставка» оказалась весьма плодотворной. Он вернулся к римскому праву, которым занимался в молодости, защитил диссертацию о финансовой политике императора Диоклетиана, занял кафедру по этой же специальности в Дижонском университете. Талантливый человек, автор, между прочим, выпускавшихся под псевдонимом детективных романов (в этом направлении на него могла повлиять и его жена Люси Мейер-Фор, очень плодовитая и способная писательница), он попытался в эти же годы выступить и как историк. Так появилась в 1961 г. «Опала Тюрго». Что привлекло Фора к этой теме? Интерес к судьбе одного из самых блестящих своих предшественников на посту руководителя финансов? Полная превратностей судьба человека, который мог бы оказать сильнейшее влияние на судьбы Франции?

Нам трудно судить о мотивах, побудивших Э. Фора написать эту книгу[1]. Как бы то ни было, опыт был сделан и оказался удачным. Работа написана secundo artem — с соблюдением всех законов исторического ремесла. Фор тщательно исследовал целый ряд архивов, в том числе личный фонд Тюрго в его имении, Лантейле, фонд генерального прокурора Жоли де Флёри, документы Национального архива и провинциальных архивов, в том числе департаментов Соммы и Сены и Уазы, фонды Бастилии, библиотеки Арсенала, Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, откуда он извлек перечень лиц, арестованных по делу «Мучной войны», и впервые его опубликовал. Он изучил самым внимательным образом все мемориальные записи, дневники, хроники, составленные участниками событий и их современниками. Он использовал всю обширную литературу — его можно упрекнуть, пожалуй, лишь в том, что он не уделил достаточного внимания записям Токвиля о Тюрго и многочисленным высказыва-

1 Сам Э. Фор так ответил на поставленный ему вопрос: «Я думаю, что политический деятель может быть в то же самое время историком. Вот почему часть своего времени я посвятил изучению истории, а другую часть — тому, чтобы ее творить. Изучение проблем прошлого вовсе не бесполезно для правильного понимания проблем современности». (Из письма Э. Фора автору от 3 апреля 1979 г.)

ниям о нем К. Маркса. Наконец, исследованию Фора помогал огромный политический опыт, позволявший ему яснее понимать человеческие взаимоотношения «вершителей судеб», их шахматные ходы на обширной исторической доске. Книга Фора имела не только большой успех у читателей, она внимательно обсуждалась и в кругах историков-специалистов.

Горячо рекомендуя ее и нашим читателям, мы со своей стороны хотели бы все же сделать несколько замечаний. Как нам кажется, особенности политической деятельности Эдгара Фора наложили какой-то отпечаток и на освещение им исторических событий. Человек определенных принципов, которые он отстаивает, Фор вместе с тем отличается умением сближать разные позиции, смягчать противоречия, искать и находить какую-то общую линию. Недавно на огромном собрании, где президент Валери Жискар д'Эстэн (работавший когда-то в министерстве финансов под руководством Эдгара Фора) преподнес ему академическую шпагу, представитель ЮНЕСКО М'Боу очень тонко подметил эту особенность Фора — его умение находиться в «геометрическом центре, там, где примиряются противоречия»[1]. Недаром на том же заседании Фора называли «ставшим жизнерадостным Тюрго» (Turgot enjoué) или «образумившимся и ставшим реалистом Лоу» (знаменитый финансовый экспериментатор, герой другой, новейшей книги Э. Фора). Это стремление к смягчению противоречий, особенно резких характеристик, присущее Фору-политику, сказывается и в Форе-историке.

Так, Э. Фор считает, что доходы откупщиков не были «ни столь велики, ни столь скандальны», как принято думать на основании роскошной жизни некоторых из них. Но та волна гневного протеста против «соляной подати» (gabelle), против косвенных налогов, сдававшихся на откуп, которая в 1789—1790 гг. буквально смела всю эту систему, говорит об обратном. И все исследования, старые и новые, финансовой системы дореволюционной Франции, вплоть до довольно осторожного Марселя Мариона, достаточно резко характеризуют скандальную роль генеральных откупщиков, а об их доходах весьма убедительно свидетельствуют великолепные особняки, украшавшие столицу.

Еще менее убедительной представляется нам защита Эдгаром Фором предшественника Тюрго на посту генерального контролера аббата Террэ, сторонника регламентации хлебной торговли. Фор защищает его от обвинений в следовании «рутине», в корыстолюбии, использовании своего поста в своих частных интересах и интересах кучки монополистов торговли

1 См.: «Le Monde», 28 décembre 1978.

хлебом. Но существует убийственный документ, письмо канцлера Мопу накануне назначения Террэ. «Г-н аббат, — писал он, — пост главы финансового ведомства пустует; это хорошее место, где можно заработать большие деньги; я хочу, чтобы его дали тебе»[1]. По глубоко обоснованному убеждению и современников, и таких серьезных, компетентных исследователей эпохи Тюрго, как Г. Е. Афанасьев и Фонсен[2], аббат Террэ полностью воспользовался этим советом Мопу, и прежде всего как раз в области хлебной торговли. Эдгар Фор склонен даже видеть в этой политике Террэ «dirigisme planifié», стремление к плановому хозяйственному руководству. Однако Г. Е. Афанасьев, в течение ряда лет работавший во французских архивах, пришел к совершенно противоположной оценке деятельности Террэ. Он писал о «геркулесовых столбах безобразия», до которых дошло «управление аббата Террэ»[3]. Такого же мнения был и другой серьезный исследователь — Фонсен. Мы никак не можем поэтому согласиться с той оценкой, которую дает Э. Фор политике Террэ, как «глубоко последовательной и даже замечательной», «наиболее разумной и наиболее действенной». Нам представляется, что благодаря Террэ привилегированные агенты правительства и скупщики просто следовали именно «рутинной» политике регламентации и, нимало не смущаясь, использовали затруднения, вызванные плохим урожаем 1771/72 г., в своих личных, корыстных целях.

Очень сильной стороной исследования Э. Фора является опровержение легенды о существовании в конце царствования Людовика XV так называемого «пакта голодовки» (pacte de famine) — создании при содействии правительства кампании, которая должна была вызвать голод и повышение цен на хлеб в корыстных целях.

Эдгар Фор вполне убедительно показал, что «пакт голодовки» — это миф, возникший в болезненном воображении Прево де Бомона, просидевшего двадцать два года в Бастилии за попытку изобличения этого мнимого «пакта».

В этом вопросе аргументация Э. Фора безупречна, сложнее обстоит с вопросом о происхождении «Мучной войны». Сам Тюрго, его друзья и единомышленники, Кондорсе, Дюпон де Немур, Вольтер, считали с первого же дня все эти волнения результатом «заговора» противников Тюрго. Долгое время эту

1 Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 278.

2 См.: Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго; Foncin E. Essai sur le ministère de Turgot. Paris, 1877.

3 Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке, с. 315.

версию поддерживали и историки. Однако в новейших исследованиях советского ученого В. С. Люблинского и прогрессивного английского историка Д. Рюде[1] была высказана противоположная точка зрения, что «Мучная война» была стихийным, массовым народным движением. Такого же типа продовольственные волнения Франция знала и раньше и позже — достаточно напомнить октябрьские дни 1789 г. Эдгар Фор полностью разделяет эту точку зрения, и в этом он, конечно, совершенно прав.

Остается, однако, вопрос, до конца не выясненный. «Мучная война» была в основном стихийным народным движением, но не пытались ли ее использовать и враги Тюрго, стремившиеся добиться его отстранения? Эту точку зрения отстаивал Г. Е. Афанасьев[2]. Он тоже считал «Мучную войну» «прообразом путешествий парижан в Версаль» в октябре 1789 г. Но вместе с тем он, как и Фонсен, полагал, что в этом движении играли роль и «люди, заинтересованные в хлебных операциях правительства», все задетые «прекращением правительственной хлебной торговли... Это подозрение остается в силе»[3]. «Мучная война»... — по его мнению, — была чудовищным соединением противоположных элементов: агенты и жертвы «Pacte de famine» подали друг другу руки; страсти народные смешались с побуждениями самыми ретроградными»[4]. Это предположение, что весенние события 1775 г. были не только стихийным движением, но в какой-то мере и «реакцией монополистов против новой системы хлебной торговли»[5], как нам кажется, полностью отбрасывать не следует.

Нам хотелось бы остановиться еще на одном важном вопросе, затрагиваемом в книге. Хотя Э. Фор нигде это прямо не говорит, но вся его книга, целый ряд осторожно сформулированных положений позволяют предположить, что, по его мнению, успех реформ Тюрго мог бы предотвратить «великую

1 См.: Люблинский В. С. Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже. — «Вопросы истории», 1955, № 11; его же. Вольтер и «Мучная война». — В сб.: «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957; Rudé G. La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne. — «Annales historiques de la Révolution française», 1956, № 143. Фор считает эту статью «наиболее важной и наиболее обоснованной».

2 О Г. Е. Афанасьеве, который из-за «неблагонадежности» не был допущен к профессорской деятельности и стал управляющим отделением Государственного банка, см.: Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. II. Л., 1931, с. 2—6. См. также: Кареев Н. Историки Французской революции, т. 3. Л., 1925, с. 168.

3 Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли..., с. 334—335.

4 Афанасьев Г. Е. Главные моменты..., с. 88.

5 Там же.

бурю» 1789 г. «Мучительные уступки, жертвы... могут сэкономить великие бедствия», «коренные реформы могут предотвратить революцию» — эта мысль проскальзывает на многих страницах книги. Но могли ли реформы Тюрго в самом деле сыграть такую роль? Не будь 12 мая 1776 г., не пошла ли бы история Франции другими путями? Крупнейший современный историк Французской революции Альбер Собуль оспаривает это предположение.

Конечно, теоретически возможность успешного «переворота сверху», который предотвращает, «экономит» революцию, никогда не отрицалась — ее признавал В. И. Ленин. В годы после поражения первой русской революции не только меньшевики-«ликвидаторы», но и такие прекрасные большевики, как И. И. Скворцов-Степанов, считали, что проведение столыпинской реформы исключает возможность нового подъема буржуазно-демократической революции, что развитие России уже идет по «прусскому пути» и Столыпину суждена роль Бисмарка. Ленин внимательно и терпеливо разъяснял ошибочность такого сравнения. «Я не отрицаю возможности «прусского» пути, — писал он в декабре 1909 г. Скворцову-Степанову, — я признаю.., что политика Столыпина делает *еще* шаг вперед по «прусскому» пути, и что на этом пути на известной ступени *может* наступить диалектический перелом, *снимающий* с очереди все надежды и виды на «американский» путь. Но я утверждаю, что *сейчас* этот перелом, *наверное*, еще не наступил». И Ленин с исключительной ясностью объяснил все различие исторической ситуации: «...чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а *национальным* вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития *является* именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос»[1].

Эти мысли В. И. Ленина целиком применимы к Франции XVIII в. Царская Россия в конце XIX — начале XX в. располагала двумя крупными реформаторами — С. Ю. Витте и П. А. Столыпиным. Конечно, в отличие от Тюрго они были — особенно Столыпин — консерваторами, прагматиками, а не теоретиками и вовсе не обладали его высокими нравственными качествами. Но и они понимали необходимость устранения некоторых помех, мешавших капиталистическому развитию России. Если бы и не прозвучал в 1911 г. выстрел Богрова в Ки-

Государственная публичная

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 226, 229.

евском оперном театре, «12 мая» П. А. Столыпина все равно было уже предрешено. Так же как Витте и Столыпин не могли спасти Романовых, Тюрго не мог спасти Бурбонов. «Национальным» вопросом утверждения во Франции буржуазного развития был аграрный вопрос, но добиться его разрешения Тюрго никак не мог. Даже проведение в жизнь таких важных, но сравнительно второстепенных буржуазных реформ, как отмена регламентации хлебной торговли, ликвидация цехов и уничтожение дорожной повинности, натолкнулось на беспощадное сопротивление монархии, парламентской аристократии, верхушки финансистов и т. д. Тем более монархия добровольно ни за что не пошла бы на слом всей системы феодально-сеньориальных отношений, на безвыкупную их ликвидацию. «Собственность без каких-либо исключений,— заявил Людовик XVI на заседании Генеральных штатов 23 июня 1789 г., — должна постоянно уважаться, и Его Величество понимает под собственностью десятину, чинш, ренту, феодальные и сеньориальные права и обязанности и вообще все права и преимущества, полезные или почетные, как связанные с землями и фьефами, так и личные»[1]. Сломить эту стену Тюрго было не под силу. Ведь даже брошюра Бонсерфа, человека, близкого к окружению Тюрго, содержавшая сравнительно скромную критику феодальных прав, была подвергнута парламентом в 1775 г. публичному сожжению, и это тогда, когда Тюрго стоял еще у власти. Даже полумеры 4 августа 1789 г. не могли спасти Францию от 1793 г. «Сэкономить» революцию Тюрго не было дано!

* * *

В связи с разбором книги «Опала Тюрго» мы оборвали изложение биографии Эдгара Фора на 1962 г. «Перерыв» в его политической деятельности оказался хотя продолжительным, но далеко не окончательным. Шарль де Голль его не забывал, и, когда в 1963 г. возник вопрос о поездке в Китай в связи с намечавшимся его признанием, де Голль поручил эту миссию Эдгару Фору. Четыре года спустя он призвал его и в состав правительства, поручив ведомство сельского хозяйства. Но на этом посту Фор задержался не надолго. В мае 1968 г. голлевская Франция пережила серьезнейшее испытание: крупнейшую в истории страны многомиллионную стачку пролетариата и невиданное по размаху студенческое движение. Реформа высшей школы, структура которой почти не менялась с наполеоновских времен, стала неизбежной. И в поисках кандидата на труднейший пост министра, который должен будет проводить

1 Séance tenue par le Roi aux États Généraux le 23 juin 1789. — Déclaration des intentions du Roi. Paris, p. XII.

эту болезненную реформу, де Голль остановил свой выбор на Эдгаре Форе.

Пожалуй, это был ответственнейший момент во всей политической биографии Фора. Но он длился недолго — меньше года. В апреле 1969 г. де Голль потерпел поражение на референдуме. Он ответил немедленной отставкой — «жест, не лишенный величия», как сказал Морис Торез после первой отставки де Голля, в 1946 г. Новый президент Ж. Помпиду не прибег к услугам Э. Фора.

Наступил второй перерыв в государственной деятельности Фора. Он продолжался три года, и в это время Э. Фор, продумав уроки майского кризиса 1968 г., возглавил движение за «новый Общественный договор». Тень Жан-Жака снова встала над Францией.

В 1972 г. Ж. Помпиду призвал Фора к власти. Не без некоторых колебаний он принял предложенный ему портфель министра труда и социальных дел. Найдет ли в самом деле «Общественный договор» практическое применение? Но планам «одинокого мечтателя» никогда не суждено было сбываться. Ж. Помпиду неожиданно скончался, и в новом кабинете для Эдгара Фора не нашлось места. Все же после перевыборов Национального собрания Э. Фор в качестве председателя собрания стал четвертым человеком в стране. Он покинул этот пост только в 1978 г. В эти годы или в «перерыве» между 1969 и 1972 гг. он написал и свой второй исторический труд — о Дж. Лоу[1].

Как видим, политическая биография Эдгара Фора достаточно сложна. Но какие бы перипетии ни переживал этот видный деятель Франции, в одном отношении он оставался неизменно верен себе и постоянен. С того момента как Фор, движимый живейшим интересом к России и Октябрьской революции, изучил русский язык, и буквально до самых последних дней он остается твердым сторонником франко-советского сближения, дружбы наших народов — и в этом он не отступает ни на шаг. С 1977 г. он возглавляет группу франко-советской дружбы в Национальном собрании. Советские люди давно знают и высоко ценят Эдгара Фора как своего друга, пусть же они узнают и оценят его и как талантливого, яркого, вдумчивого историка.

В. М. Далин

1 Faure E. La banqueroute de Low. 17 juillet 1720. Ed. Gallimard. Paris, 1977.

От автора

Министерский опыт Тюрго представляет собой прежде всего опыт экономической политики и потому является исключением в истории Франции. В наши дни министров финансов часто упрекают в том, что они более финансисты, чем экономисты, либо по склонности, либо часто по необходимости. Тюрго же, напротив, больше экономист, чем финансист, и можно сказать, что это одновременно и по склонности, и по возможности, ибо в течение двадцати месяцев его управления положение государственных финансов не доставляло ему особых хлопот.

Разумеется, генеральный контролер не оставляет без внимания бюджет, налоги, кредит и вообще все чисто финансовые проблемы, но он рассматривает их с точки зрения всей экономики в целом: оздоровление бюджета, фискальную реформу, восстановление государственного кредита он рассматривает как средства для достижения основной цели — экономической экспансии. В этой экономической экспансии развитие сельского хозяйства играет не исключительную, но основную роль, а в развитии сельского хозяйства также не исключительную, но основную роль играет зерновой сектор. Именно в сфере экономических проблем Тюрго будет вести свою игру и проиграет ее без всякого финансового кризиса. Она будет проиграна им в два приема: сначала — и более чем наполовину — во время «Мучной войны» в мае 1775 г., а затем, после шести эдиктов,

в марте 1776 г. Между тем Тюрго вышел победителем из обоих испытаний; но это оказалась пиррова победа. После второго испытания министр уже явно обречен, малейший промах может его погубить, но уже после первого испытания самый опыт его можно считать провалившимся.

Таким образом, этот двадцатимесячный период, которым началось царствование Людовика XVI и который в силу самого этого факта мог стать решающим, тем более если учесть стремление нового министра к реформам и, так сказать, к *планированию,* можно изобразить в виде параболы, вершиной которой стала «Мучная война». До этого времени кривая поднимается вверх. Оппозиция, несомненно, существует, но разрозненная, нерешительная, это, скорее, недоверие и антипатия в клане церковников, в партии шуазелистов, в парламентской касте, среди привилегированных и генеральных откупщиков. Но просвещенная часть общества одобряет эксперимент, и общественное мнение настроено в пользу министра. Тюрго пользуется доверием короля, и сама королева очень милостива к нему. Как мы увидим далее, было бы серьезной ошибкой полагать, что во время министерства Тюрго то и дело возникали конфликты между суровым министром и легкомысленной и расточительной королевой. «Ей нравился г-н Тюрго, и она продолжала уважать его, даже когда он ей разонравился», — замечает аббат де Вери[1]. За кулисами ощущается таинственная поддержка, оказываемая министру. «У меня есть важные соображения по поводу преобладающего влияния, которое приобретает генеральный контролер», — пишет Марии Терезии посол Мерси-Аржанто. В то же время — и, быть может, вследствие этих обстоятельств — Тюрго действует осторожно и очень ловко не только в рамках своих прямых обязанностей, но и в личных отношениях и в делах общей политики. Каждый из его рассчитанных шагов ведет его вперед по заранее намеченному пути. Все как будто предвещает ему долгое и плодотворное министерство.

После майских беспорядков 1775 г. кривая как будто сначала замирает в нерешительности, затем отклоняется, изгибается и, все ускоряя свое движение, падает вертикально вниз. Сегодня нам кажется, что проницательный наблюдатель мог бы легко угадать этот поворот судьбы. Тюрго, несомненно, выиграл: он сохранил доверие короля, он справился с мятежом. Но это не успех министра финансов, это успех министра внутренних дел, настолько явный, что можно предположить, что Тюрго мог бы стать находкой для старого порядка не столько благодаря своим экономическим реформам, сколько из-за реши-

1 Véri. Journal, т. I, p. 13. «Я видел, как она восхищалась Тюрго, однако с нее же начались и нападки на него». (Ibid., p. 417.)

тельности характера[1]. Но его будут не столько хвалить за то, что он восстановил порядок благодаря своей решительности, сколько ругать за то, что он нарушил его своей политикой. Post hoc, ergo propter hoc*. Если недовольство следует за реформой, разве не ясно, что она была его причиной?

Во всяком случае, все ее осуждают.

Не содержит ли в себе такой упрощенный взгляд на вещи некоторую долю правды? Застывшая традиционная регламентация, полицейская рутина и то, что можно назвать «деламаризмом»[2], столь легко объявлявшиеся абсурдными и вредными, не отвечают ли они глубокой мудрости инстинкта самосохранения? Разве было бы так уже безрассудно пожертвовать даже здравым смыслом ради «прожорливого эгоизма столицы», ради спокойствия парижан, ради хотя бы психологического умиротворения простонародья больших центров? Извечная драма и неразрешимая проблема дряхлеющих режимов. Во время крушения основополагающих структур, оседания главных опор для них наихудшая политика та, которая *вносит беспорядок*. Обреченный организм, кажется, легче переносит агонию, чем потрясение. Неподвижность не может уберечь от неизбежного конца, но самое благотворное воздействие как будто его ускоряет. Вот почему на реформаторов всегда будут возлагать долю ответственности за катастрофы, которые, однако, они одни имели шанс, хотя и очень слабый, предотвратить.

Если Тюрго потерял отчасти поддержку общественного мнения, то он, по-видимому, потерял и поддержку Людовика XVI, а это гораздо серьезнее. Король последовал за ним, но он сомневался, и эти сомнения не забылись. Король на время преодолел нерешительность и лень, свойственные его характеру, но он не мог не затаить глухое недовольство тем, кто принудил его сделать это усилие, навязал эту работу и заставил, хотя и к его же пользе, насиловать свою натуру. Наконец, разные обстоятельства эпизодической истории, маневры кланов и распри между отдельными лицами в скором времени вызовут ссору Тюрго с королевой. Однако именно ослабление положения министра, несомненно, послужило одной из причин, или по меньшей мере одним из условий, самого разрыва, ибо этот разрыв указал на него как на цель для стратегии интриганов, а ответные действия Тюрго были плохо рассчитаны, чтобы предотвратить или даже замедлить этот разрыв.

1 Schumpeter. History of economical analysis. New York, 1954, p. 247.

* После этого — следовательно, вследствие этого (лат.). — Прим. ред.

2 Деламаризм от имени Деламара, который в своем «Трактате о парижской полиции» («Traité de la Police de Paris») предстает заядлым доктринером, сторонником регламентированной экономики.

К тому же, по мере того как влияние Тюрго слабеет, параллельно, с точностью часового механизма уменьшается его осмотрительность, его ловкость и хладнокровие. Преодоление кризиса сдвинуло его планы. Желая наверстать упущенное время, вернуть утраченный авторитет, он идет на риск и еще больше теряет и то и другое. Это бег от опалы, который ведет прямо к ней. По мере того как его противники все сильнее чувствуют нависшую над ними угрозу, они становятся решительней и объединяются. Встречая более твердое сопротивление, Тюрго решается на более резкое нападение. Он перегружает свой «поезд» реформами в ту минуту, когда направляет его на шаткий мост. Он бросает в атаку шесть эдиктов, его «помешательство на общественном благе», которое осуждают даже его друзья, не что иное, как спешка, это и вправду безумное усилие провести как можно скорее и как можно полнее свою программу, освободиться от своего творения, чтобы не увлечь его за собой в своем падении. На этот раз он еще одерживает победу. Эдикты выходят в свет. Но Мальзерб отступается, Вери удаляется, Морепа предает, и мы видим Тюрго, покинутого на поле боя, подобно некоему королю Ричарду, который — о насмешка судьбы! — как будто одержал победу, но даже ценой своего королевства не может раздобыть себе коня.

Итак, два периода правления Тюрго представляются нам весьма различными не только по противоположному характеру своего динамизма, но и по условиям и методам министерской деятельности. В первом периоде преобладают специальные, технические проблемы, министр ведет себя как ловкий и дальновидный политик, он контролирует или сдерживает опасные склонности своего характера. Во втором периоде, напротив, на передний план выступают вопросы личных взаимоотношений, внутренняя и даже внешняя политика переплетаются с вопросами управления и реформами, а Тюрго, перестав сдерживаться, прибегает к грубой тактике, которая, подчеркивая присущую ему порой склонность к резкости и прямолинейности, будет содействовать созданию определенного образа этого человека в глазах его современников и в представлении потомков.

В последние недели неловкость министра становится чуть ли не вызывающей и почти что неприличной. В крупных политических провалах почти всегда есть что-то напоминающее самоубийство.

Часть первая НАДЕЖДА

Глава I Шантлу и Поншартрен

Долгое царствование кончается порой недовольством и несправедливостью народа. Изгнание старых парламентов, установление парламента Мопу, частичное банкротство, устроенное аббатом Террэ, взимание прежних налогов и рост государственного долга, расточительство фаворитов короля, возвышение нескольких фавориток, и особенно последней, привело к тому, что народ ожидал многих благ от нового правления и сурово осуждал прежнее.

Моррелле. *Мемуары*

Людовик XV после смерти, настигшей его 10 мая 1774 г., на шестидесятом году царствования, оставил своему внуку дофину Людовику Огюсту вместе с самокритичной исповедью в своем завещании («Я плохо правил страной и плохо распоряжался, что объясняется моей бесталанностью и плохими помощниками») и «богатством» в 50 тыс. ливров в своей личной шкатулке[1] (вместо ожидаемых 400 млн.!) также бремя правления самым многочисленным и к тому же самым недовольным народом во всей Европе.

1 Мария Терезия, австрийская императрица, тревожится о знаменитой шкатулке короля, которую называют «дразнилкой» (la chatouille), и говорит о 40 млн. франков. Граф де Крейц, шведский посланник, доходит до 360 млн. и всерьез сообщает своему двору: «Если это так, то могущество Франции станет грозным для всех ее врагов». Аббат де Вери настроен более скептически, однако он все же верит в существование 12—15 млн. Когда были сняты печати, в шкатулке с трудом насчитали 50 тыс. франков. Однако король доверил герцогу д'Эгийону 2 млн. ливров в ценных бумагах, которые тот вернул и получил 500 тыс. ливров, когда уходил в отставку (см. далее). Наконец, по словам г-жи Кампан, король имел вклады в финансовых компаниях, и Людовик XVI подарил их своему первому камердинеру — Тьерри де Вилль-д'Авре. (См.: Mme Campan. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. Paris, 1822, t. II, p. 108.) Это указание как будто относится к участию в прибылях откупов. (См.: Mercy-Argenteau. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Paris, 1874, t. II, p. 128, 181 et 182; Véri. Op. cit., t. I, p. 108.)

Можно ли еще спасти монархический строй во Франции? Имеет ли еще шансы на успех энергичная консервативная политика? Не пришло ли время для систематического проведения либеральной политики?

Сегодня нам кажется, что в начале этого решающего правления обстоятельства, благоприятствующие ему, и обстоятельства враждебные довольно хорошо компенсировали друг друга, так что возможности и риск находились как бы в равновесии.

«Этот двор и эта монархия в целом, — отмечает Мерси-Аржанто, — представляют собой очень пеструю картину добра и зла».

Несомненно, непопулярность покойного короля была так велика, что поколебала доверие к самим институтам. Но об этом трудно судить, ибо все озарено новой вспышкой неистребимых монархических чувств.

Уже распространяются новые слова: «равенство», «республика» — об этом свидетельствует аббат де Вери[1], — но они не затмевают старый культ. В эти дни тонкая разница, которая постоянно существует между *режимом* и *системой*, еще не исчезла. Монархия еще может отказаться от устаревших *дурных привычек*. От Людовика XVI ждут *обновления*. Окружающее его благорасположение облегчит ему все начинания. Но это опасная поддержка, ибо все, что возбуждает надежду, усиливает нетерпение и очень быстро порождает разочарование.

Молодой король получает бедное государство в богатой стране. И это положение не единичный случай в истории Франции. Финансы изрядно расстроены, но они и раньше были в таком состоянии и будут расстроены еще гораздо больше. И затем, где это видано, чтобы строй развалился из-за чисто бюджетных и фискальных причин? Экономика полнокровна, в ней заметны признаки процветания и даже — под влиянием английской промышленной революции — зачатки того, что мы теперь назвали бы «экспансией».

Есть много злоупотреблений, но также и много ресурсов, не считая, как говорит Мария Терезия, тех ресурсов, которые как раз и состоят в устранении злоупотреблений. И наконец, самое главное: царит мир, а в мирное время в этой стране можно всего достигнуть.

В наши дни легко заметить — а многие понимали это уже и в то время, — что для той эпохи характерна неудержимая эволюция идей и интересов. Подобный напор должен был привести либо к насильственному свержению монархии, либо к целой

1 «Идеи равенства и республики подспудно бродят в умах». (Véri. Op. cit., t. I, p. 238.) Эта запись сделана в следующем году (июнь 1775 г.).

системе мирных преобразований. Таков разрыв между революцией и реформами.

Однако это объяснение, хотя, конечно, и не ошибочное, было бы неполным. Глубоким пороком старого порядка в конце XVIII в. была *противоречивость его динамизма.* Когда существует единое, постоянное движение в определенном направлении, можно на выбор противодействовать ему, уступить, затормозить его, отклонить в сторону или плыть по течению. Но здесь мы видим ряд противоречивых движений.

В свете новых идей открылась высокомерная несправедливость привилегий: дело не в том, что они существуют или что их даже защищают с глупым упорством, — это в порядке вещей; дело в том, что они обретают новый динамизм, они отвоевывают потерянные позиции и захватывают новые.

В области экономики, что кажется нам еще более важным, общее процветание сопровождается обратным явлением — сокращением покупательной способности; соотношение между реальной заработной платой (во всяком случае, для самых низкооплачиваемых) и ценами нарушается. Рост национального богатства делает бедняков еще беднее. Решение такой проблемы не вошло в поле зрения истории анекдотической и даже истории, изучающей явления (histoire phénoménale). Надо было вновь сочленить части разлаженного механизма. Подобная задача требует именно такого рода таланта, каким в полной мере обладал Тюрго, подготовленный к ней долгим и плодотворным опытом административной и теоретической работы и опиравшийся на анализ экономических явлений, не вполне верный, конечно, но такой верный, какой можно было сделать средствами того времени, и нашедший свое лучшее выражение в его изречении: «Предвидеть настоящее»[1].

«Весь двор, — пишет князь де Монбарэ, — ждал со страхом и трепетом, какое решение примет Людовик XVI, а в это время, быть может, молодой король был самым растерянным человеком во всем королевстве, как впоследствии стал самым несчастным...»[2]

Эта растерянность объяснялась как характером короля, так и создавшейся обстановкой. По выражению аббата де Вери, Людовик XVI «в свои двадцать лет — это король-ребенок, у которого до сих пор не обнаружилось ни одной черты, говорящей о его способности управлять». Это самая осторожная оценка, какую только можно было ему дать. «При его грубова-

1 «Таким образом, мы всегда узнаем о событиях слишком поздно, а политике необходимо, так сказать, предвидеть настоящее».
2 Prince de Montbarey. Mémoires. Paris, 1826—1827, t. II, p. 91.

той внешности, — отмечает Мерси-Аржанто, — он склонен к откровенности, не лишен характера, соблюдает правила нравственности и готов делать добро в пределах своих возможностей». Это самая оптимистическая оценка.

С ранних лет он остался сиротой, потеряв отца, бывшего единственной его привязанностью; его воспитывал ненавистный наставник, которого он не уважал; братья ему завидовали и кичились своим превосходством; он был одинок среди враждебного ему и развращенного двора; вот уже четыре года, как он был женат на юной девушке, мужем которой еще не стал до сих пор; тихое прибежище и душевное тепло он находил лишь в кругу трех старых дев, трех святош и сплетниц — своих теток[1]. Всего этого было более чем достаточно, чтобы у того, кто оказался на вершине власти, зародилось чувство, которое в ту пору еще не называли «комплексом неполноценности».

Каковы бы ни были пробелы в его воспитании и в его образовании, Людовик XVI был, несомненно, осведомлен о том, что думали о его деде и чего ждали от него самого.

Во всяком случае, ему надо было править страной. Что он будет делать? С чего начнет?

Первым делом ему следовало бы посоветоваться с правящими министрами. Но они посещали покойного короля во время его болезни и находились теперь в своего рода карантине, правда всего на девять дней. Людовику XVI удалось повидать только генерал-лейтенанта полиции* Сартина, и то лишь на несколько минут.

К тому же новый король должен был прежде всего решить основной вопрос: каким именно будет состав правительства. Следовало ли оставить министров на их постах или сместить, а может, часть оставить, а остальных сместить?

В пользу смещения министров был один веский довод — их исключительная непопулярность. В пользу сохранения — их знание текущих дел и большая компетентность. Сверх этих уравновешивающих друг друга соображений было еще одно, и оно лишь увеличивало замешательство: проблема замены.

За неимением первого министра главную роль в правительстве играл герцог д'Эгийон, который совмещал функции министра иностранных дел и военного министра. Другими государственными мужами были канцлер Мопу, хранитель печати (министр юстиции), и аббат Террэ, генеральный контролер

1 Мадам Виктория, Мадам София и Мадам Аделаида. Четвертая — Луиза — была кармелиткой, но не жила вдали от света, чего как будто требует этот сан. [Мадам — титул дочерей и невесток французских королей. — Прим. ред.]

* Генерал-лейтенант полиции — высшее должностное лицо, возглавлявшее полицию в Париже и в крупных городах Франции. Пост, учрежденный при Людовике XIV. — Прим. ред.

финансов. Их коллеги Бертен, герцог де Ла Врийер (Лаврийер), де Буан, более или менее ненавидимые и презираемые, играли лишь второстепенные роли в управлении государством и вызывали меньшее общественное недовольство.

На этом «триумвирате» [д'Эгийон, Мопу, Террэ], по выражению президента [парламента] де Бросса, сосредоточилась всеобщая ненависть, с некоторым оттенком почтительности. На него возлагали ответственность за все пороки и все несообразности «системы», хотя эти люди не были ее создателями и, наверно, не были в душе ее приверженцами.

Прежде всего, их упрекали в том, что они ставленники и сообщники фаворитки короля, графини Дюбарри (Дю Барри), о чем свидетельствует то, что Безанваль говорит о партии «барристов» или «эгийонистов», считая эти названия синонимами[1].

Им предъявляли также и менее обоснованные упреки. Их осуждали за меры, принятые по долгу службы, которые были совершенно необходимы или служили общим интересам и являлись техническими, даже политическими, удачами.

Эти три человека имели общие черты, сказывавшиеся даже в их внешнем облике. Мы видим их как бы написанными в темных тонах, при скудном свете, как на картине де Латура Вот герцог д'Эгийон — «с желтым лицом», «характер сухой и склонный к шпионству», по словам аббата де Вери, который, однако, к нему скорее благоволил. Канцлер Мопу — «маленький чернявый человечек с кустистыми бровями», тоже с желчным лицом и большими глазами навыкате[2], «самая отталкивающая физиономия, на которую можно только плюнуть». Аббат Террэ был, напротив, высокого роста, но сутулый и краснолицый, «зловещий и страшный, с мрачным лицом и блуждающим взглядом». «Вот аббат засмеялся. Разве с кем-нибудь случилось несчастье?»[3].

Ни один из них не способен радоваться жизни, раскрыть кому-нибудь душу, испытывать человеческую привязанность. Зато все трое неутомимые труженики; они обладают бесценным опытом работы в ведомствах, которыми управляют с давних пор, — устойчивость министерств великое благо для всех

1 См. Besenval P-V Mémoires Paris, an XIII—1805, t I p 291. Говорили, что герцог д'Эгийон состоит в настоящей связи с фавориткой. «Г-н д'Эгийон окончательно покорил г-жу Дюбарри с помощью средства, сражающего женщин без промаха, вы меня понимаете» (Ibid, p 368) По словам Монтийона, г-жа Дюбарри позволила себе также небольшую прихоть с канцлером Мопу (Ibid, p. 152) Ничего подобного не говорили о Террэ, хотя он и слыл распутником

2 См Maupeou La famille Maupeou, p 83

3 Montyon A Particularités et observations sur les ministres des finances de France Paris, 1812, p 155

режимов; они предельно дисциплинированны и беспощадно точны.

Герцог д'Эгийон в ущерб национальной гордости и собственному престижу избежал войны. Аббат Террэ, жертвуя общественным доверием и собственной репутацией, не допустил финансовой катастрофы. Канцлер Мопу, заслужив ненависть целого класса — своего собственного,— разоружил парламентскую фронду. История признала заслуги их правления, и многие авторы допускают, что последнее правительство Людовика XV продлило жизнь старому порядку на двадцать лет[1]. И даже сам Людовик XVI успел оценить их заслуги, прежде чем решился отказаться от них. Говоря о д'Эгийоне или Террэ, он не раз повторял: «Я знаю, что он хорошо делает свое дело, но...»

Несмотря на эти соображения, три министра были уже обречены и должны были в более или менее скором времени уйти из правительства: д'Эгийон вследствие его слишком широко известных связей с г-жой Дюбарри, одно имя которой было для короля, а еще больше для Марии Антуанетты напоминанием об унижении и символом всякой мерзости; Мопу, потому что не пользовался личной симпатией Людовика XVI; Террэ из-за своей репутации бесчестного человека.

Однако нельзя было думать об их смещении, не подготовив им замены. И здесь вопрос о лицах осложнялся вопросом о партиях.

Если была одна партия у власти, то была и другая, в оппозиции.

Главой ее был герцог де Шуазель, предшественник герцога д'Эгийона на обоих его постах, человек, возглавлявший правительство Франции в течение более двенадцати лет (с 1757 по 1770 г.) и жаждавший вернуться к государственным делам.

Легкомысленный и фривольный в частной жизни до бесстыдства, искушенный в плетении интриг до цинизма, он соединял выдающиеся способности государственного деятеля с блеском главы партии и благодаря такому сочетанию властвовал в политической жизни своего времени. Его аморальность в любовных и политических делах, которые за время его карьеры сплелись в неразрывный клубок, не помешала ему в отличие от многих его соперников иметь собственную серьезную точку зрения на политические задачи. Вольнодумец и либерал — поклонник английской системы, — он, кажется, никогда не был горячим приверженцем проекта государственных реформ, хотя и признавал их необходимость. Излюбленной его областью была

1 «Не будь Террэ, старый порядок, несомненно, погиб бы тогда же, как он погиб в 1789 г, вследствие своей нежизнеспособности». (Marion. Histoire financière, t. I, p 247)

внешняя политика, где он проявлял требовательность, хотя отнюдь не безрассудную, но и не лишенную национальной гордости и притязаний на «лидерство» Франции. Он оспаривал у Кауница звание первого «кучера Европы»*. Аббат де Вери сурово упрекал его за захват Авиньона и Корсики (мы склонны отнестись более снисходительно к этим проступкам).

Нередко случается, что политические деятели, попав в немилость, сохраняют своих приверженцев. Бывает даже, что они приобретают новых. Шуазель в этом отношении был необыкновенно удачлив.

«Герцог де Шуазель, изгнанный в Шантлу, принимал у себя всю Францию», — писал аббат Морелле в 1773 г., в ту пору, когда еще нельзя было предвидеть скорую смерть Людовика XV. В угоду своему вкусу к пышности и блеску герцог велел построить в своем парке семиэтажную пагоду, на которой были начертаны имена двухсот десяти высокопоставленных персон, посетивших его в изгнании. Эти приверженцы отличались не только своей родовитостью. Главные из них питали, как и он сам, пристрастие к интриге, но они вдобавок привносили в нее упорство, ожесточение и страстность, чуждые характеру Шуазеля, склонного к высокомерной непринужденности и беспечности, чуть окрашенной фатализмом с долей светского стоицизма.

Нельзя сказать с уверенностью, что Шуазель был вдохновителем всех заговоров, которые ему приписывают; а так как ни один из них не удался, ему никогда не представлялось возможности признать свою роль.

А в остальном его сподвижники отличались ограниченными и консервативными взглядами. Частью из убеждений, частью из тактических соображений они постоянно боролись или интриговали против всех реформ. Либеральный начальник реакционного отряда — в каждом веке можно найти подобные примеры.

Эти характерные черты «шуазелизма» имели решающие последствия в первый период нового царствования. Это один из тех моментов, когда второстепенный исторический эпизод вплетается в основной ход истории и может оказать влияние на ее глубинные течения.

В данный момент обстоятельства, казалось, благоприятствовали возвращению Шуазеля, но то было лишь внешнее впечатление. Смерть Людовика XV, изгнание г-жи Дюбарри устраняли основные препятствия на его пути. При изменении режима всегда находится какой-нибудь оставшийся не у дел крупный деятель, но редко их бывает несколько. Ни один из

* Так называла его в насмешку Екатерина II. — Прим. ред.

современников Шуазеля не обладал такими достоинствами, как он: громадным опытом, компетентностью и авторитетом. В изгнании он не только сохранил преданность высшей знати, но приобрел также популярность среди более скромных слоев общества. Его приверженцы были теперь крайне возбуждены, а сторонники выжидательной политики готовились к нему примкнуть. Центральная аллея в Шантлу, казалось, уже слилась с триумфальной дорогой к власти.

Более того, Шуазель был сторонником союза с Австрией, организатором королевского брака. Разве влияние Марии Терезии через Марию Антуанетту не должно было действовать в его пользу? Последнее предположение, как выяснится позже, не имело оснований. У Марии Терезии ум политика. Менее всего она желает возвращения Шуазеля, которого все считают «ее человеком». Ее вполне устраивает противник союза с Австрией, «анти-Шуазель», герцог д'Эгийон, по той простой причине, что она считает его «бесталанным и малоспособным; он не пользуется доверием, и его постоянно изводят разные группировки»[1]; он слишком поглощен собственными неприятностями, чтобы причинять неприятности другим. Она знает, что он не склонен к проведению политики величия Франции. Она оценила его воздержание от участия в разделе Польши. Мария Терезия сохранила некоторую благодарность к Шуазелю и желает конца его изгнания, но отнюдь не водворения на старом месте: «Признаться, я бы его опасалась...»[2]

Что касается Марии Антуанетты, она питала к Шуазелю менее расчетливую симпатию и искренне желала его возвращения. Давление ее окружения еще укрепило это желание. Мы увидим, что она проявила большую изобретательность, чтобы удовлетворить самолюбие Шуазеля, а затем, и в еще большей степени, свое собственное. Мы увидим, как она будет плести искусные и губительные интриги. Однако она, кажется, никогда не собиралась добиваться этого возвращения вопреки воле своей матери и отвращению своего супруга. Ибо именно в этом заключалась суть дела. Людовик XVI очень плохо относился к изгнаннику из Шантлу.

Он не мог простить — и никогда не простил — Шуазелю, что тот резко выступил против его отца, прежнего дофина, во время темной интриги, в которую были замешаны иезуиты[3].

1 Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 15.
2 Ibid., p 15 et 153.
3 Именно тогда Шуазель произнес свою знаменитую фразу: «Мосьё, вы меня покидаете, но я должен еще сказать вам, что, хотя и имею несчастье быть вашим подданным, слугой вашим я никогда не буду». Слова Шуазеля были бы немыслимой дерзостью, если бы дофин уже не повернулся к нему спиной.

После смерти дофина в 1765 г. кое-кто пустил слух, будто он был отравлен по приказу Шуазеля. Такие милые измышления были в ту эпоху своего рода ходячей монетой. Сила страстей — слабость умозаключений. Надо, чтобы смерть была совершенно явно случайной, только тогда она не покажется сколько-нибудь подозрительной. Возможно, Людовик XVI никогда не принимал всерьез выдумку об отравлении. Но он не забыл оскорбления, нанесенного его отцу, и этого было достаточно, чтобы внушить ему непреодолимое предубеждение.

Итак, интрига в пользу Шуазеля с самого начала натолкнулась на неодолимое препятствие, ибо оно объяснялось умонастроением того, от кого зависело решение. Король, которому всегда стоило такого труда составить собственное мнение, уже имел свое мнение на этот счет. Его характер, прославившийся впоследствии своей слабостью, имел на этот раз твердую точку опоры: культ памяти отца.

Теперь мы знаем, что он решил ни в коем случае не возвращать Шуазеля. Поэтому с усилившимся инстинктивным недоверием рассматривал он всякое решение, которое при внешней безобидности могло увлечь его в том направлении, которое он осуждал. Ослабление триумвирата должно было неизбежно склонить чашу весов и усилить партию Шуазеля. Для Людовика XVI это была еще одна причина для колебаний и выжидания.

Сейчас невольно задаешь себе вопрос: каким мог бы быть дальнейший ход событий, если бы «шуазелисты» с самого начала (или хотя бы после первых неудач) поняли, что затея их неосуществима; каких козней, интриг, заговоров можно было бы избежать... и, быть может, опыт Тюрго не потерпел бы провала. Или если бы, наоборот, король был менее злопамятным, Мария Антуанетта — менее малодушной, а Мария Терезия — менее осторожной и коварной? Если бы Шуазель добился успеха?

Он, несомненно, правил бы страной более решительно и с большим блеском, чем всякий другой. Он мог внести в управление государством некоторую долю либерализма, но, конечно, это не был бы конструктивный либерализм. Маловероятно, чтобы экономические и социальные проблемы, требовавшие настоящих реформ, привлекли его внимание. Для этого следовало представить себе возвращение Шуазеля в сочетании с возвышением Тюрго — объединение этих столь разных талантов, так прекрасно дополняющих друг друга. Шуазель, единственный в своем клане, одобрял великие замыслы Тюрго: свободу хлебной торговли, упразднение цеховой ситемы. Однако он не очень ценил Тюрго-человека и уже однажды отвел его кандидатуру на пост министра. Идеальным генеральным контролером финансов, по убеждению Шаузеля, был не Тюрго, а Террэ, о котором он говорил: «На месте короля я сохранил бы его и велел водрузить на его столе кардинальскую шляпу и виселицу. Я уверен, что, оказавшись между ними, он работал бы хорошо». Чувствуется, что он хотел сказать: «А интендантство приложится».

Выдающихся государственных деятелей можно разделить на два противоположных типа (с некоторыми промежуточными оттенками): тип провиденциальный, или макиавеллиевский, карьера деятелей этого типа подвержена великим ударам судьбы, а дух их тяготеет к проблемам могущества — к войне, дипломатии, национальному господству; и другой тип — реалистический и логически мыслящий, склонный к постепенному продвижению, интересующийся экономикой, финансами, динамическими проблемами жизни общества. История показывает, что эти два типа редко встречаются вместе. И никогда друг друга не понимают.

За отсутствием министров у короля оставалась возможность посоветоваться с тетками. Впрочем, они были в том же положении, что и министры, так как посещали короля во время его болезни*. Сначала было решено, что они отправятся в Трианон, где им сделают прививки. Однако им удалось уклониться от этой процедуры, то ли из боязни лечения, то ли из желания использовать первый день неустойчивого положения, чтобы укрепить свое влияние.

Подольстившись к Марии Антуанетте, они получили разрешение присоединиться к молодой королевской чете в ее новой резиденции и водворились в малом дворце Шуази.

Правда, медицина им за это отплатила, и все три серьезно заболели, тогда как министры в карантине чувствовали себя отлично.

Однако тетки короля успели сыграть свою историческую роль. Произошло именно то, что можно было предвидеть. «Не решаясь никому признаться в своей тревоге, августейшая чета бросилась в объятия Мадам Аделаиды, умоляя ее помочь им своими советами»[1]. Об этой сцене, происшедшей 12 мая, через день после смерти Людовика XV, сохранилось множество рассказов, и все они разнятся некоторыми подробностями.

Сейчас невозможно сказать, были ли там все три тетки или только Мадам Аделаида и сопровождала ли Мария Антуанетта своего мужа. Согласно версии, восстановленной де Сегюром на

---

* Людовик XV умер от оспы. — *Прим. ред.*

1 Montbarey. Mémoires, t. II, p. 91.

основании нескольких источников[1], у теток хранился документ, написанный их братом для дофина, в котором были перечислены имена государственных деятелей, достойных, по его мнению, доверия[2]. Если эта версия правильна, подобное указание с того света имело для Людовика XVI решающее значение. В этом списке находился д'Эгийон. Его вычеркнули из-за происшедших тем временем событий. Затем был также отвергнут кардинал-поэт Берни, так как он слыл человеком легкомысленным. Оставались Машо и Морепа, имевшие несколько сходных черт: оба одного возраста (обоим по семьдесят четыре года), оба бывшие министры, оба изгнанники, прожившие многие годы вдали от двора.

Может показаться удивительным, что для обновления политики пришлось выбирать людей среди старейших. Однако на деле это вполне естественно. Только люди, давно отошедшие от дел, имели двойное преимущество: их не коснулось разложение общества в конце царствования и они остались в стороне от борьбы партий.

Поскольку теперь не доверяли ни сегодняшним правителям (д'Эгийон), ни вчерашним (Шуазель), пришлось обратиться к позавчерашним.

Избавиться от призраков «шуазелизма» можно было лишь с помощью сверхпризраков, еще дольше пребывавших в опале.

По рассказу г-жи Кампан, ссылавшейся на личные воспоминания своего мужа (но оспариваему Ожаром[3]), Людовик XVI сначала остановил свой выбор на Машо, который, будучи ранее генеральным контролером финансов, собирался провести реформы и проявил твердый характер; его прозвали «стальной учтивец»[4]. Именно ему король написал своей рукой и в свойственном ему стиле, кстати не лишенном достоинств, знаменитую записку: «Я король... мне всего лишь двадцать лет...»[5].

1 См.: M[ls] de Ségur. Au couchant de la monarchie: Louis XVI et Turgot. Paris, 1910, p. 36 et suiv. Главным источником послужили: Soulavie. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. Paris, 1801, t. II, p. 143; Сулави утверждает, что собрал много доверительных рассказов, но чаще всего они получены не из первых рук.

2 Сулави опубликовал довольно длинный список, с комментариями, якобы принадлежащими дофину. (Soulavie. Op. cit., t. I, p. 282.)

3 См.: Mme Campan. Mémoires, p. 80, 81 et note. «Возможно, этот вопрос обсуждался в покоях теток, но они никогда не обмолвились ни словом своим племянникам: так сказала мне королева и потом повторяла не раз» (Augeard J.-M. Mémoires secrets. Paris, 1866, p. 777.)

4 Вопреки всеобщему мнению Шуазель описывает Машо как «человека неумного, упрямого, тщеславного, сухого и чопорного, обладающего маленькой головкой». (Mémoires, p. 139.)

5 Вери, который всегда заслуживает доверия, говорит по этому поводу: «Это письмо король написал самолично, хотя в обществе долго уверяли, будто оно написано под чужим влиянием и было следствием интриги». (Véri. Op. cit., t. I, p. 94.)

Интрига, состряпанная в последнюю минуту, заменила намеченную кандидатуру. То ли под влиянием графини де Нарбонн, хлопотавшей в интересах графа д'Эгийона (он доводился племянником жене Морепа)[1], то ли под влиянием бывшего наставника короля аббата Радонвилье[2], выразившего недоверие духовенства к Машо (который хотел обложить духовенство двадцатиной), но Мадам Аделаида повела на короля молниеносную атаку и одержала победу. Послание, уже отправленное с курьером, было возвращено. В нем следовало только исправить адрес и заменить имя Машо на Морепа[3].

Какова бы ни была легенда и ее подробности, одно несомненно: Мадам Аделаида, чей здравый смысл не был, по-видимому, ее главным достоинством, и молодой король при всем своем неведении и наивности приняли очень тонкое политическое решение. Назначение своего рода министра-советника, выбранного среди «не втянутых в схватку» лиц, позволило как бы «оттянуть» кризис. Воздерживаясь от смещения существующего министерства, его в то же время и не утверждали.

Если исходить из такого принципа, то выбор этого человека прекрасно отвечал поставленной задаче.

С тех пор не раз говорили, что Машо был бы более подходящим человеком, чем Морепа. Был ли случай с потерянной шпорой роковым для монархии? На это, конечно, невозможно ответить. В свете начинающегося царствования Морепа можно было считать наилучшим кандидатом. Он был отлучен от власти еще раньше, чем его соперник. «Он видел, как из королевского двора исчезли все лица, на которых он мог бы пожаловаться»[4]. Он не застал там ни врагов, ни заведомых сторонников, что было для него, а еще больше для его хозяина огромным преимуществом.

Машо слыл человеком с твердым характером (потому его и упрекали, что он сменил трудный пост в министерстве финансов на более спокойное место морского министра), но он порой рубил с плеча. Его имя сразу вызывало мысль о важном посте. Морепа, напротив, был сама хитрость. В обстановке, полной ловушек, когда следовало все предвидеть, разве это был не лучший выбор?

Хитрость и слабость, проницательный ум и никакой, или

1 Métra F. Correspondance secrète... Londres, 1787—1790. (15 juillet 1774.)

2 Soulavie. Op. cit., t. II, p. 145—146.

3 Последняя подробность: этот курьер задержался, так как потерял шпору (по устному преданию, сообщенному маркизом де Вогюэ, последним внуком Машо). (Ségur. Op. cit, p. 41.)

4 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 93. Морепа находился в опале с 1740 г., а Машо с 1757 г.

почти никакой, твердости характера — таково обычное суждение о Морепа. Редко случается, чтобы современники или историки между собой или и те и другие вместе так легко сходились в общем мнении. Нам кажется более верным охарактеризовать его следующей формулой: эгоизм плюс ловкость. Он мог бы представиться под девизом, который Франсуа Мориак приписывает одному из своих героев: «Ничего значительного не случается с другими».

Его внешность описывают так: это человек «с довольно обычным, маловыразительным лицом и простыми манерами», наконец, «он ниже самого маленького роста». Как часто бывает с людьми в его положении, особенно когда они выступают на общественном поприще, он старается возместить этот небольшой недостаток заботой о своей внешности и держится с подчеркнутой сухостью и «с важностью, соответствующей его положению»[1]. Он весьма высоко ценил насмешку; его внешняя холодность и чопорность делали, как говорят, его иронию еще более едкой. «Он не был, что называется, злым, — отмечает Безанваль, который его недолюбливал. — От него приходилось терпеть лишь сарказмы да насмешки. Дальше этого дело не шло»[2]. Поэтому многочисленные жертвы его язвительных шуток не таили на него зла, а сам он своим поведением не напоминал им о жестоких стрелах, которыми так метко их разил.

Эта шутливая и ироническая манера была, впрочем, одной из граней живого и острого ума, который делал его непревзойденным мастером вести беседу. Не обладая глубокой культурой, он имел поразительную память. «Голова у него — настоящая энциклопедия», — замечает аббат де Вери[3], который сожалел, что не мог вести записи своих бесед с ним. Он редко ошибался в своих интуитивных оценках людей и событий, но не всегда пытался их отстаивать. Он был восприимчив к идеям, но не доходил до борьбы за них, верен своим чувствам, но не до самопожертвования.

Эти черты Морепа объясняют, почему он с бо́льшим блеском проявил себя в опале, чем будучи у власти: в двух положениях, на которые до тех пор была примерно поровну разделена его сознательная жизнь.

Граф де Морепа принадлежал к знатной семье, давшей стране немало министров. Она гордилась тем, что из нее вышло девять государственных секретарей. Он сам побил на этой должности двойной рекорд: сначала как самый младший, а потом как самый старший по возрасту.

1 Duc de Lévis. Souvenirs et portraits. Paris, 1815, p. 49.
2 Besenval P.-V. Mémoires, p. 39 et 383.
3 Véri. Op cit, t I, p. 4.

В четырнадцать с половиной лет он был назначен государственным секретарем по морским делам вместо своего отца Жерома де Поншартрена, которого заставили уйти в отставку в пользу сына. Сен-Симон подсказал регенту этот изящный способ избавиться от нежелательного сановника[1]. Герцог де Лаврийер взялся управлять ведомством и заниматься образованием молодого министра, который стал его зятем.

Когда Морепа стал самостоятельно выполнять свои обязанности, он воспользовался своим умом и умением забавлять, чтобы понравиться королю, которому докучали министерские дела. Но в остальном, несмотря на хвалебные отзывы Сен-Симона и Шуазеля, из него вышел весьма посредственный министр. Его долгая карьера ничем не ознаменовалась, кроме схваток с фаворитками. И эти столкновения не могли быть неприятны Людовику XVI[2].

Первая такая стычка Морепа произошла с г-жой де Шатору, которую он ненавидел; она отвечала ему тем же и называла «граф Пустозвон» («le comte Faquinet») [3]. Людовик XV в порыве добродетели, вызванной его болезнью в Меце, отставил эту любовницу. Выздоровев и успокоившись, он призвал ее обратно. Графу Морепа было поручено передать ей письмо короля: то ли потому, что это входило в его обязанности как министра, ведавшего парижским департаментом, то ли, что более вероятно, по требованию самой графини, желавшей потешить свое самолюбие[4]. Она решила про себя, что заставит выгнать его в ближайшие дни. Но не успела. Едва получив письмо, или на следующий день, она тяжело заболела и вскоре умерла. Как обычно в ту эпоху, кругом сразу заговорили об отравлении: уж не всыпал ли Морепа в письмо отравленный порошок?

Судя по тому, что было известно о характере министра, никто не принял этого обвинения всерьез. «Не говоря о том, что, благодарение небу, отравление не в наших обычаях, — говорит Безанваль, — оно совсем не вяжется с характером де Морепа, слишком легковесным для подобных поступков»[5].

Морепа не лучше поладил и с маркизой де Помпадур. В этом случае его насмешливый ум не только не послужил ему козырем, но стал причиной его поражения. Он любил слу-

1 См.: Ségur. Op. cit., p. 45 et citations.
2 «Он умел оживить веселой шуткой скучную министерскую работу, все формальности которой должны были неизбежно утомлять короля в том возрасте, когда кипят страсти». (Montbarey. Op. cit, t. I, p. 290.)
3 Sénac de Meilhan. Le Gouvernement, les moeurs et les conditions (портрет Морепа).
4 Choiseul Mémoires Paris, 1904, p. 23.
5 Besenval. Op. cit., t. I, p 39

шать и сам повторял разные пасквили, ходившие про фаворитку. А так как в его обязанности входило их пресекать, то его обвинили как за слишком мягкие меры наказания, так и за соучастие в создании этих виршей. Непосредственной причиной его опалы послужило небольшое стихотворение аббата Бона, друга Тюрго (такова первая, еще очень тонкая связь между двумя будущими министрами Людовика XVI). Тюрго продиктовал по памяти это стихотворение и способствовал его распространению. Что до Морепа, то он был невиновен, во всяком случае на этот раз.

По этому поводу тоже говорили о преступных замыслах. Шутники, а может быть, и враги министра, стремившиеся его погубить, послали, по рассказам, фаворитке взрывающуюся, но безопасную шкатулку. Тогда г-жа де Помпадур вспомнила о смерти г-жи де Шатору[1].

На этот раз министр ушел первым.

Супруги Морепа были сначала высланы за сорок лье от Парижа и выбрали город Бурж, где жил их родственник, кардинал-архиепископ монсеньор де Ларошфуко. Там они подружились с аббатом де Вери, который прибыл в Бурж в одно время с ними, на место старшего викария этого прелата. Они прожили там семь лет, потом обосновались в своей усадьбе в Поншартрене и под конец делили свое время между деревней и Парижем, так как теперь запрет касался только посещения двора.

Положение министра в опале давало Морепа прекрасную возможность развернуть свои разносторонние качества. На этом поприще он сделал блестящую карьеру. Тот, кто, попав в беду, сохраняет жизнерадостность (а он чувствовал себя уязвленным, по его словам, всего лишь один день), благодаря такому контрасту обладает большой притягательной силой. Люди любят соболезновать, не переставая развлекаться. Чета Морепа, имевшая большое состояние[2], принимала с любезной простотой многочисленных родственников и бесчисленных старых и новых друзей. Еще в Бурже считалось хорошим тоном их навещать, и им приходилось порой защищаться от излишнего рвения своих приверженцев. «Летом дом в Поншартрене был всегда переполнен».

Морепа любил говорить, умел слушать, любил советовать и переписываться. Он поддерживал связи не только с администраторами и политическими деятелями, но также с учеными и писателями. «Его кабинет был для этого рода людей как бы судом, одобрения которого они добивались». Стоявшие у власти министры посылали ему памятные записки и советовались с ним. «Ему сообщали обо всем, что происходило при дворе и в самом Париже, будь то бракосочетание или какое-либо важное дело, и спрашивали его мнения»[1].

Г-жа де Морепа с легкостью управляла не только своим домом, но и мужем. Он был всецело под ее влиянием, что объяснялось отнюдь не нежными чувствами, на которые его считали неспособным от природы[2]. Г-жа де Морепа любила играть в карты, в лото, а также, как и ее супруг, любила вести беседы и переписку с друзьями. Она сама находилась под влиянием близких ей людей: своей кузины г-жи де Монбарэ и своего большого друга аббата де Вери. Ее кузен Мироменил, тоже изгнанный из своего парламента, жил под сенью ее милостей.

Изгнание Морепа было совсем непохоже на изгнание Шуазеля. Шуазель в опале остался таким, каким и был, а Морепа обрел новое лицо. Шуазель был по-прежнему лишь крупным вельможей, а супруги Морепа приобрели черты добрых буржуа. Поншартрен отнюдь не Шантлу. В нем не гнездилась интрига. Это собрание умов в четырех лье от Версаля, обитель искренних привязанностей на скрещении провинциальных дорог и порой своего рода Пор-Руаяль* для светских одиночек, чуждых теологии и воздержания.

Здесь застало графа Морепа послание короля от 12 мая 1774 г. По отзывам его друзей, он получил его с великим удивлением и даже с чувством некоторой досады.

Если верить князю Монбарэ, чей рассказ доходит до умиления всем, что касается супругов Морепа, первым движением Филемона и Бавкиды** (как их прозвали) было укрыться от

1 См.: Choiseul. Op. cit., p. 59.

2 По словам аббата де Вери, они имели 120 тыс. ливров годового дохода, что составляет 240 млн. по нашему индексу цен (см. далее). Супруги Морепа всегда проявляли полное бескорыстие.

1 Montbarey. Op. cit, t. I, p. 293, 319.

2 «Если верить молве, между ними никогда не было и даже никогда не могло быть никаких иных связей, кроме привычки и дружеской близости». (Lévis. Op. cit., p. 4.) «В обществе злословили, что его физические силы не соответствовали ни его возрасту, ни его способностям удовлетворять свои желания». (Montbarey. Op. cit., t. I, p. 290.)

* Монастырь, ставший в 30-х годах XVII в. центром янсенизма. С монастырем были тесно связаны крупные философы, ученые, писатели (А. Арно, Б. Паскаль, Ж. Расин и др.). Близок к нему был и Р. Декарт. Члены кружка, группировавшегося вокруг монастыря, приняли активное участие в борьбе с иезуитами. — *Прим. ред.*

** В античной мифологии скромная супружеская чета, приютившая у себя богов Зевса и Гермеса, которые явились к ним в виде путников. Дома соседей Филемона и Бавкиды, отказавшихся принять Зевса и Гермеса, были затоплены разгневанным Зевсом, а хижина супругов превращена в храм, где они стали жрецами. Зевс даровал им также одновременную смерть. Филемон и Бавкида — символ преданно любящей супружеской четы и гостеприимства. — *Прим. ред.*

этого молниеносного возврата королевской милости. Они по опыту знали ее ненадежность. Преклонный возраст, подагра давали им хороший повод для отказа. Пришлось послать второго курьера, на этот раз от Мадам Аделаиды, чтобы их убедить.

Как бы то ни было, стремление к покою ненадолго перевесило его стремление к славе.

На другой день Морепа уже представился королю, который его не знал, да и сам он видел короля всего один раз, и то издали, «в окне», во время случайной (а может быть, и намеренной) прогулки. Он умел очаровывать — и очаровал. Эта первая встреча, длившаяся час с четвертью, произошла в кабинете Мадам Аделаиды: явная уловка показной близости, а главное, новый день триумфа для теток. Это второй триумф, он же будет и последним. После аудиенции у короля и приема у королевы семидесятилетний «coming man» («восходящая звезда») не преминет поговорить и со своими покровительницами. После чего тетки исчезнут с большой политической сцены и уже никогда на нее не вернутся. Оказавшись не у дел, они становятся все более желчными и в конце концов озлобляются. Они появляются лишь на задворках истории, принимая участие в кознях против королевы и заявляя разные денежные претензии. Морепа, хотя он многим им обязан, а вернее, именно по этой причине, в дальнейшем остерегается давать им малейшую возможность оказывать свое влияние. С этой пятницы, 13 мая 1774 г., королю уже было достаточно самого Морепа и Марии Антуанетты, чтобы поверять им свои сомнения.

На этой первой встрече уже, наверно, было решено, что Морепа будет государственным министром; новость эта была официально объявлена через два дня. Король приказал отвести ему небольшие покои над своими апартаментами, с которыми они непосредственно соединялись внутренней лестницей: бывшие покои Дюбарри! Какое торжество для врага фавориток!

По рассказу Шамфора, Морепа ловко «выманил» свой пост. «Король хотел только поговорить с ним», а у Морепа хватило смелости сказать в конце беседы: «Я разовью свои идеи в Совете». Эта забавная версия, соответствующая характеру действующего лица, опровергается всем тоном записки короля: «Вы поможете мне своими советами и своими знаниями»; при столь серьезных обстоятельствах это не могло относиться к пустому разговору[1].

С другой стороны, Морепа упрекали, что он не попросил, вернее, не потребовал, звания первого министра. Однако этого поста ему не предлагали. Несомненно, ему бы его и не дали.

1 Рассказ Шамфора приводится в: Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 81, note.

Мерси-Аржанто и Мария Терезия сделали Марии Антуанетте по этому поводу строгое внушение. «Никаких первых министров, — писала императрица дочери, — это слишком огорчит других равных ему министров и весь народ». А с послом она говорит более откровенно: «Деятельность первых министров во Франции всегда сводилась к пресечению и разрушению влияния королев»[1].

Мы знаем со слов аббата де Вери суть разговора Морепа с королем. Морепа очень искусно расхваливал период, когда у власти находился кардинал де Флёри — последний «первый министр», имевший это звание. То был довольно прозрачный намек. Затем он предложил помочь королю стать самому своим первым министром; но, «если вы не захотите или не сможете, вам неизбежно придется выбрать кого-нибудь на этот пост». «Вы отгадали мое намерение, — ответил король, — это именно то, чего я ожидал от вас»[2].

Морепа так и не стал первым министром, хотя бывали минуты, когда он, несомненно, лелеял такие честолюбивые замыслы. Но Людовик XVI никогда не соглашался учредить этот пост. Однако, и не имея такого звания, Морепа по возрасту всегда занимал первое место в Совете. Старшинство, в самом деле, нельзя утратить[3]. Так как Морепа был назначен на должность шестьдесят лет назад, ему не приходилось опасаться никакого соперника.

Был ли министр без портфеля старейшим или нет, обладатель этого звания мог при всех режимах практически выполнять самые разнообразные обязанности. Возраст Морепа, его репутация дилетанта, предназначенная ему весьма расплывчатая роль политического наставника, контраст между его бесцветной личностью и сильными характерами министров-триумвиров — все это привело к тому, что часть общества считала его человеком незначительным. Он изображал из себя Ментора* (а официальная поэзия сравнивала Людовика XVI с Телемаком). Его называли и менее благородно — «куратором вакантной должности». «Это человек бездеятельный, — писал «Журналь историк», — пужный лишь для проформы, все делается от его имени, но сам он ни во что не вмешивается»[4].

Над ним смеялись, и довольно зло, из-за его предполагаемой неполноценности и считали, что в этом он сходен с коро-

1 Mercy-Argenteau Op. cit., t. II, p. 155, 147.
2 Véri Op. cit., t. I, p 96.
3 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 117.
* Ментор — друг Одиссея и воспитатель его сына Телемака. Его имя стало синонимом надежного наставника, мудрого и осторожного советника. — *Прим. ред.*
4 «Journal historique», t. VI, p. 53, 9 juin 1776.

лем[1]. Многих беспокоило, что он состоит в родстве с герцогом д'Эгийоном и герцогом де Лаврийером.

Прошло немного времени, и все убедились, что дух семейственности у Морепа отнюдь не доходит до фанатизма. Значительно больше времени понадобилось, чтобы окружающие поняли, что за его внешностью острослова и философа скрывается страстная любовь к власти.

«Граф де Морепа, — говорит Монбарэ, — через четверть часа после своего водворения выглядел как человек, никогда не покидавший этого места»[2].

Да, несомненно, с этой минуты он решил, что никогда его не покинет. И как мы знаем, он не покинул его до самой смерти. Все его поведение будет отныне зависеть от этого главного решения. Говорят, слабый и легковесный? Во всем остальном — возможно, но только не в этом. Он кажется бесстрастным, так как им владеет лишь одна страсть. Он будет уступать во всем, чтобы не уступить в главном.

По-видимому, *искренне привязанный к молодому королю* («Я начинаю его любить»), насколько это позволял его темперамент, неспособный на горячие чувства и, во всяком случае, искренне убежденный, что его уход повлечет за собой катастрофы, во избежание которых лучше пойти на любые уступки, он был серьезно озабочен делами королевства и судьбой монархии, что прекрасно уживалось с эгоистической радостью получившего власть старого честолюбца. История дает нам разнообразные примеры подобных чувств у политических деятелей.

Несомненно, в первый раз Морепа легко перенес отстранение от власти. Допустим даже, что в его философском спокойствии не было ни малейшего притворства, что он не затаил в душе глухого озлобления. Часто случается, что государственные деятели легко переносят первую отставку, но вторую — никогда.

Любовь к власти — такая страсть, которая не в силах снести более одного разрыва.

В случае с Морепа надо к тому же считаться со следом, оставленным его необыкновенным назначением еще в детские годы. Его биографы недооценивали психологическое, можно даже сказать, психоаналитическое значение такого редкого опыта. Новое перевоплощение в государственного мужа оживило самые давнишние пласты его памяти, жизненный ток вновь

1 Час Морепа опять настал,
И снова он министром стал.
Тогда король его обнял:
«Бессильем мы с тобою схожи,
И быть нам врозь теперь негоже...»
(Métra. Correspondance, t. I, p. 4, 4 juin 1774.)

2 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 95.

проник в глубины его сознания. Вырвать у него власть теперь — значило бы вырвать у него душу.

Замышлял ли Морепа с первых шагов отставку министров Людовика XV? Это кажется весьма вероятным. Они были для него соперниками и постоянной угрозой.

Однако по отношению к герцогу д'Эгийону у него вряд ли было такое намерение. Г-жа де Морепа питала слабость к своему племяннику. Кажется, в одной из первых бесед с королем Морепа попытался «туманно» воздать должное истинным *достоинствам этого министра*. Но вскоре решил больше его не поддерживать, «потому что считал его неподходящим для совместных действий», иначе говоря, неспособным играть вторую роль в общей игре.

Морепа не пришлось больше подавлять свои родственные привязанности. Пассивного поведения с его стороны было достаточно, чтобы покончить с д'Эгийоном. Операцию взяла на себя королева. Она не простила герцогу д'Эгийону его связей с ненавистной ей Дюбарри и тем более дерзостей, в которых она его обвиняла. Говорят, он считал ее «кокеткой» и прозвал «рыжей девчонкой». Именно в эту пору сложился политический характер Марии Антуанетты и уже никогда не менялся: она интересовалась только мелочами и действовала исключительно из самолюбия. Она требовала всеобщего поклонения и хотела, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней. Единственными государственными делами, доступными ее пониманию, были награды, немилости и расходы. Чтобы добиться у короля отставки министра иностранных дел, она предусмотрительно скрывала свои намерения от матери, которая хотела бы его сохранить. Но, поставив на своем, она ничуть не интересовалась последствиями. Мария Терезия и Мерси пришли в отчаяние: на его месте они хотели бы видеть г-на де Бретея, но вместо него «был назначен шевалье де Верженн, без ведома королевы и без всякого ее участия».

Герцог д'Эгийон не был формально уволен. Предупрежденный Морепа и, вероятно, по его совету[1], он едва успел спасти свое лицо, подав 2 июня в отставку. (Потом он жалел о своей поспешности, видя, что Мопу и Террэ его пересидели.)

По этому случаю король подчеркнул свое решение отказаться от варварского обычая *отправлять министров в изгнание* (что делается только во Франции и в Турции, отмечает Мария

1 Морепа, впрочем, убедил д'Эгийона, что он сам не имеет влияния на короля «Самого Морепа слушают не больше, чем всех прочих», — сказал д'Эгийон г-ну Моро. (Moreau. J.-N. Mes Souvenirs Paris, 1898, t. II p. 10)

Терезия). Герцог сохранил свое звание полковника легкой кавалерии, ему назначили пенсию, и он получил в подарок 500 тыс. франков, что возмутило общественное мнение, выражавшее всеобщее стремление к экономии[1].

Морепа оставалось только вступить в игру, когда королева, удовлетворенная своей местью, от нее отстранилась. Следовало выбрать д'Эгийону преемника, или, вернее, двух преемников, ведь герцог занимал два поста. Вери уговаривал Морепа самому занять место министра иностранных дел, но тот не последовал его совету. Ментор не любил административной возни. Он подумал о бароне де Бретее (который был бы австрийским кандидатом). Но Вери снова вмешался и добился назначения Верженна. Именно такой человек был нужен Морепа, ибо Верженн, как говорили в то время, не имел «окружения». У него не было другого покровителя, и он был всем обязан Морепа; таким образом, имелись кое-какие шансы, что он ему не изменит. Верженн, человек низкого происхождения, с заурядной внешностью, без всякого блеска, считался скорее старательным, чем одаренным работником. Хотя Вери и рекомендовал его, он был о нем невысокого мнения (в чем, без сомнения, был несправедлив). К тому же карьере Верженна отчасти мешала его женитьба на турчанке, бывшей рабыне, как говорили злые языки, на самом же деле вдове стамбульского врача.

Для военного министерства Морепа выбрал менее способного, но вполне терпимого кандидата, пришедшегося по сердцу королю: графа Де Мюи, ограниченного реакционера, человека долга, чуждого интригам, бывшего воспитателя дофина, к которому он был так привязан, что попросил, чтобы его похоронили в Сансе, в ногах у его покойного хозяина,—просьба эта была выполнена год спустя. «Его назначают в такое министерство,— писал Тюрго,— где его предрассудки будут менее всего опасны».

Если в деле д'Эгийона Морепа чувствовал себя немного неловко, то с Мопу и Террэ его уже ничто не стесняло. Однако он не хотел ускорять ход событий. Во-первых, потому, что резкость была не в его характере. Во-вторых, потому, что не желал без нужды наживать себе врагов. И наконец, потому, что он прекрасно понял характер короля. Король не любил находить решения, но любил принимать решения сам. Если заимствовать довольно тонкое определение генерала де Голля, Людовик XVI не питал *страстной любви к власти*, но *ревниво относился к праву принимать решения.*

Значит, надо было подсказывать Людовику XVI решения, но так, чтобы ему казалось, будто он принимает их сам. В сущности, именно так и поступила Мадам Аделаида в решающий день 12 мая. Это и был сократовский принцип, на основе которого Морепа построил всю свою полувоспитательную деятельность при короле.

1 Эта щедрость, однако, имела особые причины. См. далее.

Итак, первое время он подчеркивал, что выполняет только такую роль. Он стал приучать короля регулярно посещать разные советы: Государственный совет, Совет депеш (Совет по внутренним делам) — и даже решил возродить Совет финансов. Он побуждал короля беседовать с его министрами и собирать небольшие междуведомственные совещания министров.

«Вы можете проводить их у себя в апартаментах, — говорил он королю, — а когда вам станет скучно, выходить и возвращаться попозже».

После ухода д'Эгийона июнь был заполнен рядом разнообразных событий. 12 июня при дворе вновь появился Шуазель. Король по настоянию Марии Антуанетты согласился удовлетворить таким образом его самолюбие, но дата его возвращения была умышленно назначена после утверждения на должности Верженна, что было большим разочарованием для партии Шантлу. И самому Шуазелю Людовик XVI, раздраженный к тому же бурными манифестациями, оказал самый нелюбезный прием[1]. Шуазель не захотел настаивать, и назавтра в половине седьмого утра уже возвращался по Туреньской дороге.

Сразу вслед за тем другое событие завладело умами и затормозило государственные дела. Было решено сделать прививки королю и его братьям, и эта процедура вместе с подготовкой к ней две недели занимала внимание общества. Вольтер ликовал по поводу королевского признания новейших достижений науки. В то время была мода на аллегорические прически, и в эти дни появились прически в честь «инокуляции»: со змеей, с булавой, солнцем и оливой — символ этот было трудно разгадать[2].

Тем временем Мопу и Террэ были счастливы, что их оставили на месте, и уже привыкали к своему положению. Их подозревали в том, что они подсиживают друг друга. Террэ, чувствуя, что он прогорел на финансах, вспоминал свое пребывание в парламенте и охотно стал бы хранителем печати. Мопу не собирался занимать место Террэ, но не был бы огорчен, если бы того убрали; он думал, что Тюрго мог бы его заменить, и, быть может, первый упомянул это имя.

Как тонкий стратег, Морепа счел правильным, прежде чем осаждать главную крепость, сначала овладеть второстепенной позицией.

1 Торговки рыбой пошли встречать Шуазеля. В его карету бросали цветы и приветственные стихи. Король же только сказал ему: «Г-н де Шуазель, ваши волосы заметно поредели». (Moreau. Op. cit., t. II, p. 17; см.: Métra Correspondance, t. I, p. 48. 15 janvier 1774.)

2 См: Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 298 et note.

Его прежний департамент, морское министерство, возглавлял Буржуа де Буан, сообщник триумвирата, столь же непопулярный, как и его знаменитые коллеги, но не обладавший ни силой их характера, ни компетентностью. Говорили, что он расстроил дела в своем ведомстве, и его даже обвиняли в растратах, хотя и не приводили доказательств. Однако де Буан не был лишен положительных качеств: Сулави считает его «способным, образованным и трудолюбивым: это первый в государстве знаток каверзных юридических вопросов»[1]. Безанваль дает аналогичный отзыв: именно де Буан придумал заменить парламент Большим советом и помог Мопу найти отправную точку для его реформы[2]. Возможно, этот дальновидный законник не интересовался морским министерством, куда был назначен довольно случайно. По свидетельству того же Сулави, д'Эгийон был не прочь иметь под рукой запасного канцлера, чтобы заменить Мопу в случае его измены и к тому же дать ему понять, что не считает его незаменимым.

Быть может также, де Буан, по рассказам человек толстый, большой любитель пива и по природе немного диковатый, чувствовал себя менее уверенно в словесных дискуссиях, чем за работой у себя в кабинете. Во всяком случае, он не блистал в Совете. Вдобавок, к его несчастью, два новых человека, с которыми он там столкнулся, Морепа и Людовик XVI, проявляли оба живой интерес к вопросам мореплавания. Морепа, потому что они будили его воспоминания о долгом управлении, а король, потому что видел здесь благородное поприще для своих механических увлечений. Отставка де Буана была, повидимому, решена еще в начале июля. Но с первого же дела король проявил свой нерешительный характер. «Он хотел сместить де Буана, но не доводил дело до конца». Надо было также выбрать ему преемника. Морепа сначала предложил де Клюньи, интенданта морского ведомства в портах и колониях; этому де Клюньи, сменившему впоследствии Тюрго в министерстве финансов, пришла в голову счастливая мысль — ухаживать за Морепа во время его изгнания и даже советоваться с ним по поводу некоторых памятных записок, мемуаров по техническим вопросам. Но король отверг этого кандидата, которого обвиняли в двойной игре в деле Мопу—д'Эгийона. Тогда и представился счастливый случай для Тюрго.

Имя Тюрго было одним из тех, которые, естественно, приходили в голову, когда думали о том, кого назначить на освобождающиеся министерские посты.

1 Soulavie. Op. cit., t. II, p. 231.
2 См.: Besenval. Op. cit., t. I, p. 373.

Он принадлежал к небольшому числу крупных администраторов, чей опыт и образование предназначали их для самых высоких постов.

Его предлагали назначить министром еще во времена Шуазеля.

К тому же его «выдвинули» супруги Морепа, аббат де Вери и герцогиня д'Анвиль. Его, скорее, прочили в министры финансов, а аббат де Вери думал предложить его как хранителя печати[1]. Король относился к нему благосклонно, если судить по разговору с Морепа, переданному де Вери: «Вы хорошо отзывались о г-не Тюрго, возьмите же его в морское министерство, раз вы еще не приняли решения об аббате Террэ»[2].

Дело происходит во вторник 19 июля.

Король по своему обыкновению ничего не отвечает. Вечером после прогулки, как рассказывает де Вери, он пишет господину де Лаврийеру, чтобы тот велел де Буану подать в отставку и немедленно привез Тюрго в Марли. Только на другое утро король говорит Морепа: «Я сделал то, что вы мне сказали».

Первый раз с начала своего царствования король принял «самостоятельное» решение.

Разумеется, современники (и даже некоторые историки) отзываются иронически, хотя и благожелательно, о назначении Тюрго на пост, требовавший специальных знаний, к которому он кажется им мало подготовленным. «Я не думаю, что он лучший мореплаватель, чем я, — пишет Вольтер г-же Дюдефан, — но на земле он показался мне прекрасным человеком»; а Мерси-Аржанто сообщает: «Этот выбор вызывает всеобщее одобрение не потому, что полагают, будто у Тюрго большой *талант* к морскому делу, но известно, что у него большой запас честности и благородства»[3].

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 128.
2 По рассказу Сулави (t. III, p. 134), Людовик XVI имел случай встретиться с Тюрго до его прихода в министерство. Тюрго, в то время простой интендант, отказался выполнить предписания аббата Террэ. «Он откланялся королю и подал в отставку. Король не ответил ни слова, но вскоре вспомнил о нем и тогда назначил его морским министром». Этот случай, хотя о нем и упоминают несколько авторов, не подтверждается ни одним достоверным источником и кажется неправдоподобным. Тюрго, несомненно, не преминул бы упомянуть о таком примечательном эпизоде в своей довольно обширной переписке того времени, и, с другой стороны, мы нашли бы какое-нибудь упоминание о том, что король созывал интендантов, если бы это произошло в самом начале его царствования.
3 Как всегда методичный, Мерси-Аржанто добавляет: «Королева говорила доброжелательно о графе де Верженне, а также о новом морском министре. Косвенным путем я попытался им внушить, что до их назначения Ее Величество была извещена об этом выборе и отнеслась к нему с большим одобрением».

Эта ирония была неуместна не только потому, что пренебрежительное отношение к министрам, занимающим посты, требующие специальных знаний, несправедливо при любом режиме, но особенно потому, что морское министерство в ту эпоху имело большой вес в бюджете и экономике. Было бы неразумно судить о нем, исходя из наших современных представлений или тем более с насмешливой точки зрения Робера де Флера *: «Что вам угодно, морское дело или сельское хозяйство?» В XVIII в. канцелярия морского министерства управляла колониями и морской торговлей. Оно имело не только крупный собственный бюджет, но и распоряжалось также основным, или даже *единственным тогда, бюджетом капиталовложений.* В то время когда промышленность была еще в зачаточном состоянии, перевозки ограничивались конным транспортом, а армия употребляла лишь относительно легкое военное снаряжение, постройка судов представляла собой самый значительный расход капитала в государственной и частной экономике в совокупности. Морское министерство обычно получало дополнительно от казначейства не подлежавшие учету средства, исчислявшиеся во времена Тюрго 15 млн. ливров, что послужило причиной настоящего скандала в дни отставки Сартина.

Широкая публика в такого рода делах придает гораздо меньше значения тому, что приходит, чем тому, что уходит. Расположение к новому, приходящему, основывается прежде всего на ненависти к старому, уходящему. Все радовались уходу де Буана, особенно брестские рабочие, которым не выплатили жалованье за восемнадцать месяцев: они с гиканьем водили по улицам канонира, наряженного министром. Но радость по поводу ухода де Буана была омрачена за пределами военного порта тем, что на месте оставался Террэ, гораздо более известный и всеми ненавидимый. Аббат Бодо пишет в своем дневнике 22 июля: «Образованная и благожелательная публика ропщет, что добрый Тюрго попал в морское министерство. Надеялись, что он будет возглавлять финансы; все дрожат от страха, что там останется аббат... но некоторые думают, что морское ведомство для Тюрго только первый шаг, а вторым будет генеральное управление финансов».

Только философы — друзья Тюрго предвидят политическое значение этого события и понимают, что речь идет не только о замене человека устаревшего молодым, министра легковесного, если не продажного, серьезным и неподкупным администратором. Вольтер выражает такой энтузиазм, что Тюрго вы-

* Флер Робер, маркиз де (1872—1927) — французский драматург, автор легких комедий. — *Прим. ред.*

нужден попросить его умерить свои восторги. «Напевая себе глухим басом „De profundis", я пою для вас „Te Deum laudamus"» *. А Кондорсе с дружеской теплотой дает самое правильное определение: «С тех пор как произошло это событие, я сплю и просыпаюсь так же спокойно, как если бы жил под покровительством всех законов Англии». В самом деле, это успех либеральной концепции на английский манер. Это то, что сегодня назвали бы расширением большинства. Клин между режимом и системой. Но Людовик XVI и Морепа не заглядывали так далеко, когда делали свой выбор.

* «De profundis» — «Со святыми упокой», молитва об усопших. «Te Deum laudamus» — первые слова молебна «Тебе, Бога, хвалим». — *Прим. ред.*

Глава II Варфоломеевская ночь, или избиение министров

Излишняя скромность излишня для короля.

Аббат Галиани

24 августа аббат де Вери пишет в своем дневнике: «Ожидаемые перевороты свершились сегодня утром». Речь идет о двойной отставке: канцлера Мопу и аббата Террэ. Хранителя печати заменил Миромениль, а аббата Террэ, как и ожидали,— Тюрго.

24 августа — праздник св. Варфоломея, и это совпадение всем показалось весьма забавным. «Вот вам Варфоломеевская ночь министров», — и граф д'Аранда, испанский посол, добавляет: «Но отнюдь не избиение невинных». Случилось также, что назавтра, 25 августа, был день св. Людовика, праздник тезоименитства короля, и парижане сочли, что это как раз подходящий день для сообщения таких крупных новостей. «Они вообразили, что молодой король преподнесет им в виде «праздничного подарка» нового канцлера и генерального контролера финансов». Это ожидание, как мы видим, не было обмануто; и в веселую воскресную ночь 28 августа толпа отпраздновала падение министров, таская по улицам два соломенных чучела с восковыми лицами, одного в канцлерском одеянии, а другого в сутане. Обоих осыпали ругательствами, затем чучело генерального контролера сожгли, а чучело хранителя печати, в виде деликатного намека, повесили у позорного столба возле церкви св. Женевьевы. Эти нравы на первый взгляд нам кажутся такими устаревшими! «Мудрые люди опасаются, как бы впоследствии не пришлось раскаиваться, что не было положено предела этой чрезмерной вольности толпы»[1].

Аббат де Вери занимает такое положение в обществе, что может сообщить нам со всеми подробностями все перипетии этого памятного дня. В ту эпоху наперсник был столь же привычной фигурой в политической жизни, как и в театре, и обычно имел там даже больше влияния. Аббат де Вери играет такую роль при нескольких действующих лицах, и, надо сказать, с одинаковой преданностью. Ему часто доводится выступать в качестве «примирителя». Это натура довольно тонкая и даже не лишенная некоторой загадочности (мы в этом убедимся дальше). Мосьё*, брат короля, граф Прованский, в анонимном памфлете «Сон Морепа» («Le songe de Maurepas»)[2] дает нам довольно бойко написанный портрет де Вери, где очень злобно и несправедливо изображает аббата как человека, однако он не так уж сильно преувеличивает влияние, которое ему приписывает. «Второразрядный честолюбец, деспотичный, низкий, заносчивый, ведущий тайные подкопы, он не представляет ценности ни для своего ордена: у него нет добродетелей, — ни для двора: у него нет титулов, — ни для ведения дел: у него нет талантов, — и возмещает все это наглостью и интригами. Этот ничтожный мулла [аббат де Вери] решает судьбу государства...» В наши дни аббат де Вери, не говоря уже о его бесценных заслугах летописца, представляется нам одним из самых тонких наблюдателей и самых светлых умов своего века.

Двор заканчивает свое пребывание в Компьенском замке. Там заняты лишь блестящими празднествами, даваемыми испанским послом. Но интересующие нас герои играют спектакль иного рода. Мы можем представить его себе в виде пьесы в четырех картинах.

Сначала занавес поднимается, показывая нам кабинет аббата де Вери. Хозяин дома совещается с Тюрго и аббатом де Вермоном, еще одним персонажем, действующим за кулисами, но имеющим немалое значение. Шуазель в свое время отправил его в Вену на роль как бы наставника эрцгерцогини Марии Антуанетты; теперь он чтец королевы. По примеру Фридриха II, который, представляя аббата Морелле, сказал: «Вот честный священник, но, по правде сказать, он служит очень мало обеден», — мы могли бы сказать про Вермона: вот честный чтец, но он очень мало читает, ибо королева совсем не ценит

---

1 «Corr secr.», LXXIV. (Цит. по: Gomel Ch. Les Causes financières de la Révolution française. Paris, 1892—1893, t. I, p. 53.)

* Мосьё (Monsieur) — так титуловали со второй половины XVI в. старшего из братьев короля. — *Прим. ред.*

2 Его авторство оспаривается.

такое времяпрепровождение. Однако она всегда милостива к нему; он проводит у нее час каждое утро и встречается с ней на несколько минут после обеда. Так как Мерси-Аржанто в тот же период и сам каждый день получал у королевы аудиенцию на полчаса, то можно сказать, что это довольно солидная доза политического катехизиса для девятнадцатилетней принцессы, фривольной до сумасбродства. Таким образом, королева Мария Антуанетта оказывается в середине некоего треугольника и под влиянием трех его вершин: императрицы, посла и аббата. Будучи главной его вершиной, Мария Терезия издали руководит другими, получает информацию, одобряет их действия и шлет указания. На месте же Мерси и Вермон сменяют друг друга подле королевы, и, когда один из них отсутствует или должен отлучиться, другой его заменяет. Случается, что они с помощью разных уловок заставляют королеву заучивать заранее те речи, которые ей следует произнести. Вермон сообщает обо всем Мерси, а иногда пишет и непосредственно Марии Терезии; Мерси, помимо официальных докладов, шлет императрице многочисленные секретные послания, не подлежащие почтовому досмотру и якобы без ведома канцлера Кауница, которому, однако, по другому секретному каналу и как бы по второму заходу передает краткое изложение своих первых сообщений.

Эта длительная и терпеливая интрига — следствие ясно выраженного заключения Мерси, сделанного перед самой смертью Людовика XV: «У Мосьё дофина никогда не хватит ни силы, ни воли править самому. Если Мадам эрцгерцогиня не будет им управлять, им будут управлять другие». Она сумела добиться лишь очень небольшого успеха, отчасти из-за того, что Людовик XVI относился с некоторым недоверием к Австрии, а главным образом из-за не поддающегося никакому воздействию характера Марии Антуанетты. Добавим, что аббат де Вермон был человеком честным и серьезным, он верил, что действует на благо (и часто так оно и было), ошибкой было бы принимать его за шпиона.

Вери, Вермон, Тюрго.

Эти собравшиеся здесь три человека знают друг друга с давних пор. Двое из них носят одежду священнослужителей, третий носил ее в молодости. Они были школьными товарищами; их давняя дружба выдержала испытания, и это обстоятельство сыграло некоторую роль в недавнем успехе Тюрго. Мы знаем, что именно аббат де Вери определил выбор Тюрго благодаря своему влиянию на супругов Морепа, так же как при назначении министра иностранных дел он склонил чашу весов в пользу Верженна вместо барона де Бретей. Говорили также, будто аббат де Вермон выступил в этом случае посредником перед королевой, но это предположение нельзя считать правильным[1]. Лишь позже в своих беседах с королевой он попытается, и то почти безуспешно, настроить ее благожелательно к новому министру.

Трое друзей обсуждают готовящееся событие. Тюрго собираются предложить ведомство финансов. Надо ли его принимать? Или, вернее, на каких условиях он готов его принять? Ибо Тюрго не рассматривает всерьез возможности отказа.

Другие на его месте стали бы колебаться. В морском министерстве он занимает значительный и более спокойный пост, и ранг его здесь по закону даже выше (контролер финансов не является государственным секретарем, следовательно, его должны назначить государственным министром, чтобы он сохранил свой ранг). Ведь это происходит в такую эпоху, когда очень мало охотников управлять государственными финансами. Дальновидные политики от этого уклоняются; случается даже, что с помощью разных ухищрений они стараются спихнуть этот пост сопернику, чтобы его скомпрометировать. В рассказе Монтийона[2], который, кстати, следует принимать с оговорками, мы видим, как в кругу людей, занимающих министерские посты, подкидывают друг другу королевскую казну, будто в карточной игре мистигри трефового валета.

Ловкий и недалекий Бертен, новый коллега Тюрго, которого он переживет, как и многих других, постоянно исполнявший обязанности министров, переходивший с одного поста на другой и готовый взять на себя любые тяготы, даже он согласился занять этот пост в 1759 г. лишь в силу оригинального соображения и при особом условии. В то время шла война, и он считал, что управлять финансами в военное время легче, ибо в такие периоды все средства дозволены. Но он предупредил Людовика XV, что уйдет, как только наступит мир, — что он и сделал. Он сменил пост генерального контролера на место странного государственного секретаря, должность, как раз по

---

1 Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 402. В данном случае предположение о посредничестве Вермона, по-видимому, родилось из хитрого маневра Мерси, старавшегося убедить двух новых министров, что королева не осталась в стороне от их назначения (см. предыдущую главу). Мы не находим никакого следа такого посредничества Вермона, и оно плохо вяжется с его характером, о чем можно судить по тому, как он вел себя, когда распространился слух о назначении Бриенна, который был ему таким же другом и по тем же причинам, что и Тюрго. Мерси пишет по этому поводу (и мы видим тут аналогичный случай): «Я умолял королеву вести себя так, чтобы архиепископ Тулузский подумал, будто он обязан своим местом лишь милости Ее Величества, и она соизволила уступить моей просьбе. Этот прелат также близкий друг аббата де Вермона, но тот так деликатен, что никогда не станет говорить с королевой о человеке, в пристрастии к которому его могут заподозрить».

2 Montyon. Op. cit.

его вкусу, ибо в его ведение входило земледелие, коневодство, архивы, лотереи, управление некоторыми провинциями и специальные фонды короля. После Бертена финансами ведал Л'Аверди, которого уволили, затем Мэнон д'Энво, ушедший в отставку, и в конце концов эстафета довольно неожиданно перешла к аббату Террэ, после хитро сплетенной интриги. Герцог Шуазель хотел передать финансы канцлеру Мопу, которого втайне задумал погубить. Однако канцлер, не видя иного выхода, решил уговорить Террэ, в ту пору советника парламента, и обратился к нему, как передают, со следующими словами: «Аббат, пост главы финансового ведомства пустует; это хорошее место, где можно заработать большие деньги; я хочу, чтобы его дали тебе». Монтийон, который передает этот случай, и, конечно, не совсем беспристрастно, заключает: «Переговоры длились недолго. Довод оказался убедительным, и предложение было принято».

Тюрго не обладает ни цинизмом Террэ, ни изворотливостью Бертена. Для него дело обстоит совсем иначе. Можно сказать, что пост генерального контролера финансов — *конечная цель Тюрго*. Не только потому, что к этому его склоняют рано проснувшийся интерес, полученное образование, долголетняя работа, практический опыт, но и потому, что это отвечает его глубоким убеждениям, а также потому, что этот пост дает ему в руки командные рычаги управления государством. Это не только завершение его карьеры, но поистине путь, предначертанный ему судьбой, возможность осуществить свои великие планы, охватывающие все проблемы политической жизни общества. Генеральный контролер, по существу, главенствует над всеми министерствами: «Его влияние проникает повсюду, до самых корней; от него зависит вся внутренняя жизнь, внешняя тоже ему подчиняется; ни один департамент не может работать, если он ему противодействует; торговля, земледелие, ремесла — все зависит от него...»[1]

Вопрос не в том, чтобы отказаться от этого рискованного шага. Речь идет о том, чтобы учесть все опасности. Тюрго хочет обеспечить себе наилучшие исходные позиции. Беседа с Вери и Вермоном касается главным образом проблем бюджета, хотя это лишь одна из сторон его деятельности и один из разделов его программы. Но тут речь идет о неотложном вопросе, где он больше всего боится попасть в затруднительное положение. Он убедился в необходимости экономии, или, как говорили в ту пору, «урезывания». Этот человек, которого считают абстрактным теоретиком, как видно, неплохой психолог. За тридцать пять дней он успел убедиться в редком слабоволии

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 157.

короля, и его уже беспокоят расточительность и упрямство королевы. Аббат де Вермон дает ему совет: «Я знаю лишь одно средство, которое поможет слабости короля противостоять назойливости его окружения. Надо заручиться его словом... Итак, господин Тюрго, если вы окажетесь во главе финансов, заручитесь заранее его словом во всех серьезных делах».

Наверно, после этого совета (если он и сам не додумался до этого раньше) Тюрго передал Морепа, что желал бы поговорить с королем прежде, чем примет управление финансами. Разумеется, не было и речи о том, что во время этого разговора Тюрго мог бы уклониться от королевского предложения, но он надеялся получить от короля как можно более торжественные обязательства, на которые мог бы опираться впоследствии[1].

Картина вторая. Десять часов утра. Действие переносится в кабинет короля. Морепа, свежевыбритый, тщательно напудренный и помолодевший с приходом к власти, входит, как всегда, с серьезным и важным видом. Сегодня среда, день, когда нет ни заседания Совета, ни занятий, которые Ментор с недавних пор проводит два раза в неделю, чтобы заставить работать своего августейшего ученика (по вторникам и пятницам). Так как у Морепа нет в руках портфеля, король думает — или притворяется, будто думает, — что он быстро и легко отделается от него. На всякий случай он делает вид, будто не подозревает, чего от него ждут.

— Вы без портфеля, — говорит он, — стало быть, у вас нет серьезных дел?

— Прошу прощения, Сир, — отвечает Морепа. — Дело, о котором мне надо с вами поговорить, не требует бумаг, но тем не менее оно из самых важных...

По правде сказать, король прекрасно знает, о чем пойдет речь, и есть все основания думать, что теперь он решился, или, скорее, смирился, с необходимостью принять решение. Сначала он обещал, что это произойдет во время пребывания в Компьене, а оно уже подходит к концу. Он обещал принять решение во вторник (накануне), а так как утром он принимал Тюрго, все тотчас заключили, что они встретились, чтобы решить вопрос о ведомстве финансов. Наконец, сегодня мы знаем, по свидетельству Мерси-Аржанто, что 23 августа после обеда он долго советовался с Марией Антуанеттой о предстоящих переменах. На этот раз королева выполнила инструкции своих

1 Подобные хлопоты и предосторожности не вышли из моды и при республиканском режиме. В наши дни стало почти ритуалом, что будущий министр в тяжелый момент вступления в должность является к президенту и требует заключения устного договора о солидарности в вопросах бюджета.

опекунов. «Королева все выслушала, но не позволила себе сделать ни одного замечания»[1].

Хотя дела уже зашли далеко, король так любит отлынивать, что пытается получить еще одну «последнюю отсрочку».

— Мы сделаем это в субботу после заседания Совета по внутренним делам.

Но Морепа упорствует и более настойчив, чем обычно. Он, кажется, даже рассердился и перед уходом извинился за это; он, видимо, почувствовал, что решение уже назрело, и этим объясняется такой прилив энергии. Он снова твердит сто раз повторенный урок. Надо решить вопрос о людях, чтобы иметь возможность перейти к проблемам. Как упорядочить вопрос с парламентом без хранителя печати (министра юстиции)? Дела финансового ведомства — без генерального контролера? Надо либо сохранить министров — и в таком случае утвердить их на прежних постах, чтобы вернуть им необходимый авторитет, — либо уволить — и в таком случае сделать это немедленно и назвать их преемников.

«Время не то богатство, которое вы можете тратить, как вам вздумается... Нерешительность в составлении планов наносит вред делам и порождает интриги...»

Эти четко высказанные мысли произвели бы на нас более сильное впечатление, если бы мы не знали из того же источника, что их повторяли уже много раз и они не оказали заметного действия.

На деле, если судить не только по этому диалогу, но и по другим, которые ему предшествовали, трудности с замещением этих двух постов были разные. Что касается канцлера, то вопрос не в том, снять ли его, а в том, кем его заменить. Что до финансового ведомства, то трудность не в выборе преемника, а в отставке аббата Террэ.

Короля не огорчил бы уход канцлера Мопу, которого он не любит и находит высокомерным («он едва удостаивает заметить меня и даже не снисходит до разговора со мной...»). Но вопрос о замене решить трудно. Общее мнение выдвигает Мальзерба, и Морепа вначале поддерживает этот выбор, который кажется наилучшим из возможных. Но король настроен против Мальзерба из-за «философического склада ума», который ему приписывают. Как главный директор книжной торговли, он вызвал подозрения в либерализме. С другой стороны, Мальзерб — человек щепетильный, ответственность министерского поста его не привлекает, и он посылает Морепа мемуар,

1 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 237. Однако она предпочла бы, чтоб Сартин управлял королевским двором [то есть всем дворцовым персоналом высших и низших служащих. — *Ред.*], а не морским министерством. Она призналась в этом Мерси.

где заранее объясняет причины своего отказа от этой должности, если ее ему предложат.

Поэтому Морепа решает выдвинуть кандидатуру Мироменил, бывшего президента Руанского парламента, строптивого юриста и своего дальнего родственника, близкого друга дома, постоянного сотрапезника и почти нахлебника, так как он разорился. «Угодник хозяйки дома», как говорит язвительный Безанваль, прекрасно разыгрывает светскую комедию в ее салоне. Этот кандидат казался в то время лишь ничтожеством, но показал себя в дальнейшем просто мерзавцем. Мироменил — тип ограниченного реакционера, защищающего все предрассудки и привилегии своей касты, способного вдобавок на всевозможные плутни; раз заняв свой пост, он готов на любую низость, лишь бы его сохранить. Впоследствии Безанваль опишет его в красочной сцене, когда чуть ли не умирающий Мироменил заставлял нести себя в Версаль, несмотря на протесты врачей и близких, и прятал печать в своей постели.

Что касается финансов, то выбор Тюрго как будто не вызывает больше споров. Однако мы знаем из «Мемуаров» Ожара, что Морепа в это время думал о г-не де Бель-Иле, канцлере герцога Орлеанского, и предупредил об этом через самого Ожара. С другой стороны, король еще раньше высказывал против кандидатуры Тюрго некоторые возражения:

«Уж очень он человек системы, да к тому же связан с энциклопедистами»[1].

Морепа пришлось его защищать. Аббат де Вери думает, что это беспокойство короля было вызвано каким-либо кстати перехваченным письмом. «Если бы клика ханжей предвидела назначение Тюрго в морское министерство, возможно, они направили бы королю донос, чтобы этому помешать». Как бы то ни было, но король не настаивал на своем предубеждении, что́ на этот раз говорит в его пользу. Но он до конца так и не может решиться расстаться с аббатом Террэ[2]. В последнюю минуту перед его отставкой он все еще колеблется и уже сожалеет о своем решении. Любопытная фигура этот аббат Террэ. Ни один министр никогда не заслуживал такой длительной и единодушной ненависти широкой публики. Но с другой стороны, у всех, кто с ним общается, он вызывает нечто вроде уважения. Король тоже поддается его чарам, или по меньшей мере его влиянию, вероятно еще усиленному благодаря контрасту их характеров.

Террэ обладает тем, что в ту эпоху называли «решительным характером». Он мастерски владеет рычагами управления

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 160.

2 «Я знаю, что он хорошо делает свое дело, — вздыхает он, — я очень хотел бы его оставить, но он такой плут...»

своего министерства, у него ясный ум, острый, как стальной клинок, и талант докладчика. Он не хвалит, он не убеждает, он не возражает. Перед ним ставят задачу, и он дает решение с точностью механизма. От этого холодного рассудка исходит некий ледяной магнетизм.

Однако пришло время решать. Аббат Террэ совершил неосторожность, быть может не без расчета, отправившись на два дня в Пикардию, чтобы осмотреть подземный канал на мануфактуре зеркального стекла в Сен-Гобене. Этот отъезд так усилил слухи об его опале, что уже нельзя было отступать. Он совершил еще одну неосторожность или, возможно, попробовал сделать хитрый ход: спросил короля, доволен ли он его работой. Король ничего не сказал ему в ответ. «Я не посмел». Тогда Морепа осмелел и стал журить короля и даже высказал ему личную претензию.

«Аббат Террэ пришел ко мне, — сказал он, — и сообщил о своей неуверенности и о вашем молчании. Я сам оказался в затруднении. Каждый день я являюсь к вашему утреннему выходу... Мне приходится вытягивать у вас каждое слово. Желаете вы или не желаете сменить этих двух министров? — Да, желаю. — Тогда пусть это будет сейчас».

Вопреки своему обыкновению король не проявил желания удалиться, чтобы прийти к заключению и принять в одиночестве решение, которое было уже принято. Он высказал его во время этого разговора.

Любопытная сцена, если представить себе этот заключительный диалог: единоборство двух натур, одинаково известных своей слабостью. Министр, который никогда не торопится, торопит государя, который никогда не готов. Беззащитная крепость, побежденная вялым нападающим. На этот раз Морепа добился победы выжидания над «отлыниванием»[1]. В эту минуту он сорвал плод стодневной осторожности, терпения и ловкости. Он щадил самолюбие обидчивого короля, предоставляя ему брать на себя ответственность за все принятые решения. Но таким образом он сам избежал враждебности тех, кто оказался в опале (мы видели, что аббат Террэ, человек далеко не наивный, спрашивал у него совета и как бы доверял ему свои интересы). За истекшие три месяца Морепа удалось избавиться от всех членов партии «эгийонистов», не сделав притом ни малейшей уступки партии «шуазелистов», и все это не нажив себе врагов ни с той, ни с другой стороны. Теперь министерские ключевые посты находятся в руках либо ничтожных, но близких ему людей (его шурин Лаврийер, кузен Миромениль), либо людей выдающихся, но найденных им самим (Вержен, Тюрго). Он имеет все возможности выполнять свою миссию. Должно быть, ему не хватает только веры в нее.

1 Это выражение де Вери. (V é r i. Op. cit., t. I, p. 244.)

Сейчас же ему следует выполнить последнюю формальность: получить у короля аудиенцию, которую просит щепетильный Тюрго. Следует считаться с характером каждого человека — генеральных контролеров так же, как и королей. Без сомнения, Людовика XVI отнюдь не радует перспектива такой несносной дополнительной работы!

«— Однако, — возражает король, — я дал ему полную возможность высказаться, ведь мы мало беседовали о морском деле. Я говорил ему о многих вещах, касающихся работы генерального контролера, и ждал, что он откроется мне.

— Я думаю, он ждал еще больше, чем вы, и эта откровенность могла исходить только от вас».

Итак, Тюрго и король начали еще накануне разыгрывать пьесу «Двое застенчивых». Они очень скоро смогут продолжить эту сцену.

Выйдя от короля, Морепа, естественно, отправился к Тюрго. А у Тюрго, естественно, находился аббат де Вери. Ментор рассказывает им то, что произошло, а аббат все это записывает с великой пользой для нас. После чего Тюрго отправляется к королю, а Морепа идет к аббату Террэ. В то время как к Сартину и Мироменилю посылают курьеров, а герцог де Лаврийер идет отбирать печати у Мопу, Морепа сам берет на себя последнюю миссию к аббату Террэ. Было ли это для него тяжким бременем? Мы подозреваем, что он, скорее, смакует эту отместку судьбы как одну из множества мелких услад обретенной власти.

Глава III Двое застенчивых

Людовику XVI двадцать лет. Это молодой человек в сером утреннем костюме, среднего роста (от пяти футов и трех до пяти футов и шести дюймов, по определению Монбарэ), «но массивного сложения» и уже склонный к полноте. «Характер мягкий и незлобивый заменял в нем живость, которая в его возрасте предвещает проницательный ум», — добавляет этот очень снисходительно настроенный биограф[1]. На деле выражение лица у Людовика XVI скорее надутое: обычно он держится так, словно чем-то недоволен, а в веселые минуты отпускает грубые шутки, но не умеет вести себя с подобающим ему достоинством[2]. Он шагает степенно, а когда стоит, «переминается с ноги на ногу». Лицо у него полное, крупный нос с горбинкой, яркий румянец, губы мясистые, зубы неровные; «его глаза, с поволокой, как у всех близоруких людей, не лишены мягкости»[3], но он не любит смотреть людям в глаза. В нем есть что-то непроницаемое, как отмечает Мерси-Аржанто, что можно объяснить «большой скрытностью или большой застенчивостью»[4]. Он скачет на лошади поистине сломя голову, охотится

1 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 28.
2 См.: Véri. Op. cit., t. I, p. 205.
3 Ségur. Op. cit., p. 13.
4 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 200.

со страстью[1]. Он любит самую грубую физическую работу, например работу со строительными рабочими. Мария Антуанетта в известном письме своему кузену Розенбергу высмеивает его вкус к механическим работам («Согласитесь, что возле кузницы я выглядела бы совсем непривлекательно»). Но выражение «механические работы» предполагало еще довольно благородные забавы. Даже то, что в наше время называют ремесленничеством: слесарное, столярное дело, — еще самая изысканная часть его развлечений. Он охотно занимается самыми грубыми хозяйственными делами: заколачивает и выдергивает гвозди, подметает. Если можно сказать, что молодой король в образе яростного охотника имеет достойный вид, то следует добавить, что он выходил по ночам на террасу Версальского дворца якобы «подышать воздухом», как снисходительно говорит аббат де Вери, а на самом деле, чтобы поохотиться на кошек, и даже однажды убил любимого кота г-жи де Морепа, в чем принес ей искренние сожаления; а неисправимый Морепа, как говорили, написал по этому случаю довольно язвительное стихотворение[2].

Историки старой школы[3] довольно забавно объясняют вкус короля к такого рода упражнениям и к ручному труду желанием избежать грозившего ему наследственного ожирения, признаки которого у него уже появились. Однако, если бы дело было в этом, молодому принцу было бы гораздо проще сдерживать свой непомерный аппетит, который доходил до настоящего обжорства. Мерси-Аржанто в письме от 4 августа 1770 г. описывает такой случай: «Несколько дней назад принц заболел несварением желудка, объевшись пирожными; вечером за ужином Мадам дофина велела убрать со стола все кондитерские изделия и запретила впредь подавать их до нового распоряжения».

В тот час, когда Людовик XVI начал править страной, он как будто еще не созрел для умственной жизни. Он не умел общаться с людьми ни в беседе, ни в переписке. «Он не балует меня своими пошлыми любезностями», — пишет Мария Антуанетта своей матери. Однако нельзя сказать, что он неспособен дать резкий отпор. Обычно такие выпады вызывает его брат, граф Прованский, как если б только вражда и зависть способны вывести короля из спячки. Таков его ответ бестактному представителю провинциальной делегации, который расхваливал его ум: «Я вам очень благодарен, сударь, но вы оши-

1 Ibid., p. 33.
2 Duc. de Lévis. Op. cit., p. 18.
3 А именно Карре в «Истории Франции» под редакцией Лависса (т. XVIII, первая часть).

баетесь: очень умен не я, а мой Прованский брат»*. Или его замечание по поводу представления «Тартюфа», роль которого играл граф, его брат: «Все было передано превосходно, персонажи выражали свои подлинные чувства».

Менее благоприятное впечатление производят его непринужденность и остроумие, если судить по его письмам к Марии Терезии. Вот приписка короля в несколько строк к письму Марии Антуанетты, она может служить образчиком его стиля: «Я буду очень счастлив, если смогу вас порадовать и тем показать всю свою привязанность и благодарность, что вы пожелали даровать мне вашу дочь, чему *я как нельзя более доволен*».

Молодому королю ставят в заслугу любовь к порядку, методичность и точность. К тому же это единственный человек в королевском доме, замечает Мерси, который никогда не докучает министрам[1].

Все признают у него склонность к экономии (он записывает свои личные расходы в дешевой записной книжке, какими пользуются кухарки), но, к несчастью, он не дает развиться этой склонности; отмечают также его искреннее желание добра своему народу. Под руководством Морепа он как будто добросовестно старается вникнуть в государственные дела. Однако он зевает в Совете и порой внезапно уходит с заседания. Правда, в его оправдание следует признать, что при всех режимах министерские дебаты часто вызывают ужасную скуку. Рассказывали, что Верженн на Государственном совете зачитывал самым монотонным голосом депеши, в которых говорилось все то же, что и в газетах. (Кажется, такова давно установившаяся традиция руководителей французской дипломатии.) «Де Верженн и Лаврийер так *вяло и монотонно читают свои* доклады, что усыпляют даже других министров», — пишет аббат де Вери. Г-н де Сартин полагает, что следовало бы попытаться «пробудить» короля, собираясь для обсуждения самых интересных дел, но он не строит себе иллюзий:

«Я думал, что, посылая ему бумаги, требующие решения, мы приучим его интересоваться делами. Он отвечает на них весьма аккуратно, но не было случая, чтобы он проявил помимо этого какое-нибудь любопытство».

Есть лишь одна область деятельности, которой король занимается охотно и где не приходится подстегивать его интерес. Мы уже отмечали эту черту, и она вызывает тревогу, во-первых, потому, что свидетельствует о складе характера, и, во-вто-

* Старший из братьев короля, будущий Людовик XVIII, был графом Прованским. — *Прим. ред.*

1 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 80.

рых, из-за последствий, к которым она может привести в дальнейшем. В ремесле короля его страстно увлекают сплетни, пересуды, доносы и злословие. Ему доставляет большое удовольствие чтение перехваченной почты, которую г-н д'Уаньи приносит ему, согласно обычаю, каждое воскресенье, а иногда и вне расписания. Ничто никогда не могло отвратить короля от этой привычки, на опасность и низость которой ему много раз тщетно указывали. Разумеется, нет ничего легче, чем отобрать или подделать письмо. таким образом низкие интриганы (например, сам д'Уаньи) смогут создавать у короля ложное представление об общественном мнении. Падение Тюрго будет вызвано, или по крайней мере ускорено, махинацией в этом роде. От короля не удается даже добиться, чтобы он ограничил свое любопытство только тем, что связано с государственными делами. «Отныне нет больше семейных или дружеских тайн, если вы доверяете их почте».

Однако король не ограничивается материалами, хотя и очень обширными, но все же в какой-то мере официальными, которые ему приносит д'Уаньи. У него есть и частные корреспонденты. «Известны темные личности, которые пишут ему все, что говорят вокруг». Самый усердный из них — некто г-н де Пезэ, мелкий поэт и острослов, свой человек в доме г-жи де Монбарэ. Этот Пезэ вздумал хвалиться тем, что будто бы вел постоянную переписку с покойным королем Людовиком XV. Тот же Пезэ предлагал свои услуги и многим другим властителям, в частности Фридриху II, но был решительно отвергнут. С Людовиком XVI ему больше повезло. «Г-н Пезэ, — пишет Безанваль, — нащупал у короля слабое место и принялся чернить в его глазах многих людей».

Итак, мы увидим, что французский король не только читал послания этого ничтожного интригана, но отсылал их ему со своими пометками и писал ему в свою очередь; Морепа с помощью ловкой интриги добыл эту бесценную переписку. Подобными путями Пезэ сумел добиться реального политического влияния, кстати в одно и то же время, что и другой, более знаменитый интриган — Бомарше. Это дало повод Тюрго написать через несколько месяцев после его опалы: «Бомарше и Пезэ — вот две руки министерства, которое в данном случае можно сравнить с мощами святого Овидия, имевшего, как вы знаете, две *левые руки*»[1].

С помощью Пезэ, д'Уаньи и им подобных Людовик XVI находил в области политики развлечение, сходное с тем, каким было для него в другой области ремесленничество или охота

1 Turgot Œuvres. Ed. Schelle, t. V, p. 504 [Далее автор дает ссылки на это издание сокращенно, указывая издателя (Schelle), том и страницу — *Прим ред*]

на кошек, и получал в одиночку некое удовольствие, или, как сказали бы сегодня, «разрядку».

Конечно, было бы очень заманчиво объяснять личность Людовика XVI с помощью фрейдистского анализа драмы его интимной жизни, и, несомненно, этой стороной нельзя пренебрегать. Разве увлечение грубыми физическими упражнениями не может в какой-то мере возместить недостающую мужскую силу? Пристрастие к занятиям, которые, казалось, в той или иной мере позорят его королевский сан, постоянное стремление приписывать другим дурные побуждения — не объясняется ли все это тем, что он чувствовал себя глубоко униженным своим ложным положением мужа? Сент-Бев в своем знаменитом отрывке из «Новых бесед по понедельникам» считает, что явления эти скорее совпадают, чем находятся в причинной зависимости. (Правда, он писал до появления Фрейда.) «Людовик XVI не был бессильным, так же как заику нельзя назвать немым, но как муж и как король он оставался все тем же: был неловок, стыдлив и скован». Случай Людовика XVI представлял в ту эпоху научный интерес лишь для медиков. Современники же видели в нем лишь смешной анекдот и повод для непристойных шуток. Сегодня он может представлять научный интерес для самой истории. Этот двадцатилетний человек, который вершит судьбы целого государства, находится в течение четырех лет в самом смешном положении перед женщиной, которую обожает; он не может не знать, что Мария Антуанетте приходится отвечать на настойчивые расспросы Марии Терезии: «Уверяю вас, что пренебрежение исходит не от меня». Быть может, он подозревает, что она сама призналась в этом и барону де Безанвалю. Его несчастье служит темой серьезных донесений иностранных послов, особенно представителей Австрийского и Сардинского королевских домов, которые равно интересуются этим вопросом по династическим, хотя и противоположным, причинам. Все это вызывает пересуды во дворе и находит отражение в пасквилях, которые ему передают. Чтобы избавиться от этого несчастья, королю приходится попросить совета у своего шурина Иосифа II, когда тот посещает Францию в июне 1777 г. Иосиф II берется сам принять первого врача и посоветоваться с ним. «Король, — пишет Мерси-Аржанто, — несмотря на свою врожденную молчаливость и застенчивый характер, говорил со своим августейшим шурином более откровенно, чем можно было ожидать»[1]. Нетрудно себе представить, как унизительны были для короля такая откровенность с императором и принятые им от него добрые услуги. Произошло ли затем хирургическое вмешательство или нет (эта подробность не установлена с полной достоверностью), но 25 августа 1777 г., в день св. Людовика, при дворе разнесся слух, что брачная ночь наконец состоялась (новость эту подтвердили Морена и Верженн). Случилось это через три года, день в день после Варфоломеевской ночи министров; эти два храмовых праздника имели поистине большое значение в жизни Людовика XVI.

1 Mercy-Argenteau Op cit, t II, p. 35.

Когда королева в первый раз забеременела, люди как будто заметили, что король стал говорить более уверенным тоном. Аббат де Вери, больший *фрейдист*, чем Сент-Бев, пишет по этому поводу: «Природа вложила некоторую долю стыда и робости во всех мужей, которые неспособны выполнять свой супружеский долг... Король провел несколько лет в такой неуверенности...»

Если не может быть сомнений, что подобные испытания наложили некоторый отпечаток на нрав и поведение Людовика XVI, то следует все же подчеркнуть, что основные черты характера были даны ему от природы; они несут на себе следы исключительно стойкой наследственности, идущей от деда к внуку. Свойственные ему застенчивость и подозрительность были присущи и Людовику XV и проявлялись одинаковым образом. Внук мог бы сказать, как и его дед. «Я непостижимый человек» [1]. Так, Людовик XV имел уже обыкновение часто отвечать на вопросы молчанием. Молчание Людовика XV утвердило падение Шуазеля Молчание Людовика XVI предрешит падение Тюрго. Равным образом Людовик XVI, несомненно, унаследовал от деда склонность видеть вокруг себя одно лишь зло, а также вкус к тайной переписке, которые, как у одного, так и у другого, усиливали и оправдывали эту склонность ума, однако не они ее породили. У Людовика XVI она проявилась с первых месяцев его правления. «Г-н де Морена, — пишет аббат де Вери в июле 1774 г., — за два месяца не может прийти в себя, узнав, как принц относится к людям и какие плохие отзывы ему дают о них». И немного дальше: «У этого принца открыли черту, свойственную его деду: дурное мнение обо всех на свете и вследствие этого постоянную подозрительность» [2].

Господину Анну Роберу Жаку Тюрго сорок семь лет. Он в полном расцвете сил и к тому же в самом *министерском возрасте*.

«Тюрго высокого роста и хорошо сложен», но он «противник всякой аффектации и держится не слишком прямо» (и он

1 Choiseul Mémoires, p 174 Близкие называли его «непонятным» и «необъяснимым»

2 Véri. Op. cit, t I p 126 et 149

тоже)[1]. Его статная фигура довольно массивна; у него тоже есть склонность к полноте, что менее заметно, чем у короля, так как он высокого роста и к тому же значительно старше. Но ему было всего двадцать два года, когда его друг аббат Фаржес писал ему: «Мой толстый аббат»[2]. В бытность Тюрго министром неизвестный памфлетист сложил вирши: «Наш министр толст и жирен, он сложением могуч...» Немного позже аббат Морелле написал лорду Шелбёрну: «Наш генеральный контролер в добром здравии. Он даже потолстел, и я говорю ему, что он, как видно, сосет народную кровь»[3]. В то время когда Тюрго, незадолго до его падения, был удручен тяжкими испытаниями и заботами, плохо осведомленная публика, видя, как тяжелеет этот красивый, дородный человек, считала это добрым признаком его моральной и физической стойкости, тогда как мы, скорее, сочли бы это следствием переутомления и признаком подорванного здоровья. Его лицо, судя по портретам и описаниям, с правильными чертами, гармоничными пропорциями, постоянно сохраняет выражение спокойного достоинства и благородства. Голубые глаза, выпуклый и высокий лоб, «алый и наивный рот», «белые и ровные зубы», «волосы темные, очень густые, редкой красоты». Его современники единодушны в такой оценке, как друзья, так и хулители. «Лицо г-на Тюрго было красиво, величественно и выражало какое-то особое достоинство, отличающее головы античных статуй», — говорит Монтийон, который не был его доброжелателем. Правда, он тут же добавляет: «Однако его физиономия не была ни мягкой, ни приятной, в ней не хватало определенности выражения и сквозила какая-то растерянность»[4]. Барон де Безанваль, не любивший Тюрго и ничего не понявший ни в его политике, ни в нем самом как человеке (что довольно странно, так как известно, что барон отнюдь не был лишен проницательности, и, помимо плетения интриг, ставших его специальностью, он, как мы увидим, схватывал многие политические и

1 Du Pont de Nemours P.-S. Mémoires sur la vie, l'administration et les ouvrages de M. Turgot. Philadelphie, 1782, p 419. (Далее будет даваться сокращенно: Du Pont. Mémoires.) Цитаты, не снабженные ссылками, взяты либо у этого автора, либо из «Мемуаров» аббата Морелле.

2 Schelle, t. I, p. 153.

3 Morellet. Lettres à Lord Shelburne, p. 95.

4 Это замечание не было подтверждено ни одним наблюдателем, и мы были сначала склонны приписать его пристрастию Монтийона. Но весьма вероятно, его следует объяснить слабым зрением Тюрго, которое проявилось у него с раннего возраста, благодаря чему его даже освободили от записывания лекций (Schelle, I). Эту особенность можно сравнить с близорукостью Людовика XVI; и в те времена, когда не умели исправлять зрение, близорукость могла сыграть важную роль в свойственной обоим застенчивости. (См.: Montyon. Op. cit., p. 175.)

административные тонкости), — итак, Безанваль тоже признавал, что у Тюрго *красивое лицо*: «Г-н Тюрго стал главой группы экономистов; он выполняет эту роль очень хорошо благодаря красоте своего лица, лаконизму, даже суровости своих ответов и чрезмерной гордости...»[1] То, что Монтийон называл неопределенностью выражения, а Безанваль чрезмерной гордостью, на самом деле, несомненно, лишь признаки застенчивости, которые мы находим в более ярких описаниях Дюпона и аббата Морелле: «На его очень белой коже часто вспыхивал довольно яркий румянец, который выдавал малейшие движения его души». «Его скромность и сдержанность сделали бы честь молоденькой девушке». «Самый безобидный двусмысленный намек на определенные темы заставлял его краснеть до корней волос и приводил в полное замешательство». Но он совсем не мрачен и не высокомерен. «Эта сдержанность, — говорит далее Морелле, — не мешает ему искренне радоваться чему-нибудь с наивностью ребенка или громко хохотать над шуткой, остротой или забавной выдумкой». Однако «ирония у него скорее рассудочная, чем веселая». Это именно то, что называется юмором; мы находим много тому примеров в его личной переписке. В основе его характера лежит разумный оптимизм, который преодолеет испытания опалы и болезни, ибо 22 июня 1780 г., незадолго до смерти, он пишет мудрые и трезвые слова, несомненно не лишенные юмора: «Если брать в целом, то в жизни больше хорошего, чем плохого; но в какой пропорции находятся эти два ингредиента, если сравнивать одного индивида с другим, определить так же трудно, как исследовать их внутренности». Быть может, на этом «благородном и доброжелательном» лице можно также прочесть особое выражение, придаваемое ему привычкой к физическим страданиям, сознанием отмеренного ему времени, предчувствием несправедливо скорой кончины. «В нашей семье,— говорил он,— умирают в пятьдесят лет». Уже с 1760 г. он подвержен приступам наследственной болезни — подагры, которая заставляет его жестоко страдать в течение всей его министерской деятельности (высчитали, что он находился в состоянии полной инвалидности в течение пяти — семи месяцев из двадцати месяцев своего управления). Эта болезнь, которую мы сегодня считаем почти безобидной, приковала его к постели в самые решающие для него дни; он просил, чтобы его переносили в кресле в покои молодого короля, где он работал по три часа подряд, оставаясь с ним наедине. В отставке он так жестоко страдал, что не мог даже играть в шахматы, а путешествовал только лежа в

1 Besenval. Op. cit., t. I, p. 327.

дорожной карете. Он умер не в пятьдесят лет, а в пятьдесят четыре, в 1781 г., и не от подагры, а от камней в печени.

Право, весьма вероятно, что, проживи он дольше, его снова призвали бы, как призвали Неккера. Если бы в то утро 24 августа 1774 г. Тюрго мог предвидеть, сколько времени ему еще осталось жить (что очень маловероятно, ибо ему был чужд мир иррационального), он мог бы заключить, что природа точно отмерила ему годы, необходимые, чтобы провести его основные реформы и получить первые результаты — словом, выполнить дело своей жизни; семи лет было не слишком мало и не слишком много. 4 сентября 1775 г. Морелле написал лорду Шелбёрну: «Наконец-то мы двигаемся в сторону добра, и, если у нас будет всего пять или шесть лет такого правления, дело настолько продвинется вперед, что мы будем вынуждены продолжать...» Этот расчет Морелле совпадает с нашим. Нужно было пять или шесть лет после 1775 г., и именно столько оставалось жить Тюрго. Но люди рассудили иначе, а главное, тот совсем молодой человек, который в этот день так горячо пожимал ему руки.

Если в двадцать лет король Людовик XVI выделялся только своим увлечением физическим трудом, то Тюрго в сорок семь, как и в двадцать лет, выделялся исключительно богатой интеллектуальной жизнью. Никогда он не был ни столяром, ни охотником.

В том возрасте, в каком был теперь король, в 1749 г. Тюрго избрали приором богословского факультета Сорбонны, что равносильно кацику в выпуске Эколь нормаль (Высшего педагогического института). Он мог произнести на латыни панегирик св. Урсуле, но в тот же год в письме своему соученику аббату Сисе посылает критический разбор системы Лоу* и анализирует принципы денежного обращения. С тех пор он никогда не переставал обогащать свои познания, развивать свои способности, даже в тех науках, которые давались ему с большим трудом (например, в математике, по свидетельству Морелле), но в то же время деятельность в парламенте и двенадцать лет пребывания на посту интенданта в Лиможе знакомят его с реальной действительностью и дают ему опыт и навыки в работе.

* Лоу, Джон (1671—1729) — английский финансист, основал во Франции частный банк с правом выпуска банкнотов. «Система Лоу», основанная на выпуске в обращение необеспеченных банкнотов, вызвавшая неслыханный биржевой ажиотаж и спекуляцию, привела банк Лоу к банкротству, а сам он вынужден был бежать из Франции. К. Маркс причислял Лоу к «главным провозвестникам кредита». — *Прим. ред.*

Несмотря на свои врожденные способности, несмотря на приобретенные знания и опыт, Тюрго страдает от отсутствия у него одного дара — красноречия, он даже почти лишен способности убеждать. Средства выражения у него гораздо слабее концепций. Он ни умелый докладчик, ни публицист. Зато его довольно многочисленные произведения можно читать и в наши дни, и, если в них вчитаться, они все еще не лишены интереса; они ничуть не похожи на невыносимую галиматью Неккера. Но им не хватает живости (за исключением его писем), темперамента и ясной, динамичной формы. Это архитектура без башен, без шпилей, строгая, но тяжеловесная, мрамор, на котором не проступают прожилки[1].

И все же у него есть вкус к образному языку, как отмечает г-н Вигрё, но он прибегает к нему вне своих служебных занятий. Однако некоторые его сочинения поражают нас своеобразным красноречием, но красноречие это как бы внешнее, оно исходит от самих событий; сегодня мы, конечно, можем лучше, чем в ту эпоху, оценить необыкновенное соответствие между развивающимися событиями и кажущейся неподвижной мыслью. Таково, например, письмо от 24 августа и пророческие письма, предшествующие его опале. Свои серьезные и тяжеловесные работы Тюрго создавал после многотрудной и кропотливой работы, «обтесывая» и перенося текст с одного черновика на другой, обдумывая лучшие обороты и оттачивая свое перо, за что его называли «медлителем», так как он еле двигался вперед. Со всеми этими оговорками, все же пером он владеет лучше, чем словом. Он не умеет убеждать в словесном турнире. «Ясность не была его лучшим качеством», — говорит Морелле, который очень его любит. «Его затрудняет устная дискуссия», — замечает его друг аббат де Вери. А Монтийон, который его не любит, заявляет: «Говорил он тяжеловесно, многословно, неясно». Однако дело не в том, что он произносил длинные речи; напротив, когда он выступал в парламенте, его находили более кратким тогда, когда он был многословен, ибо в этом случае ему удавалось быть лучше понятым. «Пишите больше, — советовал ему аббат де Вери, — вы пишете очень хорошо, тогда как менее сильны в словесном споре».

Однако отсутствие склонности к красноречию и ораторского дара не может в полной мере объяснить его скованности пе-

1 В этом отношении поражает текст, помещенный в собрании сочинений Тюрго под названием «Примиритель» («Le Conciliateur»), причем не установлено, принадлежит ли он Тюрго или Бриенну. Основа может принадлежать Тюрго, но форма представляет такой контраст и, надо сказать, настолько превосходит форму предшествующих и последующих произведений, что это сравнение дает неопровержимый ответ. Разумеется, это не мешает Тюрго быть великим министром, а Бриенну отвратительным государственным деятелем.

ред собеседником, характерного для него предпочтения выражаться письменно и даже его слишком решительного тона, «который, казалось, исходит от человека, желающего самовластно решать дела других». Тут надо иметь в виду еще «дар злой феи», необъяснимую черту характера — застенчивость. Его уверенность никогда не имеет мистического оттенка, она основана на осознанной правильности логических умозаключений и честности моральных побуждений.

Одушевленный единственно заботой о всеобщем благе, подготовляя свои решения после тщательного изучения всех данных, анализируя и опровергая возражения, Тюрго не может допустить, чтобы другие умы не склонились перед очевидностью, столь ясной для него самого. Он не понимает, как можно противиться тому, что невозможно опровергнуть. Когда он осознает эту нелогичность, она не вызывает в нем ни гордости, ни презрения, но, скорее, удивление, замешательство и своего рода столбняк. «Он хотел управлять с помощью наглядного убеждения».

Вероятно, о нем можно сказать то же, что сказал Стендаль о Жюльене Сореле: «Он обычно ошибался, предполагая у людей слишком много ума».

Мы знаем слишком мало подробностей интимной жизни Тюрго, в отличие от случая с Людовиком XVI, и поэтому не можем искать в ней те же причинные связи или соответствия. Она осталась для нас и по сей день «скрытой за семью печатями». В то время только удивлялись, и удивляются до сих пор, что человек с его характером не женился и не создал себе домашнего очага.

«Есть основание предполагать,— пишет Монтийон,— что он не чуждался чувственных радостей, но об объектах подобных связей можно было только догадываться».

Если в этом нет ничего похожего на комплекс Людовика XVI, все же трудно не заподозрить в таком поведении некоторой доли нерешительности и робости перед реальной жизнью. Во всяком случае, следует отметить, что, какова бы ни была разница в их положении, и тот и другой — и министр и король — были лишены нормальной, упорядоченной сексуальной жизни.

Если вспомнить о том, что считается общеизвестным для Морепа, то последнее соображение можно отнести ко всем трем историческим лицам, которые некоторое время держали в руках судьбы королевства. Не все тайные пружины истории сокрыты в экономических изменениях.

Между двадцатилетним королем и сорокасемилетним министром, между этими двумя людьми, столь разными во многих

отношениях, есть все же, как мы видели, физическое сходство: склонность к полноте, близорукость и, главное, важная общая духовная черта — застенчивость. Нам не раз описывали, как при разных обстоятельствах и тот и другой проявляли неловкость и стеснительность. «Стеснительность — неотъемлемая черта его характера», — говорит о Тюрго аббат де Верн. Мы увидим, как тот и другой, а часто один в разговоре с другим, испытывают затруднение, желая объясниться ясней, заставить себя понять, протянуть нити человеческого доверия. Однако эта застенчивость разного порядка. Король в своей застенчивости недоверчив, подозрителен, скрытен, недоброжелателен. Ничего подобного нет у Тюрго. Мы увидим, что никогда он не питает несправедливых подозрений, никогда не осуждает без оснований, никогда не придирается к мелочам, не вскрывает чужих писем, не пользуется позорящими «сведениями».

Было бы естественно приписать характеру короля комплекс неполноценности, а Тюрго — комплекс превосходства. Король не может не сознавать своего крайнего невежества и ничтожных способностей. Тюрго не может не понимать, как велик объем его знаний и каким выдающимся умом он обладает.

А оказывается как раз наоборот. Король очень высокого мнения о своей особе. Все свои недостатки он объясняет лишь молодостью. Настойчивость, с которой он постоянно напоминает о ней, кажется подчас даже трогательной, но на деле это только способ создать себе удобное алиби, что свидетельствует о снисходительности к себе.

Король сомневается в других, а Тюрго, как это ни парадоксально, в себе самом. Разумеется, не в своих принципах, не в своих доводах и побуждениях; его даже не смущают плохие ораторские способности — ибо это лишь следствие, а не причина, — он робок в глубине своего «я», своего «ego», это застенчивость скромного и поистине «чистого» человека — качество, присущее Тюрго как в умственной жизни, так и в сфере чувств.

Этим объясняется и его отвращение ко всякой саморекламе, к тому, что сегодня называют *public-relations**, из-за чего его популярность никогда нельзя было сравнить со славой Неккера, хотя у Тюрго она имела бы значительно более веские основания. И наконец, его сдержанность в выражении чувств, создавшая ему незаслуженную репутацию человека холодного, сухого, в то время как по натуре он был совершенно иным.

* Public-relations (англ.) — общественная информация, реклама. — *Прим. ред.*

Он доверчиво раскрывается только в дружбе; в переписке, в подробностях его жизни мы находим много очаровательных и тонких черточек. Эти «скрытые силы» в душе Тюрго не ограничиваются личными отношениями. Его окрыляет сочувствие к человечеству, сознание братства людей. Он редко выражает эти чувства в эмоциональной форме, но, когда ему случается высказать их (как будто ненароком), невозможно сомневаться в его глубокой искренности. Взять хотя бы такую фразу из его письма Дюпону: «Души общаются и люди привязываются друг к другу отнюдь не потому, что их связывают внешние — я чуть не сказал, паразитические — отношения. Только через то, что трогает сердце, что делает людей счастливыми или несчастными, познают они друг друга как людей и как братьев». И несомненно, Тюрго вопреки своему облику холодного теоретика и опытного правителя вкладывал в свои политические задачи весь пыл благородной страсти. «О! — писал он м-ль де Леспинас, говоря о своих противниках. — Всем этим людям, должно быть, претит энтузиазм!» Именно внутренний огонь, а не упрямство педанта или «жажда власти» администратора внушает Тюрго то, что его враги называют «безрассудный пыл», друзья же говорят, что он «помешался на общественном благе»[1].

Но во всем сказанном выше не следует ли отметить и кое-какие сходные черты у Тюрго и Людовика XVI? Несомненно, ибо если король подозрителен и недоброжелателен или, точнее, легко верит злу, то он все же человек не плохой и не злой; у него отмечают черты сердечной доброты. Самые разные исследователи сходятся во мнении, что он искренне желал добра своему народу, хотя это чувство и трудно отличить от желания снискать популярность и вызвать восхищение. И эта забота [о народе] в некоторых случаях более всего сблизит этих двух людей.

Король не лишен некоторой эмоциональности, как не лишен он и ума. Но он так же не горяч в первой, как не силен и во втором. В одной из своих тонких психологических заметок Мерси-Аржанто — и в том его заслуга — установил причинную связь между этими двумя видами неполноценности

«Нельзя предполагать, что король обладает достаточно сложившимся и решительным характером, чтобы считать его способным на глубокое уважение или сильную привязанность: эти чувства требуют большего нервного усилия, большей гибкости и умения размышлять, чем мы могли бы ожидать от него».

Суть дела в том, что король не способен ни на длительное напряжение ума, ни на настоящую сердечную привязанность. Туман застенчивости скрывает здесь очень скудный пейзаж. Шуазель говорил еще о Людовике XV: «Его застенчивый вид очень хорошо прикрывает его глупость»[1].

Тюрго ошибался в короле, то ли из-за доверчивости, свойственной уму, верящему в добро, то ли находясь под впечатлением королевского величия, то ли, наконец, потому, что он судил о поведении Людовика XVI по своему собственному.

И тот и другой застенчивы и неловки, и это так, но, с одной стороны, мы видим натуру богатую и щедрую, которая хочет выразить себя и давать и страдает от своего неумения общаться, а с другой — натуру бедную и недоверчивую, которая не только не старается давать, но даже опасается брать.

В этот день присущая обоим неловкость в сочетании с некоторыми общими для них склонностями, сознанием некоего долга и желанием всеобщего блага усилила пробежавший между ними легкий ток симпатии.

Неумение высказать все в словах придало волнующую силу их рукопожатию.

«Я знаю, что вы застенчивы».

Но назавтра неумение останется, а волнение будет забыто. Каждый будет тянуть в свою сторону и ошибаться на свой лад Тюрго из доброжелательности, а Людовик XVI из-за подозрительности; один, потому что уверен, что ему будет легко убедить, а другой, потому что не любит, чтобы его убеждали. Тот, кто дает, ошибается, потому что не думает, что его отвергнут, а тот, кто получает, потому что думает прежде всего, как бы его не обманули Тот, кто говорит, ошибается, так как говорит не очень хорошо, а тот, кто молчит, так как молчит не просто, а с тайной целью. Тюрго принимает молчание короля за знак согласия.

«Г-н де Мальзерб и г-н де Морепа, — вздыхает аббат де Вери, — никогда не приняли бы, как Тюрго, безмолвие короля за признак того, что они его убедили, но решили бы, что привели его в замешательство».

---

1 Кусает, лягает, пихает, крушит,
Кто это — мул, или конь, или бык?
Безумные очи, неймется ему,
Но весь этот пыл, увы, ни к чему!
(Schelle, t. IV, p 27.)

«Вы воображаете, что любите общественное благо ничуть не бывало! Вы просто помешались на общественном благе». (Véri. Op. cit, t I, p. 449)

1 Choiseul. Mémoires, p 220.

А король боится, как бы не произошло устранения его личности: «Г-н Тюрго хочет быть мной, а я не хочу, чтобы он стал мной»[1].

Но сейчас говорить об этом еще рано. Сегодня все еще возможно, сегодня все уже трудно. Намечается великая возможность. Готовится длительное недоразумение[2].

1 Véri Op. cit., p. 448.

2 О свидании Тюрго с королем в этот день, в то самое утро, сохранились два рассказа, записанные в виде диалога и совпадающие в основных чертах. Один оставил аббат де Вери, другой — м-ль де Леспинас, оба были получены ими из первых рук, от самого Тюрго.

По записи Вери (p. 187).

«*Тюрго:* Все, что я говорю вам, немного сбивчиво, потому что я чувствую себя еще взволнованным.

Людовик XVI: Я знаю, что вы застенчивы, но знаю также, что вы человек твердый и честный, и я не мог сделать лучшего выбора. Я назначил вас в морское министерство только на время, чтобы иметь возможность вас узнать.

Тюрго: Мне нужно, сир, чтобы вы разрешили мне изложить письменно мои основные идеи и, если вы соизволите, условия относительно того, как вы должны поддерживать меня в этом управлении, ибо, признаюсь вам, я дрожу при мысли о том, сколь поверхностны мои познания в этой области.

Людовик XVI: Да, да, как вы хотите. Но я заранее даю вам честное слово вникать во все ваши намерения и всегда поддерживать вас в смелых начинаниях, которые вы предпримете».

По записи Жюли де Леспинас.

(Morellet. Op. cit., t. II, p. 305. Lettre 48, 29 août 1774.)

«Вы знаете, что г-н Тюрго стал генеральным контролером; но вы не знаете, что он имел разговор на эту тему с королем. Когда г-н де Морепа предложил ему от имени короля эту должность, он не сразу согласился ее занять. Он отправился поблагодарить короля, и король ему сказал: «Разве вы не хотите быть генеральным контролером?»

«Сир, — ответил ему Тюрго, — я признаюсь Вашему Величеству, что предпочел бы морское министерство, ибо это более надежное место, где я был бы более уверен, что принесу пользу, но в эту минуту я отдаю себя в руки не королю, а благородному человеку».

Король сжал ему руки и сказал: «Вы не обманетесь». Г-н Тюрго добавил: «Сир, я должен предупредить Ваше Величество о необходимости экономии, и вам надлежит показать тому пример. Г-н аббат Террэ, наверно, уже говорил об этом Вашему Величеству». «Да, — ответил король, — он мне говорил, но говорил не так, как вы».

Глава IV Вступление в должность генерального контролера

Итак, Тюрго приступил к работе в том самом ведомстве, которое он когда-то сравнивал шутя с Бастилией[1]. Его назначение подписано Людовиком XVI 24 августа; он сообщает об этом назначении интендантам в письмах от того же числа из Компьена[2]. 26-го король назначает Тюрго государственным министром, ибо генеральный контролер финансов по своему статусу не входит в Государственный совет. Того же 26-го Тюрго дает присягу, принятую Миромениле; 31-го его полномочия регистрируются Счетной палатой и, согласно обычаю, он вводится в должность этой инстанцией, после чего обменивается речами с первым президентом де Николаи[3]. Редактор «Журналь историк» пишет, что Тюрго вызвал горячие аплодисменты, а президент произвел почти сенсацию, «внушая новому министру, сколь опасен дух системы в управлении финансами»[4].

1 «Мне сообщили, что некто Жени де Брошо был отправлен в Бастилию за то, что составлял финансовые проекты и предлагал себя на место генерального контролера. Мне обидно за г-на де Л..., ибо если бы мне было дело до г-на Брошо, то я с таким же удовольствием увидел бы его на том месте, которого он домогается, как и в Бастилии». (Г-же д'Анвиль, 29 сентября 1769 г.)

2 См.: Neymarck, t. II, p. 384. Письмо интенданту Шампани.

3 Этот судейский чиновник не одобрял идей Тюрго. (Foncin E. Essai sur ministère de Turgot. Paris, 1877, p 77 et les citations)

4 «Journal historique», 3 septembre.

Речь первого президента, напечатанная немного позже в той же газете, как будто не подтверждает этого замечания, разве что намерение автора было очень умело скрыто во фразе «Во всех этих операциях следует пользоваться простыми средствами», которую можно самое большее счесть за очень сдержанное предостережение против эконометрии Но будь это даже так, или будь первая заметка неточной, или речь президента сокращенной, этот случай нам кажется интересным, ибо показывает, как даже в радостно приподнятой атмосфере первых дней финансисты, «бросаясь в объятия генерального контролера», уже нащупывали слабое место у нового министра

Что же касается сути дела, то оставшиеся у нас записи двух речей показывают, что они совпадают в единственном существенном вопросе, который был тщательно рассмотрен, а именно экономия, устойчивость, снижение налогов

Упорядочивая собственное [финансовое] положение, Тюрго сразу же доказал свое бескорыстие и подал пример экономии Жалованье генерального контролера составляло 142 тыс. ливров, он сократил его до 80 тыс и отказался от суммы, даваемой на обзаведение при вступлении в должность, эта сумма для других министров доходила до 60 тыс ливров у самых скромных (Морепа) и до 344 тыс у самых дорогостоящих (Сен-Жермен). Тюрго отказался также пользоваться узаконенной *взяткой*, даваемой генеральному контролеру генеральными откупщиками за каждый арендный договор либо в виде единовременного дара в 100 тыс экю при его подписании, либо в виде шести ежегодных взносов по 50 тыс франков (в течение действия договора) Такая практика, по понятиям того времени, не считалась ни незаконной, ни бесчестной, и, по словам де Вери, аббат Террэ, считая получение такой взятки своим правом, ссылался на справедливость и частную собственность. Тогда не существовало установленных правил для оплаты высоких должностей Источники государственных доходов были еще недостаточно отделены от собственности, принадлежащей королю И так как он жаловал должности так же, как раздавал милости, то казалось вполне естественным стараться извлечь побольше выгоды как из тех, так и из других Работа министра, как и безделье придворного могли равно считаться законным предлогом для получения неограниченного дохода. Безмерный аппетит сам по себе не считался скандальным, пока он не приводил к продажности или обману, в чем, кстати говоря, общественное мнение, не разбиравшееся в этих тонкостях, часто подозревало министров Так было с аббатом Террэ, хотя ни разу не было приведено доказательств какой-либо его вины, кроме отсутствия деликатности, так было и с де Буаном, хотя

по отношению к нему это утверждение, по видимому, оказалось выдумкой.

При таких взглядах и привычках не только назначение государственного деятеля, но и его отставка становились предметом своего рода торга или полюбовной сделки, и можно было наблюдать, как на опалах строились целые состояния Чрезвычайно типичный подсчет составил при аналогичных обстоятельствах со свойственным ему самодовольством (впрочем, на этот раз вполне оправданным) князь де Монбарэ общий семейный доход князя, состоявший из пенсий, жалованья и милостей, превышал 100 тыс франков в год, не считая пожалованного ему в бессрочное пользование роскошного дворца[1]

Но было бы ошибкой рассматривать эту финансовую проблему односторонне Выполнение государственных обязанностей приносит различные доходы, в зависимости от корыстолюбия,

---

1 «Людовик XV в 1773 г, после военного совета в Лилле, назначил мне жалованье в размере 3 тыс франков в месяц, итого в год . 36 000 франков

После реформы, коснувшейся положения генеральных инспекторов, когда министерство возглавлял граф де Сен Жермен, каждому из них сохранили жалованье 8 000 франков

Пенсия государственного министра 20 000 франков

Пенсия кавалера разных орденов 3 000 франков

67 000 франков

Сверх того, у меня был самый обширный и самый красивый дом во всем Арсенале [ансамбль зданий, являвшихся резиденцией главного начальника материальной части артиллерии — *Ред*], с великолепными садами, а пользование этими владениями после моей смерти было закреплено за г жой де Монбарэ и за моими детьми, так что этот дворец, разве что я вздумал бы от него отказаться, был настоящей собственностью Поэтому я обставил свое жилище не без роскоши и, главное, со всевозможными удобствами как для себя, так и для моей жены и детей и всех, кто должен был нас окружать За г-жой де Монбарэ, когда она покинула свое место у Мадам Аделаиды, сохранили

ее жалованье 4 000 франков

Выходя замуж, она имела пенсию 2 000 франков

А после смерти отца получила еще одну пенсию 2 000 франков

8 000 франков

Г-н де Сен-Морис, мой сын, получил от Месье, брата короля, должность капитан полковника его швейцарской гвардии, от которой мне разрешили отказаться в пользу сына, с жалованьем 16 000 франков

Его жалованье соответственно 16 000 франков

Людовик XV даровал ему место старшего бальи Безансона, приносящее 3 000 франков

И должность сенешаля в графстве Вабр и Род, дающую . . . . . 4 000 франков

23 000 франков

но влечет за собой и различные расходы, в зависимости от щедрости, и во всяком случае требует неизбежного минимума затрат и расходов на представительство. Так, когда Неккер после опалы Тюрго возглавил генеральный контроль и сделал широкий жест, отказавшись от всякого жалованья (что объяснялось прежде всего особыми обстоятельствами: он был иностранец, имел большое состояние и был банкиром), Тюрго попытался доказать, разумеется не без некоторого пристрастия, что такое бескорыстие объяснялось, скорее, желанием избежать расходов[1].

Возвращаясь к началу нашего рассказа, мы не можем точно восстановить все обстоятельства, при которых Тюрго отказался от этого побора. Одни говорят, что Террэ уже получил эту взятку, ибо договор (договор Давида) был недавно заключен под его покровительством, и что его заставили вернуть взятку обратно; другие — что Террэ еще ничего не получил, но у него хватило наглости ее потребовать[2].

Так как не было никакого смысла давать генеральным откупщикам дополнительный доход в 100 тыс. франков, эти деньги были внесены в казну и переданы парижским приходским священникам на организацию прядильных работ для бедняков[3]

Каковы бы ни были подробности, бесспорен факт, что Тюрго отказался от того, что не только аббат Террэ, но и любой генеральный контролер принимал или принял бы как самую естественную вещь на свете, и этот поступок, так же как умеренность в определении своего жалованья, указывает, что и в этих вопросах Тюрго тоже опередил свое время, приблизившись к нашим современным взглядам.

Мы можем полюбопытствовать и попытаться определить, каким было бы в наши дни материальное положение министра, если бы он располагал средствами, соответствующими жалованью Тюрго. Подобные сопоставления, конечно, довольно приблизительны. Однако, поскольку этот вопрос будет возникать в течение всего нашего исследования по поводу более значительных явлений, в частности по поводу бюджета, мы отважимся, не откладывая, установить, с необходимыми оговорками, некоторые соизмеримые показатели.

Прежде всего можно подумать об индексе движения цен. Статистические работы позволяют сделать подсчеты, в целом,

1 Письмо г-же д'Анвиль от 3 июля 1777 г.
2 Первая версия дана у: Métra. Correspondance (9 ноября) и в письме м-ль де Леспинас (30 сентября); вторую дает аббат де Вери, более подробный рассказ которого кажется наиболее достоверным.
3 Véri. Op. cit.; Du Pont. Op. cit., p. 177.

конечно, довольно произвольные. В самом деле, количество некоторых товаров увеличилось, а других уменьшилось, некоторые товары и услуги исчезли из экономической жизни, другие появились. Если рассчитывать взвешенные индексы для 1958 и для 1789 гг., то можно очень приблизительно установить, что собственно движение цен в двух направлениях взаимно компенсируется, что часть новых, употребляемых в наши дни товаров компенсирует частичное или полное исчезновение прежних товаров и что полученная таким образом средняя выявляет почти исключительно денежное соотношение. При таком методе расчета величина коэффициента будет в пределах 205—220. Если мы применим его к жалованью 80 тыс. ливров, выдаваемому Тюрго, мы получим доход, эквивалентный сумме от 16 400 тыс. до 17 600 тыс. франков. Но этот подход не может использоваться для проведения реальных сопоставлений. Это означает только, что с доходом приблизительно 17 млн. можно было бы при всех прочих равных условиях приобрести сегодня точно такое же количество товаров и услуг, какое мог получить Тюрго на свои 80 тыс. ливров. Но тут не принимается в расчет значительное повышение уровня жизни, рост национального дохода и покупательной способности между 1789 и 1958 гг. Если бы человек мог жить во время обеих этих эпох и покупал или потреблял бы то же самое, что и до революции, уровень его жизни был бы относительно низким, ибо, по предположению, его не коснулся бы процесс общего повышения благосостояния всего французского народа на протяжении почти 175 лет.

Чтобы по возможности добиться наиболее реального сопоставления, необходимо, следовательно, рассчитать первый показатель — индекс цен и второй — показатель общего повышения жизненного уровня, или, что одно и то же, среднего увеличения дохода в расчете на душу населения.

При проведении подобных расчетов необходимо иметь данные о национальном доходе Франции в XVIII в. Однако эта проблема потребовала бы долгого изучения. На основании сведений, собранных г-ном Молинье[1], и его указаний мы считаем возможным остановиться на цифре в 5,5 млрд., которая относительно высока. Возможно, что отклонение от реального показателя в ту или иную сторону не превысит 1 млрд.

Разумеется, если учитывать разницу в численности населения в рассматриваемые эпохи, то следует считать, что доход на душу населения возрос примерно в 9 раз. В результате мы получаем соотношение между ливром и франком, равное приблизительно 1 : 2000.

1 Molinié. Les calcul d'agrégats en France antérieurement à 1850. — «Revue d'Économie politique», 1957, p. 875.

Иными словами, мы предполагаем, что средний доход на каждого человека до 1789 г. равнялся 210 ливрам, а сегодня (что гораздо легче проверить) он равен 405 тыс. франков. При средней оплате человек, зарабатывавший при Людовике XVI 210 ливров, сегодня зарабатывал бы 405 тыс. франков. Следовательно, министр, получавший 80 тыс. ливров, должен был бы получать около 152 млн. франков.

Можно было бы заключить, что положение генерального контролера и без всяких взяток было прекрасно обеспечено. Однако расходы, связанные с его должностью, были значительно выше, чем в наши дни.

Канцелярия генерального контролера была расположена во дворце Мазарини, на улице Нёв-де-Пти-Шан, где в наши дни разместился филиал Национальной библиотеки. Не следует представлять себе его канцелярию в виде настоящего министерства в современном понимании. Не говоря о том, что административные службы в ту пору были несравненно менее обширны, чем в наши дни, они не были сосредоточены в одном месте, но распределены между шестью интендантами финансов[1], и все они работали у себя на дому, за исключением Булоня. И сами интенданты не имели канцелярий и обходились только одним секретарем и служащим. Каждый подчиненный начальник отделения устраивает в своем доме маленький кусочек министерства. Личные сотрудники министра, советники, контролеры, которые сегодня входили бы в состав «кабинета», даже не все находятся при своем министре. В его непосредственном распоряжении в здании Генерального контроля находится только его первый помощник (premier commis), который занимает пост, представляющий нечто среднее между товарищем министра и начальником кабинета, и подведомственные ему отделения под управлением четырех чиновников (пятый

1 Д'Ормессон, Моро де Бомон, Трюден, Булонь, Амело, Бурен. О распределении их обязанностей смотри очень подробное изложение у Фонсена (Foncin. Op. cit., chap. III et suiv.) и издание Шелля (Schelle, IV, p. 21 et 120). В их компетенцию, по определению Королевского альманаха (1774 г.), входят: «Королевская казна. Случайные доходы. Главное управление всеми откупами. Духовенство. Внутренняя торговля. Внешняя торговля по странам. Чрезвычайные расходы на войну. Артиллерия и инженерные войска. Казенный хлеб и продовольствие. Солдатский походный паек. Королевские здания и дворцы. Ренты. Области, имевшие местные штаты. Звонкая монета. Парламенты и высшие суды. Мосты и дороги. Плотины и насыпи Заставы и мостовые Парижа. Мануфактуры. Городские ввозные пошлины. Долги общин. Двадцатины. Дополнительный налог из расчета 4 су на каждый ливр первоначальной двадцатины. Касса погашения долгов и недоимок. Навигация внутри страны. Каналы».

находится в Версале): отделение депеш (Броэ), отделение по делам рент (Дюпюи) и одно смешанное отделение, руководимое Детушем, а затем Лакруа. Несколько отделений размещены и в Париже, и в Версале (Вилье, Барбэ), другие в самом Версале, обычном местонахождении двора и, следовательно, Государственного совета (Менар де Конишар).

Генеральный контролер держит под своим началом и пять интендантов торговли, также разбросанных в разных местах[1]. Напомним, наконец, что он руководит всеми интендантами провинций, а в областях, лишенных местного самоуправления, ему надлежит их назначать (интенданты областей, имеющих местные штаты, подчинены военному министру). Таким образом, он стоит в центре управления деятельной сетью администрации страны; и тут мы видим, насколько его полномочия превосходят полномочия современного министра финансов. Его дополнительные дела и обязанности: «мосты и дороги» (он носит титул генерального директора мостов и дорог Франции, застав и мостовых Парижа, плотин и насыпей, королевских питомников и торговых портов), «торговля и мануфактуры», но в обоих случаях Трюден ведает «всеми деталями» этого управления, занимая положение, соответствующее сегодня посту государственного секретаря по общественным работам, промышленности и торговле при министре финансов. Упомянем для памяти «казначеев муниципальных рент», «монетный двор», «королевскую казну», поставленную под опеку казначея королевских денег, сборщика тальи и двадцатины, управление откупами — «таково множество отдельных служб, находящихся в постоянной принудительной связи» с генеральным контролером[2].

Весь этот аппарат управления в целом, созданный не по определенному плану, а в результате многочисленных пристроек и поправок, представляет собой сложный механизм, который еще утяжеляется методом работы в комиссиях, скорее теоретическим, чем реальным. Решения министра принимаются в советах: Совете финансов или Совете торговли, которые лишь формально утверждают эти решения, — и чаще всего сводятся к заседанию генерального контролера с одним только интендантом, а порой даже одного интенданта с самим собой, как о том рассказывается в знаменитых ремонстрациях Высшего податного суда[3]. Таким образом, вся работа подготовляется че-

1 Була де Кэнси, Монтаран, Котт, Броше де Сен-Пре, Вирлево.

2 Foncin. Op. cit., p. 76.

3 В короткий период, предшествовавший назначению Тюрго, Морепа добился решения, что Совет финансов будет собираться на самом деле. Это был лишь политический ход, который Морепа впоследствии использовал в своих интересах.

При Тюрго к этому средству прибегали лишь для решения спор-

тырьмя обычными и одиннадцатью чрезвычайными комиссиями, или бюро; в каждую из них входит пятнадцать — двадцать человек, избранных из шестидесяти сотрудников министерства: государственных советников или докладчиков в Государственном совете, все тех же людей, переходящих из одной комиссии в другую, — многоликий синод, который сохраняется только для оправдания фиктивных миссий и бесполезных должностей.

Новый министр вначале вызывает особый интерес, когда решает вопрос о подборе сотрудников. Тем более министр-новатор. Ожидали, что Тюрго жестоко расправится с аппаратом на местах, служившим под началом аббата Террэ. Но на деле Тюрго действовал справедливо и умеренно. Он устранил лишь людей заведомо скомпрометированных, справедливо подозреваемых или от природы неспособных. Их замена не представляла никаких проблем. Придя во дворец Мазарини, Тюрго принес с собой не только опыт работы и программу действий, но и привел свой отряд: советников и сотрудников, которых он имел счастье найти, имел возможность испытать и сумел объединить. Но никогда он не освобождал места, чтобы «пристроить» своего протеже — в таком случае он предпочитал подождать, когда место освободится или откроется новая должность, — и эта щепетильность тоже не преминула вызвать критику.

Прежде всего следовало назначить себе первого помощника. Естественно, что на таком посту всякий министр хочет иметь человека, которому он полностью доверяет, а как раз занимавший эту должность Леклерк не вызывал никакого доверия. Итак, Тюрго заменил его де Вэном.

Сопоставление этих двух людей в мемуарной литературе того времени носит назидательный характер, напоминая картинки к благочестивой литературе. С одной стороны, Леклерк, ставленник Террэ, зеркальное отражение своего хозяина. «Его вызывающая роскошь возмущала публику». Его отправили в отставку без пенсии: «Он был слишком богат, а государство обременено долгами». Сын Леклерка, его помощник, не имел права преемственности ни на дело отца, ни на его пост: «Он был слишком набит дурными принципами, чтобы его сохранить»[1], — но пенсию он получит. С другой стороны, Жан де Вэн (урожденный Девэн), бывший управляющий государственных дел. В Совет входили, кроме генеральных контролеров, хранитель печати, Бертен, интенданты финансов д'Ормессон, Моро де Бомон, Трюден, Булонь и государственный советник Фейдо де Марвиль. (Schelle, t. IV, p. 16.)

1 L'abbé Terray. Mémoires, p. 232.

ных владений (доменов) в Лиможе, феникс, открытый Тюрго, когда он искал первого секретаря для Лиможа, затем в 1771 г. ставший по милости Террэ управляющим государственными владениями в Бретани. Его не упрекали в роскоши: «Никакой нечестной игры, никаких лакеев, никаких приемов». «Философия, которую он исповедует, сделает его снисходительным и скромным»[1]. Ему присуща «деятельная добродетель», но он взял на себя «непосильную задачу», «он раздавлен тяжелой работой и тает на глазах». Он худеет, и его поддерживает только сон. О его профессиональных способностях мы можем судить, лишь полагаясь на выбор, сделанный Тюрго, который всегда сохраняет к нему привязанность и яростно его защищает, когда враги министра, следуя испытанной тактике, стараются поразить Тюрго, нападая на самого близкого ему сотрудника. Их дружеские связи не ограничивались финансовыми делами. Переписка де Вэна с Тюрго, находящаяся в архиве Лантейля, содержит нечто вроде хроники событий литературной, театральной и художественной жизни того времени. Можно было бы подумать, что тут не обошлось без некоторого преувеличения, поскольку известно, что вековая мудрость придворных советует хвалить великих людей за их дилетантские вкусы больше, чем за их профессиональные достоинства. Но де Вэн имеет такое же право считаться литератором, как и управляющим государственными владениями. Ведь это он написал «Похвальное слово посредственности». Название это можно было бы принять за намек, однако, если успехи де Вэна и были посредственными, ни жизнь его, ни характер не лишены оригинальности.

В ту минуту, когда в нашем рассказе появляется человек, который был так тесно связан с деятельностью Тюрго и находился при зарождении многих событий, нам хочется рассмотреть его поближе.

Этого скрытного человека выдает его биография. Он был очень скромного, а может быть, и совсем низкого происхождения, как о нем говорили (сын лакея, писали памфлетисты). Ему приписывали бурную молодость: он якобы играл в труппе комедиантов, выступавшей в Шарантоне. Он остепенился и выдвинулся после выгодного брака, затем облагородился и так обтесался, что Дидро мог написать о нем: «Его легкий и очаровательный тон, заимствованный у высшего света».

Мы не должны принимать на веру слова Жюли де Леспинас и представлять его себе человеком суровым в обхождении и спартанцем в жизни. По средам он давал обеды для литера-

1 Bachaumont. Mémoires secrets, t. VII, p. 211, 6 septembre 1774.

торов и был неизменным другом г-жи де Лаваль и княгини де Бове. По закону притяжения противоположностей, который мы наблюдаем в отношениях между крупными деятелями и их любимыми сотрудниками, де Вэн был мягок, уступчив и всегда готов уладить сложное дело. Его противники уверяли, не приводя, однако, доказательств, что он порой улаживал их слишком хорошо. Даже друзья не считали, что он устоит перед любым искушением. Кондорсе пишет о нем по поводу дела о почтовых перевозках: «Я очень доволен, что г-н де Вэн ничего не получил. Его честь выиграла гораздо больше, чем потеряло его состояние, а то, что в его поведении было лишь слабостью, показалось бы низостью, если бы он преуспел».

Де Вэн показал необыкновенную гибкость, оставаясь на месте в течение всего правления Неккера, и в то же время он, казалось, ничем не нарушил своей верности Тюрго. Только неисправимый Кондорсе и на этот раз выразил некоторые сомнения: «Боюсь, как бы де Вэна не заставили сохранить место, где он не сможет оставаться честным под началом Неккера»[1].

После падения Неккера де Вэн рассудил, что трудно пересидеть более трех хозяев (считая Террэ), и обеспечил себе выгодную отставку, перейдя на прибыльную должность в податном ведомстве в городе Канн.

Он ушел оттуда, чтобы служить революции и потом претерпеть от нее. Он был заключен в тюрьму, но из множества арестованных, как и он, откупщиков и сборщиков податей, почти единственный уцелел. Бонапарт, отовсюду понемногу набиравший людей благожелательных и компетентных, выдвинул его в Государственный совет. И был разочарован: «Он так и остался для меня лишь человеком, занявшим красное кресло». В жизни де Вэна было еще одно кресло: во Французской Академии, членом которой он стал в 1803 г., в последние дни своей жизни. Он умер семидесяти шести лет при немного таинственных обстоятельствах, давших повод для романтических толков, которым, судя по его расчетливо построенной карьере, было трудно поверить[2].

Первый помощник Террэ увлек за собой в опалу двух начальников отделений: один из них — Детуш, «правая рука аббата Террэ, бывший хранитель его тайн и редактор его пагубных планов»[1]; второй — Дюпюи, которого, как говорит нам редактор мемуаров Террэ (а его трудно заподозрить в снисходительности), кажется, не в чем упрекнуть, кроме одного врожденного изъяна: он доводился родственником аббату, поэтому, отправляя его в отставку, с ним обошлись «более учтиво», чем с другими[2]. Эти два начальника отделений были заменены Лезёром и Лакруа, последний — бывший личный секретарь Тюрго в Лиможе.

Другие должностные лица остались на своих местах[3], и один из них, Менар де Конишар, кажется, заслужил личное доверие Тюрго, который поручил ему переписать и распространить свое последнее письмо Людовику XVI[4].

Из шести интендантов финансов Тюрго уволил только двоих, но немедленно и «бесповоротно», по выражению Бодо, — двух неразлучных пройдох, креатур аббата Террэ — Фуллона и Кошена, «большого Фуллона и маленького Кошена». Первый, мелкий буржуа из Сомюра, собрал торговлей нужную сумму для оплаты должности военного комиссара. «Богатый, живой, хитрый, дерзкий», он был обязан своим успехом трижды выпавшему счастливому случаю: он встретил одного за другим трех покровителей, способных оценить в других предприимчивость и беспринципность (при условии, что они послужат им на пользу) — качества, которыми они сами были щедро одарены. Таковы маршал де Бель-Иль, герцог де Шуазель и сам аббат Террэ, который оценил это «каменное сердце» и сделал Фуллона своим предполагаемым наследником.

У Кошена, напротив, все очень мелкое, ограниченное: «маленький буржуазный умишко, мелкие предрассудки, лживый и подлый мелкий бес, хороший слуга, расторопный и настырный»[5], впрочем, Кошен лучшего происхождения, чем его приятель: он кузен де Лаверди и советник парламента. Должно быть, этим объясняется, что он покупул свой пост с «военными почестями», в чем было отказано Фуллону. И тот и другой были назначены на свои должности, и им могли приказать уступить эти места. Но Кошен предварительно продал свою должность королю, который упразднил ее, в то время как Кошен еще продолжал выполнять свои функции. После отставки

1 Condorcet J.-A.-N. Correspondance, p. 291.
2 Говорили, что он покончил с собой от любви, ибо, несмотря на то, что его страсть была принята благосклонно, возраст не позволил ему полностью воспользоваться своим счастьем. О де Вэне см.: Masson. Un académicien de l'an XI. — «Revue hebdomadaire», 27 octobre 1906, p. 486; Ségur. Op. cit., p. 312 et suiv. (где ему дается весьма неодобрительная оценка).

1 L'abbé Terray. Mémoires. Paris, 1776, p. 210.
2 Нам кажется, однако, маловероятным, чтобы Тюрго руководствовался только этим соображением; он оставил на месте интенданта Монтобана, родного племянника Террэ, носившего вдобавок то же имя.
3 Броэ, Вилье вместе со своим братом Вилье дю Терраж, Барбэ
4 Schelle, t. IV, p. 417, note.
5 Эти разные оценки взяты у Бодо или из мемуаров Террэ, но фразы приведены не дословно.

он сохранил полученную сумму и получал к тому же пожизненную ренту. «Хорошенькая добыча у этих мелких буржуа с улицы Сен-Дени», — сказал по этому поводу Бодо. Пусть оба они буржуа, пусть оба жулики, но все же лучше быть парижанином, чем провинциалом, и прийти из суда, чем от прилавка. «Плутни» и «темные делишки», «грязные махинации» и «подтасовки» — вот ходовые слова в рассказах того времени о Фуллоне и Кошене; осуждающий смысл этих слов не вызывает сомнения. Но, изучая по рассказам и документам их хитроумную деятельность в целом, нам трудно установить, какую часть уловок следует отнести за счет их фискального рвения и желания наполнить истощенную казну, а какую — за счет махинаций для собственного обогащения.

Эта быстрая, но ограниченная чистка финансового аппарата не обошлась без «большого волнения и брожения при дворе». Но общественное мнение, весьма враждебно настроенное к ставленникам Террэ, безоговорочно приветствовало ее, о чем можно судить по отзывам мемуаристов и хронистов.

Что касается замены Фуллона и Кошена, то Тюрго принял непростые решения, что, впрочем, объясняется довольно нерациональной структурой самой организации министерства, которая не исходила из стройного общего плана, а прибегала к переделкам и поправкам. Великий реформатор в данном случае не порвал со старой традицией. Он выделил некоторые функции Фуллона и передал их уже занявшему свой пост интенданту Булоню. Другие обязанности перешли к новому интенданту — Бутэну, государственному советнику, давнишнему интенданту финансов и, как говорили, другу Тюрго, однако таланты его ставились под сомнение, и он играл лишь незначительную роль. «Это человек ограниченный, — пишет «Журналь историк», — который всемерно содействовал развалу Ост-Индской компании, и г-н де Лорагэ осыпал его едкими насмешками». Правда, враждебность Лорагэ в глазах Тюрго служила Бутэну веской рекомендацией, особенно в подобном деле, когда нападки на Бутэна задевали и аббата Морелле[1]. Впоследствии Тюрго сурово отозвался о поведении Бутэна, «который, как говорят, имел низость просить [о чем-то] Неккера, чьи маневры в деле Ост-Индской компании он видел и разоблачил»[2].

1 Граф де Лорагэ сначала написал против Морелле и Бутэна анонимный памфлет, затем сочинение, где авторскую завуалированную подпись нетрудно было разгадать (граф де ххх), на что Морелле ответил самым дерзким образом: «Быть может, я ответил бы на анонимное произведение, которое могло бы произвести некоторое впечатление на публику, но, к счастью для меня, автор себя назвал...»

2 Письмо от 24 июля 1777 г. Schelle, t. V, p. 526; Bachaumont. Op. cit., t. XIX, p. 175 et 176. По словам того же Башомона

Наконец, последняя часть обязанностей Фуллона перешла к новому правопреемнику. Речь идет о Монетном дворе, превращенном в самостоятельное управление и доверенном чрезвычайным решением Совета Фаржесу, бывшему интенданту Бордо, которому не было пока присвоено звание интенданта финансов, но зато позже он должен был получить звание интенданта торговли[1].

Это был тщательно обдуманный выбор Тюрго, который назначил Фаржеса вместо Альбера, доверив ему хлебные дела. В пользу Фаржеса говорило то, что его отставил аббат Террэ. В то время Тюрго стал на его сторону. К тому же считали, что Фаржес напичкан теориями экономистов. «Будут говорить, что вы хотите окружить себя лишь людьми, разделяющими ваши теории»[2]. Наверно, именно по этой причине его назначение не встретило единодушного одобрения.

Его приветствовали редактор «Мемуаров» Террэ и Метра в «Переписке», но оно вызвало возражение в «Журналь историк»: «Педантичность последнего [Фаржеса], по-видимому разделяющего принципы Тюрго, побудила [генерального контролера] привлечь Фаржеса в свое министерство, что не свидетельствует об экономии, ибо вот еще человек, которому придется платить за работу, выполнявшуюся интендантом финансов». Критика тем более несправедливая, что место интенданта, освобожденное Фуллоном, было упразднено.

Однако через полгода оно было с большой неохотой восстановлено Тюрго по настоянию Морепа ради его родственника и протеже Амело де Шайу, интенданта Бургундии[3]. Если бы Тюрго мог предвидеть будущее, то вместо неохотного согласия, обидевшего Морепа[4], он ответил бы ему решительным отказом. Ибо тот же Амело, продвигаемый тем же Морепа и ставший потом против воли Тюрго министром королевского двора, послужил решающим поводом для конфликта между двумя министрами и стянул последний узел рокового кризиса. Эта мелкая сошка на исторической сцене прославилась лишь благо-

(t. XIX, p. 110), был выпущен еще и памфлет в гравюрах, «где изобразили общее собрание акционеров». В нем участвует и генеральный контролер с сидящим слева от него Бутэном, «в ведении которого находится эта компания, меж тем как он яростнее всех добивается ее развала», а у ног его сидит большой английский дог с горящими глазами, оскаленной пастью, ощетинившийся от бешенства... «которого хозяин науськивает, приговаривая: «Куси! куси!» (Mords-les) — жалкий и жестокий намек на имя автора мемуара» (Морелле).

1 Письмо Трюдену от 27 марта 1775 г. Schelle, t. IV, p. 295.

2 Condorcet. Correspondance, p. 196, 1774 (не датировано).

3 Ходили слухи, будто Амело был внебрачным сыном Морепа. Другие, не менее зложелательные, но опровергающие первые слухи, утверждали, что оба они были от природы импотентами.

4 Augeard. Op. cit., p. 85.

даря остроте своего покровителя: «Никто не сочтет, что этого я взял за его ум» [1].

Наследство маленького Кошена было значительно легче пристроить: королевские владения, составлявшие значительную его часть и бывшие в то же время главной причиной его известности, были поручены другому интенданту, оставшемуся на месте, Моро де Бомону, уважаемому администратору, известному своим трактатом о налогах.

Среди пяти интендантов торговли было также двое уволенных. Один безвестный интендант по имени Вирлево (замененный с некоторым запозданием Фаржесом) и, главное, Броше де Сен-Пре, которому Террэ поручил в 1770 г. продовольственное снабжение, поставив его на место друга Тюрго либерала Альбера[2].

Выдвинувшая его рука, как и сама сфера его деятельности — вот две причины, достаточные, чтобы заслужить публичное осуждение, даже если бы Броше был очень честным человеком. Но это никак нельзя было сказать[3].

Однако Тюрго лишь 16 октября направил королю мемуар с просьбой об отставке Броше. На нем мы находим пометку, сделанную рукой самого Людовика XVI [4].

Возможно, что на деле Броше было предложено прекратить исполнение своих обязанностей еще раньше, но его служебное положение было решено только после проведения расследования. Уход Броше де Сен-Пре был отмечен одной из знаменитых острот той эпохи. Когда он решил сдать внаем свой роскошный дом, приобретение которого ему ставили в вину, на объявлении о сдаче чья-то озорная рука начертала крупными буквами: «Мучной дворец» [5].

1 Вариант Кондорсе: «По крайней мере никто не скажет, что этот слишком умен». (Correspondance, p. 303.)

2 Ничто не подтверждает, несмотря на возникшие в то время подозрения, будто аббат остановил на нем свой выбор в расчете облегчить спекулятивные махинации. Когда после постановления в декабре 1770 г. наметился поворот в политике, вполне естественно, что Террэ не захотел оставить у себя в качестве ответственного сотрудника человека, глубоко связанного с осужденными тогда идеями и практикой, с которой собирались покончить.

3 По-видимому, Тюрго очень скоро решил уволить Броше и вернуть на его место Альбера. Мы находим упоминание об этом и у м-ль де Лесспинас, получавшей сведения от Тюрго, и у г-жи Дюдефан, представительницы противной партии. (M-lle de Lespinasse. Correspondance, t. IV, p. 194, 27 août; Mme Du Deffand. Correspondance, t. II, p. 429.)

4 Métra. Correspondance, t. I, p. 84 et 102.

5 «Journal historique», t. VI, p. 162.

Самых больших перемен ожидали в административном аппарате провинций, а именно там их было меньше всего, практически не было совсем. После Варфоломеевской ночи министров аббат Бодо в пылу усердия, ставшего впоследствии гораздо более опасным, объявил о готовящейся Варфоломеевской ночи интендантов[1]. Публика гадает, чьи головы должны слететь. Называют имена (обоих Бертье, Флесселя, Калонна, Террэ), подсчитывают. «Не меньше 17, — уточняет «Журналь историк»[2], — за то, что они принимали участие в монополии». По этому эпизоду мы видим, до какой нелепости доходят басни о продовольственном снабжении государства и как они отравляют общественное мнение. Как могли бы интенданты быть замешанными в делах, которые им не подвластны, которые ведут к убыткам и дают возможности для спекуляции и обмана только центральному звену управления торговлей? Административный аппарат всей страны еще не развращен и не так уж бездарен, если судить по письмам современников. Тюрго знает об этом и сохраняет хладнокровие. Никаких смещений, никаких назначений. Следует только найти себе замену в Лиможе, так как назначенный вначале на это место Ленуар стал тут же лейтенантом полиции, не успев даже приехать. В Лимож поедет д'Эн из Байонны. Что касается Байонны, то этот королевский податной округ попросту сольется с округом Ош, интендант которого Журне получит полуповышение и сделает шаг на пути к своей трагической судьбе.

Наконец, Тюрго не мог упустить возможности ввести в свой штаб и своих личных сотрудников.

Он призвал к себе Дюпона де Немура, Кондорсе и Морелле. Первые двое были его близкими друзьями, пользовавшимися полным доверием, его постоянными корреспондентами. Третьего, своего старого товарища, он ценил за ум и добродушие, но не был связан с ним узами истинной духовной близости. Дюпон находился в Польше, благословенной земле экономистов. Устав от тяжких испытаний при издании экономического журнала и особенно от возни с долговыми обязательствами, он связал себя золотыми цепями с князем Чарторыским. Тюрго вызвал его королевским приказом 19 сентября, оставил при себе, в своем личном секретариате, а затем назначил генеральным инспектором торговли и мануфактур. Это обошлось французскому правительству в 21 816 ливров, возмещенных польскому вельможе, а сам Дюпон потерял на этом, без

1 Baudeau. Journal, p. 410—411.

2 «Journal historique», 1774, 19 septembre.

колебаний и без единой жалобы, роскошное жалованье и обещание небольшого состояния[1]. Кондорсе, который оказался на месте, был также назначен генеральным инспектором торговли, прежде чем стал директором Монетного двора (после повышения Фаржеса), но, так как он был к тому же секретарем Академии наук, ему постарались обеспечить более высокое вознаграждение — 2 тыс. экю, которые были для него чем-то вроде предосудительной прибавки, что вызвало бесконечные и скучнейшие осложнения. Эти различные назначения, если добавить к ним еще несколько личных милостей, например пенсию, пожалованную его старому учителю несчастному аббату Сигорню, навлекли на Тюрго, личное бескорыстие которого не вызывало сомнений, резкие упреки в том, что он слишком щедро расходует государственные деньги, когда дело касается его друзей. Естественно, что, не допуская злоупотреблений, он все же был менее строг к другим, чем к себе самому. Кондорсе предупреждал его об этих толках, показав при этом собственное бескорыстие: «Говорят, что деньги для вас ничто, когда вы хотите оказать услугу вашим друзьям. Я был бы в отчаянии, если бы дал хотя бы видимость повода для этих нелепых обвинений»[2].

Неотделимые от Тюрго и неотделимые друг от друга в истории, равно преданные и равно пользующиеся доверием, стоящие рядом с Тюрго и связанные с ним теми же чувствами и теориями, Дюпон и Кондорсе представляют, на наш взгляд, фигуры, дополняющие его при всей их контрастности. Роль Дюпона, несомненно, более значительна, его помощь более постоянна, более непосредственна и необходима. Оба они люди горячие, но пыл Дюпона чаще проявляется в одобрении и восхищении, а пыл Кондорсе, несмотря на внешнюю мягкость («добряк Кондорсе»), в предостережениях и возмущении, в таких случаях его называют «взбесившийся ягненок» или «так называемый добряк Кондорсе».

У первого внешность довольно заурядная, и общаться с ним нетрудно. Второй выглядит более живописно, почти эксцентрично; он беспокоен, неровен в обращении, но обладает более тонкой интуицией. Дюпон по существу остается учеником, которому порой недостает точности (он забывает датировать свои письма) или такта, но он никогда не теряет пыла или веры и не допускает никаких возражений, если учитель высказал свое мнение.

1 Ежегодное жалованье в 3 тыс. дукатов (33 тыс. ливров), затем квартиру и денежную награду в 110 тыс. Шелль исчисляет денежные потери Дюпона в 380 тыс. ливров, следовательно, по нашим соизмеримым показателям, около 750 млн. франков.

2 Condorcet. Correspondance, p. 199.

Кондорсе, скорее, *советчик* — мы не говорим советник, так как он дает советы без всякой системы, постоянно пересыпает их просьбами и ходатайствами (как правило, за других), и чаще всего его советам, касающимся существа дела, не следуют — и это очень жаль! Ибо этот человек, о котором сохранилось столько хвалебных и, по-видимому, правдивых отзывов, сегодня привлекает наше внимание единственным качеством, никогда не упоминавшимся его современниками: необыкновенным пониманием политической психологии. Если он сначала вводил в заблуждение современников своей внешностью, то, кажется, он еще дольше вводил в заблуждение потомков сложившимся о нем преданием.

Мы представляем себе его как некоего ученого Косинуса — *«г-н интеграл»* г-жи де Ла Ферте-Эмбо, его светской покровительницы, — с сутулой фигурой, с лицом, отмеченным «скорее кротостью, чем умом», по словам м-ль де Леспинас, рассеянным и немногословным. Это ученый муж, вечно поглощенный вычислениями и таблицами, вкладывающий свое личное честолюбие в упорядочение мер измерений, человек, которого Тюрго занимает и который занимает Тюрго самыми разнообразными научными проблемами, как самыми абстрактными, так и самыми практическими: таблицами импорта леса, улучшением мер емкости для вина, а затем переводами произведений Эйлера*, учением о гидравлике аббата Боссю**, терапевтическим методом лечения опущения желудка Готье и тут же планом канала Лонпандю, который должен обеспечить водный путь из Лиона в Гавр через Париж; этот человек, занимаясь спектральным анализом звезд, познает возле Тюрго первую волнующую минуту опалы[1].

Мы никак не можем представить его себе человеком сухим: вопросы жизни социальной, эмоциональной и даже материальной сменяют у него друг друга, как в калейдоскопе. Он работает по десять часов в день, у него двадцать корреспондентов, десять близких друзей, и каждый из них, не хвалясь, мог бы считать себя его главной заботой. «Добряку Кондорсе надо держать у себя каждый день полную кастрюлю супа и блюдо котлет да еще карету, чтобы навещать и угощать своих друзей». Это неуемный проситель за других. Как все люди, не знающие усталости, он не боится утомить другого, и мы думаем, что порой он взваливает на перегруженного министра больше

* Эйлер, Леонард (1707—1783) — замечательный математик, механик и физик. Родился в Базеле (Швейцария). В 1727—1741 и 1766—1783 гг. жил и работал в Петербурге. — *Прим. ред.*

** Боссю, Шарль (1730—1814) — французский математик. — *Прим. ред.*

1 Май — октябрь 1776 г. (Schelle, t. V, p. 484.)

забот, чем снимает с него. Это человек весьма активный, человек, созданный для общественной деятельности («public-relations»).

Но он также и политик. В социальной области Кондорсе интересуется скорее гуманностью и юридическими аспектами, чем проблемами экономики. Он более энциклопедист, чем экономист, несмотря на его научные статьи о хлебе. Его больше интересуют универсальные права человеческой личности, чем стремление людей к личной выгоде, его скорее возмутит оскорбление, нанесенное достоинству подсудимого, чем препятствие, затрудняющее ловкую деятельность негоцианта. Он восхищается «английскими законами», но когда уточняет свои взгляды, то оказывается, речь идет скорее о habeas corpus (неприкосновенности личности) и гарантиях судебной процедуры, а вовсе не о гражданском законодательстве и политическом режиме[1]. Из тех же гуманных чувств он горячо одобряет тезисы Тюрго о колониальном вопросе, представленные им в виде программы морского министерства «Покончить с тиранической алчностью, которая опустошает Азию и позорит и развращает Европу, сделать наши колонии свободными и сильными, привязать их к матери-родине не цепями слабости и нужды, а их интересами и чувством благодарности».

Он ненавидит всякую тиранию, не только тиранию людей, но и законных органов власти таких, как парламент. В области политики он типичный либерал своего времени, так же как Тюрго — типичный либерал в области экономики. За это и еще, разумеется, за некоторую долю антиклерикализма так называемые радикальные школы объявляют его своим предшественником.

Что касается государственной формы правления, то его смутно привлекает республиканская идея «Республиканская конституция — самая лучшая из всех». Но он не решается, как и сам Тюрго, довести до конца свою мысль, хотя и формулирует ее «Поскольку право осуществлять законодательную власть .. одно из прав человека». Они колеблются перед новизной ее практического применения. «Я никогда не видел республиканской конституции», — вынуждает он сказать Тюрго (рассуждение, аналогичное словам Ренана по поводу социалистического государства). Впрочем, демократы того времени опасались общественного мнения, предрассудков народа «Монарх, напротив, может действовать, опираясь на мнение людей просвещенных, не дожидаясь, пока оно станет всеобщим мнением» [2]. Таков *просвещенный деспотизм,* и мысли Кондорсе на

1 Condorcet J-A-N Vie de Turgot, p 283 et 284 note
2 Condorcet Op cit., p. 291, Condorcet Correspondance, p 21.

этот счет отнюдь не оригинальны. По нашему мнению, оригинальность он проявляет только в области практической политики.

При своей страсти к логарифмам и уважении к естественному праву, он судит о людях быстро, решительно, с беспощадной трезвостью Он очень суров к Дю Мюи, быть может, даже слишком суров «Один из самых глупых и самых злых людей в королевстве». Но и правда, не слишком ли Тюрго снисходителен? Чего он может добиться с таким военным министром? Мы видим предостережения Кондорсе, сомневающегося, будут ли на месте Фаржес или де Вэн. Он очень хорошо заметил (правда, в случае, где был лично замешан), сколько насмешливого скептицизма у Вери: «[Он] находит весьма забавным отвращение, которое мне приписывают... Говоря с ним об этом деле, он отзывался обо мне с таким жаром, что ничего не добился». Заметил Кондорсе и ненадежность Мальзерба, относительно которого Тюрго строил такие роковые для себя иллюзии. Он первый и единственный с самого начала, еще до прихода Тюрго в министерство, раскусил истинную натуру Морена «Боюсь, как бы мелкий и ограниченный ум этого человека не причинил вам много вреда»[1].

Его проницательность не ограничивается характерами отдельных лиц, но распространяется и на поведение целых групп, и на текущие события. В период заката министерской карьеры Тюрго он подчеркивает разницу между *мнением общества* и *общественным мнением*[2], что свидетельствует об очень тонком анализе феномена мнения при государственном порядке, в условиях которого оно не имеет законной возможности выражения

Что касается хлебной политики, он правильно предостерегал Тюрго об опасности волнений и говорил об инертности и некомпетентности полицейских чиновников[3]. И наконец, он с

1 Однако Кондорсе согласится произнести похвальное слово Морепа в Академии Но он воздержался от всякого обсуждения его последней политической деятельности и остановился лишь на его прежней работе в качестве морского министра «Кто может считать себя достаточно образованным, чтобы судить о поведении современного министра?» Зато он всегда отказывался выступить с похвальным словом Лаврийеру, что задержало его собственное избрание (Condorcet J-A-N Éloge de Maurepas)
2 По правде говоря, он цитирует Сен Ламбера (Correspondance. p 265)
3 «Я забыл напомнить вам то, о чем уже говорил о моих опасениях, как бы народ не разграбил дом » Письмо от 1775 г, без даты, по-видимому, написано во время «Мучной войны», но оно намекает на более раннее предупреждение «Они [чиновники] думают, что, если не установили твердых цен на хлеб, значит, они выполнили все, чего требовал закон» (Condorcet Correspondance, p 214 et 212)

яростной настойчивостью предупреждал Тюрго об опасности возвращения парламентов.

Обычно считают, что среди людей, окружавших Тюрго, Кондорсе был сторонником «стремительности» (в противоположность Дюпону, который избрал девиз «Ничего с наскока, все постепенно») и что, если бы Тюрго следовал его советам, он форсировал бы ход событий, которые даже в том темпе, в котором он их вел, оказались для него роковыми. Приводят даже ответы Тюрго Кондорсе, как доказательство уравновешенности и умеренности министра, опровергающие часто выдвигаемые против него упреки в грубости. Такой смысл придают знаменитой фразе: «Я не отвечаю, сударь, на все ваши безумства... Во многих случаях вы наставляете человека уже обращенного, в других вы не в состоянии судить о том, что возможно сделать при существующих обстоятельствах, а главное, вы слишком нетерпеливы»[1]. Каждый из них подчиняется логике своей роли: Кондорсе, человек науки, математический ум, пренебрегает реальными условиями, и утопии приводят его к абсурдным дерзаниям; Тюрго, администратор, привыкший полагаться на наблюдение и практический опыт, старается совместить желаемое и возможное.

В свете последующих событий если мы признаем правильность взглядов Кондорсе на самые важные вопросы, если примем во внимание, что выжидание, которого вначале придерживается Тюрго, не спасет его ни от провала, ни даже от упреков в поспешности, то мы придем к заключению, что, без сомнения, утопист был прав и, как часто случается в периоды великих перемен, именно нетерпение, требовательность, решительность и были реальной политикой. Лишь в самом начале своей деятельности министр может позволить себе наибольшую смелость. Реформаторам нужна внезапная атака, которая застает противника врасплох и ставит перед свершившимся фактом, а консерватизм выигрывает в позиционной войне. И разве не прав был Кондорсе, когда позднее снова настаивал и добивался от Тюрго ускорить дело с дорожной повинностью, разве Тюрго не выиграл бы, если бы заранее облегчил свой «поезд реформ» до начала роковых событий 1776 г.? Нам кажется, что сегодня мы лучше понимаем предостережения Кондорсе, чем в свое время Тюрго. Правда, для нас это небольшая заслуга.

Рядом с Дюпоном и Кондорсе личность Морелле кажется нам довольно бесцветной. Несмотря на весьма острый ум, он

1 Это письмо, кстати, отправлено до назначения Тюрго генеральным контролером (Condorcet. Correspondance, 17 août, p 192), но оно написано по поводу дорожной повинности и определяет позиции, занимаемые этими людьми. (Schelle, t. IV. p. 36)

не может сравниться с ними ни в силе интеллекта, ни в неизменной преданности, несмотря на множество оказанных им дружеских услуг. В их группе он играет выходные роли и порой изображает шутника, который разряжает драматическую атмосферу. Прикрепленный к Бюро депеш, он по обычаю работает у себя дома и занят главным образом приемом просителей: «Я получал со всех сторон множество пакетов и писем; мой кабинет, прежде такой уединенный, с утра заполняет огромное число клиентов и посетителей»[1]. Несмотря на то что подобная служба как нельзя лучше подходит к известным нам свойствам его характера, несмотря на то что она позволяет ему «следить за делами министра» и «содействовать его славе», да еще дает ему возможность выпустить наконец в свет его опровержение Галиани*, пролежавшее под сукном в течение всего правления Террэ, и наверстать это запоздание благодаря лестному для него распространению (Тюрго широко рассылает его интендантам, и сам король берет себе несколько экземпляров), — несмотря на все это[2], аббат, кажется, не очень доволен своей судьбой и жалуется, что теряет драгоценное время в ущерб своему большому труду — «Торговому словарю», который никогда не выйдет в свет. Таким образом, глава его мемуаров, которая дает в кратком, но захватывающем изложении такие значительные события, как разгон парламентов, падение Шуазеля, смерть Людовика XV, приход к власти Морепа и Тюрго, неожиданно завершается разочарованным восклицанием: «А мой большой труд не двигался с места!» Что говорить, пожалуй, для Тюрго было бы лучше, если бы «Торговый словарь» двигался вперед гигантскими шагами, а Морелле немного меньше занимался министерством, так как его рвение было порой нескромным во всех смыслах этого слова[3].

Штаб Тюрго пополнился еще одним, но более опасным и бестактным болтуном (хотя и не входившим в администрацию) в лице аббата Бодо, который по забавному совпадению был предшественником Дюпона сначала в руководстве «Эфемеридами», а потом в Польше, откуда он вернулся уже в звании прево**, с митрой, пожалованной ему Видзинским по протекции

1 Morellet Mémoires, t. I, p 225

* Галиани, Фердинандо (1728—1787) — итальянский буржуазный экономист и философ, вел спор с физиократами, был противником свободы хлебной торговли — *Прим. ред.*

2 Schelle, t IV, p. 228.

3 Так, он вместе с Бодо преждевременно разгласил подготовлявшееся упразднение цеховой системы. Дюпон считает, что это послужило началом интриги, которая привела к волнениям в мае 1775 г. Дальше мы увидим, что этому романизированному истолкованию «Мучной войны», кажется, не следует придавать значения.

** Звание, даваемое настоятелям в некоторых религиозных орденах — *Прим ред.*

епископа Вильнюсского князя Муссальского. Тюрго поставил его во главе «Эфемерид», публикацию которых он возобновил под названием «Новые Эфемериды», и таким образом обеспечил себе теоретический орган, а в лице Бодо нечто вроде пресс-атташе. Эта двойная должность была, по-видимому, малоудачной, ибо «газета экономистов» могла поучать только своих приверженцев, в других же кругах она усиливала недоверие к Тюрго и била по самому уязвимому месту — по его репутации доктринера. Что касается самого аббата, который ознаменовал свой первый опыт управления ошеломляющим беспорядком в финансовых делах и привез из своего путешествия самые экстравагантные теории в области внешней политики, то звание прелата не придало ему никакой рассудительности. Крайняя экзальтированность привела его к сумасшествию и преждевременной смерти. Нам кажется удивительным, что Тюрго не предвидел, какие опасности таило в себе использование такого путаника в роли помощника в делах управления. Но Бодо обладал бойким пером и излагал хорошие идеи, а такова была, несомненно, одна из слабостей Тюрго: он придавал чрезвычайно большое значение литературе и бесконечно доверял людям, способным распространять его идеи в своих сочинениях, пусть даже они порой искажали их в пылу пропаганды[1]. Тюрго считал, что самое главное — убедить общественное мнение, а достигнуть этого можно с помощью наглядных доказательств. Мы знаем, что он распространял из Лиможа работы Ле Трона, а потом из Парижа писания аббата Морелле. Бодо — участник его «священной когорты». Можно отметить, что четверо самых близких сотрудников Тюрго: Дюпон, Кондорсе, Морелле и Бодо — все писали о торговле хлебом: было это в начале крестового похода за реформами чем-то вроде испытания их рыцарской доблести. Аббата Бодо как бы дублировал аббат Рубо, так же как «Эфемериды» в какой-то мере дублировали «Газетт дю коммерс».

Наконец, мы можем считать, что к группе Тюрго принадлежали еще два административных деятеля, менее близких ему и не так тесно с ним связанных. Один из них — граф д'Анживилье де Ла Бийардери, «умный, образованный и очень порядочный молодой человек»[2]. Он занимает важный технический пост главного распорядителя королевских построек (его называют также суперинтендантом). Он занял этот пост на другой день после Варфоломеевской ночи министров, одновременно с назначением Тюрго генеральным контролером, при разделении должности Террэ, занимавшего этот пост одновременно с управлением финансами.

1 Bachaumont. Op. cit., t. XXXIV, p. 170.
2 Schelle, t. III, p. 56.

Эти два назначения были, по-видимому, не связаны между собой; хотя д'Анживилье и был близок к «экономистам», но оказанная ему милость объяснялась теплыми чувствами Людовика XVI к своему бывшему «дядьке». Д'Анживилье был также вторым мужем г-жи де Марше, яростной последовательницы учения экономистов. «Незаурядный ум... под нелепой оболочкой», по красочному описанию г-жи де Марше, оставленному нам герцогом де Левисом[1]. Если верить памфлету, написанному врагами Тюрго и озаглавленному «Три Марии» (его цитирует Сулави), можно подумать, что она была одной из дам сердца Тюрго, вместе с г-жой Блондель и герцогиней д'Анвиль, но у нас нет никаких других свидетельств на этот счет, если не считать неясного намека Кондорсе[2].

На своем посту д'Анживилье мог иметь (и действительно имел) несколько случаев помочь осуществлению планов Тюрго, в частности при проведении экономии. Он тоже становится жертвой анекдотов. Как говорится в «Ограбленном шпионе» («L'espion dévalisé») [3], д'Анживилье пришло в голову по образцу декоративной библиотеки в кабинете Тюрго в Лиможе поместить на двери кабинета короля цветные панно на поучительные сюжеты: спасение бедного люда, единый налог, безграничная свобода. «Но эти панно были помещены слишком высоко, и Людовик XVI с его слабым зрением не мог их прочитать»[4].

1 «Она уже была далеко не молода и одевалась весьма причудливо, ничто не скрашивало ее внешность, кроме волос, спускавшихся до самой земли, правда, это было не так уж трудно: роста она была крошечного. Она всегда украшала прическу цветами и султанами, что еще больше подчеркивало морщины на ее лице. На первый взгляд манеры ее казались такими же претенциозными, как и ее уборы. Она была чрезмерно щедра на комплименты, и, хотя давно принимала у себя самое избранное придворное общество, в ее учтивости сквозило что-то раболепное. В первом браке она была женой одного из камердинеров короля.

Под этой нелепой оболочкой скрывался незаурядный ум, суждения здравые и быстрые, пылкость без восторженности, остроумие без язвительности, ученость без педантизма и, наконец, ровная и постоянная приветливость». (Duc de Lévis. Op. cit., p. 89.) Этот портрет написан в 1787 г.

2 «Я не знаю, как себя чувствуют наши три дамы, но знаю, что г-жа д'Анвиль постоянно сообщает вам новости». (Condorcet. Correspondance, p. 177 et note.) Так как, упомянутая отдельно, г-жа д'Анвиль, по-видимому, не входит в это трио, предполагают, что речь идет о м-ль де Леспинас, г-же Блондель и г-же де Марше. Шелль полагал, что дружба Тюрго с д'Анживилье дала повод для легенды о третьей Марии, однако женитьба д'Анживилье произошла после назначения Тюрго генеральным контролером.

3 Этот текст Шелль приписывает перу Мирабо. Но по другим источникам, он принадлежит докладчику в Государственном совете Бодуэну де Гемадёк. (D'Estrée et Callet. La duchesse d'Aiguillon, p. 204.)

4 Schelle. Op. cit., t. II, p. 72.

Если эту первую историю можно считать шуткой, то большей веры заслуживает другой рассказ из того же источника, по которому д'Анживилье служил посредником в переписке Тюрго с королем во время «Мучной войны»[1]. Во всяком случае, известно, что он играл эту роль, когда Тюрго попал в немилость, ибо Тюрго специально упоминает об этом в своем последнем письме, подлинность которого несомненна. Отметим, наконец, что, несмотря на его личную преданность и приверженность идеям экономистов, у д'Анживилье произошел конфликт с Тюрго, впрочем, ни у того ни у другого он не оставил горького осадка. Суперинтендант королевских построек решил прибегнуть к лотерее, чтобы уменьшить пассив своего ведомства. И тут он натолкнулся на решительный отказ, ибо Тюрго приходил в ярость, как только ему предлагали такие средства. «Это значит делать каждого гражданина азартным игроком, как если бы государь открыл на каждой улице по притону для постоянной игры в фараон или бириби».

У Тюрго был также личный советник по иностранным делам в лице друга, дипломата Батай де Франсе-Давиля, в ту пору посла в Лондоне. Он был братом одной из близких приятельниц Тюрго, г-жи Блондель, муж которой тоже сделал дипломатическую карьеру, прежде чем стал адвокатом. Когда Франсе служил в Лондоне, он числился в списке лиц, рекомендованных Марии Антуанетте императрицей Марией Терезией[3]. Он был также другом де Вери и Мальзерба. Тюрго, еще будучи в Лиможе, пользовался услугами Франсе для переписки с Юмом и для получения сведений о международных ценах на зерно. Он безоговорочно доверял ему и попытался провести его в министерство[4].

А вот, наконец, — *last but not least** — Жозеф Альфонс де Вери, аббат из Сен-Сатюра в Берри. Как можно говорить о группе Тюрго, не упомянув о нем? Но как можно его туда включать? Было бы неправильно говорить о том, что он ее возглавляет. Он советчик Тюрго, но в то же время и советчик Морепа, он мог бы быть равным им в министерстве, он стоит между ними как «примиритель», но, когда примирение уже невозможно, он остается верным каждому из них и в их разногласиях. Он живет в атмосфере власти, но не держит в руках ни малейшей ее частицы, он приводит в действие рычаги политики лишь внушением, не дотрагиваясь до них, только с помощью психологического воздействия. Ничто не делается

1 Schelle Op cit, t IV, p 417, t V, p 443.
2 Schelle Op. cit, t V, p 232
3 Veri. Op cit, t I, p 437.
4 См далее, часть третья, глава I
* Последний, но не последний по значению (*англ*) — *Прим ред*

без него, и мы увидим, что без него все может легко разладиться. На наш взгляд, он выступает в исключительной роли наперсника, который влияет на весь ход пьесы, как кормилица Федры или сводная сестра Ифигении. Кроме того, он несравненный наблюдатель людей и событий своего времени и бесценный мемуарист. Он сообщает нам все о других, но, разумеется, не о себе, ибо тщательность, с которой он отделывал свои черновики, отчасти объясняется его желанием создать и свой собственный образ. По некоторым признакам можно предположить, что у него более честолюбивое сердце, чем казалось и даже чем кажется теперь. Вери как будто не интересует министерство, когда Тюрго ему предлагает его, но ведь в то время он уже предвидит, что этот проект неосуществим. Однако он говорит: «Я никогда не отказался бы, как г-н Мальзерб, если бы меня призвали, как его». Он знает, что только он один может поддерживать согласие между Морепа и Тюрго, и, однако, удаляется в решающий момент; он отказывается пожертвовать «своими счастливыми и мирными минутами», своей загородной жизнью в Сен-Сатюре, ибо не собирается дальше разыгрывать «довольно заурядную роль». «Оставаться среди министров, не имея звания, дающего право на такое место, — это роль, уготованная для второразрядного интригана или для подхалима...» «Я столько времени сносил ради дружбы такое положение, но наконец потерял всякое терпение». Такие слова значат очень много в устах человека, отнюдь не склонного к откровенности.

Почему Тюрго не проник раньше за защитную броню этого милого бесстрастного, но горячо заинтересованного человека, который, не участвуя в игре, так хорошо читал карты других?

К штабу Тюрго часто причисляют мужчин и женщин (в этом деле не следует пренебрегать женщинами), которые помогают ему извне, информируют, дают советы, защищают, в первое время содействуют успеху его пропаганды, а в последний период ведут запоздалые бои за общественное мнение. Но это нельзя назвать настоящим сотрудничеством, а, скорее, помощью «болельщиков», беспорядочной и к тому же изменчивой армии, в которую входят все энциклопедисты и все экономисты, разного рода официальные лица и несколько доброжелателей, чуждых теориям, хозяйки философских салонов, м-ль де Леспинас и г-жа Жоффрен, г-жа Блондель и герцогиня д'Анвиль и даже Д'Аламбер на вершине его успеха и Вольтер в изгнании, — армии, с которой беспорядочно сражается войско противника, постепенно увеличивающееся с притоком перебежчиков или принявших решение аттантистов, Ленге, недовольного Бодо, г-жи Дюдефан вопреки Вольтеру; это широкое объединение возмущенных святош, осмеянных советников парламента, презираемых придворных, разочарованных шуазелис-

тов, встревоженных откупщиков, нетерпеливых сторонников Неккера, упрямых защитников всякой регламентации, оказавшихся под угрозой привилегированных. Судьба последней битвы будет зависеть наверху от давнишних замыслов нескольких действующих втайне лиц, а внизу — от громогласного хора непостоянной толпы, готовой подтвердить философское изречение Кондорсе: «Люди спокойно позволяют причинять себе зло, но, когда кто-нибудь старается сделать им добро, тогда они восстают и считают, что несут обновление» [1]. Во всяком случае, мы видим, что на протяжении всех последующих схваток руководители партии Тюрго будут идти с открытым лицом, тогда как действия противной партии ведутся стратегами, враждебными гласности: Морепа и Мироменилем в министерстве, Безанвалем в альковах, д'Уаньи в его «черном кабинете»*, Бомарше и Пезэ за самыми невероятными кулисами и, конечно, еще многими другими. Эпизодической истории не удалось ни раскрыть здесь все лица, ни решить все загадки.

1 Condorcet. Correspondance, p. 21.

* Так называли секретный отдел полиции, ведавший перлюстрацией. — *Прим. ред.*

Глава V

Обзор техники управления

Сделав первый шаг, Али-бей занялся экономикой внутри государства. Известно, что она находится целиком в руках великого казначея империи. Его власть чувствуется ежеминутно, мысль его всемогуща, она настигает каждого гражданина, а если он крушит вопреки здравому смыслу, вся машина расстраивается и делает бессмысленные и беспорядочные движения.

«Манекены»
(Приписывается графу Прованскому)

«Названный министр кажется немного испуган необъятностью своей задачи, — пишет Мерси-Аржанто 28 сентября. — и абсолютно прав»[1]. Здесь австрийский посол намекает главным образом на проекты реформ Тюрго и на вопрос, больше всего интересующий профанов: меры экономии. Помимо экономии, помимо крупных реформ, замышляемых Тюрго, и помимо проблем общей политики, которыми он должен интересоваться как министр — ведь от нее будет отчасти зависеть судьба его дела, — генеральный контролер должен также ежедневно заниматься неотложными делами обширной администрации, бесконечными срочными, текущими или нерешенными проблемами, имеющими минимальное, небольшое или серьезное значение, но не выходящими за рамки технического управления.

Зная перечень официальных обязанностей генерального контролера финансов и принимая во внимание репутацию, ранее заслуженную Тюрго, нельзя сомневаться, что он взвалит на себя тяжелую ношу и положит на нее все свои силы.

Это заключение вполне подтверждается перечнем принятых и опубликованных решений и корреспонденции, а также реест-

1 Письмо барону Нени. (Mercy-Argenteau. Correspondance, t II, p. 241, note)

ром его административной переписки в Национальном архиве[1].

Он внес присущую ему пунктуальность в правила административной переписки[2]. Он не склонен отказываться ни от одной из прерогатив, предоставленных его службам[3] Для такого разветвленного управления трудно найти метод рассмотрения дел, в зависимости ли от области, к которой они относятся, или в порядке их значимости.

Всякая попытка классификации связана с риском, которого не избегают и лучшие авторы, поставить в один ряд весьма неравноценные мероприятия, возвеличить в «реформы» незначительные решения и, наконец, задним числом приписать министерству Тюрго меры общего «планирования». Взгляд историка склонен преувеличивать обдуманные намерения и достигнутые успехи там, где некоторые современники Тюрго, например Безанваль, ошибаясь в другую сторону, видели отсутствие всякого плана и лишь «несколько второстепенных мероприятий»[4]. Однако в наши намерения не входит детальное изучение всех мероприятий министерства Тюрго; эта работа исчерпывающим образом проделана в основных посвященных ему исследованиях Мы собираемся лишь предложить вам беглый обзор первого периода, который начинается в августе 1774 г., и закончить его вскоре после «Мучной войны», в день коронации короля в начале июня[5]. Мы постараемся выделить все, что относится к технике управления — даже если речь пойдет о настоящих реформах — основные проблемы, рассматриваемые с точки зрения экономической или общей политики, то есть для намеченного периода: зерновая проблема, бюджетная политика и вопрос возвращения парламентов, что и составит содержание трех следующих глав.

С началом правления Тюрго совпадают несколько довольно красочных эпизодов: история с «Комеди Франсез», дело Гланьера, изобретение ледокола.

С 18 сентября Тюрго пришлось заниматься новым театром, «Комеди Франсез», разумеется не с точки зрения театрального

1 Foncin. Le Ministère de Turgot, p. 121, Schelle, t IV, p. 28

2 Письмо интенданту Шампани от 23 ноября 1774 г (Neymarck Turgot, p 385) В нем предписывалось обсуждать в письме лишь одно дело, оставлять широкие поля и т д

3 Постановлением Совета в круг компетенции отделения финансового ведомства включалась дорожная служба (в случае сноса недвижимости) вопреки претензиям парламента (13 и 26 июля 1775 г). (Schelle, t IV, p 651)

4 Besenval Op cit, t I, p 328

5 Однако мы будем выходить за эти хронологические рамки всякий раз, когда этого потребует сама тема нашей работы.

искусства или архитектуры, но в плане расходов. Тогда соперничали два проекта театрального зала: по одному, представленному неким г-ном Моро, театр должен был разместиться во дворце Конде, и, казалось, он уже одержал верх: начались работы, были вложены средства; второй был представлен г-ном Льежоном, который не счел себя побежденным и — благодаря вмешательству сотрудника Тюрго де Лакруа — добился прекращения работ по первому проекту для нового изучения дела, поскольку его проект требовал гораздо меньше затрат. Тюрго так и не решил этого вопроса. Таким образом, экономия была соблюдена, по крайней мере в его время[1].

Сразу после этого дела хроника Башомона знакомит нас с двумя другими случаями, одинаково эксцентричными в буквальном смысле слова. В первом случае это относится даже к его герою, полупомешанному по имени Ришар де Гланьер, автору Плана экономического налогообложения и управления финансами (*sic*!), который он представил Тюрго. Тот ответил, что его план следует напечатать, чтобы публика сама судила о нем. «Ибо я не признаю иного суждения», — добавил он, по словам Бодо[2]. В этой истории мы видим две свойственные Тюрго черты. *Либерализм* (в данном случае в выражении своих мыслей и в их обнародовании) и то, что можно назвать стремлением к «гласности», в это понятие мы вкладываем и доверие к публике, и желание дать ей возможность приобрести экономические знания, свободно обсуждая подобные работы, и, наконец, стремление избежать кривотолков по поводу проектов, которые считаются секретными. Эти в целом превосходные намерения на деле оказались тем, что называют *«промахом»*. Не ограничившись разговором с автором, Тюрго написал ему, чтобы подтвердить, что тот может свободно опубликовать свою работу. Де Гланьер опубликовал это письмо в начале своей книги, и, хотя в нем не было даже намека на одобрение, сама подпись министра была воспринята как рекомендация. Вдо-

1 См: Bachaumont Op. cit., t. VIII, p 214, 18 septembre. Позже вновь вернулись к плану Моро, но изменили место строительства Таким образом, в 1872 г родился Одеон. (Foncin Op cit, p 97.) Бескорыстие де Лакруа иногда ставится под сомнение См. далее, часть третья, глава IX

2 См Bachaumont Op cit, t VII, 221, Baudeau. Op. cit., p. 406 В своем рассказе Башомон называет имя г на де Гланьера и ссылается на какое то письмо от 13 сентября Бодо рассказывает о посетителе, который был принят 1 сентября, но не называет его имени Судя по сходству двух дел, мы склонны считать, хотя и не имеем тому доказательств, что речь идет об одном и том же человеке, а расхождение рассказов объясняется либо некоторой неточностью, либо тем, что посетитель соединил передачу письма со своим визитом, что кажется вполне естественным Таково же толкование и Фонсена (Foncin Op cit, p 98)

бавок это письмо в сочетании с введением автора, казалось, подтверждало, «что этот проект, посвященный министру, появился под его покровительством и с его одобрения...». Публика, еще не успевшая приобрести ни привычки к либерализму, ни экономических знаний, расценившая к тому же письмо и предисловие как привилегию, не преминула сделать свои выводы.

Гланьер ратовал за «имущественную» талью* и право взимать капитацию** со всех *обитателей* королевства, придавая этому слову самое широкое толкование и распространяя его на лошадей, на быков и овец. Кроме того, автор нападал на генеральных откупщиков, у которых после этого зародилось некоторое предубеждение против министра. Работа Гланьера вызвала очень много откликов в печати. После конструктивной критики в «Меркюр де Франс» аббат Бодо взялся как бы подвести итог, но и тут общественное мнение в большинстве своем увидело скорее полуодобрение, чем настоящее опровержение[1]. Между тем книга Ришара де Гланьера вдруг исчезла из продажи. «Ее продают только из-под полы, что сильно подняло цену»[2]. Некоторые биографы Тюрго думали, что продажа была приостановлена по приказу правительства, без ведома либерального Тюрго. Однако это неверно[3]. На самом деле распространение книги было приостановлено лишь для того, чтобы переиздать План, вырезав письмо Тюрго и введение[4].

После этого не удивительно, что любопытство было возбуждено. Люди старались узнать, кто такой Гланьер. Этот человек, наделавший столько шума своим пером, не распространяется о себе. Однако он существует; говорят, что в свое время *он*

* «Имущественная», или «вещная», талья (taille réelle) — постоянный прямой налог, учрежденный ордонансом 1439 г. «Имущественной» тальей облагалась земля недворянского статуса (terre roturière) независимо от сословной принадлежности землевладельца. — *Прим. ред.*

** Капитация (capitation) — один из видов подушной подати. — *Прим. ред.*

1 Bachaumont. Op. cit., t. VII, p. 231, 2 novembre 1774. Гланьер ответил всем критикам сразу «Общим ответом на все настоящие и будущие замечания по поводу моего плана экономического налогообложения». «Надо признаться, возражения его не были удачными». (Bachaumont. Op. cit., 5 mars 1775.)

2 «Journal historique», 17 octobre, t. VI, p. 221.

3 Foncin. Op. cit., p. 99.

4 «Journal historique», 18 octobre, t. VI, p. 224.

По Башомону, текст письма гласил: «Когда я сказал вам, сударь, чтобы вы напечатали ваш проект, я хотел лишь дать публике возможность судить о нем. Поэтому я нисколько не собираюсь противиться его распространению, и вы можете приступить к нему, как только ваша работа будет напечатана. Готовый к вашим услугам». (Письмо от 13 сентября, Bachaumont. Op. cit., 12 octobre.) Нам не удалось отыскать издание с письмом и введением.

«находился на службе», но был понижен в должности и теперь «недоволен судьбой». Он защищает свой проект с горячностью, но без убедительных доводов, и потому кое-кто даже подозревает, что это подставное лицо... Сегодня нам кажется очевидным, судя по абсурдности некоторых его положений, что Тюрго ни в коей мере не был его вдохновителем и, только поддавшись своим либеральным чувствам, написал письмо, от которого вполне мог бы воздержаться, к тому же он не предвидел, какие оно вызовет неприятности. Если в некоторых парижских кругах этому делу не придали большого значения, то в провинции, напротив, книга Гланьера вызвала, по-видимому, самые нелепые домыслы и способствовала кампаниям неповиновения сбору налогов. Поэтому Тюрго не только велел изъять свое письмо из этого издания, но и вынужден был написать некоторым интендантам (в частности, Эсмангару), чтобы предостеречь их против «слухов, вредных для управления», причиной которых, по-видимому, был этот случай. «Если Его Величество выразил желание не мешать тем, кто может сообщить полезные сведения, представить их на суд публики с помощью печати, то это значит, что он желает, чтобы его подданные были способны по возможности сами судить о своих истинных интересах... Его Величество будет всегда поддерживать... законы, определяющие размеры и формы налогов».

Если мы довольно снисходительно вспомнили эту ничтожную брошюру, ее призрачного автора, все эти мелкие затруднения, то лишь потому, что видим в этом маленьком эпизоде то же, что обнаружим в самых значительных перипетиях этого министерства: некоторую неосторожность Тюрго по отношению к общественному мнению, излишнюю торопливость в желании информировать его или дать ему ознакомиться самому, чрезмерный оптимизм в оценке здравомыслия и верности его реакций. Два легковерия сталкиваются с силой взрыва: вера министра в здравый смысл и легковерие толпы, привлеченной обаянием вымысла. И потому мы продолжаем думать, хотя этот вопрос оспаривался и прежде и теперь, что Тюрго, предоставляя свободу создателям проектов, не имел в виду их рекламировать и поощрять[1].

Следующее дело уводит нас в сторону от бюджетных и фискальных вопросов и переносит на периферию компетенции генерального контролера, хотя и очень обширную; быть может, оно выходит даже за ее пределы, и к тому же вызывает у нас серьезные сомнения.

1 Foncin. Op. cit., p. 99; Schelle. Op. cit., t. IV, p. 64 et 273. Метра выдвигает гипотезу, что Тюрго сохранял для себя серьезные проекты и позволял печатать нелепости Гланьера и ему подобных. (Correspondance, p. 157.)

Некий де Парсьё несколько лет назад сделал (и даже представил в Академию наук) очень значительное для своего времени изобретение, а именно ледокол. Но ледокол г-на Парсье отличался тем, что он был неподвижным. Это была «плавучая эстакада», состоящая из деревянных звеньев, скрепленных цепями и снабженных большими ледорезами. Он должен был задерживать движение льдин, плывущих по Сене к Парижу и наносящих большой ущерб снабжению столицы.

Тюрго, по словам Башомона, заинтересовался этим изобретением, поручил его эшевенам* и приказал испытать на Марне под контролем экспертов из Академии. На первом испытании сломалась одна балка; второе, проведенное вскоре после первого той же зимой 1774 г., было тоже неудачным по неизвестным для нас причинам. «Легко было предвидеть, что машина причинит еще больше неприятностей, чем все, нанесенные льдинами». Лекарство оказалось опасней самой болезни; надо признать, что это было бы плохим предзнаменованием и плохим символом для политики реформ. Несмотря на формально принятое решение отказаться от машины, министр все же не забросил ее, и за нее взялись снова следующей зимой в более подходящее время, так как стояли сильные морозы. На этот раз дело кончилось катастрофой. «Вскоре под давлением льда машину разломало, и ее обломки вдребезги разнесли мельницу на берегу». И тут ее в первый раз назвали «Машиной Тюрго»! Не следует ли видеть в этом некое символическое предвосхищение? Не разлетится ли вот так на куски все министерское сооружение под ужасным ледяным давлением привилегий? Однако об этом деле рассказывает только Башомон, правда в пяти разных местах, а имя Тюрго упоминается в них три раза[1]. Нам кажется странным, что о нем больше не упоминают ни в одной хронике, ни в одном документе, даже в переписке Тюрго с Кондорсе, всегда так тесно связанным с ним и разделявшим его заботы и научные замыслы. Если следует отметить молчание его друзей, то молчание врагов кажется нам просто поразительным. Как могло случиться, особенно в период, когда министра преследуют и осмеивают со всех сторон (мы говорим о январе 1776 г.), что ни одному из них не пришло в голову подчеркнуть провал дела, которое все же повлекло за собой ненужную трату (20 тыс. ливров, по словам Башомона, который безмятежно добавляет: «Все, что идет на пользу науке,

* Городские советники, члены городского муниципалитета — *Прим. ред.*

1 Bachaumont Op. cit., t. VII, p. 226, 8 octobre 1774 (Тюрго упоминается), p. 222, 13 octobre 1774 (упоминается), p. 258, 29 decembre 1774 (Тюрго не назван) p. 259, 6 janvier 1775 (упоминается), t. IX, p. 32, 30 janvier 1776 («Машина Тюрго»).

не может считаться бесполезным»). Почему враги не воспользовались таким удобным случаем осудить его «дух системы» и осмеять столь нелепую затею, начатую в самый разгар выработки эдиктов и накануне кризиса? Для нас это остается загадкой[1]. Затем Башомон в своем рассказе с легкостью обходит вопрос о компетенции: дело находилось в ведении муниципальных властей, которые и покрыли расходы.

В подтверждение правдивости этого рассказа можно сослаться на интерес, проявляемый Тюрго ко всяким машинам, даже таким экстравагантным, как последняя. Таковы машина для опреснения морской воды, разрабатываемая Лавуазье и Кондорсе[2], мукомольная машина, способная дать муки на выпечку 720 фунтов хлеба в день, представленная в Академию наук[3], машина для подъема воды и полива лугов[4].

Однако о каждом из этих случаев мы находим след в переписке.

Как ни расценивать этот эпизод, Тюрго всегда проявляет живой интерес, когда речь идет о практическом приложении науки, будь то плавка стали на металлургическом заводе Бюффона (письмо Дюамелю, генеральному инспектору арсеналов, от 6 октября) или оценка преимуществ и недостатков мочки конопли в проточной или непроточной воде (письмо Гранжану де Фуши, непременному секретарю Академии наук, от 29 ноября)[5].

Ледокол побуждает нас перейти к более важной главе о гидравлике, которая представляет собой переходный этап от научного дилетантства к экономической экспансии. Развитие водных путей могло иметь чрезвычайно важное значение в системе путей сообщения той эпохи, особенно для торговли зерном. Однако Тюрго удалось приступить в этой области лишь к подготовительным мерам. Как отмечают, 7 мая 1775 г. генеральный контролер по приказу короля поручил Д'Аламберу, Кондорсе и аббату Боссю предпринять совместные изыскания в области навигации. Они просили, чтобы эта миссия была бес-

1 Основные биографы Тюрго, жившие после него, в частности Фонсен (op. cit., p. 117) и Шеэль (op. cit., t. IV, p. 236), ограничиваются изложением этого дела со слов Башомона. Ни Кондорсе, ни Дюпон даже не упоминают о нем, что можно в крайнем случае объяснить их стремлением его оправдать.

2 Condorcet. Correspondance, p. 187 et 192.

3 Она была изобретена Ложелем, Шмитом и Пфетером. См. письмо от 28 мая 1775 г. цитируемое Фонсеном (op. cit., p. 184).

4 Foncin. Op. cit., p. 236, 12 mai 1775.

5 Schelle, t. IV, p. 240, Foncin. Op. cit., p. 117.

платной, но в обществе распространился слух, будто они получили 6 тыс. ливров[1]. Тюрго, по словам Кондорсе, собирался утвердить бюджет в 800 тыс. ливров на улучшение судоходных путей[2]. Вскоре после рассматриваемого нами периода он предоставляет аббату Боссю кафедру гидродинамики[3]; велит переиздать или перевести работы Эйлера[4]; дает Кондорсе возможность свободно ездить по стране и изучать всевозможные проекты проведения каналов.

Возвращаясь к сентябрьским дням, мы обнаруживаем после нескольких малоинтересных мер, касающихся чеканки монет[5], одно значительное дело, которое относится к текущим делам и в то же время свидетельствует о новой тенденции в управлении: это вопрос об арендных договорах на откуп налогов с доменов (королевских владений). Генерального контролера засыпали запросами и жалобами по поводу новой системы, введенной аббатом Террэ и приводившей к серьезным злоупотреблениям. Тюрго, стремившийся реорганизовать систему своего предшественника в этой области, воспользовался случаем, чтобы положить начало политике замены системы откупов взиманием налогов государством; другие примеры такой политики мы видим в деле с ипотеками, производством пороха и почтово-пассажирскими перевозками.

В этих четырех операциях Тюрго проводил одну общую главную идею, но в каждом случае исходные данные были неодинаковы и мотивы, которыми он руководствовался, хотя в целом и сходные, проявлялись по-разному. Замена откупов взиманием налогов самим государством должна была в принципе обеспечить увеличение поступлений, что и произошло на

1 Bachaumont. Op. cit., t. VII, p. 305, 7 mars 1775; «Journal historique», t. VII, p. 151.
2 Condorcet. Vie de Turgot, p. 106.
3 Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 262, 22 novembre 1775 — 26 ноября 1775 г.: «Редкий случай, чтобы министр входил сам в такое множество деталей и говорил со знанием дела о самых сложных науках».
4 Condorcet. Correspondance, p. 244 et suiv.
5 Декларация от 18 сентября, отменяющая распоряжения аббата Террэ. Речь шла о том, чтобы избежать мошенничества, которое, как опасались, стало бы возможным при одинаковых изображениях на золотых и серебряных монетах, а также об экономии, которой можно было добиться, отказавшись от тридцати одного нового чекана для обратной стороны монет. По сходству вопроса можно отметить также постановление Совета от 11 декабря относительно мелкой монеты из биллона [низкопробного серебра]. Речь шла главным образом о том, чтобы избежать распространения фальшивых денег иностранного производства и исчезновения из обращения разменной монеты из-за употребления ее для оплаты очень крупных сумм.

амом деле. В этом смысле типичен случай с ипотеками. Но ут мы видим также стремление оградить публику от злоупотеблений и притеснений, что характерно также для операций доменами и с производством пороха, или даже стремление обиться результата экономического порядка, что характерно ля дела с производством пороха и еще больше для почтово-ассажирских перевозок. Наконец, сегодня мы ясно видим, что се эти меры, направленные против отдельных откупщиков, ыли лишь пристрельным огнем, подготовлявшим крупное наступление против всей системы откупов. Было несравненно легче напасть на отдельных откупщиков вроде Соссере или Руссея, чем на корпорацию королевских откупщиков — «шестьдесят столпов государства», — но, как только все налоги станут зиматься государством и принесут хорошие результаты, разве е будет тогда легче доказать, при поддержке общественного нения, что сама система откупов отжила свой век и стала яжким бременем. 14 сентября (на другой день после эдикта хлебной торговле) Тюрго сразу приступил, правда с большой сторожностью, к вопросу о королевских откупах[1].

В деле с доменами случай был тем более благоприятный, ито новый порядок еще не обрел полной силы, а на него все же роптали, к тому же он был связан с именем непопулярного уволенного министра.

Аббату Террэ пришла идея отобрать управление доменами у генеральных откупщиков, на которых оно было возложено по традиции. Он произвел эту операцию, когда пришло время возобновления общего арендного договора (договора Давида), не встретив возражений, ибо речь шла о небольшом доходе, а откупная система была плохо приспособлена для такого рода дел. Он подготовил специальный арендный договор, подразделенный на столько мелких откупов, сколько было податных округов, платежи по которому откупщики должны были внести 1 октября 1774 г., а в силу он входил с 1 января будущего года. Следовательно, еще оставалось время разорвать этот договор до конца текущего месяца. Операция Террэ была выгодна для казны, которая получала на этом непредвиденную сумму в 1564 тыс. ливров в год. Каковы же были неудобства этой операции? В данном случае они были не бюджетного, а морального и социального порядка. Что стали бы делать эти мелкие откупщики домениальных земель в разных провинциях? Стремясь поскорей вернуть свои средства и извлечь наибольшую выгоду из этого дела, они не преминули бы произвести повсюду перепись домениальных земель и стали бы тревожить и обирать тех, кто их обрабатывал («les engagistes»). Не довольствуясь выжиманием максимума с известных и уже

1 См. далее, глава VII, «Бюджетная политика»

включенных в перепись земель, они стали бы стараться их расширить, требуя присоединения (они специально оговорили это право в договоре), как принадлежащих короне, и других участков, кое-где расчищенных и распаханных крестьянами по соседству, права на которые за давностью невозможно было установить. Это сулило множество неприятностей, судебных тяжб, а сверх того, возможность бесчестных махинаций, замыслы которых великодушно приписывали интенданту Кошену, а также самому Террэ, принимая во внимание его репутацию. Эту отнюдь не радужную картину рисует нам не только Бодо, объективность которого не доказана, но и более беспристрастный наблюдатель — аббат де Вери[1]. По запискам последнего, написанным еще до назначения Тюрго, мы видим, что задолго до числа, когда арендный договор должен был вступать в силу, начались волнения и споры о действительных и вымышленных домениальных правах. «Темные деляги» при соучастии самых высокопоставленных администраторов добивались уступки им подобных земель, и эта практика приняла такие размеры, что ее пришлось прекратить в провинции Дофине «из-за общего возмущения ограбленных жителей» Эта провинция была расположена внутри страны. Но тут у Кошена родилась почти гениальная идея, и он придал своей «грязной затее», по выражению Бодо, почти безграничный размах, прихватив приморскую полосу. В силу неотчуждаемости домениальных земель и невозможности определить границы моря он решил потребовать у мирных жителей, издавна владевших этими землями, всю береговую полосу до того места, куда доходит самый высокий прилив океана. «Не меньше целой провинции», — замечает Вери. С его же слов, это дело вызвало такое возмущение у Морепа и самого короля, что явилось одной из непосредственных причин отставки Террэ [2].

Однако совсем не обязательно приписывать аббату Террэ скрытую личную корысть, чтобы объяснить его отношение к вопросу о доменах: достаточно «корысти фискальной».

1 См: Baudeau Op cit., p 411; Véri Op. cit. p 136, Foncin Op cit p. 108, Schelle, t IV, p 173 et suiv

2 Эта запись сделана 14 июля 1774 г Немного раньше Вери высказал такое любопытное суждение: «Я заявил, что, если во всей Франции найдется хоть два человека, не считающих Террэ законченным мерзавцем (помимо его сообщников и ближайших подчиненных), тогда, заявил я г-ну Морепа, можно оставить его генеральным контролером» (op. cit., p 129) Вери, однако, нельзя назвать человеком непримиримым, он склонен к скептицизму и даже сам говорит «Столь желаемая порядочность не единственное нужное качество» Но он считает, что Террэ не обладает талантом министра финансов Он гордится только в начальники сборщиков податей Сам король довольно справедливо заметил: «Все это доказывает, что он хороший интендант двора, но отнюдь не хороший министр»

Все это облегчало задачу Тюрго в одном из его самых первых дел на посту министра. Он решил это дело с легкостью и виртуозностью, показав, что, как специалист в этой области, он нисколько не ниже своего предшественника.

Подписанный ранее договор на откуп был отменен постановлением от 25 сентября.

Жану Берто было поручено специальное государственное управление по сбору налогов вместе с системой обеспечения их сбора. Оно дало казначейству 6 млн. ливров аванса и ограничило расходы на управление 6,66%.

Новое управление ведало также сбором «случайных» феодальных и сеньориальных повинностей с земель, находящихся в ленной зависимости от короля; его власть была распространена и на небольшой частный откуп. Исчисление доходов, порядка 4 млн. ливров, как будто оставалось прежним, но следует отметить, что из этой суммы лишь 1800 тыс. приходилось на королевские домениальные земли, прежде сдаваемые Террэ на откуп. Новая система, во всяком случае, приносила не меньший доход, чем старая, не вызывая ни волнений, ни жалоб[1].

Окрыленный этим первым успехом, Тюрго создал и поручил Пародо управление по ипотекам и дополнительным налогам, покончив с договором Русселя, заключенным на таких условиях, что он становился все более невыгодным для государства, по мере того как приближался конец его действия (июль 1781 г.). Механизм его был очень хитроумен: откупщики получали проценты со своих авансов, которые постепенно покрывались; их доходы от процентов таким образом сокращались с течением времени и по мере уменьшения капитала, что совершенно естественно. Но наряду с процентами откупщики получали еще так называемое *«вознаграждение за участие»* (droits de présence), то есть дополнительный процент, неизменный и исчисляемый с первоначально вложенного капитала (в данном случае равный 6%). Этот расход становился автоматически все более обременительным для государства, по мере того как срок действия договора подходил к концу, и достигал в последнем квартале 93%! Новая организация давала казначей-

1 За исчислением этих поступлений трудно проследить в позднейших счетах, так как в отличие от других управлений тут их перестали выделять. Неккер, писавший в 1784 г, оценивает их в целом в 11 или 12 млн ливров, включая сюда поступления от лесов, от домениальных земель и сеньориальных прав Леса приносили около 6 млн., из чего можно заключить, что доходы от налогов, взимаемых управлением, остались прежними, конечно, с небольшим превышением фактического поступления (Administration des Finances, t. I, p. 17)

ству возможность получить дополнительный аванс 4 млн.[1] и одновременно, по-видимому, положить конец некоторым сомнительным комбинациям для получения процентов, ибо повсюду, где имеется договор на откупа, мы обнаруживаем знаменитые «круп» (croupes)* — более или менее скрытое распределение процентов на паи откупа. Дело, в котором доходы на капиталы возрастали чуть ли не в геометрической прогрессии, могло позволить его участникам оказывать «милости» и вознаграждать пособников. «Г-н Тюрго, с его просвещенным здравомыслием и справедливостью, упразднил доходы на паи для многих людей, введенных в это дело из милости»[2].

Однако каким образом Тюрго так легко нашел средства для внесения авансов в счет доменпальных владений и ипотек? Забегая вперед, мы должны теперь же внести некоторые уточнения, чтобы избежать упрощенного объяснения: злой Террэ якобы усложнял дела ради своих мошенничеств, добрый Тюрго пришел и прекратил их, взмахнув волшебной палочкой.

Чтобы добывать деньги, и тот и другой обращаются к определенной категории людей, профессия которых собирать и помещать деньги: собирать за счет сбережений, а помещать в дела государства; люди эти известны под общим именем «финансисты». Финансисты могут быть либо частными лицами, коммерсантами, банкирами, «денежными воротилами», либо должностными лицами, ведающими государственными налогами. Одна из характерных черт французской экономики той эпохи — «кустарная» организация финансового рынка и отсутствие крупных финансовых учреждений, сходных с существовавшими в Англии и Нидерландах. Среди этих финансистов можно найти людей более или менее честных, более или менее добросовестных. В этом отношении у Тюрго, кажется, была более счастливая рука, чем у Террэ. Во всяком случае, он предпочитал обращаться к тем из них, кого обошел его предшественник: например, к казначеям упраздненных рент, сборщикам налогов с домениальных земель и лесов. Главный сборщик двадцатины г-н де Сен-Васт, которым больше всех помыкал аббат Террэ, был поставлен во главе управления доменами.

Но выбор людей еще не все. Самые надежные, как и самые сомнительные, обладают средствами, которые зависят от общих условий рынка, от состояния государственного кредита. В этом

1 См.: Foncin. Op. cit., p. 118; Schelle, t. IV, p. 177.

* «Круп» (croupes) — это выражение заимствовано из карточной игры, где называли «крупье» товарищей по игре, которые собирали в складчину дополнительную сумму (садились в «круп» главному игроку). — *Прим. ред.*

2 «Journal historique», 9 septembre 1774.

отношении Тюрго оказался, как мы увидим дальше, в особенно благоприятных условиях, вызванных не только доверием к нему. Между его управлением и управлением Террэ разница не только в умонастроении, добросовестности или теории, но главное (и об этом нельзя забывать) огромная разница в общей конъюнктуре.

Теперь мы должны рассмотреть целую серию мероприятий, характерных своей ортодоксальностью и в то же время незначительностью; их можно сгруппировать вокруг двух проблем, хорошо известных и часто связанных между собой в практической деятельности лиможского интенданта: облегчение налогов и экономическая свобода — обе эти меры связаны с заботой о расширении производства и деловой активности.

Первое решение об облегчении налогов принято 15 сентября — такова отмена дополнительных обложений, введенных аббатом Террэ (8 су на ливр), но только там, где они касались повинностей, взимаемых частными лицами.

Эти повинности представляют собой пестрый клубок мелких и оскорбительных поборов, нечто вроде фискального феодализма, который Тюрго хотел бы уничтожить и с которым надеялся рано или поздно покончить. Еще не наступило время наносить удар, но этим поборам по меньшей мере не надо давать расти, тем более что государство не получает от них никакой выгоды. Речь идет о праве взимать пошлину за проход (пеаж), проезд, пересечение границы владений, застав (барраж), мостов, переправу через реки, дорожную пошлину, кутюм, эталаж, лэд, афораж, сбор за взвешивание, онаж*, за клеймение, шаблаж, гурметаж, сбор за переправу на пароме. Право взимать эти пошлины имели принцы крови, сеньоры и частные лица[1].

* Эталаж (étalage) — рыночный сбор за место, занимаемое торговцем.

Лэд (leyde) — рыночная пошлина.

Афораж (afforage) — пошлина, уплачивавшаяся сеньору за право торговать определенными напитками в пределах сеньории.

Онаж (aunage) — рыночный сбор с хлеба.

Кутюм — оброк сеньорам со всех четвероногих животных, за исключением овец; в некоторых местностях — дорожная пошлина, а кое-где — сеньориальная рента. — *Прим. ред.*

1 Постановление Совета от 15 сентября внесло изменения в ноябрьские эдикты 1771 г. См.: Schelle, t. IV, p. 165; Du Pont. Mémoires, p. 152. См. циркуляр для интендантов. Эти права, «отчужденные» королем в порядке выкупа, как и права, принадлежащие каким-либо учреждениям, а также общинам, не были затронуты постановлением от 15 сентября об отмене дополнительных обложений. См. добавочные тексты, цитируемые Шеллем, и в частности об отмене дополнительных удержаний в размере 3 су с ливра (вместо 8 су) для сборов за контроль (визитацию), клеймение, обмер кусков сукна и холста.

К этому списку можно еще добавить. чинш с виноградников, тонлье, руаж, бушери, эталонаж, шеминаж, курбаж, ваннаж, бюиссонаж* и т. д. Мы понимаем, что Тюрго не хотел медлить, если принять во внимание, что эти нелепые права распространялись на продукты питания, и в частности на зерно, что усложняло его доставку и поднимало цену

Теперь вместе с Тюрго бросим взгляд на право городов взимать ввозные пошлины (октруа). Поскольку дело касается муниципальных налогов, не может быть и речи о том, чтобы их отменить, но министр не забывает, что сам уже в принципе осудил их, как экономист и интендант. Считают, что с помощью пошлин заставляют платить города, но на самом деле это значит заставить платить деревню, ибо именно она ввозит продукты, облагаемые пошлиной. (Тут мы присоединяемся к физиократам, упрекавшим горожан в эгоизме, который Дюпон считает одной из причин ненавистной регламентации[1].)

За неимением лучшего средства Тюрго рассылает 28 сентября интендантам циркуляр, чтобы выразить свои пожелания следовало бы изыскать возможность исправить налоговые тарифы, а также избегать злоупотреблений по службе. Циркуляру не хватало точных указаний (на этот раз он кажется нам скорее теоретическим рассуждением, чем административным руководством) Тезис о строжайшей опеке, выдвинутый будущим автором проектов о муниципальных собраниях, кажется, не привел ни к каким положительным результатам[2]. Некоторые практические меры. принятые несколько дней спустя (2 октября) по случаю переезда одной из контор [по сбору пошлин], по-видимому, позволили усилить контроль над кое-какими мошенничествами горожан. Они, в частности, не платили пошлины, когда ввозили продукты питания из своих загородных владений для домашнего потребления, — еще один пример неравенства и несправедливости по отношению к сельским производителям Однако, поскольку нельзя было упразднить этот давно утвердившийся обычаи, решили хотя бы более строго проверять права тех, кто им пользовался, и положить конец частным злоупотреблениям[3]

* Тонлье (tonlieu) и руаж (rouage) — дорожные пошлины
Бушери (boucherie) — пошлина сеньора с каждой головы убойного скота, взимавшаяся на его монопольной скотобойне
Эталонаж (etalonnage) — право сеньора на установление мер и весов в пределах сеньории — *Прим. ред*

1 Turgot Plan de Memoire, см Schelle t II, p 299, Du Pont Lettre au Margrave de Bade

2 Jobez A La France sous Louis XVI Paris, 1877—1893, p 167, Schelle, t IV, p 179.

3 Foncin Op cit., p 115

Нить нашего повествования приведет нас несколько далее к ордонансу от 15 февраля 1775 г., которым отменил принятые освобождения от налогов и обязал проходить через таможенные заставы Парижа все повозки без исключения, «даже экипажи Его Величества, королевы, принцев и принцесс крови» Обычно Тюрго ставят в заслугу эту меру, которая имела несколько показной характер, но вызвала тогда разнообразные суждения и скорее подобала бы лейтенанту полиции, чем генеральному контролеру. К тому же резкость редакции этого приказа как бы свидетельствовала о непочтительности. преследовавшей демагогические цели, что было несвойственно министру финансов Поэтому нам кажется вероятным. что ордонанс Тюрго был продиктован не финансовыми соображениями В то время высказывалось предположение, что речь шла о борьбе с распространением подпольных брошюр[1].

От парижских ввозных пошлин мы переходим к снабжению столицы продовольствием. Тюрго занялся этим вопросом в предвидении наступления великого поста

Королевская декларация от 25 декабря[2] отменяет любопытный обычай исключительное право Отель-Дье (городской больницы) на продажу мяса во время поста (объяснявшееся тем, что в это время есть мясо разрешалось только больным). Если верить аббату де Вери, то эта привилегия больницы была более неудобна, чем можно предполагать[3], а если верить Кондорсе, то эта мера гораздо менее безобидна, чем кажется. Для него речь идет о том, чтобы «отобрать у церковной власти одну из захваченных ею привилегий». В действительности это совсем простое дело, и Тюрго нельзя заподозрить в антиклерикальных намерениях, которые в то время были бы очень несвоевременны. Эта небольшая и необычная монополия, неудобная для потребителя, была не менее неудобна и для ее обладателя — больницы, у которой не было квалифицированного персонала для торговли, — еще одно подтверждение тезиса либералов о превосходстве частной торговли. Итак, больница собиралась уступить свое право за 50 тыс. ливров какому-нибудь откупщику мирянину. Тюрго ухватился за эту возможность и предпочел дать возмещение больнице за счет государства, гарантировав ей право на небольшую компенсацию от

1 «Эту резкость объясняют не желанием министра покровительствовать откупщикам, а стремлением прекратить распространение вредных подпольных брошюр» («Journal historique», 14 mars 1775)

2 Schelle t IV p 184

3 «Надо было в течение 40 лет испытывать все неудобства исключительной привилегии служителей Отель-Дье на торговлю мясом во время поста, чтобы оценить свободу этой торговли» (Veri Op cit, t I, 232)

продажи скота[1]. Этот вовремя проявленный либерализм, выгодный для всех, не имел ни малейшего оттенка враждебности к церковным властям, которые так или иначе отказались бы от этой торговли.

Возвращаясь еще раз к снабжению продовольствием во время великого поста, мы можем назвать еще одну, действительно облегчающую меру с экономической подоплекой: отмену пошлины на соленую рыбу, снижение вдвое пошлины на свежую рыбу (8 января) — временные меры, которые были затем утверждены навсегда (13 апреля)[2]. Вопреки ожиданиям и восторженным комментариям Кондорсе (изобилие и дешевизна) цены тем не менее почти не снизились. Тогда Тюрго со свойственной ему добросовестностью попросил Ленуара изучить распространение и продажу сушеной трески, так называемой «штокфиш» (merluche). Такие заботы важного министра не кажутся нам теперь непонятными. Это маленькое дело заслуживает к тому же нашего внимания из-за небольшой детали — способов его обоснования: Тюрго среди побудительных причин этой меры называет желание способствовать развитию торговли рыбой. Увеличение «производства» всегда занимает главное место в его мыслях.

Раз уж мы коснулись рыбной ловли, отметим по ассоциации разрешение судовладельцам, занимающимся ловом трески, импортировать соль для засолки их рыбы (но только на французских судах) из Испании и Португалии (ноябрь 1774 г.) (либерализм, снижение цен). Отметим также, в соседней области, утверждение оспариваемых льгот, предоставляемых бретонцам на торговлю морскими водорослями (12 ноября).

Упорядочение фискальной системы привело Тюрго к рассмотрению вопроса, интересующего духовенство гораздо больше, чем продажа мяса во время поста. Речь идет о droit de franc-fief*, которое упрочивало неравенство сословий в ущерб владеющим дворянскими землями. Духовенство с 1770 г. настаивало на том, что церковники — не дворяне не должны вносить этот платеж, «ибо возведение в духовное звание стирает пятно низкого происхождения». До сих пор это требование обычно удовлетворяли путем временного освобождения от уплаты, которое следовало каждый раз возобновлять.

Тюрго поступил точно так же, как и прежняя администрация: он продлил освобождение от уплаты этого взноса, не ре-

1 Постановление Совета от 31 января утверждало право больницы на получение одного су с ливра стоимости скота, проданного во время великого поста на рынке Со. (Schelle, t. IV, p. 184.)

2 Schelle, t. IV, p. 328 et suiv.

* Феодальное право (платежи), очень обременительное в тех случаях, когда земля дворянина переходила в руки простолюдина. — *Прим. ред.*

шая вопроса по существу. Это дело ставило трудную проблему перед человеком, верным своей доктрине, так как в данном случае это значило поддержать привилегию. Но с другой стороны, само это право (droit de franc-fief) было феодальным пережитком — логично ли сохранять его и далее? Тюрго — дипломат, к чему затевать конфликт из-за частного случая? И он по-прежнему педантичен: мера будет ограничена лишь ранее полученными правами. В то же время он разрешил в умеренном духе все споры по поводу права амортизации[1].

Теперь мы вернемся к вопросу о соли в связи с практикой, которая тоже привела к конфликту между обладателями привилегий. Получивший подряд от откупщиков присваивал себе исключительное право на снабжение солью складов в Риоме и Обюссоне, тогда как провинции Овернь и Лимузен откупились от соляной пошлины — габели. Но навязать им единственного поставщика соли — разве не значит принудить их платить ему некую косвенную габель? Тюрго принял решение, исходя из двух соображений — облегчения тягот и либерализма. И потому он предпочел *фискальную* привилегию провинции *монополистической* привилегии подрядчика (14 октября)[2].

Вот еще несколько примеров либеральных решений и различных мероприятий. Свобода, предоставленная торговле маковым маслом (28 ноября), которое обычно, обманывая народ, продавали под видом оливкового[3]. Отказ принцу Конде в праве на экспроприацию земли, чтобы построить железоделательный завод, под тем предлогом, что экспроприация допустима лишь для дела, которое касается всеобщего блага. Если же речь идет о частном предприятии, то это было бы «своего рода

1 Речь идет об арендной плате за земли, уступленные владельцами неотчуждаемой собственности частным лицам. Фиск считал, что эти земли становились, таким образом, объектом торговой сделки и, следовательно, арендаторы должны были платить амортизационные взносы. Тюрго «из милости» поддержал освобождение от взносов с условием, что использование и назначение этой собственности «не будет изменено и извращено навсегда», но установил право на их перепродажу во время действия аренды (27 ноября). (Daire. Notice historique sur la vie et les ouvrages de Turgot, t. II, p. 388; Foncin. Op. cit., p. 120.) Он разрешает подобное же освобождение от амортизационных сборов на два года в случае сугубо частного характера таких актов, как, например, уступка обычной десятины в обмен на десятину с вновь освоенных земель. Речь идет о землях, которые не вспахивали более сорока лет, о землях очень разбросанных и ставших предметом тяжб. Кюре часто предпочитают передавать их крупным получателям десятины (речь идет об инфеодированной десятине, то есть уступленной светским лицам) за определенную часть десятины. (Schelle, t. IV, p. 170.)

2 Постановление Совета от 14 октября 1774 г., отменявшее постановление от 3 октября 1773 г. (Schelle, t. IV, p. 159.)

3 Schelle, t. IV, p. 239; Du Pont. Op. cit., p. 260; Foncin. Op. cit., p. 120.

хищением» (29 ноября) [1]. Интендант Алансона был не прав, запретив оставлять плуги на полях. «Земледелие, как и торговля, прежде всего нуждается в свободе». Оштрафованные нарушители интендантского запрета должны получить свои деньги обратно[2]. Указание Тюрго хранителю печати, предназначенное интенданту провинции Дофине Пажо де Маршевалю (предшественнику Тюрго в Лиможе) [3]: никаких поборов, даже умеренных, за устройство ярмарок. «Это значило бы удорожать продаваемые товары» и «возмущать покупателей» (22 ноября). Отмена наследования должностей во Фландрии, Артуа и Эро (утверждено 31 октября). Поощрение разведения табака на Корсике (1 ноября), отказ поддерживать сталелитейные заводы в Пикардии (13 декабря). А вот примеры снижения налогов (символического) и либерализма (интеллектуального), отмена оплаты золотой маркой указов, дающих отсрочку приговора, помилование или реабилитацию, документов, разрешающих постройку мануфактур, продажу механических изделий, заимы городам, общинам, церковным обителям и другим владельцам неотчуждаемых имуществ, а также разрешающих открытие базаров и ярмарок, расходы на обучение, и разрешений на печатание и привилегии печатникам (6 декабря). Последнее распоряжение было дополнено льготой на беспошлинный ввоз иностранных книг «ибо книготорговля заслуживает особого покровительства» (23 апреля 1775 г.). Международное соглашение о взаимном отказе от прав на имущество умершего иностранца (droit d'aubaine), заключенное с двадцатью тремя имперскими городами (7 ноября). Эта мера соответствовала неизменной доктрине физиократов и тезисам Дж. Такера*, которого Тюрго когда-то переводил, но этой мере нельзя приписать ни особого размаха, ни большой новизны[4].

Мы видим, как снова возникает знаменитое дело о клеймении скота[5], но в смягченной форме. Тюрго не собирался применять принципы, которые он излагал перед аббатом Террэ. Он не отменил ни клеймение, ни ввозные пошлины, но упростил и унифицировал их (23 октября).

1 Schelle t IV, p 241
2 Ibid, p 242—243
3 Schelle, t IV, p 238 То же для Бургундии (12 мая 1775 г), для герцога Орлеанского (22 августа 1775 г.). (Ibid., p. 639.)
* Такер Дж (1711—1799)—английский экономист, один из предшественников Адама Смита — *Прим ред*
4 18 февраля 1774 г между Францией и княжеством Невшатель, 27 апреля между Францией и Великим магистром Тевтонского ордена и между Францией и принцем Нассау Саарбрюкенским («Journal historique», t VI, p 134)
5 См мою книгу «Les Bases experimentales et doctrinales de la politique economique de Turgot»

Каково положение, однако, с более важными делами, которые мы можем объединить под общим названием снижения налогов?

О дорожной повинности мы упомянем лишь мельком, ибо, с одной стороны, считаем, что ее полуфискальный характер имеет второстепенное значение по сравнению с заботой государства о дорогах, что является одной из статей бюджета, а с другой стороны, несмотря на возмущение Кондорсе, это дело остается еще на подготовительной стадии.

Система дорожной повинности для нужд армии, принятая в Лимузене, распространялась все шире, но общее решение вопроса было достигнуто лишь 29 августа, а срок его проведения в жизнь намечен на 1 января 1776 г. Натуральная дорожная повинность будет впредь заменена дополнительным обложением к талье, а работы будут вестись государственными подрядчиками, как это уже делалось в девяти генеральствах (финансово-податных округах, généralités) [1]

Что касается ополчения, то это более тонкое дело Некоторые авторы считают успехом Тюрго ордонансы, обнародованные на этот счет 1 декабря[2]. С такой точкой зрения нельзя согласиться в этих ордонансах Тюрго не достиг полного удовлетворения — ополченцу разрешалось найти себе «замену» Эта льгота давала возможность обходить правило, что и так уже делалось. Тюрго не добился настоящей реформы, которой требовал, то есть добровольной службы По словам Вери, это дело было настоящим поражением Тюрго в правительственной стратегии. Таково же было и общественное мнение «Публика, довольно поверхностно рассматривая это дело, заявляла: «Кто победил, тот и был побит».

Рассказ о заседании межведомственного комитета, собравшегося по этому поводу, можно рассматривать как знакомую с давних времен политическую комедию С одной стороны, трое штатских — Тюрго, Морепа и Бертен, с другой, трое военных — Дю Мюи, маршал Субиз (единственный министр без портфеля, постоянно присутствовавший на заседаниях высшего Совета) и один инспектор, г-н д'Эронвиль У штатских — веские соображения Тюрго. У военных — «решительный тон» и постулат национальной обороны «Трое военных категорически утверждали, что так они не наберут солдат, что это гибель для армии и, если грянет война, некому будет сражаться с врагом. Тюрго не мог, как они, ссылаться на свой опыт». Что в этом провинциальном вспомогательном войске, не предназначенном для сражений, замена недоброжелательно-

Foncin Op cit, p 142 et suiv
Veri Op cit, t I, p 217

го рекрута бодрым добровольцем поставит под удар судьбу Франции — этого нельзя было доказать, но, стало быть, нельзя и опровергнуть. Обычно в таких случаях дело решает глава государства: он дает свое одобрение финансистам и сообщает свое решение военным. «Пусть сами разбираются, — философски изрек король, — мы к этому еще вернемся погодя».

Есть, однако, область, где Тюрго выиграл очко, и даже, можно сказать, полтора очка, — фискальная система в деревне. Он освободил от кое-каких платежей (за выжигание, взимание сотого денье, droit de franc-fief) (2 января) арендные договоры сроком менее двадцати девяти лет[1]. Аналогичное решение было принято в 1762 г. Бертеном, но только для целинных или заброшенных земель, к тому же это решение было отменено в 1772 г. По мнению Дюпона, это освобождение арендных договоров должно было привлечь в деревню «капиталы и предприимчивость богатых людей». Мы знаем, что в Лимузене Тюрго и вправду жаловался на отсутствие сельскохозяйственного капитала и он не сомневался, что этот недостаток присущ многим другим районам Франции[2]. Но мы не должны забывать, что основной целью Тюрго было содействие превращению испольщины в аренду. Освобождение арендных договоров от обложения — одно из звеньев этой политики.

Еще более существенным делом была отмена *солидарной ответственности* (круговой поруки), которую Тюрго провел королевской декларацией от 3 января, после того как представил королю мемуар, где мы снова видим аргументы и доказательства, столь дорогие ему еще со времени Лиможа. Он напоминает общее правило: «Все налогоплательщики общины считаются должниками, несущими солидарную ответственность друг за друга, отвечающими за всю общину в целом, как и она за них, при выплате общей суммы налога».

Это — простое правило, но оно приводит к большим неудобствам, особенно в районах, где взимается личная талья*. Тут приходится еще раз вспомнить об участи сборщика налогов —

1 Schelle, t. IV, p. 358; Foncin. Op. cit., p. 157.

2 «С конца средних веков и до середины XVIII в. французские правящие классы, даже если причислить к ним и разбогатевших буржуа, лишь очень редко вкладывали свои капиталы в сельское хозяйство с целью его развития. Только при Людовике XV и Людовике XVI в этом отношении произошли заметные изменения». (Meuvret. L'agriculture en Europe.—«Rapports du congrès de Rome», 1956, t. IV, p. 164.)

* Личная талья (taille personnelle) взималась в провинциях, не имевших местного самоуправления, и представляла собой налог с дохода, сумма которого определялась каждый год, а раскладка осуществлялась в самих провинциях. — *Прим. ред.*

«сборщика-казначея» (le collecteur porte-bourse),— обязанного одновременно провести раскладку налога и взыскать его и отвечающего своим личным имуществом, если не соберет положенной суммы. Он выискивает кругом самых богатых, самых платежеспособных, тех, у кого немало добра, кто применяет самые современные способы обработки земли, ибо, собрав с них максимальный налог, он может жить спокойно. Вот почему «каждый крестьянин только и старается, что скрыть свой достаток, он боится развивать свое хозяйство, избегает всяких новшеств, всяких приобретений...». Однако, рисуя общую картину, Тюрго не делает из нее общего вывода. Логично было бы ожидать, что он предложит отменить всю систему сбора налогов, но он этого не делает; и, поразмыслив, мы увидим, что такая решительная реформа еще не могла быть намечена всерьез на ближайшее будущее. Итак, Тюрго предложил только издать специальное распоряжение, важное, но ограниченное: отменить круговую поруку.

Однако как эта круговая порука выглядела на практике и как реформа отразилась на реальной жизни? Чтобы знать, кто будет освобожден, надо знать, кто и в каких случаях был принужден платить. Круговая порука — таков был принцип; но если сборщик отвечает за уплату всей суммы налогов и это правило не изменили, тогда круговая порука должна прийти в действие лишь в том случае, когда сборщик не сможет выполнить свои обязательства, значит, в случае его неплатежеспособности или нечестности. Но тогда с кого же будут взыскивать недостающую сумму? Общее правило, как мы видели, может применяться к любому из прихожан, но, по понятным соображениям, обращаются только к некоторым из них: к тем, кто побогаче, кто в состоянии выполнить повышенные требования. Таковы самые зажиточные налогоплательщики, которых порой называют *«деревенскими петухами»* (les coqs de paroisse)[1], они снова оказываются первыми на виду. Мы уже видели, что сборщик налогов склонен подвергать их сверхобложениям. Помимо собственных увеличенных взносов, им в случае несостоятельности сборщика еще приходится дополнительно платить налоги за других. Последние предписания возлагали эту обязанность на четырех наиболее крупных налогоплательщиков. Дело шло не о пустяковом наказании, ибо невыполнение грозило даже заключением в тюрьму. Однако круговая порука обязывает их лишь *ссужать* недостающие суммы. Уплатив их, они имеют право просить интенданта обложить общину новым налогом на эту сумму, которая будет снова распре-

1 Besnier. Les Institutions financières de la France. Cours professé à la Faculté de droit de Paris, 1952—1953, p. 188.

делена, согласно обычным долям, между налогоплательщиками (в их число войдут и они сами). Таким образом, судебное преследование четырех главных налогоплательщиков является своего рода посредничеством. Тюрго говорит — «мерзкое *посредничество* судебного преследования». Это не главное звено в конструкции всей системы, его можно изъять, не разрушая строения в целом. Впредь в случае несостоятельности сборщика налогов достаточно перераспределить налог на всех членов общины.

В итоге эта реформа имеет то преимущество, что рождает чувство безопасности у зажиточных крестьян, у тех, в ком хотят поддержать дух предприимчивости. Но она не изживает глубоких пороков системы:

Тяжелого положения несчастных сборщиков налогов, достойного *куриалов* Римской империи!*

Тенденции облагать дополнительными поборами наиболее состоятельных налогоплательщиков, вследствие чего они теряли всякое стремление повышать производительность своего хозяйства.

Наконец, отмененная (или, точнее, ограниченная) круговая порука при уплате налога полностью сохраняется при уплате сеньориального ценза, что ставит многих держателей под постоянную угрозу и оставляет их в моральной зависимости от сеньора; мы уже видели, что Тюрго придавал большое значение реформе этого пагубного установления, но она потребовала бы изменения всего гражданского законодательства. На это Тюрго не решился.

Не имея возможности в корне изменить всю фискальную систему и дожидаясь, как мы увидим дальше, более благоприятных условий, Тюрго старается административным путем добиться всех улучшений, какие только можно провести таким способом. Так, он настоял, чтобы король санкционировал для важного парижского податного округа совокупность мер, тщательно и разумно разработанных интендантом Бертье де Совиньи, которые являлись одновременно кодификацией и рационализацией тальи[1]. Нас даже удивляет, что Тюрго не попы-

* Куриалы ведали распределением и сбором податей, обязаны были производить траты на общественные нужды и отвечать за недоимки налогов собственным имуществом. Обязанности куриалов в IV в. стали наследственной повинностью, от которой избавляли смерть или разорение. — *Прим. ред.*

1 Этот метод предусматривал одновременное использование комиссарами по сбору тальи процедуры «оценки» и процедуры «декларации». С одной стороны, каждая квота тальи состоит из части реальной тальи и части личной тальи. Доход, с которого взималась «реальная талья», облагался по ставкам прихода, а доходы, с которых взималась «личная талья», облагались по су с ливра, причем рабочий день оценивался в одну десятую его цены. С другой стороны, «владение домами или наемом домов», с которых взималась «реальная талья», тоже облагались из расчета по су с ливра (или по 6 денье с ливра) в зависимости от района, размеров арендной платы и соответствующей оценки. Регистрация парламентом королевского указа (lettres patentes) вызвала некоторые затруднения. (S c h e l l e, t. IV, p. 334.)

тался провести эту образцовую регламентацию в других финансово-податных округах — хотя бы в тех, где сохранилась личная талья. Однако он предоставляет королю высказать это в декларации: «Мы надеемся, что скоро сможем дать более подробные разъяснения о распределении налогового обложения». Этого разъяснения не последовало. Тюрго со времени своего лиможского опыта больше не интересуется тальей. После первого увлечения «ставками» он был совсем обескуражен невозможностью преобразовать этот налог и понял, что, принимая во внимание его происхождение, само его название и давность традиции, никогда не удастся распространить его на привилегированные классы. Общий план Тюрго предполагал постепенную отмену тальи. Поэтому он предпочел обратиться к двадцатине, налогу, который он предпочитал другим — он не был отмечен изначальным пороком феодализма, — ибо видел в нем зародыш поземельного налога. 18 октября 1774 г. он направляет инструкции интендантам, требуя составления податных списков для взимания этого налога на будущий, 1776 г. Цель, которую он им указывает, — обеспечить наилучшую раскладку, отбросив ради этого всякую мысль об увеличении общей суммы налоговых поступлений[1]. «Не надо стремиться к увеличению, король приносит эту жертву своему народу»[2]. Мы знаем от Дюпона[3], что в рамках своего общего плана Тюрго подготовлял, таким образом, замену взимавшихся тогда двух двадцатин и 4 су с ливра поземельным налогом, пропорциональным доходу.

После 3 января и отмены круговой поруки за первые пять месяцев 1775 г. не было принято ни одного значительного и даже второстепенного решения. Разве что в виде исключения можно отметить культуру марены, которой Тюрго оказывал особое внимание еще в Лиможе; 28 апреля она стала объектом регламентации в двух планах: с одной стороны, либеральной — освобождения от пошлины за провоз, а с другой — антилиберальной — введения ввозной пошлины в 25 су на товары иностранного происхождения. Однако тут речь идет о поощрении нового отечественного производства.

Письмо Эсмангару (Esmangard). (S c h e l l e, t. IV, p. 351.)

2 Аналогичные слова были произнесены Терре. См. далее, глава VII.

3 D u P o n t. Op. cit., p. 194.

Мы не только не можем отметить ни одной хоть сколько-нибудь значительной меры, но даже совсем незначительные и те очень редки. Вдобавок к решениям, о которых мы уже упоминали выше, можно указать следующие: снижение процента (Тюрго еще раз предпочитает эту форму ссуде в виде капитала) в пользу Лиможской мануфактуры фарфора, которую смерть одного из компаньонов поставила временно в трудное положение (20 февраля 1775 г); одобрение, данное интенданту Эвре, который вопреки желанию общины Лувье разрешил открыть новое предприятие фабриканту сукна (3 февраля); сухой ответ ножовщикам Реймса, жаловавшимся на неспособность новых, дипломированных мастеров «Об этом надлежит судить публике» (10 февраля) (эта мелкая переписка предвещает уже стиль эдикта о ремесленных корпорациях); решение, утверждающее снижение ставок косвенных налогов в Париже, уже принятое муниципальными властями (24 марта)[1]; регламент для библиотеки королевского коллежа в Ла-Флеш (25 марта); поощрение посадки табака на Корсике (15 мая)[2]. Биографам Тюрго приходится довольствоваться этими мелкими делами до конца мая, когда встает вопрос о государственном управлении производством пороха и селитры (28—30 мая). Это дело является мудрым и достойным завершением периода, посвященного в основном технике управления. Оно дает пример такой прекрасной административной реформы, что сам Неккер приводит ее в качестве образца[3]. Это еще один случай введения государственного управления (оно было доверено Жану Батисту Берго, среди его администраторов мы видим нескольких ученых, например Лавуазье) взамен частного откупа (арендный договор Алексиса Дюмона, подписанный Террэ 16 июня 1772 г., сроком на 6 лет). Здесь, как и в случае с ипотеками и в отличие от вопроса с доменами, был расторгнут действующий контракт, и это расторжение вызвало известный шум: «Это нарушение священного договора с монархом пугает генеральных откупщиков»[4].

1 Эти налоги, названные «резервные сборы» (droits réservées), должны были обеспечивать взнос города в казначейство Действовавшие тарифы давали сборы, превышавшие установленный минимум Казначейство имело бы полное право потребовать этот излишек. Тюрго предпочел поддержать прево и эшевенов [городских советников], которые решили сократить эти сборы до ставки, достаточной для того, чтобы только покрыть требуемую сумму (Foncin Op cit, p 183)

2 Foncin Op cit, p. 183, 195, Schelle, t IV, p 325

3 Доклад королю (См Necker Administration des Finances, p 20), где выгоды государственного управления исчисляются в 800 тыс ливров

4 Bachaumont Op cit, t VIII, p. 47, 26 mai 1775 Эта тревога могла быть также следствием обманного маневра и преждевременной огласки. По отзыву «Correspondance» Метра, д'Ормессон, извещенный Тюрго об этом проекте и не одобрявший его, нарочно сообщил о нем «г-ну де Курбетону, директору и душе пороховой компании». Тогда «финансисты» решили создать лигу защиты, что могло бы объяснить, почему проект отложили на последующее заседание Совета Как бы то ни было, но заметка Метра датирована 9 апреля (op. cit., t. I, p 304), а решение Совета было принято только 28 мая Рассказ Метра не соответствует ни характеру д'Ормессона, ни поведению Тюрго, который не преминул бы наказать этого интенданта, если бы тот проявил такую двуличность Если рассказ правилен, то речь идет, вероятно, только об «опрошности» Башомон (op cit, t. VI, p. 325, 30 mai 1775) приводит совсем другую версию Он говорит, что Тюрго ратовал за принятие несерьезного проекта, представленного неким Ле Оком и аббатом Сати, двумя «интриганами», решившими делать селитру из морской воды Но военный министр воспротивился Подробности этого анекдота неправдоподобны, но предположение об обструкции военных, чему мы знаем немало примеров, может дать нам истинное объяснение отсрочки реформы.

Небезынтересно отметить, что эта запись сделана после начала «Мучной войны», правда всего через несколько дней. У откупщиков как будто стал еще более тонкий слух с тех пор, как у министра финансов появились крупные неприятности Эта реформа, как и предыдущие, должна была принести, и действительно принесла, государству серьезную финансовую выгоду 800 тыс. ливров вместо теоретического дохода в 300 тыс. ливров (а на самом деле гораздо меньшего дохода в 50 или 60 тыс ливров),— в то же время она положила конец чрезмерным и возмутительным прибылям, доходившим до 30%, и переплетению интересов откупщиков и генерального комиссара по производству пороха[1]. Но на сей раз не в этом главная сторона дела. Вопрос ставится, так же как и в случае с доменами, в более общем плане и имеет в виду избавление публики от притеснений. И наконец, главное, и в этом оригинальность новой государственной администрации, речь идет о достижении экономической цели.

Механизм сдачи на откуп производства селитры сам по себе довольно сложен он скрывает и усиливает всякого рода злоупотребления. В отличие от других стран Франция не имела еще искусственных селитряниц, люди искали селитру всюду, где хотели, и добывали всюду, где находили Селитровары в поисках селитры имели право копать землю даже под домами. Принимая во внимание нравы той эпохи, можно себе

1 Государство, продавая селитру по 7—8 су за фунт, должно было тратить дополнительно от 50 до 60 тыс. ливров на оплату селитроваров Компания откупщиков продавала государству 1 млн фунтов пороха по 6 су вместо 12—цена себестоимости (продажная цена для публики 32 су), что могло дать 300 тыс ливров прибыли, но обычно получали лишь половину, что составляло 150 тыс., из которых Дюпон вычитает вознаграждение селитроварам, затем взнос в 27 тыс франков на случай «пожаров и взрывов на мельницах» и 10 тыс франков на различные расходы Итак, он определяет окончательную цифру прибыли от 53 до 63 тыс франков Компания вложила всего 4 млн., с которых она получала, по словам того же Дюпона, до 30% прибыли

представить, к каким злоупотреблениям это могло приводить: некоторые селитровары помещали бочки и чаны с селитрой даже в жилых комнатах, уходили с чужой земли только за деньги, эксплуатировали общины, которые должны были обеспечивать им жилье и поставлять дрова. К тому же сама администрация платила «королевским селитроварам» и продавала с убытком компании всю добытую таким образом селитру. В свою очередь компания обязывалась поставлять государству для его арсеналов, тоже с убытком, определенное количество пороха — до 1 млн. фунтов, — количество, недостаточное во время войны, но чрезмерное в мирное время. Если жители жалуются на злоупотребления селитроваров, то те в свою очередь жалуются на бесчестные махинации компании[1].

Отныне не только управление поставлено на более выгодные и более правильные финансовые основы, но регламент (с 1 января 1778 г.) запрещает рыть землю у частных владельцев без полюбовного соглашения, а селитровары должны сами заготовлять себе дрова и заботиться о жилье, как и все прочие. Итак, реформа эта либеральна во всех отношениях, она основана на экономическом либерализме и уважении к личной свободе. Тюрго преследует и более далекую цель, к которой влечет его пристрастие к науке: наладить промышленное производство селитры — его инициаторы получат ссуду от Академии наук.

Для объяснения своего рода административного затишья, которое длится с 3 января до 28 мая, от освобождения «деревенских петухов» до обуздания селитроваров, можно найти несколько причин: эпизоотия, подагра, подготовка крупных реформ.

Эпизоотия, занесенная, вероятно, из Испании через Страну Басков (Тюрго считал, что виной тому кожи, привезенные морем в Байонну), была отмечена в 1771 г., а затем в мае—июне 1774 г., но тогда она ограничилась генеральствами По и Байонны. Эта болезнь рогатого скота достигла своего апогея приблизительно в одно время с началом министерской деятельности Тюрго. Первое сообщение, которое было как бы административным актом ее крещения, поступило от Журне 23 августа, накануне Варфоломеевской ночи министров. А конец ее тоже приблизительно совпал с концом министерства Тюрго: последнее сообщение о ней приходит 30 апреля 1776 г. Эпизоотия, несомненно, является одной из причин падения Тюрго, ибо он

1 «Они считают, что должны жаловаться на притеснения, которые с давних пор чинит им Жан Виван Мико де Курбетон, являющийся одновременно генеральным комиссаром по производству пороха и селитры и их же откупщиком под именем одного из своих слуг». («Journal historique», 21 septembre 1774, chap. VI, p. 190.)

потратил на нее много времени и сил в «неравной и бесславной борьбе»[1].

Хотя вакцинация была в ту эпоху еще неизвестна, врач Баниоль предложил, однако, инокуляцию — «средство опасное и ненадежное» (письмо от 12 мая), эффективность которого к тому же спорна, когда эпидемия уже распространилась. Борьба с этим бедствием требует двух дополняющих друг друга жестоких средств: изоляции зараженных областей и, главное, немедленного убоя заболевшего скота, метод, который продолжают применять и в наши дни под английским названием «stamping out». Тюрго ставят в заслугу, что он одобрил и поддержал в этом деле заключения молодого блестящего врача Вик-д'Азира, включенного в число комиссаров от Медицинской академии, вмешательства которой разумно потребовал Тюрго. Не умаляя заслуги министра, следует также воздать должное решительности ветеринара. К тому же один профан, интендант Бордо Эсмангар, уже рекомендовал применить забой скота[2]. Но Тюрго не сразу согласился, и можно понять нерешительность министра финансов перед такой суровой профилактической мерой, так как она не могла обойтись без крупных издержек. Как убедить крестьянина забивать свой скот, если не возмещать ему убытки? Тюрго в первом постановлении от 18 декабря ограничился требованием забивать первый десяток заболевших животных в каждом селении[3]; их должны были закапывать, не снимая кожи, а в возмещение убытков выплачивать только треть их стоимости (18 декабря). Но затем в целом ряде писем и циркуляров от января месяца Тюрго указывал, что число убиваемых животных нельзя ограничивать определенной цифрой, и давал ответственным на местах полную свободу решений: «заставлять убивать всех больных животных, которые могут распространять заразу... решительно пресекать всяческое сообщение между районами — вот единственное средство». С 31 января было наконец установлено общее правило: убивать, не считая, всех заболевших животных, сжигать их или закапывать, вместе с рогами и изрезав кожу, в глубоких рвах с негашеной известью. Главное, надо действо-

1 Foncin. Op. cit., p. 326.

2 Постановление от 31 января 1771 г., когда впервые вспыхнула эпидемия, уточняло выплату возмещения убытка за первое животное, заявленное больным. Текст постановления полностью см.: Schelle, t. IV, p. 246 et suiv., t. V, p. 34 et suiv.

3 Проект постановления Эсмангара о забое скота был послан Бертену 5 ноября, тогда как Вик-д'Азир был назначен позже и отправился в Бордо только 2 декабря. До этого научной экспертизой руководил врач Доазан, первый синдик Бордо, который только рекомендовал изолировать скот и был обижен своей отставкой. (Foncin. Op. cit., p. 134 et suiv.)

вать быстро, избегать ненужных формальностей и расплачиваться на месте, не тратя времени на составление протоколов. Тюрго широко использует войсковые части, которые получают дополнительное вознаграждение в 2 су, но не может добиться от своего недоверчивого коллеги Дю Мюи единого командования для облегчения дела. Воинские части передвигаются подвижными кордонами, чтобы изолировать территории и одновременно обеспечить там выполнение приказа об убое скота. Вмешательство генерального контролера не ограничивается финансовыми и экономическими мерами и принципиальными решениями. Несмотря на существование министра земледелия (Бертена), он взял на себя общий надзор за выполнением приказов, повторял инструкции о быстроте действий, которые не всегда соблюдались, и в некоторых случаях менял стратегию. Так, в ноябре 1775 г. было решение просто изолировать область, включающую Аженуа, Перигор и Керси. Ему приходилось к тому же преодолевать сопротивление парламентов, которые, естественно, принимали ограничительные меры; издавать предписания о репрессиях против нарушений и обманщиков; побуждать испанские власти через министра иностранных дел к проведению согласованных мер и т. д. Переписка по поводу эпизоотии занимает бо́льшую часть реестров административной корреспонденции того времени.

Мы видим, как генеральный контролер обсуждает множество мелочей. Вначале он еще поддается своим либеральным предрассудкам: так, он осуждает как слишком суровую меру арест нарушителя постановления (25 октября)[1] или разрешает распространять какое-то шарлатанское зелье под названием «противогнилостная вода» («Если оно не приносит пользы, то не может причинить и большого вреда»[2]). Но перед серьезностью бедствия и сопротивлением новым правилам тон его мѐняется. Тюрго отправляет в изгнание одного аббата и одного адвоката за неблаговидные речи против администрации[3]; требует предварительного ознакомления с содержанием научных рукописей[4]; запрещает публикацию одного мемуара в Даксе[5]; требует примерных наказаний, и даже телесных, по приговору суда[6].

1 Лаффит, негоциант из Бур-Сент-Эспри. (Lettre à d'Aine, le 25 octobre; Schelle, t. IV, p. 246.)
2 Его изобрел Фор де Бофор. Письмо к Буржела от 28 декабря, цит. у: Foncin. Op. cit., p. 141; Schelle, t. IV, p. 256, note.
3 Аббат Эйраль и адвокат Бераль (в Овилляре). Письмо от 29 сентября 1775 г. Бертену. (Schelle, t. V, p. 71.)
4 Письмо к Ла Бег де Прелю от 12 сентября. (Schelle, t. V, p. 70.)
5 Foncin. Op. cit., p. 322.
6 «Для тех, кто проводит подозрительный скот в незараженные области или кто вопреки запрету держит здоровых животных вместе с больными». Циркуляр от 28 ноября, Schelle, t. IV, p. 78.

В виде дополнительной экономической меры Тюрго поощряет денежными премиями ввоз в зараженные районы не подверженных этому заболеванию лошадей и мулов, но вскоре обнаруживает, что обманщики перегоняют животных, чтобы получать премии, а потом переправляют их обратно в Испанию. Однако Тюрго противится введению запрета на вывоз: «Это значило бы нарушить принцип свободы». Роста цен должно быть достаточно, чтобы жители удерживали животных в разоренных районах. По той же причине Тюрго не вводит запрета на вывоз баранов. Вот еще одна подробность экономического порядка: необходимо поощрять разведение быков в большей мере, чем телят и коров, чтобы удовлетворить потребность в тягловом скоте, вот почему было предложено изменить соответствующие ставки возмещения убытков, но тут речь шла лишь об особой породе скота[1]. И наконец, отказ от ввоза 200 баранов в обмен на вывоз 400 бочек тряпья, то, что называется в наше время «компенсированной операцией»[2].

Заботы и неприятности, причиненные Тюрго эпизоотией, достигли высшего предела в следующем мучительном для него эпизоде. Интендант объединенных финансовых округов Ош и Байонна Журне, чье управление было отвратительно, а счета находились в полном беспорядке, по-видимому, был виновен лишь в неспособности и чрезмерной любви к беллетристике, но ему предложили выйти в отставку, поручив Клюньи его временно заменить. Однако он, по-видимому, не захотел понять внушения, и Тюрго поставил точки над «и» в письме, где учтивость не скрывала непреклонной и вполне оправданной суровости. «Письмо мягкое, но решительное», — говорит аббат де Вери. Текст этого письма, по правде говоря, более значительный, чем вызвавшие его обстоятельства, напоминает письмо, посланное Ленуару в аналогичной, но более серьезной обстановке. Оно кратко, но ярко излагает великие трудности управления в ту эпоху: «Я хотел бы думать, что вы не щадили ни своих сил, ни трудов. Но в таком важном деле, где речь идет о спасении государства, где повелевают время и обстоятельства, а инструкции не приносят никакой пользы, ибо всегда запаздывают, где самая мелкая ошибка влечет за собой целую цепь неотвратимых несчастий, мы вынуждены руководствоваться теми же принципами, что и во время войны. Никто не

1 Предложение некого Ронсерэ, 12 сентября 1775 г. (Foncin. Op. cit., p. 318.)
2 Это предложение было сделано в письме к Журне (24 мая, t. V, p. 65), потому что в некоторых районах его округа пропорции между потерями и стоимостью совершенно необычны. Но, как мы увидим дальше, в управлении Журне царил полный беспорядок, что должно было отразиться и на его статистике.

разбирает, был ли виноват незадачливый генерал, и не боится быть несправедливым, когда не доверяет ему впредь командование армией. Ибо тогда спасение государства становится высшим законом». Эти рассуждения не принесли утешения побежденному генералу — он перерезал себе горло. Власти совершили ошибку: пожелав скрыть самоубийство, они арестовали слуг, которых пришлось отпустить, и эту историю поставили в вину жестокому Тюрго. Однако мы забежали далеко вперед и пришли к 28 декабря 1775 г., ко времени решительного падения кривой его успеха[1].

Значительная по своим материальным последствиям и по бюрократическим хлопотам борьба с эпизоотией не представляет, как нам кажется, большого интереса с точки зрения общих идей экономической политики, поэтому мы решили изложить ее вкратце и больше к ней не возвращаться. По мнению Шелля, Тюрго в этом случае применил «принцип вмешательства государства во времена бедствий». В общем смысле это верно, но уже были тому примеры и раньше — в частности, в той же самой области в 1771 г. — и с принципиально большим размахом при создании благотворительных мастерских. Здесь же нельзя рассматривать принятые меры как *возмещение убытков*, «причиненных бедствием», ибо, если крестьянину и платили кое-что за убой скота, то не из правовых соображений, а просто потому, что иначе он не стал бы забивать свой скот. Однако Тюрго нашел для этого случая довольно тонкие юридические обоснования. Так как хозяева больных животных могли надеяться, что они их вылечат, король, лишая их этой надежды, должен был возместить им убытки. Следовательно, приказ властей, а не само бедствие является причиной выдачи заранее обусловленного возмещения. Тюрго старательно отмечает разницу между подобным случаем и таким, когда крестьянин просто теряет скот: тогда помощь рассматривается лишь как гуманная мера, чтобы поддержать тех, кто не в состоянии

1 Именно в финансово-податном округе, руководимом Журне, произошли многие из описанных выше эпизодов (диспропорция между количеством быков и коров, крамольные речи). С апреля месяца Тюрго убедился, что многие жители, выполнявшие регламент, ничего не получили; такие жалобы повторялись и в сентябре, в то время как деньги, напротив, выплачивались землевладельцам, которых следовало наказать за то, что они не делали деклараций о болезни скота (письмо Кадиньяну от 1 ноября). В это время Тюрго обнаружил в сметах интендантства «много мнимых расходов, в частности на жалованье большому количеству казначеев и досмотрщиков». Таким образом было растрачено 415 900 ливров без оправдательных документов (6 октября). Тогда же в округе Ош был истрачен 1 млн. ливров против 335 тыс. в таком гораздо более важном округе, как Бордо. (См.: Foncin. Op. cit., p. 321.) В итоге было истрачено 2 млн. и на 5 млн. взято обязательств. (Schelle, t. V, p. 90, note.)

перенести потерю, то есть бедняков. Такая помощь принимает обычно форму «облегчения налогов»[1].

В другом тексте Тюрго дает дополнительное уточнение, которое позволяет обосновать исчисление возмещения: «Если хозяин надеялся вылечить одно животное из трех, он будет вполне вознагражден, получив одну треть их стоимости». Однако поскольку его надежда очень нереальна (ибо он не мог бы спасти больше одного животного из 20, может, и из 50), то это «акт чистой благотворительности короля для своих подданных»[2]

Переутомление Тюрго из-за хлопот с эпизоотией совпало с сильным приступом подагры, начавшимся 3 января 1775 г. Мы знаем об этом из знаменитого письма м-ль де Леспинас: «Вот уже два дня, как он для меня более не генеральный контролер. Это г-н Тюрго, с которым меня связывает семнадцатилетняя дружба, и потому его здоровье волнует и тревожит мое сердце»[3]. Он не занимался делами всего 3—4 дня, но был прикован к постели четыре месяца, посвящая государственным делам «даже часы бессонницы, которая его терзала». Он потерял аппетит, его изматывает кашель. Поговаривают даже о его замене. Дюпон описывает нам в не менее известном письме, как Тюрго составляет, лежа в кровати, мемуар по поводу эпизоотии: «Как только одна страница была готова, он тотчас посылал ее в типографию... он продолжал диктовать, а когда ему приносили гранки, он тут же их правил... от такого напряжения болезнь перекинулась на грудь. Франция чуть его не потеряла». Несмотря на его яростную энергию, совпадение этих двух общественных бедствий, по выражению м-ль де Леспинас («подагра — это общественное бедствие»), не могло не повлиять если не на объем его работы, то по меньшей мере на быстроту осуществления решений. Конечно, он может беседовать с королем: «Его носят в кресле в покои Его Величества, где он работает с ним наедине три часа подряд»[4]. Но существует очень важная область министерской деятельности, которая для него весьма затруднительна, — это заседания Совета. Хотя он и посещает иногда этот орган, однако из-за болезни вынужден откладывать все решения, требующие обмена мнениями, долгих дискуссий, арбитража. Разумеется, мы знаем из многих источников, что он продолжает разрабатывать свои великие проекты и некоторые из них, как, например, проект муниципальных собраний, требуют еще времени, чтобы созреть. Но другие, во

1 Schelle, t. V, p. 83, 4 juillet 1775.
2 Schelle, t. V, p. 55.
3 Письмо де Вэну от 5 января 1775 г.
4 Métra. Correspondance, 15 mars 1775.

всяком случае реформа дорожной повинности, по существу, уже готовы. Как бы то ни было, они будут осуществлены не так скоро. Тюрго поднимет с постели только грохот мятежа.

В этот самый день завершился первый период министерства Тюрго, который мы назвали «подъемом кривой», а также периодом налаживания техники управления. Теперь мы можем окинуть его взглядом на всем его протяжении, как некую равнину с выступающими кое-где небольшими холмами и оживляемую чахлыми рощицами. Теперь мы наконец достигли скалистых обрывов. Но сначала нам следует вернуться назад, к большим исходным проблемам: проблеме парламентской, бюджетной и зерновой. Первая была решена правительственным актом раз и навсегда. План решения второй был намечен в неизменных чертах, но он был рассчитан на постепенное и осторожное претворение в жизнь, и успеха его следовало ожидать не скоро. Что касается третьей, то он выполнил это данное самому себе обещание, сделав ставку на людей и на развитие событий, веря, что судьба его оправдает.

Глава VI Возвращение парламентов[1]

Воистину правосудие — моя правая рука. Но, если ее поразит гангрена, левая рука должна ее отсечь.

Генрих IV
(«Journal de L'Estoile»)

Парламентская оппозиция в XVIII в. — одна из главных (событийных) причин падения режима — требует, чтобы мы рассмотрели ее в историческом аспекте.

Теперь мы привыкли к разделению властей, мы считаем, что власть судебная призвана выполнять только ту миссию, которая ей предназначена, и нам кажется, что идея *представительства* народа требует определенной формы демократического *назначения*. Именно по этим причинам нам трудно понять притязания главных судебных институтов королевства — парламентов — на роль политических органов и их желание образовать из восемнадцати парламентов единый политический организм, наделенный законными средствами отвергать решения короля. При такой концепции судебная власть не только посягает на компетенцию власти законодательной и исполнительной, но и устанавливает над ними свое господство, поскольку она может парализовать и ту и другую.

Однако мы знаем, что эти мнимые представители народа не только не избраны им, но и не вышли даже из его рядов, а принадлежат к привилегированным классам, эгоистические интересы которых они яростно защищают, прикрываясь самыми

1 Пояснения и цитаты, данные без ссылок на источник, взяты из «Journal historique» за соответствующий период времени.

устаревшими установлениями, и потому мы с удивлением видим, что поддержка общественного мнения придает их притязаниям большую силу, иначе они в любую минуту были бы рассеяны как дым.

Так как мы склонны рассматривать королевскую власть в форме абсолютной административной монархии, нам трудно понять, как парламенты, даже поддерживаемые частью общественного мнения, могли противопоставить всемогуществу исполнительной власти такое упорное сопротивление, вступать с ней в частые и опасные конфликты и наконец одержать победу, которая в конечном итоге привела к их общей гибели.

Однако у каждого из этих кажущихся парадоксов есть вполне убедительное объяснение. И мы считаем отнюдь не лишним знать это тройное объяснение для понимания решающих событий, которые вскоре последуют.

Противники парламентов единодушно считали, что их политические притязания являются следствием терминологической путаницы и происходят из-за простого недоразумения. Речь идет о регистрации. Почему парламенты призваны регистрировать все самые важные постановления монарха: эдикты, королевские указы (lettres patentes)? Потому что надо сохранить их материальное доказательство, а также обеспечить единство судопроизводства по всему королевству, а это требует, чтобы высшие судебные инстанции в разных провинциях могли ссылаться на идентичные документы (что важно не только для самих парламентов, но и для податных судов вследствие их собственных юридических прерогатив). Значит, по меткому определению Безанваля, они являются *«хранителями записей»* (des garde-notes), которые вскоре превращаются в *«бюро интриг»*, по выражению Монбарэ, и лишь потому, что без всяких на то полномочий присваивают себе право проверять, контролировать, а следовательно, и отвергать то, что им надлежит просто собирать, сверять и сохранять.

Вначале парламентарии — это просто легисты, роль которых объясняется невежеством сеньоров; она возрастает, по мере того как множатся процессы, и укрепляется благодаря финансовой выгоде от продажи должностей. «Легисты не имели решающего голоса; они сидели на задних скамьях и говорили только в тех случаях, когда к ним обращались с вопросом. Вскоре, чтобы сделаться необходимыми, они стали запутывать дела... Но вся эта тесно связанная делами компания... вскоре не имела иной цели, кроме своего возвышения и могущества... она терпеливо ждет подходящего случая, ловко пользуется им и с помощью демагогии легко добивается поддержки толпы,

всех тех, кто находится в оппозиции к правительству и всегда составляет большинство»[1].

Такое чисто нотариальное истолкование регистрации исторически неточно или по меньшей мере неполно. Если регистрация является простой формальностью письменной публикации, довольно рано заменившей обнародование в прямом смысле слова (то есть чтение вслух перед судом), формальностью, необходимой, чтобы ордонансы подлежали исполнению, она все же не является с самого начала чисто техническим актом переписки. Все высшие суды — будь то парламенты или Высший податной суд — органы совещательные, и монархическое правительство, как правило, принимает решение после обсуждения. Чаще всего король просит парламент обсудить подготовленный текст; он может и не прибегать к этому, «но тогда суд все же имеет право и даже обязан высказать свое мнение», «тогда он может сделать представление или ремонстрацию* королю, ибо ему приходится давать советы, когда решение уже принято»[2]. Разумеется, король всегда может навязать ему свои решения. Но сам совет, а следовательно, и ремонстрация королю то есть подача совета, когда решение уже принято, — это отнюдь не узурпация, а нормальная обязанность высших судов. И так бывает не только в фискальных делах: первый случай отказа от регистрации отмечен еще в 1407 г. в связи с религиозным делом, а регистрация Нантского эдикта вызвала большие трудности и долгие переговоры. Вначале компетенция парламентов не распространялась на чисто фискальные вопросы, а ограничивалась финансовыми делами доменов, фискальные же вопросы были оставлены Генеральным штатам.

Разумеется, право советовать отнюдь не содержит в себе права отказывать. Но так же как легко перейти от «предварительного совета» к «ремонстрации», которой стараются возместить несостоявшееся первоначальное обсуждение, точно так же незаметен переход и от ремонстрации, задерживающей реги-

1 Besenval. Op. cit., t. II, p. 344 et suiv. Однако Безанваль не безоговорочный противник парламентов, что было бы несовместимо с его «шуазелизмом». Он находит все же достоинства в том, что они могут сдерживать некоторые проявления королевского абсолютизма и происки клерикалов. Он сторонник системы «равновесия сил» и равного противодействия на английский манер: «Нам нужны парламенты, которые умеряли бы действия государя, и в то же время нужен государь, который сдерживал бы притязания и наглость парламентов». Этот склонный к авантюризму человек не лишен политической проницательности.

* Ремонстрация — присвоенное в XV в. французскими парламентами право отказа от регистрации королевских актов, не соответствующих, по их мнению, праву и обычаям данной провинции или законам страны. Ремонстрация теряла юридическую силу в случае личного присутствия короля на заседании парламента (lit de justice). — *Прим. ред.*

2 Besnier. Op. cit., p. 81.

страцию, к отказу от регистрации, который может быть только временным — ведь отказ в своей первоначальной форме делался под предлогом, что королю надо дать время ознакомиться с ремонстрацией. Естественно, что сложившийся орган старается мало-помалу расширить свои прерогативы и «прочно стать на ноги». Мы оказываемся перед элементарной проблемой политической динамики. Обсуждение совещательное стремится стать обсуждением решающим. Эта динамика проявляется сильнее, когда встречает перед собой вакуум, в данном случае вакуум, оставшийся после исчезновения Генеральных штатов.

Утверждение парламентов в качестве политического органа представляется нам как результат пересечения действия двух сил. Первая проистекает из их первоначальной роли советчиков. Вторая действует косвенно, она берет свое начало в теории утверждаемого налога (impot consenti), которая была принята в пользу Генеральных штатов сначала в 1484 г., а потом действовала в течение всего XVI в. Конечно, доктрина королевской власти в следующем веке над ней восторжествовала, но идея утверждаемого налога как бы витает в воздухе. Она остается *«в распоряжении»* парламентов, когда они выдвигают свои требования, пока не станет таким же средством для утверждения революции. Однако монархия, отказавшись от созыва Генеральных штатов, не возражает, чтобы ее эдикты регистрировались парламентами. Создавая себе этим алиби, она как бы дает им карт-бланш: «Министры думали, что это средство может заменить согласие всего государства и что король будет более уверен в регистрации его эдиктов восемнадцатью отдельными органами, чем если ему придется собирать депутатов со всех концов страны»[1].

Незаметное расширение собственных прерогатив парламентов в качестве советчиков, занятие ими места, освобожденного Генеральными штатами, терпимость, а вернее, потворство, оказываемое им королевской властью, — этих причин больше чем достаточно для объяснения парламентских притязаний, но, конечно, не для их оправдания и признания законными. Озабоченные, как профессионалы, соблюдением юридической формы, парламентарии и их сторонники стараются укрепить свое здание, подводя под него фундамент законной преемственности. Они ссылаются на «священные основные законы» с тем большей легкостью, что, по словам того же Безанваля, «во Франции ничто не было первоначально записано и теперь ничего нельзя точно установить». Утверждение адвоката Ле Плежа, что парламент обладает компетенцией, совпадающей с компетенцией Генеральных штатов, которые они якобы вместе унаследовали от старинных ассамблей: каролингского *«placitum»* и средневековой *королевской кури* (curia-regis), — более определенно, в некоторых текстах их объединяют под названием «парламента» (parlamentum); утверждение это кажется в наши дни вымышленным, но в ту эпоху его было так же трудно опровергнуть, как и доказать. Отстаивают также положение о специальном представительстве штатов, причем истолковывают в этом духе статью из наказов Генеральных штатов 1576 г., которая «разрешает им рассматривать себя как бы штатами в миниатюре».

1 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 44.

Эта статья позволяла парламентам самим утверждать эдикты в случаях чрезвычайной срочности. «Они же причисляли все дела о займах и налогах к случаям чрезвычайной срочности»[1].

В подтверждение и как бы сверх этих разнообразных оправданий парламент извлекал также пользу из своего названия, не только связанного со средневековой традицией, но в еще большей мере напоминавшего соседние английские государственные институты, получившие высокую оценку, и незаслуженно придававшего ему либеральную окраску. Правда, кое-кто предпочитал сравнивать французские парламенты с римским Сенатом[2].

Когда в каком-либо государстве в определенный момент его развития возникает целый комплекс условий, требующих хотя бы минимального числа представительных учреждений, а таких учреждений не существует, тогда их отсутствие вызывает своего рода расстройство всего социального организма. Органы, не предназначенные специально для таких функций, стараются их выполнять, хотя бы неловко и неполно. Во Франции в описываемую эпоху общественное сознание возбуждено, хотя общественное мнение еще невежественно. Некоторое ослабление принудительных мер с конца царствования Людовика XIV, недовольство, усилившееся к концу царствования Людовика XV, брожение умов и дух протеста, в которых проявляется

1 Слова Мальзерба, цитируемые Ожаром. (Augeard. Op. cit., p. 40 et suiv.)

2 «Journal historique», 14 et 16 janvier. Речь идет о брошюре, названной «Oraison funèbre de hauts et très puissants seigneurs, en leur vivant, les gérants tenant les Conseils Supérieurs de France, prononcée dans la grande salle de l'Hôtel de Ville de Tours, le lundi 28 novembre». «Несмотря на такое заглавие, это весьма серьезная работа, но в ней слишком много лести по отношению к парламентам», которые автор часто некстати уподобляет Сенату древнего Рима, что портит эту, впрочем, хорошо написанную работу.

иронический склад национального характера, и, наконец, пример англичан — все это как бы нагнетает критический дух. Становится необходимым какое-то учреждение, некий «политический выпускной клапан», но, вместе того чтобы создать новое, каким могла бы стать система муниципальных собраний, намеченная Тюрго, используют единственное, которое можно хоть в какой-то мере приспособить для этой цели, — парламент. Хотя советники парламентов принадлежат к привилегированным классам, они как в социальном, так и в деловом плане связаны с общественным мнением, и не только в Париже, но и в провинциях, благодаря их контактам со всеми мелкими служащими судебного ведомства и с различными истцами, а также благодаря привычке к тяжбам, к публичным выступлениям и многословным дискуссиям на общие и абстрактные темы. Как могли парламентарии избежать искушения стать выразителями этого брожения общественного сознания, хотя по существу оно и было им чуждо, если они к тому же могли таким образом придать себе весу? И как могло само общественное мнение не тянуться, скорее инстинктивно, чем сознательно, к этим своим выразителям, если у него не было никаких других, если парламентарии могли придать разумное обличье и некую значительность общественному недовольству, если они призваны защищать гражданина от произвола властей (действительного или вымышленного) и если, во всяком случае, никто, кроме них, не может этого сделать? Таким образом, между массой, не имеющей уполномоченных представителей, и этими представителями, не имеющими полномочий, устанавливается что-то вроде шаткого договора, где каждая сторона наполовину обманута, и потому он не может дать ничего положительного. В данный момент это *договор о беспорядке*, а в перспективе — *договор о революции*.

Итак, мы пришли к нашему второму парадоксу. Как может общественное мнение поддерживать притязания парламента? Ибо оно их действительно поддерживает. Разумеется, у парламента есть противники: во-первых, вся партия святош, затем большая часть философов и экономистов, но эти последние представляют силу общественного мнения лишь тогда, когда примыкают к течению большинства, которое они могут только стимулировать и направлять, но не противостоять ему. С другой стороны, за парламент стоит так называемая партия патриотов, противников абсолютизма и клерикализма, слои, по своей социальной принадлежности или по профессии связанные с деятельностью судов, группа шуазелистов и прежде всего масса всяких недовольных и оппозиционеров. Итак, это одновременно разумная часть элиты, которая в теории осуждает концентрацию власти и опасается деспотизма на восточный манер, и большое число недовольных, тех, кто стал оппозиционерами по умонастроению или случайно, — всех тех, кто просто хочет, «чтобы это изменилось», и доверяет воплощение своей воли к переменам (тому есть и другие примеры) самым ограниченным, самым эгоистичным и самым реакционным группировкам века. Теперь становится вполне понятным, как возник этот парадокс. Однако то, что он так долго сохраняется, уже кажется менее понятным. В самом деле, парламент никогда, ни при каких обстоятельствах не принимал решений, которые соответствовали бы истинным интересам населения, трудящихся классов, или даже общественной пользе: он всегда поддерживал привилегии, всегда отвергал или саботировал реформы. «Мне даже трудно сказать, — отмечает аббат де Вери,— какую разумную и ясную цель могли иметь эти учреждения. Они хлопотали о мелочах, не имевших значения для государства, они продавали двору свое молчание во всем, что касалось налогов, прав народа и благоденствия граждан. И однако, они умели ссылаться на общественное благо всякий раз, как отстаивали корпоративные привилегии, свою юрисдикцию и сводили личные счеты»[1]. Историки в целом подтвердили этот приговор. Сопротивление парламента: вчера — сотому денье, пятидесятине, двадцатине, завтра — отмене дорожной повинности, послезавтра — гербовому сбору — характерно для его умонастроения. И однако, оно не оттолкнуло от парламента общественное мнение. Почему?

Прежде всего, следует отметить, что парламент ловко пользовался тем, что он имел главным образом отрицательные функции. Всегда легко объяснить отказ такой причиной, которая не вредит популярности.

Во-вторых, не собираясь отстаивать истинные общественные интересы, правильно поставив подлинные проблемы, парламент всегда находил множество способов прятаться за мнимыми интересами, мнимыми проблемами и мнимыми задачами. Он не мог следовать за общественным мнением, когда оно требовало полезных и разумных мер, но ему было не трудно предвосхитить все его неразумные требования. В этом секрет его успеха, и в этом также его драма. Демагогия для нормального парламента при демократическом строе является искушением, а здесь она становится необходимостью. Парламентарии тут не демократы, которые порой превращаются в демагогов, они должны быть всегда и только демагогами. Такими мы увидим большинство из них, когда речь пойдет о регламентации хлебной торговли: они будут занимать попеременно противоречивые позиции в зависимости от того, выражает ли публика нетерпе-

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 64.

ние, желая испробовать новый либеральный порядок, или стремление вернуться к старому авторитарному порядку.

Негативизм и демагогия дают вместе всегда надежное средство: отвергнуть налог. Если реформа Мопу * в целом непопулярна, то это потому, что новый парламент без затруднений регистрирует все фискальные меры. Отсюда и всеобщее недоверие к заседанию парламента в присутствии короля; такое заседание — это увеличение налогов. «Покойный король сеял ужас на своем пути; когда он выходил из парламента, государство облагалось новым налогом...» [1]

Остается понять, как власть, признанная абсолютной, может терпеть подобный порядок. Ответ очень прост: власть во Франции была абсолютной лишь в некоторые периоды. Независимо от правовых проблем слабость министров или беспорядки в стране могли способствовать нарушению ее прав. В течение долгого времени при старом порядке парламент, невзирая на *королевскую власть и даже против нее, неизменно играл очень* активную роль. Это хорошо видно хотя бы из краткой заметки Вольтера: «Я был хорошо осведомлен, что старый парламент, опекун короля, изгнал из королевства Карла VII, одного из своих подопечных; что он приказал сжечь на Гревской площади жену маршала д'Анкра как колдунью; что он оценил в 50 тыс. экю голову одного кардинала — первого министра; что г-да Кюле, Грален, Мартеман, Крепэн, Катресу, Катром и другие два раза выгоняли из Парижа своего подопечного, Людовика XIV, вместе с его малолетним братом и несчастной матерью; я даже знал, что они хотели меня повесить, за то что я сообщил кое-*какие из этих фактов в* „Веке Людовика XIV" [2].

Знаменитая фреска, изображающая Людовика XIV на королевском заседании парламента, в сапогах и с кнутом в руке, поистине отмечает начало монархического абсолютизма. Вынужденный теперь делать свои представления королю после регистрации, парламент убедился, что ему подрезали крылья[3]. В конце концов, быть может, все закончилось бы мирно, не вздумай регент торговаться с парламентом, добиваясь аннулирования завещания Людовика XIV. Тут парламент снова обрел

* В ночь на 20 января 1771 г. по приказу канцлера Мопу члены парижского парламента, выступавшие против королевского произвола, были арестованы и лишены всех должностей. В январе того же года Мопу произвел реорганизацию судебных учреждений. — *Прим. ред.*

1 Métra. Correspondance, t. I, p. 69, 2 septembre 1774.

2 Письмо г-на Вольтера г-ну де Лилю, драгунскому капитану при штабе в Монзоне. (Métra. Correspondance, t. I, p. 90.)

3 Ордонанс 1677 г. Декларация 1673 г.

уверенность. Он воспользовался случаем, чтобы осудить систему Лоу: его ужас перед всякими новшествами случайно совпал с требованиями финансового благоразумия. Он попытался затеять несколько перебранок, однако ограничение права подачи демонстрации королю восемью днями, высылка в Понтуаз, заседание парламента в присутствии короля, эдикт о дисциплине[1] и, *главное, авторитет короля, утвердившийся после его* совершеннолетия и неизменный всю первую половину его царствования, заставили парламент присмиреть на целую четверть века. Лишь к 1750 г. он вновь обретает былой задор, как видно потому, что находит удобный случай придраться к фискальным мерам. Правило о восьми днях перестает соблюдаться, и, что еще важнее, прежде конфиденциальные, ремонстрации теперь предаются широкой огласке. В финансовых вопросах сопротивление парламента все усиливается и доходит до требования сообщать ему о текущих расходах и притязания на подлинный финансовый контроль[2]. Однако дело никогда не доходит до не*преодолимого конфликта, то ли потому, что парламент не* уверен в своих силах для решительной схватки, то ли потому, что этот вопрос сам по себе не слишком его интересует, то ли, наконец, потому, что государство успешно использует свои возможности «покупать голоса или распоряжаться ими»[3].

Но помимо налогов, парламент принял участие в своего рода всеобщей партизанской войне, в которой самым значительным эпизодом было изгнание иезуитов, а бретонские дела д'Эгийона и Ла Шалоте * вызвали самую длительную напряженность. Это как бы звенья цепной реакции. Ободренная слабостью правительства, парламентская оппозиция со своей стороны еще боль*ше ослабляет его. Она наносит вред авторитету исполнительной* власти не столько прямыми действиями, сколько создаваемой вокруг атмосферой. «В то время я жил в чужой стране и каждый раз краснел, видя, какое презрительное отношение вызывает там наше правительство»[4]. Однако, если парламент кое-что и выиграл, участвуя в этой игре, он все же не выиграл саму партию, отнюдь нет! И правильная оценка связанного с ней риска объясняет относительную осторожность его действий.

1 В случае конфликтов было принято высылать парламентариев в Понтуаз. Эдикт о дисциплине говорит, что в совместных заседаниях палат, проводящих регистрацию, могут участвовать только магистраты с десятилетним стажем. Самые молодые советники действительно наиболее беспокойные. См.: Besnier. Op. cit., p. 83.

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 71.

3 Idem.

* Ла Шалоте, Луи Рене (1701—1785) — генеральный прокурор парламента Бретани, потребовавший запрещения деятельности иезуитов во Франции — *Прим. ред.*

4 Idem., p. 72.

Король уже не Людовик XIV, но еще и не Людовик XVI. Людовик XV скорее унижен, чем безволен; он утратил скорее достоинство, чем энергию, а что касается этого последнего качества, то главные министры в конце его царствования обладают незаурядной энергией. Шуазель, несмотря на силу своего характера, предпочитал щадить и исподволь направлять парламент, где пользовался большим влиянием. После его отставки стиль сразу меняется. Теперь это министерство «хирургов»: канцлер Мопу предпочитает оперативный метод гомеопатическому лечению. Кстати, триумвират Эгийон — Террэ — Мопу единодушен в таких действиях, юридическую базу под которые подводит четвертый пройдоха — де Буан: это он придумал заменить парламент Большим советом. Ибо речь идет не только о том, чтобы повторить блестящий ход Людовика XIV. Противник не даст себя ошеломить; надо предусмотреть его устранение и принять меры. Парламент попадает в расставленную ловушку. На эдикт от 7 декабря 1770 г., обязывающий его заниматься лишь своими прямыми обязанностями и впредь запрещающий ему выражения «единство», «универсальность», «классы», парламент отвечает забастовкой судебного ведомства. Правительство принимает сначала королевский указ о регистрации эдикта (lettre de jussion), а затем королевский указ об изгнании без суда и следствия. Парламентариев ссылают: большинство отправляют в их собственные поместья, а зачинщиков в отдаленные и необжитые места; должности конфискуются, а просьбы об отставке удовлетворяются. Эдикт от 23 февраля 1771 г., указывая на взяточничество, дороговизну и медлительность судопроизводства в огромном Парижском судебном округе и осуждая продажу должностей, учреждает высшие советы, члены которых назначаются, оплачиваются и отзываются королем. Высший податной суд, Парижский суд Шатле и многие провинциальные парламенты были сметены этим ураганом. Особые прерогативы и регистрация были переданы Большому совету, реорганизованному по этому случаю.

В глубине своей провинции Тюрго, чье насмешливое презрение к своим коллегам нам уже известно, но который невысоко ставит и ныне действующих министров, занимает выжидательную позицию. В письмах Дюпону от 15 января, 14 февраля и 13 марта Тюрго весьма скептичен; он по-прежнему осуждает притязания парламентов, их негативизм, «право все отрицать, которое они хотели присвоить себе в управлении, их продажность: их всегда можно подкупить, но только не на благо народа», — и он предвидит возвращение пострадавших. Министры «взялись с дурными намерениями за дело, которое даже и с самыми лучшими намерениями было бы очень трудно осуществить». Но письма эти были написаны в разгар событий или сразу после них. Неизданное письмо от 10 мая, напротив, отмечает, хотя и с легкой насмешкой, их положительный итог: «Теперь, мне кажется, операция г-на канцлера удалась. Большие успехи создают больших людей»[1]. Реакция Тюрго показательна, если принять во внимание его равно недоброжелательное отношение к обеим заинтересованным сторонам.

Разумеется, это дело держит страну в постоянном возбуждении, так как парламентарии, юристы, адвокаты, прокуроры и служащие всех рангов, так или иначе связанные с судопроизводством, а также их семьи и друзья находят поддержку в разных социальных слоях. Однако было бы не так уж трудно успокоить общее возбуждение, отменив особенно раздражающие меры против отдельных лиц, например ссылку их в «пустынные и нездоровые места», ликвидировав нарушения денежных интересов и организовав выплату возмещения за должности, от чего старались уклониться с помощью разных уловок[2].

Однако три года спустя, когда скончался Людовик XV, реформа еще держится, новые советы вершат правосудие, эдикты регистрируются без всяких инцидентов, и в частности эдикт о восстановлении двадцатины.

Несомненно, реформа Мопу весьма облегчила аббату Террэ управление финансовыми делами.

По мнению лучших наблюдателей того времени, а также историков, к моменту воцарения Людовика XVI сложное дело парламентов уже почти улажено в пользу монархии. Нужно было еще лишь немного времени и небольшой толчок.

Кое-какие успокоительные меры, касающиеся отдельных лиц и их имущества, позволили бы легко вернуть на службу в новых трибуналах кое-кого из персонала старых; их можно было бы даже отобрать и таким образом смягчить основной недостаток новой системы, коренившийся в подборе новых магистратов взамен старых.

«По правде говоря, — справедливо отмечает Метра в своей «Переписке», — теперешний парламент составлен очень плохо, но это лишь потому, что его считают недолговечным. Если бы Людовик XVI, взойдя на трон, придал ему необходимую прочность, самые знатные семьи из «дворянства мантии» поспешили бы в него войти»[3].

---

1 Письмо г-же д'Анвиль.

2 «Полное ниспровержение порядка судопроизводства внесло смятение и заронило семя извечного раздора во все провинции и, можно даже сказать, почти во все семьи в каждой провинции». (Montbarey. Op. cit, t. II, p. 98)

3 Métra. Correspondance, 12 septembre 1774.

Члены парламента скучают в ссылке. Денежные затруднения их озлобляют. Мужество адвокатов слабеет. «Они уже находят, что закрытие их учреждения ограничивает их аппетиты». По словам Ожара, президент де Ламуаньон, после многих жалоб по поводу ликвидации его должности, составил перед смертью Людовика XV проект своего возвращения в парламент вместе с восемьюдесятью непокорными коллегами [1].

Этот вопрос, уже стоявший в конце царствования Людовика XV, было бы еще легче решить в начале нового правления

Итак, Людовик XVI имел счастье унаследовать власть, свободную от всяких залогов.

Между воцарением 11 мая и Варфоломеевской ночью министров у Людовика XVI было семьдесят четыре дня, чтобы сделать выбор в пользу реформы, укрепить свой трон и, быть может, спасти свое царствование. После ухода Мопу, напротив, ставки будут сделаны. Будет уже слишком поздно!

В течение этого первого периода публика пребывает в нерешительности. Все стараются так или иначе истолковывать самые мелкие факты[2].

Тем временем новый трибунал продолжает выполнять свои обязанности. Он регистрирует представляемые ему эдикты. Главный из них касается освобождения от приношений королю и королеве по случаю радостного восшествия на престол (droit de joyeux avènement et de la ceinture de la reine), а также различных финансовых мероприятий в том же роде[3].

И хотя тут речь идет об освобождении от сбора, а не об обложении, новые магистраты не снискали благодарности у своих хулителей. Напротив, их горячо упрекают в том, что, зарегистрировав эдикт об освобождении, они косвенно признали законность самого права на взимание этого сбора; сбор этот никогда не взимался на законном основании, а теперь его как бы узаконили, пусть и не взимая, и это принесет стране непоправимый вред. За что новый парламент получил изящную кличку «притон» [4].

1 Augeard. Op. cit, p. 60 et 76.

2 «Journal historique» отмечает несколько незначительных происшествий; так, например, когда после похорон короля катафалк возвращался из Сен-Дени, магистраты были освистаны толпой. «Среди свистевших были даже очень порядочные люди».

3 Вот небольшой маневр, изобретенный аббатом Террэ, чтобы показать популярность короля. Говорят, что возле церкви в Пасси, куда в день праздника тела господня король и королева отправились с процессией пешком, он расставил своих людей, которым приказал кричать «Да здравствует король!», держа в руках этот эдикт (1 июня 1774 г.). Мария Терезия приняла это с большим энтузиазмом. (Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 170.)

4 Во всяком случае, этот налог не принес бы большого дохода и касался только людей состоятельных (см. далее, глава VII).

Никто точно не знал намерений ни короля, ни главного министра. Однако можно было строить гипотезы или собирать сплетни.

Так, редактор «Журналь историк» печатает две заметки, которые могут служить ключом ко всему делу. 27 мая: «Кое-кто пытался выяснить отношение короля к парламенту. Они нашли, что молодой государь очень ревниво оберегает свою власть, презирает теперешний суд, но боится старого... Всегда говорили, что дофину нравится дело Мопу, но не нравятся его сотрудники».

И 21 июня: «Полагают также, что, если бы монарх посоветовался с г-ном де Морепа, министр объяснил бы ему, что этот вопрос заслуживает серьезных размышлений, что его дед, создатель этого трибунала, как бы предписал ему, как себя вести... выказав равнодушие, даже презрение к своему детищу, не соизволив придать ему завершенную форму и оставив принцев и пэров в оппозиции...» Таким образом, если король займет «жесткую позицию» в этом вопросе, ему придется «начинать свое царствование строгими мерами против своей кровной родни, а это не вяжется с проявленной им доброжелательностью, вызывающей столько похвал».

И рассказчик делает следующее прелестное заключение: при таких обстоятельствах «все возлагают большие надежды на его (короля) неуверенность и бездействие».

Все сказано в этих двух строках.

Король в силу врожденного чувства королевского долга или, быть может, инстинктивно склонен не возвращать старый парламент. Однако у него есть еще некоторые соображения:

его антипатия к Мопу;

презрение, с которым относятся к новому парламенту;

позиция, занятая принцами;

общественное мнение. Он жаждет «рукоплесканий».

И наконец, он склонен к нерешительности и бездействию.

Морепа, напротив, яростный приверженец парламентской реставрации. Морепа выказывает себя дилетантом лишь в делах, которые его не интересуют. В остальных его непринужденность и легкомыслие лишь тактический прием. Тут он действует целеустремленно.

Он принадлежит к касте парламентариев по рождению, по семейным связям, узам брака (его жена урожденная Фелипо) и дружеским привязанностям. Он придает очень большое значение всему, что он познал во время опалы. Тогда «у него оказалось много преданных людей среди членов Парижского парламента, которые были искренне привязаны к нему» [1].

1 Montbarey. Op. cit., t. I, p. 101.

Еще сильнее признательности была в нем мстительность. Его ненависть объемлет всех: и низвергшего его и отправившего в изгнание короля, и его окружение, и все, что было создано его врагами. «Он был мстителен, и его характер проявлялся в полную силу, лишь когда он ненавидел» [1]. Все, что было создано без него, создано против него и должно быть уничтожено.

Не в его обычае было торопить ход событий. Но он не ограничился тем, что исподволь вел с королем тонкие разговоры, чтобы «подготовить» его. Он начал плести хитрую интригу. Мы знаем о ней от Ожара, которого он сделал своим сообщником.

Прежде всего Морепа высказал Ожару свои убеждения: «Без парламента не может быть монархии. Это принципы, которые я унаследовал от канцлера Поншартрена». Но «король терпеть не может парламентов. Он упорно противится им... а я не решаюсь взять на себя задачу открыть ему глаза». И он надумал воспользоваться «кровными связями», на которые в приведенном выше разговоре уже делал туманные намеки. И попросил Ожара втянуть в эту игру герцога Орлеанского [2].

Итак, план составлен. Герцог Орлеанский должен попросить аудиенции у короля, не указывая по какому поводу. Король спросит совета у Морепа, а тот посоветует ему принять герцога: «Было бы неприлично не выслушать первого принца крови, тем более что он вдвое старше вас», но не следует брать никаких обязательств и попросить его написать мемуар. Так и было сделано. И сразу прошел слух, что существует некий «Мемуар принцев» [3]. Однако герцог Орлеанский вручил королю только первую часть, названную «Вступлением». Он должен был вскоре передать одну за другой еще две части. Но не успел. По сценарию король должен был посоветоваться с Морепа. А тот, отнюдь не будучи одного мнения с герцогом, поначалу сделал бы вид, что поддерживает канцлера [Мопу], чтобы затем иметь возможность легче одержать над ним верх, сохранив при этом видимость беспристрастности.

Но дело получило огласку, так как герцог Орлеанский проболтался о нем неразлучной с ним г-же де Монтессон, а та не сохранила его в тайне.

Вот тут мы можем восхищаться стратегией старого министра. Что же делать? Есть только один выход: выслать герцога, но, разумеется, с его согласия. «Спросите у него, устроит ли его такое решение, иначе я больше ни во что не буду вмешиваться», — сказал Морепа Ожару. Принц пошел на эту сделку и согласился на обманный маневр.

1 Sénac de Meilhan. Op. cit. (портрет Морепа).
2 Augeard. Op. cit., p. 77 et suiv.
3 «Journal historique», 23 juin 1774.

Мы знаем начало этого эпизода от Ожара, не сообщившего нам его продолжения, но узнаем дальнейшее от Вери, который в свою очередь не знает начала [1]. Соединив их рассказы один за другим, нам нетрудно восстановить всю историю.

Чтобы решиться отправить в изгнание двух таких особ, как герцог Орлеанский и его сын герцог Шартрский, даже с их тайного согласия, надо было найти какой-нибудь предлог. В это время герцог Орлеанский известил Людовика XVI, что собирается присутствовать на торжественной церемонии погребения покойного короля, но не сообщил, готов ли он по этому случаю приветствовать новый парламент, что было самым щекотливым моментом в этом деле. Все считали, что герцог будет вести себя тактично хотя бы потому, что король милостиво согласился ознакомиться с его мемуаром.

Здесь крылась возможность увернуться. Герцог Орлеанский сделал вид, что по зрелом размышлении он передумал. Он написал королю, что решительно «его совесть и честь не позволяют ему присутствовать на церемонии, как он обещал».

Письмо было передано Морепа канцлером герцога Орлеанского г-ном де Бель-Илем, тем самым, кого прочили на место генерального контролера. Конец этого дела уже не вызывал никаких сомнений. «Вот дорога, которая ведет прямо в Виллер-Котре», — сказал министр. «Да, я понимаю», — согласился посланец. Но реакция короля оказалась более сильной, чем следовало, он решил собственноручно написать герцогу Орлеанскому письмо с выражением недовольства. Новое осложнение для Морепа; принц согласился на эту игру, но нельзя же, чтобы он обиделся. Ментор еще раз воспользовался своим знанием психологии короля. Ему удалось убедить Людовика XVI:

1. Разрешить ему, Морепа, поговорить с герцогом от его имени: «Я выскажу ему все, что содержится в вашем письме, и даже гораздо больше...»

2. Не уточнять места ссылки герцога: «Запрещение являться ко двору произведет достаточно сильное впечатление».

«Изгнание принцев, — добавляет аббат де Вери, — вызвало в обществе тысячу всевозможных догадок. Хороший ли это знак для нового парламента и плохой ли для старого?» Во всяком случае, заключает он, отставка Мопу, по-видимому, решена.

Итак, Морепа не скомпрометировал себя, по-прежнему пользовался доверием и мог продолжать свой долгий путь. Для него речь идет всегда о том, чтобы заставить короля принять решение в нужном духе и создать у него впечатление, будто это ре-

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 144 et suiv.

шение он принял сам. На время Морепа оставляет парламент в покое. Он не высказывает определенного мнения и хочет сыграть на неприязни короля к канцлеру. Он даже находит дополнительный аргумент, ибо именно ему, по-видимому, принадлежит соображение, высказанное аббатом де Вери, что если сохранить новый парламент, то, во всяком случае, надо улучшить его состав, на что нынешний канцлер неспособен. Морепа хочет уничтожить реформу, нападая на реформатора, вместо того чтобы действовать в обратном порядке. Как мы видели, он указывает королю, что для урегулирования дела с парламентами — он не говорит, в каком духе, — нужно иметь канцлера, так же как для урегулирования финансовых дел нужен генеральный контролер. Рассуждение кажется элементарно логичным, но он умалчивает о том, что между этими двумя случаями очень большая разница.

Уход Террэ не перечеркивает бюджетную политику. Напротив, уход канцлера Мопу, по-видимому, предрешает выбор между парламентами [парламентом Мопу и старым парламентом.— *Ред.*]. Для широкой публики, для людей заинтересованных в том и другом лагере осуждение человека переносится и на дело, с которым его отождествляют.

В самом министерстве, помимо тайных происков Морепа, с Мопу явно враждует Сартин: если верить молве, эти двое всю жизнь строили друг другу козни. Но на стороне Мопу стоят Дю Мюи, известный святоша и потому противник парламентов, и особенно Верженн, который на заседании Совета 12 августа занял очень решительную позицию.

В этом случае мы снова видим, как Морепа ведет тайные подкопы. Ему, конечно, было бы легко обуздать пылкое рвение Верженна. Министр иностранных дел, обязанный ему всем, не посмел бы мешать его планам... если бы они были ему известны. Однако мы замечаем, что в дальнейшем Верженн все меньше занимается делами парламентов, не входит в состав узкого комитета, никак не проявляет себя на решающем заседании Совета, и такое сдержанное поведение после первых бурных выступлений, по-видимому, можно объяснить лишь давлением, оказанным на него Морепа [1].

Но пока осторожный Ментор не собирается открывать свое лицо. Быть может, даже резкое выступление Верженна кажется ему уместным в духе того обманного маневра, который он предпринял с высылкой герцога Орлеанского и герцога Шартрского. Для него, как всегда, самое главное — предстать перед королем в виде беспристрастного советчика, наставника типа Сократа, который отнюдь не стремится оказывать на него давление, но

1 См: Jobez. Op. cit., p. 176.

оберегает от давления других и помогает выразить мысль, которую король считает своей собственной, и принять решение, которое он считает самостоятельным. Для короля, как и для общества, а для общества из-за короля, всегда выгодно, чтобы чаша весов ненадолго склонилась в пользу мнения противника. Верженн построил свою речь на трех тезисах:

1. Заслужил ли прежний парламент свое наказание?
2. Мог ли король его уничтожить?
3. В том или другом случае не опаснее ли восстановить старый парламент, чем оставить новый?

«Министр защищал свое мнение по первому и третьему тезисам так, что опроверг все возражения». Но Морепа решил остановиться на втором тезисе, который кажется нам праздным для государственного деятеля, но зато позволяет ему привести в замешательство противника, превратить обсуждение в туманную юридическую дискуссию, заинтересовать короля, весьма склонного к подобным словопрениям, пробудить в нем сомнения относительно справедливости, которую «Его Величество хочет сделать основой своего правления», и, наконец, дать ему обоснованный предлог для одного из тех уклончивых решений, ради которых ему никогда не приходится насиловать свою природу: пока надо подождать «важных разъяснений».

Двенадцать дней спустя Морепа добивается отставки Мопу одновременно с отставкой Террэ. Игра, по-видимому, выиграна.

Мы уже рассказывали, как добрый парижский народ в ночь св. Варфоломея расправился с куклами, изображавшими опальных злодеев. Канцлер удостоился в следующие дни еще нескольких подобных представлений. «Было чуть ли не десять разных казней; самую забавную придумали школяры: они четвертовали чучело, разорвав его с помощью четырех ослов». По отношению к господам из нового трибунала манифестация носила сначала, 27 августа, очень шумный, но не очень злобный характер. Вышедшего первым г-на де Николаи встретили непристойным свистом, но «со смехом». Лишь когда он имел глупость рассердиться, его слегка «смазали» по волосам. Остальных президентов встретили лишь ироническими поклонами и пожеланиями счастливого пути. Но все дело испортили залпы фейерверков, которые пускали ночью у Дворца правосудия. Были раненые и даже один убитый — бывший полицейский офицер, к его несчастью, по фамилии Бутей (Bouteille — бутылка); и это послужило причиной того, что какой-то шутник решил ее «кокнуть». Лейтенант полиции принимает две меры: одну быструю и действенную — он запрещает пиротехникам продавать их изделия; другую более спорную — отправляет патрули пешей и конной стражи вокруг Дворца [правосудия]. «Стражи усы-

пальницы, — говорят остряки, — они ждут воскресения из мертвых». А газетный хроникер констатирует: «Альгвазилы и чернь хохотали и пили вместе и бросали на порядочных людей нахальные взгляды». В Париже легко вызвать беспорядки, к ним может привести даже радость, и мы уже видим, что силы полиции слабы и ненадежны. В ответ на арест одного человека некий Валикур, отчаянная голова, собрав толпу в 800 человек, осаждает дом первого президента, и тому приходится прибегнуть к хитрости, чтобы снять осаду [1].

В более высоких классах общества манифестации носили иной характер; свободу выражения им дает театр. Неожиданный успех получила пьеса некоего Дора «Аделаида», куда автор удачно вставил двустишие:

К ногам правосудья раздор пригвождаем,
Высокое право судам возвращаем..

И тут цензура превосходит самое себя, она заменяет выражение «возвращаем» на «оставляем», потом «сохраняем», и наконец снова восстанавливает первоначальный текст, лишь немного опережая восстановление самих парламентов. В Опере сенсация: принц Конти, который хотел там появиться «инкогнито», счел свое наказание законченным и появляется «in fiocchi» (в полном параде). Зрители приветствуют его, хотя до тех пор он не пользовался популярностью. «В столице у него мало сторонников, — отмечает незадолго до этого Метра в своей «Переписке», — его упрекают за злой и жестокий характер, к тому же он ведет распутный образ жизни, и это немало содействовало тому, что он утратил всеобщее уважение»[2]. Но вот он оказывается на пути к славе лишь потому, что он один из самых яростных сторонников восстановления парламента.

Тем временем растерявшиеся после первого потрясения господа из нового трибунала приходят в себя и, как бывает в подобных случаях, при первых признаках передышки приспосабливаются к неустойчивости своего положения. Раз уж они все еще на месте, им приходится уведомлять самим о беспорядках, причиной которых они являются; раз уж нет другой судебной канцелярии, они регистрируют фискальный эдикт; раз уж нет другого парламента, они получают официальное приглашение на церемонию в Нотр-Дам, и благодаря покровительству маршала Бирона на этот раз их никто не оскорбляет. «Мой полк в распоряжении парламента». Сам маршал и офицеры его штаба

1 Президент обманул вожака, обещав освободить арестованного, и вожак отправился в Консьержери, где у него потребовали письменный приказ. Когда он вернулся обратно, на месте, разумеется, уже стоял отряд стражи. («Journal historique», 4 septembre.)
2 Métra. Correspondance, t. I, p. 34, 21 juillet.

сменяют друг друга за столом первого президента. Первый президент едет на поклон в Версаль и возвращается оттуда не слишком обескураженным; однако разносится слух, что он готовится освободить свой дом, но вакационная палата (рассматривающая дела в каникулярное время) работает все активнее. Там ждут начала сенсационного процесса маршала Ришелье по поводу вымогательства векселей. 6 октября там регистрируют королевские указы о государственном управлении [1] и тщательно уточняют: с *обязательством повторить указанную регистрацию на следующий день после дня св. Мартина.*

Между тем правительство двигается день за днем по пути, намеченному Морепа. Узкий, или секретный, комитет, состоящий из Морепа, Мироменил, Сартина, Тюрго (отметим отсутствие Верженна), собирается, чтобы изучить дело вместе с королем [2]. Король проявляет к нему живой интерес, что позволяет надеяться (тщетно) на пробуждение у него вкуса к делам управления [3]. Со слов Вери, мы теперь знаем, что все эти комитеты созданы лишь «для отвода глаз», и не столько ради общества, сколько ради короля, но разве можно обмануть одного, не обманывая другое? Важно, что Морепа нашел короля в этом случае менее податливым, чем ожидал, ибо король любит проявлять свою власть, не доверяет партии Шуазеля, и хотя сам он не святоша, однако воспоминание об отце-дофине, друге иезуитов и заклятом враге их противников, до сих пор, как мы знаем, оказывает на его ум решающее влияние. Итак, все эти комитеты не ставят себе целью утвердить принцип восстановления парламента, ибо он уже одобрен, ни даже, как можно было бы ожидать, выработать условия, ибо они уже определены; цель комитетов — только убедить короля, что все эти решения исходят от него самого, что он сам их принимает и сам на них настаивает. Вот почему его принуждают играть такую активную роль, чему он, к счастью, охотно поддается. «Нельзя себе представить, думается мне, — пишет Стормонт, — чтобы молодой король был способен охватить и понять такой обширный и сложный вопрос и после глубокого его изучения в целом вынести окончательное решение. Он может лишь опираться на мнение других и следовать их решению»[4]. Но свидетельство де Вери не оставляет места для сомнений: «Этот метод принес желаемый результат: он заставил короля считать принятый план сво-

1 Передача Ж. Б. Фуашу Управления сборов с кож и других сборов. («Journal historique», 18 octobré.)
2 Существование этого комитета подтверждает аббат де Вери. (Op. cit., t. I, p. 202.)
3 Размышления Сартина, переданные Вери. (Véri. Op. cit., t. I, p. 244.)
4 Депеша Стормонта от 10 августа.

им собственным и позволил внушить это же мнение публике» (однако король добавил несколько замечаний от себя, в частности при выборе примирительных выражении). План настолько созрел, что тот же абат де Верн фактически изложил его в заметках от августа месяца, считая его творением Мальзерба. Основная идея состоит в том, чтобы предусмотреть некий механизм, способный обеспечить безопасность в случае нового парламентского мятежа. Для этого надо иметь право применять санкцию для пресечения должностного преступления [парламента] и, главное, иметь под рукой орган для его замены — Большой совет, который может тотчас начать действовать, как это было во время предыдущего кризиса. Чтобы избежать в будущем колебаний, достаточно в эдикте, который восстановит парламент, специально предусмотреть эту дополнительную компетенцию Большого совета. Можно даже предусмотреть их взаимозаменяемость[1]

Работы комитета велись с соблюдением такой секретности, от которой уже давно отвыкли.

Наконец около середины октября все препоны были снесены прорвавшейся молвой. Королевские указы о ссылке отменены, изгнанники возвращаются (некоторые добровольно остаются на месте) и являются в судейских мантиях на аудиенцию к хранителю печати: президенты парламента приказывают покрыть трауром свои экипажи[1]; первый президент д'Алигр и «настоящий генеральный прокурор» де Флери набирают себе секретарей, «упрямцы» из нового трибунала, чей вожак носит выразительное имя Дебонер (Добряк), громко предвещают его скорое падение. Проигравшая партия хватается за последние средства.

После оправдательного мемуара, который Мопу сам послал из своего заточения в Рошроле, Мосье, которого тщетно пытались привлечь на свою сторону, написал пространное сочинение под названием «Мои идеи»[2], а сын принца де Конти граф де Ла Марш, антипод своего отца как человек и его политический противник, делает то же самое [3] Тетки короля, которые дулись,

1 Траур по умершему королю, в котором они не могли принять участие до сих пор, так как официально не выполняли своих обязанностей Им не была разрешена «траурная драпировка экипажей»

2 См его текст в «Journal historique» от 6 ноября Редакцию приписывают Кромо, суперинтенданту финансов, построек и садов, и Фонтету, канцлеру принца Оно было передано королю накануне поездки в Фонтенбло Король якобы сказал «Брат, у меня есть и получше»

3 Граф де Ла Марш был единственным принцем крови, признавшим новый парламент «Постоянный в своих планах, верный своим обязательствам, аккуратный в расходах, справедливый к связанным с ним людям его доводы будут считаться вескими независимо от его личного веса» (Véri Op cit, t I, p 155) Принц, по слухам, немного скомпрометировал себя своими связями с партией г жи Дюбарри

делая вид, что нездоровы, отправляются с запозданием в Фонтенбло. Господа из нового парламента 18 октября составляют письменное представление, где защищают свое дело, и люди забавляются, отмечая, что оно написано языком старого парламента[1]. Но никто не хочет брать на себя неблагодарную миссию — передать королю такой необычный документ. Президент де Ла Бурдоннэ вежливо уклоняется, генеральный прокурор пытается ускользнуть, но его хватают за руку и заставляют собрать депутацию из людей короля *, в которую входят лишь он да еще один несчастный заместитель прокурора, привезенный ради такого случая из его поместья.

Наконец генерального прокурора принимают в Фонтенбло в воскресенье 23 октября Король встречает его сухо· «Меня удивляет, что каникулярная палата делает мне представление по поводу слухов, распускаемых в народе. Я вас извещу о своих намерениях». Хранитель печати приглашает его к обеду, но говорит с ним лишь о кушаньях, которыми его угощает, и подчеркнуто называет его только «г-н де Флери». Днем позже привратник нового трибунала издевается над магистратами и возвещает их приход, стуча ключом, под тем предлогом, что он сломал свой жезл еще 4 года назад, а когда принимается приказ об его аресте, товарищи помогают ему бежать. Игра проиграна Решение, по-видимому, было принято в субботу 22-го в Совете по внутренним делам, накануне смехотворного приема, оказанного генеральному прокурору.

Хронисты утверждают, что все министры высказались против возвращения старых парламентов, кроме Морепа, но это сообщение нас удивляет, ибо к нему надо по меньшей мере добавить Миромениля, что же касается других, то на той подготовительной стадии речь могла идти только об их принципиальных оговорках, за исключением, конечно, графа Дю Мюи, который обвинял Морепа в предательстве интересов государства и религии. Королю же приписывают следующие слова· «Кто бы мог мне сказать несколько лет назад, когда я был на торжественном заседании парламента в присутствии моего деда, что я сам скоро проведу такое заседание?»[2]. Два соображения особенно повлияли на его решение· первое — всеобщее желание («Я хочу, чтобы меня любили»), ибо он дорожит своей популярностью. Второе — что парламенты не опасны при сильном правительстве. Позже заметят скрытую тут иронию

1 См его текст в· «Journal historique», 31 octobre

* Людьми короля называли некоторых должностных лиц парламента (генерального прокурора, его заместителя и др) Они давали заключение по делам, но не участвовали в голосовании и считались как бы представителями короля в парламенте — *Прим ред*

2 Véri Op cit

С этого времени приготовления ускорились. Письма за печатью короля оповещают как старых, так и новых советников парламента, чтобы они были готовы к 9 ноября. Генеральный прокурор де Флери (мнимый, который, однако, носит то же имя, что и настоящий) сослан в Мобеж, а его секретарь посажен в Бастилию, и тот и другой якобы по причинам частного порядка. Морепа встречают в Опере аплодисментами, как говорят, по сигналу герцога Шартрского, его «изгнанника». Он притворяется удивленным[1]. Однако торжественное заседание парламента в присутствии короля состоялось не 11 ноября, в день св. Мартина, а 12-го, в день св. Рената, и люди видят в этом забавный символ, потому что именины бывшего канцлера Мопу совпали, таким образом, с провалом его дела. Король 10-го ночует в Версале, а 11-го в Мюэтте. В 7 часов он уезжает оттуда, увозя с собой в карете своих братьев-принцев, под эскортом всех отрядов своей гвардии: телохранителей, мушкетеров, жандармов, рейтаров, французских и швейцарских гвардейцев, которые выстраиваются шпалерами при его въезде в Париж. У заставы Конференс его встречает торжественной речью губернатор Парижа. Когда он подъезжает ко дворцу, его приветствует народ. На нижних ступенях лестницы часовни Сент-Шапель его ждут принцы. Все опальные и изгнанники, принц Конти, герцог Орлеанский, герцог Шартрский тоже приглашены и находятся тут же. После мессы начинается первая большая политическая церемония этого царствования.

На первом королевском заседании парламента, как, впрочем, и на последующих, Людовик XVI держится хорошо. Молодой монарх, которого мы видели таким неуклюжим и застенчивым в частной беседе, здесь, перед обществом, в торжественной обстановке, ведет себя с достоинством и находит правильный тон. «Непоследовательность свойственна человеческой натуре», — отмечает аббат де Вери. Сегодня мы знаем, что застенчивость имеет много оттенков, а комплексы целую гамму нюансов. Когда кругом так много народу — нет отдельных людей. Окружающая его торжественная обстановка поддерживает и усиливает в нем врожденное или приобретенное чувство королевского величия. Его главная речь (ибо ему надо было также сказать несколько слов перед началом и перед закрытием церемонии) заслужила всеобщее одобрение, хотя слышали ее далеко не все, так как он начал слишком рано и кончил еще до того, как половина членов парламента вошла в зал. После довольно

1 «Journal historique», 6 novembre. Верп: «Партер захлопал в ладоши, увидев его в ложе. Он искренне стал оглядываться, к кому это относится, как если б аплодировали актеру или актрисе Устремленные на него взгляды рассеяли его сомнения, и он скромно опустил голову». (Op. cit., t. I, p. 203)

слабой речи первого президента д'Алигра и другой, более твердой, но, как обычно, слишком длинной, заместителя прокурора Сегье (внимательный король к тому же заметил в ней юридическую ошибку[1]), последовало чтение эдиктов, всего девяти, которые вели в основном, за исключением нескольких деталей, к восстановлению прежнего положения. Сенсация произошла в середине чтения, когда дошли до ордонанса о дисциплине и пятого эдикта. В сочетании двух этих текстов мы находим всю систему, изобретенную Мальзербом: с одной стороны, прекращение исполнения своих обязанностей будет считаться должностным преступлением, подсудным Пленарному суду; с другой стороны, восстановленный Большой совет, который будет состоять из бывших членов нового парламента, таким образом возвращенных на службу, сможет в случае уклонения парламента от своих обязанностей заменить на ходу старый парламент, ставший новым. Остроумная и наивная предохранительная мера, которую никогда не пускали в ход, а если бы ее и применяли, то она привела бы лишь к периодическим роспускам парламента. Все это проходило не без некоторого ропота недовольства. Мироменил подошел к скамьям и предупредил, что ордонанс о дисциплине может стать причиной ремонстраций. Заместитель прокурора воздержался от окончательного суждения, следует ли регистрировать пятый эдикт, а герцог Шартрский разразился горькими упреками по адресу хранителя печати. В 5 часов заседание закрылось. Сенсацию произвело присутствие одного человека — герцога д'Эгийона, сидевшего на своем месте среди пэров; никто не знал, пришел ли он сам из озорства или получил указание из официальных источников[2]. Другой человек, чье скромное появление, напротив, не было замечено, не игравший официальной роли в церемонии королевского заседания парламента, хотя его должность нельзя назвать незначительной, поместился «инкогнито» в ложе и шутливо сказал декану парламента д'Агессо, что он пришел сюда, просто чтобы «провести время». Этот неприметный и забавляющийся человек был истинным виновником торжества, политическим стратегом, который до сих пор всегда выигрывал, именно оттягивая время. Это был мастер своего дела — Морепа.

Между тем господа члены нового трибунала были созваны в то же утро в Луврский дворец, в один из залов Большого

1 Заместитель прокурора указал, что истинный Парижский суд находился в собрании парламента. Король заметил: «Это неверно, Парижский суд находится везде, где я его вершу. Надо вычеркнуть это из его речи» (Véri. Op. cit., t. I, p. 210)

2 См: D'Estrée et Callet La duchesse d'Aiguillon, p 233 et note; «Mémoire du Ministère d'Aiguillon», p 333; Véri Op cit, t. I, p. 208.

совета — Павильон королевы, куда они явились к 10 часам под улюлюканье толпы. Они должны дожидаться, когда Мосьё после окончания торжественного заседания парламента в присутствии короля соизволит заняться их судьбой, а именно восстановит их в должности, хотя и без определенных функций. Затем они долго сидят в этом зале, собираются и в следующие дни, говорят об отставке, спорят, ссорятся, посылают представителей, пишут Мосьё, торгуются с Мироменилем, снова говорят об отставке и отказываются от нее. Наконец устанавливается порядок, — порядок, столь чреватый в дальнейшем беспорядками.

В тот же день, что и Парижский парламент, графом д'Артуа был восстановлен Высший податной суд. Присутствие братьев короля в Большом совете и в Высшем податном суде — нововведение, которое ставит много щекотливых вопросов этикета. Принцам решают присвоить титул Монсеньоров, но без права на балдахин, который полагается только королю.

В столице царит радостное оживление. Парижские рыночные торговки веселятся вовсю, празднуя победу. Сначала они с песнями и плясками обошли всех парламентариев и преподнесли каждому соответствующий куплет, а в день красной мессы, которой было отмечено первое заседание парламента, они под крики «ура!» возложили венок из цветов на голову первого президента. Лишь одно маленькое разочарование промелькнуло в радостных рассказах: обед, данный по традиции г-ном д'Алигром, «не соответствовал великолепию этого дня». Работа возобновляется, идут судебные заседания. Начинается недовольство: 3 декабря парламент собирается, чтобы обсудить незаконность заседания парламента в присутствии короля, не будь которого он сам не мог бы собраться, и возмущается преградами, установленными для только что возрожденной власти. Однако парламент ограничивается тем, что приглашает принцев крови встретиться и обсудить положение.

Король дает свое согласие, посоветовавшись за отсутствием Морепа лишь с Мироменилем, и 9-го происходит встреча. С этого дня в лице принца Конти парламент обрел вожака, которого ему не хватало. Принц нисколько не утратил ни своего влияния на собрание, ни умения вести тонкую игру [1]. Он без труда добивается того, что парламент отвергает мнение Мосьё и графа д'Артуа, советовавших «действовать с помощью убеждения и просьб, но никогда не прибегать к требованиям и сопротивлению», и даже мнение герцога Орлеанского, предложившего избрать комиссию.

1 Немного позже, при других обстоятельствах, мы увидим подтверждение этого влияния: так, принц де Конти сумел убедить парламент, что тот имеет право судить пэров без вмешательства и разрешения короля. (Véri. Op. cit., t. I, p. 276—277.)

Он предлагает и добивается того, что парламент сам в короткий срок принимает это решение (это будет сделано 30 декабря). Аббат де Вери ошибся, и, наверное, многие вместе с ним, увидев в избранной процедуре признаки умиротворения.

Назначение комиссаров было бы отсрочкой решения. Добившись его отклонения, принц де Конти, напротив, старался действовать быстрее, сохраняя, однако, при этом некую видимость умеренности.

«Представления» — теперь уже не говорили, как раньше, «ремонстрации» — были переданы королю 8 января. В них признали руку принца-прокурора. В довольно хаотической форме и со многими заверениями в преданности в них повторялись традиционные утверждения относительно «основных и важнейших конституционных прерогатив парламента...», но было там и одно новшество: название «Суд Франции» (Cour de France). Прикрываясь этой «смехотворной оболочкой», по выражению де Вери, парламент восставал против того, что может быть созван Пленарный суд, чтобы его судить, против того, что Большой совет может его заменить, и, наконец, парламент просил, чтобы его представления рассматривались до регистрации.

Парламент, заключает Вери, хочет быть королем перед нацией и нацией перед королем [1].

Ответ короля — лаконичный и отрицательный — был передан парламенту 20 января 1775 г. Принцу де Конти король сделал предупреждение: «Я знаю, что вы до сих пор вмешивались в дела парламента. Сделайте одолжение, больше совсем не вмешивайтесь в них». Нам еще представится случай увидеть, насколько принц послушался этого совета.

Тем временем парламент имеет возможность заняться своим первым делом—вопросом о зерне. Ему следует зарегистрировать королевские указы, последовавшие за постановлением, принятым в период отсутствия парламента. На этот раз назначают комиссаров, после чего парламент проводит регистрацию 19 декабря, но добавляет к ней очень ловко составленное постановление, в котором, подчеркивая свое доверие королю, избегает высказываться по существу вопроса, чтобы не скомпрометировать себя, и в зависимости от обстоятельств оставляет за собой возможность переиграть. Аббат де Вери, настроенный весьма оптимистически, находит «лестным» для Тюрго и для других министров, что регистрацию провели «скорее из личного доверия, чем из убеждения в правоте принципов свободы» [2]. Может быть, оно и «лестно», но очень опасно, ибо гораздо легче лишить кого-либо доверия, чем изменить убеждения.

1 Véri Op. cit., t. I. p. 233—235.
2 Véri. Op. cit., t I, p 224

Итак, мы возвращаемся к генеральному контролеру. Течение этого рассказа как будто удалило нас от него, однако все описанные события касаются его больше, чем кого-либо другого. Понадобилось не больше месяца, чтобы уже начал вырисовываться, пока еще неопределенно и смутно, антагонизм, который будет длиться все время его министерской деятельности. Поэтому мы не можем обойти очень важный для нашего исследования вопрос: какова была реакция министра на все перипетии парламентской реставрации? Неужели он не видел грозившей опасности, а если видел, то почему не приложил больше усилий, чтобы ее предотвратить?

Некоторые биографы Тюрго [1] полагают, что сначала он по мере сил противился такому решению; но позже, видя невозможность воспрепятствовать самому возвращению парламента, он благоразумно постарался сделать так, чтобы это возвращение было обставлено необходимыми предосторожностями на будущее. Ему даже ставят в заслугу меры, принятые с целью предотвратить злоупотребления высших судов [то есть парламента и Высшего податного суда. — *Ред.*] и упрочить авторитет власти. Это утверждение кажется нам весьма спорным.

Мы не находим никаких следов принципиальных возражений со стороны Тюрго, тогда как обнаруживаем упоминание о подобных выступлениях Дю Мюи [2]. Могло ли противодействие казаться вначале столь бесполезным, если принять во внимание некоторую сдержанность короля, отсутствие единодушия среди министров и решительную позицию Верженна? Зная Тюрго и зная его решительность, хотя бы по письму от 24 августа, разве можно предположить, чтобы он, если и вправду хотел бороться, не действовал с большей настойчивостью и силой? Что же касается гарантий, которые содержались в пятом эдикте и в ордонансе о дисциплине, то совершенно ясно, что Тюрго мог только их одобрить и поддержать, но ничто не указывает, будто он играл в этом деле особую роль, и мы знаем, что не он их придумал. Итак, поведение Тюрго в этот период остается для нас загадкой.

Разумеется, такую позицию можно отчасти объяснить его скептицизмом. Презирая парламентариев, Тюрго признает их силу. Он предвидел их возвращение. Не лучше ли избегать излишнего разжигания страстей? В аналогичном случае он уже как-то советовал Дюпону не «дразнить быка». На этот раз он и сам, быть может, воспользовался таким благоразумным советом. Ведь дело происходит еще в период «ловкого Тюрго».

1 Таковы, в частности, утверждения Фонсена (op. cit., p. 224) и Жобеза (op. cit., p. 176). Шелль полагает, напротив, что Тюрго не был всецело против возвращения парламентов, так как еще больше опасался Генеральных штатов. Это суждение ни на чем не основано.

2 Мы относимся с недоверием к словам аббата Жоржеля, по мнению которого, Тюрго был согласен с Морепа, что следует подготовить возвращение парламентов, чтобы приобрести популярность у прежних магистратов (op. cit., t. I, p. 408—409). У Жоржеля не было надежных сведений, и он был склонен давать волю воображению

Следует помнить и о влиянии Морепа, которое нужно дважды принять в расчет. Во-первых, потому, что Тюрго неприятно выступать против человека, которому он обязан своим постом. И во-вторых, потому, что он знает: Морепа пользуется достаточным влиянием на короля, чтобы добиться своих целей, — какой смысл в таком случае портить ему игру?

Но мы думаем, что прежде всего следует принять во внимание два более решающих и тесно связанных соображения, а именно: личное влияние Мальзерба и мнение самого Тюрго об основах государственных институтов. Тюрго всегда относился с чувством глубокого доверия и истинного восхищения к первому президенту Высшего податного суда, он не раз следовал его советам и пользовался его поддержкой. В нем он видел идеального канцлера. «От него одного зависело залучить к себе Мальзерба, — пишет он о Шуазеле, — но он не додумался бы до этого и за тысячу лет».

Тюрго, наверное, желал, чтобы Мальзерб был назначен после ухода Мопу, как это вначале задумал Морепа. Он рассчитывал, что с помощью Мальзерба получит поддержку Высшего податного суда своим планам реформ и финансовой политике, таким, кстати, и будет смысл знаменитых ремонстраций королю в 1775 г.

И несомненно, с тех самых пор он рассчитывает на него как на будущего министра королевского двора... вместо герцога Лаврийера, уход которого ожидается после коронации. В этом назначении Мальзерба, которому он уделяет столько забот, Тюрго видит основной фактор успеха своего правления. Он возлагает на него большие надежды, которые лопнут как мыльный пузырь. По всем этим причинам он должен относиться с особым вниманием к точке зрения Мальзерба на проблему высших судов.

Однако Мальзерб — твердый сторонник возвращения парламента, хотя он решительный противник его стремления стать политическим органом. Эта его позиция не просто забота о том, чтобы суд сохранил подобающее ему место, продиктованная его обязанностями. Порой высказывали предположение, будто Мальзерб в своей враждебности к Мопу выражал скорее мнение своих друзей, чем свое собственное, и что он был лишь рупором чужих идей [1]. Однако теперь, по воспоминаниям Ожара, установлено, что именно Мальзерб был автором ремонстра-

1 См.: Schelle., t. IV, p. 33; Gaillard. Vie de Malesherbes.

ций, поданных королю Податным судом 18 января 1771 г.[1]. И мы увидим, как в речи, произнесенной в день восстановления его собственной юрисдикции, 12 ноября 1774 г., он в самых суровых выражениях отзывается об авторах «государственного переворота», которым он высокопарно приписывает принципы самого мерзкого деспотизма. Помимо духа солидарности, порожденного в нем занимаемым постом, дружеских чувств, вызванных личными связями, привязанности к герцогу Орлеанскому и неприязни к последнему министерству Людовика XV, Мальзерб питал склонность к парламентской доктрине в силу своего психологического склада, который тонко анализирует Кондорсе, хотя и преувеличивает его достоинства до смехотворных размеров. Мальзерб относится благожелательно ко всем установленным учреждениям, ко всем существующим сообществам; он полон уважения ко всему, что можно назвать объединением. «Он любит учреждения, несмотря на то что они заслуживают презрения, — от имперского сейма, сейма польского, французского духовенства и английских общин до религиозных братств белых и синих монахов»[2].

Точка зрения Мальзерба на существо проблем очень тонка и интересна. Она очень либеральна, даже можно сказать демократична.

Прежде всего, он считает, что с парламентом обошлись слишком грубо и его следует восстановить; во-вторых, что государство должно найти определенную форму согласия нации при решении общественных дел; в-третьих, что парламент не имеет права выражать это согласие, он не политический орган и не должен выходить за пределы судебной администрации; в-четвертых, что за неимением какого-либо другого средства выражения воли нации государственная власть в такой же мере не вправе обходиться без нее, как и парламент претендовать на выражение этой воли. По существу, его мысль подразумевает необходимость создать настоящий представительный или по меньшей мере консультативный национальный орган. Итак, он считает, что в области налогов и займов король должен обращаться «к своим подданным, прибегая к самым верным средствам, какие ему подскажет его мудрость». В ремонстрациях от 18 января 1771 г. мы читаем: «Спросите же саму нацию, раз уж Вашему Величеству больше некого выслушать, кроме нее». В своей речи от 12 ноября, говоря языком, неожиданным для своей эпохи, он настаивает на том, что король должен руководствоваться волей своей нации, «советоваться с ней при выборе своих министров и, лишь получив общественное одобрение, назначать тех, кому он доверяет свою власть». Хотя намеченный здесь способ консультации с нацией имеет очень слабую юридическую основу, он открывает путь к признанию нации как носителя политической власти. Мы понимаем, что тут Мальзерб считает, что король и парламент в их давнишнем споре оба неправы. Парламент неправ, присваивая себе чужую роль, но он играет ее лишь потому, что ее некому играть, она свободна. А правительство неправо, когда жалуется на обструкцию парламента, так как он мешает ему — не имея на то полномочий — делать то, на что правительство само не имеет полномочий.

1 «Я прочитаю вам ремонстрации Податного суда, которые я составил, они появятся через четыре недели. Я уверен, что буду по меньшей мере сослан». (Augeard. Op. cit., p. 42.)

2 Condorcet. Correspondance, p. 251. Письмо написано в 1775 г. (без даты).

Такие взгляды недалеки от взглядов, отмеченных нами у Тюрго, который своим проектом организации муниципальных собраний как раз подготовляет набросок национального представительства.

Поэтому нам вполне понятно, что на Тюрго производят большое впечатление как личная позиция Мальзерба, так и его общие побуждения. Мы уже видели, что Мальзерб был изобретателем системы гарантий — идеи должностного преступления и замены виновного, — которая должна, как ему казалось, хотя бы на время примирить его желание восстановить высшие суды и его осуждение прежних злоупотреблений.

По словам аббата де Вери, и Тюрго и Мальзерб (мы хотим специально подчеркнуть здесь совпадение их мнений) хотели, сверх того, наложить на парламент и другие ограничения, в частности прекратить его вмешательство в дела общей полиции[1]. Тюрго занимал такой пост, что отлично знал, к каким злоупотреблениям и нелепостям, особенно в зерновом секторе, могут привести эти растяжимые предлоги для вмешательства.

Они не добились успеха, и им пришлось довольствоваться тем, что уже было достигнуто. Итак, новая система была эффективна только в одном: охраняла власть от простого повторения парламентского «шантажа», примененного в 1771 г. Можно, разумеется, отметить, что эта дополнительная гарантия добавлялась к снова вошедшей в силу основной гарантии, то есть к «безобидному представлению» королю, направляемому парламентом лишь после регистрации, — той гарантии, которой долгое время хватало, чтобы обеспечить спокойствие Людовика XIV и Людовика XV. Но подобные соображения свидетельствуют о неполном охвате проблемы и видят главную опасность в техническом блокировании действий государственного аппарата. Мы понимаем, что этих гарантий достаточно для Мальзерба, чей ум заполнен юридическими категориями, так что он

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 214.

видит жизнь лишь через призму юриспруденции. Но труднее понять позицию Тюрго, который нуждается в поддержке общественного мнения, систематически его добивается и не может не знать, как «быки-тигры» (les bœufs-tigres) могут повредить ему именно в глазах общественного мнения, ведя постоянную агитацию и оказывая сопротивление необходимым реформам. Речь идет не только о том, чтобы избежать забастовки судебного ведомства или отказа от регистрации, то есть дать возможность власти в случае необходимости избежать ловушки, но и о том, чтобы как можно скорее обеспечить ей и всегда поддерживать наступательную силу, способную разбить привилегии и преодолеть предрассудки. Если исходить из этой точки зрения, то легко предвидеть, что парламентская оппозиция может быть лишь балластом и тормозом, причиной ослабления и истощения государственной власти. Еще прежде, чем она нашла хоть малейший повод себя проявить, сам факт возвращения парламента означал «ослабление королевского авторитета в глазах народа», ибо, как ясно объясняет аббат де Вери, «в каком бы свете ни представили теперешние перемены, в сознании народа и юристов невольно укрепится мнение, что парламент нельзя уничтожить, раз были вынуждены его восстановить» [1].

Самые дальновидные умы того времени — была ли их проницательность врожденной или ее обострил партийный дух — не преминули оценить серьезность этого решения и его неминуемую опасность. Кондорсе расточает Тюрго тщетные предостережения, по правде говоря довольно путаные из-за ссылок на Шуазеля и иезуитов и к тому же полные несносного антиклерикализма. «Лучше еще некоторое время потерпеть трибуналы униженные, чем установить трибуналы тиранические»[2]. «Надеюсь, вас не обманули этим проектом». Мопу, разумеется весьма пристрастный в этом деле, произнес, как гласит предание, в день своей опалы слова, которые прекрасно обрисовывают положение: «Я выиграл для короля процесс, длившийся 150 лет. Если он хочет его вновь проиграть—он сам себе хозяин» [3].

1 Véri. Op. cit., t. I, p 212.

2 Condorcet. Correspondance, p. 205. Шелль думает, что из этого отрывка следует, будто «Кондорсе не был решительным противником возвращения парламентов». Это толкование кажется нам спорным, как, впрочем, и то, которое этот автор дает позиции Мальзерба. Конечно, Кондорсе не исключает навсегда возможности возвращения парламентов, но он требует, чтобы сначала были проведены реформы, и это вполне разумная точка зрения. К тому же он думает больше о реформах законодательства, чем о реформах финансовых и экономических.

3 Существует несколько версий этого замечания; они отличаются количеством упомянутых лет — 150, 200 или даже 300. Нельзя сказать с уверенностью, что эти слова были произнесены Мопу, во всяком случае именно в тот день. Они упоминаются, без указания автора, в мемуарах герцога Орлеанского.

Присвоив себе эти слова, Мосьё добавляет к ним в своих Мемуарах драматическую концовку в виде пророчества: «Следовало бы, как говорили, заранее приготовить ружья». Накануне торжественного заседания парламента в присутствии короля, результат которого был еще неизвестен, Мария Терезия пишет Мерси: «Просто непостижимо, зачем король и его министры разрушают дело Мопу» [1]. Это разумное соображение деспотического ума. А на другом конце международной политической арены посол свободной Англии Стормонт выносит сдержанное и ясное суждение, которое особенно хорошо звучит на английском языке: «The young King thinks that his authority is sufficiently secured by the regulations he has made. He may probably finds himself deceived *by the end* of his reign». («Молодой король думает, что его авторитет достаточно огражден проведенным им урегулированием. Возможно, он будет разочарован в *конце* своего царствования».)

Быть может, Тюрго был недостаточно дальновидным? Или ему не хватало храбрости? Ни то ни другое, без сомнения. Мы должны примириться с тем, что не видим пока человека резкого, человека системы, каким нам обычно его рисуют, или должны предположить, что в первый период Тюрго сознательно подавляет в себе эти качества, стараясь быть дипломатом, сдерживаться, соглашаться и щадить; щадить министра, который его выбрал, щадить великого юриста, который его поддерживает, щадить парламентариев, которых он презирает, и, как мы увидим дальше, щадить также королеву. Он, как видно, совершил ошибку, обычную для государственных мужей с его темпераментом, то есть сдерживал себя в тот благоприятный период, когда, действуя резко и быстро, мог бы без большого риска добиться успеха, и, напротив, стал более жестким тогда, когда первые неудачи и столкновения требовали более тонкой игры. Государственные мужи выбирают неподходящее время и тогда, когда надо принуждать себя, и тогда, когда надо принуждать других[2].

1 Correspondance, t. II, p. 251 (письмо от 11 ноября).

2 В день торжественного королевского заседания парламента герцог д'Аркур восстановил в Руане парламент Нормандии. В течение 1775 г. были постепенно восстановлены и другие провинциальные парламенты в их прежнем составе, при огромном энтузиазме народа.

Глава VII Бюджетная политика

Толпа офицеров при дворе короля, самые легкомысленные выдумки, скачки, новые постройки, дворцовые празднества, публичное мотовство любовницы короля и ее окружения, громадные жалованья министров и их служащих, награды, раздаваемые из милости, — все это возмущало людей, которым приходилось терпеть большие лишения. Подобный контраст не мог нравиться

Аббат де Вери[1]

НАСЛЕДСТВО АББАТА ТЕРРЭ

Министр финансов всегда оказывается в довольно выгодном положении, когда наследует управление, не пользовавшееся популярностью. Но такое преимущество становится еще более значительным и прочным, когда непопулярности его предшественника противопоставляется решительное оздоровление обстановки. Таким именно и был случай с наследством Террэ.

Знатоки истории финансов во главе с Марионом реабилитировали методы управления этого министра, который, несомненно, был, по крайней мере в своем веке, самым ненавистным министром финансов[2]. В тот день, когда Тюрго берет на себя управление государственными финансами, стране — вопреки

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 70. Этот отрывок написан в конце царствования Людовика XV. Для правления Людовика XVI достаточно заменить слово «любовница» на «королева».

2 Однако это было все же известно его современникам. Так, Моро говорит: «Если бы ему доверяли в деле управления финансами, у нас никогда не было бы ни Генеральных штатов, ни Революции». (Moreau. Souvenirs, t. III, p. 34.) Эти слова можно сопоставить с суждением Мариона, который считает, что правление Террэ подарило старому порядку лишних 20 лет. Сам Вери признает у него достоинства, но не выше, чем у «интенданта двора» или «чиновника по откупам». Выступая в Учредительном собрании, Лебрен, бывший секретарь Мопу, дает о нем преувеличенно хвалебный отзыв и сравнивает его с Кольбером и Сюлли (22 сентября 1790 г.). См.: Marion. Histoire financière, t. I, chap. IX; Jobez. La France sous Louis XV, t. VI.

тому, что можно было бы подумать, судя по драматическому тону его письма и поучительным рассказам о его свидании с королем, — не грозит финансовая катастрофа, и за все время его пребывания в министерстве на горизонте не появилось ни одной тучи, возвещавшей грозу.

В 1774 г. кризис не надвигается: он уже пройден. Не Тюрго сегодня предстоит справиться с ним; это сделал Террэ еще пять лет назад, 23 декабря 1769 г.

В 1774 г. бюджет (понятие, которое еще не вполне определилось) имеет терпимый дефицит (понятие, тоже еще не вполне четкое). Казначейство относительно обеспечено. Чтобы судить об этом, мы располагаем разными счетами, составленными Террэ в 1774 г., подробным счетом, подготовленным по поручению Тюрго, когда он занял свой пост, и, наконец, его сметными предположениями на 1775 г.[1]; эти документы требуют оговорок, которые вызываются эмпирическими методами той эпохи. На их основе можно сделать лишь приблизительные выводы.

В конце 1769 г., когда аббат Террэ приступил к исполнению обязанностей, он оказался перед положением, которое мог с полным правом назвать пугающим: дефицит бюджета превысил 60 млн. франков, просроченный неотложный долг перевалил за 100 млн. франков; все доходы за 1770 г. и за несколько месяцев 1771 г. были забраны вперед и израсходованы, в кассе не оставалось ни одного экю на нужды 1770 г. С тех пор положение значительно улучшилось. Мы постараемся обрисовать его в общих чертах, по возможности отделяя бюджетные проблемы от кредитно-казначейских проблем, которые в документах той эпохи постоянно переплетаются.

На 1774 г. Террэ составил один за другим три мало отличающихся друг от друга счета. Они позволяют определить дефицит округленно в 27 млн. франков при расходах в 234 млн. (статья Dèductions* не была учтена). Калонн, впоследствии проведя проверку, утверждал, что сумму дефицита следует увеличить несколько больше, чем на 12 млн., и довести приблизительно до 40 млн. франков. Террэ в своем отчете Людовику XVI, представленном в мае или июне 1774 г., не показывает ни дефицита, ни даже общей суммы расходов, а останавливается лишь на доходах. Но если сравнить указанные цифры (расходы

1 Три счета, которые мы использовали, приводятся в «Recueil des Comptes Rendus». (Foncin. Op. cit., p. 78; Schelle, t. IV, p. 308.)

* Déductions (буквально: вычеты) — статья расходов, в которой значились обычно проценты на суммы, выданные вперед откупщиками государственных налогов, а также погашение этих авансов, погашение и проценты на суммы, занятые у областей, имевших местные штаты, расходы на взимание податей и некоторые королевские расходы. — *Прим. ред.*

в 225 млн. и доходы в 210 млн.), то, следовательно, дефицит составит 15 млн. франков. Многие исследователи поставили под сомнение счета аббата Террэ и сопоставили их со счетами Тюрго. Однако в целом они совпали.

В первом счете Тюрго пересчитывает доходы с превышением в 11 млн., а расходы с превышением в 32 млн., из чего такой автор, как Фонсен, заключает, что Террэ занимается обманом. Но следует принять во внимание, что Тюрго показывает среди расходов 15 млн. франков, идущие на погашение долгов, которые Террэ не учитывает. Если не считать эти 15 млн., тогда окажется, что расходы преуменьшены лишь на 17 млн., но, с другой стороны, следует учитывать также и занижение доходов, и тогда разница в целом составит лишь 6—7 млн. франков, что не превышает обычно возможных ошибок или расхождений в расчетах двух канцелярий (к тому же эта цифра приблизительно соответствует сумме непредвиденных расходов). Если в конце концов остановиться на первой цифре [дефицита] Террэ, для 1774 г., более высокой, чем у Тюрго (без погашения долгов), то мы приходим к выводу, что дефицит составлял менее 13% суммы бюджетных расходов, тоже заниженной.

Сметные предположения Тюрго на 1775 г., где принимаются во внимание различные меры бюджетной политики, предусматривают дефицит в размере 21 500 тыс. франков при расходах в 235 млн., без учета 15 млн. франков на погашение долгов, следовательно, дефицит составляет менее 9% суммы бюджетных расходов, а если не брать во внимание искажение, то несколько более 5%. Итак, в начале царствования Людовика XV дефицит достигал примерно 50%, тогда как в 1789 г. он составит всего 20% расходов [1].

Подобная ситуация, рассмотренная, как мы подчеркиваем, только с бюджетной и финансовой точек зрения, не таила в себе ничего драматического. Франция в ту эпоху могла выдержать дефицит в размере 20 млн. В пересчете по нашему индексу, при всех прочих равных условиях, он составил бы сегодня лишь 40 млрд. Можно также допустить, что, если бы тогда сочли необходимым ликвидировать этот дефицит и добиться полного равновесия бюджета, такая задача не была бы невыполнимой (как мы увидим дальше, проблема на самом деле состояла в ином). Это относительно благоприятное впечатление заметно усиливается, если рассматривать эволюцию дефицита за последние несколько лет. В финансовых вопросах всегда самое важное принимать во внимание не абсолютное значение цифр, взятых

1 Однако следует отметить, что, по мнению Калонна, в эти расчеты следует внести определенные коррективы и увеличить дефицит на 12 400 000 франков, иными словами, дефицит в целом составлял 40 218 443 франка. («Recueil des Comptes Rendus», p. 111.)

на какую-нибудь определенную дату, а видеть ситуацию в развитии. Линия всегда более показательна, чем одна точка. Итак, рассматриваемый дефицит порядка 20—30 млн. является остатком гораздо большего дефицита в 100 млн. франков. Методы управления аббата Террэ, умевшего «резать, как бритва», и правда позволили «срéзать» с дефицита 80 млн. франков, причем 60 млн. за счет использования новых источников доходов, что сегодня назвали бы суперфискальной системой, а 20 млн. за счет уменьшения государственных долгов благодаря операциям, условно названным банкротствами. Подобное определение нельзя назвать ни совершенно неуместным, ни действительно оправданным [1].

1 Цифра 80 млн. франков, указанная Террэ в его памятной записке Людовику XVI, может нас удивить, так как мы посчитали (вместе с ним) дефицит 1763 г. в 76 млн. Это расхождение объясняется появлением новых расходов. Итак, если мы просто сопоставим дефициты 1774 и 1769 гг., то выявим разницу всего в 50 млн. франков, что все же обозначает его сокращение на $^2/_3$.

Сама цифра 80 млн. франков, состоящая из 60 млн. дополнительных доходов и 20 млн. погашения долгов, приблизительно верна, хотя последующие расчеты несколько запутанны. В этом можно убедиться следующим образом. В счете 1772 г. в статье «Временное прекращение или уменьшение платежей» («Suspension et retrachements») Террэ называет 38 630 тыс. франков, но в эту сумму он включает долги, погашение которых отсрочено, то есть 17 млн. франков. Он сам справедливо замечает по этому поводу, что это нельзя назвать экономией в истинном смысле этого слова. Следовательно, возможно, хотя Террэ этого и не поясняет, что в своей смете на 1774 г. он вычел из общего итога суммы, идущие в погашение долгов, что завышает реальную цифру на более чем 20 млн. Проведение подобной операции свидетельствует о том, что Террэ не чужды чисто бюджетные понятия.

В том же счете за 1772 г. он в статье «Новые налоги» вновь повторно упоминает 25 100 тыс. франков, а в статье «Улучшения» (где он, кстати, путает фискальные доходы и доходы с доменов) — 11 319 тыс., то есть всего 36 419 тыс., но некоторые из подобных оценок немного занижены. Как, однако, понять разницу между этой последней цифрой и суммой 60 млн. франков? Она объясняется, помимо значительного занижения оценок, благоприятной эволюцией доходов и изменением условий новых арендных договоров с генеральными откупщиками. Таким образом, общая сумма доходов в 1775 г. возросла до 366 879 тыс. франков против прежних 348 279 570 франков, то есть увеличилась на 18 600 тыс., и, если добавить ее к сумме, полученной в 1772 г., она составит приблизительно 55 млн. франков. Бесполезно добиваться еще большей точности и забираться в дебри статей расходов.

Итак, общие данные в счетах Террэ отнюдь не кажутся нам произвольными, и, не считая кое-каких деталей, их не могут опровергнуть расчеты Тюрго. Поэтому трудно понять суровость суждений некоторых авторов, которые основываются лишь на счетах 1772 г. Готовя эти счета, Террэ надеялся ограничить дефицит 5 млн. франков; ему не удалось добиться этого из-за новых расходов и невозможности осуществить намеченную экономию за счет уменьшения военных расходов. В этом нет ничего необычного. «В более поздней памятной записке аббат признался, — довольно объективно отмечает Шелль (S c h e l l e, t. IV, p. 12), — что

При изыскании источников доходов Террэ показал себя предвестником современных методов, так как отдавал предпочтение косвенному налогу, обеспечивающему высокую доходность в кратчайшие сроки. При этом он не подрывает основ экономики и вызывает наименьшее психологическое раздражение. Его анализ этого вопроса, сходный с анализом Монтескьё, *является шедевром ясности, и даже сегодня к нему почти нечего добавить.*

«Налоги на расходы наименее обременительны... они взимаются постепенно и, так сказать, незаметно». Он замечает, однако, что их взимание связано с наибольшими издержками. Поземельный налог или налог на доходы от пользования землей (земельные доходы в ту эпоху были наиболее значительными) можно брать в расчет только в случае, если его размеры скромны. А это означает, что в той ситуации понадобилось бы 18 двадцатин... Однако косвенный налог следует дифференцировать: продукты первой необходимости (зерно) должны быть от него освобождены, скот должен облагаться очень незначительно, вино — немного больше, грубые ткани — очень мало, а предметы роскоши — очень высоко и т. д. Террэ, известный своим циничным умом, отнюдь не отвергает социальной точки зрения. «Жителей деревень не придется щадить при сборе налогов этого рода», как «самый многочисленный и самый бедный класс», что, кстати, очень удачно соответствует чисто практическим соображениям: «взимание с них налогов обошлось бы слишком дорого и было бы вообще почти невозможно». Таким образом, он забавным окольным путем присоединился к предрассудку физиократов и самого Тюрго, настроенных против горожан: «Богачи и буржуа там бездельники и лентяи; они собираются в городах только для развлечений». И вот снова появляется циник: «Если они найдут налог слишком тяжелым, жизнь в деревне их от него освободит». Террэ даже приводит в пример Англию (*ибо если в этой стране прямой налог сосредоточен на поземельном доходе* — к радости физиократов, — то

фактически расходы превысили все оценки». Слово «признался» нам кажется здесь неуместным. Мы считаем также слишком суровым суждение этого автора, когда он пишет: «Аббат Террэ оставил государственные финансы в плачевном состоянии» (p. 65).

Другие критики опираются на «реальные сметы» 1774 г., но они безнадежно запутались в понятиях «бюджет» и «казначейство». Так, Буато, говоря о дефиците, называет 48 млн. фр., покрытых полученными вперед доходами. Но одновременно он указывает «суммы, идущие в погашение долгов и на осуществление особых платежей», в размере 75 млн. (Boiteau. La France en 1789, p. 395.) Идя еще дальше по этому пути, Фонсен считает, что Террэ «утаил» 80 млн. франков потерь на доходах и 120 млн. превышения расходов, «убийственные цифры», добавляет он, но совершенно абсурдные (p. 79).

и косвенное обложение применяется не менее широко), он склоняется к теории «populationniste et travailliste» (могущество государства зависит от многочисленности его жителей и того, чем государство сумеет занять их руки), а основы этой теории заложены в трудах Такера и Галиани, которых так ценит Тюрго [1]. При своей дерзости Террэ чувствовал бы себя непринужденно в любую эпоху и перед любой проблемой. Налог на капитал не испугал бы его. «Подобный налог — единственный, который может настигнуть частное лицо, чье богатство спрятано в его бумажнике». Наконец, он с поразительной четкостью формулирует *извечный принцип финансового прагматизма*: преимущество старых налогов («народ, привыкший к какому-либо налогу, встречает замену его другим лишь как более тяжкое бремя»), страх перед неизвестным («мы знаем, какой доход приносит существующий налог, а его замена, возможно, даст меньше») и, наконец, главная забота — о ежедневном поступлении дохода («которая не допускает риска приостановить поступления хотя бы на один день»).

Хотя Террэ и отдавал предпочтение налогу на расходы, он сумел добиться довольно значительных поступлений и от прямого налога, и в этом случае ему прекрасно удалось увязать *заботу о доходности с заботой о справедливости*. Так было, например, с обложением капитацией * парижской буржуазии — *практика взимания этого налога допускала многочисленные* случаи освобождения от него и предоставления незаконных льгот. Но благодаря удачной переписи населения Террэ поднял доход от взимания этого налога с 850 тыс. до 1400 тыс. франков. Так же было и с двадцатинами. С одной стороны, он обеспечил их продление и отменил невероятное распоряжение об их замораживании, принятое парламентами. С другой стороны, он приказал провести генеральную ревизию всех земель, подлежащих обложению, что должно было, по его мнению, повысить доходность налога на одну девятую. Он *постоянно противился* всем предложениям получить такое же увеличение более *легким путем — путем пропорционального обложения*, что только увеличило бы неравенство.

В ноябрьском эдикте 1771 г., посвященном этому вопросу, и в последующих инструкциях можно с полным основанием

1 См.: E Faure. Les Bases expérimentales et doctrinales de la politique économique de Turgot.

* Капитация — чрезвычайный налог на доход, в принципе ложившийся на все население и доходивший до 7% дохода. Был учрежден в начале войны за Испанское наследство, причем привилегированные классы легко приобретали освобождение и облегчение, и вся тяжесть ложилась даже не на богатую буржуазию, а на разоренную народную массу. — *Прим. ред.*

усмотреть прогресс в деле установления справедливого налогообложения и даже некий этап на пути к введению поземельного налога, «бесконечные преимущества» которого для счастья и спокойствия народа подчеркивает аббат Террэ, как истинный физиократ, хотя и без всякого теоретического обоснования. Этот вынесший столько нападок министр написал собственной рукой на письме некоего интенданта: «Я больше стараюсь добиться равенства в распределении налога, чем точной уплаты двадцатины». Увеличивать доходность налогообложения путем более справедливого распределения, а не его увеличения — это тоже способ остаться верным доктрине безболезненного налога. Случается, однако, что при осуществлении этих принципов Террэ прибегает к таким мерам, которые идут вразрез с поставленными им целями. Он больше всего любит непредвиденные доходы, которые вызывают лишь умеренное недовольство или затрагивают лишь одну категорию людей, — по крайней мере так он думает, — но накопление которых дает немалый результат. Порой речь идет о безобидных обложениях вроде платы за клеймение, оставшейся лишь в проекте, налога на крахмал, на бумагу и картон и т. д. Порой эти реформы очень разумны, вроде таких, как взимание сотого денье с ливра доходов от должностей, запись ипотек. В других случаях Террэ вопреки своему обыкновению шел на риск вызвать негодование и осуждение, совершенно несоразмерные с получаемой выгодой: таковы сдача в аренду частных владений, о которой мы уже говорили, или перепродажа государством должностей, уже купленных провинциями. Это была низкая и возмутительная махинация, которая стала предметом знаменитого диалога Террэ с синдиком Лангедока.

«Но месье, это значит взять из чужого кармана!

— Откуда же вы хотите, чтобы я брал?» [1]

Что же касается статьи уменьшения долгов, то действия Террэ представляют собой необыкновенную смесь дерзости и осторожности. По образцу безболезненного налога он ищет способов безболезненного банкротства и действительно находит его. Он сокращает на 15—30% пенсии, размером свыше 600 ливров, что, с одной стороны, затрагивает интересы людей состоятельных или получающих их в силу злоупотребления, но зато, с другой — увеличивает число тех, кто слишком громко кричит или имеет некоторое влияние. Он решает сэкономить на погашении долга (17 млн.)... и в то же время погасить его, попросту урезывая бессрочные ренты на 1/15, а пожизненные ренты на 1/10 и, наконец, самовольно сокращая процентную ставку по некоторым займам. Если хотите, это банкротство и нарушение

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 184.

контракта; но эта мера по своему значению не отличается от взимания налога, а можно было ожидать и худшего: «Кредиторы государства немало натерпелись от грозного аббата, но все же еще больше боялись его падения». К тому же многие из них покупали [государственные бумаги] значительно ниже номинальной цены [1]. Самая суровая мера Террэ касалась казначейства — это временное прекращение платежей по некоторым государственным обязательствам частного характера, по предписаниям генеральных сборщиков и билетам генеральных откупщиков, что составляло около 120—130 млн. франков. Аналогичная мера была принята в 1750 г. Силуэттом и не принесла ему удачи [2]. Террэ отделался легче. Хотя и слышались толки о разорениях, самоубийствах, о безвинных страдальцах, большая часть этих векселей оказалась в руках финансистов и была скорее орудием ажиотажа, чем накопления; широкая публика такими делами не интересовалась. Издатель «Мемуаров» Террэ отмечает, что это дело совпало с падением цен на хлеб и «народ, которого лишь косвенно коснулись последние выпады этого министра, не питал к нему такой неприязни, как остальная публика». К тому же распространился слух, будто Террэ пришлось прибегнуть к такому маневру, чтобы избежать ловушки, расставленной ему партией Шуазеля, и некоторые даже одобряли его за ловкий ход. «Каким бы возмутительным ни было это вероломство, — пишет Монтийон, — оно не очень повредило ему в общественном мнении, не только потому, что ему уже почти нечего было терять, но и потому, что он вынужден был принять это решение» [3].

Без сомнения, Террэ хотел расширить и укрепить свое дело, приложив все силы, чтобы добиться экономии в бюджете. Мож-

1 Marion. Op. cit., t. I, p. 255; Véri. Op. cit., t. I, p. 113.

2 «Не было другого министра финансов, который имел бы более блестящую репутацию, так быстро приобретенную и еще быстрее потерянную. Им восхищались и восхваляли его за опрометчивые и несправедливые распоряжения, но осудили и возненавидели за распоряжения справедливые и нравственные». (Montyon. Op. cit., p. 144.)

3 Terray. Mémoires, p. 23; Montyon. Op. cit., p. 164. Эти два автора дают в целом сходные версии. По словам Монтийона, враги Террэ заставили его написать письма разным людям, где он ручался своей честью, что не отсрочит платежей по этим долговым обязательствам, а ему обещали взамен обеспечить их возобновление. Когда это обещание не было выполнено, аббат Террэ не раздумывая нарушил свое. Согласно «Мемуарам» Террэ, г-н де Лаборд (Ла Борд), придворный банкир, человек Шуазеля, обещал предоставить Террэ необходимую ссуду для уплаты жалованья войскам, а потом отказал ему в кредитах. Тогда Террэ, минуя Совет, получил разрешение короля на отсрочку платежей и к тому же хитро мотивировал ее необходимостью покрыть расходы на уплату жалованья войскам.

но себе представить, что могла бы сделать жестокая энергия этого человека, направленная на достижение подобной цели. Надо отдать ему справедливость (хотя он на это и не рассчитывал): чтобы поднять этот вопрос, он не стал дожидаться начала нового царствования, когда, казалось (впрочем, напрасно), это будет более легким делом. Уже в 1770 г. он написал Людовику XV: «Если бы Ваше Величество дали приказ урезать на несколько миллионов расходы Вашего двора или министерства финансов, какое было бы счастье для государства!»[1] Несмотря на такое удачное начало, кажется, будто Террэ примирился с мотовством двора и даже попустительствовал ему: но разве можно было думать о том, чтобы проповедовать там воздержанность?

Он попытался отыграться на сокращении военных кредитов; в своей памятной записке 1772 г. он объявил о намерении серьезно урезать бюджет военного ведомства на 6 млн. франков и морского — на 5100 тыс., но эти суммы не были удержаны. С воцарением Людовика XVI аббат Террэ спешит развернуть перед ним план экономии, и его нельзя обвинить, что он следует моде: вполне естественно, что он воспользовался удобным случаем. «Публика прониклась идеей, что новый король захочет навести экономию, и аббат Террэ составил план экономии, чтобы представить королю»[2]. Но, как всегда дальновидный, Вери немного дальше добавляет: «Король, кажется, вовсе не так спешит, как вообразила публика».

Серьезный характер проектов экономии аббата Террэ подтверждается разговором, происшедшим у него с Мерси, влияние которого на королеву было ему хорошо известно: «Он заверил меня, что будет всегда повиноваться приказам супруги дофина, но в то же время просил уговорить эту принцессу отказаться от всяких протекций или поступков, разорительных для финансов»[3].

В отчете от неизвестного числа, переданном Людовику XVI, вероятно, в июне 1774 г., Террэ возвращается к мысли о сокращении расходов военного и морского ведомства и останавливается на вопросе о королевском дворе: «Вашему Величеству необходимо отдать самые точные приказы, чтобы упорядочить расходы по Вашему двору, где командует уйма разных распорядителей, причем каждый устанавливает расходы совершенно произвольно. Следовало бы сократить столько привычных трат, исправить столько злоупотреблений, провести столько реформ...» Сам Тюрго не скажет лучше, а в конце концов, он и не сделает больше.

1 «Recueil des Comptes Rendus», p. 61.
2 Véri. Op. cit., t. I, p. 113 et 115.
3 Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 80.

Высказав эти соображения о чисто бюджетных проблемах, рассмотрим, как выглядит положение казначейства и что нам следует думать о государственном кредите. Эти данные поистине необходимы, чтобы в полной мере оценить «финансовые дела» (l'affaire de la finance), как говорили в то время. Найдем ли мы повод, чтобы отказаться от умеренного оптимизма, который мы пока сочли своим долгом высказать? Как будто — нет. Что касается казначейства, то аббат Террэ сократил антисипации, то есть досрочную трату доходов в счет следующего бюджетного года, со 154 млн. до 60 млн. франков (с максимальным уменьшением до 30 млн. в 1772 г.). Итак, фонды обеспечены на 1774 г., а также и на 1775 г. благодаря ассамблее духовенства. Это утверждение очень важно. Ведь оно исходит от министра, который в разгар деятельности надеется еще долго не покидать свой пост. Значит, он берет на себя ответственность за самое уязвимое место в своем деле и не может не сознавать всей его серьезности. Таким образом, установлено, что в этот период — 18 месяцев — Франции не угрожал никакой финансовый кризис. А затем, если ничего не изменится, доходы будут постепенно приближаться к расходам, однако еще недостаточно, и потребуется прибегнуть к некоторым уловкам. Во всяком случае, чувствуется уверенность, что впереди достаточно времени для длительной работы.

И наконец, государственный кредит; он вовсе не был в плачевном положении, как можно было бы подумать, но, наоборот, в весьма благоприятном. Операции, которые изображают нам как ужасные махинации министра—растратчика и банкрота, нисколько не подорвали доверия. Наоборот, оно возрождается. К тому же вековой опыт французских финансов показывает нам, что если общественное доверие легко спугнуть, то его без труда можно снова приручить. В том и в другом случае оно чувствительно к малейшему изменению. Оно не затрудняет себя моральными суждениями или особой сентиментальностью. Оно определяется чисто практическими соображениями. Пусть аббат Террэ очень неприятный человек, а Тюрго очень уважаемый администратор — это совсем не так важно. Вполне может случиться, что доверие будет оказано первому и в нем откажут второму. И мы на деле констатируем, что возвращение доверия и относительное улучшение государственного кредита не дожидались ни прихода Тюрго в министерство финансов, ни даже (что еще более примечательно) смерти Людовика XV. Эти два события могли лишь стимулировать такую тенденцию — кстати, второе больше, чем первое, — но она возникла еще в начале года. «Шесть месяцев аккуратности в платежах, — отмечает аббат де Вери, — и потребность заставлять деньги приносить доход дали королевской казне 3 млн. в *январе* этого года».

Эти успехи ошеломляют врагов аббата Террэ — если верить самому ярому из них — и даже профессиональных финансистов, среди которых было много недовольных: «Все деловые люди... спрашивали себя, как в то время, когда государство потеряло всякое доверие общества и несмотря на многочисленные случаи нарушения слова... государственные ценные бумаги поднимались в цене и с некоторых пор курс их держался на гораздо менее низком уровне...» [1] И Кокеро в пылу предубеждения находит только следующее нелепое объяснение: «Люди не могли себе представить, что он всегда хотел делать зло, и решили, что он захотел наконец исправить то, что натворил». Полемисты не понимают, что мнение вкладчиков не совпадает с мнением простонародья, ни с мнением привилегированных классов или профессионалов и что среднее общее мнение, даже если оно не очень благожелательно к аббату Террэ как человеку, отмечает все же практические результаты его управления и немедленно делает из них свои выводы.

Такова первая часть вопроса. А вот и вторая. «Когда Людовик XV умер, — продолжает Вери, — всеобщая молва об экономии в расходах настолько возродила доверие, что наплыв заимодавцев испугал аббата Террэ». Сейчас мы увидим осязаемые последствия этого возрождения. Была открыта подписка на заем, названный голландским, потому что он поначалу предназначался для голландцев, но впоследствии пришлось разрешить воспользоваться им и французам. Это был заем в форме пожизненной ренты, — форме, часто применявшейся при старом порядке и дававшей возможности для всякого рода злоупотреблений [2]. По словам того же Вери, после смерти Людовика XV подписка на заем достигла суммы 30—35 млн., затем подписку прекратили. Террэ не решался ее продолжать, так как предусмотренная указом сумма была превышена втрое, и даже с лихвой.

1 Terray. Op. cit., p. 123.

2 Аббат де Вери отмечает из них три: 1) превышение суммы, предписанной эдиктом; 2) предоставление пожизненной ренты в виде королевской милости (скрытая пенсия); 3) часть займа, подлежащую по контракту оплате из средств короля ($^{19}/_{40}$), которую полагалось погасить, сохраняли, чтобы затем перепродать с публичных торгов с убытком.

В последние годы старого порядка казначейство, находясь в отчаянном положении, соглашалось предоставлять все более благоприятные условия — в частности, право передавать или уступать ренту другому лицу, — и пожизненные ренты становятся все более обременительными. Во время займа Жоли де Флёри в 1782 г. швейцарские финансисты придумали любопытную махинацию, названную «девушки из Женевы». Заметив, что у особ женского пола из обеспеченного класса, живущих в этом здоровом климате, смертность весьма низка, они заключили контракты на выплату обратимой пожизненной ренты на имя 30 семилетних девочек, что обеспечивало получение ренты в течение сорока пяти лет. См. переписку Клавьера, цитируемую в: J. Bouchary. Les Manieurs d'Argent, p. 19.

Совокупность всех этих сведений позволяет нам заключить, что положение государственных финансов было если и не идеальным, то по меньшей мере самым обнадеживающим за все время истории старого порядка. Аббат Террэ не преминул подчеркнуть перед молодым королем важное значение тех улучшений, которые он внес за свое пятилетнее управление, но закончил свою памятную записку на почти тревожной ноте: «Только не разрешайте его откладывать (освобождение финансов), а то пропасть, в которую финансовое ведомство чуть не провалилось в 1770 г., не замедлит снова открыться». Это изменение тона легко объяснить субъективными причинами: аббат Террэ хочет дать понять, что больной еще нуждается в его заботах. Однако надо признать, что эта оценка не лишена объективности: конечно, уже проделан большой путь, но все же это скорее постепенное выздоровление, а не полное излечение. Аббату Террэ можно еще поставить в заслугу, что он выделяет два основных момента в поставленной задаче. Первый — что налоговое обложение доведено до максимума: «Все виды доходов достигли самого высокого уровня», следовательно, уже больше не остается нормальных и разумных средств, чтобы бороться с дефицитом. Второй — это соответственно необходимость ослабить налоговое давление, «освободить народ от части налогов, которые его совсем раздавили».

Террэ — в отличие от Тюрго — не дает экономического анализа необходимости ослабить налоговое бремя. В его бумагах мы не найдем никакого намека на развитие сельского хозяйства, на замену испольщины арендой и т. п. Но основная концепция у них одна и та же. Надо проводить экономию не только для того, чтобы предотвратить повторение того критического положения, какое сложилось в 1769 г., но и для того, чтобы иметь возможность облегчить бремя налогов. Итак, в час передачи полномочий, если мы и согласны с Монтийоном, сказавшим: «Мало людей, которых природа создала бы такими антиподами, как аббат Террэ и его преемник Тюрго», — мы в то же время утверждаем, что вопреки мнению очень многих [1] противоположность характеров этих людей никак не проявляется в их политике.

Разумеется, Тюрго не провел бы всех мероприятий, осуще-

1 «Этот план противостоял политике, которой следовал аббат Террэ, а следовательно, осуждал ее. (Gomel. Les causes financières de la Révolution française, p. 81.)

Шелль, напротив, считает, что «финансовая программа, которую Тюрго изложил королю, по существу не отличалась от программы аббата Террэ». (Schelle, t. IV, p. 21.)

ствленных Террэ, но он отвергает лишь самые ничтожные из них и с успехом пользуется достигнутым в целом оздоровлением. Конечно, Террэ делал займы, вводил налоги, прибегал к банкротствам, а убеждения Тюрго исключают эти три решения. Но обстоятельства изменились, и если Тюрго может сегодня «изгонять злых духов», то лишь потому, что аббат Террэ в свое время приносил им искупительные жертвоприношения. В каждый определенный период времени *объективно* существует та или иная политика министерства финансов, которую вынужден проводить хороший министр и которую волей-неволей он должен осуществлять с большей или меньшей удачей. И Тюрго как-то заметит, хотя и по другому поводу, что для определенного круга основных проблем генеральные контролеры располагают единственной неизменной доктриной[1].

Впрочем, в бытность Террэ министром Тюрго не критиковал его действий, а лишь отмечал их чрезмерную смелость («Он кончит тем, что сорвется»), но зато всегда осуждал Террэ за его экономическую политику (отмену свободы хлебной торговли) и, по-видимому, не считал Террэ человеком, достойным уважения. Переживая горечь отставки, Тюрго даже высказал о нем очень суровое суждение, когда прошел слух — очень странный, по правде сказать, — будто Морепа готовит возвращение аббата Террэ: «Даст бог, новые перемены не приведут к нам вновь аббата Террэ, которому воздают всяческую хвалу при дворе. Я уже давно говорил, что только этого возвращения не хватает для полной славы г-на Морепа, как славе Людовика XV не хватало женитьбы на г-же Дюбарри»[2]. В этом резком отзыве есть доля несправедливости и даже неблагодарности. Неужели Тюрго предпочел бы быть преемником Мэнона д'Энво?

Во всяком случае, во время своего правления Тюрго не помышлял о том, чтобы вернуться к прежнему. «Если Террэ действовал плохо, — сказал Сан-Бланс в вымышленном диалоге с Сенак де Мейланом, * — то почему его преемник не возвращает нам того, что тот у нас забрал?»[3]

1 См. третью часть, глава IV, «Шесть эдиктов».

2 Письмо герцогине д'Анвиль от 11 августа 1777 г.

* Сенак де Мейлан, Габриэль (1736—1803) — французский литератор и публицист. — *Прим. ред.*

3 Аббат Террэ презрел закон:
Мою урезал ренту он.
Сижу я на мели, как рак!
Банкротство осудил Тюрго
И мне вернет мое добро...
Ах, если б это было так!

Эпиграмма той эпохи. (Schelle, t. V, p. 133.)

ПОЗИЦИЯ ТЮРГО

Не только по содержанию, но и по тону доклад аббата Террэ становится своего рода введением к беседе Тюрго с королем и к его письму от 24 августа и помогает нам лучше понять позицию нового генерального контролера. Говоря об экономии, Тюрго старается связать свою позицию с позицией уходящего министра, с одной стороны, ради приличия, а с другой — чтобы придать ей больше веса. «Аббат Террэ, наверно, уже говорил об этом Вашему Величеству?» — «Да, он мне говорил, но говорил не так, как вы» [1].

Настойчивость, которую проявляет Тюрго как в разговоре с королем, так и в письме, касаясь чисто бюджетных вопросов, может привести нас к неправильным или преувеличенным заключениям относительно двух вопросов.

Мы могли бы подумать, что проблема бюджета и экономии, за которую Тюрго берется, как только отвлекается от налогов, займов и банкротств, будет основной его заботой на новом посту, центральным разделом его плана. Однако, не преуменьшая ее значения, мы утверждаем, что Тюрго больше экономист, чем финансист, и что ключевой проблемой для него был и всегда остается вопрос о хлебной торговле. Кстати, летописцы в этом не ошибаются. «Тюрго, — пишет Кокеро, — начинает заниматься предметом, который считает в то время самым главным и неотложным делом в своем управлении...» А в «Журналь историк» мы читаем: «Г-н Тюрго продолжает заниматься самой важной задачей своего министерства, то есть обеспечением пропитания народа»[2]. Если Тюрго в беседе утром 24 августа не останавливается на проблеме хлеба, то следует отметить, что только накануне он вел об этом долгий разговор с королем. В своем письме он тоже посвящает целый параграф этому вопросу. Если он менее подробно развивает эту тему и не так настойчиво возвращается к ней, как к вопросу о бюджете, то это еще и потому, что тут ему легче убедить короля. Людовик XVI очень одобрительно относился к новой хлебной политике не потому, что имел на этот счет собственное мнение, но потому, что слухи о лихоимстве предыдущего управления возбудили его подозрительность. В то же время по этому вопросу он не подвергается никакому давлению со стороны королевы и ее окружения, ибо такого рода реформы нисколько не угрожали их выдумкам и забавам.

1 Рассказ м-ль де Леспинас, см. выше, глава III.

2 «Journal historique», 21 octobre.

Второе впечатление, которое можно было бы вынести из беседы 24 августа, — это чрезвычайная серьезность финансового положения, но мы уже знаем, что́ следует о нем думать. Тем не менее несомненно, что Тюрго придает очень большое значение вопросу об урезывании расходов и торжественность его увещаний не только тактический прием, так как мы видели, что он советовался по этому вопросу с аббатом Вери и де Вермоном.

Если принять во внимание успокаивающие моменты, которые мы отмечали, мы думаем, что сможем проанализировать позицию Тюрго и в то же время объяснить его страстную настойчивость, выделив при этом три основных соображения:

1. Во-первых, Тюрго боится и будет всегда бояться возможности войны. Ему известно, что именно следовавшие одна за другой войны глубоко подорвали финансы страны и задержали ее экономическое развитие. Он готов сделать все, что в его силах, чтобы сохранить мир, но знает, что такие вещи не зависят от одного министра, даже очень влиятельного. Тюрго прекрасно понимает, что в нынешних условиях, в мирное время, в стране не будет кризисов. Но, как хороший министр финансов, он должен обеспечить себе запасные позиции. В случае несчастья, разумеется, придется прервать реформы, однако потом к ним можно будет вернуться. Без этих запасных позиций «первый пушечный выстрел приведет государство к банкротству».

2. Во-вторых, Тюрго не может удовлетвориться сведением дефицита до минимума, ни даже простым равновесием. Ему необходимо, чтобы доходы превышали расходы, что позволит облегчить бремя налогов. Конечно, прекращение злоупотреблений и более справедливое взимание налогов уже могут привести к облегчению, однако ему надо больше того. Он не углубляется здесь в проблему, но мы знаем его личную точку зрения на связь между облегчением налогового бремени и расширением сельскохозяйственного производства[1].

3. Наконец, last, but not least*, Тюрго отводит большое и законное место заботам морального порядка, которые не имеют чисто философского значения, но могут повлечь за собой прямые социальные последствия. Бывают разные расходы; расходы бесполезные, безнравственные и развращающие вызывают социальное нездоровье, которое может привести к беспорядкам. Сегодня мы понимаем, что народ гораздо легче переносил бы то же бремя налогов и такое же тяжелое финансовое положение, если бы все расходы были правильны и необходимы и если бы мотовство двора и махинации финансистов не происходили у него на глазах. Пока все это будет продолжаться, «власть не может быть спокойна, потому что ее никогда не будут любить».

1 См.: E. Faure Les Bases expérimentales et doctrinales de la politique économique de Turgot.

* Last, but not least (англ.) — последнее по счету, но не по важности. — *Прим. ред.*

При любом режиме и при любых обстоятельствах всякий министр финансов, решивший проводить экономию, будет неизбежно вынужден действовать двумя способами. Сначала он создаст некое устройство, дающее сигнал тревоги, чтобы от его контроля не могли ускользнуть никакие расходы. Затем взвесит все основные части бюджета, выделит те из них, в которых можно урезать расходы с наименьшими осложнениями, и в соответствии с этим составит план. Он, естественно, будет придавать меньше значения тому или иному мелкому сокращению, ограниченному спору из-за решения частного вопроса, чем приведению в действие механизма, способного давать регулярную экономию, возобновляемую из года в год и по возможности возрастающую. Как мы уже подчеркивали, бюджет — это динамичная наука.

Прежде всего безопасность; поэтому нас не удивляет, что Тюрго помнит о самой главной предосторожности: не дать себя окружить — сегодня мы сказали бы попросту, не дать себя обойти — министрам—распорядителям кредитов (ныне мы говорим без всякой игры слов — «министрам-растратчикам»). «Совершенно необходимо, чтобы Ваше Величество приказали распорядителям кредитов всех видов, чтобы они согласовывали свои действия с министром финансов». В случае надобности он обратится к арбитражу короля. Никаких новых расходов без «согласования» вопроса о том, из «каких средств они будут покрыты». (Сегодня — «закон о максимальных расходах», loi des maxima.)

Немного позже Тюрго решает ходатайствовать о дополнительной мере, а именно об отмене расписок или *предписаний о выплате денег наличными* (ordonnances au comptant). Речь идет о выплате денег на основании разрешений, даваемых либо королем, который писал своей рукой: «Я знаю, для чего нужны эти деньги», либо даже генеральным контролером и не содержавших ни обоснований, ни иных объяснений.

Минуя контроль Счетной палаты, эти расходы записывали в отдельную ведомость и включали в специальную книгу, переплетенную в красный сафьян — отсюда берет свое название «Красная книга», которая прославилась в 1790 г.[1] Посредст-

1 Stourm. Les Finances de l'Ancien Régime et de la Révolution, t. II, p. 153; Gomel. Op. cit., p. 93.

вом этих распоряжений часто оказывают милости, которые труднее всего оправдать. Случается также, что они придают необходимым расходам просто постыдный вид. «Среди этих распоряжений на предъявителя встречаются такие, которые можно было бы предать самой широкой гласности, и нельзя понять, как могли облечь их в такую форму, что ее одной достало бы, чтобы сделать их отвратительными», — пишет Тюрго в докладе от 23 октября 1774 г., заслужившем одобрение короля. Кажется, что эта практика прекратилась, во всяком случае сократилась, во время министерства Тюрго, но ее снова отмечают при Неккере, а с Калонном она воистину доходит до своего апогея.

Однако тут же возникает особый случай, который требует значительных кредитов, хотя он и не повторяется регулярно, речь идет о расходах, связанных с торжественной коронацией короля. Эта статья расхода превысит 7 млн., а это гораздо больше, чем ушло на последнюю церемонию такого рода, во-первых, потому, что жизнь с 1722 г. подорожала, а во-вторых, потому, что, кроме королевского двора, теперь существует еще и двор принцев. Тюрго не может упустить этот случай и не поспорить «для поддержания чести», прежде чем уступить. Можно было бы, доказывает он, добиться серьезной экономии, изменив место коронования и совершив его не в Реймсе, а в Париже, что даст к тому же два преимущества: улучшит торговлю (и косвенные сборы), ибо привлечет много иностранцев, и поразит воображение народа как блестящее доказательство желания оздоровить финансы. Несмотря на убедительность этих доводов, министр, как видно, не строил себе иллюзий, будто возможно нарушить высокую традицию под таким прозаическим предлогом, но публика, наверное, оценила бы его успех[1].

Тюрго покоряется, и ко времени отъезда в Реймс мы увидим, что он ограничится гораздо менее значительными мерами экономии, но применит свой излюбленный принцип свободы торговли.

Итак, он решил отказаться от прежней практики, названной Дюпоном «восточной предосторожностью» и состоявшей в заготовке некоторых «продовольственных запасов в приказном порядке». Он, напротив, решил позволить свободно вести торговлю и в виде поощрения освободил ее от сборов и пошлин

1 «Journal historique», 22 septembre, p. 193. Генеральные откупщики даже предложили дать 2 млн., а корпорация торговцев — 1 миллион, если коронация состоится в Париже. (Métra. Correspondance, t. I, p. 346, 3 mai 1775.)

на 8 дней до и 8 дней после церемонии[1]. Этот эксперимент, встревоживший, по словам Дюпона, консерваторов и сторонников регламентации, превосходно удался. В этом эпизоде мы видим, как дух осторожности и реализм сочетаются у Тюрго с убеждением в непогрешимости либерализма; прежде чем принять это решение, он обсудил с интендантом Шампани уроки опыта 1722 г., когда «продукты, доставленные торговцами, сделали совершенно ненужными запасы, с большими затратами созданные государством»[2].

Если мы рассмотрим теперь *планирование*, то сможем легко воссоздать основные идеи Тюрго (хотя он никогда не давал их систематического изложения): они были продиктованы логикой, проверены жизнью и, наконец, подтверждены некоторыми наблюдениями Дюпона. Изучение государственных счетов той эпохи показывает, что три крупных бюджетных статьи способны были выдержать значительные и регулярные сокращения, а именно:

расходы финансового управления в целом,
военные расходы,
расходы королевского двора.

Нельзя сказать, что другие министерские ведомства дают возможность добиться серьезной экономии: их расходы либо очень невелики, либо не поддаются сокращению, а чаще всего и невелики, и не могут ужиматься[3].

С другой стороны, существует управление, заслуживающее не урезывания, а сильного увеличения его расходов, — это ведомство общественных работ — опорный пункт политики экономической экспансии. На него ассигновано всего около 5 млн. франков. Мы знаем, какое значение придает ему Тюрго, и в этом вопросе министр не обманет надежд интенданта. Но мы знаем также, что он предполагает финансировать его из специального источника, который заменит дорожную повинность и преимущество которого состоит в попытке отмены привилегий. Мы остановимся на нем, когда будем говорить об этой крупной реформе.

1 Schelle, t. IV, p. 549; Du Pont. Op. cit., p 233.
2 Schelle, t. V, p. 714, 12 mai 1775.
3 Верн, однако, отмечает еще и бюджет министерства иностранных дел: хотя он ограничен 5 млн., но, по его мнению, можно было бы отменить кое-какие субсидии, предоставляемые Швейцарии, некоторым немецким князьям и, наконец, шведскому королю (1500 тыс.). Но это затрагивает вопросы государственной политики. Верженн склоняется скорее к увеличению этой суммы, чем к ее уменьшению. Тюрго как будто никогда не собирался затевать борьбу по этому поводу. К тому же он разделяет общую симпатию экономистов и либералов к шведскому королю. (Véri. Op. cit., p. 163.)

Отметим только, что все дело затянется надолго, слишком надолго, несмотря на упреки Кондорсе. Проект циркуляра, написанного 1 февраля, но не отправленного, свидетельствует, что король отнесся одобрительно к отмене дорожной повинности. Аббат де Вери говорит об этом 6 марта как о весьма актуальном деле. Лишь 6 мая циркуляр был наконец разослан на отзыв интендантам, мнение которых, несмотря на уверенность в своей правоте, Тюрго все же считал нужным выяснить. 28 июля вслед за циркуляром был послан проект декларации. Большинство ответов были благожелательными, хотя часто и с оговорками относительно обложения, которое следовало ввести. Единственное формальное возражение пришло из Франш-Конте, где существовала система подмены, которая всех удовлетворяла. Обязанные дорожной повинностью могли найти себе замену за свой счет, или выполнять работу сами, или посылать за себя своих слуг: «В деревне гораздо больше свободных дней, чем лишних денег».

Эту медлительность Тюрго можно, конечно, объяснить его перегруженностью делами из-за эпизоотии и потом его вынужденной неподвижностью. Быть может, его также смущали возражения, высказанные ранее Трюденом (отцом) и повторенные затем Трюденом де Монтиньи (сыном), которому генеральный контролер полностью доверял, а тот сильно опасался, как бы в дальнейшем этот «дорожный фонд» не был растрачен на другие государственные нужды. Мы знаем, что если Тюрго легко отметает возражения людей несведущих или своих противников, то он всегда относится с большим вниманием к мнению своих друзей. По существу, он часто презирает не возражения, а возражающих.

РАСХОДЫ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Расходы министерства финансов составляют самую значительную часть из рассматриваемых нами бюджетных статей. С другой стороны, именно в этой области министр обладает если не наибольшими возможностями, ибо это зависит от обстоятельств, то по крайней мере наибольшей независимостью при составлении и осуществлении плана экономии, ибо это входит в его личную компетенцию и ему не приходится убеждать и подталкивать «министра—распорядителя кредитов». Под термином финансовые расходы, lato sensu (в широком смысле), мы понимаем, с одной стороны, стоимость займов и, с другой —

издержки взимания доходов. Государство платит за то, что получает от других деньги, которые должно будет вернуть. Но оно платит и для того, чтобы получить то, что ему должны в виде налогов или доходов с доменов.

Расходы, связанные с выплатой кредитов, очень тяжелы. По первой смете Тюрго на 1773 г., они включали более чем 93 млн. франков на оплату бессрочных и пожизненных рент; около 27 млн. франков на многочисленные расходы, именуемые «Проценты на суммы, забранные вперед, и вознаграждение за участие» — определение, применяемое к разным случаям,— таковы авансы, предоставляемые генеральными откупщиками, и авансы в счет общих доходов; частные откупа и управления, займы, заключенные государством, и совокупность разных расходов, на Ост-Индскую компанию, выплату герцогу Орлеанскому и принцу Конде задолженности по процентам на приданое и т. д. Общая сумма этих расходов на займы и казначейство доходила до 120 млн., то есть равнялась 30% всего бюджета[1]. Но эта смета далеко не полная[2].

Подобная цифра должна дать кое-какие возможности для сокращения. Тюрго всегда придавал большое значение снижению платы за заем денег, рассматривая его скорее с точки зрения экономического развития, чем государственного кредита. Наступило время снова вернуться к этому вопросу в общегосударственном плане, комбинируя эти две возможности. И он не преминул этим заняться. Мы знаем также, что его политике с самого начала благоприятствовали успехи, достигнутые аббатом Террэ в управлении финансами. Политика сокращения расходов — неизбежно политика дальнего прицела; она может привести к положительным результатам лишь постепенно, да и результаты эти могут быть очень ограниченными в отношении консолидированного государственного долга, так как по бессрочным рентам выплачивается максимум 5%, а столь обременительные для государства пожизненные ренты не могут быть погашены. Так же и государственные векселя откупщикам и большинство государственных управлений предполагают умеренный процент. Результаты будут заметны только в следующий период, в форме снижения на 1 пункт, что позволит провести конверсию некоторых государственных займов — по ним будут выплачиваться не 5%, а 4% годовых.

---

1 В Англии она еще более высока (200 млн. франков, то есть 3/5 бюджета), во Франции в 1936 г. — 46%, но она ниже в нынешнем французском бюджете.

2 Так, мы не обнаруживаем в ней следов 15 млн. франков аванса, выданного казначеями морского ведомства, чтобы ускорить восстановление этого департамента, — суммы, упомянутой в записке Тюрго, посланной Верженну, во время дела с голландским займом. См. далее.

С другой стороны, существует целая категория операций, связанных с более тяжелыми расходами, — это краткосрочные векселя, создающие. так сказать, неотвержденный долг, *антисипации* (налоги, забранные вперед) — настоящая кавалерия. Для этих операций, производимых профессиональными финансистами, сохраняется более высокий процент. В 1776 г. он достигает еще 6—7%; по этой причине Тюрго и приходит к решению заключить соглашение о займе в Голландии.

Но к этому мы еще вернемся.

А тем временем Тюрго уже успел добиться серьезной экономии на самых тяжелых расходах, сделав двойной ход: он вдвое уменьшил сумму антисипаций (с 78 до 39 млн. франков) и немного снизил процентные ставки. Таким образом, по словам Дюпона, расходы составили лишь 3040 тыс., и, сравнив эту цифру со средней цифрой соответствующих расходов за предшествующие одиннадцать лет, он заключает, что экономия достигла 5750 тыс. франков. Вери приводит приблизительно аналогичные цифры[1]. В официальных счетах расходы по статье «Проценты и выплаты комиссионных по различным услугам» сокращаются с 8 млн. в докладе Террэ до 6 млн. в сметных предположениях на 1776 г. и до 3 млн. в сметных предположениях на 1777г.[2]

Помимо этих крупных мероприятий, Тюрго и его сотрудники стараются ликвидировать целую серию мелких злоупотреблений, куртажных комиссионных, ажио, до тех пор либо тонувших среди множества дел, либо покрываемых благодаря попустительству, царившему вокруг аббата Террэ. Так, по свидетельству аббата де Вери, бюджет военного ведомства был сокращен на 400 или 500 тыс. франков, выдававшихся казначеям на оплату фиктивных процентов на *якобы полученные авансы* (такие сделки с подставными кредиторами — постоянное явление в периоды безденежья). Де Вэн нашел швейцарского банкира, честно выполнившего за 9 тыс. франков операцию, за которую другой банкир выписывал счет на 45 тыс., ссылаясь на непонятные затруднения с «устойчивой и неустойчивой валютой». Вери отмечает также ликвидацию Кассы погашения государственных долгов, которая стала ненужной[3].

1 См.: Du Pont. Op. cit., t. I, p. 270. Общая цифра расходов за 11 лет равна 95 548 тыс., следовательно, средняя цифра — 8686 тыс.

2 Они были снижены до 3 млн. в счетах 1772 г. Увеличение на 5 млн. указано в докладе под рубрикой «Банковские и квартальные расходы».

3 Ей полагалось получать десятину и вносить ее в государственную казну, но посредничеством кассы уже давно не пользовались. Начальник кассы Дюбю де Лоншан оставался на этой должности лишь потому,

Эти победы, одержанные Тюрго в области экономии, дали повод Вери и самому Морена (узнавшему о них от Вери) укорять Тюрго за его чрезмерную скромность и досадное пренебрежение к собственной популярности. «Я предложил г-ну Тюрго напечатать список всех его достижений в деле экономии. «Это значило бы набивать себе цену, а я не люблю такого поведения», — ответил он».

Гораздо труднее оценить величину поступлений от налогов, чем суммы долгов. Наличие системы откупов приводит к тому, что большая часть этих поступлений не может быть учтена системой государственного счетоводства. Откупщики инкассируют валовые поступления, а государство учитывает чистые. Неккер подготовил тщательный расчет по основным статьям и оценил общую сумму поступлений в 58 млн. франков при общей сумме дохода 585 млн., то есть 10%, что дало бы в цифрах 1774 г. 37 млн. Процент кажется еще очень высоким. Но сама цифра, несомненно, больше, ибо повышение суммы доходов не повлекло за собой соответствующего повышения расходов на взимание налогов и Неккер осуществил некоторую реформу откупов.

Что касается налогов, не сдаваемых на откуп, то ощутимой экономии можно было ожидать лишь в случае проведения реформы, упрощающей самый налог, и именно таким был план Тюрго. А пока он удовольствовался мелкими, однако очень полезными мерами: отменой системы чередования сборщиков тальи, которые сменяли друг друга каждый год, что приводило к неувязкам и двойной оплате должностей; отменой контор генерального сборщика капитации и двадцатин, особых сборщиков капитации королевского двора (замененных шестью сборщиками налогов)[1]. Он подготовлял также в связи с ре-

что его жена была воспитательницей внебрачных детей Людовика XV. Тюрго добился его смещения, о чем, кстати, просил и Террэ. См. ниже.

С этим вопросом можно связать дело (впрочем, довольно темное) о предполагаемом упразднении должности банкира королевского двора. О нем упоминает Дюпон, но оно состоялось официально лишь в 1778 г. Этому банкиру вначале вменялось в обязанность осуществлять переводы международных платежей, но впоследствии он присвоил себе монопольное право на торговые операции с королевскими ценными бумагами и на поставку драгоценных металлов для чеканки монет. Кажется, во втором случае свобода торговли была восстановлена. Шелль не смог отыскать постановления Совета по этому поводу, хотя о нем упоминает «Gazette de Leyde» от 14 октября. (Schelle, t. IV, p. 147.)

Что касается торговли ценными бумагами, то Тюрго, по-видимому, удовлетворяется тем, что перестает прибегать к услугам этого банкира.

1 Об этих мерах и некоторых других им подобных, следовавших одна за другой с января по август 1775 г., см.: Schelle, t. IV, p. 282 et suiv.

формой перевозок пассажиров, почты и товаров (messageries) отмену казначеев и генеральных сборщиков министерства финансов.

Что касается государственных доходов, сдаваемых на откуп, то независимо от всякой фундаментальной реформы вставал основной вопрос: не следует ли упразднить самые генеральные откупа, власть которых с начала царствования Людовика XV распространялась на большинство косвенных налогов и доходы от доменов (кроме лесов), и передать взимание последних в руки государства? Мы уже знаем, что Тюрго прибегал к этому средству во многих случаях: с доменами, ипотеками, производством пороха; дальше мы увидим, как эту же меру применят для почтово-пассажирских перевозок, и каждый раз она выгодна для государства.

На первый взгляд кажется, что отмена откупов должна привести к менее дорогостоящему управлению. Откупщик, конечно, стремится обеспечить себе самую большую выгоду. С другой стороны, можно заключить, что поэтому он проявляет больше усердия и настойчивости, чем всякий управляющий, и что он собирает со всех налогоплательщиков более высокие платежи. Приведенные нами примеры как будто подтверждают преимущество государственного управления. Однако попытка ввести такое управление, предпринятая после системы Джона Лоу, дала плачевные результаты, но после столь тяжелой встряски для такого опыта создались самые неблагоприятные условия.

Сегодня нам представляется, что решение этой проблемы зависит от одного объективного фактора — значительности барышей откупа. Если барыши невелики, они могут оказаться недостаточными, чтобы компенсировать недобор поступлений вследствие менее суровых методов нажима и менее корыстных побуждений. Если, напротив, барыши велики, тогда разумно предусмотреть, что эта сумма будет разделена между государством и налогоплательщиком: последний заплатит немного меньше, чем прежде, а государство получит больше.

Каковы же на деле барыши, получаемые откупщиками? Они и не так значительны, и далеко не так скандальны, как представлялось общественному мнению, судившему по роскошной жизни некоторых откупщиков[1].

На деле условия арендных договоров были очень серьезно продуманы той и другой стороной, расчеты были сделаны очень точно, и в частности договор, заключенный Террэ с Лораном

1 Гримо де Ла Реньер, построивший Елисейский дворец, сделал для своих лошадей серебряные кормушки; Буре, давая званые обеды, ставил по два букета для каждой из приглашенных дам: один из цветов, другой из драгоценных камней, и т. д.

и Давидом в 1774 г., вопреки вызванной им поверхностной критике, не допускал никаких послаблений [1].

Прежде всего следует отметить, что еще до получения собственно барышей откупщики уже получают высокий процент на свой капитал (10% на сумму до 60 млн. ливров, а затем 6%) и жалованье (вознаграждение за участие и подарки) в 26 тыс. ливров в год плюс оплату расходов на содержание контор и поездки[2]. Согласно цифрам, сообщенным Дюпоном, прибыль от предыдущего договора (договор Алатерра) ограничивалась 10 550 тыс. ливров, из которых 3165 тыс. шли государству, а 7385 тыс. — откупщикам; сумма, если разделить ее на 6 лет, была не так уж велика. Напротив, договор Давида вследствие лучшей экономической конъюнктуры в период его действия принес 60 млн., из них 14 400 тыс. пошло королю (согласно довольно сложной нисходящей системе дележа) и 45 600 тыс. генеральным откупщикам. Эта цифра, хотя она и гораздо выше, составляет все же менее 8 млн. ливров в год на общую сумму дохода 152 млн., однако ее должно быть достаточно, чтобы покрыть недобор поступлений, возможный при реформе. Но судить об этом можно только к концу действия договора, а в 1774 г. еще слишком рано составлять себе мнение, хотя Тюрго однажды и говорил об убыточной цене (prix lésionnaire) [3].

Впрочем, умы того времени совсем не склонны заниматься рассмотрением этой проблемы. Они не подготовлены к пониманию экономической экспансии и не сомневаются в преимуществе и доходности системы откупов, даже несмотря на ее злоупотребления. Вери видит в практике «расширительного толкования» (extensions)* и «страхе, который внушает плательщику всякий служащий откупа», «источник большого роста доходов» и считает, что в случае изменения этой системы

1 Арендный договор Лорана — Давида предусматривал увеличение налога на 20 млн. Вопреки, по-видимому, необоснованному мнению аббата Вери, который оценивал это увеличение налога в 50 млн., Лавуазье называет цифру 25 млн. для надбавок и 8 млн. для удержаний. Таким образом, этот договор при всех равных условиях был немного выгодней предыдущего, который оставлял откупщикам, как мы увидим далее, мало барышей. После подписания договора постановление Совета утвердило следующее распределение барышей:
5/10 — до 4 млн ливров
4/10 — от 4 до 8 млн ливров
2/10 — свыше 12 млн. ливров.
Предыдущий договор также содержал распределение сверхбарышей. (Marion. Op. cit., t. I, p. 274 et suiv.; Schelle, t. IV, p. 13.)

2 По подсчетам Мольена (Mollien. Mémoires), доход генеральных откупщиков равнялся приблизительно 300 тыс. в год на человека.

3 «Законная причина крайнего убытка — в цене».

* См. прим. 2 на с. 193. — *Прим. ред.*

королевская казна потеряет от 15 до 20 млн. Неккер, который наполовину осуществит эту реформу, доводит свое фрондерство до того, что заявляет: «Вдумчивый и бдительный финансовый администратор...» может хорошо вести работу, даже не будучи лично заинтересованным, но в то же время он опасается за выбор чиновников в годы всемогущества всяких протекций; итак, он приходит к заключению в пользу государственного управления с финансовой гарантией и личной заинтересованностью, которую он, кстати, и ввел в практику[1].

Сам Тюрго, несмотря на успех его других экспериментов, отнюдь не утверждает, что взимание налогов государством будет выгоднее откупов; самое большее, на что он надеется,— это сохранить прежний доход. «С помощью бдительности и экономии в управлении можно будет восполнять потери, не отступая при взимании сборов от ставок, установленных законом». Но он отказывался рассматривать проблему только с точки зрения доходности, и в этом его самая большая оригинальность. Рассуждения Тюрго приводят его к альтернативе: если откупщики действуют законно, мы можем поступать точно так же; если они действуют незаконно, мы не можем перенимать их методы. «Если мы потерпим убыток, перестав действовать незаконно, надо примириться с ним и искать законного способа его покрыть. *В этом состоит служебный долг*». И это, как мы уже отмечали, не просто точка зрения моралиста. Тюрго убежден, что лихоимство и несправедливость, не говоря об отвращении, которое он к ним питает, приводят людей в отчаяние и препятствуют экономическому прогрессу.

Обсуждения, которые мы изложили выше, происходили в ноябре 1775 г.[2] В это время его проект «еще держится в секрете» и остается таким до конца, но он далеко не нов. Нам кажется вероятным, что с первых дней прихода в министерство, с первых попыток решения «бюджетного вопроса» Тюрго уже держал в уме упразднение откупов.

Но Тюрго и в этом случае решает проявить осторожность и действовать поэтапно. В самом деле, осуществление радикальной реформы связано с большими трудностями, имеются причины и для серьезных колебаний. Можно задать себе вопрос:

1 Necker. Administration des Finances, t. I, p. 139. Он делит откупное ведомство на три части: *генеральные откупа*, в форме управления, получающего вознаграждение и дивиденды, король же получает определенный минимум, *генеральное управление косвенных налогов* с управляющими, состоящими на жалованье, и системой возрастающей комиссионной оплаты; и, наконец, *домены*, с состоящими на жалованье администраторами, заинтересованными, однако, в доходах выше определенной суммы.

2 Они записаны Вери 25 ноября. См.: Véri. Op. cit., t. I, p 371 et suiv., p. 378 et suiv.

не следует ли связать это дело с реформой самого налога, и прежде всего габели, соляной подати? С другой стороны, если даже отбросить боязнь недобора налога, остается 90 млн. государственного долга генеральным откупщикам. Как его возместить? Или как его не возмещать? Судя по разговору с Вери, Тюрго хладнокровно обдумывает, как рассрочить покрытие этого долга на десять лет, пренебрегая воплями возмущения, которые не замедлят последовать и рупором которых становится сам Вери, рассуждая в поразительном для нас духе эпохи: честность — это верность государства договорам, как если б речь шла об обыкновенной сделке из области частного права. И тут Тюрго в своем образном стиле, который делает его беседы и переписку настолько ярче его официальных писаний, сравнивает откупа с рабством: если король решит отменить рабство негров в колониях, но сможет компенсировать рабовладельцев лишь через десять лет, то надо ли ждать еще десять лет? «Народ издавна терпит притеснения», а «генеральные откупщики потерпят лишь отсрочку» — «которая из двух жалоб сильнее ранит чувство справедливости?»

Однако одно важнейшее соображение требует осторожности и оправдывает промедление — это грозная сила, которую представляет собой в государстве корпорация генеральных откупщиков. Не зря же кардинал Флёри называл их «столпами государства», а Вольтер «золотыми столпами»?

Не следует, однако, представлять себе «договорщиков» (их называли так, поскольку они имели «договор») в преувеличенно романтическом свете. Это уже не финансовые кондотьеры, какими были их предшественники в XVI в., в большинстве это администраторы, можно даже сказать — бюрократы, которые обзавелись секретарями, собираются на ассамблеи или заседания комитетов каждый день, кроме субботы, когда они не выполняют обязанностей «разъездных откупщиков» для контроля в провинциях. Их влияние уже не объясняется обаянием авантюризма. «Генеральные откупщики, — пишет Неккер в своем отчете, — почти все имеют незаурядное образование и не похожи на прежних финансистов».

Но об их влиянии можно судить по многим признакам: по богатству (каждый вложил в дело 1500 тыс. ливров), по службам, которыми они управляют — они насчитывают 1400 контор и бесчисленных чиновников, стражников, стрелков габели, — образуя государство в государстве; все они имеют право носить оружие, освобождены от налогов и пользуются судебными привилегиями; за их спиной стоит множество придворных и должностных лиц, которые кормятся за их счет, и целая сеть изысканных сообщников. Наконец, влияние их еще усилилось благодаря целому веку восхождения по социальной лестнице и проникновению в высшее общество, в частности с помощью

брачных союзов, в которых князь де Монбарэ видит одну из причин «забвения древних рыцарских обычаев» и «великой перемены в идеях и национальном характере»[1].

Излишне отмечать, что нынешний генеральный контролер не разделяет в этом вопросе опасений будущего военного министра. Он не видит в лице «шестидесяти столпов», скрывающихся под подставным именем Лорана—Давида, приверженцев философии и предвестников нового мира.

Но первое время ему приходится тем более их щадить. «Г-н Тюрго, — отмечает Бодо, — не так безрассуден, чтобы одним махом сбросить аренду откупов».

Тем не менее Тюрго сразу занялся этой проблемой, хотя и в очень узком плане. Именно ей была посвящена одна из его первых инициатив после прихода в министерство. Докладная записка королю о генеральных откупах была подана 11 сентября, за два дня до указа о хлебной торговле. Тюрго применяет очень ловкий и разумный метод. Система откупов в своем тогдашнем виде имела свою логику и приносила некоторую пользу, и потому следовало прежде всего бороться с разъедающими ее пороками. Мелкие злоупотребления как бы наросли на основном. Их можно было срезать. Эта «реформочка» касалась двух вопросов:

1. Персонала.

Места генеральных откупщиков следует предоставлять людям способным (каждый из них утверждается королем). Протекция проникла в это столь выгодное дело, и многие получили «билеты». Эти билеты будут отменены, однако их обладатели могут вновь выставить свою кандидатуру на свободные места. Сыновья могут быть «привлечены к участию в деле», только если им исполнилось двадцать пять лет и они получили соответствующее образование. Служащих будут выбирать сами откупщики, часто им просто их навязывали. «Корыстолюбцы, которые все продают и все покупают, заполнили все должности недостойными прислужниками».

2. Доли в прибылях.

Тюрго решает не посягать на многочисленные пенсии, которые вошло в обычай заставлять оплачивать откупщиков; эти

1 «В блестящие годы царствования Людовика XV, когда потребности государства все возрастали, естественно, возрастало и значение финансистов, которых сначала развращали, награждая титулами, а затем еще сильнее разожгли их честолюбие, разрешая им вступать в браки с младшими, а иногда и старшими отпрысками знатных фамилий, а тем — жениться на дочерях финансистов, чье приданое поправляло расстроенные дела принимавшего их семейства». (Montbarey. Op. cit., t. III, p. 116 et suiv.)

пенсии чаще всего назначались в виде помощи или вознаграждения. Сама эта форма достойна осуждения, но ее отмена может дать лишь маленькую экономию. Что касается участия в прибылях, называемого «крупы» (croupes), то Тюрго признает приобретенные права, но решает, что в дальнейшем не будет «новых круп» и крупье, которые не внесут причитающихся с них сумм за участие, будут исключены с 1 октября.

Именно при распределении этих «круп» отмечают торговлю ими и самые скандальные злоупотребления. Аббат Террэ, менее искушенный в такого рода делах, чем в технике управления, к тому же еще значительно увеличил их. В списке пенсионеров и крупье, указанных в «Мемуарах» Террэ, мы находим самые разнообразные имена: интенданта и врача г-жи Дюбарри, семью и нотариусов аббата Террэ, даже некую даму, по слухам, его внебрачную дочь, подопечных теток короля, финансовых чиновников, множество дам, протеже Трюдена, графа Прованского с супругой и, наконец, самого короля; так, побуждаемый Тюрго подать благой пример, король собственноручно написал: «Я распоряжался двумя четвертями»[1]. Согласно тому же документу, шестьдесят мест откупщиков оценивались «вместе с прибылью от аренды» в 100 тыс. ливров каждое, то есть в 6 млн., а связанные с ними расходы — в 1980 тыс. ливров.

Наконец, по сообщению Дюпона, подтвержденному многими авторами, Тюрго потребовал от откупщиков применять «менее насильственные меры»[2].

Эти реформы Тюрго были благоприятны для откупщиков, поскольку вели к освобождению их доходов от тяжелого бре-

1 Schelle, t. IV, p. 150; Terray. Op. cit., p. 220 et suiv.

2 В частности, он положил конец практике «расширительного толкования» (extensions), которая позволяла откупщикам истолковывать в свою пользу все неясности в фискальном законодательстве. Дюпон даже считает, приводя весьма оригинальные доказательства, что именно благодаря этой снисходительной судебной практике доходы откупщиков от договора к договору учетверялись! На самом деле «расширительное толкование» вопреки мнению некоторых авторов не означало права откупщиков толковать в свою пользу все спорные случаи, что было немыслимо даже при старом порядке, но возможность распространять на все аналогичные случаи удобное для них судебное решение, вынесенное по какому-либо определенному делу. (Schelle, t. IV, p. 22) Это все же ставило налогоплательщика в невыгодное положение, ибо он не знал прецедентов, не знал порой даже тарифов. И такое положение все еще существовало в то время, когда Высший податной суд подал 6 мая 1775 г. ремонстрации с жалобой на «деспотизм откупщиков», злоупотребления при передаче тяжб на рассмотрение интенданту и предложил опубликовать тарифы и регламенты. Мы не располагаем ни одним документом, свидетельствующим о вмешательстве Тюрго в это дело Повидимому, оно нашло отражение только в решениях судебного заседания Совета, собравшегося для рассмотрения поведения интендантов.

мени и к избавлению откупов от людей, недостойных заниматься этой профессией. По мнению Дюпона, Тюрго должен был бы приобрести популярность в этой корпорации. Но в целом (за исключением нескольких друзей: де Польза, де Вердена, Лавуазье) откупщики ему не доверяют, и будущее докажет их правоту. Привилегированные корпорации, не всегда безупречные при выборе средств защиты своих интересов, всегда весьма проницательны при определении места, откуда может последовать атака, которой они всегда опасаются. Они нутром чуют и знают благодаря доносам, что, разрывая все тонкие узы снисходительности и соучастия, связывающие их с властью, Тюрго стремится освободить только власть, а вовсе не их самих. «Этот человек — безбожник, он не верит в откупа»[1].

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ

Военные расходы, составляющие 25% бюджета и 4% национального дохода, являются с этого времени постоянным соблазном для министра финансов, который ищет способа сократить бюджет. Урезать эти расходы казалось гораздо легче, чем государственный долг, где можно было добиться благоприятных результатов лишь с помощью чрезвычайных кредитов. Но с другой стороны, генеральный контролер не находился уже тут на собственной территории. Здесь не в его власти было определять и проводить политику. Он мог лишь давать советы своим коллегам, распорядителям кредитов. Однако во все эпохи среди министров-расточителей военные министры больше всех противились влиянию министров, ведавших финансами. Пользуясь сугубой секретностью своей профессии и нерушимым запретом посягать на высшие национальные интересы, они встречают всякое предложение об экономии — даже, бесспорно, самое разумное — как обиду их рвению или оскорбление их догмы (либо одно из двух, либо и то и другое вместе). Их счета пользуются привилегией военной секретности, а ошибки оправдываются патриотизмом. Что касается людей, то Тюрго имеет дело с Сартином и Дю Мюи. Сартин обладает политическими способностями и пользуется доверием королевской че-

1 Мы взяли эту фразу (составив ее) из памфлета той поры, в котором аббат Террэ разговаривает со своей проклятой душой. (Destouches. Lettres de Terray à Turgot, p. 38; цитируется в: Foncin. Op. cit., p. 95, n. 2.)

ты, с этим человеком можно в крайнем случае и поспорить (и лишь впоследствии, после ухода Тюрго, к тому же под давлением ряда обстоятельств, он дает свободу своему безудержному расточительству). Но в данное время Тюрго не о чем спорить с ним, ибо благодаря своему пребыванию в морском ведомстве он убедился, что это ведомство не только не пользуется чрезмерными средствами, но, напротив, страдает от их недостатка. «Г-н Тюрго, уже имевший общее представление о морском ведомстве, понимал, что предоставленных ему 27 млн. или около того не хватает даже на уплату неотложных долгов... и чтобы поддерживать его на нынешнем уровне»; к тому же мы видели, что оно задолжало 15 млн. казначейству. Согласно докладу Террэ, министерство финансов давало морскому ведомству с 1774 г. 34 млн. в год — сверх бюджета — на чрезвычайные расходы и уплату долгов. Бюджетная сумма, по докладу Террэ, составляла в целом 27 900 тыс. Тюрго доводит ее до 33 млн. в 1775 г. и снижает до 29 млн. для 1776 г. В своем последнем бюджетном плане, по словам Дюпона, он предполагал уменьшить ее на 8 млн.

Что касается военного министра Дю Мюи, то, помимо обычной непримиримости, присущей людям, занимающим этот пост, он проявляет еще ограниченность ума и вдобавок, по словам Вери, «его способности быстро слабеют»[1]. Мы видели его нелепое упрямство в деле с ополчением, как и в борьбе с эпизоотией, и Вери сообщает нам также, что он единственный из всех министров противился комитетам. Наконец, «г-н Дю Мюи требует дополнительных ассигнований для военного министерства»[2]. Зато он очень учтив в обращении и откровенен в беседах, и позднее Тюрго, столкнувшись с его преемником, еще пожалеет о нем. В переписке, относящейся к самому началу деятельности Тюрго, он советует прежде всего привести в порядок счета: избегать, по-видимому, довольно частых случаев выплаты двойных и тройных жалований, наградных, которых слишком уж много выплачивают одним и тем же лицам с разных сторон, и т. д. Он дает много практических советов: рынки фуража станут менее дорогими, если быть более точным в платежах, можно не замещать «офицеров-инструкторов в крепостях», ибо они вообще не нужны, следует уменьшить жалованье 36 инструкторам, которым за одну и ту же работу платят разное жалованье — от 8 до 19 тыс. франков, — да и число их надо уменьшить; он сразу попадает в точку, указывая на неизменно слабое место в структуре французской армии — избыток высших офицеров. Но хотя Тюрго не уточняет, подоб-

1 Véri. Op. cit., t. I, p 174.
2 Véri. Op cit, t. I, p 162 et 189.

но шевалье д'Эону, который в своих «Военных записках» говорил: «Никогда не существовало монархии с таким огромным штатом высших офицеров, как ныне во Франции»[1] (1370), — он считает, что на оплате этих постов можно было бы сэкономить около 300 тыс. франков. Он не выступает как решительный противник увеличения жалованья военнослужащим, но замечает, что солдат всегда получает тот же рацион хлеба, несмотря на рост цен. Наконец, несмотря на продажу некоторых военных должностей, он считает, что в военных кругах кастовая гордость сильнее корыстолюбия, и, исходя из этого психологического заключения в своих финансовых планах, приходит к выводу о бесплатных полковниках, который в наши дни кажется попросту смехотворным: «При равных способностях... тому, кто будет служить бесплатно, по-видимому, следует отдавать предпочтение... а когда полки будут бездействовать, король не будет нуждаться в полковниках»[2].

Помимо этих частных вопросов, Тюрго с первого своего выступления с необыкновенной ясностью определяет, какой должна быть политика министерства финансов по отношению к военным департаментам. Министр финансов не может судить о размерах их усилий: «Не мне определять, какое *количество войск* должно содержать Его Величество»[3]. Министр может лишь определить сумму расходов и может сделать это (теперь, как и раньше), только применяя сравнительный метод. «На первый взгляд» расходы не соответствуют «достигнутым результатам». Можно воспользоваться методами других стран. Взгляните на Швейцарию или Австрийский двор с двух точек зрения — количества войск и доходов государства. Почему мы «так уступаем им в силе, когда у нас гораздо больше возможностей?» И вывод: делайте больше или тратьте меньше денег. Затем беглый взгляд на внешнюю политику: Россия, Германия и Австрия — каждая имеет армию в 700 тыс. человек. В наши дни в случае вооруженного конфликта не может быть, чтобы хоть одна из них не была с нами, если другие выступят против нас.

После этих первых замечаний Тюрго, как отмечают, долго не занимался военным бюджетом. Его поглощало множество других дел. Можно ли было в то время предвидеть скорую кончину или отставку Дю Мюи и строить какие-то расчеты на выборе его преемника? Это мало вероятно, несмотря на деградацию способностей Дю Мюи, так как он умер во время хи-

1 Chevalier d'Éon. Mémoires, p. 12 et 140.
2 Мы сократили и перевернули цитату. (Schelle, t. IV, p. 137.)
3 Выделено в тексте.

рургической операции[1]. Как бы то ни было, Тюрго должен был знать, что ему не добиться больших результатов с таким министром, несмотря на его прямоту и учтивость. Но после его смерти проблема встает вновь: как много можно было бы ожидать от министра-реформатора! Мы увидим, как Тюрго старался найти такого министра и водворить его на место и какое его постигло разочарование. Важный момент, который мы должны сразу же подчеркнуть, состоит в том, что успех финансовой политики в этом основном секторе расходов зависел от выбора министра, следовательно, от проблемы внутренней политики.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР

Этот переход от бюджетной политики к политике внутренней, от глубинных процессов истории к поверхностным еще гораздо более разителен в статье расходов королевского двора. Нас глубоко поражает контраст между политическим значением расходов двора и их подлинным финансовым выражением, которое в абсолютных цифрах не так уж велико. «Эти расходы превышают 30 млн., — отмечает аббат де Верн, — они идут на содержание дворов двух принцев — братьев короля, его теток и сестер, построек, конюшен, охотничьих угодий, на стол и целую толпу ненужных слуг, которые выполняют свои обязанности поквартально»[2]. Подробности этого скандального или красочного перечня расходов, а вернее (по современным понятиям), и то и другое вместе, сегодня хорошо известны по многим работам, в которых был изучен этот вопрос.

Один лишь перечень придворных должностей занимал в Версальском альманахе 137 страниц: 6 тыс. гражданских и 8 тыс. военных должностей[3]. Что обслуживание королевского двора со всем его штатом требует большого количества прислуги, совсем не удивительно, но все эти места являются должностями, за которые платят высокую «цену». Так, место королевского камердинера стоит 80 тыс. ливров, и естественно, что

1 Его оперировал по поводу камня в печени знаменитый брат Ком. Рассказывают, будто жена Дю Мюи, ничего не знавшая об операции, случайно вошла в комнату и громко вскрикнула, чем испугала хирурга. (Métra. Op. cit., 12 octobre.) По словам Ривьера, никто не знал, что Дю Мюи страдает этой болезнью. (Rivière. Op. cit., 13 octobre.)
2 Véri. Op. cit, t. I, p. 163.
3 Цифры 1789 г. (Carré, Sagnac et Lavisse. Histoire de France, t. IX, p. 140.)

тот, кто заплатил за получение этой должности, старается извлечь из нее как можно больше выгоды [1].

Вопрос продаваемых *должностей* при дворе короля — вот главный узел всего дела. В него-то и упираются все проекты реформы.

Широкая публика, как отмечает Вери, плохо разбирается в том, какая часть расходов идет на роскошь, несомненно порицаемую, но в какой-то степени необходимую — и выставляемую напоказ, — а какая часть расхищается. «Роскошь двора, которая нас так потрясает, быть может, еще самое меньшее зло, в котором его можно упрекнуть. Великое множество денежных махинаций, тех, что все время придумывает толпа разных слуг, наносит гораздо более серьезный урон»[2]. Хищения не ограничиваются кругом людей, которых обычно называют «челядью». Ими занимаются под респектабельной личиной и самые высокопоставленные лица, и они достигают очень значительных сумм. Существует постоянная путаница между доходами от придворных должностей и оплатой (справедливой

1 Одно из самых убедительных тому свидетельств — заметки г-жи Кампан о придворном штате королевы. Мы узнаём, например, что дама, ведавшая гардеробом и получавшая 100 тыс. франков на ткани и придворные одежды, продавала в свою пользу устаревшие платья и украшения (а они менялись, как правило, каждый сезон), что первые камеристки, получавшие не больше 12 тыс. франков (в наше время — 24 млн.), имели право в виде добавления оставлять себе каждый день все свечи из гостиной, кабинетов и салона для игр, в том числе и незажигавшиеся, что давало каждой больше 50 тыс. франков, а свечи в большом кабинете и «салоне дворянина» оставались для лакеев... (самую большую экономию в эпоху конституционной монархии дал отказ от ежедневной смены свечей). Помимо двенадцати «ординарных» камеристок, королева имела суперинтенданта финансов, доменов и служб и интенданта двора, не имевшего, в сущности, никаких занятий, чтеца — аббата де Вермона—и чтицу, довольно полезную, поскольку чтец ничего не читал, двух «ординарных» личных слуг, одного «ординарного» привратника, четырех привратников покоев, двух привратников кабинета, двух привратников переднего зала, восемь личных слуг, исполнявших свои обязанности поквартально, шесть младших личных слуг, однако «ординарного» слугу при гардеробе и двух, исполнявших свои обязанности поквартально, одного «ординарного» младшего слугу, присматривавшего за мебелью, и четырех обойщиков и т. д. Все в таком роде. Служба королевского стола состояла из первого метрдотеля, первого *булочника, первого виночерпия, первого мясоруба; много дворян прислуживали за столом*, и 116 младших офицеров наполняли кубки, разносили блюда, хлеб, фрукты, разливали вино. В большой и малой конюшне распрягались 174 офицера и т. д. (Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 285 et suiv.) В Версале до сих пор показывают улицу, вдоль которой когда-то сплошь тянулись лавочки, где слуги короля кормили версальцев за деньги остатками с королевского стола. Безанваль передает разговор Людовика XV с Шуазелем, из которого видно, что король заплатил 30 тыс. франков за коляску, стоившую 5 или 6 тыс.

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 173.

или непомерной) государственных должностей, оплатой более или менее тайных услуг и спекуляциями с финансистами. «Простые или родовитые слуги вершат денежные дела, продают полученные кредиты, числятся в сметах откупов и поставок государству... они подтачивают королевскую казну, скрываясь под чужими именами». И эта финансовая путаница, которая, на наш взгляд, приняла отталкивающие и постыдные формы, связана сама с давним смешением понятий: личное состояние короля, которым он вправе распоряжаться по своему усмотрению, еще не отделяется от доходов государства, получаемых с воспроизводимого национального богатства. Существует постоянная система перекачивания средств между «окружением» короля, членами королевской семьи или близким ему кругом лиц, и органами государственного управления, финансовыми *и экономическими силами*.

Какое, однако, бюджетное выражение имели эти злоупотребления? Приблизительно 30 млн., определяет аббат де Вери, а вскоре уже 33 млн., не считая корпуса офицеров королевского двора, который обходится в 8 млн., потраченных из чисто престижных соображений и без всякой пользы[1]. Однако тут Вери немного ошибается, так как этот корпус представляет собой некоторый резерв для поддержания общественного спокойствия, на что старый порядок имел очень скромные средства, а экономия и реформы, проведенные в этой области, хотя и весьма осторожно, Сен-Жерменом, оказались губительными для монархии. Если говорить только о доле королевского двора (Maison civile)*, то эти 33 млн. представляют собой эквивалент наших теперешних 66 млрд. франков — немногим более 7% бюджета той эпохи, что составило бы немногим более 1% нашего бюджета. К тому же никто не собирается утверждать, что подобный расход может быть упразднен целиком. Уже после падения Тюрго, 21 ноября 1779 г., тот же аббат де Вери, возвращаясь к этому вопросу, пишет: «Это была та статья расходов, экономия в которой принесла бы правительству больше доверия, больше благожелательства внутри королевства и больше уважения в других странах Европы... Я думаю, что было бы возможно не возмущать человечество и в то же время сэкономить до 20 млн. в год»[2]. Эта цифра очень близка к той, которую Тюрго наметил под конец в своем собственном плане, намереваясь постепенно реализовать его: сначала срезать

1 См.: Véri. Op. cit., t. I, p. 173.

* Maison civile et militaire — буквально: гражданский и военный дом короля; под первым подразумевался весь дворцовый многочисленный персонал высших и низших служащих, под вторым — все привилегированные войска: гвардия, конвой, мушкетеры. — *Прим. ред.*

2 Véri. Op. cit., t. II, p. 170.

14 млн., что привело бы королевский двор к бюджету, установленному Силуэттом в 1759 г., — 17 млн. (В ту эпоху военный бюджет доходил еще до 160 млн франков.) Расходы королевского двора действительно постоянно возрастали. Аббат Террэ в своем докладе 1772 г. попытался ограничить их 26 млн. Но не сумел помешать их росту, и его нельзя полностью в том винить, так как ему пришлось смириться с дополнительными расходами дворов графа Прованского и графа д'Артуа и расходами в связи с тремя браками в королевской семье И даже при самом Тюрго расходы продолжают расти приблизительно теми же темпами[1]. Если бы все эти траты можно было сдержать и затем понемногу сокращать из года в год, это дало бы немалый результат Думается, что нельзя согласиться с аббатом де Вери, когда он, делая уступку обескураженным министрам, заявляет «Быть может, они и правы, если в самом деле, как они говорят, удастся сэкономить всего каких-нибудь 2—3 млн , но зато восстановить против себя весь Версаль». Раздражая маленький версальский мирок из-за нескольких миллионов, достигли бы гораздо более ценного *психологического* эффекта, обрадовав более широкий мир, особенно если бы эта тенденция утвердилась во время решающего поворота в 1774 г Таким образом, монархия могла бы решить свою судьбу с помощью очень малой ставки.

Во все времена существовало правило экономические явления обладают высоким коэффициентом интерпретации, и, в частности, в бюджетном деле результаты политической гласности совершенно несоизмеримы с реальным масштабом принятых решений[2].

В XVIII в , в эпоху, когда и бюджета как такового еще не было (государственные счета стали достоянием гласности с опубликования отчета Неккера), общественное мнение, совер-

1 В счетах 1776 г эта цифра уже превышает 36 млн наличными, хотя некоторые траты единовременные, например на приданое Мадам Клотильды (1 млн) Затем рост несколько замедляется, поскольку в 1789 г эта сумма достигает около 40 млн Когда в 1778 г принцессе Елизавете исполнилось 15 лет ей тоже создали свой двор (Véri Op cit t II, p 166), что дало повод Тэну высказать хорошо известное замечание «Мадам Елизавета, такая скромница, потребляет в год на 30 тыс франков рыбы, на 70 тыс — мяса и дичи, на 60 тыс франков свечей »

2 При наличии несравненно лучше информированного общественного мнения (во Франции в 1929 г) экономия, проведенная Пуанкаре и состоявшая в упразднении супрефектур и окружных судов — экономия ничтожно малая в математическом исчислении — оказалась средством, весьма содействовавшим его успеху В недавнем прошлом позиция правительств *де Голля и Дебре в вопросе о пенсиях для бывших фронтовиков* (расход относительно очень небольшой) могла иметь лишь одну цель — произвести впечатление на умы, дать доказательство желания соблюдать строгую справедливость.

шенно не осведомленное о реальностях бюджетной проблемы, не могло разобраться в огромном множестве государственных расходов и, конечно, сосредоточило внимание на тратах королевского двора. Народ судит о налогах по тому бремени, которое он несет, и о расходах по тому, что он видит своими глазами. Значение этой статьи расходов — несоизмеримое с ее суммой—можно было бы, впрочем, объяснить техническими причинами ее побочным характером (она примерно соответствовала сумме самого дефицита) и возможностью ее сокращения — «урезывание» всецело зависит от воли хозяина Первый аргумент недоступен пониманию в ту эпоху, но второй вполне понятен Итак, эти расходы больше всех *бросаются в глаза,* но меньше всех *необходимы*, и их можно было бы отменить одним мановением руки. К тому же они больше всего *возмущают* людей и вызывают моральное осуждение, в котором сказывается расхождение во взглядах между классами обеспеченными и всем населением. Рассуждение, будто король может произвольно раздавать денежные подачки и пользоваться национальным достоянием как своей частной собственностью, не встречает поддержки общественного мнения. Моральное осуждение расходов двора проявилось и усилилось в последние годы царствования Людовика XV не столько даже из-за его расточительности (хотя она и раздражала, становясь все более явной), сколько из-за ряда обстоятельств, в частности вследствие охлаждения к особе короля (которому так горячо сочувствовали еще в пору его «смерти» в 1741 г.*), возвышения г-жи Дюбарри и даже связанного с этим изгнания Шуазеля Шуазель был популярен, несмотря на свое мотовство (Всякий Шуазель — транжира, довольно забавно сказал Людовик XVI[1].) Он стал еще расточительнее в изгнании, и даже своим мотовством он (вместе со своим окружением) как бы утверждал идею превосходства родовитого придворного дворянства, тогда как его уход открыл путь презираемой фаворитке и появлению при дворе разного сброда. С той поры все, кто еще может внушать почтение обывателю остатками прежнего блеска дворянства, посещают Шантлу, и, за исключением нескольких перебежчиков, которые объясняют свое отсутствие там личной привязанностью к королю, вокруг Людовика XV остается только свита г-жи Дюбарри, красочно описанная г-ном де Монбарэ[2].

Публика склонна доверять молодой королевской чете, по-

* В 1741 г Людовик XV тяжело заболел и едва не умер — *Прим ред*

1 См: «Journal historique», 24 septembre, t VI, p 197.

2 Montbarey Op cit, t II, p 20 «Оставшееся общество составили все, кто счел своим долгом выдавать себя за родных или близких ее так называемого мужа, все правонаследники (мужчины и жен-

тому что ждет от нее решительного противодействия ненавистным злоупотреблениям во всех областях. Если *режим* хочет спасти себя, он должен отмежеваться от *системы*, причем как в плане моральном, так и в финансовом, как в области супружеской верности, так и в области бюджетной экономии. Два вопроса больше всего волнуют и интересуют общественное мнение: с одной стороны, вопрос об экономии (причем не следует заблуждаться: речь идет прежде всего об экономии в расходах двора) и, с другой стороны, цена хлеба. Эти два вопроса, на деле совершенно независимые один от другого, связываются в сознании народа самым странным и самым прочным образом. Люди твердо уверены, что двор и министерство спекулировали на снабжении хлебом и на страданиях бедняков. Сами историки еще долгое время этому верили.

В дни, последовавшие за воцарением Людовика XVI, публика нетерпеливо ловит малейшие признаки намерения короля приступить к реформам, на которые все надеются. 14 мая[1] мы читаем, что король — человек воздержанный и экономный: для своего стола он заказал только четыре сорта закусок, четыре первых блюда, два жарких и шесть легких блюд. Хорошая новость! И публика не ошибается: король и правда воздержан и экономен. Он таким и останется, но только в том, что касается его самого.

Первым шагом короля был эдикт об отмене дара по случаю восшествия на престол: это тоже сочли счастливым предзнаменованием. Аббат Террэ, заимствуя «стиль Тимолеона и Аристида»*, снабдил эдикт преамбулой, написанной в самом ортодоксально поучительном тоне. Этот «отрывок из антологии», как говорят, был напечатан на веерах, табакерках, шкатулках и даже на медальонах, висевших на груди у дам[2], однако он, кажется, был встречен довольно сдержанно, ибо эдикт не давал никакой экономии и к тому же никакого действительного облегчения налогов.

Что касается экономии, то, несмотря на опалу, д'Эгийон получает вознаграждение в 500 тыс. ливров, выданное, правда, при особых обстоятельствах[3], и в то же время назначается

щины) маршала Ришелье, герцога д'Эгийона и других вожаков шайки честолюбивых подонков всех мастей, все, кто прикатил в почтовых каретах из Бордо и южных провинций королевства, почуяв запах наживы... те, кому было нечего терять и нечем рисковать...»

1 Данные без ссылок на источник взяты из «Journal historique».

* Тимолеон (Тимолеонт) (ок. 411 — ок. 337 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и полководец.

Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) — афинский государственный и военный деятель. — *Прим. ред.*

2 См.: Marion. Histoire financière, t. I, p. 280, note 1.

3 Король Людовик XV доверил д'Эгийону чек на 2 млн. ливров

пенсия Монтенару, бывшему военному министру, жертве того же герцога д'Эгийона. Однако для противовеса не принимается никаких мер, кроме выбраковки нескольких лошадей, кстати негодных к службе, и среди них боевого коня Людовика XV, которого седлали только в дни военных парадов и оцененного лишь в четыре луидора (27 июня). И потому публика, которая так же легко разочаровывается, как и строит себе иллюзии, начинает роптать, и об этом недовольстве Мария Терезия пишет Марии Антуанетте[1]. Публика одобряет слияние двух должностей казначеев построек, так как один из них умер, но это крайне незначительная мера (3 августа), осуждает назначение пенсии де Буану (хотя, как мы видели, она значительно меньше его претензий), а затем кузену Террэ Леклерку — меры, которые «Журналь историк» сопровождает следующим, не лишенным глубины замечанием: «Вот так во Франции не умеют ни казнить, ни миловать» (17 сентября). Люди спрашивают: «Где же экономия? К чему она привела? В чем она выражается? А что стало с кубышкой короля?»[2] (27 июля). Но больше всего ждут отставки ненавистных министров, а после 24 августа — начала работы нового генерального контролера, от которого справедливо ожидают экономии и снижения цен на хлеб.

Итак, Тюрго принимается за дело. Из его письма мы знаем, какое значение он придавал не только бюджетной проблеме и мерам экономии вообще, но особенно расходам двора. Что же он будет делать? Если рассматривать управление королевским двором в течение периода до коронации, то мы можем отметить либо снисходительность Тюрго, либо, во всяком случае, уклончивость, или, если хотите, бессилие. Это поведение можно объяснить. Но сначала рассмотрим факты.

Первое дело, которым Тюрго пришлось заняться, была «шкатулка королевы». Тюрго ведет себя очень дипломатично, за что его, разумеется, нельзя осуждать. Оказалось, что пенсия королевы никогда не пересматривалась, а королевское семейство видело, что преимущества такого положения все возрастают. Пенсия по-прежнему составляла 600 тыс. турских ливров*, но ее приходилось дополнять на «чрезвычайные расходы», до-

на чрезвычайные военные расходы (высказывали предположение, что эта сумма предназначалась для г-жи Дюбарри), но д'Эгийон честно вернул чек Людовику XVI. Из этой суммы ему и было дано вознаграждение. (Véri. Op. cit. t. I, p. 105.)

1 Письмо от 16 июля 1774 г. («Correspondance», t. II, p. 205.)

2 Речь идет о пресловутой шкатулке. См. выше, глава I.

* До XIII в. так называли монету, которую чеканили в Туре. Один турский ливр равнялся 20 турским су. Стоимость турской монеты была на четверть ниже парижской.— *Прим. ред.*

ходившие до 2 млн. ливров. Мерси-Аржанто советует королеве попросить более высоких ассигнований и прекратить уловки с «чрезвычайными расходами»[1]. Он советуется об этом с аббатом де Вермоном, и «соединенными усилиями» они ведут переговоры с генеральным контролером, который проявляет полное понимание. «Шкатулка» королевы будет увеличена с 96 тыс. до 200 тыс. ливров. Королева осталась в полном неведении об этом небольшом соглашении. В ее глазах вся заслуга в этом деле осталась за королем.

Затем мы будем свидетелями целой серии новых расходов — причем генеральный контролер ничего не может и не пытается сделать, — расходов или «увеличения кредитов» не лично для короля, но по случаю особых событий или для поддержания уровня жизни королевской семьи. С самого начала царствования и еще до прихода к власти Тюрго граф Прованский и граф д'Артуа, пользуясь слабостью Людовика XVI, добились того, что королевская казна выплачивала им пенсии, которые шли на их личные расходы[2]. По завещанию короля [Людовика XV. — *Ред.*] тетки получают пенсию в 200 тыс. ливров, за ними сохраняется их двор и доходы. Предполагают выдать замуж Мадам Клотильду, сестру короля, за принца Пьемонтского; король Сардинии, отец будущего мужа, потребует денег, и королевская казна будет платить. «Если брак не состоится, придется выделить ей двор; кто же должен оплачивать двор короля, его жены, его теток, его братьев и сестер, если не королевская казна?» [3] В королевской конюшне произошла выбраковка лошадей: король доводит до 250 лошадей новую конюшню королевы, для чего требуются дополнительно 24 конюха или кучера. 25 декабря король предоставляет каждому из своих братьев по три новых докладчика в государственном совете, хотя у них уже было их шесть, трех новых придворных дам — каждой из теток, еще по одному личному слуге для Мадам Виктории и Мадам Софии; все это мелочи, но в них никак не найти признаков умеренности и строгости нравов[4].

Король, не посоветовавшись со своими министрами, жалует принцу Кариньянскому ежегодную пенсию 30 тыс. ливров «вместе с полком национальной пехоты, который будет содержаться на иностранный лад»[5].

1 См.: Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 211 et 249. Письма от 31 июля и 20 октября 1774 г.
2 Ibid., p. 211. По 20 тыс. ливров каждая. (Jobez. La France sous Louis XVI, p. 151 et suiv.)
3 Véri. Op. cit., p. 229—230.
4 См.: Jobez. Op cit., p. 151 et suiv.
5 Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 281, 15 janvier 1775. Принц Кариньянский был отцом г-жи де Ламбаль.

Герцог де Куаньи назначен старшим шталмейстером с жалованьем 40 тыс. ливров. Помимо прямых расходов, распространилась практика забронированных патентов (brevets de retenue), которая позволяла владельцам должностей заранее продавать их своим преемникам; с мая по декабрь 1774 г., по подсчетам Жобеза, их таким образом было пожаловано на 2 млн. ливров [1].

А в общем, «окружение короля» и сама королева в своих повадках и привычках, и даже в мелких деталях моды, давали пример легкомыслия и мотовства, совершенно противоположный тем поучительным картинам, которых ожидала публика. Молодые принцы хотят возродить моды времен Генриха IV: «Лучше было бы возродить королевство, чем заниматься такими пустяками». Люди отправляются на бал, вырядившись в «кружева, плащи, шарфы, с бантами на подвязках и на башмаках, а женщины в плиссированных платьях или с плиссированными воротниками»[2]. Все это стоит очень дорого, но оппозиция торговцев мешает распространению этой моды в городе.

Критикуют моду громадных дорогостоящих причесок, которой Мария Антуанетта страстно увлекается, и ходит слух, будто король пожелал преподать ей по этому поводу урок скромности. Этот урок, если верить рассказам, был отнюдь не тягостным. «Его Величество преподнес своей супруге великолепный бриллиантовый эгрет и сказал: «Прошу вас ограничиться этим украшением... этот подарок должен быть вам особенно приятен тем, что не увеличивает моих расходов: он составлен из бриллиантов, которые я уже имел, будучи дофином»[3].

Питая страсть к прическам, обожая балы и начиная увлекаться игрой в карты, Мария Антуанетта губит свою популярность: если в январе в Опере, где шла «Ифигения» Глюка, ее встречали аплодисментами, то 1 марта, как отмечает аббат де Вери, раздается восклицание, которое (правда это или вы-

1 Слабость Людовика XVI обнаружилась в сходном случае, во время смехотворной истории с маршалами. Король обещал даровать это звание герцогу Фитц-Джеймсу и графу Дю Мюи, но требовалось, чтобы кандидат не был выдвинут раньше других, выше его по чину, и потому пришлось утвердить одним махом семь маршалов. «Семь смертных грехов»,—говорили о них. «Ни один из них не слышал ни одного выстрела, разве что на похоронах покойного короля». (Métra. Correspondance, t. I, p. 298 et suiv., 3 avril 1775.)
2 Métra. Correspondance, t. I, p. 173, 19 janvier 1775; t. I, p. 261, 9 mars 1775. Генрих IV оставался величественной и популярной фигурой в истории французской монархии. После смерти Людовика XV к статуе Генриха IV привязали дощечку с надписью «Resurrexit» («Воскрес»). В ноябре как первый признак недовольства эта надпись появляется на статуе Людовика XV. (Métra. Correspondance, p. 115; 17 novembre.)
3 Métra. Correspondance, t. I, p. 159, 9 janvier 1775.

думка) очень многозначительно: «Мадам, мало того, что мы платим за наши платья, нам приходится платить за ваши тоже»[1].

Вполне понятно, что генеральный контролер не имел права голоса, когда речь шла о туалетах королевы, о нарядах принцев, а также о «семи маршальских грехах». Но можно было бы ожидать от него какой-либо инициативы или проекта реформы; его сдержанность могла бы нас удивить, если бы за ней не угадывался определенный расчет.

Существует министр королевского двора. Без его содействия нельзя предпринять никаких полезных шагов. Но этот пост принадлежит герцогу де Лаврийеру, у которого отвратительная репутация. По мнению Вери, как человек он не лишен некоторых достоинств. После своего ухода Лаврийер, говорят, написал очень хороший мемуар о реформе штата дворцового персонала его величества[2], однако за полвека своей службы он никогда не интересовался этим делом.

«Его никогда не упрекали в недостатке предприимчивости. Настоящий его недостаток состоял в том, что он всегда был окружен любовницами, а также друзьями этих любовниц и главными секретарями — людьми, которые все продавали, попросту говоря, разбойниками»[3]. А это очень прискорбно для человека, который располагал королевскими указами о заточении и, как говорят, пользовался ими без всякого стеснения, особенно ради выгоды прелестных дам, а точнее, для облегчения собственных амурных дел[4].

В дни, последовавшие за смертью Людовика XV, этот министр, казалось, первый находился под ударом. Однако он удержался: он был шурином Морепа, а тот, уже прозванный «грозой родичей» (или грозой жуликов) после опалы д'Эгийона, без сомнения, не хотел прослыть гонителем всех своих родных, состоявших в министерстве. Но Лаврийера тогда же предупредили, что он сохранит свою должность только до коронации[5], а затем выйдет на пенсию, вполне заслуженную ввиду его слабого здоровья и долголетнего пребывания в министерстве.

Значит, Тюрго оставалось только ждать и подыскивать ему заместителя. Финансовая политика вновь зависит от выбора

1 Véri Op cit, p. 232 et 243.
2 См: Métra Correspondance, t. II, p. 108, 10 août.
3 Véri. Op cit, t. I, p. 99 et 310.
4 См· D'Estrée et Callet La Duchesse d'Aiguillon, p 296 Говорят даже, что в его окружении велась торговля этими указами в пользу женщин, хотевших отделаться от своих мужей (Métra. Correspondance, t II, p 106, 7 août 1775, p 109, 12 août 1775.)
5 «Теперь, по-видимому, уже решено, что г-н герцог де Лаврийер останется на месте, пока не состоится коронация» («Journal historique», 10 septembre 1774, t. VI, p 214.)

личности, а план — от какого-либо внешнего обстоятельства, то есть от случайности.

По-видимому, с самого начала выбор Тюрго падает на Мальзерба.

Помимо выбора личности, Тюрго озабочен разработкой — мы не можем определить, когда именно, — обширного плана.

Он понимает, что основная проблема королевского двора — это вопрос о продаже должностей. Попытка изжить или искоренить одно за другим все вновь возрождавшиеся злоупотребления была бы изнурительной и тщетной.

Пока будут существовать офицеры и всякого рода служители, покупающие себе должности и вкладывающие в них свои состояния, до тех пор будет невозможно ограничить количество этих должностей. А обладатели их всегда будут добиваться с помощью самых разнообразных махинаций и хищений увеличения доходов с вложенного ими капитала.

Следовательно, надо было упразднить многие должности или, быть может, полностью покончить с продажей этих должностей. Но чтобы упразднить, надо компенсировать их владельцев. А для их компенсации Тюрго рассчитывал использовать, хотя бы частично, заем, о котором он собирался договориться в Голландии[1].

Можно представить себе, какое влияние оказала бы эта реформа не только на эволюцию бюджетной проблемы и обширный финансовый план Тюрго, но также на привычки и моральный облик двора, на престиж государства, на общественное мнение и на судьбу монархического строя.

Несмотря на занятую вначале выжидательную позицию, Тюрго твердо решил взяться за проблему королевского двора и, несомненно, способен был бы ее решить. Но рядом с ним должен был бы стоять министр, готовый ему помочь. И требовалось время.

Мы увидим далее, во втором периоде его правления, как нужный человек обманул его ожидания и как ему не хватило времени.

А теперь нам надо перейти к главному вопросу экономической политики, который приведет нас к кровавым дням конца апреля — начала мая 1775 г., — к «Мучной войне».

1 См. дальше, часть третья, глава III. «Крапленые карты».

„МУЧНАЯ
Часть вторая ВОЙНА“

Глава I Хлебная политика от Террэ до Тюрго

А что, если попытаться выращивать хлеб с помощью законов?

д'Авенель

ХЛЕБНЫЙ БЮДЖЕТ И ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ЗЕРНОВОГО СЕКТОРА

Хлебный вопрос — вопрос достаточного количества и вопрос цены — был в XVIII в. решающим в жизни страны.

Хлебный бюджет[1] — вот что составляло ежедневную заботу каждого труженика и каждой бедной семьи. Об этом свидетельствуют хотя бы несколько цифр. Цена четырехфунтового каравая должна была бы равняться 8 су, но на деле колебалась между 8 и 16 су. Следовательно, могла увеличиваться вдвое.

А ведь дневной заработок поденщика в деревне или неквалифицированного городского рабочего колебался между 10 и 20 су (Парижский район), при условии что число рабочих дней в году не превышает 200—250[2].

В своих трудах Лабрус, на основе изучения семейного бюджета питания, показывает, что в обычных условиях хлеб составляет несколько более половины расходов низших в экономическом отношении классов. В эпоху, предшествовавшую Революции 1789 г., эти расходы достигнут 88% их бюджета.

1 Общие замечания:

а) в ту эпоху, естественно, хлеб выпекали не из одной пшеницы, как в наши дни, а с различными примесями. В разные сорта хлеба подмешивали в различных пропорциях не только другие зерновые, но и многие иные заменители;

б) в различных областях страны основой питания населения были другие продукты (так, скажем, в Лимузене — каштаны и репа);

в) многие семьи покупали зерно и пекли хлеб сами.

2 См. нашу работу: «Les Bases expérimentales et doctrinales de la politique économique de Turgot».

Из многочисленных свидетельств, которыми мы располагаем для рассматриваемого в этой книге периода, мы приведем выдержку из письма от 25 апреля Боссана дю Биньона, королевского натариуса в Ла Сюзе (такие документы, не предназначенные для обнародования, кажутся нам наиболее показательными):

«Фунт ржаного хлеба стоит 2 су. Может ли прокормить жену и шестерых ребятишек несчастный поденщик, зарабатывающий всего 12 су в день?.. Шесть фунтов хлеба стоят 24 су, а он зарабатывает всего 12»[1].

Это, конечно, уже крайние случаи. Но они позволяют нам вывести среднюю арифметическую.

Таким образом, нехватка и вздорожание зерна и хлеба оказались не только весьма неприятными обстоятельствами, усугубляющими заботы бедных семей. Для самой обездоленной и самой многочисленной части населения эти обстоятельства подчас принимали поистине драматический характер.

То положение, о котором мы говорили выше, было особенно тревожным именно в силу своей нестабильности.

Оно имело тенденцию неукоснительно ухудшаться.

И в самом деле, на протяжении долгого времени покупательная способность трудящихся неизменно падала. В период с 1735 по 1789 г. цены поднялись в среднем более чем на 50%, а заработная плата выросла лишь на 20%. Таким образом, покупательная способность была урезана на пятую часть. К тому же цены на зерно выросли в пропорции, значительно превысившей общую среднюю. Так, рожь подорожала в два с половиной раза.

Итак, повседневная жизнь бедной семьи состояла отныне не просто из сменяющих друг друга сносных или невыносимых периодов, отклоняющихся в ту или другую сторону от средней, устойчивой оси. В силу медленного, еле заметного, но неуклонного ухудшения сносное положение становится менее сносным, а невыносимое положение становится «еще более невыносимым».

Эта «тенденция к ухудшению» и является первопричиной, породившей революционную ситуацию.

Однако этот главный стержень проблемы остался незамеченным не только самим народом, но даже наиболее осведом-

1 Bibliothèque Nationale, Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 177.

ленными и наиболее любознательными умами. Кое-кто из людей, специально занимавшихся этим вопросом, смутно угадывали те или иные симптомы общего положения, но не постигли самую природу явления. Тюрго, безусловно, глубже других проанализировал положение. Не определив достаточно точно характер недуга, он наметил все же в общих чертах нужное лечение.

Если теперь мы взглянем на проблему не с точки зрения потребления, а с точки зрения производства, мы вновь убедимся в том, сколь решающую роль (хотя пропорции и не аналогичны) играл зерновой сектор.

В национальной экономике господствующую роль играет сельское хозяйство. Этим-то и объясняется успех доктрины физиократов и теории чистого продукта; и Тюрго, человек критически мыслящий, был ее убежденным сторонником.

Хотя во многих отраслях промышленности был заметен определенный подъем, они были развиты еще довольно слабо. Они занимают зависимое от сельского хозяйства положение либо в отношении сырья, либо в отношении рабочих рук, а зачастую и того и другого вместе. Таково, к примеру, положение в текстильной промышленности.

В самом же сельском хозяйстве доля производства зерновых составляет примерно 1/3 или 2/5 всей сельскохозяйственной продукции. Но сверх того оно является *ведущим сектором,* рост которого определяет общее развитие сельской экономики и тем самым всей экономики страны.

Эта роль «ведущего сектора» объясняется многими причинами. Сектор этот производит самые необходимые для потребителя продукты питания. По традиции зерновые считаются благородными культурами; земледелец пользуется преимущественным положением. Кроме того, в этом секторе сельскохозяйственный капитализм, находящийся еще в зародыше, обнаруживает благоприятную для себя почву. Зерновые ежегодно требуют специальных вложений: капиталовложений в семенной материал. Модернизация методов обработки, совершенствование орудий производства дают в сельском хозяйстве более непосредственный и более зримый эффект, нежели в большинстве других отраслей хозяйства.

Эта взаимосвязь экономики находит выражение в механизме фиксации доходов, особенно в области оплаты рабочей силы. Оплата труда, устанавливаемая производителями зерна, оказывает влияние на заработки всех тружеников сельского хозяйства, а равно и на оплату труда в торговле и промышленности. С одной стороны, в силу некоего явления *«заразительности»* заработки неквалифицированных рабочих, проживающих в одном и том же районе и принадлежащих к одной и той же социальной категории, унифицируются и постепенно в свою очередь оказывают влияние на соседние районы. С другой стороны, в силу различных обстоятельств, эволюция массы заработной платы, выплачиваемой рабочим, определяет спрос на промышленные товары и тем самым подъем или спад промышленной активности. И наконец, размеры этой массы заработной платы в свою очередь зависят от отчислений на необходимое потребление, другими словами, от уровня производства и цен в зерновом секторе.

В экономике все взаимосвязано. Недаром же сам Тюрго говорит о «циркуляции, непрерывность коей является основой жизни политического организма, подобно тому как циркуляция крови является основой жизни живого организма»[1].

Интендант Бордо Эсмангар, отвечая 15 октября 1771 г. на запрос Террэ, высказывается в том же духе: «Сельское хозяйство является как бы неким центром, а промышленность, ремесла и торговля, так сказать, лишь расходящиеся от него лучи».

В основе этой циркуляции, в центре этого центра, естественно, находится производство «зерна».

Если же учесть, что в XX в. в районе специализированных культур, как, скажем, на Юге, где процветает виноградарство, высокий или низкий урожай винограда оказывает решающее влияние на такие, казалось бы, не связанные между собой явления, как потребление табака или посещаемость девочками средних школ, то ведущая роль зернового сектора в экономике XVIII в. не покажется нам чем-то таинственным и необъяснимым[2].

С точки зрения «потребителя», равно как и с точки зрения «производителя», а также с точки зрения экономики в целом, проблема зерновых оставалась проблемой номер один.

СВОБОДА ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ НА СЛУЖБЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Приведенных выше соображений достаточно для объяснения того, почему хлебная проблема занимает самое важное место

1 Письмо о хлебной торговле. (Schelle, t. III, p. 286.)
2 См.: Millau. Traité d'économie rurale, t. II, p. 278.

как в экономической доктрине Тюрго, так и в его министерской программе.

Скажем прямо, ни вопросы бюджетной экономии, ни такая проблема, как свобода труда и цехи, в глазах Тюрго даже отдаленно не могут сравниться по своей важности с хлебной проблемой. Хлебная политика является самой основной частью его эксперимента.

Впрочем, иначе никак и не могло быть.

К общим понятиям, которые мы определили выше, следует добавить еще и то, что мы назвали бы, если только уместно такое выражение, элементом *«интеллектуальной чувствительности»*.

В годину голода в Лимузене Тюрго пережил самые напряженные часы своего административного управления. Нехватка продовольствия вдохновила его не только на самые смелые, но и на наиболее самобытные идеи *(круговорот* кредита, обязанность собственников земли кормить своих испольщиков) и, наконец, на самую плодотворную его идею — благотворительные мастерские.

Именно в связи с этим вопросом Тюрго в своем монументальном творении — «Письма о хлебной торговле» — да и в других своих сочинениях дал самый углубленный анализ экономических явлений. Он уже открыл закон непропорциональной производительности в сельском хозяйстве (что заметил до него один иностранный экономист, чьи труды были Тюрго неизвестны)[1]. В четвертом письме он определяет параболу прибылей в сельском хозяйстве (разрабатывая тезис так называемого закона Кинга, тогда еще не опубликованного).

Неурожаи 1770—1771 гг., вынудившие правительство отойти от полулиберального режима, начало которому было положено в 1764 г.*, сделали Тюрго еще более убежденным сторонником полной свободы торговли.

В этой области его уверенность доходила до страсти.

И даже до горделивого утверждения своего превосходства, хотя и вполне оправданного, но несколько удивляющего нас самим способом выражения.

Две противоположные школы — либеральная и дирижистская** — уже проявили себя в эпоху Сюлли и Кольбера. Слова «сюллисты» и «кольберисты» вошли в обиходный язык. Друзья

1 Испанский экономист Антонио Серра.

* В 1764 г. был издан эдикт о свободе хлебной торговли. Правда, вывоз хлеба мог быть приостановлен в случае его вздорожания, если цена его дойдет до 12 ливров 10 су за квинтал. — *Прим. ред.*

** Дирижизм — экономическая теория, согласно которой государство должно вмешиваться в дела экономики и осуществлять свой контроль.— *Прим. ред.*

Тюрго, в частности Вольтер, желая ему польстить, сравнивали его с Сюлли.

А ведь сам Тюрго считал Кольбера, равно как и Сюлли, просто эмпириком. Ни один из них не сумел создать подлинной доктрины, ни тот, кто был к ней близок (Сюлли), ни тот, кто был от нее далек (Кольбер): «Он (Сюлли) не поднялся высоко ни над доктриной своего века, ни над Кольбером. Он только приложил чуть побольше усилий для того, чтобы поддержать торговлю зерном, но не имел на сей счет теории, опирающейся на твердую базу... Его во всем вел опыт землевладельца... К счастью, его интересы совпадали с интересами государства». А о Кольбере: «Он шел на поводу буржуазных предрассудков»[1].

Один лишь Тюрго имел доктрину. *Свою* доктрину. Впрочем, мы не можем его за это упрекать.

В чем же заключается эта доктрина?

В двух словах: это свобода хлебной торговли, выгодная как для потребителя, так и для производителя, а также (тут-то и видна вся оригинальность мысли Тюрго) и для общего развития экономики.

Мы уже говорили, что хлебная политика была главным звеном эксперимента Тюрго.

Сама эта политика сводилась просто-напросто к свободе торговли.

Начиная с середины XVIII в. этот вопрос часто и широко обсуждался[2]. Между либералами (физиократами, экономистами) и сторонниками регламентации шла полемика. Опыт свободной торговли рискнули реализовать между 1764 и 1771 гг. Однако от него отказались, так как именно ему приписали все просчеты последних двух лет. Вернуться к этому опыту и было главной задачей Тюрго.

Здесь мы не можем входить в детали этого спора, который попытались обрисовать глубже в другом нашем труде.

Однако приходится остановиться на кое-каких существенных моментах.

Либералы и сторонники регламентации, хотя и придерживались противоположных взглядов, исходили из аналогичной позиции при решении проблемы, и, таким образом, как те, так и другие первоначально совершали общую для них ошибку.

И впрямь общественное мнение, за редкими исключениями

1 Письмо г-же д'Анвиль от 4 декабря 1777 г. (неизданное).

2 «В 1750 г. нация, пресытившаяся стихами, трагедиями, комедиями, операми, романтическими историями, еще более романтическими рассуждениями на моральную тему и богословскими диспутами о благодати... начала рассуждать о зерне» (Вольтер).

(мы имеем в виду аббата Галиани, Террэ, с 1771 г., и самого Тюрго), склонялось к тому, что Франция, располагая большим количеством плодородных земель, с лихвой может покрывать потребность населения в продуктах питания. Конечно, бывают неблагоприятные годы и существуют непригодные для выращивания зерновых районы. Но нехватка зерна в этих районах легко перекрывается избытком его по всей стране.

Как же объяснить, что в этих условиях возникает такой разнобой в ценах и периодическая нехватка зерна, что каждые шесть-семь лет бывает полуголод, если не прямо голод?

По мнению сторонников регламентации, все зло идет от спекулянтов и скупщиков. Следовательно, необходимо принять жесткие меры, дабы помешать им наносить ущерб государству, то есть делать запасы зерна. Всякая регламентация направлена против накопления зерна в одних руках, против тех, кто делает запасы. Последнее положение широко развито авторами — приверженцами этой школы и нашло отражение в преамбулах к законодательным актам. Но это не только выражение официальной точки зрения, это — *общее убеждение.*

Частное письмо, которое мы приводили выше, достаточно ярко выражает точку зрения народа на сей счет: «Зерно дорожает не потому, что природа не пожелала расщедриться. Причина этого — алчность торговцев и ненасытное корыстолюбие нескольких богачей, которые, лишь бы не поступиться своим добром, преспокойно прошли бы мимо бесчисленного множества погибающих Лазарей, не испытывая ни малейшего сочувствия к их печальной участи»[1].

А что же отвечали им либералы?

Что причиной нехватки является... сама регламентация. По мнению Дюпона, все дело в том, что городская буржуазия решила оставить за собой монополию торговли и что люди ученые, наставляющие общественные власти, будучи сами латинистами и страстными приверженцами римского права, возжелали самым нелепым образом воскресить «анноны»*, существовавшие при Римской империи.

Итак, старый порядок жил, веруя в изобилие и страшась голода. Следуя за Эрбером, мы можем назвать это двойственное положение «парадоксом Тантала».

Обе школы ошибались равным образом насчет подлинного положения вещей. Среднего урожая, пусть даже он не приносил с собой изобилия, было совершенно достаточно.

1 Письмо Боссана де Биньон (Baussan de Bignon). Bibliothèque Nationale, Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 177.

* Аннона — в период Римской империи повинность населения снабжать продовольствием и фуражом города и армии путем натуральных поставок. — *Прим. ред.*

Вообще-то сделать точные подсчеты нелегко. Но доказательством тому служили статистические обследования (весьма, впрочем, несовершенные), практикуемые в ту эпоху. Урожай оценивался не по валовому сбору, а по сравнению с тем, что называли *«обычным годом»*. Интенданты писали: $^1/_2$, $^3/_4$ от «обычного года» — и выводили общий итог на основе частей от «обычного года» или месячного потребления зерна. Но документ, излагающий вкратце эти подсчеты, свидетельствует о том, что практически обычного года никогда не достигали. «Нормальный год составляет 8,8 двенадцатых» так называемого обычного года [1].

Один лишь аббат Террэ проник в суть проблемы и попытался ее разрешить.

Недород 1770—1771 гг. произвел на него потрясающее впечатление, и тогда он усомнился в правильности общераспространенного мнения. «Разве не правда,— вопрошает он,— что один хороший урожай может обеспечить потребность в зерне на два года?»[2]

И он дает распоряжения провести тщательные статистические обследования, для которых сам разрабатывает директивы.

Работа эта не была еще доведена до конца, когда Тюрго стал министром.

Он решил прервать начатое обследование и дал приказ интендантам прекратить работу[3]. Он считал, что первые полученные результаты малопродуктивны и новые обследования могут «вызвать в народе тревогу».

Можно только удивляться такому решению.

Пусть подобное начинание сопряжено с бесспорными трудностями, но не это же могло обескуражить человека, столь страстно преданного научным методам. А что касается ссылки на «психологический риск», то он мог иметь значение для кого угодно, только не для Тюрго. В тот же самый период именно он, не боясь никакого «психологического риска», упраздняет рыночные регламенты, бросая тем самым прямой вызов наиболее живучим в народе предрассудкам.

Таким образом, это редкий случай, когда сказался догматический склад ума Тюрго; он почти никогда не грешил этим вопреки укрепившейся за ним репутации.

Мера, принятая бесславным предшественником, не могла принести никакой практической пользы.

Собственная теория казалась ему столь непоколебимо убедительной, что она не нуждалась ни в какой предварительной

1 Labrousse. La Crise de l'économie française, p. 85. État des récoltes: Archives Nationales, F 20-105.

2 Циркуляр интендантам от 28 сентября 1773 г.

3 27 сентября 1774 г. (Foncin. Pièces justificatives. № 2)

проверке и не требовала подкрепления статистическими данными.

С другой стороны, следует отметить, что Тюрго не разделял общепринятого мнения насчет излишка получаемой в среднем продукции.

Нимало не заботясь о статистике и полагаясь на здравый смысл, он исходит из принципа, что средний по урожайности год, урожай «обычного года не может превысить обычное потребление». Будь это иначе, землепашец не преминул бы уменьшить размеры засеваемой площади.

Годы, превышающие по производительности обычные, естественно, дают излишек зерна; в годы ниже обычного, естественно, зерна не хватает.

Единственным пороком этого рассуждения является то, что Тюрго пренебрег гипотезой, по которой «обычное потребление» может само быть *недопотреблением.*

Тезис Тюрго о свободе хлебной торговли и впрямь можно рассматривать в трех различных аспектах. Первый, основанный на здравом смысле, совпадает прежде всего с точкой зрения «потребителя».

Второй относится к сельскохозяйственным доходам и совпадает с точкой зрения «производителя».

Третий касается заработков рабочих и рассматривает вопрос с точки зрения интересов «экономики вообще».

Прежде всего рассуждение, основанное на здравом смысле, которое представляется неопровержимым.

Раз существуют неурожайные годы и малоурожайные области, проблема состоит в том, чтобы *перемещать* или *перевозить* излишки зерна, дабы покрыть его нехватку. Хороший год должен окупать плохой. Урожайная провинция должна кормить провинцию малоурожайную или случайно оказавшуюся в неблагоприятных условиях.

Таким образом, по мысли Тюрго, следует поощрять накопление запасов и перевозку зерна, тогда как регламентация ставила своей целью обратные результаты.

«Перевозить зерно туда, где его нет», «хранить зерно для тех времен, когда его не будет», «черпать его оттуда, где оно есть».

Опровергается главный тезис аббата Галиани: запретительные меры рассчитаны на то, чтобы *«сохранять зерно там, где оно есть»*, тогда как речь идет о противоположном действии — *вывозить зерно туда, где его нет*[1].

1 Письма о хлебной торговле (Schelle, t. IV, p. 333, 501.)

А кому это под силу? Торговцам, одним лишь торговцам. Государство не может взять на себя такую обузу, с одной стороны, потому что было бы трудно найти для этой операции необходимые денежные средства, и с другой — потому что все операции государства в этой области встречались с недоверием.

Итак, следует всячески поощрять торговлю зерном вместо того, чтобы ее ограничивать.

Но ведь цены на зерно тогда неизбежно подымутся? Ну и пускай подымутся. Тюрго согласен пойти на такой риск. Цены-то в скором времени упадут, когда торговцы начнут перепродавать зерно. А для того, чтобы преодолеть опасный переход, откроем благотворительные мастерские. Таким образом, неимущим будет на что жить. А главное, мастерские обеспечат им, пусть минимальную, возможность делать покупки, так что торговцы смогут спокойно перевозить свои товары, не боясь отсутствия сбыта.

Существует некая связь — но ее не все и не всегда замечали — между учреждением благотворительных мастерских и свободой хлебной торговли. Благотворительные мастерские — мы еще вернемся к этому вопросу — в глазах Тюрго не только и не просто один из видов общественной благотворительности, взятый вне связи со всем остальным, но один из инструментов хлебной политики. В этом и заключается наиболее спорный пункт его системы.

АНАЛИЗ ДОХОДОВ, ПОЛУЧАЕМЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

Вот в чем заключается наиболее своеобразная часть доктрины Тюрго. Он формулирует настоящий экономический закон, который мы назвали «параболой Тюрго». Он изложен в четвертом письме, посвященном хлебной торговле, но, на нашу беду, письмо это утеряно. Мы знаем его лишь в изложении Дюпона (который, к сожалению, «омолодил» цифры). Поэтому эта часть творения Тюрго известна нам лишь в общих чертах.

За основу Тюрго берет обычный год и высчитывает валовой доход производителя зерна с арпана, умножая количество полученного зерна на существующие цены. Эта цифра, так сказать, исходная. Одновременно она составляет максимальный доход: вершину «параболы Тюрго»[1].

1 Слово «парабола» у Тюрго не упоминается.

По отношению к обычному году урожай может увеличиваться или уменьшаться: бывают годы плохие и весьма плохие, хорошие и весьма хорошие. Но во всех случаях доход уменьшится, следуя ускоряющемуся движению по кривой. И впрямь:

когда производство зерновых падает, цены подымаются, но недостаточно для того, чтобы компенсировать уменьшение количества зерна (так называемый закон Кинга, только наоборот);

если же, напротив, производство зерна возрастает, падают цены. И увеличение количества полученной продукции не компенсирует падение цен.

Вот это-то явление Тюрго и назвал, найдя удачное словцо, *«нищета изобилия»* (кризис перепроизводства).

Закон Тюрго, по существу, справедлив, с одной лишь оговоркой. *Год, взятый за основу*, не обязательно будет арифметически *средним* годом. Это год *оптимальный*, и он может быть по урожайности выше или ниже среднего.

Сформулировав свой закон, Тюрго дал блестящее объяснение постоянным неудачам замкнутой сельскохозяйственной экономики, первопричину неизменных сетований; это неестественное положение объясняется тем, что землепашец не может определить заранее размеры своих возможностей в смысле производства зерна.

Из этого следует, что производитель кровно заинтересован в том, чтобы по возможности урегулировать количество производимого зерна и цены на него. *«Стабильность»* цен [для производителя] гораздо важнее, нежели *«высокие цены»*.

Писатели-физиократы в какой-то мере обратили внимание на эту сторону дела, но один лишь Тюрго разобрался в ней до конца. Они вечно путались между понятиями «дороговизна», «хорошая цена» и «цена нормальная».

Интерес производителя, таким образом, смыкается с интересами потребителя, и тем и другим выгодно создание запасов зерна и его перевозки, что компенсирует неравенство количества произведенного зерна и цен.

По тем же самым соображениям Тюрго ратовал за свободу экспорта зерна.

Вывоз и впрямь позволяет производителю увеличивать среднегодовую продукцию, обеспечивая дополнительный рынок сбыта.

Тюрго считал, что регулирующие факторы внутреннего рынка смогут сыграть такую же роль на рынках международных. Если зерно экспортируют, цены на него повышаются. А если цена поднимается, нет нужды его экспортировать. Отсюда он вывел заключение, что экспорт зерна не угрожает всерьез снабжению внутреннего рынка. В его теорию вкрался тут лишь один пробел: она недооценивает географического фактора и высокой стоимости перевозок. Производители пограничной области могут быть заинтересованы в экспорте зерна, даже если цена на него внутри страны, в других областях, сильно возрастет. Тюрго ни разу не ответил внятно на это возражение, сформулированное Неккером и Галиани, но нашедшее наиболее полное выражение в записях Верженна[1].

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ И НА ЭКОНОМИКУ В ЦЕЛОМ

Наконец, крупнейшая заслуга Тюрго заключается в том, что он определил влияние движения цен (в свою очередь непосредственно связанного с количеством получаемого зерна) на размеры заработной платы.

Он вывел заключение, что *влияние цен на заработки* не простое и не единообразное явление. И в самом деле, главным элементом, определяющим ставки заработной платы, является не обязательно сама цена как таковая, а *доход* производителей. А ведь мы уже видели, что цена может подниматься, а доход в то же время снижаться. Если у землевладельца меньше денег, он не может повысить оплату труда своим работникам.

Таким образом, необходимо отличать одни ситуации от других.

Когда цены понижаются, заработная плата подстраивается к ним — она тоже падает.

Когда цены подымаются — мы имеем в виду постепенное, регулярное, прогрессирующее повышение цен, что соответствует общему развитию и чаще всего служит признаком процветания, — заработки тоже имеют тенденцию повышаться.

Если же, напротив, цены вдруг резко повышаются вследствие падения урожайности, тогда заработная плата вообще не повышается. Она понижается, ибо одновременно падают доходы производителей.

И только со временем и очень медленно они достигнут своего нормального уровня.

Вот эти-то колебания цен объясняют, хотя бы отчасти, не-

1 См.: Archives Lantheuil. См. ниже, часть третья, глава IV.

уклонное снижение реальной заработной платы в течение длительного периода. Именно они дают представление об экономической анархии в XVIII в. Однако Тюрго не пришел к такому заключению, ибо само это явление было обнаружено значительно позднее.

Прискорбное влияние, оказываемое колебанием цен на заработную плату, было подмечено некоторыми наблюдателями, однако им и в голову не приходило изучить это явление более глубоко.

Так, Монтийон отмечает (что дает нам право считать, что он мог бы стать одним из выдающихся экономистов своего времени):

«Именно эти внезапные повышения цен, эти политические потрясения (*sic!*) вызывают сетования неимущих, разоряют мануфактуры, разрушают порядок и экономику государства и дезорганизуют все звенья системы питания граждан, нарушая соотношения между заработной платой и всеми иными ценностями... до цен на продукты питания» [1].

Выводы:

регулирование количества зерна выгодно потребителю;

регулирование цен выгодно производителю;

и то и другое выгодно лицам наемного труда.

Все эти условия обеспечивают стабильную покупательную способность. На дальнейшей стадии увеличение *средней продукции* (результат свободы вывоза) позволяет увеличить массу заработной платы: то ли в виде улучшения индивидуальной покупательной способности, то ли давая возможность существовать большему числу работников.

Тюрго ясно видел и определил это положение.

Итак, свобода хлебной торговли есть нечто совсем иное, чем то, что мы себе представляли поначалу. Это не только юридическая точка зрения или даже здравая мера, направленная на то, чтобы облегчить повседневную жизнь людей, покончив с устаревшими сложностями и бесполезными ограничениями.

Это наилучшее средство экономической экспансии.

Это ключ к всеобщему благосостоянию.

1 Ответ на запрос Террэ, 7 декабря 1771 г. Монтийон был тогда интендантом Прованса. Ла Галезьер: «Поденная плата работников не повысилась одновременно с ростом цен на продукты питания в ожидаемой пропорции» (30 октября 1771 г. Ответ на ту же анкету). (Archives Nationales, F. 11-223)

ЭДИКТ ОТ 13 СЕНТЯБРЯ

Мы знаем, что еще до своего назначения генеральным контролером Тюрго изложил Людовику XVI свои проекты относительно хлебной торговли.

Уже будучи на посту министра, он вплотную занялся проведением своих идей в жизнь и приступил к осуществлению своей программы. Эдикт от 13 сентября 1774 г. является первым из его крупных административных актов. Этим эдиктом регламентация хлебной торговли отменяется не полностью. Он лишь служит первым этапом.

Для того чтобы полнее уяснить себе все значение этого акта, необходимо хотя бы в общих чертах напомнить, в чем состояла «дирижистская» система.

Традиционная хлебная политика, по существу, сводилась к трем главным вопросам:

1) хлебная торговля между провинциями;

2) рыночные установления и регламенты;

3) экспорт зерна.

I. Силошь и рядом читатель, под впечатлением лирического отрывка Мишле, «Марсельезы хлеба», приходит к мысли, что в 1774 г. перевозка хлеба и зерна из одной провинции в другую внутри самого королевства была категорически запрещена[1].

Это не совсем так.

И впрямь существовал старый регламент, по которому перевозки зерна были если не прямо запрещены, то производились по особому разрешению министра или интенданта. Впрочем, и регламент этот был достаточно неопределенным и нечетким, но сейчас мы не будем входить в его детали. Однако с 1764 г. этот регламент уже утратил силу. Он был отменен июльским эдиктом, который явился первым опытом свободы хлебной торговли. И регламент не был восстановлен в 1770 г., когда с этим опытом было покончено простой отменой предыду-

1 «Был во Франции некий злосчастный узник — хлеб, который силком вынуждали гнить там, где он родился. Каждая провинция держала свой хлеб на положении пленника. Амбары провинции Босс могли быть забиты зерном, но двери их не открывали для голодавших соседей... Став министром, Тюрго сразу же сел за стол, подготовил и написал превосходный сентябрьский ордонанс, благородный, ясный и красноречивый. Это была своего рода «Марсельеза хлеба». (**Michelet. Histoire de** France. Louis XVI, p. 206—207.)

щих мер[1]. Аббат Террэ категорически отказался восстановить прежнюю практику, запрещавшую циркуляцию зерна между провинциями. Эти перевозки будут свободными даже в отношении так называемых «иностранных» провинций или «наподобие иностранных».

Напротив, в королевской декларации даже уточнялось, в статье III, что под страхом кары «любому частному лицу запрещается чинить препятствия свободному обращению хлеба».

Таким образом, политика Террэ была и не такой дирижистской и не такой рутинерской, как считалось не только в те времена, но и впоследствии[2].

Свобода эта уже существовала, и не Тюрго ввел ее.

II. Однако существовал некий свод правил, касающихся лишь внутренней торговли зерном, правил также весьма сложных и разнообразных, которые мы для краткости именуем *рыночными установлениями и регламентами*. Установления эти были еще в силе, когда Тюрго пришел к власти, то ли потому, что были восстановлены Террэ в 1770 г., то ли даже потому, что они никогда и не упразднялись. Либеральный опыт 1764 г. и в самом деле был весьма неполным[3].

Все эти установления в конечном счете (во всяком случае, таковы были побуждения) подрывали торговлю, создание складов зерна и его перевозки; всякая деятельность в этой области считалась подозрительной как способствующая спекуляции и скупке. Свод этих установлений представлял собой подлинную крепость, и Тюрго задался целью разрушить эту бастилию.

Некоторые из этих регламентов налагали запрет на торговлю хлебом лишь для некоторых категорий лиц, и в частности для всех земледельцев. Таким образом, производитель ни в коем случае не мог торговать собственным же зерном.

Наиболее важные из этих установлений можно сгруппировать вокруг главной темы — «*снабжение рынков*». Требовалось, чтобы на рынках всегда было изобилие, ибо народ, видя собственными глазами товар, успокаивается.

Итак:

хлеб можно продавать только на общественных рынках;

производитель не только не может продать хлеб у себя дома, но и не имеет права хранить его у себя дольше определенного времени;

сама торговля хлебом на рынке строго регламентирована. Производитель, который вывез на рынок свой товар, не имеет

1 Решение Совета от 14 июля. Королевская декларация от 27 декабря.

2 См.: Girard. L'abbé Terray et la liberté des grains.

3 Этот момент освещен в работе: Gaudemet. L'abbé Galiani. Особенно см. с. 118—119.

права увезти его обратно. Он обязан продать его на третий базарный день за любую цену. При открытии рынка первым делом полагается обслуживать в основном частных лиц, а купцы и булочники допускаются лишь во вторую очередь и т. д. Наконец, особые установления существовали для Парижа и Парижского округа, а также для некоторых крупных городов.

Эти различные регламенты не были неизменными не только в пространстве (ибо имелось множество местных установлений), но даже во времени. Применяли их не всегда. И существовали они, скорее, для того, чтобы администрация могла властно вмешиваться при малейшем намеке на кризис.

Вот этот-то свод регламентов и решил Тюрго отменить в своем первом же эдикте.

III. Он, бесспорно, пытался сделать еще один шаг вперед и взяться за внешнюю торговлю. Но не сделал в этой области ровно ничего. Даже не затронул вопроса каботажных перевозок (а они ведь должны были стать объектом дополнительных мер в октябре 1775 г.).

Свободный экспорт зерна[1] был разрешен в 1764 г., но был предусмотрен целый ряд ограничений. Экспорт автоматически прекращался, когда цена хлеба на рынке достигала определенного уровня. Свобода экспорта стала причиной ожесточенных споров. Это постановление вызвало в народе сильнейшую тревогу и гнев. Трудно, даже невозможно было растолковать людям, почему зерно вывозят за пределы Франции, когда его может не хватить в самой стране.

Таким образом, в 1770 г. с этой свободой было покончено. Однако Террэ продолжал интересоваться этим вопросом и, в частности, несомненно, с целью приглушить критику либеральной партии, провел с интендантами широкую консультацию по этому вопросу, но интенданты высказывали самые разноречивые мнения, и дело кончилось ничем.

Думал ли сам Тюрго хоть на минуту об открытии границ? Шелль ссылается на то, что черновик, сохранившийся в архивах Лантейля, предусматривал эту меру. Но найденный нами текст не подтверждает его предположения. Это, скорее, просто иная редакция параграфа эдикта, трактующего этот вопрос[2].

Короче, Тюрго не занимался ни вопросом торговли между

1 Речь, понятно, идет о свободе экспорта без специального разрешения властей.

2 Проект из архива Лантейля

Его величество считает уместным отсрочить пояснение своих намерении относительно вывоза за границу зерна и муки до тои поры, когда создадутся благоприятные обстоятельства и для того наступит время.

Текст эдикта

Его величество не намерен ныне вынести решение о свободе вывоза хлеба за границу, откладывая это решение до наступления более благоприятных обстоятельств.

провинциями, так как в этом уже не было необходимости, ни внешней торговлей, так как это казалось ему несвоевременным.

Таким образом, его эдикт был целиком и полностью нацелен на отмену другой регламентации — свода установлений рыночной торговли.

С другой стороны, он делает тут исключение для регламентации хлебной торговли в Париже.

Следует заметить, что в проекте Лантейля имеется параграф, касающийся благотворительных мастерских, и это лишний раз подчеркивает, что для Тюрго существовала непосредственная связь между этим благотворительным учреждением и новой хлебной политикой. Но в официальную редакцию эдикта этот параграф включен не был.

И впрямь было бы весьма и весьма неосторожно вызывать в людских умах призрак нищеты, будь то даже с благотворительной целью ее предотвратить. Публика не преминула бы установить прямую связь между голодом и свободой хлебной торговли.

Но, исключив этот пункт из своего эдикта, Тюрго все же намекает на него в циркуляре, адресованном интендантам и генеральным прокурорам[1].

Своему эдикту Тюрго предпослал весьма обширную объяснительную преамбулу. Он тщательно работал над ней и по своей привычке рисковал затянуть это дело[2].

1 Schelle, t. IV, p. 210 et suiv., 19 septembre.

2 «Преамбула,—пишет «Journal historique» 20 сентября,—задержала опубликование закона; она должна была содержать краткое изложение всей доктрины экономистов по этому вопросу, и автор стремился сделать ее понятной для самых тупых голов». Эдикт, помеченный 13 сентября, был опубликован лишь 20-го, и задержка эта объясняется, несомненно, работой над окончательной редакцией преамбулы. Однако существует мнение, что запоздание это вызвано оппозицией кое-кого из членов Совета, в частности Дю Мюи, Сартина и Бертена (Journal de Baudeau; Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго. Одесса, 1884, с. 60). Первое объяснение кажется нам более правдоподобным. Циркуляры, адресованные генеральным прокурорам и интендантам, были, впрочем, разосланы 19 сентября. Аббат де Вери не говорит о какой-либо оппозиции членов Совета, но упоминает, что Тюрго весьма улыбалась перспектива ввести в состав правительства Ломени де Бриенна, дабы опираться на него именно при обсуждении экономических вопросов (Véri. Op. cit., t.I, p. 200). Он указывает также, что для решения зернового вопроса собирались создать Комитет и кое-кто из министров должен был быть недоволен тем, что их не намеревались пригласить для участия в работах этого Комитета. Так что весьма возможно, что в последнюю минуту собирались созвать настоящий Совет, дабы умиротворить обиженных. Но существование оппозиции как таковой маловероятно. В частности, это неверно по меньшей мере в отношении Бертена, что доказывает его переписка с Тюрго, где он хотя и призывает его к осторожности, но не возражает против эдикта по существу.

Тюрго охотно порывает с существующей традицией смягчать документы подобного рода. «Документ может показаться слишком длинным и тривиальным», — замечает аббат де Вери. А сам Тюрго говорит: «Его найдут многословным и плоским». Но ему хотелось «сделать его столь ясным, чтобы любой сельский судья мог растолковать его крестьянам». Он хотел также «предупредить их возражения», «представить истину столь простой, чтобы ни один из его преемников не смог бы ничего возразить»[1].

Ему всегда надо информировать, опровергать, убеждать. Он придает огромное значение общественному мнению — оно «многое может», — но он питает непомерные иллюзии насчет его восприимчивости, как и в то время, когда по его приказу в Лимузене распространяли руководство [экономиста] Ле Трона.

Преамбула эта в основе своей не содержит для нас ничего нового. Там настойчиво подчеркивается значение перевозок и хранения зерна (создание складов), а также неспособность государственной администрации вести торговые операции. Наиболее значительный пункт эдикта — это идущее наперекор общепринятому взгляду утверждение, что обычный год отнюдь не является годом изобильным. Отсюда Тюрго заключает, что плохой год дает урожай, не покрывающий потребности в зерне, и что при этом неизбежно повышение цен на хлеб. В таких условиях тормозить рост цен просто невозможно, и было бы непростительной ошибкой пытаться это сделать. В конечном счете именно это утверждение, казавшееся наиболее ясным, и вызвало впоследствии самую ожесточенную критику, направленную если не против самого опыта, то по крайней мере против формы его объяснения.

Пока что успех его ограничен. «Целая куча ученых рассуждений, — пишет «Журналь историк». — Все эти писания просто предел педантизма... адепт, который из кожи лезет вон, чтобы навязать другим свою доктрину». И напротив, Метра заявляет, что никакой другой министр, «не исключая всех Сюлли, Кольберов и д'Аржансонов, никогда не говорил с нашими хозяевами более благородным и более деликатным языком. Так говорит заботливый отец... нация с восторгом прочитала слова «собственность и свобода».

Бодо сделал, безусловно, верную запись: «Два противоположных слоя народа ничего в этом не поняли, а именно: придворная знать и высший слой городского населения, а равно и чернь. Уже давно я заметил, что между этими двумя крайностями существует полное совпадение склонностей и мнений».

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 201.

Широкая публика, в той мере, в какой она была настроена благожелательно, оказалась особенно восприимчива к пространным разъяснениям Тюрго, доказывавшего, что администрации не следует вмешиваться в торговлю. В этом увидели конец сделкам, размах и скандальный характер которых были явно преувеличены. Общественное мнение вообще неприязненно относилось к дирижизму, но не в его «запретительном» аспекте, а в аспекте «вмешательства».

Именно этот аспект подчеркивается в стихотворении, опубликованном в «Меркюр де Франс» под названием «Речь Генриха IV, обращенная к Людовику XVI»:

Едва ты сел на трон своих отцов,
Как обуздал мздоимцев и скупцов...

Если публика, по выражению Вольтера, «рыдала от счастья» (что кажется преувеличенным), она, конечно, придерживалась того же мнения.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛЕБОМ И ПЛАНОВОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ТЕРРЭ

Однако это была проблема, отличная от проблемы собственно регламентации.

Для Тюрго это была акция, аналогичная той, которую он проводил своим эдиктом от 13 сентября. Суть ее заключалась в том, чтобы и здесь порвать с прошлым, ликвидировав специальный счет для создания продовольственных запасов, финансируемый государством.

Обе проблемы можно было бы рассматривать независимо одну от другой. Можно вполне представить себе отмену рыночных установлений и тем не менее сохранение властью государства неприкосновенного минимума зерна. Да и сам Тюрго поступал так, когда был интендантом, и повторил это в национальном масштабе после разочарований 1775 г., придерживаясь, правда, чрезвычайно гибкой формулы «вознаграждения — гарантии» (договор Лелё).

Но проводимая прежде политика представляла собой государственную торговлю хлебом в прямом смысле слова, так как торговые операции производились за счет государства с выгодой и убытками для него (фактически всегда с убытком).

Такое государственное управление было несовместимо с целями, которые ставил перед собой Тюрго, даже если бы он смотрел менее оптимистично на успех своего замысла.

Он полагал — быть может, несколько упрощая проблему, — что недопустимо частичное государственное управление, ибо никто не в состоянии бороться с государством, которое продает с убытком для себя и вмешательство которого в сектор распределения исключало свободную торговлю[1].

К тому же для Тюрго не могло быть и речи о том, чтобы сохранить организацию, идентичную предшествовавшей системе, ибо она вкупе с этой системой, крайне ненавистной, стала бы явным объектом подозрений и народного гнева.

Государственная хлебная торговля не была личным изобретением Террэ. Однако он придал ей более четкую структуру — далее мы увидим, какого характера, — и более широкий масштаб, чем это допускали ранее.

Не обращаясь к более далеким прецедентам, сошлемся на существовавшую с 1746 г. специальную кассу, обслуживавшую операции с зерном и имевшую своего казначея, Мирлево, который занимал эту должность до 1774 г. Счет этой кассы предусматривал отдельные и нерегулярные операции, но, по существу, это являлось формой государственного управления. К тому же король располагал собственными зерновыми складами[2].

В 1765 г. генеральный контролер Лаверди (Л'Аверди) заключил договор с мельником по имени Малиссе, специалистом новейших методов «экономичного» помола, которому уже с 1762 г. было поручено обеспечить неприкосновенный запас хлеба. В соответствии с этим договором Малиссе обязывался сохранять постоянный запас на известном уровне (40 тыс. сетье*).

---

1 Преамбула эдикта.

2 См.: Biollay Op. cit., p. 77 Этот же Мирлево стал героем примечательного происшествия. Двадцать восемь лет он держался в тени, а затем вдруг вздумал оповестить общество о своем официальном звании казначея особой хлебной кассы, финансируемой королем, в королевском альманахе 1774 г., что и послужило поводом для скандальной огласки и отставки Мирлево. Публика не могла поверить, чтобы эта особая касса не служила ширмой для бесчестных махинаций. Тогда и был сочинен знаменитый куплет:

Сегодня то, о чем твердили потихоньку, стало явным:
Дары Цереры с прибылью сбывает плут,
А добрый наш король не делает из этого секрета,
О чем без всякого стесненья сообщает,
Печатая в почтенном Королевском альманахе
И звание, и адрес своего счастливого агента.
(«Journal historique», 1 février 1774.)

В итоге альманах был ликвидирован, но не счет. Вместо Мирлево был назначен Ролан.

* Сетье — старинная мера сыпучих тел, равная 192 литрам (в Париже). — *Прим. ред*

За это он получал постоянное вознаграждение (24 тыс. ливров). Когда цена хлеба была ниже 21 ливра, он имел право продать часть зерна в свою пользу с обязательством его восполнить. Когда цена хлеба была выше 25 ливров, торговля могла производиться только в пользу короля, который обеспечивал возмещение запаса. Малиссе получал тогда 2% комиссионных. Следовательно, это только весьма частичное государственное управление. Государство берет на себя ответственность только при известных обстоятельствах. Малиссе только очень редко является исполнителем воли государства.

Вот в связи с этим-то договором (а не в связи с договорами, впоследствии заключенными Террэ) и возникла в мозгу одного экзальтированного человека, Ле Прево де Бомона, легенда о «Пакте голодовки». Поскольку Малиссе создал торговое общество, что было самым обычным делом на свете, стали поговаривать, что правительство является компаньоном этого коммерсанта, чтобы участвовать в прибылях на спекулятивных операциях с хлебом. Миф о «Пакте голодовки» приняли на веру различные историки, как, например, Мишле, Анри Мартен и биограф Тюрго — Фонсен. Исследования XIX в. доказали полную беспочвенность этого мифа[1]. Поэтому мы не развиваем эту тему, тем более что легенда эта имела широкое хождение только во время Французской революции.

Если о «Пакте голодовки» и не говорили, то это не значит, что операции Малиссе, покрываемые государственной властью, не навлекали на себя критику и подозрения; Руанский парламент направил даже письменное разоблачение по этому делу[2]. Малиссе в то время был устранен, и, несомненно, по этой причине, но система продолжала медленно функционировать под управлением Леруа де Шомона. Договор Малиссе, стало быть, существовал наряду с либеральным режимом 1764—1770 гг.

Положив частично конец либеральным экспериментам, аббат Террэ возобновил практику вмешательства на другой основе. Он велел купить от имени короля крупные мельницы, которые Малиссе построил в Корбее, и поручил операции по заготовке зерна — на сей раз на условиях полностью государственного управления — двум купцам, Сорену де Бонну и Думерку, под контролем — во всяком случае, теоретическим — некой комиссии[3]. В распоряжении Сорена и Думерка были мельницы в Корбее и ряд других предприятий, а также значительный кредит, открытый им государством (порядка 12 млн. ливров)[1], и получали они двойные комиссионные, по 2% за куплю и продажу. Общий итог этого экономического мероприятия, длившегося с июня 1770 г. по сентябрь 1774 г., выражается убытком примерно 8 или 10 млн., по меньшей мере 2 млн. ежегодно.

1 См.: Gustave Bord. Le Pacte de Famine; Biollay. Le Pacte de Famine; Léon Cahen. Le Pacte de Famine.—«Revue historique», 1935, p. 173 et suiv.

2 Письмо от 29 октября 1768 г. Archives Nationales, AD XI, f° 39; Girard. Op. cit., p. 16.

3 В ее состав входили: Ла Галезьер, Ла Мишодьер, де Фуркё и Сартин, а в качестве докладчика Броше де Сен-Пре.

Создавая организацию такого масштаба, аббат Террэ вовсе не преследовал корыстных целей, не искал способа нажиться нечестным путем, в чем его долгое время подозревали. Государственные торговые операции не были для него неожиданной возможностью сорвать куш; для него это было частью проводимой им общей политики, которая сегодня представляется нам необыкновенно цельной и даже весьма значительной.

И в самом деле, как и у Тюрго, у аббата Террэ была своя хлебная политика, но, проводя ее, он руководствовался другими воззрениями, чем Тюрго, подчас прямо противоположными. Позиция его не представляет собой рутинную, лишенную перспективы позицию сторонников традиционной *регламентации*.

Мы видели, что аббат Террэ не согласился восстановить изоляцию одной провинции от другой; он, напротив, намеревался гарантировать свободу товарооборота; с другой стороны, он с головой ушел в затеянное им громадное статистическое начинание. Забота об этом деле была связана с большим проектом планового снабжения продовольствием, общее представление о котором мы можем получить по записке, приложенной к прогнозам урожая на 1771 г.[2]. Характерная идея этого проекта состояла в постепенном сокращении расстояния для перевозок, дабы свести к минимуму расходы на транспортировку.

Не подлежит сомнению, что такой всеобъемлющий план, охватывающий все районы страны, если считать его осуществимым, требовал вмешательства государственной власти. Частная торговля, если даже предположить, что она располагала для этого средствами, не могла добиться такой координации.

1 Цифра указана Тюрго в документе, приводимом ниже. Сорен и Думерк сами признают, что получили 11 500 тыс. ливров. Однако, по подсчетам Тюрго, общая сумма выданных ссуд достигала 14 350 тыс. ливров. В придачу к этому Сорен и Думерк пользовались в качестве оборотного капитала суммами, выручаемыми от собственной продажи. Убыток был подсчитан после вычета из этой общей цифры суммы, полученной после ликвидации запасов, о размерах которой мы располагаем общими и не совпадающими данными. См.: Biollay. Op. cit., p. 203 et suiv. et notes. Сумма убытка 2 млн. в год обычно считалась в порядке вещей. См. доклад Табуро королю от 23 февраля 1777 г. (Bibliothèque Nationale, Vp 2680.)

2 Bibliothèque Nationale, Fonds Joly de Fleury, 1158, 1771 f°s 7 et 8.

Приводим ниже воображаемый диалог (перед «областями», окрашенными в зеленый, красный, фиолетовый и желтый цвета).

ТЮРГО. Предоставим действовать купцам. Если в Лимузене не хватает хлеба, они отправятся за ним в Пуату, если хлеба не хватает во Франш-Конте, они отправятся в Иль-де-Франс, и т. д. Купец увидит в каждом таком случае, какой район с избытком хлеба расположен ближе всего к району, где его недостает, и сделает свое дело. Зерно подорожает из-за расходов на перевозку и из-за барышей купца, а мы создадим благотворительные мастерские, чтобы и самые обездоленные могли покупать себе хоть минимум съестных припасов.

ТЕРРЭ. Не стройте себе иллюзий. Ваши купцы поймут только в последнюю минуту, вернее, *после* нее, когда будет уже слишком поздно, в каких районах имеется излишек или нехватка хлеба. Будет ли тотчас же достижим для вашего лиможского коммерсанта хлебопродавец из Пуату? Не предпочтет ли этот последний выждать, чтобы продать свой товар на месте или подороже? А я — государство — могу заранее определить, пусть даже грубо, спрос и предложение в каждой провинции. Я возмещаю (возможную) нехватку ввозом из-за границы, чего ни один из ваших купцов не может сделать заранее и в широком объеме. В этот момент я буду уверен в достигнутом *полном* равновесии. Я и не стану вывозить мое импортное зерно наобум из Марселя в Эльзас, где, как я вижу, в этом году недостает зерна. Зерно, ввезенное через Марсель, я велю смолоть, чтобы дешевле обошелся сухопутный фрахт, и оно медленно будет плыть вверх по Роне, по направлению к Лиону. Стало быть, Лион не затребует хлеба с берегов Соны, и им можно будет накормить Франш-Конте. Точно так же я обеспечу из Руана (куда я прикажу доставить хлеб из французских провинций) снабжение Парижа (водным путем), что позволит мне высвободить излишек хлеба в Суассоне для Шампани, а хлеб Шампани для Лотарингии и т. д.

А пока этот огромный механизм еще не был пущен в ход, аббат Террэ применял частично основные идеи этой системы. Государственное вмешательство в торговлю значительно увеличивает ввоз зерна из-за границы, приводит к выравниванию количества хлеба в провинциях путем товарооборота между ними. Но Террэ предполагал воздействовать не только на количество хлеба, но и непосредственно на его цены. В этом, быть может, и заключалась его ошибка, так как операций по регулированию количества зерна было бы достаточно, чтобы сдержать повышение цен. Инструкции же государственного контролера, наоборот, рекомендовали продавать зерно по цене несколько ниже рыночной (но не чрезмерно, чтобы зерно не скупили сами купцы)[1]

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что государственные операции по торговле хлебом сопровождались постоянными убытками Равным образом были убытки при операциях по импорту, оказавшиеся чрезмерными.

Что касается эффективности системы в первые годы проведения этого эксперимента, то по этому поводу высказаться довольно трудно. Системе приписывают голод и волнения, имевшие место преимущественно в южных районах Прованса, Гиени и Лангедока, в тех самых, где парламенты проявили верность либеральной системе и устраивали обструкцию указам 1770 г.[2] Это обвинение кажется не слишком убедительным в том. что касается бедствий населения[3]. Оно, возможно, более справедливо, когда речь идет о народных волнениях Слухи, касающиеся этих операций, могли если не возбудить, то хотя бы усилить нервозность публики. Деятельность агентов Сорена и Думерка казалась тем более возмутительной, что вывоз был вообще запрещен, а эти агенты были избавлены от соблюдения регламентов, между тем как в отношении всех других они соблюдались особенно строго, так, например, запрет покупок на складах и перевозки по рекам и т. д [4].

Надо сказать, что народ быстро приходил в возбуждение и часто без основательной причины Особенно типична история бунта в Туре, где в марте 1774 г. разграбили суда с хлебом «Это было вызвано вовсе не дороговизной, — отмечает «Журналь историк», — но страхом, как бы хлеб не вздорожал, поскольку народ видел, что вниз по Луаре отправляется большое количество зерна...» И в связи с этим случаем отмечается штрих, который несколько позднее поможет нам понять кое-какие поразительные стороны «Мучной войны». Некоему субъекту, спросившему мятежников, что они делают, они весело ответили «Сударь, мы бунтуем!»

Как бы то ни было, Террэ остался хозяином положения на Юге, где зерно появилось вновь и где парламенты смирились. Беспорядки не докатились до столицы, что было бы для пра-

---

1 Archives Nationales K 908, Girard Op cit, p 70

2 См Rapport Archives Nationales, K 1022, № 25

3 Для них действительно был целый ряд особых причин прекращение ввоза продовольствия из Леванта в Марсель вследствие русско турецкой войны, ураган в Провансе и т д (Афанасьев Г Е Цит соч) Поэтому общая оценка аббата де Вери кажется нам чересчур суровой «Результатом этой неумелости была чрезвычайная дороговизна . мятежи были довольно частыми и—смею сказать — почти законными » (Op cit, p 75)

4 Об этих операциях см Афанасьев Г Е Цит соч, Girard. Op cit, p 103, Biollay Op cit, p 137 et suiv

вительства особенно опасно, и волнения повсюду мало-помалу улеглись. Так что эта система государственного управления не была ни столь губительной на деле, ни столь абсурдной по своей концепции, как это обычно считают[1].

К тому же взгляды Террэ претерпели известную эволюцию. Так, несомненно под впечатлением вспышек народного недовольства, он пришел к решению довести до минимума государственные закупки зерна на внутреннем рынке и прибегнуть почти исключительно к импорту, что соответствовало самой характерной идее его первоначального плана. Таково к тому же было заключение, вынесенное в 1772 г. созданной им комиссией[2].

В то самое время, когда Террэ утвердился в этой новой тенденции, он направил интендантам циркуляр, имевший целью защитить правительство от распространявшихся слухов. Он подчеркивал, не без некоторого основания, противоречия в оценке правительственного вмешательства общественным мнением. Власти обвиняются одновременно как в том, что *наживаются на гнусной монополии, так и в том, что подрывают торговлю, продавая зерно в убыток.* Властям как бы приходится лавировать «в узком проливе, полном рифов»[3].

Обвиняя в «монополии» государственные торговые операции, народ имел в виду не только купцов, их осуществлявших, не только агентов властей, которые находились в непосредственном контакте с ними и чья честность поэтому была часто под сомнением (не всегда безосновательно). Он считал, что к спекуляциям и скандальным делам были причастны и высшие сферы государства: министр, фаворитка, да и сам король.

1 «Попытка с экономической точки зрения абсурдная». (Schelle, t. IV, p. 43, или: «Его роковые операции». (Dakin. Turgot ant the *Ancien Régime* in France. London, 1939, p. 177.)

2 На 1773/74 г. план импорта составлял 700 тыс. сетье.

3 Вери упрекнул Террэ в том, что в этом документе он отрицает существование общества [Сорена и Думерка]. На самом же деле в письме к интендантам от 28 сентября 1773 г. не содержится абсолютного отрицания, ибо, совершенно отвергая существование «монополии», аббат Террэ отмечает: «Если правительство приказало ввезти хлеб в различные провинции, то цель этого — заставить продавать его в убыток». Следовательно, он считал, что термин «монополия» означает стремление к материальной выгоде. В письме к некоторым торговым палатам он подчеркивает: «Я не отдавал никакого распоряжения, которое можно было бы понять как приказ закупать зерно в вашей провинции. Тот, кто скажет, что уполномочен на это правительством, — обманщик». (1 сентября 1773 г. Archives Hérault, c. 2915, цитируется в: Girard. Op. cit., p. 188.) Это необязательно лицемерие: кажется, Сорен и Думерк действительно в то время не совершали больше никаких операций, во всяком случае в этих провинциях. Вообще говоря, Террэ скорее заявлял о своих намерениях на будущее, чем собирался отчитываться за прошлое. (Véri. Op. cit., p. 119.)

Аббат де Вери служит как бы эхом этой молвы, правда всячески отклоняя возможные подозрения, что слухи исходят от него самого. «В народе говорили, что король и Дюбарри участвовали в прибылях от хлебной торговли. Я же не решусь это утверждать». Однако этот трезвый наблюдатель полагал, что такие счета могли служить маскировкой для некоторых расходов.

Он отвергает клеветнические слухи, распространявшиеся о Террэ: «Я хочу верить в честность его намерений в этом деле вопреки пошлым подозрениям».

Что касается существа проблемы, аббат де Вери не принимал всерьез идею дирижизма, основанного на статистических обследованиях. «Цель этих изысканий... уравновесить путем кабинетных подсчетов потребности и ресурсы каждой провинции. Школьнику... и тому непростительно предаваться подобным фантазиям». Но сегодня мы далеки от того, чтобы считать эти попытки абсурдными[1].

Если только не стоять на позиции бескомпромиссного либерализма Тюрго, то совершенно очевидно, что рассматриваемый здесь дирижизм Террэ был самой разумной и, возможно, наиболее действенной политикой.

Она была вообще плохо понята — в первую очередь потому, что ее создатель не смог придать ей законченную форму, а также потому, что он не обладал даром давать пространные объяснения[2].

Если две политики (Террэ и Тюрго) с определенной точки зрения можно противопоставить друг другу, то их можно в то же время и сочетать. Есть у них одна общая черта: концепция одновременно аналитическая и созидательная, которая так отличает их от ограниченного консерватизма сторонников чистой регламентации. Государственное регулирование и вмешательство обеспечили бы Тюрго прикрытие и безопасность, в которых нуждался его смелый эксперимент. К тому же они позволили бы ему проводить в благоприятных условиях политику развития внешней торговли, используя в случае надобности предложения, выдвинутые дальновидными и находчивыми интендантами; интендантом Алансона Жюльеном и интендантом Прованса Монтийоном[3].

1 Véri. Op. cit., p. 118.

2 Лучше всех изучил эту политику Жирар. Нам кажется, однако, что он недостаточно подчеркивает тесную взаимосвязь между различными частями плана.

3 Интендант Алансона предложил обложить вывоз зерна переменной пошлиной, которая могла бы заменить, в смягченной форме, полный запрет на вывоз хлеба (25 января 1772 г., ответ на запрос Террэ).

Система Монтийона — плод вдохновения «опытного коммерсанта» — гораздо больше изучена и соответствует современной практике компен-

Но Тюрго в своей эвклидовской убежденности полагал, что не нуждается ни в системе Террэ, ни в системах Жюльена и Монтийона, ни тем более в услугах Сорена де Бонна и Думерка.

Тюрго без всяких околичностей расторг контракт с Сореном и Думерком — текста контракта мы не знаем, возможно, он и не был составлен. Таким образом, склады хлеба остались просто собственностью государства. Дюпон указывает, что Тюрго велел ликвидировать запасы и что было получено 4 млн. ливров[1]. На основании этого краткого указания некоторые историки сочли, что Тюрго ликвидировал все склады сразу[2]. Это, конечно, ошибочная точка зрения. Согласно записи, имеющейся в архивах Лантейля[3], Тюрго, напротив, предполагал сохранить для Парижа 100 тыс. мешков, которые продавались бы так, чтобы не мешать свободной торговле.

Итак, зерновой фонд в целом составлял, по данным Дюпона, 177 тыс. сетье, а по утверждению Тюрго, 150 тыс. сетье, и часть запасов находилась в провинции. Согласно данным, которыми мы располагаем, ликвидация запасов проводилась в нарастающем темпе и продолжалась до начала сентября 1774 г., до того времени, когда склады были переданы братьям Лелё[4].

Несомненно, что только в провинции продажа проходила очень быстро, как твердо обещал Тюрго в циркуляре, адресованном торговым палатам.

Тюрго решил также проверить счета Сорена и Думерка. Бумаги этих коммерсантов были опечатаны 23 сентября 1774 г., возможно в связи с документами, выловленными в Сене при не вполне ясных обстоятельствах[5]. Снятие печатей и опись

сации. Он предлагал создать фонд, находящийся в ведении Торговых палат и пополняемый за счет премий за ввоз и за счет вывозных пошлин Можно было варьировать ставки этих премий и пошлин в зависимости от обстоятельств, с тем чтобы стимулировать либо ввоз, либо вывоз хлеба, и использовать суммы, лежащие на этом счету, как оборотный фонд.

1 Du Pont Op. cit, p. 184. Ленге говорит о 6400 тыс., Тюрго оценивает сальдо в своем отчете от 16 октября в размере 1500—2000 тыс. ливров

2 См.: Ségur. Au couchant de la monarchie: Louis XVI et Turgot, p. 158.

3 Папка 19. Проект капитуляции, признающий особые права Парижа в рамках свободы хлебной торговли (запас в 30 тыс сетье предполагалось сохранить для больниц, но за счет ввоза). Наконец, из той же записи выясняется, что распоряжения Террэ остаются в силе до тех пор, пока Нант, Бордо, Ларошель, Байонна и др. не запасутся зерном в Голландии, Северной Африке или еще где-нибудь

4 См. далее, часть третья, глава IV.

5 «Journal historique», 29 septembre, 2 octobre, 1774 Согласно показаниям заинтересованных лиц, они стали жертвами некой махинации

бумаг под наблюдением комиссара Серро заняли еще несколько месяцев; затем бумаги были обследованы Альбером в сотрудничестве с Лелё[1]. Далее мы увидим, каковы были последствия этой аферы.

Тюрго, не дожидаясь конца этого расследования, направил королю доклад о государственных торговых операциях с хлебом. Этот доклад, датированный 16 октября, обвиняет купцов в различных злоупотреблениях. Несмотря на полученные от правительства авансы, они широко прибегали к кредиту, перелагая таким образом на государство бремя «комиссионных расходов, многочисленных и чрезмерных». С другой стороны, они как будто использовали государственные фонды для всяких коммерческих операций, которые, казалось, не имели никакого отношения к делам управления: покупка овса, операции по скупке в Марселе зерна, уже ввезенного частными торговцами, которое Сорен и Думерк якобы перепродавали тут же на месте французским или иностранным купцам. Наконец, они будто бы даже выдали зерно короля за свое собственное, чтобы получить авансы, предназначенные для коммерческих операций в Леванте (в пиастрах, сахаре и других товарах).

В итоге их деятельности создалось плачевное положение: «Главные города королевства завалены их зерном и их долговыми обязательствами».

Наконец, они выдали 100 тыс. ливров Броше де Сен-Пре, который был смещен, и 268 тыс. ливров Леклерку, первому секретарю Террэ, уволенному Тюрго[2].

Хотя доклад Тюрго был составлен задолго до того, как расследование было закончено, выводы его доклада, кажется, в основном подтвердились впоследствии. Главный упрек в претензиях, предъявленных управляющим, был: «постоянный лаж в ущерб королю». После многих неприятностей в мае 1775 г. счета были наконец утверждены в мае 1776 г.

Сколь ни предосудителен подобный образ действий, ничто не подтверждает обвинений, обычно предъявляемых аббату Террэ.

Напротив, как справедливо замечает Биоллэ, невольно приходишь к мысли, что, если сам министр был сообщником этих мелких спекулянтов, им совершенно незачем было соблазнять денежными подачками его служащих. Террэ никогда ничего не могли поставить в вину, кроме одного факта: он сдавал вна-

приказчика г-на Альбера. («Journal historique», 3 novembre 1774.) Факт, во всяком случае, неопровержимый, поскольку последний счет носит следы вознаграждения в 100 франков, выплаченного рыбакам, выудившим бумаги из Сены. См.: Archives Nationales, F. 12, 1195.

1 Archives Nationales, Y. 15, 583.

2 См.: Часть первая, глава IV.

ем Сорену и Думерку зернохранилища, находившиеся в его поместьях Поступок этот может показаться достойным сожаления, однако он не был совершен втайне. К тому же по меньшей мере одно из этих зернохранилищ, находившееся в Ламоте, сдавалось под королевский склад с 1761 года, задолго до того, как Террэ занял пост генерального контролера[1]. Второе зернохранилище — на мельнице, находившейся в Шиесса, — было сдано в аренду только в 1772 г Это соглашение об аренде было расторгнуто после ликвидации общества, занимавшегося торговыми операциями хлебом за счет государства, и бывший генеральный контролер получил 18 марта 1775 г сумму в 2250 ливров, которую ему оставались должны[2].

Все это подтверждает, насколько несправедливы или невообразимо преувеличены были нарекания на Террэ в народе еще до того, как возникла легенда о «Пакте голодовки». Но также несомненно и то, что опыт планового дирижизма мог бы быть успешным, если бы он опирался на более серьезное и более жесткое руководство торговлей[3].

УКАЗ

Согласно законодательной процедуре того времени, решения Королевского совета должны были становиться объектом именных указов (lettres patentes) Именно эти указы и подлежали регистрации в высших судах и придавали этим решениям обязательную силу закона Данный указ был принят только 2 ноября 1774 г Он отличался как по существу, так и по форме замечательным своеобразием

Для формы указа характерно наличие преамбулы, очень короткой, но служащей дополнением к преамбуле эдикта Эта преамбула действительно содержала формальное осуждение практики государственной торговли зерном, которой следовали при правлении Террэ Тюрго, несомненно, счел себя вправе

1 Расписка от 2 сентября 1761 г в получении 750 ливров (за 6 месяцев аренды) см об этом в Girard Op cit, p 126 Этот документ находится в Archives Nationales, F 11, 1194

2 Schelle t IV, p 35 et 196 Archives Nationales, F 11, 1195

3 Разумеется, было трудно найти хороших управляющих Малиссе, как известно, доставил немало неприятностей Кажется, правильнее всего было поставлено дело у братьев Леле Впрочем, благодаря договору Тюрго обязательства государства были к тому же ограничены заранее обусловленной неустойкой См далее, часть третья, глава IV

после первых результатов расследования неудовольствоваться общими фразами, а нанести решающий удар «дирижизму», облекши это в конкретную форму, которая, очевидно, была наиболее доступна для восприятия народа. «Затруднения и помехи, чинимые хлебной торговле, — указывает он, — привели к тому, что цены на зерно оказались в полной зависимости от воли и соображений управляющих, которые скупали зерно на чужие деньги и поставляли его с большими затратами и с опозданием»

Это было серьезным отклонением от правила, молчаливо принятого сменявшими друг друга министрами, — щадить предшественников, и, учитывая общественное мнение, едва ли этот шаг был удачным Общество увидело в этом подтверждение, скрепленное высшим авторитетом короля, самых распространенных предрассудков, которые мешали ему видеть подлинную суть проблемы Оно и так уже было более чем склонно связывать всякую попытку регулирования в области продовольственного снабжения с бесчестными махинациями государства или частных лиц. Привыкшее винить во всех кризисах не недопроизводство, а спекулянтов или администрацию, общественное мнение обрело наконец идеальную мишень государство-спекулянта Из этого оно, конечно же, делало вывод, что стоит лишь закоренить это зло, как тут же наступит полный порядок изобилие и дешевизна

Так для него готовилось еще более жестокое разочарование. Так назревала внутри общества еще более опасная реакция, чем прежде.

Что касается самих предписаний, то они предусматривали серьезный отход от решения Королевского совета: под реформу не подпадали не только экспорт, но и особые рыночные установления для города Парижа. А эти регламенты оговаривали не только особые ограничения для торговли в радиусе десяти лье вокруг столицы, но и само применение рыночных правил, которые были предусмотрены специальными документами для Парижа

Наконец, сама дата указа говорит о тайном замысле Тюрго и в самом деле умышленно медлил с его обнародованием, чтобы иметь возможность направить его в восстановленный парламент, а не в парламент Мопу.

Это доказывает, во-первых, что Тюрго ожидал этого восстановления и что между 13 сентября и 2 ноября он не собирался чинить ему препятствий. Следовательно, подтверждается толкование, предложенное нами в предыдущей главе. Во-вторых, таким образом, обнаруживается, что Тюрго хотел оказать внимание своим прежним коллегам, демонстрируя, что он не собирается обойти их.

Об этом обстоятельстве сообщает нам посол Англии лорд

Стормонт, который однажды беседовал на эту тему с Тюрго в Компьене в сентябре месяце[1].

Парламент, конечно, был благодарен Тюрго за это внимание. Понятно также, что он отнюдь не был заинтересован в том, чтобы на первых же порах своей деятельности затевать серьезный конфликт. Таким образом, 19 декабря он согласился зарегистрировать указ, хотя некоторые члены парламента, особенно аббат д'Эспаньяк, и выступили с возражениями[2]. Впрочем, возможно, что сделанное в пользу Парижа исключение было результатом предварительной консультации с некоторыми членами парламента, так как, по сообщению того же Стормонта, самые «твердолобые» больше всего были озабочены именно снабжением Парижа. Регистрация сопровождалась одной *retentum* (оговоркой), о которой мы уже говорили, где *in fine* (в конце) подчеркивалось: «Парламент питает также уверенность, что благоразумие короля подскажет ему средство, способное наилучшим образом обеспечить постоянное снабжение рынков».

Парламент избавил правительство от обструкции, но уклонился от того, чтобы взять ответственность на себя. Он подтвердил свою верность идеям прежней системы как раз в тот момент, когда соглашался на ее отмену. Он ответил благоразумием на благоразумие. Плоды собственного благоразумия он не замедлил пожать.

Следуя его примеру, провинциальные парламенты проявили уступчивость, за исключением Руанского, который по-прежнему подстрекал Миромениль. Этот парламент неизменно стоял на крайней позиции самой худшей разновидности демагогии: он выступал одновременно и против либерализма, и против этатистской политики.

Он тянул с рассмотрением вопроса и согласился на регистрацию только 21 декабря 1775 г., сопроводив указ неприемлемой поправкой. Но обстоятельства тогда складывались по-иному[3].

Уступка, сделанная Парижу, уважительное отношение к

1 Депеша от 21 сентября, цитируемая в: Dakin. Op. cit., p. 179.
2 Moreau. Mes Souvenirs. Paris, 1898, t. II, p. 187.
3 Поправка гласила: «Парламент и полицейские судьи, каждый в пределах своей компетенции, будут, как и прежде, следить, чтобы рынки снабжались достаточным количеством хлеба». Это значило вновь вернуться к регламентации снабжения рынков и отменить всю реформу. Министр юстиции Миромениль в своей довольно сбивчивой записке допускает, что постановление Руанского парламента дает основание для кассации, но подчеркивает, что эта мера представляется ему несвоевременной. Тюрго в свою очередь делает замечания на полях записки Миромениля. (Schelle, t. IV, p. 217 et suiv.) Кассация была проведена решением Совета от 27 января 1776 г. на основе соображений, высказанных Мальзербом. (Schelle, t. V, p. 215 et suiv.)

парламенту подтверждают дух умеренности и снисходительности, проявленный Тюрго в первых попытках проведения своей хлебной политики.

Здесь мы вновь видим — да простят нам нашу настойчивость в этом вопросе — осторожного новатора, умеренного и дипломатичного Тюрго «периода восхождения», столь отличающегося от образа Тюрго, созданного легендой. Мы видим Тюрго, которого академик Сорен в январе 1775 г. воспел в стихах:

Министр — враг роскоши и блеска..
. . . . . .
Усердный разум твой в решеньях скор,
Все видит просвещенный взор:
И то, что Время дозволяет,
И с чем велит повременить [1].

1 «Journal historique», 31 janvier 1775.

Глава II Предвестники

Я полагал, что скорей укреплю принципы свободы, если буду развивать их неторопливо.

Письмо Тюрго интенданту Пикардии (1 декабря 1774 г.) [1]

ДОРОГОВИЗНА ПРОТИВ ГОЛОДА

Как ни осмотрительно действовал Тюрго, он брал на себя огромный риск, начав проводить свою политику сразу же по вступлении в должность. Ведь по всем признакам урожай ожидался плохой, и Тюрго не мог этого не знать.

При этих обстоятельствах его решимость можно сформулировать так: он хотел поставить на дороговизну против голода.

Он не мог одновременно избежать и того и другого, что было бы возможно в год изобильный и даже в год нормального урожая.

Следовательно, он вполне сознательно отважился вести игру с противоположными шансами.

В письме от 24 августа, адресованном Людовику XVI, он уже ссылается на «распространившуюся (в народе) тревогу по поводу продовольствия», «тревогу, усиливаемую изменениями в принципах администраторов, некоторыми неосторожными операциями [торговые операции хлебом со стороны правительства] *и особенно видами на урожай, который, кажется, будет очень невелик*».

Между 24 августа и 13 сентября он должен был получить благодаря документам, которыми располагало министерство финансов, более точные сведения на этот счет. Эти сведения могли только подтвердить его первое впечатление.

1 Archives de la Somme, C. 87-18.

Между тем порядки, которые он отменял, — хотя они и были тягостны, ненавистны и вредны с экономической точки зрения — все же преследовали одну цель — дать возможность полицейским властям обеспечить снабжение рынков.

И во времена плохого урожая генеральный контролер, бывший интендант Лиможа, не мог не понимать, какую огромную важность придает население возможности видеть собственными глазами товары на базарах и рынках.

Разве сам он в первые дни голода в Лимузене не послал эмиссара тайно закупить в горах рожь, чтобы «показывать» ее в городах?

С другой стороны, год лишений не слишком благоприятствовал возобновлению свободной торговли, которая и была, в сущности, движущей силой всего дела.

Нельзя сказать, чтобы Тюрго не предостерегали.

Он советовался по поводу проекта эдикта со своим коллегой Бертеном, в ту пору занимавшим в министерстве весьма скромное положение, хотя был он зачинателем аграрного либерализма, причастным к декларации 1763 г. [о свободе хлебной торговли. — *Ред.*].

Бертен направил Тюрго по этому поводу известное письмо, в котором, не отговаривая Тюрго от проекта, взывал к осторожности: «Призываю вас двигаться вперед как можно медленнее, сообразуясь с велениями благоразумия». Не будь позиция Тюрго столь определенной, Бертен посоветовал бы ему даже «скрывать свои взгляды» и убеждения «от дитяти, которого вам надобно направлять и исцелять». Именно в этом документе мы находим знаменитую фразу: «Вы не можете удержаться, чтобы не сыграть роль дантиста, что ж, да будет так...»[1]

Это письмо Бертена послужило одной из причин версии о резкости Тюрго, тогда совершенно неоправданной, ибо не трудно было быть более резким, чем Бертен. К тому же что касается существа вопроса, то он отделывается намеками, весьма завуалированными.

В своих «замечаниях», приложенных к письму, Бертен доходит даже до одобрения проекта, исходя именно из того, что проект отличается умеренностью. Правда, эти «замечания» носят скорее исторический, нежели конструктивный характер[2].

В это же время Тюрго получил еще одно письмо, автор ко-

1 Schelle, t. IV, p. 200.

2 Текст замечаний не опубликован ни Шеллем, ни Афанасьевым. Найти его можно в: Arhives Nationales, F. 11, 265. «Вопрос о рынках, учитывая законодательство, может дать лишний повод для раздоров, что нам вовсе ни к чему».

торого проявил, как показал ход дальнейших событий, большую мудрость и дар предвидения. Должно быть, письмо это весьма заинтересовало Тюрго, так как он сохранил его в своих бумагах[1]. Имя отправителя там не указано, однако, по-видимому, это не анонимное письмо, потому что автор его — советник парламента и предлагает предоставить свои записи в распоряжение министра, «когда у парламента будут каникулы». (Но в то время будет уже слишком поздно.)

Этот таинственный корреспондент Тюрго, бесспорно, его поклонник. «Вы рождены, — пишет он, — чтоб стать спасителем Франции. Ваши просвещенные взгляды, приобретенные познания, присущая вам глубокая мысль, двадцатилетний опыт и, сверх того, честность и патриотическое рвение, повсеместно признанные, убеждают всех истинных граждан, что — к счастью для Франции — может существовать второй Сюлли, второй Кольбер...»

Это письмо очень хорошо передает настроение общества в начале деятельности Тюрго в качестве министра и даже оттенки всеобщей эйфории.

Затем мы видим, как вырисовываются очертания неудачи:

«Не знаю, осведомлены ли вы о положении с урожаем в нынешнем году... он не достигает и половины обычного года. Стало быть, следует ожидать естественного подорожания. А если к этому еще добавить всеобщий страх и смятение умов, вы перестанете быть хозяином положения... И какое впечатление... — этого можно опасаться — произведут они на молодого государя, который еще не имеет опыта, приобретаемого с годами, и первым желанием коего при восшествии на престол было понизить цену на хлеб?»

Плохой урожай, реформа, дороговизна, тревога, беспорядки, психология короля — в нескольких строках изложена вся цепь последовавших событий. Не было никакой надобности измышлять романтические козни неких заговорщиков.

С этими предостережениями можно сопоставить и пророчество аббата Галиани, адресованное не Тюрго, а г-же д'Эпинэ в письме от 17 сентября: «Свободный вывоз зерна — вот на чем он сломит себе шею, помяните мое слово».

Разумеется, пророчество это, как мы заметили, не вполне оправдалось: ведь Тюрго не восстановил экспорт. Но скрытая мысль Галиани относится к общей концепции либерализма в области хлебной торговли, против которой он выступал в своих сочинениях[2].

1 См.: Archives Lantheuil, carton 19.

2 См.: Correspondance, t. II, p. 130. «Наконец г-н Тюрго — генеральный контролер. Он слишком недолго будет в этой должности, чтобы осуществить свою систему... Он покарает нескольких мошенников, будет ругаться, сердиться, захочет делать добро, а на своем пути будет встречать трудности, шипы и повсюду — мошенников. Влияние его будет уменьшаться, его возненавидят, станут говорить, что он не справляется со своими обязанностями; энтузиазм поостынет; он уйдет в отставку или его сместят; и тем хотя бы раз исправят ошибку, какую совершили, доверив такое место слишком добродетельному и слишком приверженному философии человеку».

Тюрго продолжал идти своим путем вопреки совету благожелательного советника парламента и красноречивым донесениям об урожае, которые в том сентябре месяце грудой лежали на его столе. Хлебной политике он придавал такое значение, он был так страстно к ней привязан, что не мог откладывать связанные с нею планы, как он соглашался делать с бюджетом, налогами, откупами, дорожной повинностью.

Все еще идя на уступки, как мы видели, генеральный контролер сохранял полную трезвость и не обольщался надеждами на легкую победу. Поэтому он сразу же направил целый ряд инструкций местным властям, интендантам, генеральным прокурорам, торговым палатам[1].

Он рекомендовал интендантам:

1. Поощрять купцов пользоваться новым порядком [торговли].

2. Быть в курсе настроений и в случае брожения умов... успокаивать их и «выявлять подстрекателей».

Соответствующие указания были даны генеральным прокурорам. Они должны были более тщательно предотвращать всякое брожение и всякие «препятствия для перевозки зерна». Так как именно в этой классической форме следовало прежде всего опасаться враждебных выступлений при народных волнениях.

«Особенно надлежит вам быть начеку и бдительно следить за теми, кто подстрекает народ и пытается его взбунтовать».

В циркулярах указывалось, что в случае необходимости правительство предполагает применять два вида мер, и никаких более, а именно:

благотворительные мастерские;

премии за ввоз товаров[2].

В циркуляре, направленном в тот же день председателям торговых палат, генеральный контролер просил их убеждать купцов идти навстречу намерениям правительства. Он заверял, что со стороны правительства им нечего опасаться возобновления конкуренции. Он обещал, что их усердие примут во внимание при распределении мест и отличий. В плане более практическом он указывал, что:

1 Три циркуляра от 19 сентября. (Schelle, p. 210 et suiv.)

2 В своих теоретических работах Тюрго заявил себя противником таких мер, но он исходил из гипотезы упорядоченного положения.

остатки хлеба на государственных складах будут продаваться;

импортеры хлеба будут иметь право вновь вывезти его без пошлины.

Помимо этих документов общего характера, генеральный контролер, вероятно, рассылал и письма более частного порядка, в которых он давал рекомендации, учитывая особое положение отдельных провинций. Мы предполагаем, что это относится ко всем областям, имевшим местные штаты. Мы располагаем, однако, одним только текстом, касающимся Бургундии. Текст этот, на наш взгляд, очень важен не только потому, что в нем отражены первые трудности, обнаружившиеся в этом районе, но и потому, что он позволяет нам гораздо лучше понять ход мысли Тюрго в обстановке угрожающего недорода. Этот текст подтверждает данное нами определение стратегии Тюрго: дороговизна против голода.

Речь идет о письме, написанном 28 сентября выборным* провинции Бургундия[1]. Он совершенно ясно предусматривает вздорожание продуктов питания, хочет подготовить к этому своих корреспондентов и предложить им ту линию поведения, какой следует придерживаться в данном положении.

Тюрго утверждает, что свобода торговли должна дать возможность обеспечить «помощь всем провинциям и всем кантонам, где в том будет нужда». Следовательно, *нехватки* продовольствия не будет, а будет *вздорожание*. Эти два явления, обычно объединяемые общей причинной связью, могут, по мысли Тюрго, быть *разъединены*.

Но дороговизна остается явлением опасным самим по себе, особенно в смысле реакции народа.

«Дороговизна, во время которой цены на хлеб растут и народ не в состоянии за ними угнаться, ведет к тому же брожению и к тем же последствиям, что и голод».

В чем же выход? По-прежнему в благотворительных мастерских, и мы хорошо понимаем тут, почему Тюрго считал их настолько тесно связанными со своей системой, что хотел было даже коснуться их в самом тексте эдикта.

* Выборные (élus)—члены выборных коллегий (élections), учреждений, стоявших во главе выборных округов и выполнявших финансовые функции. Они ведут свое происхождение от генеральных штатов 1355 г. и были учреждены в областях, не имевших местных штатов (pays d'élection). Само название «выборные» вскоре утратило всякий смысл; они превратились в королевских чиновников, которые не избирались, а просто назначались королем. — *Прим. ред.*

1 См.: Archives Côte-d'Or, C. 3355.

«Они обеспечивают заработную плату каждому потребителю, любого возраста, учитывая даже детей; они распределяют помощь всем семьям соразмерно с их нуждами».

Повышая покупательную способность потребителя, они в то же время косвенным путем обеспечивают торговле нормальное функционирование механизма товарообмена. Ведь торговец не возьмется за перевозку и без того дорогого товара, который после перевозки станет еще дороже, если он не уверен, что на него будет спрос[1].

Наконец Тюрго настаивает в весьма резкой форме на несомненной опасности и необходимости принять против нее срочные меры. Здесь не говорится, как в больших циркулярах, о туманной возможности, оценить которую предоставляется администраторам и ответственным лицам. Здесь речь идет о реальности завтрашнего дня и о долге сегодняшнего. Нужно, чтобы еще до зимы были начаты работы, *где этого может потребовать дороговизна.*

Уже сами эти указания предостерегают нас от общепринятого толкования событий, речь о которых пойдет далее.

Было бы преувеличением утверждать, что Тюрго точно предвидел «Мучную войну». Но он предвидел все реальные условия, которые могли привести к подобным последствиям. Он попытался с помощью благотворительных мастерских создать заслон от надвигающихся событий. Но разве мог он не знать, что это заслон ненадежный? Наблюдая, как он осуществляет свой великий эксперимент, мы равно восхищаемся его научной убежденностью и его трезвостью в оценке фактов.

Но и тому и другому качеству сопутствует большой оптимизм.

И однако, вначале кажется, будто эксперимент производится в пустыне. При чтении рассказов о событиях того периода невольно создается впечатление, что хлебная проблема перестала быть актуальной после сентябрьских циркуляров и возникает вновь только в конце апреля 1775 г., внезапно, как взрыв. Тогда и происходит мятеж в Дижоне, а вслед за ним быстро и как-то судорожно вспыхивает целая вереница бунтов: в Иль-де-Франсе, Версале и Париже. «Мучная война» разражается, как буря, на исторической арене. Когда обычный ход

1 Эта часть аргументации отсутствует в тексте, но она подразумевается, и мы увидим ее, выраженную дословно, в позднейшем письме выборным. См. далее, с. 252.

событий неожиданно нарушен, сразу же подозревают чье-то личное вмешательство. Ищут deus ex machina*. Некая рука таинственным образом метнула молнию. И людской разум охотно готов принять официальную версию о злоумышленной махинации, успокоительное объяснение, что дело в заговоре.

На самом же деле в плане нашего исследования период, пролегающий между этими двумя датами, вовсе не столь незначителен, каким он кажется. Если мы в этом отрезке времени не обнаруживаем ни каких-либо важных мероприятий властей, ни ярких эпизодов в общественной жизни — а это легко объясняется тем, что запасы старого урожая еще не истощились, — некоторые признаки говорят о подземном назревании кризиса.

В октябре, еще до обнародования указа, подорожало зерно в Кане. Цена на хлеб достигла 3 су за фунт. Однако, учитывая запрет на вывоз зерна, провинция должна была быть хорошо обеспечена хлебом. «Народ, не видя на рынках зерна, винит в этом свободу торговли», — писал 27 октября Тюрго интенданту. Он выражает удивление, на наш взгляд, не лишенное наивности: как же это арендаторы и землевладельцы не понимают своей выгоды? Нужно уговорить их добровольно поставлять на рынок хлеб. «Меня даже изумляет, что владельцам зерна самим не приходит в голову такая естественная мысль». Наверное, здесь кроются чьи-то козни. Нужно найти виновников[1].

В этот же самый период Тюрго старался осуществить своезаветное желание — установить более правильное соотношение между ценами на печеный хлеб и на зерно. Он велел выпекать хлеб, который прозвали «хлебом генерального контролера» и который стоит всего лишь 9 су без одного лиара* вместо 11 су. Хлеб был хорош, но народ заподозрил, что пекари примешивают в него ржаную муку и, стало быть, хлеб слишком дорог[2].

В декабре осложнилось положение в Париже — думали, что не хватит хлеба. Ленуар спешно направил возы в Корбей, чтобы снарядить там обозы с зерном. По этому поводу «Журналь историк» высказывает предположение, что Тюрго будет вынужден отказаться от своей системы, «превосходной в теории, но на практике пока еще дающей обратные результаты»[1]. Под зерно были мобилизованы все тележки, очистить улицы от снега было невозможно, пишет в своих воспоминаниях Моро. Счастье, что был еще хлеб на складах аббата Террэ, добавляет он. Но речь шла, несомненно, лишь о трудностях доставки хлеба из-за холодов.

С конца 1774 г. мы располагаем еще одним интересным источником информации, которым обязаны переписке генерального прокурора Жоли де Флёри[2].

Эти документы почти единодушно свидетельствуют, что местные власти растерянны и дезориентированы, что уже возникли трудности со снабжением и что предвидят еще бо́льшие. Местные власти опасаются, как бы брожение умов не привело к беспорядкам.

И вот со 2 декабря 1774 г. мы видим, что в Невере торговцы, воспользовавшись новым порядком торговли, запасаются зерном первыми (тогда как, согласно прежним рыночным установлениям, они должны были делать это последними) и тем самым повышают цены. «Это чрезвычайно усиливает раздражение народа и может вызвать бунт»[3].

8 января Дюшен, магистрат Блуа, пишет, чтобы высказать свои соображения по поводу указа, о публикации которого он должен дать распоряжение. Он, по-видимому, не был принципиальным противником нового порядка торговли. «Нет такого человека, который не одобрял бы свободу внутренней торговли». Но он опасается, что в силу нравов, прочно укоренившихся в местной юрисдикции, мельники, перекупщики, булочники, свободно покупая зерно прямо у испольщиков и в хлебных амбарах, сговорятся действовать на рынке заодно и повысят цену на хлеб, а полицейский надзор вынужден будет брать эту цену за основу при установлении цен на хлеб.

Таковы банальные возражения приверженцев регламентарной рутины, но Дюшен умно подходит к сущности вопроса. Есть мнение, говорит он, что повышение цен, достигнутое таким способом, мало-помалу привлечет товар на рынок. (Именно таков либеральный механизм, на который полагается новое экономическое учение.) «Этот довод может прельщать в тиши кабинета». Но дело идет о доставке значительного количества товара, подчеркивает он, а перевозка стоит дорого. Это трудно. Морозы, гололедица каждый день прерывают всякое сообщение.

* Deus ex machina (лат.) — «бог из машины». Развязка, наступающая благодаря вмешательству какого-то мифического бога, появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления. — *Прим. ред.*

1 Schelle, t. IV, p. 229. 23 декабря Тюрго снова пишет интенданту Кана, дабы уточнить, что поставщикам провианта морского ведомства следует разрешить вывоз хлеба через порты Нормандии ввиду потребностей их ведомства. «Нет нужды обращать внимание на ропот народа. Напротив, надо, чтобы он понял, что его сопротивление, его бесчинства и насилие приведут лишь к тому, что будут приняты самые действенные меры, дабы его обуздать». (Ibid., p. 231.)

* Лиар — старинная французская медная монета, равная 1/4 су. — *Прим. ред.*

2 «Journal historique», 21 octobre 1774, 6, 229. Обычно каравай хлеба весит 4 фунта. Следовательно, цена, считающаяся потребителем приемлемой, составляет 8 су. Цены в период кризиса могут возрасти вдвое.

1 «Journal historique», 12 décembre 1774.

2 См.: Bibliothèque Nationale, Fonds Joly de Fleury, 1159.

3 Idem, f° 198.

Для перевозок по воде зимой приходится опасаться безветрия, а летом — мелководья.

Урожай в этой провинции оказался ниже среднего. Цена не переставала расти и «возрастет еще больше».

Надо было бы, полагает Дюшен, «выбрать для проведения экспериментов урожайный год и, прежде чем переходить от одного мероприятия к прямо противоположному, следовало бы проводить эти эксперименты постепенно, один за другим» [1].

В течение марта начинают поступать тревожные сообщения.

12 марта прокурор Ланьи выражает беспокойство по поводу вздорожания хлеба. И он не только пишет об этом, но считает необходимым съездить в Париж к Альберу, чтобы поставить его в известность о «критическом положении, в котором находится сейчас наша провинция Бри». И в самом деле, именно в этой провинции беспорядки будут отличаться особенно большим размахом.

14 марта Деромон сообщает из Монтели, что хлеб очень дорог и народ возлагает ответственность за это на решение Совета. (Своего личного мнения он не высказывает.)

19 марта в Поне-на-Сене «народ готов восстать».

21 марта в Мо отмечается брожение; на рынке произошли инциденты, так как торговцы продавали купленный ими тут же, на рынке, в большом количестве хлеб с надбавкой в цене (30 су на 26 ливров). Сверх того, было расклеено странное объявление: «Предупреждение господам судейским города Мо. Ежели не будет никакой скидки на хлеб, добра не ждите!»

27 марта в Мери-на-Сене бальи доносит о «скоплении и волнении женщин», которые воспрепятствовали погрузке двух обозов ржи. В этой местности цена фунта хлеба составляла 4 ливра и 6 денье. «Есть основания опасаться увеличения цен, что доведет до отчаяния чернь, уже дошедшую до крайней нужды» [2].

Если мы снова вернемся к генеральному контролеру, то отметим, что 14 марта Тюрго пишет интенданту Кана, требуя более строгих мер наказания для участников мелких мятежей, происшедших в декабре при погрузке хлеба для нужд морского ведомства. Эта история не связана с применением нового порядка торговли. Она рисует, однако, и крайнюю возбудимость народа, и твердость Тюрго, и... трусость администрации, ибо даже по прошествии трех месяцев так и не установлено, был или не был погружен хлеб на суда[3].

В начале апреля выясняется, что власти сильно озабочены вопросом продовольственного снабжения Шампани. По данным «Журналь историк» от 7 апреля, в Реймсе вспыхнул бунт, «и

1 Idem, f°s 14 et 15.
2 Idem, f°s 81, 186, 222, 113 à 117, 168.
3 См.: Schelle, t. IV, p. 395. См выше, с. 248.

господин д'Орфёй, по долгу службы обязанный возвратиться в свое интендантство, упорно отказывался это сделать, страшась чрезвычайных событий. Наконец г-н Тюрго объявил ему, что он может отправляться, так как на днях положение изменится».

Действительно, в письме Тюрго от 7 апреля содержится намек на то, что уже изучаются меры для вознаграждения купцов Шампани, дабы поощрить ввоз из соседних районов Лотарингии и района Меца. Это премия за ввоз... внутри страны, и поистине парадоксально, что Тюрго возрождает времена экономической изолированности провинции [1]. Интендант Шампани выразил опасение, как бы известие об этих премиях не вызвало страха перед голодом в той самой провинции, помощь которой они должны оказать. Такая реакция кажется Тюрго непостижимой, и с точки зрения здравого рассудка она и впрямь нелепа. Но весьма вероятно, что интендант Шампани ничего не выдумывал: для такого возбужденного населения достаточно одного известия о столь исключительных мерах, чтобы усилить панику.

Тюрго же, наоборот, полагает, что у провинций, из которых вывозят товары, больше законных оснований тревожиться, поэтому он решает, что надо действовать без огласки[2].

МЯТЕЖ В ДИЖОНЕ [3]

В середине апреля внимание генерального контролера притягивает район Бургундии. Район этот в обычное время был вполне достаточно обеспечен продуктами для его собственных потребностей; но сама выгода перевозок по воде, а именно по Соне, была слабым местом этого района, ибо делала его объектом спроса из Лиона и с Юга Франции. В периоды, когда вывоз дозволялся, к местной продукции проявляла интерес также Швейцария.

1 В письме от 31 октября консулу в Бордо Бетману Тюрго, желая склонить его к расширению хлебной торговли, высказывается даже против всяких *тайных* премий за ввоз. (Schelle, t. IV, p. 227.)
2 См.: Schelle, t. IV, p. 383. См. письмо от 17 апреля. (Ibid., p. 491.) Тюрго удивлен диспропорцией между ценами на печеный хлеб и на зерно. Того же 7 апреля Совет отменяет ордонансы чиновников Ла-Рошели, которые собирались проводить домашние обыски в поисках зерна, ввезенного из-за границы. (Ibid., p. 398.)
3 Эта тема изучена довольно полно Жиро. (Girod. Les Subsistances en Bourgogne. — «Revue bourguignonne», 1906, t. XVI, № 4.)

Поэтому, когда Бургундия страдала от голода в 1768 и 1769 гг., тяжелое положение объяснялось как недородом, так и значительным вывозом. Дижонский парламент выступил тогда против свободы торговли и одобрил отход от тенденции 1770 г. А так как последующие годы были более благоприятными, особенно 1773 г., и цены снизились, то провинция доброжелательно встретила эдикты Тюрго, и парламент зарегистрировал их в ноябре без возражений.

Однако с лета уже предвидели, что урожай будет скудный. Как мы видели, в конце сентября генеральный контролер проявил и понимание ситуации, и заботу о Бургундии [1]. Выборные ответили 17 ноября, выражая благодарность министру и сообщая, что они намереваются открыть четыре благотворительные мастерские «там, где они более всего необходимы», но располагают лишь самыми скудными средствами.

Тревожные признаки появились с марта 1775 г., что, видимо, соответствует общему положению в стране, как мы уже отмечали в связи с решениями Парижского парламента. С этого момента наблюдается два противоположных процесса: рост цен и уменьшение количества предлагаемого товара. 12 апреля произошли беспорядки на рынке в Дижоне, одному торговцу были нанесены увечья; Палата муниципального совета собралась, посовещалась и постановила просить помощи. 17 апреля она решила обратиться ко всем земледельцам и коммерсантам с призывом везти свой хлеб на рынки, где им будут «предоставлены всяческие льготы».

В тот же день Тюрго, получив тревожные сигналы от нового интенданта Дюплекса (который еще не приступил к своим обязанностям), написал генерал-лейтенанту провинции * Латур дю Пену письмо, в котором жаловался на неуместные действия муниципальных властей и местной полиции, не отказавшихся еще от рутинной практики обысков и ордонансов[2]. 18 апреля он написал в адрес выборных. В письме указывается, что цена возросла до 30—38 ливров в Дижоне и 31 ливра — в Боне. Следовательно, положение дает повод для «большой тревоги». Министр рекомендует две меры. Одна, которую он сразу же

1 Письмо от 28 сентября, цитированное выше.

* Обычно в генерал-лейтенантах провинции видели заместителей генерал-губернаторов провинций, в отсутствие которых они выполняли их функции, на деле же звание провинциального генерал-лейтенанта было в XVIII в. такой же синекурой, как и генерал-губернаторство, от которого оно отличалось лишь меньшей степенью почетности и доходности. Они могли даже не появляться в своих провинциях. — *Прим. ред.*

2 См.: Archives Côte-d'Or, C. 3356, № 6, цитируется у Жиро. (Giro d. Op. cit., p. 42.) К тому же в этом письме содержатся указания, аналогичные тем, которые даны в письме, о котором шла речь выше (с. 246).

разрешает интенданту осуществить путем ордонанса, состоит в отмене минажа и аллажа — рыночных пошлин с зерна и хлеба (что и было предметом одного из решений Совета). Он рассчитывает, что отмена пошлин вызовет не только понижение цен, но и приток товаров на рынок Дижона.

Но главная мера — это по-прежнему создание благотворительных мастерских. Памятуя о возражениях, уже сделанных по поводу недостатка средств, Тюрго напоминает, что конституция провинции не допускает прямой помощи Парижа, тем не менее он предлагает выборным приступить к строительству мастерских, взявши ссуду, за которую штаты провинции, конечно, должны дать поручительство. Он даже посылает им в тот же день образец инструкции для благотворительных мастерских (наверное, образец лимузенской инструкции, так как, по его словам, речь идет о провинции, где строят много дорог), и, наконец, он рекомендует систему подписки в пользу неимущих — инвалидов или нетрудоспособных. В этом снова сказывается умение предусмотреть каждую мелочь, присущее великому администратору.

Для нас самой важной частью письма представляется та, где Тюрго говорит о мастерских; нигде в его сочинениях нет такого ясного определения роли этого института в общем механизме его хлебной политики, как здесь:

«Эта помощь, необходимая подлинным беднякам и оказываемая только им, предусмотрит все досадные случайности, возможные в данных обстоятельствах, и потому вызовет *приток снабжения, внушив продавцам уверенность, что они найдут платежеспособных покупателей*» [1].

Ни письма, ни интендант не прибыли еще в Дижон, когда там 18 апреля вспыхнул мятеж. Он кажется нам — скажем это прямо — одним из самых обычных бунтов того времени, столь обильного подобными вспышками.

18 апреля — вторник, базарный день. Уже в предыдущий базарный день, в субботу 15 апреля, привоз был плохой, а цены высоки. Народ собрался у ратуши, а Латур дю Пен высказался по этому поводу весьма неудачно[2]. В понедельник 17 апреля торговки рыбой напали на некоего Жанти, били его по щекам дохлыми карпами и едва не утопили в колодце.

1 «Эти меры обойдутся неизмеримо дешевле, чем закупки зерна властями, которые еще больше повысили бы цены, сопровождались бы перепродажей с убытком, отпугнули бы (рыночных поставщиков), обеспечили бы богачам за их зерно барыш, от которого им нет никакой пользы, но который для налогоплательщиков — тяжкое бремя». (Archives Nationales, H. 1, 187.)

2 Цена меры пшеницы достигла 6 ливров 8 су против 5 ливров 9 су в январе. «Цена же не дошла еще до 12 ливров», — сказал генерал-лейтенант провинции.

18 апреля во второй половине дня толпа набросилась на мельника Карре, владельца мельницы на р. Урк, — это типичный для того времени эпизод. Народ по-прежнему питал недоверие к подобным экономично работающим мельницам и к слишком белой муке, которую считал суррогатной[1]. Вдобавок этого мельника обвиняли в скупке хлеба. Преследуемый разъяренными женщинами, он спрятался сначала в жилище одного прокурора, затем бежал оттуда по крышам, а толпа разгромила дом. Часть бунтовщиков отправилась на мельницу и уничтожила все, что попалось под руку, кроме жерновов, которые «уцелели лишь благодаря своему весу». Бунтовщики захватили муку, но сочли ее поддельной и выбросили изрядное количество в реку.

Этот эпизод (а может быть, и другие подобного рода, происходившие позднее, во время бунтов в других районах) объясняет легенду, будто мятежники действовали по приказу свыше и потому искали товары только для того, чтобы их уничтожить.

Между тем другая толпа явилась к советнику парламента Фисжану де Сент-Коломбу, подозреваемому в том, что он финансировал мельника, а возможно, и сам собрал большие запасы хлеба, и вдобавок был непопулярен как член парламента Мопу. Коломбу пришлось спрятаться в куче навоза. Не обнаружив хлеба, мятежники нашли в погребе вино, что для бургундских погребов явление обычное [2].

К вечеру усталость, обильные возлияния и мужественное вмешательство епископа восстановили спокойствие. На другой день и в последующие дни прибыли войска, вызванные из Осонна, Доля и Безансона, и эксцессы больше не возобновлялись.

Власти в тот день вели себя не слишком умно и славы не снискали. Латур дю Пен явился на место первых беспорядков и, потеряв самообладание, самолично раздавал удары тростью; там он и произнес слова, вызвавшие всеобщее порицание: «Друзья мои, уже показалась травка, ступайте-ка щипать ее»[3]. Мы не знаем, достоверен ли этот анекдот; во всяком случае, он

1 С примесью толченых бобов и фасоли.

2 Метра придает этому обстоятельству решающее значение и видит в нем источник беспорядков. «Г-н де Сент-Коломб не имел ни зернышка, но зато у него был большой запас вина, которое было выпито или вылито. В полном помрачении ума, люди спьяну творили гадости, побежали на мельницу и т. д.» (23 апреля). В действительности же эпизод на мельнице, как мы видели, происходил независимо от посещения винного погреба. По данным, собранным Жиро, попойка бунтовщиков носила гораздо меньший размах: «Трое или четверо пьяниц вернулись в погреб г-на де Сент-Коломба, чтобы отведать его вина» (с. 48). Их арестовали тут же, на месте, ночью, одновременно с тридцатью или сорока зачинщиками обоего пола, которых схватили дома, в постели.

3 Письмо из Дижона от 20 апреля. («Relation historique», № 1, p. 231.)

правдоподобен и получил широкое хождение, ибо аналогичную остроту мы обнаружили в отчетах о событиях в Мери-на-Сене: «Май наступает, вы будете пастись на травке, как барашки». Эта милая шутка не поправила дела, и генерал-лейтенант, испугавшись угроз, засел в своем доме, как и виконт-майор, причем оба обеспечили себе личную охрану из сил порядка. Только к ночи они отправили конную жандармерию захватить главарей мятежа в постели и последних пьяниц в винном погребе советника Сент-Коломба.

Латур дю Пен отправил донесения, в которых приписывает себе блистательную роль; он подает идею, что мятеж мог быть специально спровоцирован. Это объяснение прельстило Тюрго; 18 апреля он пишет Вери: «Дижонский мятеж усмирен, он был вызван искусственно»[1]. Вольтер подхватил эту тему; 5 мая он галантно пишет г-же де Сен-Жюльен: «Если бы вы были в Дижоне, вы предотвратили бы преступный мятеж, который тайком состряпали враги г-на Тюрго». Итак, легенда готова.

Наконец Латур дю Нен великодушно взял под защиту виконт-майора, чье поведение было столь же блистательным, как и его собственное.

Дижонское дело было испытанием для Тюрго.

Оно его мало удивило, но писем написал он много. 20-го Латур дю Пену: «Я не удивлен, сударь, беспорядками, происшедшими в Дижоне. Всякий раз, как разделяют страхи народа, а особенно его предрассудки, нет такого бесчинства, на которое он не оказался бы способен...» Продолжая давать инструкции, он напоминает о своих экономических принципах: «Товар всегда ищет спроса»[2]. Самое примечательное в этом письме то, что Тюрго счел нужным заручиться одобрением короля, который и приписал собственноручно: «Я читал письмо и одобряю его содержание; я столь же сильно желаю счастья моему народу, сколь печалюсь, когда он впадает в крайности, в коих нет ни капли здравого смысла».

Тюрго хорошо понимал, что его система глубоко противна общепринятым взглядам, что от него ожидают, что при первых же трудностях он откажется от нее либо пойдет на уступки, и что он сможет противостоять враждебным влияниям только при поддержке короля, постоянно привлекая его на свою сторону.

Второе письмо к Латур дю Пену от 22-го. Письмо генеральному прокурору Перару. Письмо магистрату Потелю, чей дом

1 Schelle, t. IV, p. 413.

2 Он твердо поддерживает тезис: «дороговизна против нехватки». «Хлеб, — говорит он, — вздорожает еще больше. Это — несчастье, но лучше дороже платить за хлеб, нежели его не иметь». Генерал-лейтенант пожаловался, что хлеб провозят через город не останавливаясь. «Это доказывает, — говорит он (Тюрго), — что торговле там чинили помехи, притесняли ее, подавляли...»

был разграблен (потом ему выплатили компенсацию). Наконец, ответ 24-го на письмо виконт-майора, представляющий собой замечательный документ, в котором за учтивым комплиментом следует властный окрик: «Я вынужден напомнить вам об этих принципах, от коих, надо полагать, вы отныне не будете отступать...» [1]

В этой переписке Тюрго неустанно и каждый раз сызнова повторяет свой краткий курс экономического либерализма, словно желая повторением вбить истину в непокорные умы. Он утверждает, что правительство никогда не изменит своей линии поведения. И тотчас же выдвигает следующие предложения:

Метод убеждения, дабы привлечь на рынок земледельцев и коммерсантов, сначала путем личного общения («Вы-то хорошо знаете каждого из этих людей») [2].

Энергичные репрессии: розыски зачинщиков, но также наказание всех участников без всякого исключения. С поразительной твердостью обращается он к генеральному прокурору. Назначение правосудия — карать. Только монарху принадлежит право помилования, если есть к тому основания.

Компенсация для всех потерпевших.

По поводу двух последних пунктов Тюрго замечает, что уже в 1770 г. были бунты и что принятые меры наказания были тогда недостаточны. Если хотят избегнуть повторения беспорядков, то нужно наказывать за провинность и возмещать ущерб.

В документах, собранных в этой папке[3], нашла отражение высокая и твердая концепция государства. И потому собрание это представляет интерес скорее с точки зрения политики, чем экономики.

Твердость возымела действие. Выборные ее одобрили. Парламент и бровью не повел. Количество товаров возросло, и цены регулярно снижались. После хорошего урожая в 1775 г. Бургундия очень выиграла от свободы торговли и в январе 1776 г. даже получила разрешение на экспорт.

Жиро, который изучал эволюцию хлебной проблемы в Бургундии до революции, пришел к выводу, что порядок, установленный Тюрго — во всяком случае, в этой провинции, — дал наилучшие результаты.

1 «Говорят, вы никому в Дижоне не дозволяете иметь запасы, кроме как булочникам. Я был бы удивлен, если бы вы и впрямь придерживались такого регламента или даже позволили бы себе считать его существующим. Вы говорите, будто народ в Дижоне не уверен, что свободная продажа зерна повлечет за собой правильный товарооборот... и, напротив, думает, что эта свобода может только привести к голоду... из-за алчности торговцев хлебом, которых народ ненавидит и обыкновенно называет *enarrheurs* — это слово в Дижоне обозначает сильнейшее ругательство. Не народ должен вами руководить, а закон. А вы, возглавляя полицию, должны управлять, руководить народом, обуздывать его и заставлять подчиняться законам».

2 Одновременно была принята позитивная мера по решению Совета от 22 апреля: отмена пошлин на муку в Дижоне, Боне, Сен-Жан-де-Лоне и в Монбарэ. (Schelle, t. IV, p. 404.) Было предусмотрено возмещение убытков для собственников и откупщиков этих пошлин. Тюрго всегда отличался юридической скрупулезностью в таких делах, что помешало ему продвигаться вперед дальше и быстрее.

3 См.: Archives Nationales, H. 1, 187.

В дижонском деле легенда о спровоцированном бунте не выдерживает критики.

Напряжение наблюдалось за много дней до взрыва. Бурный зачин, а затем развитие бунтов носят типичные черты подобного рода беспорядков — Тюрго имел возможность наблюдать их во время своего правления в Лиможе. Разгром мельницы (Клермон), расправа с некоторыми лицами (субделегат Буабедёй остался жив лишь потому, что спасся бегством). Никаких лозунгов, полное отсутствие «разумной мысли» в этом деле. Мятежникам не пришло даже на ум установить твердые цены.

Расследование, разумеется, ничего не дало.

Уличить и осудить удалось только горстку жалких батраков и бедных женщин. Смертная казнь не применялась [1].

Вскоре затем в Париже возникли новые заботы.

Самые стойкие приверженцы общей версии заговора проявляют, однако, сдержанность или даже отрицают эту версию, когда речь заходит о событиях 18 апреля[2]. Лишь одна деталь изо всех обнаруженных наблюдателями наводит на размышления.

Некий каноник по имени де Лардийон, живший по соседству с разгромленным домом, в письме к брату дает описание происходившего, в котором имеются такие строки: «Это были юноши лет семнадцати-восемнадцати и моложе — а то и гораздо моложе, — на мой взгляд, довольно хорошо одетые, большей частью даже щеголеватые, завитые и напудренные. По-моему, они вряд ли испытывали в чем-либо нужду». Жиро замечает, что бунтовщики могли быть в праздничном платье, так как происходило это в пасхальные дни. Все осужденные мятежники были голь перекатная. Кроме того, присутствие таких юнцов из сравнительно зажиточной социальной среды, привлеченных «заварухой», не меняет стихийного характера событий. Наблюдение это подтверждается и в других случаях.

Внимание министра было сосредоточено не на одной Бургундии. Вспышка в Дижоне знаменовала начало общего движения,

1 См.: Girod. Op. cit., p. 51.

2 См.: Афанасьев Г. Е. Цит. соч., с. 81; Foncin. Op. cit., p. 187.

что подтверждали прецедент в Реймсе и, конечно, ежедневные сообщения. Поэтому 24 апреля Тюрго побудил Совет принять решение о выплате премий за ввоз хлеба из-за границы с 15 мая по 1 августа в размере 18 су за квинтал пшеницы и 12 су за квинтал ржи [1]. Коммерсанты, прельщенные повышением цен, не стали дожидаться назначенной даты. Тюрго сам вопреки своему отвращению к вмешательству дал распоряжение заключить сделку на ввоз зерна с неким Клоттеном и, конечно, с Лелё на условиях малоизвестных, но таких, которые должны были предусматривать определенные меры поощрения или гарантии. Говорили также, что Тюрго тайно велел снабдить рынки товаром по умеренным ценам[2].

ПОЗИЦИЯ НЕККЕРА

В эти же апрельские дни случилось происшествие совсем иного свойства: образно выражаясь, взрыв бомбы в теоретической сфере. Как раз в этих числах Неккер опубликовал свой труд «О законодательстве и хлебной торговле», в котором полемизировал с идеями Тюрго. Разумеется, это только совпадение: рукопись была сдана в печать еще 12 марта. По словам аббата Морелле, который заявляет, что был свидетелем встречи Неккера с Тюрго, Неккер сначала предложил Тюрго прочитать свою работу и сказать, не считает ли он несвоевременным ее опубликование. «Г-н Неккер пришел со своими тетрадями». Тюрго ответил «несколько сухо», «всем своим видом выказывая высокомерие», что Неккер может печатать, что ему угодно [3].

Понятно, что Тюрго был несколько раздражен, когда в разгар событий ему любезно преподнесли экземпляр неккеровского трактата. 23 апреля он написал Неккеру, наверное, еще более сухо, чем разговаривал с ним при встрече. «Если бы мне нужно

1 За товары, доставленные прямо в Париж и Дижон, выплачивалось дополнительное вознаграждение. Циркуляр интендантам от 28 апреля. (Schelle t, IV, p. 411.)

2 См.: «Relation historique», p. 232 (публикация, вышедшая вслед за мемуарами Террэ, часто приписываемая Пиданса де Мероберу).

3 Согласно данным Башомона, Тюрго все-таки попытался задержать публикацию с помощью цензуры. Цензор Каде де Саннвиль потребовал письменного предписания и, не получив его, дал разрешение печатать. Эта версия кажется малоправдоподобной, и Морелле ее категорически отрицает. (Morellet. Op. cit., t. I, p. 231 et suiv; Bachaumont. Op. cit., 28 avril 1775.)

было писать на эту тему и я посчитал бы своим долгом защищать мнение, которое вы излагаете, я бы дождался более спокойной минуты...»

Неккер, отвечая ему, напомнил даты событий и указал, что охотно согласился бы отложить публикацию, если бы его об этом попросили: «Сочинение абстрактное, умеренное... не может, как мне кажется, иметь ничего общего с борьбой страстей» [1].

Надо отдать справедливость Неккеру: стилю его книги как нельзя более чужда страстность. Мы, скорее, найдем его скучным. Правда, Неккер не опровергает либеральной доктрины, он предлагает по всем вопросам промежуточные меры, легко поддающиеся изменению и прагматичные.

Первая часть книги посвящена экспорту. В ней он аргументирует, ссылаясь на перевозки и расстояния; эти аргументы экономисты никогда и не пытались оспаривать. А поскольку экспорт не был восстановлен, то вопрос не имел актуальности.

Что касается внутренней торговли, то Неккер признает, что торговые операции купцов могут быть полезны для перевозок хлеба из одной провинции в другую, где его мало, или когда они покупают хлеб осенью, чтобы продать его весной, или покупают в урожайные годы, чтобы сохранить до неурожая. Но они могут также приносить и вред, вызывая чрезмерное повышение цен.

Таков же ход рассуждения и по вопросу о регламентах рыночной торговли. Они имеют некоторое неудобство, но могут при известных обстоятельствах быть необходимы. То же и с государственными операциями хлебом. Все это вопрос конъюнктуры. «Объединение по близости от государя 600 тыс. человек, снабжающихся ежедневно у булочников», может заставить прибегнуть к мерам, продиктованным обстоятельствами.

В заключение Неккер высказывается за принятие двух различных режимов в зависимости от того, достигает цена хлеба или нет предела, который Неккер определил в 30 ливров за сетье. Это означало применить ко всей торговле метод, применявшийся прежде только к вывозу, то есть «запереть на замок». Ниже предельной цены — полная свобода. Выше — многообразная регламентация. «Хлеб-узник» Мишле еще не заточили в одиночку, он на свободе, но под надзором[2].

Но главный пункт программы Неккера — сам Неккер. Для

1 Письмо Тюрго и ответ Неккера (24 августа) см.: Schelle, t. IV, p. 421.

2 Монтийон отмечает, что Неккер остерегался применять эту теорию, когда пришел к власти. Это верно в отношении предельной цены (prix pivot); но в своей деятельности он руководствовался прагматизмом, который так превозносил. Аналогичная система была предложена в мемуаре, составленном Думерком в сентябре 1774 г. (Archives Nationales, F. 265.)

его теории, уделявшей большое место применению ее на практике, требуется администратор, способный с неизменной уверенностью управлять этой системой кранов и запоров. «Человек, чей разносторонний гений учел бы все ее возможности, чей мягкий и гибкий ум умеет сообразовать с ними свои замыслы и намерения... наделенный пылкой душой и спокойным разумом...» Это значило довольно прозрачно рекомендовать самого себя.

Книга Неккера привела в восторг врагов Тюрго. Сверх того, она оказала большое влияние на общественное мнение. Людям колеблющимся она представила доказательства, побудившие их принять решения, скептикам — доказательства обоснованности их скептицизма. Книга давала объяснение и почти теоретическое оправдание беспорядков, которые, казалось, подчеркивали провал эксперимента Тюрго. А сами беспорядки принесли автору наряду с чрезвычайной популярностью как бы блистательное подтверждение событиями его правоты.

Понятно, что экономисты принялись яростно его опровергать. Тут состязались Бодо, Кондорсе, Морелле. Понадобилось не менее четырех ответов Неккеру, из которых два пришлись на долю Кондорсе. В течение лета Вольтер бросил на чашу весов свое влияние в пользу Тюрго [1].

Итак, было бы ошибкой недооценивать важность позиции Неккера, но о ней надо судить, учитывая ее истинную подоплеку. Утверждать, как это делали ревностные экономисты, что именно распространение книги вызвало бунты, — смехотворная выдумка, а тем более видеть в них (бунтах) результат плана, согласованного с принцем Конти. Морелле взял на себя труд опровергнуть обвинения самым подробным образом. Его можно заподозрить в пристрастности ввиду его симпатии к Неккеру, но на сей раз он судит здраво. «Если книга, — степенно рассуждает он, — могла послужить орудием подстрекательства к волнениям, приведшим к ограблению булочников, то действие ее сказалось чересчур быстро, ибо первые экземпляры поступили в продажу только в самый день возмущения»[2].

Сегодня эта дискуссия воспринимается нами в чисто юмори-

1 См.: Voltaire. Diatribe à l'auteur des Éphémérides. Распространение этого памфлета датируется как будто июнем или июлем (упоминается Башомоном 6 июля).

2 Конфиденциальное письмо, адресованное Тюрго неким доверенным лицом, советником парламента, и сохранившееся в архиве Лантейля, содержит после ссылки на дебаты, состоявшиеся в парламенте, подсчет голосов, из которого видно, что фактически только 5 голосов были поданы за правительство

«Возобладала точка зрения, внушенная книгой Неккера», — уточняет информатор.

16 голосов было подано за изъятие указа;

22 — за отсрочку на две недели (но в действительности это голоса противников);

стическом плане. Трудновато представить себе мятежников, вооруженных брошюрами Неккера, или вообразить их обращенными с помощью брошюр того же Морелле, Ле Трона или Кондорсе.

ПРИЗНАКИ КРИЗИСА

В дни, отделяющие мятеж в Дижоне (18 апреля) от подлинного начала «Мучной войны» (27 апреля), мы можем наблюдать — как в Париже, так и в Версале — симптомы надвигающегося кризиса.

Долгое время цены были стабильны — с лета до начала марта — около 11 су за 4 фунта хлеба, что было не оптимальной, но терпимой ценой. В марте началось повышение по 0,5 су: 11,5 су 8 марта, 12 су 15 марта. Спустя месяц такого постепенного вздорожания, 12 апреля, цена достигла 12,5 су, но почти тотчас же, 15 апреля, поднялась до 13 су и наконец 26 апреля — до 13,5 су. Это было уж очень дорого, но бывали и худшие времена, причем не так давно. «16 су, — замечает Метра, — во времена аббата Террэ, и народ не взбунтовался» [1].

Параллель эта давала повод для удивления во время событий, а также служила аргументом в пользу версии заговора. Мы еще вернемся к этому.

Наряду со значительным, но, повторяем, не чрезвычайным ростом цен наиболее дальновидные наблюдатели отмечают быстроту реакции народа. Ясно обозначаются признаки народного недовольства уже *политического* свойства. 12 марта, в день первого повышения цен, на рынках громогласно говорили: «Какой г... сидит на троне!» 12 апреля, когда ожидалось еще большее повышение, Арди снова отмечает: «Это опять не преминуло возмутить тот же народ против правительства». Наконец, 26 апреля, в день максимального повышения, он записывает анекдот, сам по себе совсем незначительный, но свидетельствующий о необычайной возбудимости парижской толпы (это относится и к ценам на другие продукты)[2].

12 голосов колеблющихся;

5 голосов — за регистрацию указа. (Archives Lantheuil, carton 19.)

1 Запись от 3 мая 1775 г.

2 Некий дворецкий купил литр зеленого горошка за 72 ливра, и кто-то из толпы, выхватив у него покупку, швырнул ее в лицо со словами: «Если твой стервец, барин, может выложить три луидора за литр горошка, ему ничего не стоит дать нам хлеба». Слуга счел за лучшее ретироваться, не посмев произнести ни слова в ответ.

Постановление Совета от 24 апреля относительно премий за импорт не замедлило снова вызвать тревогу. Его преамбулу сочли крайне неловко написанной; однако замечание это фигурирует в позднейшем комментарии, так что к нему следует относиться критически. В этой преамбуле Тюрго настаивал на своем тезисе: лучше дороговизна, чем голод. Очевидно, он пытался успокоить общественное мнение относительно количества хлеба. «Последний урожай, — говорит он, — дал достаточно зерна, чтобы обеспечить снабжение провинций». Однако поскольку урожай не выше среднего, то снабжение не будет избыточным и зерна хватит только для того, чтобы покрыть непосредственные потребности (Тюрго, конечно, преувеличивает статистические данные, потому что будь урожай достаточным, то, по его собственной теории, год был бы средним и Тюрго не имел бы столько забот). И он тут же делает вывод: «Возможно, что ценам еще придется претерпеть некоторое повышение», — и тут же оговаривается: «если его не остановит конкуренция заграничного зерна». Но на самом деле во всей Европе урожай был посредственный, и цены почти всюду выше, чем во Франции. Отсюда и необходимость стимулировать торговцев премиями.

По-видимому, это рассуждение было плохо понято. Оно оказалось не очень доступным для примитивных умов. Генеральный контролер хотел, конечно, сказать, что во избежание роста цен нужно импортировать, а чтобы импортировать, нужно компенсировать неравенство цен во Франции и за границей. Итак, он полагает, что рекомендуемые им меры могут предотвратить повышение; но если затем вы не сделаете усилия, дабы прийти к нужному умозаключению, то будете ошеломлены сухой формулировкой: цены могут еще повыситься. По словам автора «Исторических записок», «простой народ это повергло в отчаяние». И он подытоживает в одной фразе все рассуждения Тюрго, настоящие и прежние: «Королю постоянно твердили, что зерно было дорого, будет дорого и должно быть дорого...» [1]

После мятежа в Дижоне возникли слухи о тайных махинациях со скупкой. «Выявили сговор между многими крупными фермерами в разных провинциях», — пишет 26 апреля Метра, объясняя постановление Совета. «Рассчитывают, что через два месяца хлеб будет стоить от 5 до 6 су за фунт». Та же хроника упоминает о волнениях во многих больших городах — в Руане, Лионе и др.

Повышение цен и народные волнения способствовали политическим интригам. «Обстановка при дворе предгрозовая, снова оживают интриги, козни, клики», — вновь отмечает 1 мая Метра.

1 «Relation historique», p. 267 et note.

Госпожа де Брионн передала королеве анонимный мемуар, критикующий деятельность министра и в завуалированной форме предлагающий вернуть Шуазеля. Но король, получив этот мемуар от королевы, якобы сказал: «Никогда больше не напоминайте мне об этом человеке!»

Несмотря на этот ответ, обманувший ожидания сторонников Шуазеля, генерального контролера дружно атаковали со всех сторон. «Ни на кого еще противная партия не обрушивалась с такой яростью, как на г-на Тюрго». На него решительно возлагали ответственность за кризис в хлебной торговле. «Цена хлеба возрастает с каждым днем, а народу неукоснительно внушают, будто он еще намного подорожает». Метра, неизменно благожелательно относящийся к Тюрго, приписывает эти слухи «финансистам и другим людям, заинтересованным в том, чтобы очернить министерство». Однако министр сам дал оружие против себя подстрекателям этой кампании, и нельзя сказать, что она была основана только на лжи. В сущности, даже Метра не решается безоговорочно поддерживать официальную доктрину: «Я признаю, что генеральный контролер не предвидел ни всех осложнений, связанных со свободой хлебной торговли, ни всех происков монополистов». Для приверженцев любых теорий все объясняется словом «монополист». Метра, выражающий точку зрения отступающих «тюрготистов», надеется, что импорт и новый урожай «помогут отчасти исцелиться от нынешних бед. Остальное довершит время и обстоятельства».

Таково было настроение умов, когда начались события, известные в истории под названием «Мучная война».

Глава III Последовательный ход событий

Non nunquam poena principibus propter peccata plebis infertur *.

Речь идет о последовательном ряде мятежей, в быстром темпе следовавших один за другим; беспорядки происходили почти каждый день, а иногда в нескольких селениях в один и тот же день; в Парижском районе они начались 27 апреля и закончились 10 мая, причем кульминация пришлась на 2 мая в Версале и 3 мая в Париже.

Английский историк Рюде составил хронологию событий и вычертил карту [1]. При ознакомлении с этим документом, естественно, возникает впечатление, что вы следите за кампанией военных действий.

Между тем объединение всех этих событий под одним названием «Мучной войны» оправдывается не только тем, что действия ограничиваются определенными рамками пространства и времени. Все эти различные эпизоды имеют одну общую черту, которая отличает их от стольких сходных инцидентов, происходивших до них, — это установление твердых цен на хлеб. Дело было не в задержке обозов, нападениях на людей и в разграблениях (во всяком случае, не в этом было главное). Народ требовал хлеба и готов был платить. Он желал, чтобы была фиксирована цена, и, главное, «правильная цена»: 2 су за фунт хлеба, или 12 ливров за сетье зерна.

С другой стороны, последовательность событий сама по себе не должна побуждать к чрезмерно категорическим выводам. В это же время происходили менее известные выступления в пунктах, расположенных за пределами карты событий. Не следует также поддаваться первому впечатлению, будто движение развертывалось постепенно, все шире охватывая данный район. Самые многочисленные, если не самые значительные выступления имели место не до 2 или 3 мая, а позднее. Мятежи не все устремлялись к центрам королевства, к Парижу и Версалю, они также расходились в стороны.

* Нередко монархам достаются упреки за грехи черни (*лат.*) — *Прим. ред.*

1 «Annales historiques de la Révolution française», № 143, avril — juin 1956, p. 139 et suiv. Некоторые эпизоды все же ускользнули от внимания этого историка, труд которого является самым значительным и скрупулезным исследованием по этому вопросу.

Первый инцидент произошел в Бомоне на Уазе 27 апреля. Он примечателен уже потому, что это первый эпизод в целой серии, но еще больше потому, что он произошел вблизи Л'Иль-Адама, где властвовал принц де Конти; казалось, этот факт может служить подтверждением слухов о макиавеллистской роли, приписываемой этому лицу. Довод как будто из самых веских. Происшествие само по себе было не слишком значительным, и, кажется, правительство не сразу о нем осведомили. Тюрго не говорит о нем в письме к Верп, где он связывает Дижон с Понтуазом [1].

Между тем выступление в Бомоне — исходная точка развития всего движения, оно придало ему особый характер своей первой попыткой таксации. И потому этот эпизод заслуживает анализа.

В общине Бомона вследствие случайных обстоятельств произошло некоторое ослабление власти. Генерал-лейтенант полиции умер; его обязанности временно исполнял нотариус Байи, которому, как будет видно, не хватало способностей или усердия. Заместитель королевского прокурора Шефдёйль был болен; когда ему сообщили об инциденте, он велел поставить в известность Байи. Мы можем восстановить основные факты с помощью доклада, составленного Шефдёйлем [2], который не был непосредственным очевидцем, и с помощью протокола допроса Байи[3], тоже очевидца только отчасти, который в результате оказался в числе заключенных в Бастилию.

Выясняется, что уже ранее люди были возбуждены, особенно грузчики. Во время предыдущего базарного дня, в субботу

1 См. переписку Дюпона с маркграфом Баденским, цитируемую в: Schelle, t. IV, p. 46.
2 См.: Bibliothèque Nationale. Fonds Joli de Fleury, 1159, f° 11.
3 См : Archives Nationales, Y. 11. 441.

22 апреля, один хлебный торговец, перепродававший хлеб, попытался взвинтить цены, и грузчики ему сказали: «Погоди, встретимся в четверг». Происходили также стычки между булочниками и покупателями, между булочниками и полицией. 27 апреля разыгрался первый инцидент: один взбешенный грузчик явился к Байи с жалобой, что не может получить хлеба у булочника [1].

Несколько позже толпа ворвалась к Байи, таща за ворот хлебного торговца, который требовал 32 ливра за свой хлеб, причем по пути его дважды окунули в бассейн городского фонтана. Манифестанты сказали Байи: «Рассудите нас. Пошлите на рынок полицию и непременно заставьте снизить цены на хлеб». Магистрат постарался их успокоить и остался сидеть дома. Только по настоянию некоторых встревоженных посетителей он перешел в комнату с окнами на рынок, чтобы взглянуть, что там происходит. Рассказывали, что Байи смеялся, наблюдая за мятежом, но он это отрицал.

Согласно докладу заместителя королевского прокурора, «мятеж был вызван несколькими женщинами из народа и грузчиками, которые сами установили цены на хлеб и в отсутствие торговцев выдавали хлеб всем желающим... Конных жандармов ругали и оскорбляли». Заместитель прокурора приказал им арестовать бунтовщика, который в ответ сломал саблю одного из всадников.

Таким образом, можно легко восстановить ход этого происшествия, которое было первым звеном в длинной цепи. Покинув дом магистрата, толпа не застала на рынке ни представителей власти, которые не двинулись с места, ни торговцев, которые сбежали, после того как одного из них выкупали в фонтане. Грузчики заменили и тех и других, установили твердую цену и занялись продажей. Ничто не говорит о том, что выступление было подготовлено, как позднее предполагали те, кто вел расследование. Перед нами типичный случай принудительной таксации: нет сообщений ни о воровстве, ни о грабежах.

На следующий день, 28 апреля, сообщают об инцидентах в бальяже Бове; они возобновились 29 апреля. Это происшествие не упоминается в трудах, посвященных «Мучной войне», и, несомненно, географически оно с ней не связано. Тем интереснее его отметить, так как оно свидетельствует о стихийности и

1 Легко определить настроение лейтенанта полиции по его ответу: «Эти булочники все на один лад, постоянно отказываются продавать хлеб, а ведь не может быть, чтобы хлеба у них не было». После чего Байи сказал булочнику, что «он и его коллеги имеют обыкновение придерживать хлеб, уж он, Байи, знает все их хитрости: они выжидают повышения цен и стараются навязать свою волю полиции».

независимости отдельных выступлений. В этом случае мы не обнаруживаем такого явления, как таксация, которая по ходу дальнейшего изложения предстает как явление особенно «заразительное». Согласно докладу, который Леду де Бомениль направил 2 мая Жоли де Флёри, в пятницу (28 апреля) происходили крупные беспорядки на рынке в Мерю: «Большая группа людей разграбила и похитила более 100 мешков зерна, причем часть мешков разрезали ножами и при этом поносили владельцев зерна». На следующий базарный день в Бове имели место лишь небольшие волнения. Однако в тот же день на рынке в Мерю снова было разрезано, разграблено и похищено 440 мешков. «Более 100 человек, вооруженных палками, отправились из Мерю или из его окрестностей в Ноай, расположенный в двух лье». Не обнаружив большого количества хлеба на рынке, они стали грабить мельницу. Двое бунтовщиков были арестованы. Бомениль просил указаний. «Перепуганные фермеры боятся доставлять хлеб на рынок, публика встревожена» [1].

Между тем «Мучная война» в присущей ей форме возобновилась 29 апреля в Понтуазе, расположенном недалеко от Бомона. Это снова служит поводом для особых толкований. То были все еще места по соседству с Л'Иль-Адамом. С другой стороны, Понтуаз с давнего времени был важным пунктом хлебной торговли, от которого зависело снабжение Парижа, а Париж был целью мятежников [2].

Нам кажется, проще предположить, что события в Понтуазе были результатом заразительного воздействия инцидентов в соседнем с ним Бомоне. Такое заразительное воздействие к тому же формально установлено (запоздалым) докладом Байи от 3 мая хранителю печати:

«Не было кровопролития потому, что черни предоставили свободу действий и она на другой день отправилась к хлеботорговцам, мельникам, лабазникам и к пристаням на Уазе, где толпа *захватила зерно на судах...*» [3]

В Понтуазе выступление приобрело гораздо больший размах, чем в Бомоне. Здесь проявились основные черты, которые мы обнаруживаем в последующих народных выступлениях:

1. Перемещение людей, тех, кого прозвали «чужаками»; в действительности это были жители соседних селений: «тут оказались все окрестные селения», указано в докладе, представленном в тот же день, 29 апреля, судейским генерал-лейтенантом Демонтионом [4].

1 Bibliothèque Nationale. Fonds Joly de Fleury, 1159, № 13.
2 См.: Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII в Одесса, 1892, с. 331.
3 Bibliothèque de l'Arsenal. Fonds Bastille 12.447, f°s 57—58.
4 Fonds Joly de Fleury, 1159, 205—206.

2. Соединение грабежа с таксацией цен. «Город Понтуаз во власти грабежей с 8 часов утра», — сообщается в том же докладе. — Народ собрался у лабазников и торговцев хлебом .. люди берут хлеб по 15 ливров Немногие платят, все воруют» Но генерал лейтенант не указывает, какова его собственная роль Внизу приписка «8 часов вечера, грабеж продолжается»

3. Наконец, подготовка дальнейших действий. «Сообщают об аналогичных событиях в Марине, в трех лье отсюда» И далее открытое предупреждение «Многие слышали, как люди говорили, что то же самое будет и в Париже, я полагаю своим долтом вам об этом доложить».

Здесь, как и в Бомоне, наблюдается нерешительность властей, которые к тому же располагают лишь слабыми силами: из Бове прибыла бригада жандармов . из четырех всадников, «они ничего не могут сделать перед лицом этой разнузданной черни» Сложные распри по поводу компетенции разделяли судейского генерал лейтенанта Демонтиона, которого поддерживали муниципальные власти, с одной стороны, и генерал-лейтенанта полиции де Барантона и его непосредственных помощников — с другой, один из них, королевский адвокат Саффре де Буалаббе, оказался среди заключенных в Бастилию Из-за этих колебаний были отсрочены до следующего дня закрытие городских ворот и мобилизация городской милиции

Согласно протоколу позднейшего допроса Буалаббе [1], генерал-лейтенант Демонтион вопреки тому, что он утверждал, сам назначил твердую цену в 12 ливров 10 су за сетье [2].

На другой день к Буалаббе обратились уже торговцы с настойчивой просьбой разрешить им продавать зерно по 20 франков за сетье и муку по 40 франков за мешок, и он решил, что нужно это сделать Это злополучное решение послужило основанием для обвинения его в том, что он проводил таксацию Фактически, как он объяснил, это мероприятие не было проведено, так как городские ворота были заперты, милиция поднята на ноги, порядок восстановлен и все продажи совершались по обычной цене

Таким образом, можно констатировать, что толпа предлагала провести таксацию и что, по крайней мере частично, ее требование было удовлетворено. Грабеж был побочным явлением,

1 22 мая 1775 г допрос в Бастилии у комиссара Шенона Archives Nationales Y 11 441

2 Совсем не упоминая об этом факте Демонтион в своем вышеупомянутом докладе говорит о цене в 15 ливров, установленной мятежниками и замечает по поводу своей роли «Толпа в сотню человек явилась чтобы заставить меня провести таксацию хлеба и приказать торговцам его выдавать, когда же я им сказал что не могу и не имею на это полномочий они ответили «Пойдем и заберем его сами» Ведь они тут все сговорились»

даже если он фактически принял большие размеры Согласно тому же Буалаббе, после ордонанса генерал-лейтенанта, определившего твердую цену, многие жители вручили жандарму деньги за унесенное ими зерно.

На другой день после бунта в Понтуазе, 30 апреля, Тюрго поторопился провести постановление Совета, отменявшего взимание минажа (рыночной пошлины с зерна) в этой местности. По этому вопросу в Понтуазе уже ранее сложилось особое положение в связи с тем, что лица, которым принадлежало право на эту пошлину, и ее откупщики желали взимать минаж вне рынка, а именно на пристани Предыдущее постановление упоминало об этом споре, но, пока решение не было принято, хлебные торговцы стали обходить город, а это могло вызвать более ощутимое повышение цен, может быть, это явилось дополнительной причиной раздражения людей, которое и обратилось против транзитных судов с хлебом.

1 мая вспыхнул бунт в Сен-Жермене, как если бы мятеж двигался по течению реки. Здесь снова наблюдается наплыв крестьян из соседних деревень, а также из более удаленных мест, расположенных по ту сторону Сены, — из Триеля, Эрблэ и др , сообщалось о переходе людей через мост у Пуасси Вопреки гипотезе о существовании предварительного плана более вероятно предположение о заразительном влиянии на ближайшие поселения, так как беспорядки в Понтуазе вышли довольно далеко за пределы города (доклад, адресованный Жоли де Флери, упоминает о разграблении судна в двух лье от города) В Сен-Жермене опять наблюдается сочетание грабежа и таксации цен (20 су за буассо * муки и от 12 до 20 ливров за сетье зерна) Но многие бунтовщики (большая часть) «опрокидывали груды мешков, вспарывали их ножом, забирали и уносили товар, не платя» [1].

В тот же день инциденты, сопровождавшиеся принудительной таксацией, происходили в Нантерре, Гонесе и в Сен-Дени Эти точки указывают на некоторый географический сдвиг в сторону от обычной линии

Но мы узнаем, что в тот же самый день, 1 мая, произошел инцидент в пункте, расположенном еще более в стороне Дело

* Буассо — старинная мера сыпучих тел, равная приблизительно 13 литрам — *Прим ред*

1 В той части повествования которая касается района Сены и Уазы, мы использовали работы Рюде, который изучил архивы этого департамента Мы сами с ними не знакомились

было в Мо, которого, согласно карте Рюде, волнения могли достигнуть только 6 мая. Фактически в этом городе 1 мая развернулось «массовое движение». Но Мо уже раньше был склонен к брожению, мы могли в этом убедиться по инцидентам 21 марта. Об этом событии переходного характера, как в смысле даты, так и его значения, мы узнаем из документов собрания Жоли де Флёри.

1 мая генерал-лейтенант полиции составил доклад о грабеже в сочетании с таксацией на мельнице вблизи города. «Участники не принадлежали к самым бедным людям округи, нужда которых, не снимая с них вины, могла бы ее уменьшить». По лошадям и повозкам, использованным в этом походе, можно было опознать зажиточных крестьян и даже мелких земледельцев, которых называли «harquoliers» (некоторые из них владели землей).

Они забрали всего 20 мюи* и оставили в качестве платы только 700 ливров. В выступлении участвовало примерно 200 человек. Были опознаны многие жители соседних деревень. Отдан был приказ об аресте одного столяра по фамилии Кайоль и его соучастников, людей разных скромных профессий: слугу, сторожа на мельнице, слесаря, парикмахера, каменщика [1].

Мятеж докатился до Версаля 2 мая. Уже с понедельника, 1 мая, как сообщает Метра, начались волнения, разжигаемые женщинами. Во вторник стали стекаться жители из соседних селений, а именно из Пюто, Сартрувиля, Буживаля, Каррьера; они присоединились к жителям Версаля. Вначале здесь тоже были попытки таксации (мука по 20 или 24 су за буассо), сменявшиеся обыкновенным грабежом то на складах муки (в Пуале-Руа), то в булочных, а то и прямо на дорогах, где толпа нападала на повозки с продовольствием.

Согласно первой версии хода событий, принятой прежде всего Метра, толпа приблизилась к дворцу; король хотел говорить, но его почти не слушали; тогда, чтобы успокоить людей, король приказал снизить цены на хлеб и велел булочникам продавать его по 2 су за фунт [2].

---

* Мюи — мера сыпучих тел, равная 12 сетье, или 1440 фунтам. — *Прим. ред.*

1 Joly de Fleury, 1159, f° 125 et suiv.

2 См.: Métra. Op. cit., 3 mai 1775. В таком же духе составлено мнимое письмо из Версаля, приводимое в «Relation historique» (p. 235): «Его Величество был столь огорчен мятежом, сегодня происшедшим, что не мог обедать. Он тотчас же распорядился, чтобы хлеб продавали по 2 су за фунт». Согласно Жоржелю, во дворце царила паника, войска (10 тыс. человек) не оказали никакого сопротивления, и капитан гвардии предложил тайно бежать в Шуази или Фонтенбло, с тем чтобы собрать там войска (t. I, p. 424). Но этот автор не заслуживает доверия.

Однако эта версия опровергается наиболее достоверным источником информации, каким мы располагаем: письмами самого короля, адресованными Тюрго.

Тюрго покинул Версаль в связи со слухами относительно возможности беспорядков в Париже [1]. Из Парижа Тюрго послал первое письмо королю, текстом которого мы не располагаем, но, очевидно, оно содержало отчет о принятых мерах безопасности.

Отвечая ему в 11 часов утра, Людовик XVI ставит его в известность относительно первых событий этого дня:

«Версаль атакован, и это те же люди из Сен-Жермена; я посоветуюсь с маршалом Дю Мюи и с г-ном д'Аффри, чтобы решить, что мы предпримем; вы можете рассчитывать на мою твердость. Я только что приказал гвардии направиться к рынку. Я очень доволен теми мерами предосторожности, которые вы приняли для Парижа...»

Судя по письму, Тюрго уже убедил короля в правильности своего мнения, что мятежи организованы. Были даже предусмотрены аресты. Король писал: «Эти люди, о которых вы мне говорили... но, когда их схватят, главное — никакой спешки и хорошенько разобраться».

В два часа пополудни король пишет второе письмо. Он сообщает о различных военных распоряжениях в отношении Парижа и побережья Сены для обеспечения безопасности снабжения [2]. Конечно, опасались продуманного плана вызвать голод в Париже. Но, судя по этому вступлению, в окружении короля не было особого волнения. Далее он пишет о положении в Версале:

«Мы совершенно спокойны. Мятеж начался весьма бурно; войска, находившиеся на месте, его усмирили». Г-н де Бово расспросил манифестантов. Они собрались более чем из двадцати селений. Все жаловались на недостаток хлеба. «Они показали очень плохой ячменный хлеб, который, по их словам, купили по 2 су, и жаловались, что им не хотят давать никакого другого».

«Самая большая допущенная ошибка — что рынок не был открыт; его открыли, и все пошло как по маслу. Покупали и продавали, как будто ничего не произошло. Потом они удалились...»

Когда король писал эти строки, он еще не знал тех обстоятельств, которыми объяснялось восстановление спокойствия. Его прервали на этом занятии, и он добавил: «Г-н де Бово меня

---

1 Морепа также находился в Париже, возможно, по тем же причинам (как полагают многие историки, не имея других данных), а возможно, и совсем иным.

2 «Интендант сказал мне, что не беспокоится за Верхнюю Сену и Марну, ибо этим путем муку не подвозят; однако мы их охраняем».

прервал, чтобы сообщить о глупом шаге, который совершили, предоставив им хлеб по 2 су. Он убежден, что среднего пути нет: либо оставить хлеб по 2 су, либо заставить их штыками покупать хлеб по существующей цене».

Из этого текста видно, что Людовик XVI не только не взял на себя ответственность за эту меру [снижение цены хлеба], но тотчас же решительно осудил ее. Легко догадаться, что Тюрго, узнав о первых инцидентах, сделал королю надлежащее внушение на этот счет.

Эти письма, по нашему мнению, свидетельствуют также о том, что мятежники не приближались к дворцу ни до таксации, согласно первоначальной версии, ни позднее, как полагал Шелль [1], и что король не держал никаких речей.

Что касается виновника «промаха», то им был, согласно Вери, сам капитан гвардии Бово либо, согласно Морелле и Моро, молодой губернатор Версаля князь де Пуа [2]. Кто бы ни был за это ответствен, эта ошибка имела серьезные последствия, так как с тех пор инициаторы беспорядков, искренне или нет, ссылались на решение короля.

В тот же день, 2 мая, произошли инциденты разного значения в Пуасси (принудительная таксация у мельника Суара), у мельника в Роморантене (в десятке километров от Версаля), в Булони у пекарей (без угроз и насилия, по словам задержанных лиц), в Эпинэ, на дороге. Упоминаются даже индивидуальные выступления: отдельные лица приходили в булочные и требовали хлеба по 2 су за фунт, «как это делается в Версале». Во всех этих случаях вожаки — или некоторые из них — были арестованы и допрошены; они заверяли, что имели добрые намерения. Не было речи о каких-либо таинственных незнакомцах, и никто не обнаружил ни малейших признаков широкого заговора [3].

В тот же день произошли беспорядки в Аржантёе; они заслуживают особого упоминания по двум причинам. С одной стороны, здесь мы имеем дело с новым примером соглашения

1 «Это значило оправдать мятеж. Он достиг дворца, где Людовик XVI безуспешно пытался обратиться с речью к толпе». (Schelle, t. IV, p. 47.)

2 «Он осудил, — пишет Вери, — легкомысленное распоряжение, которое из страха перед бунтом отдал капитан его гвардии...» (op. cit., p. 289). «Князь де Пуа, сын маршала де Муши, бывшего графа де Ноай, думал поступить наилучшим образом в качестве губернатора Версаля, приказав...» (Письмо Морелле лорду Шелбёрну от 17 мая. Morellet. Op. cit., p. 72.)

3 См.: Rudé. La Taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne. — "Annales historiques de la Révolution française", 1956, t. XXVIII, p. 149—150.

между властями и населением; с другой стороны, мы обнаруживаем единственный, по нашим сведениям, случай применения наряду с таксацией нормированной выдачи хлеба по талонам. Это исторический прецедент введения продовольственных карточек...[1].

Эти инциденты отражены в двух докладах, один — прокурора налогового ведомства, другой — бальи Аржантёя г-на де Жавена. Дело касается муки, а не зерна. Народ желал покупать эту муку по 30 су за буассо. Власти подготовили соглашение, принятое торговцами, о продажной цене 45 и 40 су за буассо, в зависимости от того, была ли мука белая или серая. Идя далее по пути импровизированной организации, магистраты решили ограничить продажу тремя буассо на человека, и притом продавать самым бедным. Для этой цели они распорядились выдать карточки.

3 мая мятежники наконец достигли Парижа, предварительно любезно сообщив о своем предстоящем прибытии.

«Удивительно, невероятно, — читаем мы в «Исторических записках», — что грабители, после того как они в установленный ими день подняли народ в Понтуазе и т. д., указали там, в какой день они явятся в Париж, и сдержали слово. Хотя власти получили предупреждение и хотя они дали соответствующие распоряжения... мятежники проникли через различные ворота в город, не имея никакого оружия, кроме палок, и почти совершенно спокойно ограбили все булочные» [2].

В ночь с понедельника на вторник Тюрго совещался с лейтенантом полиции Ленуаром, а во вторник утром с маршалом де Бироном, полковником французской гвардии.

В ночь со вторника на среду отряды королевской гвардии патрулировали в деревнях, арестовали нескольких бродяг и, как передавали, наблюдали за передвижениями крестьян. Они отправили в Бастилию «несколько человек из низшего класса» (Метра).

Совещания и подготовительные меры (которым радовался король) оказались малоэффективными.

Среда была базарным днем, и с этим днем совпало повышение цены на хлеб с 13.5 су до 14 су за 4 фунта. Тем самым цена достигла максимума для этого периода.

1 Происшествие в Аржантёе, видимо, ускользнуло от внимания исследователей этого вопроса. Это, вероятно, объясняется тем, что не было произведено арестов и не было протоколов уголовного расследования. Из-за отсутствия таких документов об этом событии узнали лишь из докладов, находящихся в фонде Жоли де Флёри (№ 3 и 4 за 1775 г.).

2 «Relation historique», p. 233.

Сообщения хронистов, Метра, Арди, «Исторических записок» и записи в дневнике Вери явно совпадают в том, что касается существа дела.

Ночью или на рассвете пришлые люди пробрались в город через ворота Сен-Мартен, Конферанс и Вожирар (Арди). Они не были единственными виновниками беспорядков, но раззадорили городскую чернь. Согласно Метра, бунт привлек к себе только грузчиков и других людей из низов. «Ремесленники, которые как раз и составляют народ, сохраняли полное спокойствие». Вери также указывает на то, что народ не принимал в этом участия: «Много людей собралось из любопытства, они воспользовались хлебом, вытащенным из булочных». Любопытство давало себя знать во всем: «Каждый житель запирал свои двери, но окна оставлял открытыми и устраивался на подоконнике, чтобы наблюдать за мятежом, подобно тому как наблюдают за ходом процессии».

Но что же это был за мятеж?

Главной заботой полицейских властей было укрепить крытый рынок (Вери). Он был окружен гренадерами из французской и швейцарской гвардии и королевскими конными драгунами (Метра). Чернь, которая задумала разграбить крытый рынок и вспороть все мешки с мукой, не смогла этого сделать и отказалась от своего намерения (Арди). Тогда толпа направилась к рынкам и к булочным.

Рассказ Арди как бы указывает на известную последовательность действий, но протоколы комиссаров суда в Шатле свидетельствуют о том, что все происходило одновременно, в беспорядке и не было передвижения небольших банд, орудовавших по заранее намеченному плану.

Большинство инцидентов происходило в булочных. Никаких мер предосторожности в этом отношении не было принято.

Несомненно, однако, что если власти ничего не предвидели, то владельцы булочных предвидели возможность каких-то событий [1]. Многие булочники ушли из лавок, предварительно разместив свой хлеб в соседних домах. Эти импровизированные булочные были разграблены (Арди, «Исторические записки»). Если заставали булочные запертыми, двери взламывали с помощью палок, шестов и даже железных ломов (Арди). Лучшую уловку придумал булочник, который, переправив свой товар, вывесил объявление: «Лавка сдается внаем» («Исторические записки»). Он убережется от грабежа. Другой выбросил из окна второго этажа свой хлеб, чтобы в лавке не взломали дверь (Шапп, на улице Борегар).

1 Согласно «Relation historique», полиция рекомендовала булочникам продавать столько хлеба, сколько у них потребуют, по той цене, какую предложат, с тем что впоследствии их убытки будут возмещены. Сомнительно, чтобы давались такие советы, разве что они были плодом бездарности или злой воли Ленуара.

В парижском мятеже трудно отделить одну от другой две его черты: грабеж и таксацию. Первая из них, кажется, была более значительной. По-видимому, при каждой операции, по крайней мере в большинстве случаев, начинали с того, что предлагали заплатить, если было с кем разговаривать. Но при том беспорядке, который возникал при подобного рода инцидентах, большинство участников исчезали, ничего не заплатив[1]. Нагрузившись хлебами, мятежники либо передавали, либо перепродавали их друг другу (Метра).

Типичная схема действий (были, конечно, различия по кварталам) может быть восстановлена на основании наиболее полного протокола, составленного комиссаром Роланом из квартала Сен-Бенуа [2].

Согласно этому протоколу, сначала появлялась небольшая группа. Более или менее многочисленная толпа ждала перед лавкой. Ударная группа узнавала, какое имеется количество хлеба, забирала все, что находила, — включая и корки хлеба, уточняли пострадавшие, — и выбрасывала хлеб тем, кто стоял снаружи. Манифестанты предупреждали, что они еще вернутся, и обычно действительно возвращались, что объясняется, по-видимому, тем, что они рассчитывали на новую выпечку, но, как правило, они уже больше ничего не находили в пекарне.

Похоже, что одна и та же ударная группа заходила во многие лавки, но не во все в одном и том же квартале. В большинстве случаев участники экспедиции приносили с собой фартуки, или даже кожаные передники, или колпаки либо имели при себе мешки. Некоторые были вооружены палками; один из них оставил на месте «палку толщиной 3 дюйма, длиной 6 футов, с деревянным крюком на конце». В одном случае сообщается о топорах.

Кое-кто из пострадавших имел примерное представление о профессии своих визитеров, если судить по их наружности. В некоторых случаях они походили просто на «бродяг» (2 по-

1 Вдова Сюир, булочница, улица Бандюрье. У нее забрали 200 хлебов по 4 фунта, из них оплатили лишь немногие по 8 су за хлеб в 4 фунта. У булочника Ларош на улице л'Арбр Сек хлеб был унесен без оплаты. У монахинь аббатства Сен-Виктор были опустошены три полных хлебных печи, а уплачено 12 ливров. В предместьях Сен-Лоран и Сен-Мартен, где в выступлениях участвовали рабочие и ремесленники, напротив, производилась таксация; они ссылались на твердую цену, установленную в Версале. 28 булочников, допрошенных комиссаром Роланом из квартала Сен-Бенуа, заявили, что общий убыток составил 19 667 ливров (в среднем 700 ливров на человека, что представляется завышенным). См: Rudé. Op. cit.

2 См.: Archives Nationales. V. 12 791.

казания), в других — на рабочих-грузчиков (3 показания), на рабочих-шляпников (4 показания), на сапожников из предместья (2 показания). Что касается последних, указания имеют более определенный характер. «Он полагает, что видел их среди сапожников предместья», «юнцы и мальчишки, которых его жена опознала,—это подручные сапожников из Сен-Жан-де-Латран». Наконец, в двух случаях были опознаны люди с указанием фамилии и местожительства [1].

Приведенная нами схема действий могла бы прежде всего служить подтверждением версии о «шайках грабителей», переходящих с места на место и увлекающих за собой толпу. Но такой вывод представляется нам необоснованным. Те, кого мы назвали ударным отрядом, несомненно, являлись группой решительных бунтовщиков, «вожаков», но, видимо, они принадлежали к числу жителей квартала. Всякое выступление такого рода предполагает вмешательство динамичного меньшинства: это вовсе не свидетельствует об общей стратегии и плане. Если вожаки ходили из булочной в булочную или возвращались туда, где побывали, то только потому, что в каждом отдельном случае они не находили достаточного количества хлеба, чтобы наделить всех ходивших за ними людей.

Что же тем временем делала служба общественного порядка?

Это самая примечательная сторона всего дела.

По этому вопросу, несмотря на некоторые отличия, сообщения также совпадают.

Силы порядка либо не имели инструкций, либо получили указания держаться мягко и выжидать.

В «Исторических записках» говорится: «Еще не знали, к чему могут привести беспорядки, и опасались усилить их чрезмерной строгостью». Тот же хронист упоминает о том, что видели, как агенты полиции сами заставляли булочников открывать двери и раздавать хлеб бунтовщикам.

Это может, на первый взгляд, показаться подтверждением версии о беспомощности или саботаже со стороны начальника полиции. Но не следует забывать, что в те времена служба порядка обычно не атаковала бунтовщиков с фронта. Чтобы вмешаться, выжидали, когда мятеж начнет выдыхаться. Тем временем шпики высматривали в толпе вожаков, чтобы позднее их арестовать.

Эти уловки властей особенно заметны в ходе волнений в деревнях и в провинции.

1 Булочник Кузен опознал подмастерье переплетчика, по фамилии Дюран, и другого подмастерье слесаря, по фамилии Мафер. Однако эти имена не значатся в «Списке лиц, содержащихся в тюрьмах» (см. далее, с. 280, прим. 1).

В Париже такая тактика, несомненно, противоречила инструкциям правительства, но ее можно скорее объяснить силой рутины, чем злой волей.

Рассмотрим поближе положение дел.

Силы, имевшиеся в распоряжении властей, состояли из стражи (guet), обычных войск и войск королевского двора.

Стража состояла из маломощных групп, без морали и без дисциплины. Во время предыдущих волнений замечено было, что стражники братались с манифестантами. Во время описываемых событий они проявили еще меньше усердия, потому что их не пытались к этому побуждать. Вери пишет, что наблюдались случаи, когда патрули проходили мимо булочных в то время, как их грабили, и не мешали грабителям, хотя те были вооружены только палками. Бывало, что стражники и патрули отказывались вести в тюрьму бунтовщиков, которых молодые и активные мушкетеры загнали в угол. Стражники говорили: «У нас нет приказа их арестовывать» [1].

Только один случай отличается от других. В предместье Сен-Лоран видели, как мятежники угрожали забросать булыжниками патруль парижской жандармерии в момент, когда тот заряжал ружья (Арди).

Резко отличалось поведение войск королевского двора — в данном случае серых и черных мушкетеров[2]: они были малочисленны, но действовали весьма самоотверженно.

Вери приводит несколько примеров применения силы мушкетерами. Между тем в «Исторических записках» отмечается: «Мушкетеры весело болтали с этими людьми (мятежниками), и некоторые из них, наиболее сочувствующие, бросали им деньги, чтобы они могли заплатить за унесенный хлеб». Все это могло происходить только при отсутствии определенных инструкций и в атмосфере общей неуверенности.

Только к семи часам вечера конные мушкетеры принялись разгонять толпу, тогда еще очень многочисленную (Арди).

Что касается войск, которые стоили бóльшего, чем беспомощные стражники (мушкетеры же были надежнее и тех и других), то бездействие этих частей в данном случае объясняется позицией их командиров, а это ставит проблему, уже связанную с политикой.

«На другой день, — отмечает Вери,—сержанты французской гвардии посмеивались, вспоминая, как они себя вели накануне... Бездействие их полковника маршала де Бирона — вот основная причина длительности мятежа».

1 Véri. Op cit., p. 290.

2 Легкая кавалерия и жандармы находились в Мёдоне. [Название «серые» и «черные» мушкетеры ведет свое происхождение от масти их лошадей. — *Прим. ред.*]

Вери сообщает нам об обстоятельствах этой бездеятельности маршала де Бирона. В 9 часов утра Морепа посоветовал ему отказаться от назначенной на этот день церемонии освящения знамен. «Сначала он не хотел и только позднее решил послать значительные отряды... но все еще не давал им необходимых приказаний и ограничился лишь приказом не допускать убийств».

Вери упрекает Морепа в недостатке энергии в этом деле и, быть может, в каких-то затаенных мыслях. Как мог главный министр короля при таких обстоятельствах ограничиться простым советом? Правда, это происходило в то время, когда серьезность ситуации еще была неясна. Но потом? Приводимый Вери диалог между ним и Морепа дает возможность понять развитие событий в тот день.

«— Вам надлежало сделать распоряжения от имени короля, взять на себя руководство операцией, приказать доложить вам о размещении войск, вызвать к себе их командиров...

— Но король написал г-ну Тюрго, — ответил Морепа. — Г-н Тюрго отправился, чтобы получить его указания, и мы ждали с минуты на минуту сообщения о них. Когда он возвратился в полдень, я отправился к нему, чтобы посовещаться, но он сам всем отдавал приказания, и я удалился.

— Хорошо, сударь, — ответил Вери, — возможно, он во вред себе стал главным действующим лицом, но ведь им надлежало быть именно вам».

Эта небрежность Морепа, несомненно, отражает сложные чувства: робость перед реакцией народа, ему мало понятной; желание уклониться от ответственности за действия, связанные с применением силы; недовольство тем, что Тюрго сумел оказаться на первом плане; стремление затаить самые эти чувства и скрыть узурпацию со стороны Тюрго видимостью своего согласия; возможно, наконец, у него было еще более тайное намерение — позволить Тюрго взять на себя весь риск, в расчете, что он «окажется в пасти льва»...

Эта двусмысленная позиция обнаружилась уже накануне вечером в связи с поступком совсем другого рода. Морепа отправился в Оперу. Такое легкомысленное поведение в день мятежа в Версале произвело крайне неприятное впечатление. «Весь Париж счел это преступлением». Во всяком случае, по этому поводу сочинили эпиграмму [1].

1 Господин граф, вас дело ждет:
Коль не пресечь беду,
Взбунтуется народ.
Скажите, пусть он подождет,
Я в оперу иду.
(«Relation historique», p. 266.)

Чтобы оправдаться, Морепа утверждал, что ему еще не было известно о мятеже, что он узнал о нем как раз в Опере вечером, «где одновременно узнал и о том, что все успокоилось». Однако он должен был кое о чем догадываться, потому что первое письмо король написал Тюрго в 11 утра, а Тюрго отправился в Версаль вечером, несомненно получив второе письмо. Наконец, власти были в состоянии тревоги. Аббат де Вери также обвинил своего друга в «легкомыслии».

Автор «Исторических записок», напротив, берет Морепа под защиту в выражениях, заслуживающих внимания: «Этого министра незачем впутывать во все эти дела, так как он оставался совершенно нейтральным во всех этих спорах и так как он не выражал своего отношения к доктрине экономистов... но втайне склонялся к старым принципам...»

Несомненно, Морепа не был недоволен тем, что в то время могли появиться такие комментарии и что в случае катастрофы он мог бы, таким образом, оказаться в стороне как от полицейских мер, так и от структурных реформ. В зависимости от того, как обернулось бы дело, вечер в Опере мог стать хорошим способом показать свою полную непричастность. Встречается и «дипломатическое легкомыслие».

Безусловно, было бы преувеличением полагать, что Морепа сознательно толкал Тюрго навстречу катастрофе.

Но он не желал следовать за ним.

Фактически генеральный контролер был в отдельные моменты близок к гибели.

Мы можем теперь осветить его роль и показать, как он использовал время в эти решающие дни.

В понедельник вечером и во вторник утром он проводил совещание в Париже. Во вторник во второй половине дня он отправился в Версаль, встревоженный ложной мерой с таксацией [якобы введенной королем] и желая обеспечить себе самое главное: доверие короля. Он вернулся в среду в 10 часов, по словам Дюпона (в полдень, согласно Вери). Он застал перед резиденцией генерального контролера вопящую толпу, демонстрирующую заплесневелый хлеб. Он смог разобраться в ситуации. В его отсутствие Морепа спокойно ждал, после того как дал совет, к которому не прислушались; маршал де Бирон распорядился приступить к освящению знамен; Ленуар ограничился, тем, что приказал охранять крытый хлебный рынок; весь Париж был во власти грабителей или наблюдал за ними, тогда как булочники находились в отчаянном положении. Так может начаться революция.

Но Тюрго был не из тех доктринеров, которые приходят в замешательство при первом контакте с жестокой действитель-

ностью. Он укрепил свой авторитет. Чтобы заставить повиноваться де Бирона, ему еще нужно было предъявить собственноручные письма к нему [Тюрго] короля [1], — письма, не оставляющие сомнений относительно намерений монарха. Он повторил в новой форме метод, примененный в Дижоне: автограф короля на письме к Латур дю Пену.

Тюрго, бесспорно, овладел положением уже во второй половине дня, и этим объясняется определенная активизация полиции к 3 часам пополудни, о чем можно судить по свидетельствам очевидцев и по первым полицейским протоколам [2]. После этого было произведено несколько арестов, другие были произведены с наступлением ночи — «тайком», как пишет Метра.

Полиция действовала по методу, принятому ею в такого рода делах. В основном она воздерживалась от ареста на месте преступления, чтобы избежать резкого отпора. Шпики высматривали и следили за некоторыми бунтовщиками, с тем чтобы позднее можно было отправиться к их жилищу и там их забрать, как это делалось в Дижоне.

Тем не менее 3 мая было арестовано довольно мало людей. Человек сорок, по данным Рюде, согласно протоколам, которые он изучил. Мы насчитываем всего 25 задержанных, согласно «Списку лиц, содержащихся в тюрьмах»[3], но он, несомненно, неполон.

Были еще аресты 4 мая и в другие, последующие дни.

В среду вечером, 3 мая, мятеж закончился.

В Париже он больше не возобновлялся.

Великая битва «Мучной войны» была выиграна властями.

1 См.: Du Pont. Correspondance avec le margrave de Bade. (Schelle, t. IV, p. 48.)

2 См.: Rudé. Op cit., p. 150.

3 «Список лиц, содержащихся в разных тюрьмах Парижа и в иных, в связи с грабежом хлеба, зерна и муки, а также лиц, об участии коих в том же самом деле было сообщено» был любезно предоставлен нам Государственной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Глава IV Правительственные меры

ПОСЛЕДНИЕ БЕСПОРЯДКИ

Docendus est populus non secundus *.

Генеральный контролер оставался хозяином положения. Но еще надлежало закрепить позиции и предотвратить всякое возобновление мятежа.

В среду вечером Тюрго перешел в наступление на правительственном уровне. В ту же ночь он созвал чрезвычайное заседание совета министров. Не ставя в известность Морепа, он потребовал и добился вынужденной отставки генерал-лейтенанта полиции Ленуара, который был заменен д'Альбером, доверенным лицом Тюрго (позднее его сменил Фаржес).

Отстранив Ленуара, Тюрго окончательно оттолкнул от себя Сартина, так как Ленуар был его преемником и пользовался его покровительством. Но время было неподходящее для того, чтобы заботиться о таких мелочах. К тому же Тюрго подозревал, что оба они вели нечистую игру в тех обстоятельствах [1].

В письме к Вери от 13 мая Тюрго, говоря о Морепа, писал:

* Народ надо учить, а не следовать за ним. — *Прим. ред.*

1 Такой слух был подхвачен в «l'Espion dévalisé». Поскольку аббат Бодо распространял слухи, порочащие Сартина, Тюрго был вынужден заставить его отправиться к министру и принести свои извинения. Сартин счел уместным проявить великодушие и не потребовал наказания. Но этот инцидент не исправил положения. (Métra. Op. cit., 1 juillet 1775.)

«Господин Тюрго был вынужден закрыть двери своего дома перед этим необузданным и нескромным экономистом». (Ibid., 8 juillet 1775.)

В «Исторических записках» отмечается, что, поскольку Сартин был в дальнейшем введен в Совет в качестве министра, он счел себя отомщенным за эти оскорбительные слухи (p. 271).

«Он не знает, какую я ему оказал услугу. Если бы г-н Ленуар остался, я ни за что не мог бы отвечать» [1].

Тюрго лично забрал написанное королем письмо, извещавшее Ленуара о его увольнении. В 7 часов утра он направил письмо адресату [2] с собственной припиской. Он не пренебрег никакими мелочами: могло случиться, что от короля добились бы отмены его решения или задержали бы вручение письма

В письме «подавшему в отставку» Ленуару Тюрго выражал ему свое личное доверие. Он уверен, что лейтенант полиции сделал все, что мог, чтобы предотвратить беды предыдущего дня. «Но беды произошли, и у меня нет сомнений, что характер действий полиции лишь способствовал развитию событий, которые, по моему мнению, было очень легко предвидеть, так как о них уже оповестили». Были намечены меры, но они не были приняты: «Вам слишком плохо помогали». Нельзя полагаться на волю случая, «рисковать повторением такого дня, как сегодня». Нужен лейтенант полиции, «характер которого более отвечал бы тому, чего требует нынешнее положение».

То был ясный и неумолимый язык государства.

Поскольку в данном случае два человека не справились с порученным делом, было политически разумно, отстранив одного из них, продвинуть другого. Маршал де Бирон был человеком иного склада, нежели Ленуар. Тюрго не мог подозревать его в дурных намерениях. Он знал его как человека дисциплинированного. Итак, ему доверяют командование войсками. Перекладывая ответственность за беспорядки на стражу, маршал в свою очередь уволил начальника этих подразделений, некоего Лабурера, который был заменен Лабалерном (Ла Балерном).

На том же заседании Совета были одобрены военные распоряжения в соответствии с принципом, уже высказанным Тюрго во время бунтов в Дижоне: мобилизовать значительные силы. Согласно «Историческим запискам», прежде всего были созданы две армии: одна, под непосредственным командованием де Бирона, прикрывала Париж и ближайшие его окрестности, другая, под командованием маркиза де Пуайан, стояла в Иль-де-Франсе. Наиболее надежные войска, привилегированные части королевского двора, были предназначены для охраны водных путей: «Черные мушкетеры — на берегах Марны, серые мушкетеры — на берегах Нижней Сены, жандармы, рейтары — на берегах Верхней Сены» Все время опасались, что существует некий тайный план вызвать голод в столице. Французские гвардейцы, швейцарские гвардейцы и инвалиды должны были по-прежнему охранять предместья и лавки булочников.

1 Schelle, t IV, p. 445 et 446.
2 Это письмо находилось в «Пакете герцога де Лаврийера».

Единое командование, сосредоточенное в руках маршала де Бирона, давало возможность обеспечить дисциплину регулярных частей. «Когда их полковник, — замечает Верн, — на другой день получил назначение главнокомандующим [войсками] в Париже и его окрестностях, они заявили, что отныне никаких беспорядков не будет» [1].

Все также в соответствии с дижонским планом Тюрго потребовал быстрого и примерного подавления бунтов. Обычное судопроизводство казалось слишком затяжным — возможно, опасались вмешательства парламента.

Соответственно было решено, что зачинщики мятежа «должны быть задержаны и судимы немедленно превотальным судом»* по законам военного времени. В целом это означало введение осадного положения.

На том же заседании Совета был принят ордонанс, существенную часть которого составляло это распоряжение. Он запрещал, кроме того, собираться толпой, врываться насильно в лавки, требовать продажи хлеба или муки по ценам ниже принятых. Ордонанс указывал, что войскам дан приказ открывать огонь в случае насильственных актов.

Наконец, вероятно на том же заседании Совета (или несколько позднее), было решено отправить всех командующих и интендантов в подведомственные им провинции [2].

Покидая заседание Совета, король будто бы сказал Тюрго: «По крайней мере нам с вами не в чем себя упрекнуть» — «слова, достойные чувствительной и чистой души» [3].

Утверждают, будто Тюрго получил неограниченные полномочия и даже права верховного командующего всеми военными силами — военного министра и министра Парижского департамента по делам о волнениях [4]. Это не вытекает из каких-либо документов и кажется несерьезным Но Тюрго фактически осуществлял власть: он взял ее.

1 Véri Op cit, p 291.
* Превотальные суды — чрезвычайные суды, судившие без права апелляции — *Прим ред*
2 Письмо короля от 4 мая Согласно некоторым данным, этот приказ касался и епископов («Relation historique»).
3 «Relation historique», p 239 et 240.
4 См Weber Memoires, t II, p 84 Согласно тому же источнику, король, предоставляя Тюрго неограниченные полномочия, обнял его и сказал «Тот, у кого, как у вас и у меня, чистая совесть, — тот не боится людей».

Впрочем, утверждение о передаче полномочий как будто опровергается письмом короля от 4 мая, цитированным выше Там говорилось точно «Г-н Дю Мюи направил маршалу де Бирону приказы, как вы о том просили» Таким образом, обычный порядок передачи приказов не был отменен

Маршал де Бирон, став главнокомандующим, возомнил себя великим полководцем и предстал перед обществом в смешном виде. Возглавив армию в 25 тыс. человек, которая образовала сплошной кордон вокруг столицы, он передал командование на Верхней Сене Пуайану, на Нижней Сене графу де Во, а сам засел в своем дворце (Отель де Бирон) в окружении обширного штаба и суетящихся адъютантов, устраивая роскошные приемы[1]. Он считал себя столь незаменимым на своем посту, что спустя пять недель, когда наступило полное спокойствие, не пожелал покинуть его даже для участия в церемониях, связанных с коронацией.

Высмеивая его, парижане напевали: «Ты просто Жан-Мучник». Он был этим весьма уязвлен. Его разыграли: он получил предупреждение, будто мятежники собираются захватить Бастилию и Арсенал, и велел зарядить и нацелить пушки.

«Были произведены грандиозные приготовления, как если бы вражеская армия собиралась приступить к осаде этих крепостей».

Итак, в Париже царил порядок: «Фонари зажигались задолго до наступления ночи; они оставались зажженными вплоть до наступления дня; их опускали пониже, как в дни мятежа, когда опасались каких-нибудь неожиданностей».

Альбер, со своей стороны, принял 5 мая превентивные полицейские меры. Комиссары должны были обходить свой квартал с 5 до 10 часов утра и предупреждать домовладельцев и хозяев предприятий, что слуги и рабочие, особенно кузнецы, должны сидеть на месте. Если возникнут беспорядки, каждый обязан возвратиться к себе домой и запереть двери. Не разрешалось давать приют иностранцам или неизвестным лицам. Запрещено было носить оружие, иметь при себе инструменты и палки[2]. Альбер взял в свои руки также расследование судебных дел и лично наблюдал за всеми деталями следствия.

После 4 мая действие было перенесено, как и следовало ожидать, на парламентскую сцену. Независимо от своей склонности к демагогии парламент не мог не проявить интереса к подобному брожению в обществе; он осуществлял не только судебные функции, но и полицейские — так, стража (guet) находилась теоретически в его ведении.

Итак, господа, заседавшие в парламенте, не остались безразличными к событиям, происшедшим 2 и 3 мая. Уже 2 мая,

1 Ему выдавали на чрезвычайные расходы 40 тыс. ливров, и, сверх того, он должен был получать 20 тыс. ливров в месяц. («Relation historique», p. 270.)

2 Неопубликованный циркуляр. Archives Nationales, Y. 11 441.

до поездки в Париж, Тюрго принял меры предосторожности: он посетил первого президента парламента и довел до его сведения волю короля: «Пусть его парламент не вмешивается в дела полиции». Это, несомненно, была одна из мер, согласованных между Тюрго и королем, о которой министр доложил королю в записке от 2 мая (предшествовавшей первому письму короля — ответу на записку Тюрго).

3 мая первый президент парламента получил письмо короля, содержание которого следующим образом изложено в «Исторических записках»: «Его Величество уже позаботился о мерах по дальнейшему их (мятежей) пресечению. Его Величество уже частично раскрыл источники брожения, организованного людьми злонамеренными... Его Величество желает, чтобы парламент не повредил его планам какими-либо опасными и плохо продуманными действиями».

Оправдание перед парламентом, которое должно было его успокоить, если не отстранить, заключалось в таинственной информации о происхождении беспорядков. Версия заговора стала вырисовываться еще до того, как разыгрались главные события. Тюрго пришел к такому убеждению после событий в Дижоне (первый доклад Латур дю Пена) и, во всяком случае, после событий в Бомоне, Понтуазе и Версале, в которых он усмотрел общую стратегию.

Своих собравшихся для обсуждения дела коллег первый президент парламента осведомил одновременно и о визите Тюрго, и о письме короля. После чего президенту поручили предстать перед королем, чтобы засвидетельствовать усердие и преданность парламента[1].

4 мая палаты парламента собрались снова. Несколько советников сделали сообщения относительно инцидентов, опираясь на сведения, полученные «из их земель» либо иным путем.

После этого парламент, которому еще не был известен принятый накануне вечером ордонанс, предусматривавший учреждение особого судопроизводства, сам принял постановление о начале расследования. Это была вполне нормальная процедура. Но тогда произошел инцидент, который Вери объясняет технической ошибкой.

Принимая свое постановление, парламент оставался в рамках своих чисто судебных полномочий. С другой стороны, исходя из своих прерогатив в области полицейских мер, парламент одновременно принял специальное решение умолять короля

1 Согласно одной версии, президент по поручению парламента отправился в Версаль на рассвете 4 мая. Он будто бы встретил по дороге королевского курьера, который вез упомянутое письмо, после чего президент вернулся обратно. (Ségur. Op. cit., p. 178.)

«понизить цены на зерно и хлеб до ставки, соответствующей нуждам народа, чтобы люди злонамеренные были лишены поводов и возможностей возбуждать умы».

Это решение «было предназначено для внутреннего употребления самого трибунала» и должно было остаться поводом для обращения к королю без предания гласности. Однако «по недосмотру канцелярии» оно было включено как продолжение в текст первого постановления [1].

Постановление с дополнением было отправлено в типографию для изготовления афиш.

В тот же день из Версаля была прислана королевская декларация, в которой, согласно с принятым накануне ордонансом, было объявлено о создании «превотального суда».

Состав этого суда должна была определить палата Турнель*. Таким образом, нашли изящное решение, дающее возможность, не отстраняя парламент, уменьшить риск. Однако парламент, увлеченный собственной инициативой, не принял этой уловки. Он отказался зарегистрировать декларацию[2], утверждая, что она «уполномочивает его» осуществить власть, которой парламент и так уже обладает по своей природе. С другой стороны, парламент указал на упущение по форме, а именно декларация была направлена непосредственно в уголовную палату (Турнель), между тем как ее надо было направить Большой палате.

Таким образом, правительство потерпело двойную неудачу. В сфере судебной: процедура, которую оно задумало, оказалась приостановленной. В плане тактическом: парламент проявил инициативу, которой правительство хотело избежать.

Но препятствия в осуществлении планов, не менее чем их легкость, стимулируют энергию. Были сразу приняты срочные меры: типографу приказали приостановить распространение афиш; верные мушкетеры прибыли, чтобы разбить типографскую форму; продажа была приостановлена. Некоторые экземпляры афиш уже были расклеены; их заклеили ордонансом короля.

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 293. Учитывая доверие, которого заслуживает рассказчик, нам кажется, что его версию можно считать верной. Но можно также придерживаться гипотезы, что тут была допущена *сознательная* ошибка со стороны какого-либо рьяного «активиста».

* Палата Турнель — уголовная палата парламента, половина судей которой пополнялась по очереди из членов Большой палаты и следственной палаты; заседания ее первоначально проходили в маленькой башне, прозванной «уголовной башней» («tour criminelle»), так как там разбирали уголовные дела. — *Прим. ред.*

2 Согласно «Relation historique», именно посылка этого текста была поводом для заседания 4 мая (p. 243). Это уточнение противоречит остальной части изложения, где описан внезапный созыв заседания. Наоборот, согласно Вери, ордонанс короля явился чем-то вроде ответа на инициативу парламента (p. 893). Данная нами хронологическая версия представляется нам более правдоподобной.

В тот же день, 4 мая, король написал Тюрго еще одно письмо, в котором обратил внимание на трудности, создаваемые парламентом; на деле речь шла о парламенте Руана, который еще не зарегистрировал указ о свободе хлебной торговли и сделал это значительно позже. Но по ошибке этот текст связали с событиями, которые в это же время развертывались в Парижском парламенте и о которых Людовик XVI еще не был осведомлен, когда писал это письмо [1]. Король, несомненно, лишь значительно позднее узнал о положении в парламенте. Утверждают даже, что Тюрго ровно в полночь прибыл в Версаль, чтобы информировать короля и добиться созыва Совета [2]. Это то заседание, на котором было решено прекратить публикацию постановления парламента, но, видимо, ничего не было сказано о кассации самого постановления; это дало возможность парламенту впоследствии считать свое постановление все еще сохраняющим силу[3].

Что касается существа дела, то было решено провести 5 мая в Версале заседание парламента в присутствии короля. Относительно метода действий существовали различные варианты. Предполагали прежде всего аннулировать постановление парламента о задержке регистрации и запретить ему вмешиваться во все дела, касающиеся зерна. Но перед самой церемонией, в 9 утра, Морепа распорядился об изменении плана действий при неизвестных нам обстоятельствах[4].

Тогда было решено заставить просто и безоговорочно зарегистрировать королевскую декларацию, утверждавшую превотальное судопроизводство, ту декларацию, текст которой был переделан после отказа парламента. В этом новом варианте уже не было речи о палате Турнель. Полномочия были предоставлены главным прево жандармерии (prévôts généraux de maréchaussée) при участии судей президиальных судов (судов первой инстанции) или, в их отсутствие, других заседателей.

1 Эту ошибку допустил Сегюр. Наше толкование, совпадающее к тому же с толкованием Дюбуа де л'Эстана, опубликовавшего этот документ, формально подтверждается и упоминанием в параграфе, о котором идет речь, г-на де Монтолона, бывшего первым президентом Руанского парламента, и г-на де Бельбёфа, бывшего там же генеральным прокурором. Тот факт, что министр юстиции частным образом обратился «к лучшим известным ему умам парламента», объясняется тем, что и он, Миромениль, принадлежал к этому же парламенту.

2 См.: Schelle, t. IV, p. 423; «Relation historique», p. 244.

3 См.: Dakin. Op. cit., p. 186.

4 Это изменение отмечено у Вери, но его рассказ прерывается на словах: «Если король поступит в соответствии с нашим вчерашним планом, то парламент пожелает оправдать...» (p. 293).

Палатам парламента и другим судьям было запрещено заниматься этими делами.

В своей мотивировке декларация ссылалась на беспорядки, происходившие 3 мая, а также в предыдущие и последующие дни. Эти беспорядки приписывались «толпе грабителей», а их преступления были изложены так, как если бы они совершались одной и той же бандой. Грабежи мельниц и домов, рынков и булочных, кражи зерна, муки, хлеба, нападения на обозы на дорогах, вспоротые мешки, избитые возницы, разграбленные суда, крамольные речи...

Утром в пятницу 5 мая церемониймейстер вручил советникам парламента королевский указ, повелевающий этим господам немедленно «в черных мантиях» отправиться в Версаль. Начались обсуждения, споры, обмен новостями, но ничего не было решено, и все просто отправились в путь, чтобы выполнить приказ короля [1].

Таким образом, не прошло и полугода после 11 ноября, как королю пришлось вновь отправиться на заседание парламента, чтобы ослабить силу оппозиции, которую он столь не ко времени возродил на предыдущем заседании.

Г-да члены парламента, сказано в «Исторических записках», были «очень хорошо приняты». Их угостили обедом в зале для церемоний, и заседание началось только в половине четвертого. Из протокола, который был опубликован, мы узнаем подробности выступлений и церемониала.

Король произнес всего несколько слов, которые он выучил наизусть. «Я должен, — сказал он, — и желаю приостановить грабежи, которые могут превратиться в мятеж». Хотя голос у короля был не очень приятный и не звонкий, говорится в «Исторических записках», тон его речи был благороден и тверд, и это искупало недостатки голоса.

Главная роль и главная речь поручены были хранителю печати Арману Тома Гю де Мироменилю; согласно описаниям, он «был в мантии из фиолетового бархата, подбитой малиновым атласом», и «сидел в кресле, покрытом концом фиолетового бархатного ковра, расшитого золотыми лилиями, лежавшего у ног короля»[2].

По иронии судьбы, главному врагу Тюрго в правительстве надлежало изложить его взгляды и быть пособником его политики в этих решающих и торжественных обстоятельствах.

В речи хранителя печати мы обнаруживаем официальное

1 По некоторым сведениям, парламент будто бы демонстративно потребовал тогда установления цены на хлеб в 2 су за фунт (Dakin. Op. cit., p. 188). Но эта версия опровергается в «Relation historique».

2 Procès-verbal du lit de justice. Imprimerie royale, 1775.

подтверждение не только версии о «грабителях», но и версии о «заговоре».

«По-видимому, существовал план опустошить деревни, пресечь судоходство, воспрепятствовать перевозке хлеба... А его цель? Обречь на голод большие города, и прежде всего Париж».

Чрезвычайные меры оправдываются этой крайне опасной ситуацией. Хранитель печати объявил, что, когда спокойствие будет восстановлено, возвратятся к обычному порядку судопроизводства. Но в настоящий момент надо «пресечь заразу».

Первый президент парламента д'Алигр, не очень красноречивый от природы и растерявшийся в сложившихся обстоятельствах, хранил молчание [1]. Заместитель прокурора Сегье, хотя его и было трудно застать врасплох, ограничился требованием регистрации.

Когда г-н де Миромениль, согласно обычаю, приступил к голосованию, то заметили, что только принц Конти и советник по фамилии Фрето затеяли дискуссию. Миромениль с четверть часа оставался у ног короля, чтобы дать ему отчет [2].

Король снова взял слово и твердо сказал: «Я вам запрещаю какую бы то ни было ремонстрацию».

Вернувшись в Париж, члены парламента приступили к обсуждениям, но сторонники правительства добились отсрочки до следующего дня. На этом новом заседании страсти поутихли, и члены парламента воздержались от открытого протеста. Просто приняли новое постановление, составленное в самых умеренных выражениях. В нем содержалась просьба к королю, «чтобы он соизволил продолжать свои заботы о хлебе, которые и ранее диктовала ему любовь к его народу». Парламент избрал «форму наименее резкую, но в то же время надежную... чтобы выразить свое беспокойство и свое усердие». После этого он повторил свое предыдущее постановление, от 4 мая. «Эта мягкость парламента была непростительной», — пишет автор «Исторических записок», выразитель мнения рьяных «патриотов».

В этом первом конфликте на парламент произвела впечатление твердость властей, а, вероятно, также и серьезность положения.

Он любил народ — но не разъяренный народ.

1 Утверждали, что д'Алигр поручал составление своих речей адвокату Жервезу, автору книги «Portier des Chartreux». (Письмо Вольтера де Лилю от 14 марта 1776 г. цитируется в: Foncin. Op. cit., p. 507.) Разумеется, в данной ситуации у него не было времени прибегнуть к услугам адвоката.

2 См.: «Relation historique», p. 246.

ОБРАЩЕНИЕ К ДУХОВЕНСТВУ И РАЗЛИЧНЫЕ РЕШЕНИЯ

Король был доволен собой. 5 мая он писал Тюрго доверительным тоном: «Память мне изменила во время первой речи, но я собрался с мыслями, как мог, стараясь не растеряться». А 6 мая он писал: «Верно то, что я испытываю большее смущение перед одним человеком, нежели перед пятьюдесятью».

У короля и министра были подозрения, что существует заговор. В письме упоминается о посылке двух бланков указов, подписанных королем, о чем Тюрго просил. «Меня ужасает, — прибавляет король, — это подозрение, которое у нас возникло, и трудные решения, которые мы должны принять, но, к несчастью, еще кое-кто говорит об этом; я надеюсь, *во имя чести моего имени,* что все они — клеветники».

Считают, что эта фраза относится к принцу Конти; этим объясняется намек на «честь имени», поскольку речь шла о принце крови.

Из этого следует, что некоторые люди указывали на Конти, и их было немало, но все же нельзя было исключать и предположение о клевете; король предпочитал такое объяснение.

Несколько дней спустя версия заговора получила подтверждение в новой инициативе политического характера.

Тюрго решил обратиться к духовенству, чтобы получить его поддержку в деле сохранения порядка.

Высказывались предположения, что причиной обращения явилось участие отдельных представителей духовенства в беспорядках. Некоторые из священников действительно были очень возбуждены [1]. Но другие, наоборот, встали на сторону порядка[2].

Было бы совершенно неправильно говорить о какой-то единой позиции всего духовенства. Живя среди своих прихожан, зная об их бедах, священники могли разделять их чувства, как им случалось разделять и их невежество.

1 См. далее, с. 311—313.

2 Кюре в Мери отказал в причастии мятежникам. Он получил пенсию в 200 ливров и обещание бенефиция. («Gazette de Leyde», цитируется в: Schelle, t. IV, p. 442, note.)

Другой кюре обезоружил бунтовщика, который угрожал ему палкой; не был ли это тот же самый? (Métra. Op. cit., t. I, p. 358.)

Объяснение инициативы Тюрго в этом, как и в других случаях, можно найти в его прошлом опыте. Он всегда придавал большое значение той роли, какую может играть духовенство, особенно в деревне, направляя и просвещая умы. Он уже не раз использовал его помощь, будучи интендантом в Лиможе. Он счел совершенно естественным возобновление такого опыта в масштабах целой страны.

В длинной инструкции, датированной 9 мая и переданной кюре через епископов, мы видим наряду с похвалами и увещаниями, естественными в документе, предназначенном для священников, неизбежное, хотя и сжатое напоминание о здравых экономических принципах. Составитель настаивает на том, что фактически не было действительной нехватки хлеба (он был все время в достаточном количестве на рынках именно в тех провинциях, которые подверглись грабежам), не было и чрезмерной нищеты: в прошлом цены бывали и более высокими. К тому же были открыты благотворительные мастерские.

Виновниками бунтов объявляли грабителей, и мы видим, как в этом документе уточняются многие элементы подготовляемой официальной версии.

В каждом случае грабители были чужаками в приходе.

У них были деньги, ибо, даже покупая по дешевой цене, они закупали большие количества хлеба, значит, их гнала не нужда.

Они уничтожали продовольствие.

Они поджигали амбары и фермы. Цель: вызвать голод в Париже.

Они хитро ссылались на решение короля.

Вслед за грабежами — заговор. Этот тезис уточняется в одной фразе: «Когда народ узнает, кто организаторы, они внушат ему отвращение и он утратит к ним доверие; когда народ увидит последствия, они устрашат его больше, чем сам голод». Смысл сказанного: обвинение в политическом пагубном заговоре.

Согласно Дюпону, этот пункт был включен в текст Ломени де Бриенном. Тот же Дюпон полагает эти слова неосторожными, ибо тем самым обещали выступить с разоблачениями, чего сделать не могли.

Самая мысль об обращении к духовенству была спорной идеей. Некоторые комментаторы (враждебного направления) считали это бестактностью. «Духовенство, — говорится в «Исторических записках», — было скандализовано тем, что Его Величество понуждают таким образом посягать на его права (духовенства) и как бы приписывают королю право наставлять его, о чем поучать с церковной кафедры». Некоторые епископы даже подозревали министра в затаенном галликанизме [1].

1 «Relation historique», p. 264 et 265.

Тюрго, несомненно, был мало озабочен тем, что подумает духовенство, его больше интересовало воздействие, произведенное на общественное мнение. Независимо от результатов, достигнутых в данном случае, не вызывает сомнений, что церковная организация обладала в то время ни с чем не сравнимой сетью информации и гласности. Решение прибегнуть к ней было мыслью, достойной государственного деятеля.

Чтобы покончить с «политическими» последствиями мятежа, мы должны в заключение отметить два рода мер.

8 мая состоялось постановление Совета о распространении на определенные сухопутные торговые операции (Эльзас, Лотарингия, Три Епископства) премий за импорт, которые применялись уже ранее, но ограничивались водными путями. 2 июня двумя постановлениями Совета были отменены ввозные пошлины (октруа) на зерно, муку и хлеб во всех городах, кроме Парижа и Марселя; рассчитывали, что цены на продукты снизятся благодаря отмене этих пошлин, тем более что на ценах отражались и различные злоупотребления при их взимании. Изложение мотивов позволяет предполагать, что сами муниципалитеты склонялись к принятию этой меры. Им было предложено по возможности возместить снижение финансовых поступлений путем «экономии и сокращения расходов», а в случае необходимости с помощью других мер, не отражающихся на стоимости продуктов первой необходимости.

С другой стороны, верный «дижонским» принципам, Тюрго счел необходимым возместить потери жертвам мятежа. Дюпон оценивал убытки в 610 тыс. франков; тотчас же было уплачено 50 тыс. ливров одному коммерсанту, Планте, судно которого было разграблено, «а зерно сброшено в воду». Необходимые фонды должны были быть получены за счет ликвидации запасов хлеба, оставшихся после государственных торговых операций с хлебом во времена Террэ [1].

РЕПРЕССИИ

Повешенные в назидание другим

5 мая на заседании парламента в присутствии короля было разрешено ввести чрезвычайную процедуру судопроизводства для карательных мер.

1 Такова информация, исходящая от Дюпона. Между тем имеются указания и на другие источники покрытия расходов (См. письмо Тюрго интенданту Суассона от 8 мая 1775 г., Archives de l'Oise, C 318.)

Между 4 и 8 мая полиция арестовала некоторое число лиц, обвиняемых в участии в мятеже. Согласно исследованиям Люблинского, 162 человека подверглись преследованиям за «преступления по делу о зерне» (в этот же период было арестовано еще 122 человека за различные проступки, но чаще всего связанные с общим брожением).

Небольшая группа людей была арестована в связи с беспорядками в деревнях того же 3 мая и в последующие дни. Рюде насчитал всего 260 арестованных в Бри и в Иль-де-Франсе и 145 по «парижским» делам [1].

Не следует смешивать с этими арестами бунтовщиков «заключение в тюрьмы» (embastillement) различных других лиц.

Превотальный суд должен был выполнить возложенную на него миссию и среди мелкой сошки в обычных тюрьмах тщательно отобрать обвиняемых. Суд, во всяком случае его председатель, главный прево коннетаблей и жандармерии Франции Папийон, видимо, сначала не проявлял большого рвения. Согласно «Историческим запискам», герцог де Лаврийер вынужден был от имени короля предложить ему собрать свою уголовную палату, состоявшую, помимо его самого, из «одиннадцати господ из Шатле». Показания были запротоколированы в Шатле 8 мая. 11 мая превотальный суд приговорил двух бунтовщиков к смертной казни через повешение. Как уточняет Арди, приговор был приведен в исполнение в тот же день в три часа пополудни. Для этой цели на Гревской площади были водружены две виселицы высотой восемнадцать футов, площадь оставалась пустой, солдаты были построены в два ряда, один ряд лицом внутрь каре, другой — наружу. Осужденные призывали народ на помощь и кричали, что умирают за него [2].

Составители хроник не сообщают подробных сведений об этих двух людях и их вине, а историки не проявили к ним интереса. Только Арди среди первых и Сегюр среди вторых потрудились назвать имена казненных.

Согласно приговору превотального суда [3], один из них —

1 См. «Список лиц, содержащихся в тюрьмах» и статью В. С. Люблинского в «Вопросы истории», 1955, № 11. См. далее, с. 310, прим. 1.

2 «Relation historique», p. 255 et 256.

3 Печатный текст находится в Archives Nationales, K 1022, № 25, а черновик в реестре секретных заседаний (Y 10 525). Показания обвиняемых воспроизведены следующим образом:

Жан Дени Депорт

Сказал, что, идя с работы, зашел вместе с женой к Жардену, булочнику на улице Муфтар, а его жена взяла три буханки хлеба по 4 фунта и заплатила 36 су.

Он не спрашивал Жардена, сколько у него хлеба, и вовсе не узнавал, почему он не закрывает булочную, а дочь упомянутого Жардена дала ему сама без принуждения восьмифунтовый хлеб. Он не применял никакого насилия к Жардену и никого не призывал грабить Жардена или

Жан Дени Депорт, парикмахер, в прошлом солдат (также чесальщик-матрацник и грузчик на Центральном рынке), другой — Жан Клод Л'Эгийе, подмастерье газовщик. Обвинительное заключение гласило: Депорт сначала явился в лавку одного булочника, *которому сказал*: «Не запирайте, сейчас придут вас грабить. Сколько у вас выпечек? Пять? Это хорошо». Вслед за ним явилась толпа в 300 человек. Он участвовал также во вторжении в другую булочную. У него нашли три буханки хлеба. Что касается Л'Эгийе, то его обвинили в том, что он ударил ногой в дверь и подстрекал других ворваться в булочную. Эти обстоятельства позволяли считать обвиняемых зачинщиками, но не свидетельствовали о том, что они совершили особо тяжкие преступления. Эти два человека были выбраны случайно среди других, которых легко было бы уличить в аналогичных поступках и даже в более серьезных актах насилия. Эти двое были повешены в назидание другим.

Моро упоминает подробности, которые, если они верны, могли бы служить объяснением суровости приговора и выбора именно этих лиц для примерного наказания: «Один из них уже был однажды клеймен и высечен кнутом, а другой был известным вором» [1]. Однако автор воспоминаний сообщает эти данные по слухам, он даже не упоминает имена осужденных. Никаких указаний такого рода нет ни в приговоре суда, ни в заметках Арди, ни даже в «Списке лиц, содержащихся в тюрьмах» (а этот документ во многих случаях содержит пометки «известный вор»). Более того, по крайней мере у одного из обвиняемых возраст исключает предположение об уголовном рецидиве или профессиональной преступности. Это действительно неприятная деталь, о которой странным образом умолчали. В печатном тексте приговора указывается местожительство и профессия осужденных, но не их возраст, который, напротив, фигурирует в черновике. Двадцать восемь лет было Депорту и шестнадцать Л'Эгийе. Поражает крайняя молодость этого несчастного мальчика, которого повесили за то, что он ударил ногой в дверь; на скамье подсудимых он ссылался на то, что обычно вел себя хорошо. Противники правительства никогда не упоминали об этих

Форре Не знает никого из тех, кто грабил хлеб в булочных. Не договаривался ни с кем о том, чтобы воровать хлеб.

Жан Клод Л'Эгийе

Сказал, что никого не подстрекал забирать хлеб в булочной; правда, он ударил ногой в дверь булочной, чтобы заставить ее открыть; там было много народу, но он по собственному побуждению ударил в упомянутую дверь, и просто несчастье для него, что он ушел с работы и вышел на улицу, что он всегда ведет себя спокойно и степенно и его мастер может это подтвердить.

1 Moreau. Op. cit., t. II, p. 194.

фактах в своих критических выступлениях. Наверно, они вообще не знали о них [1].

Превотальный суд занялся тогда же делом двух водоносов: Жана и Игнаса Деривов. Но он решил отложить вынесение решения по этим делам до приведения в исполнение первого приговора [2].

Согласно «Историческим запискам», судьи в Шатле плакали, подписывая приговор, а согласно Арди, они предусмотрительно воздержались от упоминания своего имени под приговором. Это еще одно отличие между печатным текстом приговора и черновиком.

Другой обвиняемый, по имени Карре, был приговорен в Версале к такой же казни, однако, так как он состоял на службе у графа д'Артуа, его помиловали. Такое пристрастие вызвало возмущение, так как считали, что он скорее заслуживал виселицы, нежели другие. Действительно, он подстрекал громил отправиться в замок, где они найдут лишь «людей, дрожащих от страха».

Эти две виселицы высотой восемнадцать футов долгое время упорно ставили в вину Тюрго, особенно в эпиграммах, распространявшихся в последний период его пребывания у власти.

Аббат Сулави, подхвативший эти упреки, довел высоту виселиц до сорока футов, как видно стремясь поразить воображение [3].

Надо отметить, что столь суровый приговор не мог в ту эпоху произвести такое же впечатление, как в наши дни. При старом порядке за воровство часто приговаривали к смертной казни. Высшая мера наказания за бунт считалась нормальным явлением. Тому есть немало примеров.

1 Арди в своих записках уточняет: тридцать один год и восемнадцать лет; это указывает на то, что, видимо, возраст осужденных немного преувеличили. Но указания, содержащиеся в приговоре, безусловно, следует признать правильными, кроме того, они подкрепляются данными «Списка лиц, содержащихся в тюрьмах». Согласно другому сообщению Арди, мать несчастного юноши впоследствии сказала одному знакомому ей священнику, который в те дни находился вне Парижа: «Если бы вы были здесь, мой сын был бы жив». Священник был этим крайне взволнован.

2 Этих двух имен нет в «Списке лиц, содержащихся в тюрьмах».

Согласно протоколу заседания суда, сущность их показаний сводилась к следующему:

Жан Дерив, водонос. Взял хлеб в булочной на улице Тир-Шапп На другой день возместил его стоимость.

Игнас Дерив. Побывал лишь у одного булочника, который сам дал ему маленький хлебец. Никого ни к чему не подстрекал и не знает никого из тех, кто забрал хлеб. Он пошел в лавку, как и все, только из любопытства, чтобы поглядеть, что происходит.

3 Напротив, официальный отчет того времени говорит о высоте в пятнадцать футов. Archives Nationales, K. 1022-25.

В тот же день, 3 мая, Метра философски закончил свою хронику словами: «Полиция приказала арестовать втихомолку бунтовщиков, и, несомненно, завтра или послезавтра некоторых из них повесят».

11 мая в конце дня Людовик XVI написал Тюрго еще одно письмо, последнее в этой серии их корреспонденции. Он упоминает о событиях этого дня в таких простых словах: «Г-н де Лаврийер сообщил мне о двух казнях, состоявшихся сегодня вечером». Неизвестно, был ли поднят вопрос о помиловании в промежутке между приговором и казнью. Чувствительный король должен был страдать из-за жестокости, на которую он согласился из государственных соображений. В том же письме он писал: «Если вы можете пощадить людей, которые стали лишь жертвой подстрекательства, то поступите очень хорошо».

Это пожелание было исполнено с необыкновенной быстротой. Указ, датированный еще 11 мая, предоставлял амнистию всем лицам, которые незамедлительно возвратятся в свой приход и возместят в натуре или деньгами ущерб, причиненный их незаконными изъятиями.

Это постановление не распространялось только на «вожаков и подстрекателей» [1].

Таким образом, в течение суток крайняя суровость сменилась великодушной готовностью помиловать.

Если отвлечься от чисто гуманного подхода применительно к индивидуальным случаям, то период между 4 и 11 мая можно рассматривать как пример быстроты, «экономичности» и эффективности в ликвидации бурного общественного кризиса [2].

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ

Теперь мы должны продолжить изложение событий начиная с 3 мая.

«Мучная война» к этому времени далеко еще не закончилась, даже еще не достигла середины своего развития. Последние эпизоды явно менее важны, чем первые, с точки зрения *политического действия;* однако они столь же знаменательны, даже,

1 Тех лиц, которые по-прежнему станут собираться в толпы, ожидала смертная казнь. Никто не имел права покидать свой приход, не получив подписанную синдиком и кюре характеристику о добронравном поведении, иначе он подлежал наказанию по закону о бродяжничестве. (Schelle, t. IV, p. 443.)

2 Окончательная амнистия была предоставлена 24 ноября 1775 г. Тогда же было покончено и с чрезвычайным судопроизводством, предписанным декларацией от 5 мая.

пожалуй, еще более, с точки зрения *политической философии.* Во всяком случае, их необходимо знать, для того чтобы определить характер движения в целом.

Начиная с провала парижского бунта и после того, как правительство овладело положением, «Мучная война» уже не представляла непосредственной опасности для правительства. Но в конечном счете она означала угрозу для режима. Первая опасность миновала, но уроки не были извлечены.

Беспорядки, происходившие в этот второй период, можно, как и в начале движения, разделить на две категории, но теперь эти две категории все более отличались одна от другой.

Были выступления коллективные, массовые, которые мы независимо от числа участников назовем *«агорейскими»* — *площадными* *: они происходили в городах или поселках в рыночные дни. Но были и выступления, походы, направленные против отдельных объектов, ферм, домов, мельниц. Первоначально такие походы были связаны с беспорядками на рынке и как бы являлись их непосредственным продолжением во времени и пространстве. Возбужденная толпа, похозяйничав на рынке, где она грабила и устанавливала твердые цены, отправлялась куда-нибудь по соседству либо потому, что рассчитывала найти там запасы товаров, с которыми хотела поступить так же, как и с предыдущими, либо потому, что ранее похищенное количество показалось ей недостаточным, либо потому, что, побуждаемая смутным стремлением к справедливости, хотела уравнять положение разных торговцев, либо вследствие почти спортивного азарта и возбуждения, а то и по каким-то другим причинам. Но теперь случалось и так, что отдельные действия теряли связь с первоначальным очагом мятежа, охватывали большее пространство или длились более долгий срок. Некоторые шайки уходили за пределы непосредственных окрестностей города; иногда постепенно, по мере распространения слухов о первом инциденте, волнения продолжались и на второй и третий день. Такие действия могли сохранять коллективный характер по числу участников. Однако если они происходили уже вдали от бунта на рынке, то обычно численность групп становилась меньше и боевой дух слабел. Из-за такого смешения выступлений «агорейских», площадных и отдельных походов, значение которых было весьма различно, трудно проследить за последовательностью эпизодов, за их развитием изо дня в день, час за часом, от селения к селению или от фермы к ферме. Районы заражения можно приблизительно определить по карте, составленной Рюде. Равным образом в этом последнем периоде можно выделить два этапа: дни с 3 по 6 мая и дни с 6 по 10 мая. Мы не на-

* От греческого слова «агора» — главная площадь в городах Древней Греции, на которой происходили народные собрания. — *Прим. ред.*

мерены вдаваться в детали, а хотим лишь определить общие черты и остановиться на некоторых характерных случаях.

С 3 по 6 мая. Уже в день 3 мая, когда мятеж распространился в Париже, произошли различные инциденты в деревнях, но они сводились исключительно к одному типу — к отдельным «походам», и не слышно было о беспорядках «агорейских». 4 мая выступления продолжаются без прямой связи с рынками, они происходят на фермах вблизи Бьевры, Ганьи и Ланьи, откуда зараза распространилась, с одной стороны, в направлении Мо, а с другой — непосредственно в Бри.

Так как эти действия происходили в отрыве от источника мятежа, то по определенным деталям мы убеждаемся в их безобидном и даже «добродушном» характере.

Так, один пахарь из Блан-Мениля, вынужденный продавать хлеб по твердой цене жителям соседних селений (Грелэ и Сарра), решил, раз уж тут ничего не поделаешь, дать возможность воспользоваться таким счастливым случаем и жителям своей деревни. По собственной инициативе он установил справедливое распределение [1].

Но наиболее примечательное дело, о котором мы располагаем документальными данными благодаря значительной судебной процедуре, — это поход 4 мая крестьян Вильмомбля к фермеру в Бобиньи по имени Шарлемань, а оттуда на некоторые другие фермы.

Прежде всего, это типичный случай распространения заразы в сельской местности. Накануне или днем раньше некто Лорине, школьный учитель в Ганьи, услыхал разговоры о том, что распределяют хлеб по дешевой цене (он не уточнил где) и что на другой день настанет черед Шарлеманя. Назавтра (в среду) они вчетвером отправились в путь и нашли у Шарлеманя мало зерна (4 сетье), но застали там толпу в 200 человек и вместе разделили все, что нашли. Из Бонди также отправилась группа в шесть или восемь человек во главе с неким Рено; им досталось еще меньше, потому что они пришли последними, и тогда они отправились на другие фермы [2].

Небольшая группа из Ганьи остановилась в Вильмомбле, чтобы выпить, у каменщика-кабатчика Делепина, и там зашла речь о походе. Жители этой деревни решили последовать их примеру. Здесь история приобрела особенно любопытный характер:

1 Тогда жители соседних селений, придя к мысли, что они поступали неправильно, возвратили ему то, что они взяли, или уплатили ему по рыночной цене. Следуя их примеру, некоторые жители его селения поступили так же. Он надеялся за несколько дней покрыть все свои убытки (Rudé. Op. cit., p. 157.)

2 Рено обвиняли в том, что он сказал: «Если бы нас было всего десять человек, но таких, как я, то мы захватили бы зерно, деньги или пишили бы жизни всех фермеров в округе». (Допрос Рено.)

они вообразили, что их поход может возглавить налоговый прокурор Блезон, по профессии слесарь, а его удалось убедить, что предприятие это вполне законно, в чем его собеседники, вероятно, и сами были убеждены. Высказывалось предположение, что король расщедрился в связи с коронацией и намерен сделать своему народу подарок, снизив цену на хлеб, а убытки фермеров будут возмещены сокращением тальи. Блезон посоветовался с прево Гийо, и тот ему сказал, чтобы он поступал, как и все. «Стань во главе этих добрых людей, — посоветовал он налоговому прокурору, — и следи за тем, чтобы они не напивались и чтобы не было грабежей» [1].

Когда эта группа пришла к Шарлеманю, то оказалось, что там уже ничего нет; обошли комнаты, задумали разбросать стог, но отказались от этого намерения. Шарлемань зазвал Блезона к себе «выпить стаканчик», и тот согласился — «скорее для того, чтобы принести ему свои извинения, чем для того, чтобы пить его вино». Возвращаясь назад, участники похода остановились у одной фермерши, нашли ячмень в стоге соломы и разделили его между собой, но потом вернули назад «ввиду сделанного ею заявления, что этот ячмень предназначен для того, чтобы засеять участок, который она указала».

Эти подробности служат иллюстрацией того сочетания добродушия и насилия, соблюдения законности и незаконных захватов, которые характерны для «Мучной войны». Народ хотел действовать, нарушая порядок, но соблюдая определенные правила, определенные принципы. К тому же люди были в большей или меньшей степени убеждены, что все происходящее таинственным образом согласуется с волей короля или... провидения.

Во всяком случае, речь шла не о неких неизвестных лицах: все участники были знакомы между собой или легко опознавали друг друга.

Эти деревенские походы очень сильно отличались от народных волнений в Париже как по своим действиям, так и по своему составу. Так, в Бобиньи мы обнаруживаем налогового прокурора, школьного учителя, а в Дамартене мы встретим среди арестованных лиц эшевена (муниципального советника) и бывшего эшевена.

Между тем после перерыва 3 мая снова начались «агорейские» волнения. Это легко объяснить тем, что события в столице оказывали влияние на крестьян из ближайших районов.

4 мая возобновились беспорядки на рынках в Лимуре и Шуази-ле-Руа. Об этих последних событиях мы можем судить на основании неизданного документа — доклада адвоката Дюморту, который описывает точно методы таксации и отмечает обстоятельства, несколько отличные от обычной схемы.

1 Допрос Блезона.

Была установлена относительно высокая цена, 18 ливров, причем таксация была отчасти результатом соглашения.

Толпа требовала установления цены в 12 ливров [за сетье зерна]; торговцы возражали, что это слишком низкая цена. Лейтенант жандармерии Венфре, находившийся на месте со своим отрядом, проявил слабость, спросив у некоторых торговцев, не продадут ли они хлеб по предложенной цене. Один из них заявил тогда, что готов согласиться на цену в 18 ливров, другие последовали его примеру. Тут публика бросилась покупать хлеб. Начался большой беспорядок, во время которого часть товара была разбросана и украдена. Хищения, таким образом, явились неожиданным и практически неизбежным следствием соглашения между продавцами и толпой покупателей.

Жандармерия «незаметно, под шумок» арестовала нескольких воров.

«Не было никакой революции», — уточняет автор доклада бальи Дюморту. Даже в самый разгар суматохи два булочника на рынке продолжали спокойно продавать свой хлеб по 12 и 13 су за 4 фунта [1].

5 мая отмечаются волнения на многих рынках и, напротив, полное отсутствие отдельных походов. Несомненно, рынки притягивали внушительные толпы бунтовщиков. Происходили таксации и грабежи в различных местах, порой удаленных одно от другого, — в Арпажоне, Монлери (где была установлена цена в 25 ливров, что было исключением), Ланьи (напоминаем о предостережении, сделанном в марте по поводу этого селения). В данном случае сообщается о выступлении 4 или 5 тыс. крестьян. Волнения распространились вплоть до бенедиктинского аббатства в Ланьи и до соседнего рынка в Креси. Сообщается о разграблении судна и нескольких ферм. В Нантёе-ле-Одуэне, где имелось только три конных жандарма, таксация сопровождалась грабежами и нападениями на частные дома [2]. В тот же день настал черед и Фонтенбло. Это задело короля. То была резиденция двора. «Фонтенбло разграбили», — замечает он в письме к Тюрго от 6 мая.

Мы остановимся еще на инцидентах, происходивших в тот же день, 5 мая, в Бри-Конт-Робере, так как располагаем о них неизданными документами, содержащими интересные сведения.

Согласно докладу налогового прокурора, первого эшевена Дюфрена [3], инцидент начался с того, что толпа примерно в 400

1 Fonds Joly de Fleury, 1159 f° 47.
2 Idem, f° 190.
3 Idem, f° 23.

человек собралась у его дома; «это были, как нам показалось, ремесленники из окрестностей упомянутого Бри». Приблизительно 40 человек вошли к нему в дом и «злобно» потребовали, чтобы им продавали хлеб по 12 ливров, как продают в Шуази-ле-Руа. По ходу разговора они сказали, что *если их повесят, то они будут меньше мучиться, чем если умрут от голода.*

Их решительность, видимо, произвела сильное впечатление на члена муниципалитета, чем объясняется дальнейшее поведение властей. Дюфрен отправился вместе с конной жандармерией на рыночную площадь; там он застал «собравшуюся чернь». Толпа с криком «12 ливров сетье!» бросилась к выставленному зерну, приблизительно 20 мюи, которое тотчас же было растащено без обмера и взвешивания. Так как наибольшая часть товара находилась на складах и в хранилищах, толпа стала взламывать двери.

Налоговый прокурор и его коллеги на месте обсудили положение и решили согласиться на требуемую цену, чтобы, с одной стороны, предотвратить насилие «и даже убийство», а с другой — соблюсти по крайней мере цену в 12 ливров и обеспечить справедливое распределение хлеба между «чужаками» и местными жителями, также собравшимися в большом числе на площади. Затем они применили очень любопытный маневр. Представители порядка договорились между собой «разделиться», и «каждый в отдельности отправился к одному из осажденных складов, дабы обеспечить справедливое распределение». Однако обнаружилось, что их было слишком мало, чтобы обеспечить надзор на всех угрожаемых пунктах; некоторое число складов осталось без надзора, и там, по крайней мере «в большей части» из них, дело обошлось без уплаты денег, что, конечно, неудивительно.

Эти факты свидетельствуют о том, что одного человека бывало достаточно, чтобы в одном определенном месте и даже в присутствии разбушевавшейся толпы обеспечить порядок в распределении и надлежащую оплату. Там же, где не было никого, кто следил бы за порядком, инстинкты брали верх и большинство манифестантов уносили товар без обмера и без оплаты.

Далее мы видим, как отдельные выступления, походы сочетаются с агорейским, площадным движением. Часть толпы отправилась обходить все фермы в окрестностях города и в самом городе Бри. По этому поводу налоговый прокурор получил шестнадцать жалоб от земледельцев и торговцев.

Во многих случаях число лиц, врывавшихся на ферму, доходило до 200 человек, и возможно, что одна и та же толпа последовательно обходила ряд соседних домов. В одном случае упоминается толпа в 40 человек. В других случаях в жалобах говорится о «всякого рода людях», «большом числе различных субъектов», «взбунтовавшейся черни». Некоторые заявители

жалуются на поведение толпы: угрозы и самоуправство (один утверждает: «Моя жизнь была в опасности»). Некоторые участники похода приносили с собой булыжники, чтобы взломать двери. Что касается основного вопроса о таксации, то надо сказать, что во всех случаях платежи производились — либо за все в целом, либо за значительную часть товара — и лишь в двух случаях только за небольшую долю.

Это подтверждает, что народ искренне стремился к таксации цен. Естественно и неизбежно, что во время таких беспорядков кое-кто пытался уклониться от платежа. Один из жалобщиков указывает, что ему удалось найти на площади мешки, которые у него похитили, и он сумел заставить расплатиться тех, кто их захватил.

За одним лишь исключением, в донесениях не упоминаются имена лиц, силой изымавших зерно. Между тем было вполне возможно опознать определенное число участников расхищений. Во втором докладе, составленном на другой день бальи Довернем, сообщается об обыске у десятка лиц; все они предъявили унесенный товар и утверждали, что уплатили за него. Бальи заявляет: «Мы оставили мешки с зерном во владении тех, у кого их нашли» [1].

6 мая вновь наблюдается внушительное выступление в Мо: 4 тыс. человек, по данным Арди (мы уже упоминали о серьезных волнениях в Мо 1 мая). Несмотря на присутствие «вооруженной силы» — значительного отряда драгун, — были разграблены рынки, мельницы, большое число домов, и в частности дом одного каноника, у которого забрали 180 сетье зерна и заплатили ему только за треть. Наконец, проводят таксацию в булочных. В Немуре большая толпа, главным образом женщины, уносила хлеб и устанавливала цены. Доклад от 8 мая говорит «об эпидемии, охватившей народ» [2]. Напротив, в тот же день в Мелёне генерал-лейтенант полиции, предупрежденный о происходивших накануне беспорядках в Фонтенбло и Бри, расставил конную жандармерию и вооруженную буржуазную милицию; в результате расхищение рынка было предотвращено: отдельные инциденты происходили у фермеров [3].

1 Согласно данным допроса одной женщины, Тантон, привлеченной по этому делу, на рынке в тот день было не более двух мюи, хотя обычно бывало 150 (в докладе Байи говорится о 20 мюи). Разнесся слух, что бальи Довернь (автор второго доклада) установил цену в 12 франков. Он приказал открыть зернохранилища и приступить к распределению. Так как все не могли быть удовлетворены, толпа отправилась к фермерам, чтобы купить хлеб по цене, «установленной королевским прокурором». (См.: Rudé. Op. cit.) Первый доклад Доверня был весьма лаконичным: по-видимому, он был не вполне уверен в уместности принятого им решения.

2 Archives Seine-et-Marne, B. 3957; Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 196.

3 См.: Rudé. Op. cit., p. 162.

С 6 по 10 мая. Начиная с 6 мая «Мучная война» окончательно приобретает форму партизанской войны [1]. Но после событий в Мо не наблюдается больше крупных «агорейских» выступлений [2]. Эта партизанская война развертывается в быстром темпе, но захватывает главным образом район Бри. Инциденты происходят в 50 населенных пунктах.

Однако в этой общей тенденции намечаются исключения. Например, события 7 мая в Дурдане [3].

Последние дни декады на рынках были сосредоточены многочисленные войска, а товаров там было мало. Отмечалось все еще большое скопление поселян. Чувствовалось, что толпа и служба порядка, поглядывая друг на друга у пустых рынков, как бы меряются силами. В течение нескольких дней, быть может нескольких часов, решалось, что перевесит — возбуждение или умиротворение. Страх оказался сильнее.

7 мая в Мёлане было заметно лишь необычное скопление народа. 11 мая в Шуази-ле-Руа, где не забыли бунта 4 мая, герцог де Куаньи был наготове с 25 серыми мушкетерами и 50 гренадерами. Собравшаяся значительная толпа соблюдала спокойствие [4]. В Монлери 8 мая на рынке спокойно благодаря присутствию войск, но, по мнению субделегата, собралось не меньше 15 тыс. человек. Если даже уменьшить число до 4 или 5 тыс. человек, это все же опасно, заметил Тюрго. В Дрё жандармерия сдерживает чернь. В Мелёне все спокойно, расхищенное возвращено [5].

Последние инциденты, о которых имеются сообщения, происходили 10 мая [6] в Меннесси, близ Корбея, и на фермах в окрестностях Провена.

1 Метра в записи, датированной 9 мая, сообщает о крупном выступлении в предыдущую субботу, то есть 6 мая. Мятежники якобы захватили мушкетера; гвардейцы прибежали, чтобы его освободить, и будто бы «убили 23 бунтовщика, чтобы рассеять остальных».

Мы не нашли никакого подтверждения этому сообщению о столь жестоком подавлении мятежа. Возможно, это или выдуманный эпизод, или сильно преувеличенный, но возникновение такого слуха, во всяком случае, показательно.

2 Арди сообщает, правда, о таксации на рынке в Корбее 7 мая.

3 Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 68. Запись в архивах Лентейля упоминает в числе других об инциденте в Дурдане: небольшой человек в красном одеянии испугал жандарма, заявив ему, что доставил приказ короля о продаже зерна по 15 ливров и что, если жандарм будет ему сопротивляться, его повесят. Неизвестно, имеет ли этот адекдот отношение к волнениям 7 мая.

4 Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 49.

5 Archives de Lantheuil, 12 mai; Schelle, t. IV, p. 444 et suiv.

6 Драгуны ограничивались тем, что пресекали грубое применение силы, но не насилие крестьян при установлении цен. «Драгуны не выполнили свой долг, и командовавший ими офицер должен быть наказан». (Archives de Lantheuil; Schelle, t. IV, p. 444 et suiv.)

Беспорядки на периферии

Наконец, надо учесть выступления, которые происходили в то же время в отдаленных пунктах и в разных направлениях. Относительно *беспорядков на периферии* у нас мало сведений, так как заботы и меры властей касались почти исключительно парижского района: именно там происходили новые и притом тревожные явления. Волнения в местах, отдаленных от Парижа, подлежали ведению местных административных властей, так как они были частым явлением при старом порядке. Кроме того, они находились в противоречии с официальной версией. *События всегда повинны в том, что они не в ладу с системами.* Складывавшаяся легенда их не признавала, а вслед за ней и история их почти что игнорировала.

Сам Тюрго в записи, которая имеется в архивах Лантейля и приводится в его собственных сочинениях, упоминает об инцидентах в Перонне, в Руа и в районе Шартра; но, согласно этой записи, речь идет о «слухах» и «лозунгах», которые распространяют неизвестные лица.

Сегодня на основании бесспорных документов мы можем заметить «углы» геометрической фигуры, которая выходит далеко за пределы традиционной схемы «кампании».

В западном направлении мы имеем указания на волнения вплоть до Дрё, и даже до Вернона [1].

В северном и северо-восточном направлениях мы доходим до Мондидье [2], Шони и Фер.

Относительно Шони имеются сведения в докладе о событиях, происшедших 10 мая, адресованном Жоли де Флёри.

Предупреждения поступали в течение нескольких дней, так что было подготовлено подразделение артиллерийского полка. Доклад указывает, что пришлых лиц было немного; беспорядки учинили «наши жители и жители соседних деревень», подчеркивает составитель доклада, как видно озабоченный басней о разбойниках.

Местные власти и войска, как это было и в Меннесси, проявили известную мягкость. Они стремились пресечь насильственные действия, но не самую таксацию, и установленные цены были различны — 15 франков, 18 франков, «в зависимости от упорства разных групп».

Толпа в 500 или 600 человек окружила почтмейстера, и тогда составитель доклада подошел к нему, чтобы расспросить, «по какой причине народ так озлоблен против него»; этот эпизод весьма показателен для психологии местных чиновников

1 См. ниже, особенно дело аббатов Деларю и Ле Кавалье.
2 Archives Somme, c. 88 (12).

Можно было бы произвести аресты, но это было рискованно; предпочли «обойтись помягче, чтобы избежать большей беды».

Тот же доклад упоминает об инцидентах, происшедших в Нуайоне и в Суассоне.

В этом же районе, в Фере, акты насилия, а также репрессии достигли своей кульминации. Ввиду отсутствия оригинальных материалов того времени (архивы суассонского бальяжа были уничтожены в 1814 г.) мы располагаем только хрониками, опубликованными в XIX в. В связи с нападением на дом торговца хлебом по имени Крапар 14 бунтовщиков были осуждены превотальным судом; из них двое были повешены [1].

Наконец, в восточном направлении мы обнаруживаем следы беспорядков в Сансе, где бюро благотворительности было создано 7 апреля и где Тюрго признал правоту прокурора Сандрие, поведение которого первоначально было оценено неверно.

Еще далее на восток, в Жуанвиль, 10 мая налоговый прокурор счел нужным сообщить о малозначительном, но ярком эпизоде; им мы и завершим эту главу: местный каменщик нашел письмо, запечатанное красным сургучом с изображением лошади. Текст, написанный с грубыми грамматическими ошибками, гласил: «Нас двадцать миллионов человек умирает от голода, объединимся все вместе для восстания» [2].

1 «Четырнадцать наиболее виновных — или сочтенных таковыми — были приговорены к повешению. Осужденные были приведены на место казни, палачи схватили одного — и он тут же повис в петле... Через несколько минут они схватили второго, вздернули и отпустили, тело повисло.. петля затянулась... При виде людей, умиравших в страшных конвульсиях, толпа окаменела от ужаса... В это мгновение появился курьер и принес решение о помиловании остальных, и их отправили в тюрьму..» «Histoire de Coincy, Fère, Oulchy», par A. de Vertus. Laon, 1864: "Souvenirs de l'abbé de Vertus, né à Coincy en 1733", p. 289—294.

«Четверо главных зачинщиков были арестованы, доставлены в Суассон, немедленно судимы прево жандармерии и приговорены: двое к виселице, третий к позорному столбу, а четвертый к ссылке». («Histoire de, Soissons depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours» par Henry Martin et Paul L. Jacob. Soissons, 1837, p. 655—657.) См. также: «Annales du diocese de Soissons» par l'abbé Pecheur. Soissons, 1888, t. VII, p. 447—449.

2 Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 78. Еще о нескольких инцидентах упоминается в июне в корреспонденции Тюрго, но нет никаких признаков, позволяющих связать их с «Мучной войной». Речь идет о сожжении близ Манта фермы и действиях, смахивающих на обыкновенный грабеж (письмо от 11 июня, Schelle, p. 467), и, кроме того, о довольно ничтожном инциденте, касающемся некоего булочника, пользующегося дурной славой. Он заявил на рынке в Бомоне: «Господа земледельцы, до сих пор вы прижимали народ, теперь пришло время прижать и вас самих». Этот человек имел револьвер. Это был «вооруженный бунтовщик». (Письмо от 13 июля, Schelle, IV, p. 468.)

Глава V Дело о заговоре и революционное явление

Всякая искра вызывает пожар, если падает на подготовленную почву.

Аббат де Вери

ПРОБЛЕМА ИСТОЛКОВАНИЯ

Можно утверждать, что 11 мая — это день «ликвидации» мятежа со всех точек зрения. В деревнях выступлениям был положен конец, а в Париже с репрессиями практически покончили, повесив двух человек в назидание другим и объявив общую амнистию.

Однако амнистия не распространялась на подстрекателей. В письме от 11 мая Людовик XVI все еще писал Тюрго: «Я желал бы, чтобы удалось обнаружить главарей этих гнусных козней».

А на другой день, 12 мая, «Газетт де Франс» повторила важнейшие элементы версии, которая была изложена министерством как в парламенте, устами де Миромениля, так и в циркуляре, предназначенном для священников. По-прежнему речь шла «о тех же самых грабителях»... Они не нуждались ни в хлебе, ни в деньгах... они оставляли даже золото там, где они устанавливали цены на хлеб ниже его стоимости, «они выбрасывали и разбрасывали продовольственные припасы» [1].

1 Наиболее детально эта версия изложена Дюпоном как в его «Mémoires sur la vie de Turgot», так и в его переписке с маркграфом Баденским. Вольтер ее развил в «Diatribe sur les Ephémérides» в манере чисто художественной, не поддающейся какой-либо исторической критике, к тому же он усилил впечатление живыми красками антиклерикализма (см.: Люблинский В. С. Вольтер и Мучная война). Морелле и Вери лишь сдержанно намекают на эту версию, и их осторожность близка к спекти-

С этой версией, как по меньшей мере правдоподобной, соглашались многие современники Тюрго, а не только его друзья и лица, «симпатизировавшие» его политике. Другие относились к версии скептически. Невозможно сказать, к какому толкованию склонялось большинство общественного мнения, но несомненно, что к числу первых относилось большинство людей *«пишущих»*, вплоть до аббата Галиани и мадам Дюдефан.

Принимая на веру мнение современников «Мучной войны», а также в силу благожелательного отношения потомства к опыту Тюрго, все историки вплоть до последнего времени признавали верным, лишь с некоторыми оттенками, это вымышленное истолкование событий. Большинство высказывалось осторожно по поводу самого «заговора», но соглашалось с главным положением версии о «грабителях», организованных в шайки [1].

цизму. Метра, вообще благожелательный по отношению к Тюрго, но независимый, придает значение так называемым «доказательствам» этой версии и говорит о «злобной и опасной интриге, стремившейся погубить генерального контролера» (t. I, p. 346). Арди, не беря на себя ответственности, повторяет самые нелепые слухи (заговор в пользу незаконного ребенка Марии Лещинской и т. п.). Напротив, автор «Исторических записок» (по-видимому, Пиданса де Меробер), указывая в своем занятном введении на своеобразный характер событий, «заслуживающий политической оценки» (история еще не знала такого рода мятежей), все же избегает высказываться по существу и с иронией приводит сенсационные гипотезы. «Ответственность за мятежи, — говорит он, — возлагали по очереди на канцлера, на аббата Террэ, на англичан, на иезуитов, на духовенство, на финансистов». Он, видимо, отдает предпочтение другому объяснению: «Те, кто не изощряется в догадках, видят причину просто в новой системе управления, в сочинениях экономистов, в постановлениях Совета» (p. 267). Сулави, как мы уже отмечали, повторяет слухи о таинственном досье, уничтоженном королем, и ссылается на слова, приписываемые шевалье Тюрго. Он повторяет все доказательства версии заговора, но добавляет: «Мудрый и осторожный историк ограничится тем, что опишет это восстание, не обвиняя легкомысленно партии или отдельных лиц» (t. II, p. 300). Моро повествует о фактах с большой объективностью, но не высказывает своего мнения. Мы уже отмечали предположения Вебера (милосердие короля). Сам Галиани поддерживает версию об интриге: «Следовало предвидеть возникновение этой постыдной и тайной интриги, свидетельствующей о том, что ее главным движущим мотивом была человеческая глупость». Видимо, по аналогии с мятежами в Мадриде он склонен во всем винить «монашескую и поповскую братию» (livre I, p. 176). Даже противники Тюрго склонны были поверить, что мятеж был инспирирован и организован. Таковы, например, довольно загадочные замечания мадам Дюдефан: «Ведь должны были быть руководители, кто же они? Что они собой представляют? Их мероприятия плохо продуманы. Они укрепляют то, что хотели бы ниспровергнуть» (письмо от 13 мая к г-же де Шуазель, Correspondance, t. III, p. 168; цитируется в: Foncin. Op. cit., p. 213).

1 Лависс: «Они (мятежники), очевидно, хотели вызвать в столице голод» (p. 32); «невозможно точно определить ответственных в этом деле: король уничтожил досье» (p. 34). Леон Сэ: «Надежды подстрекателей движения не осуществились». Шелль не исключает причастности принца де Конти: «Вполне возможно, что принц крови если не вызвал, то поддер-

Только в последние годы работы английского историка Рюде и советского историка В. С. Люблинского, опирающиеся на изучение непосредственных источников, привели к изменению точки зрения на этот вопрос.

Используя тот же метод и привлекая дополнительные источники, мы сумели включить в наш рассказ о событиях некоторое число данных, которые находятся в противоречии с традиционным истолкованием.

Нам представляется, что пришло время попытаться обобщить факты и осветить этот период истории, который никак нельзя считать маловажным.

«Мучная война», несмотря на то что ее изучение долгое время оставалось поверхностным, единодушно признается как событие большого исторического и социологического значения. Обнаруживается связь между народными голодными бунтами, такими частыми при старом порядке, и политическим движением эпохи революции. С той точки зрения, с которой обычно рассматривают «Мучную войну», ее можно считать эпизодом, преимущественно завершающим развитие, или эпизодом, предвещающим новый этап, но в действительности ей в известной мере присущи обе эти черты. Она еще не обладает идейным содержанием 1789 г., но уже выходит за рамки привычных реакций 1770 г.

Это событие является решающим моментом не только в министерской деятельности Тюрго, но и в той эволюции режима, которая происходит в конце века.

Традиционная предубежденность не могла вовсе скрыть эти аспекты, но она, безусловно, их затемнила. Из-за этого трудно было верно оценить значение событий и извлечь уроки, необходимые для научного истолкования социальных явлений.

Мы считаем необходимым точно выделить в истории этих событий, длившихся недели, вымышленные элементы, явления, ставшие обычными, и революционные явления в подлинном смысле слова.

живал смуту». Но Шелль соглашается с более умеренной точкой зрения Морелле: «Не считая, что все происшедшее имело лишь одну главную и единственную причину — заговор... нельзя не признать, что после того, как был дан первый толчок движению, его старательно поддерживали». Гомель: «Махинации, которые надо поставить в вину врагам генерального контролера». Фонсен, Неймарк, Жобез, Декен разделяют с различными оттенками версию друзей Тюрго. Афанасьев, который отвергает эту версию применительно к Дижону, считает, что в существовании заговора не приходится сомневаться («Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке», с. 331—335). А столь консервативный автор, как Сегюр, пишет: «В самом деле, все подтверждает существование заговора», но, «хотя злодеяние очевидно, существуют сомнения относительно главных виновников» (p. 187).

В первую очередь мы коснемся вымышленных фактов, то есть версий о «заговоре» или о «грабителях», рассматривая их в порядке проводившихся расследований и анализируя различные элементы предложенной ранее схемы.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Досье короля

После статьи в «Газетт де Франс» о заговоре никаких сообщений, носящих хотя бы в малейшей степени официальный характер, сделано не было. Либо ничего не было, либо ничего не удалось раскрыть. Либо, раскрыв кое-что, решили хранить молчание — таково мнение некоторых мемуаристов, впрочем склонных, как правило, к мифотворчеству.

По утверждению Сулави, король сам сжег все записи и документы, которыми он располагал[1]. По мнению Вебера, «милосердие, свойственное королю, побудило его скрыть имена подстрекателей мятежа»[2].

На этот счет не только не существует никаких доказательств — ибо утверждения упомянутых авторов никак нельзя счесть таковыми, — но, по нашему мнению, эти рассказы представляют собой чистую выдумку.

Действительно, не могло так называемое досье короля содержать разоблачения, чуть ли не сверхъестественные, которые были бы лишены всякой связи с самими фактами, с местом действия, с определенными лицами и с фактически предпринятыми расследованиями. Между тем эти расследования, как будет видно, не обнаружили какой-либо путеводной нити, которая могла бы быть в определенном месте оборвана.

Судопроизводство в Бастилии

Власти пытались обнаружить следы заговора в различных уголовных делах, возбужденных в результате беспорядков. Когда дело шло об обычных преступниках, о мелкой сошке, можно было получить лишь косвенные доказательства, незна-

---

1 См.: Soulavie Op cit., t. II, p. 298—299.
2 Weber. Op. cit., t. II, p 84.

чительные улики. Проанализировав различные данные официальных документов, мы убедимся, что эти расследования дают отрицательный ответ.

В. С. Люблинский тщательно изучил списки арестованных; классифицировал их по возрасту, профессии и социальной принадлежности и пришел к выводу, что эти «дни» были «классовым выступлением неимущих» и носили стихийный характер [1].

В целом данные, приведенные в «Списке лиц, содержащихся в тюрьмах» и в соответствующих досье полиции, сохранившихся в архивах, ясно подтверждают указания Метра и Вери, отличающих «чернь» от народа.

Мятежники принадлежали к простонародью, к самым низшим слоям. На этот счет не остается никаких сомнений при ознакомлении с их профессиями: гвоздарь, тряпичник, подручный сапожника, подручный столяра, изготовляющий плетеные стулья, перекупщица, подмастерье-газовщик, грузчик на Центральном рынке, солдат, «работавший на сплаве леса», поденные рабочие в порту, шелкопрядильщики, подмастерье шорника без занятий и постоянного местожительства, поденщица без пристанища, живодеры, обработчик замши без работы, камнеломы, землекопы, мальчик-банщик, чернорабочий, ученик золотильщика (четырнадцати лет), подручный пекаря без работы и без пристанища, торговка овощами, торговец мидиями, каменотес, ученик столяра, солдат, группа подручных по шляпному делу (арестованных в кабаке), разносчик и разносчица воды для фиакров, некоторое число безработных, стайка юнцов (среди них мальчик десяти лет), бродяга, воспитанник приюта, бежавший оттуда в казенной одежде, несколько известных

1 Люблинский В. С. Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже. — «Вопросы истории», 1955, № 11, с. 113—117. См. также статью Люблинского «Вольтер и Мучная война» в сб. ст. «В память акад. Е. В. Тарле». М., 1957.

Соображения Люблинского надо признать разумными, но сами по себе они не могут служить доказательством. Самый факт участия в бунтах людей низшего сословия не удивляет, но это обстоятельство как таковое не опровергает версию о подстрекательстве к выступлениям, хотя мы отвергаем эту версию так же, как Люблинский.

Люблинский обращает внимание на то, что среди участников выступлений не было рабочих мануфактур. В самом деле, среди них было много ремесленников, но ведь в ту эпоху промышленные мануфактуры были еще слабо развиты.

Равным образом, опираясь на цифры, Люблинский отмечает, что среди арестованных в связи с происшествиями в Париже было мало деревенских жителей. Это наблюдение, казалось бы, опровергает указания Метра и Арди на наплыв крестьян в Париж. Но довод этот неубедителен, потому что полиции, очевидно, легче было опознать и затем арестовать парижан.

воров. Элита была представлена мастером-слесарем и холодным сапожником[1].

Какую-либо непосредственную информацию о заговоре пытались получить в ходе судебного следствия, возбужденного против некоторых лиц, которых заключили в Бастилию, а не в обычную тюрьму, так как подозревали, что они сыграли немалую роль в этом деле. Многие из них ничуть не отличались от прочего мелкого люда, разве только тем, что при их содействии надеялись направить следствие в желательном направлении.

Неоднократно Альбер лично вмешивался в ход следствия, а иногда проявлял особую настойчивость и крайне торопил с ведением дела, причем его рвение до смешного противоречило ничтожности персонажей и незначительности совершенных ими проступков [2].

Священники

Среди представителей духовенства особое место занимает аббат Сорен, профессор философии в Монпелье. Он опубликовал «Рассуждения гражданина относительно хлебной торговли».

На предварительном следствии ему было поставлено в вину, что он написал свое сочинение, желая возбудить страсти, и выжидал, когда начнется брожение, чтобы пустить тогда брошюру в продажу, а также в последний момент внес в нее определенные изменения, а именно фразу, касающуюся бунтов.

Тут уж, казалось бы, явно дело идет о заговоре; ибо если аббат выжидал благоприятного момента для публикации, сле-

1 Профессия некоторых лиц не указана. Мы здесь не упоминаем лиц, арестованных по другим делам: виноградарей, арестованных за покупку зерна в Гонесе по принудительной цене, налогового прокурора из Вильмомбля, королевского адвоката из Понтуаза, двух приходских священников. «Список лиц, содержащихся в тюрьмах» только в виде исключения содержит имена обвиняемых, отправленных в Бастилию.

2 Мы располагаем двумя списками лиц, содержавшихся в Бастилии. Один был опубликован Функ-Брентано, другой хранится в Национальном архиве и, по-видимому, принадлежал Альберу, на нем есть пометка, прямо говорящая о «потрясении», вызванном делом о зерне. Мы в основном используем этот последний список, так как первый содержит имена арестованных по другим делам и, напротив, не содержит некоторых имен лиц, задержанных во время первых расследований.

Из 26 имен в списке Альбера на 25 имеются следственные дела или они упоминаются в них. Только у одного задержанного, по фамилии Канте, нет никакого следственного дела.

Используемые ниже документы хранятся в: Archives Nationales, Y. 11 441; Bibliothèque de l'Arsenal, Fonds de la Bastille, 12 447.

довательно, у него были основания думать, что мятеж подготовляется.

По-видимому, ему удалось достаточно убедительно оправдаться и опровергнуть эти обвинения. Дело в том, что после получения разрешения цензуры он ждал, когда будет снижена пошлина, которую надлежало уплатить за право издания.

Другим священникам ставились в вину только незначительные проступки; они защищались, либо опираясь на факты, либо доказывая, что их неверно истолковали, и утверждали, что стали жертвой злонамеренного доноса.

Так, аббату Дурдану, кюре в Гурнэ, поставили в вину, что он лично указал неизвестным на дом некоего Дюфрена, где имелось зерно, и будто он в одной из своих проповедей (7 мая) говорил, что король еще молод, что министры сбивают его с пути и развращают и что они поддерживают дороговизну хлеба.

Аббату Тире де ла Мартиньеру, кюре в Сен-Винсене, были поставлены в вину его проповеди, произнесенные после событий (22—25 мая), в которых он сказал, что те, кто заплатил за хлеб по 12 франков, поступили правильно. Он оправдывался, ссылаясь на сложное дело некоего Беллара, который якобы в качестве «дара» предоставил зерно с примесью трухи и вредных трав.

Аббата Деларю (Де Ла Рю), капеллана дома призрения из Гарансьер-ан-Друэ, упрекали в том, что 8 мая он ходил в Дрё в обществе весьма взволнованного попутчика; капеллан утверждал, что он пошел туда из любопытства, ведь там находилось пятьдесят драгунов.

Аббату Ле Кавалье, кюре из Паннейёза, близ Вернона, ставили в вину слова, сказанные после грабежа в Верноне[1].

Аббата Пакье, кюре из Шеври, и аббата Жуфруа, кюре из Сероля, упрекали в том, что они дали денег в долг прихожанам[2]. Первый из них рассказал, что, по утверждению участников выступления, с ними шел «чиновник», у которого было «разрешение», позволявшее им взять зерно по цене, которую они сами установят! Этого чиновника, который, впрочем, с ними не пошел, отождествляли с «Шевалье, егерем г-на де Вальроша».

Случай более интересный — это дело аббата Бло, кюре из Ондевилье-ан-Бри, который — как он объяснил, — видя, что выступление неизбежно, занялся бухгалтерскими расчетами этой операции, составил перечень участников и внесенных сумм, которые рассматривали... как задаток.

1 Это дело дает возможность установить, что бунт происходил и на значительном расстоянии от основной зоны событий.

2 См. далее, с. 322.

Наконец аббат Бон, кюре в Ла-Кё, был обвинен фермером Шарпантье в том, что он организовал таксацию по 15 франков и сам же этим основательно попользовался.

Из всего этого видно, как далека действительность от легенды Вольтера в «Диатрибе»: «Маленький священник призывал оглушительным голосом: «Грабьте все, друзья мои, Богу это угодно...» Приглашенный подкрепиться, этот священник объяснял путешественникам, что он и его собратья были вожаками всей этой толпы: «Мы получили деньги на это доброе дело».

Женщины

Некоторое значение придавалось делу женщины по фамилии Буретт, урожденной Торкебьо, ее задержали близ версальской конторы дилижансов; переодетая в мужское платье, она лежала на каменной скамье, к тому же в состоянии опьянения. Несчастная совершила постыдный побег после супружеской ссоры. Это дело, как видно, послужило источником вымышленного рассказа Метра[1].

Женщина по фамилии Тантон приняла горячее участие в бунте в Бри. Ее обвиняли в том, что она выдавала себя за знатную особу. Ее случайные спутники водили ее с собой и называли «наша княгиня...»

Была еще женщина по фамилии Декарт, задержанная во время беспорядков в Бомоне, где ее приметили, но она туда отправилась вместе с дочкой десяти лет, чтобы продать два фунта масла!

Эти «лихие амазонки» были, по-видимому, весьма скромными особами.

Разные следственные дела

Некто Жан Рено, ткач из Дранси, был обвинен в том, что «он присоединился к сотне бездельников и злоумышленников, которые сговорились отправиться грабить хлеб на рынках и у фермеров, и в церкви перед мессой вербовал добровольцев для участия в этой банде», но он утверждал, что ест только ячменный хлеб и не был у обедни в этот день, «за что он просит прощения у Бога».

1 Женщина, жившая с ревнивым мужем, переоделась в мужское платье, чтобы встретиться со своим возлюбленным... Из Бастилии ее перевели в Сент-Пелажи, арестный дом, куда заключали за проступки против нравственности (9 mai, t. I, p. 355).

Этьенн Ле Муан, обвиняемый в том, что он участвовал 9 мая в беспорядках в Бомон-ан-Гатинуа, все отрицал. На вопрос, видел ли он чужаков, людей, показывавших плохой хлеб, расклеивавших объявления, обещавших деньги, он отвечал нет.

Было дано распоряжение о возбуждении дела против Петри, стекольщика, и Бадрана, форейтора г-на де Монрабона в Экуэне, как зачинщиков грабежей и хищений в Виллер-ле-Беле. По свидетельству г-на Антома, генерального сборщика налогов принца Конде в Экуэне, они будто бы сказали, что «богатые люди послали их грабить и дали им денег». Тут уж как будто совсем близко подошли к раскрытию заговора. И Альбер пишет: «Не теряйте ни минуты, допросите этих лиц и заставьте их признаться, кто были эти богатые люди, которые их послали, и будьте добры тотчас же мне доложить». Но комиссар Шенон, отправившись на место событий, пришел к выводу, что дело это ничего не стоит.

Посадили в Бастилию Никола Жоливе, поставщика музыкальных инструментов двора ее величества, которому его парикмахер сказал: «Король доведет дело до того, что его убьют»; тогда посадили в Бастилию и подмастерье-парикмахера Ато, а он утверждал, что получил сведения такого рода от одного солдата, но что сам он хранил это в секрете, как и полагается, и делился только со своими клиентами.

Начали следствие против некоего Дюбуа по поводу речей, которые он держал в Мелёне 13 мая, когда волнения уже прекратились; он будто бы сказал: «Вот уж совсем гиблое дело... если через две недели в Париже фунт хлеба не будет стоить 2 су, то король пропал: найдется 4 тыс. человек, которые подожгут город с четырех концов».

Велось дело против двух коммерсантов, Кандрэ и Шатлена, по обвинению в различных махинациях для повышения цены на хлеб; эти дела не представляют никакого интереса. Наконец, Клеман Кровиль был участником совершенно запутанного дела, из которого нельзя извлечь ничего полезного[1].

Магистраты

В Бастилию посадили Блезона, слесаря, налогового прокурора из Вильмомбля, одновременно с каменщиком, кабатчиком Л'Эпином и присоединили к их делу дело Шарлеманя, о котором мы уже говорили. Посадили также неудачливого нотариуса Байи из Бомона и несчастного Буалаббе из Понтуаза. Нам уже известно, чего стоят эти дела.

1 О деле Юреля, арестованного за распространение фальшивого постановления Совета (список Функ-Брентано), см. далее, с. 320.

Политические дела (Ланглуа — Сорен — Думерк)

К этой категории можно отнести арест Ланглуа, бывшего президента Высшего совета в Руане, ставленника Мопу. Уже казалось, что придется Мопу сложить голову на эшафоте, замечает по этому поводу Метра, «но он (Ланглуа) вскоре вышел (из Бастилии), и это служит доказательством, что обвинения против него были необоснованными»[1].

В деле Ланглуа мы не обнаружили ничего, кроме описи изъятых бумаг, из которых оставлено лишь одно деловое письмо, подписанное Бордье и датированное 5 апреля (Руан), в котором речь идет о повышении цен на хлеб, об упразднении свободы торговли и о том впечатлении, какое эти два обстоятельства производят на жителей Руана[2]. Это кажется нам скудным, и, должно быть, таким его и признали[3].

Если через Ланглуа рассчитывали добраться до Мопу, то, возможно, в лице Сорена и Думерка, бывших управляющих государственными торговыми операциями с хлебом, надеялись нанести удар по Террэ. Следствие против них велось с сентября, и опечатанные бумаги были полностью инвентаризованы с конца января. Однако старое дело (только благодаря совпадению обстоятельств) не могло оправдать их внезапного ареста. Снова опечатали их бумаги, ничего не нашли, и оба компаньона в июне вышли из Бастилии. Действительно ли надеялись раскрыть через них какие-либо нити заговора? Протоколы допросов, которые вел сам Альбер, не содержат никакого определенного обвинения и не свидетельствуют даже о том, что следствие было направлено в эту сторону[4]. Следствие получило неодобрительную оценку[5]. В народе возбудили любопытство и озлобление, но не смогли их утолить ни разоблачениями, ни наказаниями. Так было с этим частным случаем, так было и со всей версией большого заговора.

Прямые обвинения: принц де Конти[6]

В письме к маркграфу Баденскому Дюпон выдвинул обвинение против трех «вожаков» заговора: принца де Конти, кар-

1 Métra. Op. cit., t. II, p. 38, 13 juillet.
2 Examen des papiers, 5 juillet 1775.
3 Согласно списку Функ-Брентано, слуга Ланглуа Торель был заключен в Бастилию вместе с ним.
4 См.: Bibliothèque de l'Arsenal, Fonds Bastille, 12 447, ffos 111, 129, 134; Léon Cahen, «Revue historique», 1935, t. 173.
5 Монтийон говорит о нем весьма сурово, но он ошибается в отношении даты.
6 См. вышеупомянутое письмо короля от 11 мая.

динала де Ларош-Эмона и великого прево Франции. Эти лица были встревожены проектом Тюрго об упразднении цеховой системы; этот проект еще хранился в секрете, но они прослышали о нем, из-за болтливости Бодо и Морелле. Проект наносил ущерб их финансовым интересам. Принц Конти, в частности, извлекал доход в 50 тыс. ливров от сдачи внаем помещений в предместье Тампль, которое было его собственностью и пользовалось привилегией свободы торговли и занятия ремеслами.

Итак, из-за весьма неопределенных опасений потерять в дальнейшем некоторые доходы Конти и его приспешники якобы спровоцировали «Мучную войну», наняв для этого разбойников. Надо признать малоправдоподобной возможность такой чудовищной и такой дорогостоящей затеи на основании столь легковесных соображений. Указывают как на улику на возникновение первых волнений в Бомоне и Понтуазе, расположенных вблизи Л'Иль-Адама. Это ничего не доказывает. Были же беспорядки и в Дижоне!

Наконец, Рюде открыл одну деталь, которая кажется решающей: во время беспорядков крестьяне ограбили владения, принадлежавшие принцу Конти[1].

Надо предположить у вельможи, столь заботящегося о своих доходах, способность к необыкновенному макиавеллизму, если он поручил своим наемникам ограбить свои же владения.

Тот же автор указывает, что этот район часто бывал очагом народных движений, особенно накануне революции.

Аббат де Вери всегда весьма осторожно относился к обвинениям по адресу принца Конти. Он отмечал, что этому нет никаких доказательств: «Не следует путать тех, кто разжигает уже начавшийся пожар, с теми, кто умышленно совершил поджог»[2]. Кроме того, о бессмысленности этой басни свидетельствует и фантастичность различных измышлений относительно организованного разбоя[3].

Документы Тома

Для полноты изложения упомянем о существовании в архивах Лантейля записок некоего г-на Тома, проживающего на

1 См.: Bibliothèque Arsenal, M. S. 12 727, Folios p. 324 et 325. Допрос Луи Маре. (R u d é. Op. cit., p. 169. note 128a.)

2 V é r i. Op. cit., t. I, p. 386.

3 В одном документе, протоколе допроса нотариуса Байи, встречается упоминание о бывшем капитане личной охраны принца Конти. Но этот человек явился вместе с другими к Байи, чтобы обратить его внимание на начавшийся мятеж. Он не имел намерения способствовать беспорядкам, а, наоборот, хотел побудить Байи утихомирить бунт

улице Урсин, в доме «против пивовара», датированных 25 апреля и 25 мая. Из этих документов выясняется, что Тома «предупреждал» Тюрго о плетущихся кознях и якобы встречался с ним. Он утверждал, что собрание заговорщиков состоялось у аббата Террэ в присутствии принца Конти. Тот же Тома напоминает, что он сам предлагал систему фиксации хлебных цен.

Сверх того, он представил ходатайство по своим личным делам. Видимо, эти материалы составлены заведомым попрошайкой и интриганом. Хотя Тюрго сохранил его записки, он никогда о них не упоминал.

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Ввиду отсутствия с самого начала прямых доказательств, версия о заговоре опирается на ряд косвенных улик, изложенных в официальных и официозных документах. В них перечислен ряд мелких фактов, каждый из которых, взятый в отдельности, представляется малозначительным, но все вместе они производят впечатление.

Независимо от их ценности как доказательств различные группы перечисленных фактов не были твердо установлены и даже почти всегда вымышлены. Это вытекает уже из проделанного нами анализа типичных эпизодов. Тем не менее мы вновь осветим различные группы фактов.

Испорченный хлеб

Среди доказательств существования заговора Дюпон упоминает об испорченном хлебе, который будто бы распределялся среди мятежников: «Его изготовили заранее и приняли меры, чтобы он заплесневел к моменту взрыва; этот хлеб был выпечен из небольшой доли ржаной муки с примесью отрубей и пепла. Такой хлеб раздавали в деревнях, в Париже и особенно в местопребывании двора».

Нет никаких документальных подтверждений этой невероятной истории, но можно сопоставить рассказ Дюпона с двумя сходными версиями.

1. Согласно письму Людовика XVI от 2 мая, бунтовщики предъявляли в Версале очень скверный ячменный хлеб, который они, по их словам, купили по 2 су. Нет никаких под-

тверждений того, что это не был действительно плохой хлеб из ячменной муки.

2. На другой день, когда Тюрго, возвращаясь из Версаля, прибыл в министерство финансов, где его ждал Дюпон, бунтовщики показывали заплесневелый хлеб. Вери рассказывает об этом эпизоде и приводит детали, которые совпадают с рассказом Дюпона, но только частично:

«Несколько кусков этого хлеба было исследовано экспертами, и они установили, что он был выпечен в тот же день, причем искусственно добились того, чтобы он позеленел и почернел»[1].

Итак, согласно Дюпону, хлеб был приготовлен задолго, согласно Вери, он был выпечен в тот же день. Это не производит серьезного впечатления.

В то время вовсе не нужна была химическая обработка, чтобы придать хлебу отталкивающий вид. Это было обычным явлением, тому было немало примеров независимо от всяких предположений о провокациях.

Напомним, что во время неурожая в Лимузене Тюрго сам дважды посылал генеральному контролеру образцы хлеба, способного вызвать у него возмущение.

«Невозможно, сударь, взглянув на такой хлеб, не испытать сочувствия к людям, обреченным питаться подобной ужасной пищей»[2]. Чтобы придать ему такой вид, не было надобности в специальном приготовлении.

Годом ранее, 13 июня 1774 г., согласно записям Арди, в Версале продавали столь плохую муку, что базарные торговки отправились к королю, чтобы показать ее образцы. 16 июня в Шуази испорченное зерно выбросили в реку.

В письме, адресованном в 1775 г. генеральному прокурору Флёри, некий «буржуа из Бара», человек, обладавший известной культурой, потребовал принять меры для снабжения хлебом, пригодным для людей: «тот хлеб, который сейчас продается, годен разве что для собак» [3].

Налоговый прокурор из Куртенэ в свою очередь говорит «о хлебе из отрубей, как будто для собак» [4].

В Гранвилье был наложен штраф на некоего Вассёра за то, что он, продавая мешки с зерном, насыпал сверху хороший товар, а внизу было «проросшее зерно, совершенно черное и с сорными травами» [5].

Такого рода приемы легко могли привести к изготовлению

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 290.
2 25 октября 1770 г. (Schelle, Op. cit., t. III, p. 143.)
3 Fonds Joly de Fleury, 1159; 7—8 (без указания точной даты).
4 Ibid., f° 62.
5 Ibid., f° 76.

хлеба, при проверке которого обнаруживались весьма подозрительные смеси.

Теперь, возвращаясь к месту действия и датам последних описанных нами инцидентов, упомянем о женщине по фамилии Шабо, арестованной за кражу 2 мая в окрестностях Версаля; она заявила, что «это мука самого плохого качества, из нее получается негодный, горький хлеб и, если бы она сразу разобрала, что это за мука, она бы ее не взяла, даже если бы ей предложили ее даром» [1].

Руководители заговора, если бы они существовали, поступали бы очень глупо, искусственно изготовляя плохой хлеб, распространить который к тому же было бы очень сложно, ибо понадобилось бы соучастие булочников. В этот период острой нехватки они легко могли бы раздобыть самый отвратительный хлеб в обычных булочных, в тех местах, где его пекли.

Но к тому же никакие данные не свидетельствовали о том, что такая инсценировка была организована хотя бы с хлебом обычного производства. На вопросы по этому поводу следователям неизменно давался отрицательный ответ [2].

Поддельные постановления Королевского совета

«Были напечатаны поддельные постановления Совета с целью вызвать грабежи».

Это заявление имеет как будто более солидное основание. Действительно, распространялось поддельное постановление Совета, устанавливавшее цену на зерно в 12 ливров. Король упомянул об этом в письме от 11 мая: «Я вам возвращаю, сударь, постановление Совета, которое вы мне прислали; его составил человек без знания законов, у него нет здравого смысла».

Согласно «Историческим запискам», «поддельные постановления» были расклеены в некоторых деревнях [3].

Среди оригинальных документов не обнаружено никаких следов изготовления поддельных постановлений Совета или

1 Archives départementales, Seine-et-Oise, série B. Versailles, Prévôté de l'Hôtel du Roy. Procès 1775. Цитируется в: Rudé. Op. cit., p. 149, note 29.
2 Примером может служить протокол допроса женщины по фамилии Декарт комиссаром Бомоном 9 мая 1775 г. «Спрошенная, подстрекали ли ее какие-либо злонамеренные люди, показывая ей скверный хлеб и обещая денег тем, кто устроит беспорядки на ближайших рынках, отвечала: «Нет, она не видела таких людей, никто не показывал ей скверного хлеба и не обещал денег».
3 «Relation historique», p. 254.

фальшивых распоряжений относительно таксации продуктов. Несомненно, по указанию высших властей соответствующий вопрос был задан ряду обвиняемых. Единственным результатом был заявления некоторых из допрашиваемых, что они слышали разговоры о людях, утверждавших, будто у них «имеются распоряжения». В одном случае некто Шевалье, егерь, о котором мы уже говорили в связи с делом кюре из Шеври, будто бы утверждал, что он «снабжен распоряжениями и имеет разрешение». Никаких документов предъявлено не было[1]. Дело явно сводилось к бахвальству и обману со стороны некоторых бунтовщиков.

Что касается так называемого постановления, то нам кажется, мы можем высказать предположение, что ключом к этому делу служит уведомление о розыске, которое было разослано всем интендантам с письмом герцога де Лаврийера, подчеркивающего важность этой меры.

Мы читаем: «На почтовом пункте Сент-Эмбер, между Муленом и Невером, был замечен человек ростом пять футов и шесть дюймов, который, собрав народ игрой на трубе, раздавал печатный текст на четырех страницах, озаглавленный «Постановление Королевского Государственного совета»; на первых двух страницах текста вместо постановления Совета приводилось мнимое решение Счетной палаты Сета, направленное против частных лиц, замеченных и изобличенных в том, что они ухудшали положение с зерном в провинциях и т. п.; за этим следовало мнимое постановление парламента Тулузы, подтверждавшее предыдущее решение, а на третьей и четвертой страницах был гороскоп короля в стихах — все это было снабжено фальшивым одобрением, подписанным Мареном, и поддельным разрешением за подписью Ленуара. Лица, доложившие об этом, купили и принесли экземпляр этого печатного произведения. Человек, который его продавал, показал, что он прибыл из Нормандии и продает этот документ, чтобы заработать на жизнь»[2].

Между тем в списке арестованных, опубликованном Функ-Брентано, значится под фамилией Юрель бывший трубач из города Руана, обвиняемый «в том, что он торговал поддельным постановлением о зерне, 30 мая — 27 сентября (по распоряжению Дю Мюи)». Поскольку человек, упомянутый Арди, прибыл из Нормандии, весьма вероятно, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице. Таким образом, дело о поддельном постановлении имеет своим источником выдумку мелкого разносчика, более корыстную, нежели злонамеренную.

1 Rudé. Op. cit., p. 170 et 171.

2 Копия этого уведомления имеется в дневнике Арди, в записи за 15 мая. Нам удалось обнаружить один экземпляр в архивах департамента Сомма с письмом герцога де Лаврийера. (C. 89—8 et 89—2.)

Уничтожение продуктов

Утверждение Дюпона по этому поводу совпадает с официальным заявлением в инструкции священникам и в «Газетт де Франс». Это наиболее доказательный и впечатляющий факт во всем перечне обвинений. Эти люди не были голодными, желавшими насытиться, не были обычными преступниками, стремившимся совершить кражу, — это были настоящие дьяволы, желавшие уничтожить средства к существованию.

Заключения эти лишены всякого основания, если не считать случай во время мятежа в Дижоне, когда часть муки, похищенной у Карре на мельнице у реки Урк, была выброшена в реку, потому что бунтовщики сочли муку испорченной[1].

Нет ни малейшего указания на другие поступки такого рода. Напротив, как мы видели, «посетители» ферм уносили мешки к себе домой.

Раздача денег

«Самые активные среди них,— пишет Дюпон,— имели в карманах до 12 франков, а у некоторых было даже золото». Такая же версия вкратце приведена в «Газетт де Франс».

Инструкция священникам указывает только, что мятежники имели достаточно денег, чтобы закупать большое количество зерна, правда по низким ценам, и, следовательно, причиной их действий была не нужда.

Широко было распространено мнение, что у манифестантов были «золотые и серебряные монеты» (Арди) и «золотые полулуидоры» (Метра), что казалось удивительным при их материальном положении. Из этого делали вывод, что их нанимали и платили им твердое жалованье.

Однако на этот счет известны лишь отдельные подобные случаи. Не удивительно, что среди большого числа обвиняемых были и такие, которые имели некоторые, хотя и небольшие, суммы денег: они собрали их именно для того, чтобы сделать нужные закупки. Исследования Рюде вносят ясность в этот вопрос: за несколькими исключениями, в протоколах допросов нет никакого упоминания о деньгах. Между тем все задержанные были обысканы. «Кроме того, если фермерам и другим лицам платили полулуидорами, то удивительно, почему ни один

1 Запись Арди за 16 июня 1774 г. В Шуази-ле-Руа продавали по цене на 7 ливров выше нормальной испорченное зерно, которое толпа выбросила в реку.

из многочисленных булочников, подводивших баланс, об этом не упомянул?»[1]

Некоторых кюре упрекали в том, что они давали деньги прихожанам, чтобы они могли воспользоваться твердой ценой, что само по себе уже уменьшало тяжесть упрека по адресу кюре. Но речь вообще идет о мелких случаях, не имеющих значения. У Жуфруа, кюре из Сероля, близ Бри, были записаны несколько мелких денежных авансов, но он указал, что они были даны до мятежа. Пакье, кюре из Шеври, признал, что одолжил 12 франков одному из своих прихожан, чтобы тот мог также купить сетье зерна. Фермерша, окруженная манифестантами, сама якобы сказала местным жителям: «Ребята, идите и вы за мешками»[2].

К этому разделу можно еще отнести анекдотический эпизод, происшедший с одним советником парламента, де Помёзом, о котором рассказано в «Исторических записках». Заметив женщину, взволнованную более других, он предложил ей 6 франков, чтобы она могла купить хлеба, но эта «фурия» бросила ему обратно его экю и якобы сказала, позванивая монетами в кармане: «Убирайся! Нам не нужны твои деньги, у нас их побольше, чем у тебя».

Анекдот, вероятно, правдив, так как советников парламента нельзя заподозрить в пылкой любви к Тюрго. Но неясно, какой следует сделать вывод из этой истории; это, несомненно, проявление самолюбия в народе. Простые люди могут стремиться купить хлеб по дешевой цене, но отвергают милостыню; наоборот, почему бы наемному грабителю отказываться от получения лишних 6 франков?

Веселое настроение манифестантов

Речь идет о психологическом моменте. Дюпон пишет: «Никакой угрюмости, напряжения или озлобленности у мятежников. Они делали свое дело с песнями».

Этому утверждению, если его обобщать, решительно противоречит описываемая в документах «ярость» черни, которая выкрикивала угрозы, размахивала палками, бросала камни. Но вполне возможно, что многие манифестанты были в веселом настроении.

Большая ошибка думать, что восстания обязательно имеют мрачный характер.

1 Rudé. Op. cit., p. 171—173 et notes.
2 См. протоколы допросов этих лиц в: Archives Nationales, Y. 11 441.

Мы уже отмечали характерный в этом отношении факт в связи с мятежом, происшедшим в Бресте во времена аббата Террэ[1].

Пришлый элемент

Постоянно говорили о мятежниках так, как если бы речь шла о шайке неизвестных бандитов, прибывших неизвестно откуда, исчезавших затем во мраке, перемещавшихся по этапам подобно войскам во время военных операций.

В инструкции, адресованной священникам, говорится просто, как о факте, что волнение было вызвано людьми пришлыми, «чужими в тех приходах».

Истина нам известна из документов. В каждом деле имеются в определенной пропорции «пришлые люди» и «коренные жители». Но те, кого называли чужаками, были жителями соседних селений. Жители каждой деревни отправлялись в соседнюю в базарные дни. Когда мятеж перемещался из одного селения в другое, то вчерашние коренные жители сегодня становились пришлыми, и наоборот. Местные жители, как правило, держались скромнее, по крайней мере при вторжении в дома частных лиц. По-человечески такое поведение вполне понятно. Этим объясняются и отмеченные выше эпизоды, когда фермер, вынужденный продавать по принудительной цене, приглашал своих соседей принять участие в распределении.

Кроме того, документы свидетельствуют о том, что в каждом случае легко удавалось установить личность определенного числа участников. В связи с событиями в Бове, в июне, было установлено, что 157 человек возместили убытки, а 26, которые были также опознаны, оставались под следствием[2].

Конечно, можно себе представить, что большинство расхитителей или «таксаторов» состояло из местных жителей или жителей соседних селений, а таинственные подстрекатели прибыли со стороны, чтобы вызвать мятеж, и после этого скрылись.

Но такое объяснение находится в противоречии с версией Дюпона: ведь тогда оказалось бы, что грабители сами не грабили.

Сверх того, если бы дело обстояло именно так, то в протоколах допросов обнаружились бы следы подстрекательства. Арестованные крестьяне не упустили бы возможности снять

1 См. ранее, с. 233.
2 В Мондидье в июле было возвращено две трети похищенного зерна. (Перечень, запрошенный Тюрго. Похищено 636 сетье, возвращено 445,5 сетье). Archives Somme, C. 88. 12.)

с себя ответственность, ссылаясь на то, что их подстрекали люди со стороны.

Комиссары, под влиянием официальной версии, сами ставили на следствии этот вопрос. Однако ответ был неизменно отрицательным [1].

Стратегия действий

Наконец остается аргумент, производящий впечатление: согласованная стратегия действий, план, цель которого вызвать голод в Париже. Но мы убедились, что распространение мятежа было результатом влияния, заразительности примера.

Это развитие событий не было, впрочем, ни регулярным, ни запланированным, как утверждали. Были выступления, удаленные от центра. Бунт или волнения обнаруживаются в самых различных пунктах, вплоть до Нойона, Суассона, Санлиса, Компьена, Шато-Тьерри, Санса, Дрё, Вернона на реке Эр...

Наконец, второй период «Мучной войны» не может быть объяснен в рамках этой гипотезы, потому что тогда крупное выступление в Париже уже потерпело крушение.

Итак, версия о заговоре и разбойниках не подкреплена никакими доказательствами. Она не выдерживает контраргументов. Не было ни преднамеренного замысла, ни плана кампании, ни вербовки агитаторов, ни распределения денег, ни изготовления испорченного хлеба, ни уничтожения продовольствия.

Напротив, повсюду наблюдались народные выступления, одновременно и *стихийные*, и *как бы связанные между собой*. Каждое выступление было обосновано предыдущим и само как бы переливалось по времени и месту действия в последующее. Типичное выступление имело двойственный характер: одновременно и взрывчатый, и разумный. Взрывчатый — это проявление сдерживаемого гнева и мятежного духа, которые многие наблюдатели могли заранее предвидеть. Разумный, потому что бурная сторона событий, расхищения, повреждения, угрозы — все это были лишь побочные явления, впрочем неизбежные. Выступления сами по себе стремились добиться результатов, которые участники считали правильными и законными, они желали *порядка*, а не беспорядка. Этот порядок, к которому искренне стремился народ, заключался в распределении продовольствия по разумной цене.

1 Депорт и Л'Эгийе, повешенные в назидание другим, и братья Дерив, которым это тоже угрожало, заверяли, что их никто не подстрекал.

См.: Rudé. Op. cit., p. 167. Женщина по фамилии Тантон ответила на допросе, что ее никто не подстрекал. Спрошенная, верно ли, что ей платили деньги за то, чтобы она подстрекала людей к этому мятежу, ответила нет. См. также ранее допрос женщины по фамилии Декарт.

В большинстве случаев товар оплачивался хотя бы частично; многие его вернули или оплатили, когда узнали, что операция признана незаконной. Если устанавливаемая цена почти всегда равнялась 12 ливрам, то это происходило потому, что такая ставка считалась наиболее справедливой — ее устанавливали начиная с первых инцидентов в Бомоне и в Понтуазе; наконец, после оплошности князя де Пуа, она как бы была освещена авторитетом самого короля. Однако несомненно, что население было готово согласиться и на другую цену; это наблюдалось во всех случаях, когда заключалось нечто вроде соглашения между мятежниками и администрацией или между мятежниками и торговцами, а чаще всего в случае трехстороннего соглашения — между толпой, продавцами и местными чиновниками. Такова цена 20 ливров, установленная Буалаббе в Понтуазе, цена 18 ливров в Шуази, сделка в Аржантёе о цене на муку от 15 до 18 ливров, а в Шони даже о цене 24 ливра и т. д.

Парадоксально, но именно эти относительно разумные и продуманные действия особенно насторожили современников. Черты порядка в беспорядках были восприняты как признак преднамеренности, организованности, а следовательно, преступности.

ИССТАРИ ЗНАКОМЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Если отвергнуть удобное объяснение со ссылкой на заговор, то можно ли заключить, что майские события имели характер народных волнений обычного типа, признать их «исстари знакомым явлением»?

Было замечено, что положение со снабжением было не хуже, чем уже бывало не раз, даже если иметь в виду только недавние времена. Продуктов хватало; что касается цен, то, если они и были высокими, во времена Террэ они поднимались еще выше — соответственно 14 су и 16 су.

Это обстоятельство поразило как противников Тюрго, так и его сторонников: впрочем, каждая сторона сделала из этого свои выводы. Мы обнаруживаем это обстоятельство в инструк-

ции священникам Тюрго и в сочинении Пиданса де Меробера «Исторические записки».

Те из современников событий, кто не соглашался с версией сторонников Тюрго, но чья проницательность не доходила до представления о революционном явлении (предполагается, что это консервативные элементы), обладали готовым объяснением.

Им казалось достаточным возложить ответственность за события на законодательные реформы, на введение либерального режима, обусловленного постановлениями от сентября и ноября 1774 г. Post hoc, ergo propter hoc*.

Неосторожность законодателя сама по себе должна была породить беспорядки. Эти беспорядки должны были вспыхнуть, как только наступил трудный период внедрения новшеств.

Этот тезис был несколько позднее выражен в ремонстрациях Парижского парламента от 4 марта 1776 г. по поводу эдикта, отменявшего особые установления, рыночные регламенты для Парижа:

«В пору регламентов народ винил в своих бедах неблагоприятную погоду. Теперь он обвиняет новую администрацию»[1].

Эта версия о бунте «против законодательства» не лишена известного смысла. Однако ее надо исследовать внимательнее.

Не приходится оспаривать, что новое законодательство отразилось практически на хлебном рынке. Но мы уже констатировали, что ситуация в 1775 г. была не хуже, чем в предыдущие годы. Это исходный пункт для анализа проблемы[2].

Значит, речь могла идти только о психологическом воздействии, о чем, впрочем, и говорится в тексте ремонстраций.

Вместе с тем это психологическое воздействие можно истолковать различным образом.

Согласно первому объяснению, которое содержится в парламентских замечаниях, широкие слои населения относились благожелательно к старым регламентам, которые их в общем удовлетворяли, и были бы возмущены, увидев, что регламенты больше не соблюдаются.

Согласно другой гипотезе, народ, напротив, возлагал большие надежды на новый порядок, не вникая глубоко в суть проблемы. С того времени как отказались от пагубной практики аббата Террэ, все должно было идти наилучшим образом. Обнаружив, что дела идут так же плохо, как и ранее, люди испытали живейшее разочарование.

* После этого — значит вследствие этого (*лат.*). — *Прим. ред.*

1 Ремонстрации от 4 марта 1776 г. Archives Nationales, XI B. 8967.

2 Более того, указ от 6 ноября не изменил особых установлений для торговли в Парижском районе, а в самом Париже — районе наиболее значительных беспорядков — рыночные правила по-прежнему оставались в силе.

Эта вторая гипотеза на первый взгляд представляется более правдоподобной, нежели предыдущая. Однако она находится в противоречии с неустанными предупреждениями Тюрго о том, что в плохие годы хлеб не может не вздорожать — дороговизна против голода.

Третья версия. Согласно автору «Исторических записок», именно та настойчивость, с которой Тюрго провозглашал мысль о неизбежной дороговизне, будто бы вызвала реакцию в форме всеобщего гнева.

Ни одно из этих истолкований не находит ни малейшего подтверждения в фактах и документах.

Ни один из задержанных и допрошенных участников выступлений не указывал на преимущества прежнего дирижизма или на преувеличенные надежды, возникшие после принятия новых правительственных мер.

Простые души не постигали сути великих споров. Широкая публика не понимала даже, каково противоречие между системой свободы торговли и политикой таксации или обысков. Так, в письме, адресованном генеральному прокурору Жоли де Флёри, некий буржуа из Бара решительно одобряет свободу торговли, но в то же время требует, чтобы были установлены твердые цены и чтобы производились обыски в амбарах[1].

Высказываясь таким образом, мы все же не считаем, что нужно полностью исключить гипотезу о влиянии нового законодательства. Оно могло сказаться двояким образом, и в обоих случаях большое значение имело поведение местных властей.

1. *Позиция народа.*

Народ не проявлял ни сожаления об отмене предыдущего законодательства, ни одобрения нового. Но люди были поражены тем, что чиновники и магистраты, вместо того чтобы, как прежде, проявить какую-либо более или менее удачную инициативу, оставались пассивными. Во всех случаях, которые мы исследовали, народные массы домогались вмешательства администрации.

Особенно беспокоили людей чисто практические последствия нового либерального законодательства, а именно: как только открывались рынки, тут же появлялись купцы-оптовики и начинались злоупотребления, чинимые *хлебными торговцами*; перепродажа хлеба с надбавкой тут же на рынке была причиной многих первых инцидентов.

2. Во-вторых, и прежде всего, *позиция местных властей.*

Бесспорно, чиновники и магистраты, вынужденные отказаться от давних привычек и приемов, были дезориентированы

1 Fonds Joly de Fleury, 1159, f° 78.

и чувствовали себя безоружными при первых проявлениях народного брожения.

Они больше не могли приказывать, строго наказывать, блокировать транзит товаров, открывать амбары, производить обыски.

Если даже не предполагать, что они проявили дух неповиновения и склонность к саботажу, они считали естественным, что народ сам займется теми делами, которые ранее были возложены на них.

Этим и объясняется случай, когда магистрат спросил человека, окруженного толпой, чем он вызвал ее ярость, или другой случай, когда чиновник приказал открыть амбар, и т. п.

Как общее правило, власти старались прийти к соглашению с мятежниками. Мы это видели в Понтуазе у Демонтиона и Буалаббе, в Аржентёе у де Жавена, в Версале у князя де Пуа, затем в Бри и т. д.

Такая позиция народа и властей, обусловленная резким поворотом в законодательстве, может отчасти объяснить насилия и широкий характер народных выступлений и, в частности, заразительный успех требования таксации. Но такое объяснение само по себе представляется нам недостаточным и, даже если оно правомочно, все равно не исключает революционных тенденций. Между традиционными инцидентами в Дижоне и событиями в Аржантёе или в Бри мы видим своего рода *поступательное движение* мятежа. В поведении толпы, среди неизбежного беспорядка и индивидуальных злоупотреблений можно уловить новые тенденции:

разумныи элемент мятежа; поиски справедливой цены;

солидарность народных масс, выражавшаяся в преемственности и подготовке выступлений;

наконец, стремление подменить административные власти, давать чиновникам указания или по меньшей мере вести с ними переговоры. Масса осознает себя не только *как силу*, но и как *власть*. В темных недрах коллективного подсознания уже дает себя знать нечто похожее на *захват суверенитета*.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Какую бы роль, на наш взгляд ограниченную, не играл такого рода фактор, как «действия местных властей», именно революционный характер выступлений дает нам возможность ответить на основной вопрос, столь занимавший современников событий.

Почему народ восстал против продажи хлеба по 14 су и против Тюрго, в то время как он не восставал против цены в 16 су и против Террэ?

Между тем такая постановка вопроса, отражающая умонастроения того времени, искажает суть проблемы.

1. Эта постановка вопроса фактически учитывает *высшие точки* в движении цен, а не *средний уровень* цен. Ведь потребитель более или менее остро ощущает повышение цен в зависимости от того, в какой мере он исчерпал свои резервы.

Действительно, год Тюрго был худшим, нежели год Террэ. Урожай в 1774 г. был особенно скудным. В сводном обзоре, которым мы теперь располагаем и который охватывает период 1774—1789 гг., урожай 1774 г. оказывается наиболее низким, составляя $^{7}/_{12}$ обычного, и повторяется вновь только в 1789 г. Согласно этой периодичности, годы, предшествовавшие 1774 г., были, по всей вероятности, несколько более урожайными.

Что касается цен, то для Парижского финансово-податного округа (генеральства) средняя цена в 1775 г. равнялась 27,1, между тем как в предыдущие годы она составляла:

1774 г.	23
1773 г.	24,12
1772 г.	22,16[1]

2. Повышение цен имеет само по себе ограниченное значение, пока оно не превысит определенный уровень терпения, который можно назвать *уровнем нищеты* и который может стать *уровнем восстания*. Так вот, при цене 14 су этот уровень уже был превзойден. Действительно, при такой цене простой рабочий уже вынужден *урезывать и без того жалкий жизненный минимум потребления семьи*. Начиная с этого момента само физическое существование человека уже оказывается под угрозой.

Данные, относящиеся к тому времени, ясно об этом свидетельствуют. Еще большее впечатление производит это в пересчете на наши деньги. Представим себе просто, что в наши дни чернорабочий, зарабатывающий в год 400 тыс. франков, вынужден расходовать 383 тыс. франков на хлеб в абсолютной стоимости (а в относительной — на 164 тыс. франков больше, чем в предыдущем году); он будет сильно возмущен, даже

1 État des prix, Archives Nationales, F. 294. Данные почти совпадают с данными Лабруса. (Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenus, t. I, p. 112.)

еще до того, как ему придется расходовать 438 тыс. франков на хлеб[1].

Таким образом, восстание 1775 г. было восстанием нищеты.

Итак, мы попросту вернулись к вопросу: почему народ восстал именно в данное время, а не в другое, когда существовали аналогичные условия?

Но это, очевидно, неверная постановка вопроса.

Революционная ситуация, по существу, возникает тогда, когда люди перестают терпеть положение дел, которое они до сих пор терпели.

У таких ситуаций есть две стороны: глубокая необходимость и непосредственная причина. Они обусловлены длительным развитием, а выражаются в мгновенных вспышках. После того как события уже произошли, кажется, что, по существу, их можно было предвидеть, но когда они происходят, они неизбежно кажутся неожиданными.

Поэтому вполне нормально, что современники не поняли значения тех событий, которые происходили у них на глазах, и что они пытались связать их с чисто случайными причинами.

---

1 Мы используем пример поденщика, который зарабатывал 20 су в день в течение 200 дней, то есть в 1775 г. он получал 200 франков в год, а для потребления семьи ему нужно было 3 фунта хлеба (из них полтора или один и три четверти фунта для него одного; это цифры потребления для солдат и парижан). Его расход хлеба в год, таким образом, выражался в следующих цифрах:

8 су за 4 фунта . . . . . 108,5 франка
14 су » . . . . . 192 франка (приблизительно)
16 су » . . . . . 219 франков

Такой рабочий зарабатывал бы теперь (по нашему индексу пересчета 1 : 2000) 400 тыс. франков в год.

Отметим, что эти расчеты проверены на примерах, изученных недавно для района Мо. Категории профессий, зарабатывавших в 1789 г. 200 франков в год, теперь зарабатывают 409 тыс. франков. (См.: Endrès. Rapport du 83e Congrès des Sociétés savantes, 1958, p. 219.)

Тогда получатся такие цифры:

	Из 400 000
8 су за 4 фунта (цена 1775 г.)	219 000
14 су »	383 750
16 су »	438 000

Эти цифры объясняют настроения, иллюстрацией которых служат слова, приведенные нами для примера: «Нас 20 млн. человек умирает от голода» и «мы предпочитаем, чтобы нас повесили, нежели умереть от голода» и т. п.

Мы не должны пренебрегать этими рассуждениями первостепенного значения под влиянием таких случайных фактов, как участие в мятежах зажиточных людей. Это явление, не характерное для существа дела, имеет такое же значение, как участие воров или случайных расхитителей зерна. Всегда находятся люди, желающие нажиться во время волнений, происхождение которых их не касается.

В той мере, в какой эти причины существовали, они лишь ускорили созревание ситуации, которое, как обнаружилось в 1789 г., наступило без всякого влияния либеральных реформ.

Если бы, в общем плане, общественное мнение было в состоянии распознать наступление революционной ситуации, то никогда не было бы революций, потому что сделали бы все необходимое для того, чтобы их избежать (учитывая, что революция никогда не разражается сразу, без предшествующего ей брожения).

Таким образом, психологические сдвиги присущи революционному явлению в такой же мере, как и экономические сдвиги, которые им непосредственно предшествуют. В нашем случае оба эти процесса проявлялись одновременно и несут равную ответственность за события.

Если бы можно было нарисовать график коллективной психологии, подобно тому как вычерчивают кривую доходов, то, несомненно, обнаружили бы, что кривая мнений, распространенных в народе, регулярно отклоняется от кривой общественного мнения (последняя зависит от суммы мнений людей, способных это мнение выразить), точно так же, как и кривая покупательной способности низших слоев населения отклоняется от подымающейся кривой валового национального дохода.

Общественное мнение — или по крайней мере то, что под этим подразумевают, — не в состоянии более понять эволюцию психологии *масс*.

Следовательно, «Мучная война» представляет для нас исключительный объект для наблюдений: рождение революционного комплекса[1]. Ее можно счесть пограничным рубежом в истории старого порядка.

---

1 Можно в известной мере удивляться тому, что Тюрго не понял народного характера восстания и не сделал тех выводов, которые надлежало сделать. Он далеко опередил свое время, особенно в оценке риска, связанного с сохранением существующего положения вещей. Его природная проницательность была, несомненно, ослаблена самолюбием министра и раздражением, которое он испытывал, видя, что столь неуместная реакция подрывает его политику, как раз наиболее благоприятную для интересов народных масс.

Часть третья ПРОВАЛ

Глава I Летнее солнцестояние

Во что вы вмешиваетесь, дорогая сестра, в смену министров? А вы спрашивали себя, по какому праву вы вмешиваетесь в государственные дела французской монархии? Чему вы учились? Какими знаниями обладаете?

Иосиф II
(Проект письма Марии Антуанетте, июль 1775 г [1])

Июнь 1775 г. будет решающим для эксперимента Тюрго и через некоторое время станет роковым. Это один из тех периодов, когда история, действуя подобно искусственному сердцу, гонит артериальную кровь глубинных процессов в капиллярную сеть эпизодических событий. Индивидуальное приходит на смену коллективному, случайность сталкивается с закономерностью: известно, что их взаимосвязь является предметом философских диссертаций.

После потрясений, выявивших все углубляющийся экономический недуг и все усиливающийся психологический, текущая жизнь, по контрасту и по своему лукавству, дает нам как бы передышку — несколько безобидных и отвлекающих эпизодов, событий ожидаемых и малозначительных, таковы коронация короля в Реймсе, замена герцога де Лаврийера, но одновременно с этим и возобновление интриг переходящих в наступление шуазелистов, новое появление королевы на политической арене и соответственно ослабление положения генерального контролера.

1 Это письмо было написано Иосифом II после нескромного письма, посланного Марией Антуанеттой графу Розенбергу 13 июля 1775 г., о чем пойдет речь ниже. Мария Терезия помешала сыну послать его в таком виде. (См: Mercy-Argenteau. Correspondance secrète, t. II, p. 363.)

Майские бунты нанесли Тюрго первый несомненный урон: потерю времени, повлекшую за собой задержку его великого плана реформ. «Проекты г-на Тюрго решительно упрятаны под сукно... они посланны на рассмотрение в Фонтенбло», — пишет Башомон[1]. Дюпон считает, что их задержали на шесть недель, но эти шесть недель практически вылились в целый год, ибо нельзя было осуществить большой фискальный и политический проект до начала финансового года, то есть до сентября. По этому поводу Дюпон замечает, что «эта злосчастная «Мучная война»... была, возможно, одной из причин всех бедствий Революции».

Но как ни велико было значение такой отсрочки, в то время этот факт не ослабил положения министра. Поверхностный наблюдатель мог бы даже счесть, что оно укрепилось, поскольку Тюрго проявил бесспорно высокие качества и добился полного успеха (в области восстановления общественного порядка, хотя это и не было его делом).

Этот вопрос стоит рассмотреть подробнее. Успех такого рода сопряжен с некоторым риском. У Тюрго, несомненно, уже были серьезные враги, но лишь среди определенных и немногочисленных кругов: среди церковников и корпорации финансистов. Отныне у него будет их неисчислимое множество и всевозможного рода, даже среди простолюдинов. Его критикуют; памфлетисты нападают на него гораздо более злобно, чем когда-либо прежде. До этого времени распевали лишь несколько куплетов под названием «Реформы», выражавших добродушную насмешку, но было и несколько посланий в стихах, прославлявших Тюрго. После мятежей тон меняется и появляются новые эпиграммы: «Дороговизна хлеба», «Экономический опыт» и, наконец, знаменитая «Мучная война», впрочем направленная больше против маршала Бирона:

Бежал рысцою генерал,
Тюрго достойный ученик,
Со всех он улиц голод гнал,
Ну просто Жан-Мучник [2].

Была также очень непочтительная карикатура на герцогиню д'Анвиль. Сюжетом ее было падение «вверх тормашками» упряжки экономистов.

Но все это не свидетельствует об истинном изменении настроения общественного мнения, и со стороны даже не кажется, что министр утратил свою популярность. Появился только

1 Запись от 22 мая 1775 г. (Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 41.)

2 «Journal historique», t. VII, p. 328 et suiv. Schelle, t. V, p. 133 et suiv.

некоторый оттенок сомнения, которого прежде не было, лишь небольшой сдвиг.

Тюрго по-прежнему пользовался полным доверием короля. Людовик XVI, поддерживавший его, мог поставить себе в заслугу успех своего министра.

Разумеется, мы видим, что на смотре французских и швейцарских гвардейцев 26 мая было очень мало приветственных криков, да и тут «чувствовалось, что это лишь результат щедрот полиции...»[1]. Поездка на коронацию должна была возместить это разочарование.

«Месяц спустя, — пишет Кондорсе, — по дороге в Реймс король проехал по местам недавних мятежей и встретил там лишь народ, благословлявший его правление»[2]. Этот прием, казалось, подтверждал столь утешительное предположение об искусственно вызванных беспорядках.

В самом Реймсе в начале апреля начинался мятеж[3]. Однако король и королева были там встречены с энтузиазмом. В этом нельзя сомневаться после рассказа Марии Антуанетты ее матери Марии Терезии «При виде такой трогательной встречи ...я не могла удержаться, и слезы брызнули у меня из глаз». И бедная королева в следующей фразе делает замечание, которое звучит теперь трагически «Никогда не забуду этот день коронации, *проживи я хоть сто лет*»[4].

Чисто политический эпизод дает нам представление об отношениях между королем и министром и об их поведении в этот день.

Тюрго, как говорят поддержанный Мальзербом, сделал попытку изменить формулировку коронационной присяги короля. В ней содержались архаизмы, например клятва истреблять еретиков, не прощать дуэлянтов и т. д. Дюпон отмечает, что к тому же ни Генрих IV (и не без основания), ни Людовик XIII, ни Людовик XIV не произносили этот устаревший текст, который восстановили для Людовика XV. Генеральный контролер составил новый текст и предложил его королю. Итак, мы ви-

1 Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 49, 28 mai 1775.

2 Condorcet. Op. cit., p. 140 Автор добавляет: «Его хотели заставить пожертвовать своим министром из боязни народных восстаний, но его слова, с волнением повторяемые растроганной нацией: «Только г-н Тюрго и я любим народ», — были наградой министру и наказанием его врагам» Это трогательное замечание было сделано значительно позже, и, кажется, его не следует приписывать Людовику XVI, но по мнению аббата де Вери, оно принадлежит какому-то рабочему, чьи слова якобы повторил король, а самого рабочего, как говорили потом, якобы подослал сам министр (См. Véri Op. cit., t I, p 406)

3 «Journal historique», 7 avril, t VII p 236

4 Mercy-Argenteau Correspondance, t. II, p. 343, письмо от 22 июня.

дим, что он не страдал никаким «комплексом» из-за майских событий и, не задумываясь, снова — и на этот раз без необходимости — вышел за рамки своих обязанностей.

Мы знаем, что Тюрго — горячий приверженец принципов религиозной терпимости. Он снова выскажет эти взгляды по поводу браков с протестантами и затем в проекте мемуара о веротерпимости[1]. Он рассматривает не только философский аспект вопроса, но также и его экономические последствия. «Во Францию вернулось бы много семей, покинувших родину... Г-н Тюрго очень этого желает, он делает это одной из основ своей политики и даже своего управления финансами». Но он недооценивает сил оппозиции. Что касается коронационной присяги, то Людовик XVI не последовал данному ему совету. Но он написал по этому поводу записку, датированную 10 июня, то есть накануне коронации, которая не оставляет ни малейшего сомнения в его уважении к Тюрго и может даже служить свидетельством его предупредительности «Я предпочел дать вам ответ в письменной форме как свидетельство того, что я думаю о вас по этому поводу»[2].

В некоторых сомнительных местах своей присяги Людовик XVI, по словам Дюпона, ограничился невнятным бормотанием.

1 Проект мемуара о веротерпимости содержит оригинальную идею Тюрго считает, что только правительства, не имеющие веры, могут отрицать веротерпимость, так как в таком случае для них это чисто политический вопрос. Далее Тюрго старается доказать, что государь как таковой не призван судить о религии, ибо государи разных стран не исповедуют одну и ту же веру.

Мы уже упоминали о позиции Тюрго по вопросу о веротерпимости во время парламентского периода и его интендантства в Лиможе и, наконец, в бумагах, относящихся к периоду его отставки, мы можем найти еще одну заметку, доказывающую подлинный дух веротерпимости Тюрго В письме к доктору Прайсу он критикует положение американской конституции, которое утверждает неизбираемость *духовенства* Тюрго видит в этом признак нетерпимости в противоположность положению, существующему во Франции (Письмо от 23 марта 1778 г. Schelle, t V, p 633, Véri. Op cit, t I, p. 252)

Вопрос о браках с протестантами и праве наследования для детей, по-видимому, обсуждался во время ассамблеи духовенства в июле 1775 г В этом случае Тюрго получил поддержку Мальзерба, но Морепа, хотя его и трудно заподозрить в сектантстве, держался очень сдержанно· «В этом общем смешении протестантов и католиков он видит беспорядок, сходный с временами Лиги». (Véri. Op cit., p. 385) См: Bachaumont Op cit, 29 juillet)

2 «Я думаю, что шаг, который вы предприняли, обратившись ко мне, исходит от очень честного и очень преданного мне человека; я вам за это выражаю самую горячую благодарность Не меньше обязан я вам и за совет, и вы можете быть уверены, что я сохраню его в тайне, как прошу вас хранить и мое письмо». (Schelle, t. IV, p 554; Du Pont. Op cit., p. 194)

Таковы факты и подробности, которые убеждают нас в том, что «Мучная война» могла посеять в сознании короля, как и в сознании всего общества, некое зерно сомнения в правильности системы свободы хлебной торговли и, зная характер короля, некое неосознанное недовольство самим Тюрго, ибо, как справедливо сказал Безанваль, «нет ничего хуже, чем насильно заставлять людей принимать решения, на которые они неспособны»[1].

Труднее проанализировать отношения между Тюрго и Морепа. Уже раньше наблюдались кое-какие симптомы, указывавшие на то, что между ними бывали трения. Еще в начале декабря 1774 г. Морепа будто бы сказал Тюрго: «Сударь, занимайтесь нашими сегодняшними финансами, позаботьтесь о настоящем и не рискуйте сломать себе голову, стараясь провести существенные изменения»[2]. Он не занимал никакой позиции во время «Мучной войны», которая его не интересовала, но ему приписывали «склонность к старым принципам», вероятно как человеку прежней административной выучки[3]. Мы уже видели его немного двусмысленное поведение в решающий день 3 мая. Он, наверно, почувствовал себя уязвленным, услышав насмешливую песенку о его посещении Оперы. Его, несомненно, огорчили ведущая роль Тюрго и одержанная им победа. Морепа завидовал доверию короля к Тюрго и мог подумать, что растущий авторитет коллеги угрожает его положению. По мнению Дюпона де Немура, «Морепа не мог простить генеральному контролеру, что тот один держал в руках бразды правления в первые пять дней беспорядков».

Сам Тюрго в письме королю от 30 апреля 1776 г. делает явный намек на чувство зависти у Ментора. Вследствие этого отношения между двумя коллегами несколько омрачились, но «примирителю» Вери довольно быстро удалось рассеять набежавшие тучи.

По мнению того же Дюпона, Морепа именно по той же причине отговорил короля следовать советам Тюрго в вопросе о присяге и, не говоря прямо, постарался представить Тюрго как человека, который вечно доставляет неприятности. «В тот момент, когда вы только что вышли из бури мятежа, поднятого из-за хлеба, подвергать вашу молодость опасности религиозных споров и борьбы суеверий было бы величайшей неосторожностью». Хотя подобные речи и поведение вполне в духе ласкового и вкрадчивого Ментора, интерпретацию Дюпона следует принимать с осторожностью. Во-первых, надо отметить, что письмо Тюрго королю, приложенное к его проекту присяги (найден был только этот текст), было от 9 июня («вчерашнее письмо», уточняет король), а ответ Людовика XVI написан 10-го, накануне коронации. Но Морепа не был в Реймсе и, значит, не мог обсуждать его с королем, который пишет: «*С тех пор* я внимательно рассмотрел его и посоветовался с некоторыми лицами». Разумеется, этот вопрос мог обсуждаться раньше, но такая хронология все же вызывает сомнения в точности столь безапелляционного рассказа Дюпона.

1 Besenval. Op. cit., t. I, p. 317. Эти слова были сказаны, кстати, по другому случаю.
2 Métra. Correspondance, t. I, p. 125, письмо от 7 декабря 1774 г.
3 «Journal historique», t. VII, p. 328; см. также «Relation historique».

С другой стороны, второй эпизод, напротив, как будто свидетельствует о противоположной тенденции. Король и королева, взволнованные торжественной церемонией коронации, были исполнены возвышенных чувств и благородных намерений. Они пишут об этом в почти одинаковых выражениях. Мария Антуанетта в упомянутом выше письме к матери: «Конечно, если мы видим, что люди при всем их несчастье встречают нас так хорошо, мы должны еще больше трудиться ради их счастья». А Людовик XVI в записке, написанной его рукой и посланной Морепа в Пуншартрен: «Вполне справедливо, что я должен трудиться, чтобы сделать счастливым народ, который содействует моему счастью... Я надеюсь, что вы подумали о средствах, ведь мы с вами о них уже говорили...» Морепа дал прочесть это письмо аббату де Вери. «Средства, — сказал он, — не главное затруднение. Это дело г-на Тюрго, он их найдет. Но сила — вот в чем трудность»[1]. Этот рассказ показывает, что в тот период Морепа, несмотря на небольшое недовольство, по-прежнему рассчитывал на Тюрго и сохранял к нему доверие. Безанваль высказывает мнение, раскрывающее самую суть их отношений со всеми оттенками: «Г-н Тюрго в это время еще держался за г-на Морепа... Г-н Морепа уже начинал понимать, что он мог ошибиться в своем выборе, но пока еще держался за г-на Тюрго»[2].

В итоге Тюрго сохраняет свои две ключевые позиции: отношение к нему короля и отношение Морепа, — но в них уже есть незаметные трещины.

Однако теперь намечается и третья ключевая позиция — отношение королевы. Королева до тех пор не занималась политикой, кроме одного случая, когда добивалась опалы герцога д'Эгийона, которого ненавидела, после чего она перестала интересоваться чем бы то ни было, даже, как мы уже видели, выбором его преемника. К Тюрго она испытывала лишь смутное уважение, а к его проектам довольно благожелательное без-

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 307, 16 juin.
2 Besenval. Op. cit., t. I, p. 324 et 328.

различие. Тем из ее окружения, кто имел на нее влияние, было, должно быть, совсем легко лепить из этого воска что́ им вздумается. Интриганы из партии Шуазеля, бывшие всегда начеку, сразу заметили эту открывшуюся перед ними возможность и одновременно еще одну — ставшего уязвимым министра. Они-то разглядели лучше короля и лучше Морепа, как много сил потерял Тюрго после майского испытания. Они не могли упустить случай и не напасть на ослабевшего противника, выбрав при этом самую выгодную для них почву. Однако этот маневр был только частью их плана. Он мог бы иметь лишь ограниченное значение, если бы сам Тюрго, совершенно не подозревавший об опасности, не стал препятствием для осуществления их других проектов и таким образом не поставил себя под удар, как мишень на стрельбище.

Мы имеем бесценное свидетельство человека, стоявшего во главе интриги, — барона де Безанваля. Мы будем присутствовать при странном и единственном в своем роде поединке между противниками, которые не искали друг друга. Тюрго никогда и нигде не упоминает даже имени Безанваля. Что до Безанваля, то он едва замечает Тюрго, к которому относится с пренебрежением.

Теперь нам придется повести рассказ, немного отступив назад, и представить действующих лиц: самого Безанваля, но сначала королеву.

Марии Антуанетте девятнадцать лет. «Принцесса была высока и хорошо сложена», — говорит один из ее биографов. Но ее звали также «рыжей девчонкой»[1], и Безанваль утверждает, что «она не была хорошо сложена». Орас Уолпол воскликнул с восхищением: «Флоры, Елены и Грации просто уличные потаскушки рядом с ней», — но Безанваль уточняет: «Хотя она не была ни настоящей красавицей, ни даже хорошенькой, но прелестный цвет лица, очень красивая посадка головы, необыкновенное изящество всей ее фигуры позволяли ей поспорить с привлекательностью многих других женщин, более щедро одаренных природой». А вот мнение де Монбарэ: «Своими манерами, больше чем природными прелестями, она создана, чтобы нравиться и пленять все сердца». Всем известен жалкий уровень ее образования, ее невежество, «пустота головки королевы», как сказал Вери, а также ее легкомыслие, любовь ко всяким развлечениям и мотовству, страсть к украшениям, к самым экстравагантным прическам с перьями, и, увы, к бриллиантам [2].

1 Moufle d'Angerville. Histoire du règne de Louis XV, t. VI, p. 364; D'Estree et Callet. Op. cit., p. 161.
2 Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 94; Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 469, письмо от 16 июля 1776 г. Одним из первых деяний королевы (во время поездки в Марли) была покупка у ювелира Бёмера (замешанного в истории с ожерельем королевы) шести грушевидных бриллиантовых сережек за 360 тыс. франков; еще не успев уплатить эту сумму, она покупает тайком браслеты за 100 тыс. экю.

И вот еще две, менее известные черты, отмеченные Безанвалем: «Мало искренней веселости и бесцеремонность, умалявшая уважение к ней».

Такова совсем молоденькая женщина, которая будет теперь играть роль в политике, и самая поразительная черта в ее поведении — это сам факт, что она может действовать. Какую получила королева для этого подготовку, на чем она может остановить свое внимание? Это вопрос, который задает себе Иосиф II в своих тяжеловесных, но справедливых замечаниях. Как и следовало ожидать, Мария Антуанетта интересуется политикой лишь с точки зрения личностей, без понимания проблем и единственно под давлением своего непосредственного окружения, влиянию которого она очень легко поддается, «осаждаемая вероломными интриганами, составляющими ее общество». Поэтому мы не увидим в ее поведении никакой общей линии, никакой разумной последовательности, а только серию разрозненных поступков и своего рода отдельных «партий», которые она хочет выиграть, после чего она о них больше не думает, если только противник не выступит с ответным ударом. Мария Антуанетта увлекается политикой, словно игрой, и со страстью азартного игрока.

Затем нас может поразить контраст между обычным легкомыслием королевы, убожеством целей, какие она себе ставит в этой области [политики], и совокупностью тех ее качеств и средств, которые она употребляет, чтобы осуществить свои замыслы. Она способна на хитрость и притворство и порой «ускоряет ход событий по своему усмотрению, чтобы избежать возражений» и поставить всех перед совершившимся фактом, а порой, напротив, «притворяется, что отказалась от своих намерений, чтобы тем вернее добиться своей цели» [2]. Мерси-Аржанто, который видит ее каждый день, и даже по два раза в день, рассказывает, как ловко она избегала встреч с ним наедине во время критической недели в мае 1776 г. Она уклонялась от разговоров даже с де Гином, выказывая ему полное равнодушие, чтобы лучше подготовить свою победу и, должно быть, испытать еще большее торжество. Эти контрасты в характере Марии Антуанетты на деле только мнимые, ибо мы нередко

2 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 291 (письмо Марии Терезии от 4 февраля 1775 г.) et p 498 (письмо от 1 октября 1776 г.).

видим, что способность сосредоточиваться и проявлять упорство для достижения ничтожных целей часто проявляется у игроков, а также у детей. Долго сдерживаемые желания, длительные обиды, самые хитрые махинации обычно не связаны с великими целями.

Крайняя молодость и неопытность Марии Антуанетты могут хотя бы отчасти объяснить ее необузданное, непоследовательное и обычно сумасбродное пристрастие к азартной игре. Однако случается, что и взрослые люди в самых волнующих начинаниях ищут только игры страстей.

Тонкое замечание Безанваля об отсутствии веселости у королевы подтверждает объяснение этого свойства бессознательным переключением неиспользованной энергии и, конечно, сексуальным бездействием. Фрейдистское толкование, к которому мы прибегали, говоря о Людовике XVI, кажется нам еще более оправданным по отношению к королеве.

Неудовлетворяющий муж предполагает неудовлетворенную жену. Этот вид повседневной супружеской борьбы, резкие следы которой проступают то тут, то там в ее переписке, неизбежно порождает состояние нервного напряжения, сильно влияющее на характер и поведение королевы во всех других обстоятельствах ее жизни. Каждое дело, за которое она хватается, становится как бы искусственным приключением, где переживания самолюбия заменяют любовные волнения, а желание властвовать заменяет желание обладать. В ее ожидании успеха чувствуется нетерпеливое желание, делающее ее нечувствительной ко всякому доводу, ко всякому разумному соображению, ко всему, что при других условиях могло бы ее убедить или тронуть. «Порой нет никакого средства заставить ее слушать доводы рассудка»[1]. Всякое возражение отвергается, всякое препятствие должно быть сломлено. Когда она добивается успеха, она хочет, чтобы он был тем блистательней, чем трудней его было добиться; она отдается ему с тем большим увлечением, чем больше потратила сил, чтобы его подготовить и завоевать; она желает, чтобы успех был полный, невиданный, чтобы ему сопутствовали поражающие воображение события, например она задумала добавить к победе де Гина изгнание Верженна и арест Тюрго. А затем она чувствует себя освобожденной и перестает интересоваться последствиями своего вмешательства. Она придает большее значение отдельным поступкам, чем всей ситуации в целом. Теперь она снова смотрит на все со своей обычной точки зрения; накал чувств, который она испытала, проходит, и она не всегда старается отомстить тем, кто оказался на ее пути. И в этом проявляется еще одно, но только кажущееся противоречие в характере Марии Антуанетты, которую изображают то как женщину безжалостно злопамятную, то как живую и непосредственную натуру, способную на великодушие, легко забывающую обиды и даже готовую признать свои ошибки. Надо различать мотивы ее поведения. Она может быть безжалостной, когда думает, что ее хотели унизить и оскорбить, тем более если она не одержала верх. Она, напротив, становится снисходительной и даже доброжелательной, когда, преодолев препятствие, выдержав испытание и добившись успеха, понимает, что ей противились случайно или выполняя свой долг, но без намерения ее сломить или унизить.

1 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 197 et 447.

Сначала Мария Антуанетта рассматривает политические дела лишь в самом примитивном и эмоциональном плане, видя в них лишь два полюса. Положительный полюс — это Шуазель, которого она ценит как устроителя ее брака, друга ее родины и к тому же противника д'Эгийона. Этот последний — отрицательный полюс, как бывший приспешник Дюбарри, распускавший вместе с ней непочтительные толки о королеве, когда она была еще женой дофина[1], и вдобавок как противник Шуазеля[2]. Расположение к партии шуазелистов и предубеждение против партии эгийонистов были для нее долгое время катехизисом управления государством. Так как она с самого начала добилась в этих двух вопросах желанного ей удовлетворения: уважения, оказанного Шуазелю, приглашенному ко двору, и немилости и удаления д'Эгийона, — то она готова была вновь вернуться к свойственному ей политическому равнодушию. И вполне могло случиться, что она никогда не стала бы заниматься ничем, кроме своих нарядов, праздников, разных выдумок, расточения милостей своим приближенным и назначения кое-кого подполковниками[3]. На деле в течение всего периода с июня 1774 по июнь 1775 г. она почти совсем не докучает министрам, если не считать статьи расходов, и Тюрго, за исключением этого вопроса, не подозревает никакой опасности с ее стороны.

1 Речь, кажется, идет о двух разных эпизодах. С одной стороны, д'Эгийон называл Марию Антуанетту «кокеткой». (См.: Ségur. Op. cit., p. 66, согласно «Réflexions historiques» графа Прованского.) С другой — г-жа Дюбарри предостерегала Людовика XV против опасного легкомыслия этой «рыжей девчонки».

2 Мы упомянем для памяти ходившие в ту эпоху нелепые слухи, будто Шуазель — истинный отец Марии Антуанетты! Дошли до того, что стали проверять даты его посольства, которые, кстати говоря, «не совпадали».

3 См знаменитый рассказ Монбарэ. (Montbarey. Op. cit., t. II, p. 195—213.)

Однако на королеву постоянно оказывают давление, но разными способами и в противоположных направлениях.

Мерси-Аржанто и аббат де Вермон постарались с искусством и настойчивостью, достойными большего успеха, подготовить ее к роли королевы-советницы и невидимого премьер-министра. Она должна слушать, собирать сведения, не высказывать никаких собственных требований, не брать на себя ответственности ни за какое решение. Словом, она должна вести себя противно собственному характеру, каким мы его описали, и пожертвовать политикой отдельных акций в угоду политической линии. Доверенные лица сначала не нарадуются, видя ее покорность (и хорошую память), но вполне естественно, что особа с таким бурным темпераментом ведет себя благоразумно только тогда, когда она не заинтересована. Не менее естественно, что все ее окружение состоит из шуазелистов, поскольку эгийонисты к ней не допущены и даже не помышляют туда проскользнуть. А шуазелисты, конечно, надеются и интригуют, и их надеждам и интригам обстоятельства дают некоторую пищу. Чем подогревать чувства королевы к Шуазелю — а эти чувства завоеваны, но уже неэффективны, — гораздо легче разжигать ее ненависть к д'Эгийону, потому что он оказался виновным в такого рода проступке, каких она никогда не прощает, и к тому же, попав в немилость, он все так же оставался на авансцене. О нем говорят, его видят, он по-прежнему капитан-лейтенант* рейтаров. Он появляется в парламенте и проводит зиму в Париже. Ему приписывают — справедливо или нет — разные анонимные сочинения, оскорбительные для короля и королевы. И это не просто досужие вымыслы: их подтверждают высокопоставленные особы. Главным был памфлет, где автор делает намек — и не без оснований — на бессилие Людовика XVI и предостерегает испанскую ветвь династии против опасного предположения, будто у королевы может родиться ребенок!

Сначала подозрения в авторстве пали на Бомарше, сидевшего тогда в тюрьме, но Сартин, оставшийся в хороших отношениях со своим прежним агентом, стал на его защиту и после его освобождения дал ему странное поручение — скупить все издания памфлета; поручение это завело сумасбродного автора в Австрию, где он был снова арестован после целого ряда невероятных приключений[1]. Тот же Сартин (причем его поведение — искренне оно или нет — кажется вполне логичным) переносит подозрения на герцога д'Эгийона и недвусмысленно указывает на него Мерси-Аржанто. Понятно, что королева имела основания доверять обвинению, которое признали правдоподобным государственный секретарь морского ведомства, бывший генерал-лейтенант полиции, а также посол ее страны. Ее ненависть к д'Эгийону не могла ослабеть после такого сообщения.

* Капитан-лейтенант (capitaine-lieutenant) осуществлял фактическое руководство военным соединением, почетным шефом (capitaine) которого было какое-либо высокопоставленное лицо, принц крови, королева или король. — *Прим. ред.*

1 См.: Loménie. Beaumarchais et son temps, t. I, p. 392 et suiv. О памфлете см.: D'Almeras. Les Amoureux de Marie-Antoinette, p. 192; Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 233, note.

И вот появляется новое экстравагантное дело, в котором герцог д'Эгийон тоже в какой-то мере замешан, еще один клубок змей — первое дело де Гина (второе дело де Гина будет непосредственной причиной опалы Тюрго). Граф де Гин, в то время французский посол в Лондоне, был человеком Шуазеля, но он принадлежал также к «окружению» королевы и был близким другом графини Жюли де Полиньяк, которая с лета 1775 г. становится фавориткой Марии Антуанетты. Каким все это нам кажется далеким от Тюрго, от его тогдашних забот: государственного управления доменами, борьбы с эпизоотией, откупов на производство пороха! А между тем все эти нити неумолимо приведут нас к решающему узлу событий, потому что графиня де Полиньяк соединит партию Шуазеля, Марию Антуанетту и Морепа.

Помимо своих связей с шуазелистами, граф де Гин вообще мог и умел нравиться. Будучи послом в Берлине, он покорил Фридриха Великого, играя с ним на флейте; оба играли превосходно. «Он слыл одним из самых любезных людей при дворе; умел острить тонко и язвительно... был очень силен в насмешках и, шутя, оставался невозмутимо серьезным»[1].

Своим юмором и умением держаться посол пользовался так успешно, что стал героем многих приключений, делавших его порой очень неудобным сотрудником для его покровителей; к счастью для него, они были весьма снисходительны. Посмотрим же его первое дело.

Посол обвинил своего секретаря Фора де ла Сонда в разных непорядочных и бесчестных поступках: растрате, спекуляции на бирже вверенными ему деньгами, разглашении секретных сведений во время большого биржевого бума, вызванного слухами о возможной войне между Францией и Англией из-за Фолкленд-

1 Lévis. Op. cit., p. 159. Биограф рассказывает о нем забавный анекдот. Он был довольно тучен и, желая казаться тоньше, носил слишком узкое платье. «Для каждого костюма у него было две пары брюк разного покроя. Когда он одевался, его камердинер спрашивал почтительно: «Г-н граф будет сегодня садиться?» Если ему предстояло стоять, он влезал на два стула и опускался в брюки, которые с двух сторон держали двое слуг. К чему нам служит ум?»

ских островов. На основании королевского указа о заточении его заключили в 1771 г. в Бастилию. Этот секретарь вышел из тюрьмы в 1772 г. и выступил против своего бывшего начальника, утверждая, что действовал по его инструкциям и в его интересах. Пострадавшие английские банкиры, стараясь вернуть свои деньги, поддержали эти претензии, так же как и другой секретарь, по имени Роже, и переписчик по имени Дельпеш. К этому делу привлекли также интенданта посла, Буайе, игравшего роль агента в этих преступных махинациях. На процессе, начатом парламентом в 1773 г., обе стороны, в том числе и посол, подавали бесконечные мемуары, запросы и возражения. Это «процедурное чудовище», как пишет «Журналь историк», было весьма унизительным зрелищем, представшим перед глазами всей Европы [1]. Однако при чем здесь герцог д'Эгийон? Он еще не был министром иностранных дел, когда эта история началась, он уже ушел из министерства, когда она полностью развернулась. Но де Гин и партия Шуазеля обвиняют его довольно невразумительно в том, что он был тайным подстрекателем целого заговора против посла [2].

Теперь мы переходим к серии темных эпизодов и запутанных обстоятельств, как-то: письмо де Гина Людовику XVI и резкий ответ д'Эгийона, оба прочитанные в Совете; просьба обеих сторон ознакомиться с дипломатической перепиской, а затем использовать ее в суде; опубликование этих документов де Гином в мемуаре и задержка его мемуара Советом; отмена решения Совета Людовиком XVI и указание короля суду Шатле, что он разрешил де Гину использовать все эти документы с условием — не нападать на герцога д'Эгийона. Наконец, 2 июня 1775 г. суд вынес приговор, принятый семью голосами против шести, он объявил обвинения Фора клеветническими и приговорил его к возмещению расходов свидетелям и штрафу 300 ливров. Однако де Гин не получил полного удовлетворения, и, в частности, согласно довольно странному распоряжению шестая часть судебных издержек была разделена пополам между сторонами [3].

1 См.: «Journal historique», t. VIII, p. 27, 42, 44, 53, 69, 73, 101, 120, 168, 190, 234, 237, 256.

2 «Журналь историк» (11 февраля 1775 г., с. 101) пишет по поводу одного из мемуаров, поданных адвокатами де Гина: «Нам кажется наиболее интересным для публики неизменная неприязнь посла к герцогу д'Эгийону, тогдашнему министру иностранных дел, на которого он, правда с большой сдержанностью и осторожностью, указывает как на подстрекателя или по меньшей мере тайного покровителя темной интриги против графа де Гина, хотя невозможно понять, какие у министра были причины преследовать своего посла, разве лишь как ставленника герцога де Шуазеля».

3 См.: Archives Nationales, Y. 10, 525 (текст приговора и распределение голосов).

Хотя де Гин счел эту победу недостаточной, а приговор нелепым, его партия напечатала огромными буквами решение суда и расклеила его на всех углах, сделав вид, что одержала политическую победу [1]. Однако, поскольку это ничтожное дело может заинтересовать историков, следует сказать, что если у нас нет никакого доказательства бесчестности де Гина, то нет также и ничего, в чем можно было бы обвинить д'Эгийона, и мы не можем даже понять упреки, которые ему постоянно и весьма туманно предъявляли.

А королева? Что ей за дело до этой запутанной интриги? Она взяла де Гина под свое покровительство, и ее первое вмешательство произошло в августе 1774 г. [2]. Затем она, очевидно, вмешивалась в дело де Гина много раз. Это она добилась у короля одного за другим двух решений: дезавуирования компетентного министра и затем Совета. Переписка Людовика XVI с Верженном показывает нам, что короля охватила настоящая паника, а министр стал чрезвычайно осторожен. Людовик XVI дал предписание, чтобы якобы избавить Совет от затруднений, которые могло вызвать это дело. «Королева, — отмечает Башомон,— пользующаяся все большим влиянием на короля, сообщила Его Величеству, как было обмануто его доверие. Она разоблачила злой гений д'Эгийона...» Она даже употребляла другие выражения, говоря, что король был «втянут в интригу, обойден, обманут» [3]. Она добилась таким образом его вмешательства в судопроизводство, так как письмо от короля в Шатле, даже написанное очень сдержанно, не могло не оказать влияния на дело, решенное большинством в один голос. Таким образом, хотя само решение суда нам кажется вполне законным, неудивительно, что оно было приписано косвенному влиянию Марии Антуанетты. И тут мы как будто слышим сердитый голос Иосифа II: «Во что вы вмешиваетесь... хотите выиграть судебный процесс?»

В этой обстановке непрерывных мелких стычек появляется настоящий генерал, истинный стратег. Он окидывает взглядом

1 См.: Métra. Correspondance, t. II, p. 62, письмо от 22 июля 1775 г.

«Л. С. Фор со своей стороны прогуливается с независимым видом, и у него немало сторонников, несмотря на его поражение». (Ségur. Op. cit., p. 214.) Он подал апелляцию и выиграл дело по всем статьям.

2 См.: Mercy-Argenteau. Op. cit, t. II, p. 221, письмо от 15 августа 1775 г.; t. II, p. 313, письмо от 18 марта 1775 г. По-видимому, ее первое вмешательство касалось разрешения ознакомиться с дипломатическими документами, а второе — их опубликования.

3 «Mémoires du Ministère d'Aiguillon», p. 69.

поле боя, видит, что первый противник разбит, или почти разбит, — прежде всего его надо преследовать и добить. Затем надо завладеть территорией, захватить подступы, подготовить этапы захвата власти. Ему надлежит разработать план операций, использовать как можно лучше запал нападающих, то есть прежде всего королевы. Этот стратег — барон де Безанваль.

Безанваль, как и граф де Гин, принадлежит к эпизодической истории. Это не один из тех нужных людей, которых мы ожидаем найти на нужном месте в нужный час, таких, как Тюрго в здании государственного контроля, принц де Конти на передней скамье парламента, Людовик XVI в его кузнице, а Морепа на его антресолях. Непредвиденная судьба — все равно что выход блестящего актера вне программы.

По натуре прежде всего интриган, Безанваль не был авантюристом. Хотя он родился в Солере, он не был чистым швейцарцем [1], а был сыном савойского дворянина (бывшего французского представителя в Саксонии) и матери-польки.

Этому смешанному происхождению он, по-видимому, обязан разнообразными и привлекательными чертами своего характера, одновременно щедрого и хитрого, вспыльчивого и проницательного, расчетливого и своенравного. Человек военный, он показал пример задорной храбрости на полях сражений, а впоследствии вел себя так же и перед революционным судом. Будучи подполковником швейцарских гвардейцев, он по положению был связан с герцогом Шуазелем, генерал-полковником этих частей. Безанваль восхищался им; он оставил о нем несколько очень метких биографических заметок и последовал за ним в Шантлу. Когда Безанваль вернулся ко двору Людовика XVI, он, естественно, был послан на службу под начало графа д'Артуа, заменившего Шуазеля во главе швейцарской гвардии. С помощью герцога Шартрского ему удалось убедить нового генерал-полковника сделать великодушный жест и вернуть бывшему командиру его место, но король дважды пресек эту попытку [2]. Тем временем Безанваль очень легко вошел в доверие к королеве: рекомендацией ему служила дружба с князем Штарембергом, старым доверенным лицом Марии Терезии. По словам Вери, он снискал расположение Марии Антуанетты, научив ее играть в трик-трак.

1 «Он обладал ловкостью, столь свойственной его соотечественникам, которые, хотя и выглядят толстыми увальнями, обладают гораздо большей природной тонкостью, чем французы». (Lévis. Op. cit., p. 147.) «Она (королева) называла барона де Безанваля славным швейцарцем». (Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 179.)

2 «Молодой принц загорелся этой идеей и говорил о ней с королем, но получил лишь весьма сухой отказ. Когда он вернулся к этому разговору во второй раз, король ничего не ответил, а лишь в раздражении повернулся к нему спиной». (Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 349, письмо от 23 января.) Возможно, что королева вмешалась в это дело, ибо в то время была очень близка с графом д'Артуа. Однако Мерси упоминает только Безанваля (о котором говорит здесь впервые) и герцога Шартрского.

Эта тактика — обучение игре в карты, честь которой Жироду приписывает Дюбардо-Бертело в романе «Белла», была в то время очень распространена среди политиков двора. Но у Безанваля есть и другие способы обольщать. Он может пленить королеву искусством садоводства — он помогает вырастить в Трианоне редкие породы растений, вывезенных из Шенбрунна, — а также искусством вести беседу, даром прекрасного рассказчика, в чем мы можем убедиться по разрозненным отрывкам из его «Мемуаров»; он может наилучшим образом использовать свои редкие способности благодаря проницательности и знанию человеческой психологии, позволившим ему разгадать истинный характер Марии Антуанетты — «меланхоличную суетность», как говорили в романах конца XIX в. Эта принцесса далеко не так весела, как кажется; ее надо забавлять. «У королевы было очень доброе сердце, но при этом несчастная склонность к насмешке. Он потакал этому недостатку» [1].

Безанвалю пятьдесят четыре года; он не из тех молодых людей, общества которых, как уже упрекали королеву, она искала, но известно, что при «весьма внушительной фигуре он обладал лицом, пленительным в молодые годы и полным достоинства — в зрелые» [2]. Он имел очень большой успех у женщин, но, по словам Левиса, который его не любит, «держался с ними слишком развязно, любезности его были дурного тона, а беседа скорее цинична, чем остроумна». Его почтенный возраст, седые волосы и привлекательная внешность могут, вероятно, объяснить, почему королева, не питавшая к нему, как мы увидим, нежных чувств, прониклась таким исключительным доверием, что открыла ему даже тайну своих брачных отношений. Впрочем, ничто не доказывает, что откровенность ее была наказана, так как мы знаем об этом не от него, а из переписки Марии Терезии с Мерси-Аржанто: «Признание, сделанное ею барону Безанвалю и касающееся лично короля, — еще одно доказательство ее безрассудства» [3].

Эту власть, приобретенную над королевой, Безанваль, естественно, поставит на службу тому, кто приобрел подобную же власть над ним самим. Он начнет одну за другой три операции, проведет три кампании: операцию д'Эгийон, операцию д'Эннери — Сартин, операцию Морепа.

1 Lévis. Op. cit., p. 136.

2 Besenval. Mémoires. Notice.

3 Письмо Марии Терезии от 5 октября. (Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 383.)

В порядке очередности он намечает себе как первую цель надолго удалить герцога д'Эгийона. В пользу этого решения он приводит два довода, впрочем менее веских, чем третий, который он утаивает. Во-первых, расплата: д'Эгийон — истинный виновник падения Шуазеля. «Я испытывал потребность его наказать». Во-вторых, осторожность: д'Эгийон—глава клики противников. Следовательно, ее надо обезглавить. Он очень ловок и держит кучу наемных эмиссаров. «Шуазель не сможет вернуться обратно, а королева не будет знать покоя, пока этот человек разгуливает по Парижу» [1]. Но истинная цель шуазелистов, как считает аббат де Вери — и это кажется тонко рассчитанным ходом, — поразить через д'Эгийона его дядю Морепа, вызвать у него «отвращение», чтобы он ушел сам. Промежуточная цель была достигнута, а конечная — нет, вот, вероятно, почему Безанваль не упоминает о ней в своем рассказе. Удалить д'Эгийона из Парижа было гораздо легче, чем вызвать у Морепа отвращение к власти. Эта последняя задача была не по силам самой хитроумной интриге.

Безанваль убедил королеву без труда и без промедления; королева убедила короля, но ей потребовалось на это некоторое время — шесть недель, как о том говорили. Д'Эгийон должен получить приказ удалиться в Верец возле Тура, где у него есть поместье, однако без секретного королевского указа (lettre de cachet). Когда королева во время охоты сообщает об этом Безанвалю, он восклицает: Верец слишком близок от Парижа. Надо отправить его в Эгийон (в Аженуа).

Между тем герцог д'Эгийон, с присущим ему блеском, готов уже отправить свои части в Реймс, пригласив их офицеров в свой замок, где им будет обеспечен кров и стол. И тут он получает приказ об отставке. А затем следуют и другие события.

30 мая в военном лагере Марли состоялся смотр войскам, который проводили каждые четыре года и прозвали «чертово пекло». В нем принимала участие часть привилегированных войск двора, так называемые «красные», в том числе две роты мушкетеров, жандармы и... легкая кавалерия. Перед этой церемонией д'Эгийон пошел получить распоряжения королевы. «Почему вы не отправились в Сен-Врен испросить распоряжений у г-жи Дюбарри?» — ответила она. Однако д'Эгийон явился на смотр. Король на него даже не глядит, а когда он проходит мимо кареты королевы, она задергивает штору на окне; говорят даже, будто она показала ему язык [2]. Из других источников мы

1 Отрывки, цитируемые без указания источника, взяты либо из «Мемуаров» Безанваля («Exil du duc d'Aiguillon», p. 310 et suiv.), либо из «Дневника» де Вери.

2 Об этом смотре без дальнейших подробностей см.: Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 56 (31 мая 1775 г.). О последовавших событиях см.: D'Estrée et Callet. Op. cit., p. 253; Belleval. Souvenirs d'un chevau-léger, p. 184 et suiv.; «Mémoires du Ministère d'Aiguillon», p. 70. На деле герцог д'Эгийон действительно отправился навестить г-жу Дюбарри в ее новой резиденции в Сен-Врене, близ Аржанжона.

узнаем, что об изгнании д'Эгийона у короля был разговор с Морепа, а у Морепа — с королевой. Последний произошел 3 июня. «Чаша терпения переполнилась, — сказала королева, — ее надо выплеснуть... Я возьму все на себя». Дело это предали гласности еще до того, как оно было решено. Морепа и Вери тщетно ищут причины этой все возрастающей суровости. Дело де Гина, конечно, кажется им недостаточным, они даже не говорят о нем и пока еще не подозревают, что игру ведет Безанваль. В светских кругах все тоже в полном недоумении, то ли потому, что всё быстро забывают, то ли потому, что не представляют себе, как злопамятность может быть столь упорной; кое-кто даже думает, будто д'Эгийону ставят в вину... равнодушие народа во время смотров! [1] Этот случай заставляет задуматься аббата де Вери. С присущей ему необыкновенной прозорливостью он предвидит гибельное влияние королевы на государственные дела и понимает, какой вред оно может принести монархии. Мы находим тут один из лучших образцов его смелости, разумеется, как обычно, старательно сглаженной, но не можем отрицать ни силы его анализа, ни верности предсказаний: «Влияние королевы на политические дела (если оно имеет место) не принесет блага для государства... Ее голова слабее ее сердца, она для этого мало пригодна... Ее муж будет первым, кто от нее пострадает... Горе нации, если враждующие партии захотят искать поддержки в войсках... Теперь солдаты рассуждают и не подчиняются приказам, как машины. *Республиканские идеи и идеи равенства тайно бродят в умах...*» Во время поездки на коронацию, как и ожидали обе партии, приказ об изгнании по-прежнему без королевского указа был передан через герцога Лаврийера, для которого эта миссия была, быть может, последней; и герцогу д'Эгийону пришлось уехать вместе с герцогиней в свой далекий замок, «заброшенный и пустой». По словам Сулави, обычно довольно сомнительным, но на этот раз вполне правдоподобным, король, расставаясь с Морепа, выразил некоторую неуверенность. Но министр, тонкий царедворец, а также хороший стратег, сказал: «Забудьте обо всем, я сам поеду в Понтшартрен, чтобы успокоиться возле моих карпов». Первая партия была выиграна... и провалилась.

Изгнание д'Эгийона поразило даже сторонников Шуазеля, и особенно женщин, которые кричали о тирании. Суровые меры

1 Письмо графини де Буажелен к Баллеруа от 6 июня 1775 г. («Bulletin du Bibliophile», 1882, p. 104.)

против отдельных лиц не могли нравиться людям, которые сами попадали в опалу или боялись попасть. Никто не понимал, почему, если д'Эгийон был виновен, его долго не наказывали [1]. Мы уже видели, что политически это было фиктивное дело.

Однако королева была в восторге и ни о чем не раздумывала. Это именно такая победа, какие ей нужны; ничто не могло устоять перед ней: приказ грянул как гром среди ясного неба, ее друзья ликуют, враги поражены, это отдельная акция, которая ее одновременно возбуждает и освобождает. Она даже делает двойной ход, ибо благодаря всемогуществу ее желания наказание злого гения всегда сопровождается награждением благородного героя. Сама или по подсказке Безанваля (эта мысль могла неожиданно прийти и ей в голову, ибо речь идет о том, чтобы сделать для другого и в то же время для себя самой то, что ей всего приятнее, — удовлетворить самолюбие), она придумала дать в Реймсе аудиенцию самому герцогу де Шуазелю. Она восхищается собственной дерзостью и хвалится своей хитростью в письме к другу детства графу Розенбергу, в том самом письме, которое разгневало Марию Терезию и вызвало возмущение Иосифа II. Марии Антуанетте действительно пришлось получить согласие короля, ибо она знала его предубеждение. «Вам не догадаться, какую ловкость я проявила, чтобы ему не показалось, будто я прошу у него разрешения». Она сделала вид, что ее затрудняет только выбор подходящего дня, и стала серьезно советоваться с королем на этот счет: «Я вела себя так непринужденно, что бедняга сам выбрал для меня самый удобный час». Она ни на минуту не задумалась о том, какую пользу может принести это свидание без перспектив, полученное с помощью обмана и могущее создать у «бедняги» (выражение, больше всего возмутившее Марию Терезию) впечатление, что его обвели вокруг пальца. Это ни на шаг не может приблизить Шуазеля к министерству и скорее удалит его еще больше [2]: что за беда, зато она еще раз выиграла игру. Еще трепеща от своих побед, она могла теперь под громкие крики толпы предаваться благим порывам, о которых мы уже упоминали; и после того,

1 См.: Besenval. Op. cit., t. I, p. 316.

2 Вот сведения, сообщенные Мерси-Аржанто (самые точные и самые надежные), о том, как прошло это свидание: «Герцог де Шуазель не высказал никаких определенных просьб по поводу своих дел, но не преминул напомнить в историческом плане все беды, которые ему пришлось претерпеть, в частности когда его лишили должности генерал-полковника швейцарской гвардии. В шутливом тоне он перечислил все, что могло опорочить нынешнего министра. *Он высмеял, как он умел, людей мантии*, и я заметил впоследствии, что эта часть его беседы оставила след в уме королевы». (Курсив наш. «Correspondance», t. II, p. 357, письмо от 17 июля 1775 г.)

как она упилась мелкими триумфами, ей оставалось воздать себе должное за столь возвышенное представление о своем долге. В это время она еще не дулась на Тюрго, его еще не оговорили перед ней; он всегда казался ей человеком приятным и заслуживающим уважения; к тому же Тюрго — это благо народа, это реформы. «Королева сама сказала г-ну Тюрго в Реймсе, что по возвращении в Версаль хочет поддержать его планы, которые предстоит осуществить». Эта запись аббата Вери сделана 19 июня. Но непосредственно вслед за тем начинает вырисовываться враждебный маневр и приносить свои первые плоды, потому что уже 27 июня Вери говорит о «совсем ином плане действий».

«Видя, что атаки на г-на д'Эгийона не вызывают у г-на де Морепа того отвращения, на которое они рассчитывали, ее (королеву) стали подталкивать к сближению с этим могущественным министром...» «Наиболее заметным результатом влияния (шуазелистов) на королеву было отвращение, которое они внушили ей к г-ну Тюрго, к которому она до тех пор относилась с доверием и уважением. Они, наверное, рассчитывали, что финансовые операции и хлебные дела дадут больше поводов для нападок на него». Разговоры королевы по возвращении из Реймса свидетельствуют об этом влиянии, и сторонники Шуазеля проявили немалую сообразительность, решив лучше напасть на г-на Тюрго, чем на г-на Морепа. Возраст последнего и разговоры об отставке давали им надежду на его скорый уход, тогда как устойчивое положение Тюрго было несовместимо с возвращением Шуазеля» [1].

Однако вторая кампания Безанваля не ставила себе целью рассорить Морепа с Тюрго, хотя уже тогда это было, несомненно, намечено на будущее. В данное время Безанваль имел менее значительную и более конкретную задачу, выдвинутую обстоятельствами.

Он знает, как и все, что герцог де Лаврийер после коронации покинет свой пост. «Хотя он и глуховат, он все же расслышал, как все твердят, что ему пора уходить, а то как бы у него перед носом не захлопнули дверь», — пишет Мария Антуанетта в письме к Розенбергу. Его следовало заменить, и Безанваль остановил свой выбор на Сартине: «Королева нисколько не возражала и согласилась с моим планом». Безанваль даже утверждает, что ему пришлось постараться, чтобы «рассеять некоторые тучи», омрачавшие отношение королевы к этому министру. Хотя последняя подробность находит подтверждение и в других

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 310.

источниках — было время, когда королева, недовольная Сартином, называла его «сладкоречивым лжецом», — весьма вероятно, что Безанваль преувеличивает свою роль, так как королева уже давно подумывала о назначении Сартина министром королевского двора — должность, весьма подходящая для него после пребывания на посту генерал-лейтенанта полиции. Мы знаем со слов Мерси-Аржанто, что Мария Антуанетта уже вынашивала этот проект в период Варфоломеевской ночи министров и осталась ему верна в апреле 1775 г. [1].

Однако Безанваля интересует не сам Сартин и его карьера, а его освобождающийся пост, ибо он хочет, чтоб на место морского министра назначили одного из его друзей — д'Эннери, тоже ставленника Шуазеля, только что вернувшегося в Париж, оставив пост главнокомандующего * Мартиники, а затем Сан-Доминго. Безанваль объяснил королеве еще в Реймсе, что изгнание д'Эгийона — только «первый шаг к власти». Теперь необходимо «создавать министров», на которых она может положиться. Он открыл свои намерения также Шуазелю, и тот его одобрил. Затем он сам поговорил с Сартином, который притворился удивленным и как будто согласился, но без особой охоты: он был очень привязан к морскому ведомству. Безанваль стал искать посредника и обратился к г-ну де Кастри, но тот, хоть и одобрил проект, отклонил эту миссию, сославшись на предстоящее ему путешествие. В это время Безанваль опасался, и не без основания, оппозиции Тюрго и его влияния на Морепа. Поэтому он настаивал на том, чтобы королева послала за Морепа, помирилась с ним и в знак наступившего согласия попросила у него назначения д'Эннери морским министром. Королева обещала, но не спешила — охота сменялась прогулкой, прогулка — спектаклем... и так были потеряны четыре дня. «А Тюр-

1 «Журналь историк» делает разные намеки на обвинения, выдвинутые против Сартина в июне 1774 г., но тот оправдался перед королем. По этому поводу газета отмечает 25 июня (t VI, p. 72): «Неизвестно, удалось ли ему также переубедить королеву, которая, как говорят, называет его сладкоречивым лжецом». Надо думать, что королева быстро изменила свое мнение или не придавала отрицательного оттенка этому прозвищу, если Мерси-Аржанто, сообщая об августовских событиях, писал 28 сентября 1774 г.: «Королева, которая ценит и открыто поддерживает этого министра, пожелала, чтобы его оставили для замены герцога де Лаврийера» («Correspondance», t. II, p. 237), — а 20 апреля 1775 г. сообщал: «Ее Величество торопила короля отстранить герцога Лаврийера и передать его место г-ну Сартину» (Ibid., t. II, p. 323).

* В ту эпоху главнокомандующие были фактическими заместителями генерал-губернаторов в провинциях, так как последние не имели права без специального разрешения короля появляться в своих провинциях. Роль главнокомандующих не ограничивалась одним военным управлением, они энергично вмешивались и в чисто гражданские дела местной администрации. — *Прим. ред.*

го, — по рассказу Безанваля, — не терял времени даром, он выдвинул кандидатуру Мальзерба», и, когда королева поговорила наконец с Морепа [1], тот с невинным видом ответил, что король уже сделал выбор и это дело решенное. Таков рассказ Безанваля, который много позже узнал об осложнениях, возникших в последний час, о чем Вери, получавший сведения от другой стороны, рассказывает подробно.

А дело было действительно не так просто. Тюрго уже давно хочет, чтобы Мальзерб занял столь важный с бюджетной точки зрения пост, надеясь реализовать свои планы экономии. Верженн, Мироменил и даже сам Морепа согласны с ним. Морепа говорит с королем, который соглашается, но несколько неуверенно, ибо он, кажется, уже знает о происках Марии Антуанетты в пользу д'Эннери. Но тут есть еще одна загвоздка: Мальзерб не желает быть министром, он не настолько честолюбив и не находит у себя необходимых способностей — такая двойная аномалия хоть и очень редко, но, как мы видим, все же встречается.

Опыт показывает, что в большой политике не следует насиловать призвание. Скромность, по существу, не является достоинством государственного деятеля.

Сегодня нам довольно трудно представить себе Мальзерба в его реальном, повседневном обличье, потому что блеск его деятельности в магистратуре и на государственном посту, возвышенность его ума и сердца, наконец, благородство, проявленное им в драматических обстоятельствах в конце его жизни *, придают ему в наших глазах особое величие, которому не соответствовали его внешность и отсутствие в практических делах той уверенности, которой он обладал в своих ученых трудах, речах и выступлениях.

В этом образцовом юрисконсульте есть что-то от «доброго малого». Ему дали это прозвище, как когда-то Лафонтену. Он был к тому же человеком тучным, и внешний вид его не соответствовал занимаемому положению. Буасси д'Англа рисует нам его в коричневом костюме с большими карманами, золотыми пуговицами и муслиновыми манжетами, в обсыпанном табаком жабо и круглом, плохо причесанном и криво натянутом пари-

1 По словам Мерси-Аржанто, который в то время еще, по-видимому, не разгадал роли Безанваля, графиня де Бирон, сестра Шуазеля, «внушила королеве те слова, которые Ее Величество высказала» Морепа. Королева всячески избегала встречи с Мерси и Вермоном: «Ее ум был до того возбужден, что мы рисковали вызвать у нее взрыв негодования своими предостережениями». (Mercy-Argenteau. Correspondance, t. II, p. 357, письмо от 17 июля)

* В 1792 г. он выступал защитником Людовика XVI во время суда над ним в Конвенте. В 1794 г. был казнен по обвинению в заговоре против республики. — *Прим. ред.*

ке [1]. Влюбленный в ботанику (он написал критическую статью о Бюффоне), он был завсегдатаем рынка Ботанического сада, где его принимали порой за торговца лекарственными травами, порой за аптекаря. После своей первой отставки он путешествовал по Франции как натуралист-любитель под именем г-на Гийома. У него нет ни капли «президентской спеси, которую именуют достоинством» [2].

В интеллектуальном отношении это тип истинного либерала, немного догматичного, без большого таланта в этой области, но тем не менее опередившего свое время на добрых полвека. Он справедлив, терпим и снисходителен. Назначенный директором книжной торговли, когда уже был президентом Высшего податного суда, он стал добрым гением литераторов. После возвращения парламентов, которого он желал и которому способствовал, пользуясь своим влиянием, он добивался умиротворения, амнистий, дружелюбия и, несмотря на критику как гонимых, так и гонителей, наладил первые связи своей палаты с отколовшимися советниками, униженными и раскаивающимися, которых держали в карантине. Его многочисленные достоинства получили еще большее признание, так как были украшены даром красноречия. Это был человек, всегда желавший единодушия: с теми, кого он искал, и с теми, кто искал контактов с ним.

Таким было и избрание его во Французскую академию за несколько месяцев перед тем. По его словам, он был «увенчан академическими лаврами под своего рода приветственные клики» — никогда там не присутствовало столько женщин, — и произнес свою торжественную речь на «прогрессивную» в ту пору тему о суде общественного мнения. Прошло несколько недель с тех пор, как 6 мая 1775 г. он председательствовал на заседании Высшего податного суда, где были приняты знаменитые представления королю, выражавшие в соответствии с дорогой для него формулой «единодушное желание нации». Эти представления — подлинный, довольно пространный манифест либерализма, можно, пожалуй, даже сказать, демократического либерализма. Они клеймят сверхобложение генеральные откупов, которое приводит к потере государством «множества граждан, ибо часть из них старается обмануть, а другая старается им помешать». Представления проповедуют уважение к свободе личности и протестуют против произвола королевских указов об арестах (lettres de cachet). И наконец, прежде всего они

1 Boissy d'Anglas. Essai sur la vie, les écrits et les opinions de M. de Malesherbes. Paris, 1819—1821.
2 Gaillard. Vie ou Éloge historique de M. de Malesherbes. Paris, 1805.

требуют созыва Генеральных штатов или по меньшей мере провинциальных штатов [1].

Таковы идеи, таков этот человек. И когда Тюрго и Морепа хотят любой ценой ввести его в состав министров, подобный выбор кажется неоспоримым, но... Но... во время совсем недавнего разговора с Мальзербом Буажелен, архиепископ Экса, сказал ему: «Я все больше убеждаюсь, что ни ум, ни добродетели, ни возвышенные идеи не делают человека хорошим правителем, а только твердый характер». И Мальзерб уже тогда ответил: «Вот потому-то я и не буду хорошим министром. У меня совсем не твердый характер». «Что вы говорите, — заметил, смеясь, г-н Блондель, — у вас не твердый характер?» «Нет, уверяю вас, это именно так», — ответил Мальзерб [2].

По-видимому, и тут этот непогрешимый человек тоже не ошибался, и опыт подтверждает его благородные сомнения. «Все ошибаются, настаивал он во время первого трехчасового разговора с Тюрго и Вери, считая его способным занимать место, где надо строго выполнять ежедневные обязанности... он умеет только говорить и выдвигать новые идеи», он может быть хорошим советником, но «не годится для должности, где надо действовать». И так как он так же хорошо понимает психологию других, как и свою, то добавляет, что король в конечном счете будет всегда уступать королеве и что невозможно разумно править страной под руководством этой государыни.

Если бы речь шла только о том, что, получив поддержку Мальзерба, они добьются некоторого преимущества, Тюрго и Морепа могли бы уступить. Но с тех пор, как Морепа поговорил с королевой, дело изменилось. Теперь уже речь шла не о том, чтобы выиграть или не выиграть, а о том, чтобы избежать катастрофы. Вдобавок ко всем своим выдающимся качествам Маль-

1 По словам одного из биографов, близко знавшего Мальзерба, сам он не был сторонником созыва Генеральных штатов (это требование стало как бы стилистическим приемом в парламентской литературе). Однако Гайар не уточняет даты разговора, на который он ссылается. Разумнее предположить, что Мальзерб был близок к позиции Тюрго, выраженной в Проекте муниципальных собраний. (См.: Gaillard. Op. cit.)
2 Разговор продолжался следующим образом:
Блондель: «Однако я видел, как твердо вы стоите на своем, когда ваши убеждения сложились».
Мальзерб: «Но я не уверен, что у меня есть твердые убеждения по поводу трех четвертей всех вопросов».
Конечно, в этих словах есть известная доля рисовки, ибо у Мальзерба, по-видимому, были твердые убеждения, хотя бы по главным проблемам. «Несмотря на эти признания, которые не лишены оснований, я хочу, чтоб он стал министром», — заключает аббат де Вери. (Op. cit., t. I, p. 311.)

зерб обладал еще одним неоценимым достоинством: он не был д'Эннери.

И к тому же Морепа сказал, что это дело решенное, — нельзя же, чтобы его уличили во лжи [1]. Свидание Морепа с королевой состоялось 30 июня перед вечером, и по случайному совпадению Вери отложил до вечера вручение королю письменного отказа предполагаемого министра. Нельзя было признать действительным этот неподанный отказ. В тот же вечер и наутро происходит военный совет между Морепа, Вери и Тюрго. На помощь зовут даже аббата де Вермона. В 10 часов утра Тюрго и Морепа являются к королю и через полчаса получают от него письмо Мальзербу, которое Вери относит адресату с новой порцией увещеваний. На другой день, 2 июля, Вери приносит королю согласие нового министра королевского двора. «Итак, г-н Морепа добивается победы, — замечает Безанваль, — а королева, как выражаются интриганы, получает пощечину».

За эту пощечину королева затаила злобу против Тюрго — против него одного, — а мы знаем, что злоба ее может рассеяться лишь после победы. 19 октября Мерси пишет: «Теперь один только генеральный контролер встречает у королевы холодный прием» [2].

После успеха дела с д'Эгийоном и провала дела с д'Эннери Безанвалю оставалось только начать свою третью кампанию, которая должна была стать решающей и вела к установлению своего рода союза между королевой и Морепа. Но Безанваль как будто немного медлил. Он отправился в Шантлу и по возвращении застал своих друзей в тревоге за него; они говорили о возможном изгнании и боялись каких-либо преследований со стороны министерства. Сам он больше всего опасался Тюрго, который, возможно, собирался его изгнать или хотя бы припугнуть. Но это лишь укрепило его решимость осуществить свой план. К тому же на этот раз он нашел вдохновительницу и союзницу в лице графини де Полиньяк, которая теперь занимала первое место среди фавориток королевы и, будучи племянницей Морепа, тесно связанной с ним, по-видимому, играла роль двойного агента между старым министром и партией Шуазеля [3].

1 Рассказ Вери в этом месте не вполне совпадает с рассказом Безанваля. Вери считает, что г-н Морепа отвечал как человек умный, не желающий брать на себя никаких обязательств... «Однако возможно, что он сказал королеве о назначении Мальзерба и, во всяком случае, скрыл от нее его отказ». «Если бы ответ г-на Мальзерба был положительным, исчезло бы всякое затруднение, так как король согласился предложить ему это место, и оно считалось бы занятым».

2 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 387.

3 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 437, 445.

Графиня де Полиньяк объяснила Безанвалю то, что он уже понял и сам, а именно, что ему следует договориться с Морепа, так как нельзя надеяться поколебать его влияние; и она указала Безанвалю, как важно для него взять на себя это дело сближения. Эти двое придворных встретились и растянули на приличный срок (дней десять—двенадцать, говорит Безанваль) удовольствие вести переговоры, где они могли соперничать в хитрости и притворстве. «Я очень часто приходил к нему после обеда... Я проводил не один час с ним наедине... и прощупывал его со всех сторон, говоря обо всем, что приходило в голову».

Чтобы усыпить подозрительность своего хозяина, Безанваль, по его собственным словам, сначала уверял того, что герцог де Шуазель не питает надежды вернуться. «Он думает, как бы улучшить и украсить свои владения, а не о том, как занять ваше место. До сих пор вы были единственным примером человека, процветавшего в немилости, поверьте, что он является вторым». Но другие высказывания Безанваля вызывают у нас сомнения в искренности этих уверений: Шуазель, говорит он по поводу дела д'Эннери, «очень искусно скрывал жившее в его сердце тайное желание вернуться на свое прежнее место...» Однако на деле многие интриганы из партии Шуазеля уже выпустили из виду первоначальную цель своих происков и интриговали для самих себя, или ради удовольствия, или просто по инерции, и мы вправе задать вопрос: не ведет ли и сам Безанваль, чья привязанность к Шуазелю несомненна, свою игру?

Аббат де Вери был осведомлен об этих переговорах. Впрочем, он говорит лишь о первом свидании. Затем Морепа отправился в Пуншартрен, а сам Вери довольно долго отсутствовал. К тому же, возможно, Морепа не хотел распространяться о своих длительных переговорах, так как его любезность с Безанвалем могла удивить Вери и встревожить его как друга Тюрго. Безанваль, хотя сам он и не вдается в эти подробности, действительно направил тогда свои первые стрелы против генерального контролера. Их было по меньшей мере три: 1) королева приписывает одному Тюрго все пережитые ею неприятности; 2) «безумные системы... уже потрясали королевство». Это значит, что он весьма кстати напомнил Морепа о его сомнениях по поводу свободы хлебной торговли и всколыхнул тяжелые воспоминания о «Мучной войне»; 3) наконец, Тюрго хочет, «чтобы король доверял ему одному». Эта последняя стрела — уже отравленная.

Морепа мог только защищать своего министра, что он и делал, по его словам, во всяком случае на этот раз. Но оказалось, что по неожиданному совпадению как раз в это время между Тюрго и Морепа возникли новые разногласия. Вери еще раз примирил их, быть может не так удачно, как всегда: не помешали ли ему переговоры с Безанвалем? «Я думал, что мне удалось все уладить, но натянутость вернулась... ее корень не был

вырван. Они отправились в Государственный совет, а я — в Шартр».

Вери уехал, но Безанваль остался Когда он счел, что его настойчивость возымела действие, он сказал Морепа, что ему удалось убедить королеву, а королеве сказал, что подготовил Морепа, и каждому из них, что пришло время им договориться Свидание состоялось в сентябре. Вери сообщает о нем более подробно, чем Безанваль Правда, последний знает об этом со слов королевы, а ее рассказы не отличаются точностью, тогда как аббата можно назвать историографом Морепа. Однако оба рассказа в основном совпадают. Король входит как бы случайно во время их разговора Затем следует эпизод неожиданный, а может, и подготовленный королева, вставая с дивана, роняет свой головной убор, «который Морепа, склонившийся, чтобы поцеловать руку королю, успевает подхватить Все это вызвало некую трогательную и веселую суматоху, создало дружеское согласие, которое продолжается и до сих пор», пишет Вери в своем дневнике уже значительно позже, а именно 25 ноября

Третья кампания была выиграна. Роль стратега кончилась прежде, чем он успел дать себе в этом отчет. Безанваль пришел в тот же вечер к Морепа, чтобы насладиться своим успехом и выудить несколько дополнительных подробностей. Он сидел за столом возле него и выжидал . Наконец Морепа согласился рассказать ему то, что тот уже знал, и последнюю подробность: королева скромно удалилась, пока он говорил с королем о делах, тогда как Морепа охотно начал бы подобный разговор при ней, «чтобы приучить короля к беседам втроем, с участием королевы». Не договариваясь, новые союзники в полном согласии сымпровизировали свои выступления на сцене разве они не были созданы, чтобы понимать друг друга? «Г-н Морепа, — заканчивает Безанваль, — не добавил никаких любезностей по моему адресу Когда подали фрукты, он просто поднял бокал сладкого вина «За ваше здоровье, — сказал он, — и в знак признательности»

Морепа и правда может поднять бокал. он настоящий победитель. За несколько последних недель, не принимая активного участия в развернувшихся интригах, он заслужил благосклонность королевы, укрепил дружеское доверие короля, довольного, что он оказался в интимном кругу супружеского и министерского согласия, — и все это лишь ценой высылки в дальние края племянника, на которого ему было просто наплевать. Тюрго же, напротив, вызвал враждебность королевы, еще усилившуюся после дела Монморанси[1], и лишился поддержки Морепа; вслед-

1 См далее, с 368

ствие этой двойной перемены он отдалился от Людовика XVI. Первого июля, в день, когда было послано письмо Мальзербу, король в первый раз высказал неприязненное суждение о Тюрго[1]. И такой ценой генеральный контролер добился лишь сотрудничества превосходного министра, но практически непригодного [для этой должности]. Он остался один, он проигрывает, он уже проиграл. И все это дело рук нескольких эпизодических персонажей, которые, сказав свою реплику или закончив свой выход, покинули сцену. Граф де Гин вернулся в свое посольство в ожидании новой роли, которая не заставила себя ждать. Д'Эннери, метко прозванный Сартином — «этакий хитрый невежда», — вновь отправился на Сан-Доминго, где вскоре умер[2]. Барон де Безанваль потерял великую благосклонность королевы: то ли из-за опрометчивости в любовных делах, как говорит г-жа Кампан, то ли вследствие интриги, сплетенной его ревнивыми соперниками, как предполагал он сам, то ли, что вероятнее всего, из-за встречной интриги Мерси и Вермона, но, так или иначе, он на некоторое время прекращает свою игру[3].

1 «Вы слышали, — сказал он, — только его друзья заслуживают уважения, и только его идеи хороши» Это суждение, переданное нам Вери, было высказано после беседы Тюрго с королем в присутствии Морепа Во время этого разговора Тюрго говорил о кандидатуре Франсэ на пост морского министра Это очень странно, так как комбинация, отстаиваемая Морепа и Тюрго, не предполагала освобождения поста морского министра Напротив, если бы Сартина назначили министром королевского двора, тогда могла быть выдвинута кандидатура Франсэ. Значит, надо заключить, что король и его министры предполагали также возможность отказа Мальзерба

2 Безанваль в другом месте своих мемуаров («Aventures de la société», p. 172 et suiv.) рассказал часть истории, касавшейся д'Эннери

3 По поводу первой причины см.: Mme Campan Op cit, t. I, p 189. По поводу второй см: Besenval Op cit, t. II, p. 10 et suiv Нам кажется, что самоуверенность, проявленная Безанвалем, опровергает домыслы г-жи Кампан или по меньшей мере сделанные ею выводы. После смерти графа Дю Мюи, происшедшей 10 октября, барон затевает новую интригу, в пользу г-на де Кастри; он рассчитывает на благодарность Морепа и, как видно, не сомневается в поддержке королевы. И тут он замечает ее охлаждение, в чем обвиняет трех придворных герцога де Куаньи, шевалье де Люксембурга и герцога де Лозена. Подтверждением третьей версии причины холодности королевы, которую разделяем и мы, служит переписка Мерси-Аржанто, высказавшего намерение действовать против Безанваля и воспользовавшегося поездкой в Фонтенбло, во время которой Безанваль отсутствовал Мерси пишет 19 октября «Барон де Безанваль — один из главных участников вышеупомянутой партии [шуазелистов] Королева по-прежнему благосклонна к нему, и я постараюсь во время нашего путешествия по возможности устранить эту помеху» (Op cit, t II, p. 389) Можно возразить, что письмо это написано после первой неудачи Бензанваля, но Мерси, несомненно, к тому времени уже начал действовать с помощью аббата де Вермона в том направлении, о каком пишет Марии Терезии С другой стороны, Безанваль сообщает, что, когда он рассказал о своем досадном впечатлении графине де Полиньяк, она призналась, что и сама заметила, как изменилось к ней отношение коро-

Однако в 1779 г., когда королева заболела корью, мы видим, что имя барона фигурирует в списке четырех «избранных», получивших привилегию сидеть у кровати королевы в качестве сиделок. Он случайно оказался в Версале, и во дворце подумали, что он ее развлечет [1]. На следующий год он уже снова делал министров [2].

левы. А влияние Мерси было направлено именно против этих двух ее приближенных. В письме от 15 ноября (t. II, p. 397) он пишет: «Я приводил факты, которые нельзя было опровергнуть, я указывал ей, что либо по легкомыслию, либо из желания придать себе весу графиня де Полиньяк, а еще более барон де Безанваль не раз были повинны в своего рода предательстве», ибо они искажали речи королевы и злоупотребляли ее доверием. Мерси думает, что эти правдивые слова, принятые сначала недоверчиво, в конце концов пустили ростки в ее уме: «Я ясно увидел, что ее благосклонность к барону де Безанвалю если и не совсем иссякла, то все же заметно убавилась».

1 «С этой минуты они завладели комнатой королевы и с 7 часов утра до 11 вечера выходили из нее только чтобы поесть. Мы с аббатом Вермоном пользовались этим перерывом на два или три часа, чтобы повидать королеву одну». (Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 305, письмо от 19 апреля 1779 г.)

2 См.: Besenval. Op. cit., t. II, p. 85 (Comment M. de Castries et M. de Ségur sont parvenus au Ministère»).

Глава II Второе дыхание

(От техники управления к великим реформам)

...Что показывает, каких трудов нам стоит удовлетворить публику, даже если мы заботимся о ее счастье.

Métra. *Correspondance*, 30 août 1775

СЛУЖБА ПОЧТОВЫХ СООБЩЕНИЙ И ПЕРЕВОЗОК

Несмотря на трудности, вызванные «Мучной войной», несмотря на ведущиеся против Тюрго интриги, о которых он не мог ничего не знать, несмотря на «всевозможные помехи, повсюду препятствовавшие его деятельности» [1], Тюрго непрерывно продолжал налаживать технику управления и осуществление своих проектов. Не прошло и нескольких дней после его возвращения из Реймса, как он уже довел до конца — о чем мы уже говорили выше — реорганизацию порохового дела, назначив администраторов государственного управления. После чего он немедленно взялся за реформу такого же рода, но большего размаха: организацию государственного управления почтово-пассажирских перевозок.

Мы уже знаем, какое большое значение придавал Тюрго улучшению внутренних путей сообщения, имея в виду политику широкого экономического развития. Налог, предназначенный заменить прежнюю дорожную повинность, должен был позволить провести модернизацию дорожной сети, но это было трудное дело, которое откладывали месяц за месяцем. Вполне естественно, что Тюрго немедленно занялся дилижансами, курсировавшими по этим дорогам. Он изучил проблему с трех точек зрения: финансовых интересов государства, экономической деятельности в целом и, наконец, удобства публики. Со всех точек

1 Письмо к Вери, август 1775 г.

зрения он достиг в этом деле, считавшемся незначительным, полного успеха.

В ту эпоху перевозки производились на основе арендных договоров, но не с генеральными откупщиками, как это было при сборе налогов, а путем целой серии частных аренд [1]. Отсюда проистекала несогласованность расписания, несоответствие тарифов и, главное, крайняя длительность перевозок в тяжелых устаревших колымагах, берлинах или дилижансах. Приходилось тащиться десять дней до Страсбурга — и то они отправлялись лишь раз в неделю, по четвергам, — неделю до Анже (только по пятницам), две недели до Бордо (по средам), а проезд в берлине до Шартра стоил столько же, сколько в карете до Руана.

Фонсен приводит живописный рассказ Раме о путешествии из Парижа в Аррас, которое заняло четверо суток, с ночевками в Пон-Сент-Максенсе, в Руа, Омекуре и в Перонне [2].

При таком положении были возможны три решения, не считая статус-кво. Можно было передать все это дело мощной группе генеральных откупщиков; она стала бы эксплуатировать своих клиентов, но, наверное, улучшила бы перевозки. Можно было установить полную свободу перевозок, и Тюрго, несомненно, предпочел бы двигаться в этом направлении, но прошло бы немало времени, пока появилась бы достаточная сеть частных предприятий, к тому же приходилось считаться с умонастроениями того времени, ибо люди, «никогда не видавшие свободной торговли, испытывали преувеличенный страх перед конкуренцией» [3]. Таким образом, Тюрго пришлось принять третье решение: ввести государственные почтовые перевозки — опыт, который он уже трижды применял. На этот раз государственное управление одержало верх над нормальной системой экономической конкуренции. Но он рассматривал его только как переходную форму, что и было указано в постановлении Совета от 7 августа [4].

Этот опыт был удачно применен в Германии, вот почему Тюрго поручил техническое управление государственными почтовыми перевозками (официально доверенное Дени Берго) некоему Бернару, бывшему ранее генеральным инспектором почт прусского короля [5].

Но юридическое и даже финансовое преобразование — только часть дела и лишь средство обеспечить то, что мы называем сегодня модернизацией, рационализацией, координацией разных служб. Подобно тому как тяжеловесный аппарат бесчисленных контрактов заменили простой формой, так и неуклюжее скопище разнообразных тяжелых и устаревших рыдванов заменили новым типом легких карет, которые публика прозвала «тюрготинами» [1]. Согласно тексту постановления, кареты должны были быть легкими, с хорошими рессорами, а места продаваться за умеренную плату. К тому же — и это, вероятно, главное нововведение — их должны были возить почтовые лошади. Почтмейстерам вменялось в обязанность «давать лошадей без всякого промедления, с быстротой, необходимой для этой службы». Эти кареты имели девять, шесть или четыре места. Они должны были отправляться в точно установленные дни и часы и обслуживать все большие дороги. Почтовые станции находились через каждые два лье. Плата за проезд была немного ниже прежней, а иногда и немного выше, но пассажиры экономили еще на расходах на постоялые дворы [2]. Что же касается скорости, то достаточно указать, что поездка в почтовом экипаже до Бордо, как любил говорить Монбарэ (который дольше всех называл его «тюрготинной»), требовала теперь пять с половиной дней, вместо прежних четырнадцати. В письме от 9 августа 1776 г. г-жа Дюдефан, великая противница Тюрго, получив посылку с фруктами в самом хорошем состоянии, написала, как видно, с насмешкой, но не отрицая факта: «Да, я согласна, что г-н Тюрго был великим министром: наши почтовые перевозки стали проворнее, чем прежде!» [3].

Несмотря на явные достоинства этой реформы, она подверглась сильным нападкам в совете министров, кажется со стороны осторожного Бертена, с которого, по-видимому, окончательно сошел лоск «экономиста», а затем критике публики, подстрекаемой теми частными предпринимателями, интересы которых были задеты. Тюрго оттолкнул от себя также сильную партию частных предпринимателей, занимавшихся перевозками (хотя было решено выплатить им возмещение) [4], которые «вели широкий

1 Эти привилегии обычно включали, кроме права перевозки пассажиров, также право перевозить небольшие грузы — до 50 фунтов весом.
2 Foncin. Op. cit., p. 276. См. «Almanach royal» за 1775 г., цитируемый этим автором.
3 Condorcet. Op. cit., p. 109.
4 См. разные тексты в: Schelle, t. IV, p. 378 et suiv.
5 Этот самый Бернар незадолго перед тем выдвинулся среди экономистов, выпустив брошюру о преимуществах всеобщего кадастра (Metra. Op. cit., t. I, p. 157—158, 9 janvier 1775.) Однако Тюрго не оставил его у себя. («Gazette de Leyde», 29 décembre 1775.) Впоследствии Бернар появился среди людей, окружавших Неккера.

1 Во время опалы Тюрго его недруги в насмешку окрестили так особый вид табакерок, ранее называвшихся «плоскими». (Bachaumont. Op. cit., t. IX, p. 105, 5 mai 1776.)
2 Métra. Op. cit., 5 août 1775 — 30 août 1775.
3 Mme Du Deffand. Correspondance, t. III, p. 236.
4 В архивах Лантейля находятся интересные документы, показывающие, как действовал Тюрго: совершенно корректно, но в то же время твердо, хотя и с иронией по отношению к бывшим концессионерам. Реорганизацию нельзя было провести сразу, и им обычно приходилось в переходный период обслуживать новые перевозки на определенных усло-

образ жизни, давали пышные празднества...», и их подопечных, имевших права или нахлебников — «множество людей, боявшихся лишиться роскошных обедов у г-жи Эрбер, г-на Шантеклер» и т. д. [1]. Среди них находились и придворные, и даже герцог д'Эгийон, который получил в наследство от барона де Бове необычную привилегию: пожизненное право «отправлять любое количество карет, дилижансов, кабриолетов и экипажей между Парижем и местами, где будет находиться король, его семья и его советы» [2].

В то время распевали:

Пускай твоя смешная почта мчится по полям
И увезет тебя ко всем чертям!

До смешного все преувеличивая, кричали, что почта разорит 20 тыс. человек. Но так как подобная критика не может рассчитывать на длительный успех, предпочли адресовать Тюрго смехотворный упрек, будто он мешает людям вовремя посещать церковные службы [3], или другой упрек, который задел некото-

виях. В ответ на их бесконечные возражения и протесты Тюрго предложил им немедленно ликвидировать дела и оплатить их права наличными. Такое решение показалось им, по-видимому, менее выгодным, ибо они взяли назад свои жалобы. (Carton 19.)

1 Métra. Op. cit., t. II, p. 150, 6 septembre 1775.

2 Jobez. Op. cit., p. 312 et citations.

3 Главный упрек высказал аббат Пруайар, автор книги с многозначительным названием «Людовик XVI и его заслуги в борьбе с развращенностью своего века». Прежние предприниматели перевозок были обязаны «давать возможность путешественникам прослушать мессу... реформа перевозок ущемляет права капелланов; путешествующие в «тюрготинах» приучаются обходиться без мессы, как поступает и сам Тюрго». (Schelle, t. IV, p. 381.) Это последнее замечание напоминает нам бытовавший в то время рассказ о разговоре, якобы происшедшем между Людовиком XVI и Морепа. Людовик XVI, которого настраивали против Тюрго и его философских взглядов, якобы сказал о нем Морепа: «Он не ходит к мессе». На что Морепа ответил убедительной репликой: «Сир, аббат Террэ ходил к мессе каждый день». Разумеется, это лишь анекдот (между прочим, у него есть и стихотворная версия), а Людовик XVI, хотя и был искренне верующим и строго соблюдал обряды, отнюдь не был тем, что называется ханжой. См. «Письмо шевалье Тюрго» (Schelle, t. IV, p. 280, от 28 декабря 1775 г.), который считает неправдоподобным такой ответ Морепа, «человека слишком осторожного, чтобы сделать подобное замечание». Оно и в самом деле было бы дерзостью с его стороны. См.: Bachaumont. Op. cit., 17 janvier 1775, и «Journal historique», 16 janvier (две версии в стихах); Métra. Correspondance, t. I, p. 203, 28 février 1775. Этот анекдот вполне мог быть «литературной» версией более правдоподобной сцены, о которой сообщает Вольтер 12 августа 1774 г. (в письме к Кондорсе): «Вы наполнили святой радостью мое сердце, когда рассказали, как король ответил клеветникам, говорившим ему, что Тюрго энциклопедист: «Он порядочный и просвещенный человек, с меня этого довольно»». Вольтер затем с таким же восторгом принимает легенду об аббате Террэ и посещении мессы. (Письмо Кристэну от 9 января 1775 г.)

Во всяком случае, Башомон, чей рассказ предшествует рассказу Метра, говорит о нем как о явной «выдумке».

рых его друзей, будто он занимается слишком второстепенным делом по сравнению с его «известными великими намерениями».

В финансовом отношении Тюрго дал новому государственному управлению перевозками, как и в предыдущих случаях, серьезную и прочную основу. Администраторы-поручители получали 6 тыс. ливров в год и, кроме того, прогрессивные комиссионные, достигающие одного су с ливра, если доход превышал 1500 тыс. ливров. По словам Дюпона, доход равнялся именно этой сумме, соответствовавшей самым оптимистическим предсказаниям. Эта оценка кажется немного завышенной, так как арендный договор, заключенный в 1782 г., предусматривал 1 млн. ливров [1]. Во всяком случае, это чистый доход. Затем, по свидетельству Кондорсе и Дюпона, Тюрго собирался извлечь из этого управления перевозками дополнительную выгоду для увеличения государственных средств, что позволило бы реже прибегать к разорительной помощи банкиров и сборщиков налогов.

Создание государственной службы почтовых перевозок было дополнено назначением Тюрго суперинтендантом почт. Поскольку новое государственное управление основывалось на использовании почтовых станций казенными дилижансами, казалось естественным передать генеральному контролеру, «которому поручался надзор за ведением этого дела... необходимую власть над почтмеистерами». В соответствии с позицией, занятой Тюрго в отношении генеральных откупов, он демонстративно отказался от всех выгод, связанных с этой должностью, которая приносила до 25 тыс. ливров дохода в год за сдачу в аренду почтовых станций, что было «официальной» взяткой. Герцог де Шуазель, занимавший перед тем эту должность, забрал все эти деньги сразу и вперед. Назначение Тюрго произошло 3 сентября, но в бюллетенях того времени о нем упоминается с 26 июля 1775 г.[2].

Однако из имеющихся у нас документов не видно, чтобы Тюрго развил очень большую деятельность в специальном департаменте почтовых станций [3].

1 Necker. Op. cit., t. I, p. 19.

2 См постановление Совета от 3 сентября 1775 г. (Schelle, t. IV, p. 701; Métra. Op. cit., t. II, p. 170, 26 juillet 1775)

3 Единственная инициатива Тюрго в этои области, о которой мы узнаем из напечатанного документа, была осуществлена до его назначения; речь идет о переписке с интендантом Кана, в которой говорится о том, чтобы обязать некоторых почтмеистеров жить в том месте, где находится их станция, а не, как это бывало, в 8, 14 или даже 24 лье от нее, и не поручать обслуживать ее посторонним людям. «В таком случае патент почтмеистера становится только противозаконным правом на привилегии. При таком попустительстве будут брать отдаленные почтовые станции, за 40 или 50 лье, сдавать их в аренду или продавать патент, и не будет больше государственного управления». (Schelle, t. V, p. 126 et 425.)

По-видимому, истинное намерение Тюрго, когда он добивался этого назначения, выходило за пределы официально указанных целей. Благодаря новой должности он намеревался забрать в свои руки службу перлюстрации писем, «черный кабинет» Риголе д'Уаньи, и прекратить его злоупотребления. Многие современники и историки считали, впрочем ошибочно, что он добился своей цели [1]. Нечего было и думать о том, чтобы принудить Людовика XVI отказаться от его любимого развлечения, ни от обычного поставщика подобных развлечений. Отмечают лишь одно постановление Совета от 29 июля 1775 г. по поводу какого-то частного дела, где напоминалось о неприкосновенности частной переписки [2].

И к большому несчастью нового суперинтенданта, грозный д'Уаньи сохранил свое отвратительное маленькое ведомство [3].

Однако этот эпизод, происшедший сразу после июльских перемен в министерстве, послужил причиной недовольства королевы без всякой пользы для Тюрго. Должность суперинтенданта, оставшаяся, к удивлению, свободной после изгнания Шуазеля, казалась весьма привлекательной, и королева именно в это время (как она не подумала об этом раньше!) решила добиться ее для своего фаворита шевалье де Монморанси. Но король сразу принял предложение Тюрго, которое было равнозначно как бы отмене этого поста и давало экономию. «Королева, — говорит Мерси-Аржанто, — была так раздосадована, что, когда генеральный контролер появился перед ней, не произнесла ни слова; но Тюрго в простоте душевной принял это совершенно спокойно и заявил своим друзьям, что он вполне доволен приемом королевы» [4]. Мудрый аббат де Вери — хотя, по-видимому, он не знал о намерениях Марии Антуанетты — отнесся все же очень сдержанно к этой инициативе своего неосторожного друга [5].

1 Таково, в частности, мнение Фонсена (p. 281), который считает Тюрго и Мальзерба вдохновителями постановления от 29 июля, что, однако, ничем не подтверждается, тогда как Сартин, по-видимому, живо интересовался этим делом. Даже сам герцог д'Эгийон думал, что Тюрго, как суперинтендант, вскрывал переписку Гина во время его второго дела. (Письмо от 25 февраля 1776 г., «Bulletin du Bibliophile», 1882, p. 120.)

2 **Métra.** Op. cit., 29 juillet 1775, Schelle, t. V, p. 125.

3 «Непосредственный директор этого коварного заведения стал важной персоной и даже угрожал министрам. Г-н д'Уаньи сохранил свою драгоценную переписку с королем». (Véri. Op. cit.)

4 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 366, note. Депеша от 16 августа 1775 г.

5 Véri. Op. cit., t. I, p. 329. Как до, так и после опалы Тюрго опасался «черного кабинета». Он упрекал Кондорсе за беспечность: «Ваша самая большая ошибка, что вы посылаете письма почтой» (письмо от 17 августа 1774 г., «Correspondance», p. 192). Позже он переписывается с Дюпоном, посылая письма с торговцем скота. (Schelle, t. V, p. 546.) Все свои письма г-же д'Анвиль и другим он отправляет с разными посланцами.

ВЕЛИКИЙ ПРОЕКТ

Однако от Тюрго ждали более значительных реформ, чем реорганизация почтово-пассажирских перевозок. Король находился под влиянием добрых намерений, принятых при коронации; Морепа разделял их и находил, что генеральный контролер медлит с проведением в жизнь своих проектов: «Г-н Тюрго не торопится представить нам свои планы» [1]. Быть может, он был прав: сам аббат Бодо говорит, что Тюрго — «копун», но не из лености, а из-за чрезмерной добросовестности.

По словам Вери, «он слишком торопится огласить намеченные им нововведения... а затем слишком долго копается во всех деталях» [2].

Но скоро найдут, что он слишком спешит.

Действительно, главный проект Тюрго еще не был готов; он никогда не был полностью закончен и, с тем большим основанием, никогда не был проведен в жизнь. Речь идет о его двойном проекте — фискальном и политическом, который (мы это уже видели) возник как неизбежное следствие его лиможских наблюдений и разных работ. Реформа налоговой системы представляется ему необходимой (помимо схоластических и поверхностных доказательств теории физиократов) для развития производительности сельского хозяйства, улучшения положения испольщиков и вообще для экономического роста. Эта налоговая реформа требует установления настоящей муниципальной администрации, способной положить конец глубоко порочной системе сборщиков налогов, отвечавших своим имуществом за недобор (asséeurs-collecteurs). Даже если б у нас не сохранилось никаких документов, мы не могли бы сомневаться, что этот план уже созрел в уме Тюрго, когда он стал генеральным контролером, и что вместе со свободой хлебной торговли он являлся основой всей его программы.

Поэтому вначале нас очень удивляет, что в течение двадцати месяцев генеральный контролер не нашел возможности заинтересовать Совет, высказав ему конкретные предложения, вначале хотя бы в общей форме, как предмет для изучения. Не было за это время и никаких совещаний с интендантами. И наконец, мы не имеем окончательно отработанного текста как результата его труда.

Этому было несколько причин. С одной стороны, как мы уже отмечали, время, удобное для представления проекта и проведе-

1 **Véri.** Op. cit., t. I, p. 339.

2 Ibid., p. 334.

ния его в жизнь в 1776/77 финансовом году, уже прошло, так как документ (brevet), определявший общую сумму тальи и ее раскладку между генеральствами, уже был подписан королем в конце сентября. Поэтому могло казаться более дипломатичным не «разглашать» преждевременно текст, который в течение многих месяцев будет подвергаться нападкам и критике.

Но с другой стороны, Тюрго так и не завершил свою работу, и можно предположить, что он и сам не был уверен в некоторых ее важных деталях, главным образом в вопросе о национальном представительстве. Он хотел прежде получить одобрение короля. Кондорсе объясняет нам его сомнения. От него мы знаем, что «г-н Тюрго разрабатывал этот план задолго до того, как вошел в министерство». Он обдумывал его в целом и изучал во всех деталях. Он начал с того, что предусмотрел «учреждение особых муниципалитетов», а затем «выборных собраний». Первой задачей этих ассамблей была «реформа налогов». Но следовало ли идти дальше? Решить это можно было, лишь откровенно сообщив королю, с каким риском сопряжена подобная операция. «Предупредить короля, что, если он выполнит во всем его объеме этот план до конца, он окажет нации бесконечное благо, но что его нельзя выполнить, не пожертвовав частью королевской власти» [1]. Очевидно, Тюрго нашел, что еще не настал момент для этого решающего разговора [2].

Итак, то, что должно было стать главным делом Тюрго, включающим всю его политическую и половину экономической программы, принадлежит Тюрго — писателю, а не министру, что подтверждает суждение лорда Шелбёрна. И к тому же писатель этот не совсем Тюрго: автором обширной работы, сохранившейся под названием «Мемуар о муниципалитетах», на самом деле является Дюпон, правда писавший по указаниям министра. Дюпон описывает нам методы работы «мастерской» Тюрго и его группы доверенных людей. «Нужны были четкие указания Тюрго, чтобы его друзья и ученики решились разрабатывать тему, о которой они спорили с ним... при нем было четыре-пять человек не его служащих, а его друзей, он поручал им всем отредактировать текст его проектов, сравнивал их работу, а потом все переделывал по-своему». Так как мы имеем только редакцию Дюпона, который внес в текст некоторые поправки, сделанные Тюрго карандашом, мы не можем представить себе, что дало бы нам сопоставление нескольких вариантов и окончательный их синтез. Впоследствии Мирабо попытался присвоить себе авторство этой работы, но был разоблачен и признался, что ее делал сам Тюрго [1].

1 Condorcet. Op. cit., p. 154 et suiv.

2 Сулави опубликовал так называемые «заметки» Людовика XVI, датированные 15 февраля 1788 г., якобы написанные королем на полях мемуара Тюрго о муниципалитетах. (Soulavie. Op. cit., t. III, p. 139 et suiv.) Этот текст не дает нам достаточных доказательств своей подлинности, чтобы его стоило комментировать.

Хотя эта работа не из первых рук и никогда не выходила за рамки чистой теории, нам кажется необходимым остановиться на нескольких ее основных моментах, которые, несомненно, соответствуют тому, что хотел осуществить Тюрго в ту эпоху, если бы ему не помешали обстоятельства. Но мы не должны забывать, что не только для стиля, но и для самих концепций следует допустить некий «коэффициент изменений» Дюпона, и мы находим то тут, то там характерные для него повороты мысли.

На деле под очень скромным названием здесь речь идет о целой конституции. Эта конституция включает в себя зародыш *представительной* формы правления. Кто имеет право быть представленным? Тут мы находим сразу предрассудок физиократов о превосходстве собственников и двойственности политических классов населения. Есть плательщики (собственники), они являются гражданами, и есть наемный класс (все остальные), которые гражданами не являются. Но когда речь идет о собственниках, их тоже надо различать. Собственник в полном смысле слова — это землевладелец: «пока существует его родина», он настоящий *гражданин*. Собственник дома в городе имеет право самое большее на звание *горожанина*! Наконец, нельзя ставить всех собственников на одну доску, иначе можно дойти до нелепости. Итак, критерием служит земельный доход, равный 600 ливрам в год, или 30 сетье зерна, и соответствующий 18 тыс. ливров, или 900 сетье зерна в капитализированной стоимости, но высчитанной внутри каждой общины без добавления других внешних, дополнительных доходов. Исходя из этого, надо отличать *вольного гражданина* или *вольного держателя* от *частичного* гражданина, вынужденного объединяться с другими, чтобы получить один решающий голос в финансовых ассамблеях, которые являются собраниями общин. Для горожан в расчет принималась лишь стоимость самого участка земли, а не построек, и, таким образом, почти все их владельцы были вынуждены оставаться частичными гражданами. По подсчетам Дю-

1 Мирабо, заключенный в то время в Венсенский замок, взял на время у Дюпона этот текст вместе с другими, чтобы с пользой занять свой ум. Он снял с него копию и отдал Калонну, выдав за собственное сочинение, а Дюпону, чтобы разубедить министра, пришлось показать ему копию с пометками Тюрго. Потом Мирабо продал этот документ книготорговцу как текст, написанный Тюрго, но добавил к нему «кучу мусора» из писаний Клавьера и своих собственных. Дюпон не стал раздувать этот инцидент, «ибо г-н Мирабо — человек одаренный и очень горячий, и лучше уж его не раздражать, когда он не прав, и даже тем более когда он не прав..» (Schelle, t. IV, p. 573).

пона, среди всех парижских домовладельцев не насчитывалось более сорока *вольных граждан* [1].

Тюрго, хотя и разделял предрассудок о преимуществе *собственников* [2], не принял, однако, в этом вопросе жесткой системы Дюпона. Он твердо считал, что только собственники были заинтересованы в распределении налогов, но думал предоставить собраниям, помимо фискальных, и некоторые другие функции, в частности в области полиции, и считал, что тут (особенно при выборе людей, обладающих властью) не только собственники должны были иметь право высказаться.

Рассмотрим вкратце пирамиду, образуемую собраниями. Сначала *частичные* граждане собираются на *отдельные* собрания, где они выбирают своих депутатов. Затем идут *приходские* собрания, которые вследствие системы, принятой для частичных граждан, не будут ни многолюдными, ни бурными — всего пять-шесть человек. Муниципальные собрания будут заниматься в основном распределением налогов и дополнительно составлением *общей описи земель* королевства для разработки правильного кадастра в будущем, а также некоторыми мерами в области общественных работ для бедняков и полицией. Само собрание должно иметь разный состав в зависимости от дел, которые оно рассматривает в каждом отдельном случае. Так, дворяне отстраняются от участия в заседании, когда раскладывается личная талья, которую они не платят. Духовные лица удаляются, когда речь идет как о двадцатине, так и о талье, отсюда подразделение на большое, малое и среднее собрания.

Первичные муниципальные собрания — вот база всей пирамиды. Над ними мы видим муниципальное собрание выборного округа, в которое входит по одному депутату от каждого муниципалитета (по два от столицы каждой провинции и четыре от Парижа), «положение» которых определяется количеством голосов представляемого ими прихода. Это собрание также занимается распределением налогов между приходами и выбирает единственного представителя в провинциальное собрание, которое является третьей ступенью.

1 К тому же надо понимать, что при таком цензовом режиме и принимая во внимание, с каким недоверием публика относилась к фискальному ведомству, звание вольного гражданина было способно вызвать опасения и скорее желание его избежать, чем получить. Поэтому Дюпону пришлось придумать хитрый способ, на наш взгляд довольно нелепый, чтобы лишить налогоплательщиков возможности скрывать свои доходы в ущерб их избирательной классификации. Он предусмотрел, что земельные владения можно будет закладывать лишь за три четверти их стоимости, и это, по его мнению, должно было принудить землевладельцев давать правдивые сведения.

2 См. нашу упоминавшуюся выше работу «Les Bases... de la politique économique de Turgot» и письмо Тюрго доктору Прайсу от 22 марта 1778 г. (Schelle, t. V, p. 532 et suiv.)

Таким образом, в провинциальном собрании будет очень мало членов — самое большее 30 человек. «Большие собрания теряют всякий смысл». В нем тоже «положение» участников определяется количеством голосов в представляемых ими низовых округах (это выражение, по-видимому, обозначает, хотя об этом и не говорится прямо, плюральный и пропорциональный вотум). Оно тоже занимается бедняками и общественными работами. Но здесь не обсуждается вопрос о налогах. Следовательно, именно выборный (финансовый) округ является податным округом.

И наконец, Дюпон предусматривает Большой муниципалитет, или Королевский муниципалитет, или Генеральный муниципалитет королевства. «Это будет той связкой, где легко соберутся в руках Вашего Величества все нити из самых отдаленных и самых малых селений Вашего королевства». В Большой муниципалитет войдут по одному депутату от каждого провинциального собрания с двумя помощниками. Один будет замещать его в случае болезни, а другой помогать ему в рабочем кабинете. Министры будут участвовать в его заседаниях и иметь право голоса. Этот муниципалитет будет разделять налоги между провинциями, утверждать крупные расходы на общественные работы и на помощь провинциям, если они будут нуждаться в поддержке из-за каких-либо бедствий или для каких-либо начинаний.

Мы знаем, что Тюрго не остановился на этой последней ступени.

Этой политической конституции сопутствует налоговая реформа, которая была всегда для Тюрго главной целью. Здесь мы наконец видим основные экономические идеи Тюрго, и эти идеи определяют два вида освобождения от налога.

1. *Во время дороговизны не устанавливается нужного соотношения между заработной платой и ценами на продукты питания.* Вследствие этого личная талья и подушная подать будут отменены для людей наемного труда: «сельских поденщиков, которые не имеют земли и ничем не торгуют».

2. Талья с эксплуатации и личная талья, а также дополнительные налоги сольются в вещной талье, которой облагается земельная собственность и которая распределяется между владельцами в точном соответствии с доходами. Это ведет к освобождению арендаторов от тальи с эксплуатации, то есть к *освобождению обработки земли.* «Теперь не *доходы от обработки земли* или движимое имущество, а стоимость самих наследственных владений будет отвечать за выплату налогов».

Итак, если говорить современным языком, реорганизация государственных институтов имела своей главной целью обеспечить проведение экономической политики повышения *покупательной способности и производительности.* А для будущего предусматривала осторожно, ненавязчиво (наоборот, в самом

тексте отмечается, что лица, освобожденные об обложения, будут по-прежнему пользоваться этой привилегией) наступление дня, когда благодаря автоматическому увеличению поступлений будет введен *один единообразный налог на все доходы.*

В этом мемуаре Дюпон не говорит о проекте, который он в своей книге приписывает Тюрго, превратить двадцатины в поземельный налог. Без сомнения, эта реформа должна была стать предметом особого документа.

Напоследок мы отметим еще одну идею — хотя она фигурирует в преамбуле, — тоже принадлежащую самому Тюрго: о духовном и гражданском воспитании молодежи и введении наряду с религиозным образованием «национального государственного образования», с учителем в каждом приходе, который будет учить детей писать, читать, считать, измерять, а также преподавать основы механики; дальнейшее образование молодежь будет получать в коллежах, и все это под руководством *Совета национального образования* [1].

Когда идея провинциальных собраний была позднее осуществлена в виде эксперимента Неккером, Тюрго и его друзья увидели в этом лишь нелепое искажение их проекта. По словам Кондорсе, «мысль провести опыт только в одной провинции показалась г-ну Тюрго просто ребячеством». Друзья Неккера говорят, что «он осуществляет наши проекты». А сам Тюрго замечает: «Это так же похоже на мои идеи организации муниципальных собраний, как ветряная мельница похожа на луну» [2].

Между созданием государственного управления почтовых перевозок — мерой, в незначительности которой упрекали Тюрго, — и муниципальной конституцией, которую сам он считал слишком самонадеянной, у Тюрго остается возможность сосредоточить свои усилия на проведении реформ обычного масштаба, таких, как второй этап освобождения хлебной торговли, отмена дорожной повинности, уже давно назревшая, и реформа цеховой системы, задуманная несколько позже. Эти реформы, с некоторыми другими, мелкими мерами, и составили тот «поезд» эдиктов, который он подготавливает и запускает в начале 1776 г. и который приведет его на грань катастрофы. Но прежде, чем приступить к их изучению, мы хотим сначала рассмотреть, во-первых, разные текущие дела и, во-вторых, эволюцию бюджетной политики.

1 Тюрго предназначал Мальзербу (снова ему!) пост президента этого учреждения Почти аналогичные предложения мы находим в мемуаре Мопу, представленном в 1789 г, а написанном, по некоторым указаниям, еще в 1774 г

2 Письмо Дюпону от 28 июля 1778 г. (Schelle, t V, p 562.)

РАЗНЫЕ ДЕЛА [1]

В самом начале второго периода Тюрго пришлось заняться двумя делами, касающимися персонала, вернее, делами двух людей, и мы видим, как он проявляет нетерпимость и нервозность, противоречащие тем методам, каким он продолжает следовать в чисто технических делах управления. Можно ли уже объяснить это усталостью, разочарованием, ощущением, что вокруг него плетутся интриги? Следует ли видеть в этом первый признак ожесточения? Мы не можем этого утверждать, ибо его реакция может также объясняться в каждом отдельном случае и сопутствующими обстоятельствами.

Первое из этих дел тянулось уже достаточно давно — восемь месяцев, как говорит 27 августа аббат де Вери. Речь шла о «новом назначении» Дюбю де Лоншана, о его существовании и особого рода достоинствах мы уже говорили выше. По-видимому, ему было обещано место еще до прихода Тюрго в министерство, и это доказывает, что упразднение его должности было в принципе решено по просьбе аббата Террэ, хотя и осуществлено Тюрго. Тюрго не был высокого мнения о Лоншане, и у него с трудом вырвали эту уступку, как раз в тот момент, когда он должен был выказать благодарность к Морепа за его твердую поддержку при назначении Мальзерба. «Не вносите в это дело вашу обычную нелюбезность, — сказал де Вери, после чего благоразумно решил посоветовать де Вэну уладить этот вопрос наедине с Морепа. — Идите к нему один, без здесь присутствующего господина, там не нужны угрюмые лица» [2].

В соответствии с законом о контрастах, который мы почти всегда наблюдаем, сравнивая государственного деятеля и его первого помощника, де Вэн был несравненно более сговорчив, чем Тюрго. Эта сговорчивость, которой он был обязан своим состоянием, могла послужить причиной его ошибок и, во всяком случае, делала его более уязвимым. После летнего солнцестояния, наверное, решили, что его можно уязвить и нанести тем

1 Мы не собираемся давать здесь полный обзор всех дел, обсуждавшихся в этот период Некоторые из них были рассмотрены нами ранее вследствие их родства с излагавшимися вопросами или еще будут рассматриваться в следующих главах (хлебная торговля, цехи и бюджет).

2 Véri. Op. cit, t I, p 319, 320, 329 Занимаемый Дюбю де Лоншаном ненужный пост казначея Кассы погашения государственных долгов был упразднен из соображений экономии. (См. выше, часть первая, глава VII) Авторы, упоминающие об этом упразднении, не говорят о «новом назначении». Второй случай касается де Вэна.

самым удар Тюрго, который был неуязвим. Первый пасквиль против де Вэна появился в июле под названием «Письмо профана преподобному аббату Бодо из ученой и возвышенной Свободной Экономистской ложи». Этот бездарный пасквиль упрекал де Вэна (кажется, ошибочно) в том, что он сын лакея, был заключен в Шарантон * и познал разные профессиональные неудачи; но, помимо этих любезностей, его обвиняли и в более конкретных неделикатных поступках: в темных махинациях с доменами в Лотарингии, продвижении своего тестя Сальверта в состав генеральных откупщиков, — говорили и о том, что он сам вошел в долю (четвертая часть) к откупщику Вальрошу, и т. д. Де Вэн был весьма взволнован этим нападением и попытался отбить его, но не прямо, а окольным путем, что было свойственно его характеру, но отнюдь не свидетельствовало о его нечистой совести. Он попытался скупить весь тираж пасквиля за 50 луи; этот маневр, обычный в ту эпоху, закончился столь же неудачно, как и подобный маневр Бомарше: один экземпляр ускользнул в Голландию[1]. В то же время, однако, продолжались поиски. «В книжных магазинах все перевернули вверх дном из-за этой сатиры», — замечает Башомон. Секретарь Д'Аламбера Дю Крок де ла Кур был скомпрометирован и выслан: то ли за участие в махинациях с перекупкой, то ли за то, что хранил тюк с пасквилями. Книготорговец Буржуа просто сбежал[2].

Хотя автор письма постарался не задеть Тюрго («его доверие было обмануто этим хитрецом») — а быть может, именно поэтому, — генеральный контролер болезненно ощутил удар, нанесенный его доверенному лицу. «Говорят, будто г-н Тюрго четыре раза перечитал эту сатиру». Ему было недостаточно сохранить своего сотрудника и защитить его. Он решил добиться для него блестящей компенсации в виде одной из тех милостей двора, которые ему самому по складу характера были чужды (однако эта милость никак не обременяла казну). Речь шла о получении для де Вэна места чтеца королевского кабинета, и Тюрго занялся этим делом с тщательностью и упорством, которые вкладывал во все, за что ни брался. Ему не удалось убедить Сенака де Мейлана, владельца этой должности, сделать де Вэна своим помощником, но ему удалось добиться назначения де Вэна чтецом в королевских покоях, а Мейлан остался чтецом при кабинете, и по этому случаю Тюрго решил написать своему подопечному похвальное письмо, посрамляющее его противников[1]. Из текста этого письма, предназначенного для печати и напечатанного[2], видно, что Тюрго не только солидаризуется со своим первым помощником, но и чувствует, что атака на самом деле была направлена против него. Помимо дружеских чувств, это выступление не лишено некоторой ловкости, и, будь на месте Тюрго кто-нибудь другой, можно было бы заподозрить его в стремлении к саморекламе. «Надо сказать себе самому то, что сказал мне король в день версальского мятежа: „За нас говорит наша чистая совесть, вот почему мы очень сильны"».

Вскоре де Вэн получил еще одну компенсацию; в ноябре 1775 г. ему пожаловали дворянскую грамоту с гербом: «лазурный фон, золотая куропатка на серебряном поле, а на шее у нее серебряный полумесяц и две золотые звездочки». Эта честь была очень кстати, так как в то время распространялся новый пасквиль, написанный в том же духе, но как будто другой рукой: «Письмо г-ну Тюрго от одного из его друзей». Были проведены обыски. На этот раз книготорговец Буржуа был найден и арестован. Затем был также задержан адвокат по имени Блонд как автор второго пасквиля, в чем он и признался, однако отрицал свою причастность к первому и заявил, что действовал только ради блага государства.

Некоторые современники и историки осуждали Тюрго за то, что он пустил в ход эти полицейские меры, а Мальзерба за то, что он вопреки своим великим принципам свободы личности согласился по дружбе выдать два указа об аресте без суда, однако они были очень скоро отменены: парламент рассмотрел дело адвоката, а де Вэн проявил великодушие, — и вскоре об этом деле больше не говорили[3].

Текущие дела в этот второй период, как и в первый, свидетельствуют об обширной компетенции и знаниях генерального

* Дом для умалишенных. — *Прим. ред.*

1 Foncin. Op. cit., p. 599; Schelle, t. V, p. 141; Ségur. Op. cit., p. 312 et suiv.

2 Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 153, et 186 (22 août et 18 septembre 1775); t. VIII, p. 208 (18 oktobre).

1 Métra. Correspondance, p. 142 et 190 (18 septembre); см. также р. 146: «Наказание Завистника — китайская притча, сочиненная де Вэном в ответ его хулителям, в форме апологии».

2 «Все находят письмо г-на Тюрго таким необыкновенным, что спешат снять с него копии. Оно оказывает большую честь последнему [де Вэну], если только не было написано им самим и по недостойному соглашению одобрено и подписано министром, чему невозможно поверить». (Bachaumont. Op. cit., 18 octobre). «Оно получило такую огласку, что вы, наверно, прочитаете его в газетах». (Письмо м-ль де Леспинас к Кондорсе от 24 сентября.) (Schelle, t. IV, p. 306.)

3 Masson. Op. cit. Буржуа пробыл под арестом с 20 ноября до 20 января, а Блонд — всего с 20 по 29 января. Обыск был произведен также у де Ла Шармуа, связанного с неким откупщиком, Жираром де Межаном, секретарем для поручений графа Прованского, чье имя было названо в пасквиле среди других жертв деятельности де Вэна. С этих пор окружение брата короля стало гнездом интриг против Тюрго, и позже из него полетят пасквили, направленные против самого генерального контролера.

контролера и многообразии интересов человека, занимающего этот пост, а также о его трудоспособности; случается, что он диктует до восемнадцати писем в день, и порой очень длинных [1]. Кроме финансовых дел, мы видим, что он занимается вопросами, которые в наше время назвали бы «здравоохранение и население». Лекарство от солитера [2], венерические болезни у детей, спасение утопающих, благотворительные посылки лекарств в провинции (2268 небольших коробок вместо 742) [3] и, наконец, более важная проблема: приобретение королем особых лекарств. Королевский ордонанс от 2 апреля 1776 г. определяет (не считая тех лекарств, которые будут приобретены самим королем) общие правила, которым подчиняется законодательство о фармацевтических товарах и в наши дни: лекарства не должны быть потеряны или изменены, они должны быть ограждены от всякого злоупотребления, и потому необходимо сохранять рецепт их научного изготовления (с некоторыми особыми оговорками в случаях, когда продавец хочет сохранить секрет производства до своей смерти или на определенный срок) [4]. Для Тюрго это новая область деятельности. Иначе обстоит дело с вопросом о нищенстве, которым он уже занимался в пору своего интендантства в Лиможе, и теперь он собирается дать широкое применение выводам, к которым он пришел в тот период [5]. Дома призрения для нищих должны быть сокращены до одного на каждый финансово-податной округ, а потом до пяти для всего королевства [6]. В соответствии с этой централизацией в домах призрения

1 Foncin. Op. cit., p. 416. На основании реестров официальной переписки.

2 Говорили, что Тюрго дал себя обмануть и велел купить для короля лекарство, известное еще со времени Галена [знаменитого врача античности]. Новое или старое, но лекарство помогало. (Métra. Op. cit., 24 septembre 1775.)

3 См.: Schelle, t. V, p. 118—120. Распоряжения, касающиеся медицины, вытекают из более раннего плана и отнюдь не являются инициативой генерального контролера. (Schelle, t. IV, p. 120.)

4 См.: Schelle, t. V, p. 423.

5 Этот вопрос был главным предметом обсуждения на совещании, состоявшемся в октябре в Монтиньи у Трюдена, с участием Мальзерба, Альбера и архиепископа Тулузского Ломени де Бриенна.

Сведения об этом сообщает Вери на основании письма самого Тюрго, и потому они не вызывают сомнения (t. I, p. 363.). Однако удивительно, что подобное совещание не послужило началом их совместной работы. По слухам того времени, на совещании в Монтиньи должны были обсуждать более разнообразные вопросы, такие крупные, как финансовые, военные, способы включения в число провинций, имеющих штаты, области Жекс (Pays de Gex), а также упразднение дорожной повинности и ликвидация нищенства. (Métra Op. cit, t. II, p. 216, 24 octobre.)

6 В Сен-Дени, Туре, Бордо, Бург-ан-Бресе и Шалоне в Шампани; мы знаем об этих указаниях из писем интенданту Кана, но можно предположить, что речь идет об общем распоряжении, о котором были также извещены и другие интенданты (См.: Schelle, t IV, p. 515, et t. V, p. 426.)

для нищих следует держать только опасных субъектов. Те, кто не в состоянии работать и не имеют помощи от родных, могут получать пенсию от 30 до 50 ливров в год, что даст им возможность жить вне домов призрения, и это, несомненно, принесет еще некоторую экономию. Трудоспособные же должны работать; им предложат, главным образом молодым, поступить на девять лет на военную службу, в специальные роты провинциальных рабочих, где они будут получать жалованье от 10 до 12 су в день и участвовать в прибылях ($^1/_5$ чистого продукта). Эта вербовка должна проводиться только на разумных основаниях, с учетом возраста, роста, сложения, «повадок» зачисляемых, и Тюрго до того внимателен ко всем мелочам, что проверяет счета интенданта Кана; с таким же вниманием и беспристрастностью относится он к расторжению договоров, заключенных с содержателями тех домов призрения, которые должны быть упразднены.

Наконец, на основании все той же переписки с интендантом Кана Эсмангаром, Тюрго приписывают заслугу организации первого официального статистического управления, достойного такого названия, и ежегодные подсчеты (états) населения, которые послужили основой для трактата Неккера об администрации финансов, вышедшего в 1784 г.[1] Не следует, однако, чрезмерно преувеличивать заслуги Тюрго, чем грешат его биографы, которые готовы видеть в нем некоего Колумба, открывающего все Америки. Но надо признать, что он обладал даром первооткрывателя. Например, он занимался определением необходимой длины маятника, отмечающего секунды на широте 45°. Эксперимент его был отложен по случайным обстоятельствам. Он едва не стяжал лавров изобретателя метрической системы; его метр, как говорят, был чуть-чуть короче нашего [2].

Много забот и трудов доставляют генеральному контролеру представители животного мира, гораздо больше, чем представители человеческой породы. Это относится не только к кроликам. Постановление от 21 января 1776 г., предписывающее их уничтожение в королевских охотничьих округах, ссылается на текст от 1669 г. и обязано своей сомнительной славой лишь тому, что король сам написал его черновик: «Вы полагаете, что я совсем не работаю?» [3]

1 См.: Schelle, t. V, p. 428.

2 См.: Foncin. Op. cit., p. 285 et suiv. «Если б правление Тюрго продлилось еще 6 месяцев, метрическая система была бы установлена на 30 лет раньше» (Дюпон). См. письмо от 3 октября 1775 г. господам членам Академии наук. (Schelle, t. V, p. 31.)

3 Du Pont. Op. cit., p. 264; Schelle, t. V, p. 424. «Над этим постановлением напрасно насмехались», — говорит Фонсен. Нужно было личное решение короля, ибо кролики жили в его владениях, но они так быстро размножались в его лесах, что стали бедствием для

Но главным образом это относится к поголовью рогатого скота. По забавному совпадению, как и в первый период [министерства Тюрго], возобновление эпизоотии, особенно усилившейся с сентября, и на этот раз на несколько недель предшествует новому приступу подагры у Тюрго, такому же длительному и болезненному, как и первый. «Я понимаю лучше, чем кто-либо другой, — писал Тюрго 6 февраля 1776 г. бордоскому интенданту Клюньи, своему будущему преемнику, страдавшему тем же недугом, — какие страдания причиняет приступ подагры и каким тяжким бременем становится тогда работа» [1].

Итак, мы снова вернулись в область экономики. Меры, принятые во время второго периода, естественно, касаются двух главных вопросов, часто взаимосвязанных: снижения налогов и свободы [торговли].

Что касается снижения налогов, то меры общего порядка были приняты только в незначительных случаях, таких, как расширение практики освобождения от амортизационных сборов, когда речь идет об актах, касающихся уступки десятины [2], и отмена обложения в размере марки с жалованья военнослужащих. Еще интереснее ввиду необычности обстоятельств отметить два частных случая: освобождение от налогов владельцев лесов во Франш-Конте и фискальный устав области Жекс.

Известно, какое важное место занимал солеваренный промысел при старом порядке, — место несоизмеримое с тем, какое он занимает в наше время, ибо мясо, потребляемое в ту пору населением, сохранялось главным образом в виде солонины, так как прокормить скот зимой было трудно. Один из центров этого важного сектора экономики находился издавна во Франш-Конте в Салене, который долгое время был почти суверенной сеньорией.

Приготовление соляного раствора требовало большого количества дров, такого большого, что некоторые солеварни, такие, как Грозон и Лон-ле-Сонье, пришлось закрыть из-за вырубки лесов в их окрестностях. Салену, находившемуся в центре лес-

всех окрестных земель. Людовику XVI, следовательно, пришлось пожертвовать не только частью своей дичи, но и своей охотничьей страстью ради интересов земледелия (p. 413, 414).

1 См.: Foncin. Op. cit., p. 416.

2 См. выше, часть первая, глава V, с. 119. Освобождение от амортизационных сборов на два года отныне становится окончательным. С другой стороны, оно сначала ограничивалось случаями уступки десятины в обмен на десятину с вновь освоенных земель, а теперь распространялось на все договоры. См.: Schelle, t. V, p. 317; Foncin. Op. cit., p. 414.

ного массива, это не грозило, но владельцы лесных земель на расстоянии шести лье вокруг были поставлены в силу старых регламентов в почти рабскую зависимость от солеварен, так как обязаны были снабжать их дровами. Они не раз выступали с жалобами. Подобное же положение существовало на солеварнях в Монморо. В течение нескольких лет разрабатывали обширный проект, в соответствии с которым построили солеварню в Арк-э-Сенане, расположенную на краю большого королевского леса Шо. Туда, к новому предприятию, построенному Леду в особом архитектурном стиле промышленной «утопии», который восхищает нас до сих пор, должен был поступать по каналу маточный раствор из Салена. Впрочем, этот эксперимент, скорей, не оправдал надежд. Тюрго не принимал участия в этом деле, начатом до его прихода в министерство. Он просто принял решение ускорить освобождение частных владельцев леса от бремени и выполнил это до срока, не дожидаясь окончания работ по этому проекту (1 октября 1778 г.). Но освобождение касалось только лесных участков, расположенных на расстоянии *четырех, пяти и шести лье от Салена и Монморо. Это типичное* смешанное мероприятие, дающее одновременно облегчение налогов и свободу для деловой активности. Обвинения некоего дворянина, который не желал, чтобы его лишали права владения землей, и подал жалобу в суд, дали в этот неблагоприятный период новую пищу для кампании нелепых слухов, направленных против Тюрго: «Рассказывали, будто он захватил поместье, уплатив за него большие деньги, чтобы осуществлять там на практике свои новые идеи» [1].

Дело области Жекс было более широкого масштаба. Участие, которое принял в его улаживании Вольтер, и поднятый им шум *придали этому делу широкую и громкую огласку. Жители об*ласти Жекс, которым «старый, чуть живой фернейский отшельник», как он сам себя именовал в письме к Тюрго, хотел обеспечить довольство и счастье [2], стремились избавиться от общей системы косвенных налогов и от контроля генеральных откупщиков. Географическое и пограничное положение этой маленькой области, «вклинившейся между землями Женевы, Швейцарии и Савойи и отделенной от других французских провинций горами Юра», делало ее землей обетованной для контрабандистов и тем самым испытательным объектом для обысков и репрессий. «Чиновники и контрабандисты были в равной степени бедствием для мирных жителей». Среди разных подвигов таможенни-

1 Постановление Совета от 4 марта 1776 г. (Schelle, t. V, p. 314; Foncin. Op. cit., p. 420.)

2 «Вольтеру там принадлежит 60 домов из 80. Он, несомненно, создатель и отец этого края. Он осыпает его благодеяниями». (Bachaumont. Op. cit., 17 janvier 1775.)

ков Вольтер упоминает о новых пеленках, снятых с младенца, оставленного голышом, о задержанных проезжих, вынужденных платить выкуп, о поруганных монахинях и т. д. Уже давно говорили о перенесении фискального контроля на границу области Жекс и о заключении с генеральными откупщиками договора, где были бы обусловлены размеры пошлин на соль и табак. Этим же занимался Трюден. Вольтер не без основания решил, что приход к власти Тюрго и его группы открывает для него новые возможности.

Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как Тюрго приезжал в Ферне по инициативе Д'Аламбера. Неприятный случай с аббатом де Лааж де Бурне [1] не повлиял на их дружбу ни со стороны Вольтера, который не разгадал, кто был переводчиком «Дидоны», ни со стороны Тюрго, хотя похвалы Вольтера и казались ему с тех пор сомнительными. У Вольтера было много друзей из окружения Тюрго: аббат Морелле, который считал себя как бы поверенным в его делах, Дюпон де Немур, де Вэн, к любезному посредничеству которого Вольтер прибегал, чтобы избавиться от услуг почты и таким образом избежать цензуры и почтовых расходов, и от которого к тому же получил портрет Тюрго, снабженный стихами Лагарпа, откуда возник трогательный анекдот о Жане Козере [2]. Был еще Фаржес, интендант финансов, которому Вольтер писал, когда боялся утомить Тюрго разными «мелочами». Кроме того, мы увидим, что при некоторых обстоятельствах он прибегал к услугам специального агента в лице г-жи де Сен-Жюльен, прозванной Бабочкой-философом, которая, хотя и была провинциалкой [3], принадлежала к женскому отряду яростных экономисток, которым Тюрго, по словам Безанваля, был обязан больше всего своей лестной репутацией, во всяком случае, они всегда имели к нему свободный доступ. Тем временем авторитет Вольтера еще более возрос благодаря занятой им позиции в вопросе о хлебной торговле («Маленькая заметка о постановлении Совета») и благодаря поддержке, оказанной им официальной версии сторонников Тюрго относительно причин «Мучной войны» («Diatribe à l'auteur des Éphémérides»).

Чтобы добиться своих целей, он проявляет необыкновенную активность в переписке, то и дело шлет посредников, прибегает к гиперболам: «Сам бог послал мне г-жу де Сен-Жюльен», «г-н

1 Под этим псевдонимом Тюрго послал Вольтеру свой перевод «Дидоны» (Виргилия). Вольтер похвалил его, не читая.

2 Вольтер велел обрамить портрет и повесить его у изголовья своей кровати напротив портрета некоего Жана Козера. «Не потому, что Жан Козер стоит г-на Тюрго, а потому, что он нарисован в возрасте 130 лет». (Письмо Вольтера де Вэну от 18 марта 1775 г. Foncin. Op. cit., p. 171.)

3 Сестра коменданта области Жекс и жена главного сборщика податей в пользу духовенства этой провинции.

де Сюлли—Тюрго», «г-н де Рони—Кольбер»*, — и придумывает весьма утонченные способы, чтобы оказать Тюрго внимание. Например, знаменитый конкурс стрельбы из аркебузы, причем призом победителю была золотая медаль с изображением Тюрго на одной стороне и надписью «Regni tutamen» ** в лавровом венке — на другой. По счастливой случайности приз выиграла г-жа де Сен-Жюльен и «носила медаль на шее», что могло лишь еще более вдохновить ее действия. Наконец, появилась «булла Унигенитус *** г-на Тюрго» вместе с соглашением об уплате 30 тыс. ливров; Вольтер, предлагавший только 20 тыс. [1], нашел, что это дорого, и из принципа продолжал настаивать. Однако договор был встречен населением с большим энтузиазмом. По этому случаю 12 декабря 1775 г. Вольтер отправился в ратушу: «Моя душа приказала телу идти за ней в штаты». Двенадцать драгун Ферне обнажили шпаги в его честь, жители бросали лавровые ветки в его карету и украшали бантами его лошадей, «все ликовали и целый день палили из наших карманных пушек». «Он был очень доволен и не ощущал, что ему уже 82 года» [2].

Однако «генеральные откупщики, эти головорезы», по-своему приняли участие в этом веселье: они ввели усиленный контроль и, затянув со сдачей дел, продлили свои «веселые денечки» до 6 января. В ответ на это дотошный фернейский гений, несмотря на недостаток энтузиазма, не преминул потребовать вычета соответствующей суммы; в то же время он обратил свой неукротимый пыл на благо некоторых контролеров соляных амбаров, которые лишились работы и которых он считал достойными внимания.

Он поднял также проблему, имевшую большое теоретическое значение, и мы снова видим, что его здравый смысл и практиче-

* Вольтер с восторгом встречал все мероприятия Тюрго и очень высоко ценил самого Тюрго, часто сравнивая его то с Сюлли, министром Генриха IV, то с Кольбером, министром Людовика XIV. — *Прим. ред.*

** «Опора королевства» (лат.). — *Прим. ред.*

*** Булла «Унигенитус» — булла папы Климента XI, обнародованная 8 сентября 1713 г., в которой осуждались «заблуждения» ораторианца Кенеля, развивавшего идеи янсенистов. В данном случае с этой буллой сравнивается решение Тюрго, наносившее удар по генеральным откупщикам — *Прим. ред.*

1 Сначала он предложил 15 тыс. ливров. Генеральные откупщики просили 60 тыс., потом 40 тыс. ливров. Вольтер считал, что они никогда не получали больше 7 тыс., несмотря на их лихоимство. Тюрго велел произвести самый тщательный подсчет и пришел к выводу, что они извлекали доход немногим менее, по-видимому, 30 тыс. ливров.

2 Указ от 22 декабря Schelle, t. V, p. 99, и комментарии; см. также очень подробный рассказ в: Foncin. Op. cit., livre II, chap. XVI; livre III, chap. XII. Цитаты взяты из переписки, приводимой этими авторами.

ский ум восстают, как и в «Человеке с сорока экю», против догматизма физиократов. Было решено, что ежегодное возмещение 30 тыс. ливров будет осуществляться за счет обложения недвижимого имущества пропорционально его реальной стоимости, то есть в виде эксперимента будет введен излюбленный Тюрго поземельный налог. Вольтер, напротив, хотел, чтобы штатам Жекса самим предоставили заботу о распределении налогов, с тем чтобы при этой раскладке они могли охватить и доходы с движимого имущества, а именно: от часовой промышленности, развитие которой в этом краю он поощрял. «Все дает земля, это так». Но разве часовщику, который делает часы по 60 луидоров * и зарабатывает 30 тыс. франков в год (чему равен весь налог), «не легче оплатить небольшой налог, чем земледельцу, которому земля дает урожай по три колоска на один»? Он также замечает и подчеркивает, какое громадное значение может иметь для личного успеха Тюрго и для его реформы, ограниченной столь узкими рамками, если в ней увидят опыт (осуществленный пока в одной маленькой провинции), который можно расширить и распространить на другие провинции. «Тюрго благословляли 10 тыс. французов. Они могут превратиться в 20 млн.» Он высчитывает, быть может и не беспристрастно, что 30 тыс. франков для области Жекс составят для целой Франции 300 или 400 млн. Разве нельзя освободить и ее, притом с меньшими затратами? «Наступает золотой век...» Но он остановился у новых фискальных границ маленькой области Жекс.

В докладной записке, написанной по поводу одного частного спора, в правилах, разработанных для внутренних таможен и вывозных пошлин, нашли применение общие принципы снижения налогов и свободы торговли.

Ввозные и вывозные пошлины могут взиматься только на границах страны. «Не существует такой причины, такого предлога, на основании которых можно было бы заставить людей платить пошлину с товаров, уже ввезенных в страну, если в интересах торговли необходимо перевезти их из одной провинции в другую». Таков общий взгляд на дело, скажем прямо — разумный.

Однако исторически сложилось так, что пошлины сеньориального происхождения взимались при въезде в города (в Лионе и Валансе), за провоз по рекам (трет — на Шаранте, трепа — на Лауре), а когда большие ленные владения были присоединены к владениям короны, ничего не пересмотрели и не изменили.

* Луидор — золотая монета в 20 франков. — *Прим. ред.*

Откуда и произошло, напоминает Тюрго, тройное различие: между провинциями пяти больших откупов (внутренними провинциями), так называемыми иностранными провинциями (само название свидетельствует о нелепости этого разделения) и действительно иностранными провинциями * (хотя и на этот раз, естественно, речь идет только о французских провинциях). Отсюда и родилась система специальных разрешений (acquits-à-caution) ** для перевоза товаров из одной провинции в другую. Но и действию самой этой системы, как она ни эмпирична, еще препятствуют некоторые ничем не оправданные пережитки. По своему обыкновению Тюрго, говоря об отдельном затруднении, излагает общий план, не настаивая еще на общей реформе, необходимость которой, однако, как будто вырисовывается с первых же слов. Например, город Лион вследствие сложного переплетения обстоятельств сумел сначала установить, а после отмены восстановить (предоставив государству заем) право взимать особую пошлину с шелка, как отечественного, так и иностранного. Таким образом, все шелка, продававшиеся во Франции, должны были проходить через Лион, где их облагали пошлиной. И потому торговая палата Лилля, ссылаясь на особые постановления для Фландрии, восстала против этой претензии Лиона и потребовала в данном, частном случае для одного из своих граждан возмещения уплаченных им пошлин за два тюка шелка, шедшего из Марселя в Лилль. Тюрго признает правоту лилльского фабриканта и собирается пойти еще дальше, предусмотрев, однако, возмещение для города Лиона [1]. Значение затрону-

* Провинции пяти больших откупов (Иль-де-Франс, Нормандия, Пикардия, Шампань, Бургундия, Брес и Бюже, Бурбоннэ, Берри, Пуату, Онис, Анжу, Мен и Турень) назывались так потому, что когда-то в них взимались пошлины, распределенные между пятью откупами, которые взыскивались при ввозе и вывозе из этих провинций за границу или в «так называемые иностранные провинции» на основе тарифа 1664 г.

«Так называемые чуждые (иностранные) провинции» не были подчинены тарифу 1664 г. и назывались поэтому «чуждыми». Они обладали своими местными пошлинами. К этой группе принадлежали: Дофине, Франш Конте, Прованс, Лангедок, Гиень, Сентонж, Лимузен, Ангумуа, Овернь. Бретань, Фландрия и Эно.

Третью группу составляли провинции «наподобие действительно иностранных» и города, пользовавшиеся порто-франко, которые, сносясь беспошлинно с заграницей, платили пошлину при сношениях с Францией наравне с другими странами. К ним относились: Эльзас, Лотарингия, Три епископства и города Дюнкерк, Лориан, Байонна и Марсель. — *Прим. ред.*

** *Эти разрешения выдавались для беспошлинного провоза товаров из одной провинции в другую при условии уплаты косвенных налогов в месте назначения. — Прим. ред.*

1 Мемуар королю о внутренних таможнях, и о лионской таможне в частности. См: Scheelle, t. V, p. 358. См. *постановление Совета*, отменившее право города Лиона взимать вывозную пошлину с хлеба

тых вопросов намного превосходит масштабы принятого решения. В этом деле теория опять далеко опережает реформу. Теоретик опережает министра. Невольно напрашивается вопрос: было ли так уж необходимо для генерального контролера, обремененного столькими заботами, с таким упорством заниматься юридическим и экономическим просвещением короля, который отнюдь не показал себя прилежным учеником? Надеялся ли он, что его уроки будут усвоены? Скорее, надо думать, он хотел подчеркнуть значение прецедента, чтобы обеспечить себе точки опоры для дальнейшего. «Стоит ли обучать государей, вышедших из детского возраста...»

Что касается внешней торговли, то Тюрго смог наконец упорядочить положение порта Рошфор, которым он уже занимался, будучи интендантом Лиможа. Речь шла о том, чтобы разрешить этому порту вести торговлю непосредственно с колониями вопреки признанной монополии Лориана. Такое же решение было принято для городов Сен-Бриё, Берни и Портриё [1]. Жители этих городов с ликованием отпраздновали эти победы экономического либерализма.

Эти города были географически выгодно расположены, чтобы оценить эту полезную доктрину.

Что касается промышленной и коммерческой свободы, то мы находим у Тюрго целую серию решений разного значения, которые как будто ведут к отмене цеховой системы. В циркуляре от 26 апреля 1775 г. он уже предлагал инспекторам мануфактур в виде подготовительной меры проявлять умеренность в соблюдении регламентов. Тюрго упоминает в нем о «большой работе, которую собирается при первой возможности представить Его Величеству». А пока «временно» предписывает не производить никаких конфискаций имущества, не давать пока хода подобным делам, уже начатым торговыми инспекторами. Роль администрации должна сводиться к тому, чтобы давать инструкции, когда в том бывает нужда, ободрять, утешать... Как видно, после этих первых директив с июня поползли слухи о проекте свободного устава для ремесел, и шесть торговых гильдий, спеша упре-

и других товаров (рэв) и пошлину форен, взимавшуюся с товаров идущих за границу, которые взыскивались этим городом до последнего времени. Причем городские власти сами просили об их отмене, так как они сокращали товарооборот. (Schelle, t. V, p. 99.)

1 Постановление Совета относительно Рошфора было принято 22 декабря 1775 г. (Schelle, t. V, p. 94), относительно Сен-Бриё — 14 марта. (Ibid., p. 369.) В той же главе можно познакомиться с различными частными решениями или начинаниями в области внешней торговли.

дить события, подали мемуар в пользу сохранения существующего положения [1].

Затем мы видим серию мер, касающихся или какого-либо отдельного сектора, или даже частных претензий, но всем им сопутствуют мотивированные заключения, имеющие общее значение.

24 июня постановление Совета утверждает свободу ремесла полировки и шлифовки стальных изделий. Речь идет о том, чтобы стимулировать развитие отечественного мастерства, «в котором иностранные рабочие до сих пор превосходили французских лишь потому, что для них были введены поощрительные меры вместо всегда губительных ограничений».

23 августа были отвергнуты претензии корпорации хирургов Лиона, ссылавшейся на регламент, «который, если он вправду был таким, как о нем говорят, способен был бы уничтожить всякую охоту к соревнованию и оттолкнуть от этой корпорации лучших кандидатов» [2].

И снова Лион. 29 августа тому же купеческому старшине был дан приказ разрешить, несмотря на оппозицию мастеров-смотрителей фабрики, выполнение заказа для Германии — несколько кусков атласа не предусмотренной регламентом ширины с тканым узором из льна. 12 сентября было дано разрешение открыть мастерскую английских шляп.

Либеральные решения были направлены не только против ремесленных корпораций. 16 ноября Тюрго напоминает своему коллеге Сен-Жермену, что «каждый гражданин имеет право заниматься торговлей фуражом»; таким образом, ордонанс интенданта Эльзаса, предоставивший эту привилегию предпринимателю, снабжавшему фуражом кавалерию, «был признан недействительным».

11 декабря Тюрго дает разрешение открыть в Курселе мануфактуру раскрашенных шкатулок вопреки возражениям генеральных откупщиков.

В иных случаях приходится идти против парламента, например руанского. Прежде всего по поводу свободной торговли дровами. В бедственный для Руана период парламент возбудил

1 Циркуляр инспекторам, циркуляр интендантам см.: Schelle, t. V, p. 629. На мемуар торговцев Тюрго ответил, что он не желает быть одновременно судьей и истцом и поэтому намерен просить короля назначить комитет из государственных советников. «Все эти затруднения могут лишь задержать проведение в жизнь его новой идеи». (Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 94, 28 juin 1775.)

2 Спор возник из-за отказа допустить к экзаменам на звание мастера кандидатов, которые обладали необходимыми качествами, но от которых требовали слишком большого залога. Парижский парламент уже вынес временное решение в пользу кандидатов, а Тюрго просто попросил купеческого старшину провести расследование.

дело против поставок дров городу Гавру. Почему потакать одному городу в ущерб другому? — спрашивает Тюрго. «Все подданные короля имеют равное право на его покровительство и на свободное приобретение всего необходимого». (6 февраля.)

Случается также, что сами мастера желают освобождения Так, королевская декларация от 12 января отменяет постановление Совета от 1711 г., требовавшее от нормандских стекольщиков обязательных поставок стекла для столицы в определенном количестве и по установленной цене. В то время квадратные оконные стекла пришли на смену витражам со стеклами в виде ромбов, и в Париже не хватало стекол; руанский парламент воспользовался случаем и предписал такие же обязательные поставки и для своего города. Поэтому он был недоволен восстановлением свободы торговли и оттянул на 43 дня регистрацию этой декларации.

Противник всяких ограничений, Тюрго в соответствии с провозглашенным им принципом благожелательно относится к всевозможным формам поощрения, начиная от субсидий в прямом смысле этого слова (хлопчатобумажной мануфактуре, письмо Пажо де Маршевалю, 30 сентября) до денежного вознагражде ния для фабриканта тика в Эврё (18 июля), приобретения в Германии ткацких станков (указание Флесселю, 12 сентября) вознаграждения фабриканта муслина из Тарара и изобретателя фольги (указания Флесселю, 10 и 16 ноября), не говоря о при данном для дочери изобретателя Ла Салля, которая сама «приня мала участие в его работе». Она была включена в числ «девушек на выданье», выбранных городским советом Лиона по случаю приезда Мадам Клотильды, ставшей принцессой Пьемонтской. Но, верный своей лиможской практике, Тюрго остается весьма сдержанным, когда дело идет о пожаловании дворянских грамот купцам или промышленникам (19 июля письмо Сартину по поводу титула маркиза для Оссума и 17 ав густа письмо Бертену по поводу титула графа для Лотанжа), и отказывается дать звание королевской мануфактуры (письмо Сен-Присту, 31 июля).

Самым значительным решением того времени, помимо тех, что вошли в так называемый «поезд» эдиктов, было решение о свободе винной торговли. Оно не фигурировало в числе эдиктов, и объясняется это тем, что оно должно было быть зарегистрировано не в Парижском парламенте, а во многих провинциальных парламентах. Это решение, утвержденное в апреле 1776 г., было одним из последних мероприятий Тюрго, но отнюдь не самым незначительным; впрочем, он готовил его уже давно[1]. Эта ре-

1 См. переписку, цитируемую Фонсеном. (Foncin. Op. cit., p. 495 et suiv.)

форма была представлена как мера, аналогичная постановлению о хлебной торговле. «Это прекрасное дополнение» [к эдикту о свободе хлебной торговли], — заметил Вольтер.

Если общая идея экономической свободы характерна для обоих случаев, то проблемы, которые они ставят, совершенно различны. Регламентация винной торговли вызывается отнюдь не боязнью недостатка продукта (да он и не кажется таким же серьезным, ведь не бывает винного голода). Она ставит своей целью не защиту верно или неверно понятых интересов потребителей, а защиту интересов производителей. Это не дирижизм в интересах *покупателя*, а дирижизм в интересах *продавца*. Главным центром этой регламентации были города Бордо и Марсель. Первый был самым значительным ввиду широкого развития виноградарства в этой области, и многие другие города следовали его примеру. «Винная полиция»* (как говорили в Бордо, где за ее соблюдением следили присяжные под контролем парламента) прежде всего требует, чтобы в городе не потребляли никаких других вин, кроме вин местного производства: «Владельцы виноградников, расположенных в Бордоском сенешальстве, имеют право запрещать потребление и продажу в городе Бордо всякого вина, кроме местного, изготовленного в сенешальстве». Сверх того, сам владелец может продавать свое вино в розлив, только если он является жителем Бордо и живет в городе со своей семьей не менее шести месяцев в году. Двойная монополия жителей Бордо — владельцев виноградников на производство и на торговлю. Именно этот городской эгоизм, как мы видели, и заклеймили Дюпон и Тюрго.

Но это еще не все. Вина из других южных провинций (Лангедока, Перигора, Аженуа, Керси и т. д.) не только нельзя ни пить, ни продавать в Бордо, но их нельзя даже свободно провозить через город: бочки с вином могут оставаться здесь на складах лишь на самых жестких условиях и на определенный срок. Даже перевозка их по рекам затруднена. Вина из Лангедока не пропускали вниз по Гаронне раньше дня св. Мартина [14 апреля. — *Ред.*] и до 1 декабря их не разрешали продавать! Вина из других провинций нельзя было привозить в Бордо до рождества. Они могли лежать на складах Бордо не дольше чем до 8 сентября [то есть до времени появления вина нового урожая. — *Ред.*], после чего, если они не были проданы, их должны были увозить или перегонять. К тому же эти вина становятся объектом сегрегации: их можно было размещать на складах только в определенной части предместья, в особых погребах (где запрещали держать бордоские вина) и в бочках особой

* Так называли в целом регламенты по винной торговле. — *Прим. ред.*

формы, из менее прочного дерева, с меньшим числом обручей, менее пригодных для длительных перевозок, кроме того, емкость этих бочек была невыгодна для торговли на других рынках.

Эти старинные привилегии, происхождение которых теряется в глубине веков, но которые не раз воскрешали вновь, вызывали протесты городов и провинций, требовавших, чтобы привилегии эти объявили «подложными» и «обманными». Так, в частности, Совет получил жалобу от города Каора.

В то же время Бордо служил примером даже для самих жалобщиков. Города и провинции, гордившиеся уступкой в их пользу права банвена, запрещали ввоз на свою территорию вин из других городов и провинций [1]. Таковы Домм, Бержерак (пытавшийся даже запретить перевозки по Дордони), Белвис в Перигоре, Монпазье, Бадефоль (на основании решения парламента), штаты Беарна (решение которых Совет осудил по жалобе Бигора) и город Вен в провинции Дофине, откровенно ссылавшийся на «плохое качество своего вина», которое нельзя будет продать без запретительных мер против ввозных вин, а также, по-видимому, многие другие.

Совершенно несуразным примером был город Марсель, притязания которого были столь же давними, как и у Бордо. Хотя этот город «не производил необходимого количества вина для нужд своего громадного населения», «винный надзор» самым строгим образом следил за соблюдением запрета на ввоз вина, и возчики, которые осмеливались привезти в город «чужое вино», наказывались кнутом; городские власти пытались даже запретить экипажам входящих в порт кораблей пить вино и пиво из собственных запасов; они должны были покупать марсельское вино, иначе им грозил отказ в выдаче «карантинного свидетельства».

Всесторонне проанализировав это положение, Тюрго в преамбуле постановления излагает аргументацию, которая нам уже известна. Он говорит об интересах потребителей, интересах самих производителей, интересах городов, столь ложно понятых, ибо затрудняется как продажа, так и покупка. А больше всего он говорит об интересах всего государства в целом и экономической экспансии: «На территориях, лишенных привилегий, земледелие приходит в упадок». Необходимы изобилие продукции, прогресс земледелия, прогресс искусства виноделия, оживление торговли, чтобы обеспечить государству «новые богатства». Речь идет о том, чтобы посредством «самого широкого сбыта продуктов земли и промышленности...» добиться *«увеличения доходов, являющегося следствием первого»*. Свобода, экспансия, обогащение.

1 Тюрго с полным основанием замечает, что право банвена не должно вести к таким последствиям. Вначале это было феодальное право, позволявшее сеньору в течение определенного времени продавать в розлив свое вино, не опасаясь конкуренции. Король впоследствии решил установить такое же право к своей выгоде там, где не существовало домениального или сеньориального банвена и где не применялось обложение продажи напитков. Право это имело силу в течение 40 дней, и его стали продавать, причем сеньоры и города пользовались предпочтением и добывали его без труда. Так, некоторые города приобрели это право у Людовика XIV. Но оно касалось лишь торговли в розлив, было ограничено определенным временем и не могло быть продлено на неограниченный срок и затрагивать само потребление. К тому же Тюрго считает, что целью покупки этого права городами было облегчить положение своих граждан, а не создавать для них новое бремя. (См.: Schelle, t. V, p. 375.)

В решении дела о свободе винной торговли Тюрго избежал постоянной недоброжелательности Парижского парламента. Но отношение провинциальных парламентов к эдикту о свободе винной торговли оказалось, естественно, различным. Без всяких затруднений эдикт был зарегистрирован парламентами Тулузы и Дофине и высшим советом Руссильона, другие же приняли его лишь после падения Тюрго, в частности парламент Бордо с некоторыми изменениями, и, по-видимому, кое-что исключили из него [1]. По словам Дюпона, это позволило расширить экспортную торговлю в мирное время до 60 млн.

1 Foncin. Op. cit., p. 501 et la note. Петиция жителей Буска, адресованная Неккеру в 1780 г. и найденная Фонсеном в архивах деп. Жиронда, ссылается на изменение эдикта, разрешенное указом короля. Однако автор неправильно заключает, будто сам эдикт был отменен.

Глава III Крапленые карты

— Вы знаете, что ваш военный министр ни на что не годен, что он погубит вашу армию. Но вы прогоните его лишь тогда, когда все придет в такое расстройство, что уже ничего нельзя будет исправить.

— Черт возьми, пожалуй, вы правы, — ответил он, громко расхохотавшись.

Безанваль.
(Диалог с Морепа) [1]

3 июля 1775 г., на другой день после того, как назначение Мальзерба было в принципе решено (официально оно было объявлено лишь 21), в монастыре августинцев собралась ассамблея духовенства. Председательствовал на ней старый кардинал де Ларош-Эмон, архиепископ Реймский, который только что благословил на царство Людовика XVI и чьей отставки вскорости ожидали. «Уже долгое время он болтает всякий вздор и еще больше вызывает презрение всего общества»[2]. Эта ассамблея, созывавшаяся каждые пять лет, должна была прежде всего утвердить «добровольный дар», то есть форму финансового участия церкви и духовенства со времени договора в Пуасси в государственных расходах. Этот «дар» всегда означал своего рода плату за их привилегии, и, хотя этот взнос был значительно ниже той суммы, какую они платили бы в случае податного *равенства всех сословий*, духовенство очень крепко держалось за выдумку, будто освобождение духовенства от налогов — право, дарованное ему свыше, и потому этот взнос мог быть с его стороны только совершенно добровольным даром.

1 Besenval. Op. cit., t. II, p. 32. В этом разговоре Безанваль ставит на одну доску Сен-Жермена и Тюрго, уже получившего отставку. Он считает, что первый погубит армию, как второй погубил финансы.

2 Véri. Op. cit, t. I, p. 340.

Считалось, что духовенство относится к Тюрго с неприязнью из-за того, что он недостаточно набожен, и из-за его близости с группой философов. Газеты того времени поддерживали это предвзятое суждение. Говорили даже, что это предубеждение распространяется и на Мальзерба вследствие «дружеских уз», связывавших будущего нового министра и генерального контролера. Ходили слухи, что эти два человека подготавливают вместе разные проекты, «задуманные во вред духовенству», и в частности хотят потребовать от него декларации о всех церковных имуществах, как это уже попытался сделать в 1749 г. Машо [1]. Слухи эти были лишены всякого основания. Тюрго был далек от мысли сделать такой опрометчивый шаг. Мы увидим даже, что он до самого конца избегал облагать духовенство налогом, введенным взамен дорожной повинности. Когда духовенство убедилось, что ему нечего опасаться со стороны этого новатора, несмотря на весь его агностицизм, оно стало отзываться о Тюрго самым доброжелательным образом.

11 июля Тюрго предстал перед ассамблеей духовенства вместе с другими «комиссарами короля»: герцогом де Лаврийером, Фейдо де Марвилем, отцом и сыном Ормессонами. Согласно принятому церемониалу, комиссаров встретили перед монастырем посланцы духовенства, затем их привели ко входу в обитель, где их ожидали депутаты ассамблеи, и наконец ввели в храм. Лаврийер возглавляет эту группу и произносит традиционную речь: так королевский министр и председательствующий кардинал могут вместе насладиться последними почестями в их равно длинной и равно посредственной карьере. Два дня спустя, получив второе письмо короля, объясняющее «положение его дел», комиссары возвращаются и переходят к обсуждению практических вопросов. Герцог де Лаврийер просит духовенство сделать дар в размере 16 млн., ссылаясь на экономический довод, явно подсказанный ему Тюрго. Свобода хлебной торговли должна была увеличить доходы землевладельцев, а значит, и доходы церкви, крупного земельного собственника и получателя десятины. Аббат де Вогюэ, инициатор созыва ассамблеи, произнес слова, которые можно было истолковать лишь как хвалебный отзыв о правлении Тюрго: «Государственные финансы *вновь обрели первоначальную силу*, государственный кредит оживает... сокращение расходов... великое дело всеобщего освобождения...» Не кажется ли вам, что вы слышите речи экономиста? Архиепископ Оша, подчеркнув трудное положение духовенства и рост его долгов, высказался, однако, в пользу «добровольного дара».

И 16 млн. франков были утверждены без лишней торговли,

1 См. Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 113 et 129, 11 et 30 juillet 1775.

хотя на предыдущей ассамблее, состоявшейся в 1772 г., говорили лишь о 10 млн. Эти 16 млн. франков превратились, впрочем, в 15,5 млн., так как государство согласилось, что 500 тыс. пойдут в фонд погашения долга [1]. Духовенство должно было добыть эти деньги, сделав заем из 4%. Тюрго составил другой проект, но вынужден был от него отказаться. «Эта ассамблея, — пишет аббат де Вери, — дала королю 16 млн. Она не захотела предоставить заем от имени духовенства, то есть заем под небольшой процент, средства которого предназначались на покрытие расходов казначейства и очень давних долгов королевской казны. Духовенство боялось довериться будущим преемникам Тюрго и короля, и те [Тюрго и король. — *Ред.*] не были этим очень обижены»[2].

Со своей стороны духовенство было довольно министром, хотя он и не посещал мессы: «Ассамблея духовенства не жалуется на г-на Тюрго... Она боялась, что не отделается так дешево». Да и сам министр относился к духовенству довольно бережно, решая в его пользу некоторые незначительные фискальные споры[3]. Привилегированные организации всегда предпочитают пойти на большие жертвы, но сохранить свое привилегированное положение, чем быть вынужденными отказаться хотя бы чуть-чуть от этого положения[4].

Прежде чем разойтись, ассамблея духовенства занялась вопросами религии. Но обстоятельства сложились таким образом, что эта последняя часть ее работы сомкнулась с проблемами экономической политики. Ассамблея решила сделать представления королю по поводу растущего неверия[5]. Архиепископ Тулузский Ломени де Бриенн, «взяв слово, произнес сильную и достойную речь». Этот прелат — не веривший в бога, по словам Людовика XVI, — был избран председателем комиссии по вопросам религии и церковных проповедей. В представлении королю указывалось, в частности, на безнаказанность, какой пользуются безбожные книги. Среди них самой заметной была вольтеровская «Диатриба» («Diatribe...»). В этой брошюре Вольтер высказывается в пользу свободы хлебной торговли, но возлагает на духовенство, кстати вовсе не заслуженно, часть ответственности за хлебные бунты. Лагарп поместил хвалебную статью об этой брошюре в журнале «Меркюр». По жалобе духовенства эта статья была изъята, а пропустивший ее цензор отстранен от должности. Парламент воспользовался случаем, чтобы примкнуть к нападкам церкви. Он приговорил к сожжению работу Вольтера после обвинительной речи Сегье, подчеркнувшей тесный союз между магистратурой и духовенством. Ассамблея выразила свое удовлетворение заместителю прокурора и первому президенту [парламента]. Эти две так долго враждовавшие силы примирились, объединившись против политики Тюрго. Вольтер тут не ошибся: «Никто не стал бы проливать кровь из-за диатрибы... мерзавцы хотели дать щелчок г-ну Тюрго, воспользовавшись носом Лагарпа». «Всякое подобное выступление свидетельствует об упадке», — замечает со своей стороны Вери. «Человек здоровый и полный сил никому не жалуется... Человек ущербный жалуется на все, жалуется всем...»

1 См.: Foncin. Op. cit., p. 299. Мы должны отметить, что этот автор в своей добросовестной работе допускает грубую ошибку, высчитывая реальные расходы. Сумма подлежащих оплате процентов достигала 620 тыс. франков, а погашение долга — 600 тыс. франков, из чего он заключил, что «духовенство выплачивало за десять лет на нужды государства 1200 тыс. франков, то есть 122 тыс. в год». Тогда как 4% годовых на 15,5 млн. составляют 620 тыс. франков в *год*, а не в *десять лет*

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 344 et 381.

3 См. выше, вторая часть, глава II; третья часть, глава II.

4 Мы можем напомнить, с учетом всех необходимых соотношений и оговорок, что в условиях современной фискальной системы акционерные общества всегда предпочитают согласиться на увеличение специального налога на их доходы, чем допустить изменения в правилах определения суммы, подлежащей обложению, и лишение их тех или иных привилегий, вроде освобождения от налога на склады.

4 «Король ответил сдержанно и даже с некоторой иронией, предложив, в частности, епископам, чтобы «*в своих епархиях* они служили примером, способным оживить веру и привить добродетели». (Ségur. Op. cit., p. 261.)

На ассамблее было также внесено предложение, поддержанное всеми ретроградами, разрешить принимать монашеский обет начиная с шестнадцатилетнего возраста.

Для Тюрго решение ассамблеи духовенства окончательно гарантировало обеспечение нужд казначейства, как и предвидел это Террэ. Улучшение государственного кредита продолжалось в течение всего второго периода правления Тюрго.

Именно в области бюджетной политики следовало, естественно, ожидать положительных результатов или по меньшей мере благоприятных симптомов. Назначения Мальзерба министром королевского двора, а затем, в октябре, Сен-Жермена военным министром должны были способствовать в двух крупнейших областях государственных расходов осуществлению «предварительных наметок» министра — распорядителя кредитов. Такова была надежда Тюрго, такова была его основная мысль, такова была вероятность. Но события их не подтвердили. Выбор первого министра обманул надежды, а второго — оказался отвратительным.

Мальзерб начал свое управление при обстоятельствах, мало благоприятствовавших сокращению государственных расходов. Уже в июне месяце «Мадам тетки» Виктория и София, жившие

вместе, решили разъехаться. «Пришлось создать отдельный двор для Мадам Софии, — пишет Мария Антуанетта. — Это еще расход, и мне очень досадно». Письмо это датировано 22 июня, то есть по возвращении с коронации, чем, наверное, объясняется необычное для королевы умонастроение. Речь шла о том, чтобы купить в Со поместье герцога Пантьевра и поселить там Мадам Софию. По этому случаю Тюрго слишком рьяно торговался, как считал этот крупный вельможа, которому приписывают следующее замечание: «Г-н генеральный контролер, я знал, что вы проповедуете свободу, но не думал, что вы готовы ею злоупотреблять». Дело провалилось, и король отдал тетке свой замок в Бельвю [1]. В том же июне месяце пришлось пойти на расходы еще для одного двора — для не родившегося еще ребенка графини д'Артуа. Некий Бурбулон, казначей этой принцессы, желая сорвать хороший куш, представил счет на 350 тыс. ливров. Его заменили, как говорят, по требованию Тюрго, господином Друэ де Сантером, который установил, что двор герцога Бургундского при подобных же обстоятельствах обошелся всего в 130 тыс. ливров. «Счет был изменен по этому образцу» [2].

Главным событием в августе был брак Мадам Клотильды, сестры короля, прославившейся своей дородностью и прозванной «Мадам толстуха», с принцем Пьемонтским. Брачный контракт был подписан 16 августа, бракосочетание состоялось 21 августа. Приданое равнялось одному миллиону [3]. Были еще и непредвиденные расходы, свадебное путешествие, празднества. По некоторым сообщениям, Тюрго (ибо говорят только о нем и никогда не упоминают Мальзерба) удалось в этом случае добиться некоторой экономии: «Празднества были проведены в строгом соответствии с этикетом и без всяких лишних расходов». Всего один банкет, один бал, один спектакль в Версале: пьеса Гибера «Коннетабль Бурбон» тоже как будто прошла под знаком экономии — на этот раз экономии талантов и хорошего вкуса. «Теперь конец всем спектаклям, — пишет Орас Уолпол, к отчаянию леди Мэри Кук, — ибо г-н Тюрго очень экономен». Однако в «Переписке» Метра о празднествах в Шамбери мы читаем: «На свадьбе были сделаны великолепные подарки с той и с другой стороны, и на этот раз были снова растрачены миллио-

1 Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 165, 2 septembre 1775.
2 Ibid., p. 81, 16 juin 1775.

3 Савоец-добряк желает
Получить оплату сполна.
В обмен жену получает.
Право, жирная цена.

(Куплет той эпохи. См.: Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 63.)

ны». Так как король дал своему послу графу де Вири всего 75 тыс. ливров, то посол «добавил к ним по меньшей мере столько же сам» [1].

Но истинные трудности рождала королева. Ее добрые намерения после коронации очень скоро развеялись как дым. Предлогом для ее первой прихоти послужил уход в отставку ее фрейлины графини де Ноай, ставшей женой маршала де Муши, которую она (королева) прозвала «мадам Этикет» и которая, по свидетельству г-жи Кампан, служила постоянной мишенью острот аббата де Вермона [2].

Этот уход дал королеве удобный случай осуществить возникший у нее еще ранее замысел: восстановить должность суперинтенданта (министра) двора королевы и предоставить ее принцессе де Ламбаль. В это время королева внезапно прониклась горячей симпатией к графине Жюли де Полиньяк и, по-видимому, хотела дать своей прежней фаворитке, исключительное положение которой оказалось под угрозой, одновременно вознаграждение и компенсацию. По письмам Мерси видно, что этот проект созрел уже 17 июля и что королева получила, хотя и тайно, согласие короля.

Должность суперинтенданта, отмененная несколько лет назад, была, по свидетельству де Вери, «чисто престижной, дорогостоящей и обременительной из-за ее особых прав». Что до расходов, то сначала речь шла о 70 тыс. ливров, но оказалось, что последней даме, занимавшей этот пост, м-ль де Бурбон, удалось с помощью разных ухищрений увеличить свое жалованье до 150 тыс. ливров (вдвое больше оклада генерального контролера).

Принцесса де Ламбаль, как и ее соперница графиня де Полиньяк, отнюдь не отличалась бескорыстием и не соглашалась ни на снижение своего оклада, ни на ограничение своих прерогатив. Свекор принцессы герцог де Пантьевр не разрешил бы ей никакого умаления ее прав — она высказала все это королеве, черпая поддержку в слезах, а та только и думала, как бы уступить. Нечего сказать, подходящий момент был выбран — «как раз когда правительство было занято сокращением расходов и экономией». И вдобавок к этому расходу следовало прибавить пенсию г-же де Муши: 50 тыс. ливров [3].

1 Métra. Correspondance, 1er septembre 1775.
2 Это решение королева приняла из какого-то ничтожного недовольства, но еще вернее, чтобы выполнить желание маршала де Муши, отмечает Мерси-Аржанто (18 сентября).
3 Аббат де Вермон подготовил вместе с Мерси новый устав для должности министра двора королевы, а именно: отменил несуразное

Морепа, весьма довольный своим примирением с королевой, не мог вступать с ней в конфликт. К тому же весьма возможно, что королева так охотно пошла на примирение как раз для того, чтобы обеспечить успех своему замыслу, с которым она в то время носилась.

Мальзерб же, делавший только первые шаги на министерском поприще, оказался весьма покладистым.

Тюрго, которому и так уже не доверяли, не мог сопротивляться в одиночку — ему пришлось плыть по течению. В дальнейшем его роль в такого рода делах становилась все менее заметной. Мерси сообщает, что королева довольна Мальзербом и Морепа, а Вери отмечает, что Морепа и Мальзерб довольны королевой. Однако общество было далеко не так довольно: опять ему не все сказали. И критиковали именно Тюрго за то, что он «не пресек это возобновление злоупотреблений» [1].

Для нового министра королевского двора жалованье суперинтенданту двора королевы не было отступлением от твердо избранной политической линии, на которое он согласился по зрелом размышлении, из-за весьма веских соображений высокой дипломатии. По своему характеру он был вообще человеком сговорчивым. Он откровенно признался аббату де Вери: «У меня такая натура, что мне очень хочется, чтобы всякий вошедший в мой кабинет оказывался прав». И потому все были очарованы Мальзербом, кроме — надо отдать ему справедливость — его самого. Когда король сказал ему, что его окружает всеобщая доброжелательность, он ответил: «Это доказывает, что я плохо выполняю обязанности, которые мне доверили. Ибо, если бы я выполнял их хорошо, меня окружала бы толпа жалобщиков». В связи с этим разговором, происшедшим в ноябре, мы можем второй раз отметить сдержанное замечание короля по адресу Тюрго. «Это вроде генерального контролера, — сказал мне король, — его никогда не будут любить»[2].

Тем временем Мальзерб велел всем распорядителям кредитов королевского двора представить ему счета их расходов. Но, обсудив их с Морепа, он не нашел в них ничего существенного, заслуживающего осуждения. С течением времени Мальзерб убедился в правильности своего первоначального суждения: он не подходит для этого поста и если требуется провести реформу, то

право, по которому ни один человек при дворе королевы не мог выполнить приказ или поручение, данное непосредственно Ее Величеством, не получив подтверждения министра двора! «Королева одобрила новый устав и собственноручно подписала его». Но после отказа принцессы Ламбаль «новым уставом пренебрегли, как и его составителями, и при дворе продолжался прежний хаос». (Mercy-Argenteau. Op. cit., 13 octobre.)

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 368.

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 373—374.

он не тот человек, кто может это сделать: «Я мог бы подготовить для нее материалы, но глубоко заблуждаются те, кто ждет, что я ее проведу. Я на это не способен в силу своего характера».

По своим склонностям он больше тяготел к юридическим делам своего ведомства; он решил заняться тюрьмами, пересмотреть королевские указы о заточении (lettres de cachet) и лучше обеспечить на будущее свободу личности. Для этой цели он создал судебную комиссию, с которой должны были консультироваться при заключении в тюрьму. Один из его биографов утверждает, будто он освободил тысячи заключенных, но, по знаменитому анекдоту Сенака де Мейлана, это число сократилось до более скромной цифры — двух человек [1]. Самое большое удовлетворение от своего управления Мальзерб получал тогда, когда находил веские причины освободиться от каких-либо из своих обязанностей. Так, он передал в ведение Сен-Жермена офицерский корпус королевского двора (Maison militaire), городским властям Парижа — Оперу, а Академии наук — заботу о пенсиях для ученых [2].

Однако время от времени вспоминали о великом проекте реформы «королевского двора». О нем говорили в сентябре, во время истории с назначением принцессы Ламбаль: «Все говорят, что эти два министра на днях примутся за реформу расходов двора и начнут с кухни, конюшен, где хищения достигли огромных размеров». Об этой реформе снова говорят в январе наряду с военными реформами Сен-Жермена: «Г-н Мальзерб, со своей стороны, наводит ужас на всех прихлебателей королевского двора» [3]. Мальзерб наводит ужас!

Однако перед уходом Мальзерб как будто составил мемуар о реформе королевского двора. Некоторые историки говорят о нем, полагаясь на Сулави, опубликовавшего отрывки из текста, найденного в бумагах Тюильри. Этот документ, подлинность которого недостоверна, во всяком случае, нисколько не похож на проект реформы. Он содержит только общие соображения. Быть может, это лишь наброски для письма об уходе в отставку [4]. Думают, что Мальзерб, по-видимому, рассчитывал на обещание Тюрго самому разработать «Общий план экономиче-

1 По свидетельству Сулави, заняв свой пост, Мальзерб освободил из Бастилии семь заключенных. Если даже согласиться прибавить к этому число тех, о которых говорит Сенак де Мейлан, то все равно в итоге получится всего девять человек.

2 «Gazette de Leyde», 19 et 26 décembre 1775.

3 Métra. Op. cit., 24 septembre 1775; 1er janvier 1776.

4 Сегюр также опубликовал черновик письма об отставке, который обрывается на самом интересном месте, когда Мальзерб собирался изложить истинное положение дел в его ведомстве. (Ségur. Op. cit., p. 330 et suiv.)

ского преобразования». И только его выполнение — после утверждения королем — будет поручено ведомству Мальзерба. «Мне было нетрудно предвидеть, что это выполнение начнется лишь после того, как я уже уйду из министерства!» Во всяком случае, Мальзерб не утруждал себя этим делом и «ожидал его успеха, после того как граф де Сен-Жермен был назначен военным министром». В последнем разделе своего мемуара Мальзерб говорит только о реформах Сен-Жермена, а не о своих, никогда не имевших прочной основы. А теперь нам придется последовать его примеру.

Замена графа Дю Мюи, скончавшегося 20 октября во время операции, не вызвала трудностей, подобных тем, какие возникли при замене герцога Лаврийера. Редко случалось, чтобы замена должностного лица была так легко улажена, и редко она бывала столь неожиданной. Освободившийся пост, естественно, вызвал много притязаний и породил много интриг. В обществе называли имена г-на де Кастри, графа де Брольи, Табуро, барона де Бретёй, затем г-на де Во, герцога де Ларошфуко, г-на де Нарбонна Фрицлара, г-на де Ла Галезьера. «Нет ни одного, самого захудалого генерала или самого ничтожного докладчика Государственного совета, который не носил бы в душе хоть слабой надежды». В то же время ходили слухи, которые не казались неправдоподобными: будто был проект изъять у военного ведомства все дела, касающиеся управления провинциями, а также финансовые дела [1]. Легко себе представить, сколь подобная перспектива могла прельщать Тюрго. На деле он ею не занимался.

Безанваль, узнав о событии, открывавшем такие возможности для его интриг, помчался в Фонтенбло. На почтовой станции Понтьерри он встретил Морепа, стал убеждать его, что необходимо выбрать человека не из судейских, и рекомендовал ему де Кастри, но, как и следовало ожидать, вытянул у него лишь уклончивый ответ. Затем он пустил в ход тот же маневр и с королевой. Сначала общий принцип: не выбирать судейского, — затем доверительный, но точный совет: де Кастри. «Королева, как всегда, согласилась со всеми моими планами». На другой день она отвела его в сторону и сказала на ухо: «Наше дело на мази, у нас будет наверняка не судейский». Ничего больше вытянуть у нее ему не удалось. Это был первый признак охлаждения, затем несколько дней он не мог ее увидеть.

Великий интриган открыл в своей ученице мастера своего дела.

1 Métra. Op. cit., t. II, p. 212, 21 octobre 1775.

Выбор на самом деле был сделан очень быстро. Несомненно, королева уже знала о нем в день второго свидания с Безанвалем, но сохранила секрет. Во всяком случае, 17 октября она сообщила об этом Мерси: «Сначала Морепа поделился со мной своими соображениями, хотя еще не сделал окончательного выбора». Новый союз процветал, и королева была в восторге. «Потом он сообщил мне о выборе, который предложил королю. Это г-н де Сен-Жермен, тот, что оставил службу во Франции ради службы в Дании. Они держат все в строгом секрете, пока не получат от него ответа».

Королева разыграла Безанваля, и, весьма вероятно, Морепа тоже разыграл королеву, делая вид, будто предварительно советуется с ней. Его план был задуман еще до того, как он уехал из Парижа и встретил Безанваля в Понтьерри. Вери приводит нам все подробности этого дела, а известно, что его точность вне сомнений.

«Г-н Дю Мюи умер, когда министр и король были в разных местах. Тюрго приехал из деревни, где тогда находился». «У меня есть мысль, которую вы сочтете нелепой...— сказал он, войдя к Морепа. — Я подумал о г-не Сен-Жермене». «Что же, сударь, если ваши мысли нелепы, то и мои тоже, ведь я собираюсь ехать в Фонтенбло, чтобы предложить его кандидатуру королю».

Согласно тому же рассказу, Тюрго, Морепа и Мальзерб обсуждали втроем этот выбор. Морепа нашел мемуар, посланный ему Сен-Жерменом, который мог лишь укрепить их хорошее мнение о нем. «Королева, к которой Морепа отправился с сообщением, не выразила никакого недовольства, хотя решение и противоречило ее желаниям». Дневник Вери и письмо Марии Антуанетты, таким образом, вполне совпадают.

По весьма правдоподобным сведениям биографа Сен-Жермена, Тюрго получил о последнем очень благоприятный отзыв от их общего друга Блонделя [1], а Мальзерб — от начальника стражи Дюбуа. Неизвестно, кто оказал влияние на Морепа, так как маловероятно, чтобы он раньше потрудился прочитать мемуар своего кандидата. В этом деле Ментору приписывают самые коварные побуждения. Некоторые считают, что он нароч-

1 «Который уже содействовал устройству графа Сен-Жермена на службу Рейнского пфальцграфа и при Австрийском дворе». Дюбуа был его адъютантом. (См.: «Vie du comte de Saint-Germain. Correspondance particulière», liv. I, p. 62.) Кроме того, Дюбуа был завсегдатаем в салоне г-жи Блондель. (Foncin. Op. cit., p 346.)

По словам Башомона (Bachaumont. Op. cit., t. VIII, p. 228, 29 octobre 1775) и Метра (Métra. Op. cit., t. II, p. 222—224, 31 octobre 1775), вмешательство Мальзерба имело решающее значение в выборе Сен-Жермена. Эти соображения не могут опровергнуть рассказ аббата Вери.

но выбрал такого же упрямого реформатора с тайной целью отвратить короля от всяких реформ. Жоржель говорит, что он сознательно поддержал нелепый выбор, чтобы потом свалить ответственность за него на Тюрго[1]. Гораздо проще думать, что Морепа, помимо соображений, определивших решение его коллег, должен был весьма благосклонно отнестись к назначению человека, стоящего особняком и не имеющего «окружения». Такой постоянно была его тактика (в частности, при назначении Верженна, да и самого Тюрго). «Это человек без своей клики и своей партии», — пишет совершенно ясно г-жа Морепа аббату Вери[2].

Одно совершенно несомненно, что Тюрго с согласия Морепа и Мальзерба взял на себя миссию сделать королю надлежащее представление и рекомендовать этот выбор. Позже он ясно напомнил об этом в письме Людовику XVI[3].

Никогда ни один секрет так хорошо не сохранялся. Тюрго, выполнив свою миссию, даже покинул королевский двор. Он отправился в Монтиньи, чтобы созвать там конференцию по вопросам помощи неимущим и благотворительности. Весь двор кипел от нетерпения и, не имея возможности назначать министров, изощрялся в остротах. «Как видно, — говорил граф д'Артуа, — хотят увериться, что у будущего министра нет камня в печени, как у его предшественника, вот почему его так долго зондируют»[4].

Тем временем аббат Дюбуа, брат начальника стражи, отправился в Лаутербах, в Верхнем Эльзасе, к новому Цинциннату, который жил там в отставке, в стесненных обстоятельствах. Он застал его в огороде, с красным шерстяным колпаком на голове; по одной версии, Сен-Жермен сажал овощи[5], а по другой —

1 Тот же автор утверждает, что сам Тюрго рассчитывал легко добиться согласия Сен-Жермена на разделение его министерства и передачу финансовых дел в ведение генерального контролера. Он якобы действительно без труда получил согласие, но Сен-Жермен по настоянию своих служб вскоре взял его обратно, что немедленно вызвало ссору этих двух людей. Как мы уже отмечали, сообщения Жоржеля не заслуживают большого доверия. (См.: G e o r g e l. Mémoires..., t. I, p. 415.)

2 Письмо г-жи Морепа аббату Вери, приведенное им самим. (V é r i. Op. cit., p. 361.) В письме к герцогине д'Эгийон от 25 октября 1775 г., цитируемом Сегюром (S é g u r. Op. cit., p. 267), г-жа Морепа приписывает такую же точку зрения и самому королю: «Он не принадлежит ни к одной партии. Вот одна из причин, почему я его выбрал».

3 В письме от 30 апреля 1776 г. См. далее, глава VII.

4 L a u z u n A. L. Mémoires. Paris, 1858, p. 160, note.

5 Или подрезал деревья. (См. письмо Ривьера принцу Саксонскому от 24 октября.) Согласно тому же рассказу, Сен-Жермен попросил несколько дней отсрочки, чтобы заказать себе новый костюм и купить коляску. Как бы то ни было, он прибыл в Фонтенбло раньше, чем его ожидали.

кормил цыплят. «Значит, двор еще помнит обо мне», — сказал граф и немедля двинулся в дорогу.

26 октября, прибыв в Фонтенбло инкогнито, он никак не мог устроиться в гостиницу из-за наплыва гостей, ожидавших приезда нового военного министра. «Г-н де Морепа и г-н де Мальзерб вскоре прибыли за ним в харчевню»[1].

Его назначение всех удивило, но большинству оно понравилось настолько, что недовольные первое время молчали. Сен-Жермена «приветствовали все военные, за исключением нескольких больших вельмож», — замечает Мария Антуанетта. Тюрго правильно оценил положение, когда писал Вери: «Этот выбор не очень по вкусу военным при дворе, но нравится боевым офицерам, парижскому и провинциальному обществу». В глазах широкой публики сам возраст нового министра, удаленность от двора, его скромность, скудное состояние, расположение к нему товарищей по оружию — все говорило в его пользу. Таинственные и красочные обстоятельства его назначения, запоздалое, но блистательное торжество его не признаваемых ранее достоинств придавали его истории трогательную поучительность рождественской сказки.

Было даже во всем этом что-то еще глубже затронувшее общественное сознание и разбудившее дремавшие в нем чувства национальной гордости и жажды торжества справедливости. Людям хотелось думать, что с начальником такого склада можно будет избежать некоторых невзгод и унижений. Люди скромные, обойденные чином, казалось, получали в его лице удовлетворение за свои неудачи. В его высоком назначении они видели своего рода компенсацию, данную им этой победой, которой сами они не добились, несмотря на их заслуги.

Той порой
Голос твой
Победу предвещал,
Но никто ничего
И слушать не желал[2].

Пресыщенная публика на этот раз увлеклась новым министром. Рассказы об огороде, о харчевне, эпизод с парикмахером, некоторые показные проявления угрюмой благотворительности

1 По словам Ривьера, Сен-Жермен заехал в гостиницу «Олень» на площади Шарбон, где хозяин его не знал и отказал ему в ночлеге, уверяя, что все комнаты заняты приехавшими из Парижа военными: они желают увидеть нового военного министра, прибытия которого ожидают. Тогда Сен-Жермен отправился в харчевню, где его разыскали по приказу Морепа, чтобы поместить в прежней квартире Дю Мюи, где ничего не было приготовлено и куда ему принесли «его ужин из харчевни». (25 октября.)

2 «Довольно заурядная песня старого шансонье Атеньяна о возвышении Сен-Жермена». (См.: M é t r a. Op. cit., t. II, p. 263, 9 décembre 1775.)

сделали из него на время человека модного. «Все кругом стремились его увидеть, с ним познакомиться». Каждый его жест, каждое слово ловили на лету, обсуждали, смаковали и превозносили[1]. Но некоторые энтузиасты все же сохранили каплю скептицизма, что сквозит в словах г-жи де Живрак: «Это великолепный выбор, таким он и должен быть, иначе он мог бы считаться экстравагантным»[2]. За границей прусский король Фридрих II дает о нем благоприятный отзыв: «Я давно знаю этого храброго офицера, он обладает всеми необходимыми достоинствами... и весьма похвальным стремлением к общественному благу»[3]. Мария Терезия и на этот раз проявляет свой здравый ум: «С его странностями он не задерживался ни в одном месте, где служил: ни в Баварии, ни у нас, ни во Франции, ни в Дании». Она подозревает, что другие министры примирились с ним потому, что он не пользуется большим влиянием, а это делает его для них безопасным. Мерси-Аржанто объясняет этот более чем странный выбор голодом на способных людей. «Этот голод здесь силен особенно в военной среде»[4].

Что касается главного заинтересованного лица, то Монбарэ отмечает: «Мне было нетрудно заметить, что он чрезвычайно обрадован своим возвышением, хотя и делает вид, будто его пугает это тяжкое бремя и он жалеет о своей жизни „философа-отшельника"»[5].

Графу де Сен-Жермену Вертамбозу было в то время шестьдесят восемь лет; он происходил из знатной, но бедной семьи из Франш-Конте, был женат на девушке из знаменитого старинного рода д'Остер, но не имевшей земельной собственности; детей у них не было. Его карьера была весьма переменчива. Сначала он учился в школе в Лон-ле-Сонье и собирался стать иезуитом. Он вступил в этот орден и, как говорили, вел несколько месяцев класс риторики. В семпадцать лет он убежал из монастыря из-за своих «неподходящих для монаха склонностей».

Вслед за отцом он служил офицером в ополчении, но убил

1 См.: Besenval. Op. cit., t. II, p. 25. Историю с парикмахером, который всячески расхваливал Сен-Жермену, не зная, с кем он говорит, нового министра, после чего Сен-Жермен назначил его своим камердинером, см. в: Métra. Op. cit., t. II, p. 236—238, 11 novembre 1775; «Vie de Saint-Germain», t. I, p. 66.

2 Приводится в: Moreau. Op. cit., t. II, p. 233.

3 Письмо к Вольтеру от 4 декабря 1775 г. («Œuvres posthumes», t. X, p. 304.)

4 Письмо Марии Терезии от 2 ноября 1775 г. (Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 392) Письмо Мерси-Аржанто от 12 ноября 1775 г.

5 Montbarey. Op. cit., t. II, p. 140.

на дуэли человека и снова бежал. Затем он служил у курфюрста Рейнского — и ушел от него, у императора — и ушел от него, у курфюрста Баварского, ставшего венгерским королем (и германским императором), — и тоже ушел от него. Он вернулся во Францию в 1746 г., участвовал во многих кампаниях, дослужился до генерала, был весьма уважаем, но постоянно препирался и враждовал с высшим командованием. В 1761 г., после целого ряда непонятных осложнений с маршалом де Бель-Илем, он внезапно испугался неизвестно кого и чего и неожиданно укатил в Ахен. Он сам отправил себя в изгнание, которое кое-кто считал дезертирством. Оттуда он продолжал через посредников какие-то сложные переговоры с французским командованием. Затем, также внезапно, он переслал маршалу де Бель-Илю свою красную орденскую ленту — поступок, который был истолкован, быть может напрасно, как дерзость[1]. Потом он поступил на службу Дании как фельдмаршал и военный министр и вскоре ушел; он вернулся обратно, призванный датским министром Струэнсе, и снова ушел в 1772 г.[2]

Он сколотил состояние в 100 тыс. экю, доверил его одному гамбургскому банку и полностью потерял. Его старые соратники — полковники германских войск устроили складчину, чтобы ему помочь. Министр Дю Мюи, узнав об этом, опередил их, и, хотя по своему суровому нраву не был склонен к снисходительности, все же получил согласие короля назначить ему пенсию в 10 тыс. ливров: «Эта сумма даже велика для дезертира». Благодаря этой пенсии Сен-Жермен и смог жить в Лаутербахе, деля свое время между огородом и молитвами, ибо бывший иезуит снова стал благочестивым. Из чувства благодарности он разослал нескольким министрам свой мемуар, который впоследствии сослужил ему хорошую службу, но его трудно заподозрить в каком-либо расчете. Его биограф к тому же утверждает, что Сен-Жермен написал и послал их несколько, что было довольно естественным занятием для человека с его характером и в его положении.

Подобная карьера является своего рода энцефалограммой. Такое количество разрывов — и порой со столь яростным оже-

1 Его друзья утверждали, что он передал эту ленту на случай, если у него ее потребуют, некоему г-ну де Кремий, который неправильно выполнил его поручение; что Сен-Жермен считал некорректным сохранять эту награду в то время, когда он служит за границей. Говорили также, что некоторые интриги, которые плелись вокруг г-жи де Помпадур, ставили себе целью заставить маршала де Бель-Иля и графа де Сен-Жермена взаимно погубить друг друга. (См.: «Vie de Saint-Germain», p. 34 et suiv.; Besenval. Op. cit., t. II, p. 25.)

2 После драматических событий, потрясших этот двор, его упрекали в проявлении симпатии к потерпевшему неудачу делу королевы Каролины и ее любимого министра.

сточением — не может быть объяснено только случайным стечением обстоятельств или постоянными ошибками других. Он непрерывно враждует со всеми своими начальниками, за исключением лишь одного (маршала Морица Саксонского); и «может ли быть, чтобы он всегда был прав, а они всегда виноваты?»[1] Когда его противники, по словам Вери, обвиняют его в «подверженности настроениям и неуживчивости», то такое определение кажется нам недостаточным. Сегодня мы увидели бы характерные признаки склонности к шизофрении, мании преследования, а обстоятельства его смерти как будто подтверждают этот диагноз.

Как же объяснить, что при такой причудливой карьере он пользовался столь долго популярностью? Через пятнадцать лет армия была все еще предана ему всей душой. Сен-Жермен обладал большими личными достоинствами, умом и обаянием; историки спорят о нем и о его деятельности, и, хотя протекло столько лет, мы до сих пор чувствуем притягательную силу этой сложной натуры. Недоверчивый, обидчивый и трудный в общении с вышестоящими, он был, напротив, очень прост в обращении со своими подчиненными. Его биограф, настроенный, однако, весьма критически, показывает нам его в походе, вблизи расположения противника: он приходит после ужина посидеть у костра на аванпостах и остается там, окруженный своими офицерами, до утра, давая им инструкции и «наставляя их в военном деле». Он пользовался авторитетом далеко за пределами частей, находившихся под его командованием. Его «причудливая» карьера не только не принесла ему вреда, но дала такую закалку, которая сослужила ему хорошую службу в жизни. Годы обучения и службы в иностранных войсках в качестве наемника уберегли его не только от дворцовых интриг, но и от необдуманных порывов патриотизма и от стремления к показному личному геройству. Он стал первоклассным военным специалистом. В антитезе Бернарда Шоу — Герой и Солдат — он был воплощением специалиста, воплощением Солдата. И потому, хотя его храбрость никогда не вызывала сомнений, ему не приписывали никаких подвигов. Вот характеризующая его черта: «Он редко скачет галопом». Он берег своих лошадей, как и людей, и был сдержан как начальник. Он старался разузнать расположение войск, разгадать намерения противника. Природа создала его флегматичным, а опыт сделал расчетливым. Части, которыми он командовал, всегда выходили успешно и с честью из самых затруднительных положений. Он достиг вершины своей славы в битве при Росбахе (где он советовал изменить расположение войск), в операции, являющейся лучшей проверкой способностей командира, — в отступлении. Он не только обеспечил отход своих войск, но прикрыл отступление всей армии силами «отдельного корпуса, который выстоял не дрогнув». И потому кадровые офицеры и солдаты, те, кого Тюрго называет «боевыми воинами», считали его своим. Они восхищались в нем теми качествами, которые ценили выше всего. Качествами истинно *профессиональными,* от которых зависит не столько успех, более или менее гадательный, или подвиг, подчас обманчивый, а жизнь людей и сама боеспособность армии. Это был не придворный вояка и тем более не случайный театральный герой, каких было множество в ту эпоху, но настоящий «боевой генерал», отличающийся от большинства своих коллег, которые, по словам Монбарэ, казалось, занимались своим ремеслом больше ради приличия, чем из любви к делу.

1 «Vie de Saint-Germain», p. 120.

В день его назначения министром, который ознаменует последнее разочарование для его покровителя Тюрго и начало резкого падения кривой политики реформ, к которым хотели его приобщить, мы постараемся представить себе последнего героя этой пьесы.

По описаниям, это человек среднего роста, хорошо сложенный, с приятной внешностью и твердой выправкой; волосы и брови у него светлые, глаза серые с голубым отливом, очень живые, рот большой, лицо длинное и довольно бледное. «Голова у него была полна идеями, и выражал он их очень ясно и изящно». Умный и тонкий, он умел нравиться, но случалось, что он нарочно старался быть неприятным. Он владел искусством увлекательно рассказывать самые простые истории, был насмешлив, язвителен и остроумен; его «немного гнусавый голос» придавал особую остроту его анекдотам и сарказмам. Этими разнообразными чертами он напоминал Морепа, но Морепа едкого, склонного к пессимизму, неврастении и мании преследования.

Эта последняя черта побудила сравнивать его с Жан-Жаком Руссо. Но с Морепа его роднило еще особое умонастроение, свойственное людям изгнанным и вновь призванным: он чрезвычайно дорожил своей должностью. После того как он спокойно, не теряя самообладания, провел годы в изгнании, он больше всего боялся снова там оказаться. Проявляя непреклонность всякий раз, когда ничего не угрожало его главному интересу, он был готов тотчас уступить, как только чувствовал хоть малейший риск. Он оказался менее ловким в этой игре, чем Ментор, так как у него был другой характер. Он пасовал перед Морепа, перед королевой и даже перед слабым королем, что противоречило его обычному поведению и постепенно ослабляло его положение, тогда как независимость его бы укрепила. По мнению Монбарэ, Сен-Жермен вошел в министерство на десять лет позже, чем следовало. Прошедшие годы, изгнание, многие испыта-

ния усилили самые неприятные его черты. Однако он сохранил внешнее обаяние и пленил короля Людовика XVI до такой степени, что о нем начали говорить как о будущем преемнике Морепа. Зато он утратил умение вести себя с подчиненными; хотя, быть может, он держался непринужденно только во время походов, с солдатами. В министерстве он высмеивал и открыто издевался над начальниками своих служб и потому получал от них очень небольшую помощь. Сам он работал много, но, не имея системы и поддержки, работал плохо, а его подозрительность создавала постоянные трудности. Он выходил из своего кабинета только в 8 или в 9 часов вечера, горько жаловался на всех своих сотрудников, и прежде всего на тех, с кем только что работал.

Благодаря своему уму он умел ставить проблемы, благодаря своему эгоцентризму он презирал работу своих предшественников и, наконец, благодаря своему пессимизму он видел все в мрачном свете — все это вместе настраивало его на реформы. Но реформатор-пессимист не очень хороший реформатор. В известном диалоге с Шуазелем он сказал: «Сударь, у короля нет армии». «Что же вы с ней сделали?» — насмешливо спросил Шуазель, считавший, что до его ухода армия была. «Когда всё никуда не годится, надо сначала все сломать». По многим совпадающим рассказам, которые кажутся нам в основном верными, хотя порой и недоброжелательными, Сен-Жермен принадлежал к породе «реформаторов-разрушителей», не такой уже редкой, как думают, но не всегда имеющей возможность развернуть свои таланты на таком высоком посту. Он взялся перестроить датскую армию, но то ли из-за отсутствия плана, то ли из-за отсутствия времени ему удалось, как говорили, только упразднить кавалерию и срыть укрепления. Во всяком случае, он был реформатор-путаник. Его подозрительность к своим сотрудникам принуждала его доверяться кому попало, но всегда ненадолго. Он заставлял работать посторонних людей, готовых к услугам, и прожектеров, но только временно и бессистемно. Некоторые из написанных им работ выглядят как мозаика из разных кусков текста, разрозненных и не связанных, а лишь сложенных вместе. Порочен был не только его метод. Самим его взглядам не хватало последовательности. Он не умел расположить в должной связи разнообразные идеи, рожденные его неутомимой мыслью.

Если мы попытаемся сформулировать «доктрину» его управления, далекого от всяких доктрин, мы можем установить следующие три принципа:

1. Что касается военного дела в прямом смысле этого слова, дела, которое он знал по опыту, то он прогрессивен: он старался, создавая дивизии, установить взаимодействие различных видов оружия той эпохи (он показал себя сравнительно более передовым для своего времени, чем французский генеральный штаб накануне войны 1939 г.).

2. Что касается социальной концепции армии, главной проблемой которой было пополнение офицерских кадров, то тут его взгляды одновременно передовые и реакционные. Он был сторонником демократизации армии, но демократизации дворянской. Не имея личного состояния, он относился враждебно к продаже должностей и к назначению на высшие военные посты плутократов. Но сам он, не будучи простолюдином, был противником возвышения простолюдинов. Его симпатии принадлежали бедному дворянству. Это чисто субъективный взгляд, в котором виден перевес эгоцентризма над разумным суждением.

3. Во всем, что касается дисциплины и уставов, он хуже, чем консерватор, — он убежденный пассеист [противник прогресса]. Его тоска по старым временам, как он их себе представлял, его опыт службы в германской армии забавно сочетаются с нелепой набожностью, приводя его к непримиримым взглядам: жестокая дисциплина, смешение церковного и мирского, монашеская концепция военной службы, которая выражается у него в сумасбродных предложениях.

Если подвести итог — он сторонник современной, технически оснащенной армии, возглавляемой рыцарским орденом и состоящей из солдат-монахов.

Противоречивость этих взглядов делает его не реформатором, а, скорее, «перетасовщиком».

При всех своих недостатках он обладает вначале бесценным преимуществом — это человек действия. Он принадлежит к партии, стремящейся к действию, и в глазах публики образует с Тюрго и Мальзербом триумвират, который кажется ей таким же благотворным, каким прежний казался пагубным. Если бы это было так, если бы Сен-Жермен был способен действовать совместно с ними, его сильная личность была бы драгоценным подкреплением для Тюрго. Он мог бы даже изменить движение кривой, дать последний шанс, стать человеком, посланным судьбой. Но он оказался лишь символом этой возможности, а на деле способствовал обратному движению.

Однако его первые шаги. казалось, отвечали всеобщим ожиданиям и способствовали намерениям Тюрго или, во всяком случае, им не противоречили. Его основная идея была весьма разумна для военного министра: он хотел увеличить военную мощь, не увеличивая расходов, при том же бюджете увеличить численность армии, ибо военные департаменты не признают экономии, которая не идет целиком на их нужды. Сен-Жермен наметил как будто вполне разумную цифру дополнительных войск — 40 тыс. человек. Это отмечает и Мария Антуанетта, на

этот раз заинтересовавшаяся серьезным вопросом, а также и лорд Стормонт [1]. Стараясь найти источник для экономии, Сен-Жермен, естественно, остановил свой взгляд на королевских привилегированных войсках (Maison militaire), которые серьезные умы вроде Вери считали пустым престижным расходом, не приносившим никакой реальной пользы и поглощавшим 8 млн.

Однако с известной точки зрения серьезные умы ошибались. Ибо эти парадные отряды были, по существу, самой надежной опорой монархии. Все это ясно увидели в дни «Мучной войны», когда вмешательство серых и черных мушкетеров тотчас восстановило порядок. Одной из слабых сторон старого порядка была незначительность сил охраны порядка. Сам Вери в другом месте замечает: «Семь или восемь сотен человек составляют стражу Парижа, а 3500 кавалеристов конной жандармерии, разбросанных по провинциям, обеспечивают безопасность передвижения по дорогам и улицам для 24 млн. жителей»[2]. Как бы там ни было, Сен-Жермен без колебаний взялся за выполнение своего плана, поскольку речь шла о разрушении. Три ордонанса от 15 декабря 1775 г. упразднили оба отряда мушкетеров — серых и черных — и отряд конных гренадеров. Когда он принялся за жандармов, то встретил сопротивление маршала де Субиза и согласился оставить ему 50 человек. Морепа пользуется случаем, чтобы в свою очередь спасти 50 всадников легкой кавалерии для их командира, своего племянника несчастного герцога д'Эгийона. Когда его за это разбранил де Вери, он свалил вину на короля, а король свалил ее обратно на Морепа. Последние отряды жандармов были расформированы в 1787 г., к большому удовольствию королевы, которой «не нравилось, что красные мундиры разгуливают в версальской галерее»[3]. Наконец, Сен-Жермен урезал на одну четверть личную охрану и швейцарскую гвардию. Примерно в то же время (12 декабря) он провел реформу совсем другого рода, которую, по словам Дюпона, ему рекомендовал Тюрго, написавший к этому ордонансу преамбулу. Речь шла об отмене смертной казни за дезертирство внутри страны. В то же время была проведена амнистия ранее приговоренных. Ордонансом от того же дня была учреждена каторга для военных преступников, которые должны были работать «на тяжелых и опасных работах». И наконец, 15 декабря вышел ордонанс, упраздняющий провинциальные полки.

План Сен-Жермена, состоявший скорее в перераспределении расходов, чем в экономии, не противоречил общим целям Тюрго,

1 Письмо Марии Антуанетты от 15 декабря 1775 г. (См.: Mercy. Op. cit., t. II, p. 404.) Письмо Стормонта от 1 января 1776 г. цитируется в: Dakin. Op. cit., chap. XIV, note 91.
2 Véri. Op. cit., t. I, p. 83.
3 Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 161.

как мы их изложили выше. Генеральный контролер упрекал французскую армию в том, что, располагая равными силами с другими армиями, она обходится значительно дороже. Это была умелая тактическая позиция. Но Тюрго не мог ожидать большой пользы для своей бюджетной политики от простого перенесения расходов из одной статьи в другую. По-видимому, в эти первые недели дружеского согласия он пробовал добиться от своего коллеги некоторого сокращения расходов в чистом виде. По словам Дюпона, он послал ему по этому поводу два мемуара. Один — о возможности немедленно провести экономию в размере 2 млн. Другой — о проведении реформ, которые через год дадут 15 млн. экономии. Эти документы не были найдены. По словам того же Дюпона, Тюрго давал точные практические советы: реже перебрасывать гарнизоны с места на место, упразднить пустующие укрепленные замки и крепости, реорганизовать Эколь милитер (Военную школу) и Дом инвалидов и постепенно упразднить бесполезные и разорительные должности генерал-губернаторов провинций [1]. Наконец, Тюрго и Сен-Жермен договорились об улучшении солдатского хлеба, по совету Пармантье. Это было последнее проявление их доброго согласия.

Первая «стычка» произошла по поводу денег на обзаведение для военного министра. Сен-Жермен попросил 344 тыс. ливров на меблировку квартиры. Тюрго попытался мягко указать ему, что эта сумма чрезмерно велика. Дю Мюи удовольствовался 100 тыс. ливров, Миромениль — 120 тыс., Мальзерб примерно такой же суммой, Тюрго сам истратил 80 или 90 тыс. ливров, которые взял из собственных средств. Кроме того, жалованье Сен-Жермена было на 250 тыс. ливров выше жалованья других министров. Сен-Жермен, каким мы его уже знаем, не мог принять без обиды такое замечание Тюрго. «С этого времени все окружение этого министра, а быть может, и он сам, смотревший на казну короля глазами захватчика, затаили в душе глухое раздражение». «Этого никак не ожидали от такого удалившегося от дел философа», — заключает Вери[2]. Этот пример, как

1 См.: Du Pont. Op. cit., p. 122; Foncin. Op. cit., p. 351. Эти работы начались в конце октября, до падения Тюрго. Что касается Эколь милитер и Дома инвалидов, то мало вероятно, чтобы планы Тюрго совпали с теми мерами, которые собирался предпринять Сен-Жермен. На этот счет у него были, как мы увидим дальше, свои очень старые и вполне сложившиеся взгляды. Наконец, можно еще отметить, что примерно в это время Тюрго оказал дружескую услугу военному ведомству, отменив право взимать плату за амортизацию казарм (сданных внаем в нотариальном порядке) в те периоды, когда они пустовали. (Foncin. Op. cit., p. 352, 22 novembre.)
2 Véri. Op. cit., t. I, p. 458—459. Биографы Сен-Жермена сообщают, что король дал ему 100 тыс. экю. Однако они не указывают, была ли ему дана эта сумма сверх денег на обзаведение.

и пример Морепа, ясно показывает, что изгнанные философы, едва вернувшись из изгнания, тотчас забывают о своей философии.

Наверное, Сен-Жермен встречал также с раздражением мемуары Тюрго, которые, казалось, поучали его, как вести его собственные дела. Две служебные записки генерального контролера по вопросу фуражного довольствия от 16 ноября и 18 декабря, особенно вторая, тоже могли рассердить военного министра, так легко выходившего из себя.

После нескольких соображений, касавшихся бюджетной практики, Тюрго сделал следующее заключение: «Разве мы оба с вами не стремимся избежать старых, туманных и запутанных форм, которые без всякой пользы лишь затрудняют счетоводство? Мне, право, не терпится поговорить об этом с вами» [1].

Буря разразилась немного позже, после обмена письмами по поводу мемуара о продовольственных запасах, посланного Тюрго, но не дошедшего до нас. Сен-Жермен ответил ему грубостью: «Ваше доверенное лицо считает меня либо тупицей, либо жуликом. Я знаю, сударь, что вас настраивают против всего, что я делаю». Тюрго уверял его в своих добрых намерениях [2], но безуспешно: он уже был не в силах его убедить.

С начала 1776 г. то ли потому, что отношения между ними были уже сильно натянуты, то ли потому, что Тюрго был сам слишком занят своими проектами, но в деятельности Сен-Жермена никак не ощущается влияния генерального контролера. Напротив, вскоре находится новый повод для конфликта. Сен-Жермен прежде всего взялся за реформу Военной школы, что означало для него разрушить ее до основания. Он решил продать здания школы. Таким образом, он задумал осуществить свое давнишнее стремление, высказанное им еще в переписке 1753 г., — поместить Военную школу в Доме инвалидов. С той же поры он мечтал и о реформе военного образования, которое, по его мнению, стояло на слишком высоком уровне для офицеров, которым не суждено было подняться выше чина подполковника.

1 Расходы на фураж для кавалерии составляли около 5 млн. и черпались из средств на чрезвычайные военные расходы. Сен-Жермен предложил решением Совета обложить, сверх того, налогом в 2 млн. провинции Эльзас и Франш-Конте на оплату добавочного фуражного довольствия и «других расходов». Понятно, что Тюрго потребовал объяснений и проявил большую сдержанность. (Schelle, t. IV, p 488—490) В письме от ноября, тоже посланном Тюрго Сен-Жермену, говорится о проблеме экспорта зерна, принадлежащего иностранцам. Речь идет о делах невоенных, входивших в компетенцию Сен-Жермена лишь потому, что его министерству была подчинена администрация некоторых провинций. (Schelle, t. IV, p. 483 et suiv.)

2 Schelle, t. V, p. 230 et suiv., 16 et 17 avril 1776.

«Эта часть офицеров у нас слишком образованна. Им нужны только примерное поведение, дисциплина и повиновение» [1]. Он решил разделить Военную школу на несколько отделений и поручить воспитание молодых офицеров монахам, а это значило вновь вернуться к прежнему и «называть военными школами десять коллежей, управляемых бенедиктинцами и францисканцами». Таков был новаторский ум человека, которого Тюрго призвал себе в помощники.

Чтобы обеспечить себе финансовую базу, ибо такая перетасовка и не пахла экономией, «Сен-Жермен и его приспешники» задумали организовать лотерею под названием «Лотерея Военной школы», которая вместе с налогом на игральные карты должна была стать источником средств для этого заведения. Они собирались устроить специальный розыгрыш в крупных провинциальных городах. Вери рассказывает, что Сен-Жермен сам провалил свой проект, сообщив о нем Морепа, а тот, ознакомившись с ним, объявил, что король его отверг. Тюрго со своей стороны, разумеется, тоже высказался против. Он даже сказал Сен-Жермену, что желал бы, чтобы лотерея была отменена, однако тот продолжал настаивать на своем проекте ее расширения. Тюрго в этом случае отнюдь не стремился препятствовать своему коллеге; впоследствии он напомнил ему в письме, что только следовал своему всегдашнему принципу (он ответил таким же отказом д'Анжевилье, хотевшему прибегнуть к этому средству для строительства новых зданий) [2].

Но в марте месяце Сен-Жермен развернулся вовсю. За восемь дней он выпустил двенадцать ордонансов по самым разным поводам и разного значения. Весьма вероятно, что великий военный реформатор испытывал некоторую зависть к великому реформатору финансов. Своими двенадцатью ордонансами он превзошел шесть эдиктов генерального контролера и, во всяком случае, дал ему урок стремительности. Некоторые из этих мер были хороши, другие спорны, а некоторые просто смешны [3].

Одной из лучших его идей было разделение армии на дивизии, объединяющие два рода войск; их приучали таким образом к взаимодействию. От этого отказались после его отставки. Другой мерой был отказ от взимания платы за должность, после того как она четыре раза замещалась новым офицером [4].

1 «Correspondance particulière», p 53, 63, 72.

2 См.: Véri. Op. cit, p. 437 Письмо Тюрго Сен-Жермену см далее.

3 См. их перечень в «Correspondance particulière», t. I, p. 128

4 Каждая должность, освободившаяся вследствие смерти, отставки или по другой причине, теряла четверть своей стоимости. В 1790 г. продажа должностей в пехоте почти совсем прекратилась.

Он создал должность помощников командира полка в звании полковника, что благоприятствовало офицерам, не имевшим состояния.

Позднее он учредил хозяйственные советы в полках и провел несколько полезных реформ в области интендантства и службы снабжения.

Помимо этих мер, принятых с похвальными намерениями, граф Сен-Жермен дал волю своей фантазии, побуждаемый юношескими увлечениями или воспоминаниями о службе за границей. Упрямо приводя в исполнение свой проект упразднения Дома инвалидов, он решил разослать большое число его пенсионеров по провинциям. Еще в 1753 г. он писал, что «они ведут жизнь, недостойную монахов» (все та же навязчивая идея о монашестве), и предпочли бы жить на свободе, хотя и с меньшим достатком. Он получил наглядное опровержение. Несчастные инвалиды уходили в слезах, и многие слезали со своих повозок на площади Виктуар, чтобы опуститься на колени перед статуей Людовика XIV, «называя его своим отцом и восклицая, что нет у них больше защитника».

В дисциплинарный устав он включил телесные наказания: удары саблей плашмя; сначала он даже думал расправляться палкой. Офицеры плакали, узнав об этом. Говорили, что один сержант покончил с собой [1]. Это как будто незначительное дело принесло ему непоправимый вред.

Сен-Жермен также приказал, чтобы унтер-офицеры водили солдат на церковные службы. Он сократил число приборов и блюд на столах генералов и высших офицеров. Но они сумели обойти это правило, заставляя подавать несколько кушаний на одном блюде.

Позже он настоял на новой форме для войск. «Громадные четырехугольные шапки, как бы сплющивавшие головы солдат, чаще всего вызывали насмешки».

В то время, а затем и позже много спорили о последствиях реформ и управления Сен-Жермена с точки зрения их эффективности для военного дела. Эта тема выходит за пределы нашей работы. Несомненно, что самые значительные из его реформ соответствовали более передовой концепции с технической и социальной точек зрения, тогда как у мелких реформ наблюдалась обратная тенденция. По общему мнению (возможно, так оно и было), он скомпрометировал главные свои реформы случайными мелкими мерами. Его плохо продуманные мероприятия были к тому же плохо проведены. В определенном положении всякое изменение, навязанное организму даже для его блага, приводит лишь к одному результату — оно его ослабляет[1]. Реакционные писатели вроде Безанваля и Монбарэ, стоявшие на страже интересов существовавшего порядка, не ошибаются, когда жалеют о результатах этих перемен, особенно об упразднении привилегированных королевских войск. С финансовой точки зрения эти реформы никоим образом не дали экономии и стоили в целом для страны несколько дополнительных миллионов.

1 Foncin. Op. cit., p. 468; Ségur. Louis XVI et Necker, p. 130 et suiv.

Падение Тюрго Сен-Жермен встретил с неприличной радостью[2]. Он был глубоко неправ. Несмотря на весь свой ум, хитрость и инстинкт самосохранения, он не понял, что призвавший его генеральный контролер мог быть ему крепкой опорой. Что бы он ни думал, а все реформаторы были солидарны. С уходом Тюрго и Мальзерба он остался в полном одиночестве. После выхода его новых ордонансов 25 мая аббат де Вери пишет: «Крики возмущения против Сен-Жермена производят на Морепа и короля то же действие, какое, по моим наблюдениям, мало-помалу оказывали на них крики против Тюрго». Так как он не обладал ни твердостью Тюрго, ни бескорыстием Мальзерба, ему удалось продержаться еще некоторое время, согласившись взять себе в качестве помощника государственного секретаря Монбарэ — ставленника Морепа, называвшего его [Монбарэ] шутливо «наследным принцем». Мизантропия Сен-Жермена усиливалась. Он избегал аудиенций и каждый день проводил много часов со своим доктором и аптекарем. Несмотря на упорную привязанность к своему посту, он однажды по оплошности заговорил об отставке, его сразу поймали на слове. И он тут же умер[3].

1 «Какое бы я ни составил себе представление об отсутствии дисциплины и неразберихе, царящей в армии, при ближайшем знакомстве они оказались еще гораздо хуже, чем я думал». (Besenval. Op. cit., t. II, p. 36.)

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 447.

3 Предлогом для его отставки послужил проект реформы, касавшейся войсковых священников, которой он очень дорожил. На него нападали, считая, что он собирается вернуть иезуитов. Защищаясь, он заговорил с Морепа о своей отставке. Некоторые авторы считают, что намерение его было искренним Быть может, это был мимолетный упадок духа. Во всяком случае, нет никаких сомнений, что он долгое время упорно «цеплялся» за свой пост. Например, в переписке Лескюра, не относившегося к нему враждебно, мы находим следующее замечание: «Не могу понять, как можно проявлять такую стойкость и упорство, какие проявляет г-н де Сен-Жермен . который ни за что не хочет покинуть место, где он горит на медленном огне». (3 апреля 1777 г., р 41.) «Г-н де Сен-Жермен держится крепко и стойко глотает все сыплющиеся на него оскорбления... он сгибается, уступает, но не выпускает свою добычу». (18 июля 1777 г, р. 79) Он получил пенсию в 40 тыс. ливров и за это время успел вернуть весь, или почти весь, потерянный в Гамбурге капитал. Он покинул двор в сентябре 1777 г. и умер 16 января 1778 г.

Дюпон провел кропотливое обследование счетов 1776 г., чтобы доказать, что Тюрго, уходя, оставил дела в лучшем состоянии, чем получил, когда он вступил в должность. Этот факт очевиден, однако улучшение очень невелико. Поскольку бюджетные средства и средства казначейства смешаны, а изменение статей расходов незначительно, нам неинтересно задерживаться на этом анализе. Упрощая, можно заключить, что Тюрго получил 8 или 9 млн. реальной экономии за счет расходов по займу и средств казначейства или в виде прибыли от своих государственных управлений и что этот доход почти целиком ушел на покрытие увеличившихся расходов королевского двора (частично разовых) и расходов военного министерства — двух статей, которые как раз и следовало сократить.

Но этот спор представляет лишь второстепенный интерес. Не по этим довольно скудным, хотя и положительным результатам следует оценивать финансовую политику Тюрго. Не следует это делать и на основе его отвлеченных теоретических концепций. Тюрго разработал планы, и часть из них была уже реализована, или пущена в ход, или хотя бы начата.

1. Вот пример успешно проведенного мероприятия: учреждение 24 марта 1776 г. Учетной кассы. Она должна была обеспечить государственной казне кредит в размере 10 млн. ливров из 4% и одновременно учитывать векселя по той же ставке, заниматься торговлей золотом и серебром, принимать на хранение вклады, пускать в обращение ценные бумаги на предъявителя, то есть заниматься делами, которые ведет ныне Французский банк, однако уход основателя ограничил размах ее деятельности. Несомненно, что одновременный успех голландского займа и Учетной кассы мог бы привести с помощью снижения учетного процента и рациональной организации кредита к значительным результатам не только в финансовом плане, но еще больше в плане экономическом.

2. А теперь пример начатой операции: голландский заем. Проект этой операции относится к июню—июлю 1775 г., по свидетельству аббата де Вери. Речь шла о займе из 3,5%, предназначенном для погашения самых тяжелых финансовых обязательств. Так как голландцы питали некоторое недоверие к французскому кредиту, то сначала предполагали предложить им гарантию штатов Фландрии и Артуа [1], но эти последние сами поставили неприемлемые условия. В 1776 г. Тюрго вернулся к этому проекту, но в другой форме. Голландцы подали мысль о гарантиях испанского короля, и Тюрго написал по этому поводу записку для Верженна. Тюрго придавал большое значение этому займу, так как, несмотря на свое отвращение к пожизненным рентам, согласился принять половину займа в этой форме из 8%, а другую половину в виде ренты из 4%. В итоге 60 млн. франков, из которых четверть в государственных ценных бумагах... должны были дать 45 млн. наличными. Тюрго действовал тонко и предусмотрительно и постарался избежать участия парижских капиталистов в подписке на заем. Конечно, экономия на проценте оставалась бы такой же, но лишились бы такого преимущества, как предложение значительных капиталов на парижском рынке. Несомненно, эти высвободившиеся 45 млн. франков оказали бы давление в сторону понижения. Уход Тюрго прервал выполнение этого замечательного плана в то время, когда, по словам Дюпона, уже была обеспечена подписка на 33 млн. франков [1].

1 См.: Véri. Op. cit., t. I, p. 321.

Официальная цель этого займа, как говорилось в мемуаре королю и в записке Верженну, состояла в погашении антисипаций [налогов, забранных вперед] и других очень давних государственных обязательств. Таково было и объяснение Дюпона: «Привести в порядок финансы и сделать ненужными тем самым все расходы на уплату банкам за разные услуги».

Но Тюрго лелеял тайную мысль, которая придала бы этому проекту особенно важные и неожиданные последствия.

Он рассчитывал, что сможет употребить ликвидные средства, которые даст ему голландский заем (или хотя бы их часть), на возмещение [владельцев упраздняемых] должностей при дворе, что являлось предварительным условием подлинной реформы этого двора.

«В тот момент его главной целью была реформа королевского двора, — отмечает аббат де Вери после отставки Тюрго. — Так как одним из главных препятствий была необходимость возместить владельцев должностей, то он повел переговоры с Голландией о займе из 4%...»

Сам Тюрго пишет в письме от 5 июня 1776 г.: «История с Грандом [амстердамский банкир. — *Ред.*] вызывает у меня еще большую досаду на Мальзерба. Представьте, что бы мы сделали с 50 млн. наличными и что мы потеряли из-за его поспешности» [2].

Итак, дело, касающееся казначейства, должно было дать ключ к решению основных задач бюджетной политики и даже проблемы государственной политики в целом.

3. Наконец, Тюрго создал единый стройный бюджетный план, поражающий как своим размахом, так и оригинальностью.

1 Schelle, t. V, p. 308 et suiv. Заем у Голландии был осуществлен в 1779 г. Неккером на условиях, которые Тюрго считал губительными. (Schelle, t. V, p. 593.)

2 Véri. Op. cit., t. I, p. 457; Schelle, t. V, p. 493.

Его излагает нам Дюпон, с массой цифровых подробностей, которые было бы утомительно перечислять, и к тому же точность их не всегда надежна. Важна его основная идея, а ее мы можем считать правильно переданной.

Этой основной идеей является *«условный бюджет военного времени»*, или, если можно так выразиться, *«трансформируемый бюджет»*.

Мы знаем, что генерального контролера преследовала мысль о финансовых катастрофах, которыми угрожал вооруженный конфликт; страх этот не был напрасным, как можно в том убедиться на примере воины в Америке и многочисленных ее последствий.

Поэтому Тюрго хотел предусмотреть в обычном бюджете мирного времени такие статьи расходов, которые можно без особых затруднений отсрочить на время войны и перевести на чрезвычайные военные расходы.

Разумеется, такие статьи бюджета в мирное время оказывали бы благотворное влияние на экономику.

Руководствуясь этой идеей, Тюрго предусмотрел, с одной стороны, статью погашения долгов, а с другой — статью расходов на оснащение.

Средства для погашения долгов должны были пополняться с помощью разного рода мер экономии. Дополнительная оригинальность плана состояла в том, что Тюрго предусмотрел не только погашение долгов но и *сокращение налогов*. Все возрастающая часть ежегодных поступлений должна была уделяться на уменьшение несправедливого и, главное, вредного для экономики налога, с которым Тюрго боролся еще в Лиможе, питая к нему давнюю ненависть, а именно тальи.

Статья на оснащение должна была включать в себя работы в провинциях, расходы на новые сооружения и на содержание в порядке старых, включая и благотворительные мастерские.

В военное время будет достаточно, с одной стороны, отсрочить погашение долгов (средство, наименее обременительное из тех, какие можно найти в подобных обстоятельствах), с другой — временно прекратить новые работы и ограничиться только поддержанием в порядке старых предприятий.

Согласно цифрам Дюпона (мы приводим только часть из них), ежегодные затраты на общественные работы в сумме 18 500 тыс. франков (из них 10 млн. от налога, введенного взамен дорожной повинности) можно свести к расходам по поддержанию в порядке дорог и строений, а именно к 2500 тыс. франков [1].

1 Du Pont. Mémoires sur la vie et les ouvrages de M Turgot Philadelphie, 1782, t. I, p. 400 et suiv.

Реальность этого проекта, по крайней мере в его основных чертах, подтверждается преамбулой эдикта об уничтожении дорожной повинности, и поэтому можно сказать, что он уже начал проводиться в жизнь самим этим эдиктом. Тюрго говорит в нем буквально следующее: *попеременно то расходы на оснащение (в мирное время), то чрезвычайные расходы (в военное время)* [1].

По этим нескольким примерам мы видим, что бюджетная политика Тюрго выходила далеко за пределы просто хорошего административного управления, а также что она могла бы преодолеть неудачи, постигшие ее по вине людей.

Для Тюрго бюджет к тому же был только средством, средством большой экономической политики. Каким бы ни был его интерес к фискальной реформе и экономии, его излюбленной темой остается то, что можно назвать «экспансионистским либерализмом» (libéralisme expansionniste), примененным сначала к зерновой проблеме, а затем ко всем другим секторам производства и распределения. На этом поле он даст свой последний бой, выиграет его, а себя погубит.

1 См следующую главу.

Глава IV Шесть эдиктов

Генеральный откупщик:
«Зачем всякие новшества?
Разве нам плохо живется?»

(Приводится у Кондорсе)

Назначение Сен-Жермена, казалось, укрепило положение Тюрго в министерстве. Оно упрочило его авторитет и в глазах общественного мнения. Снова появились стишки в честь министерства.

Мальзерб весы в руках сжимает,
Тюрго финансы возглавляет,
Их Сен-Жермен обороняет,
А Морепа, разумней всех,
Готов упрочить их успех[1].

В ноябре распространились слухи, будто генеральный контролер готовит важные документы, и предсказывали даже ко

1 «Chansonniers historiques», liv. IX, p. 75. Однако распространялись и пасквили, но в рукописном виде, так как их было трудно напечатать.

В конце года Тюрго стал мишенью очень злого памфлета, который заимствовал форму воображаемого каталога. Среди перечня фигурировал некий «Antigunaika» — низкий намек на тайные сердечные дела Тюрго, а также несколько очень злых выпадов против смертных казней в мае 1775 г. Например: «Ответ Тюрго родителям двух жертв, которые были казнены за то, что взяли буханку хлеба». Можно отметить также «Пятьдесят мучеников Л'Иль-Адама, или Правительство г-на Тюрго» — это, по-видимому, намек на кровопролитное столкновение, реальность которого не доказана.

См. текст этого памфлета в: M é t r a. Op. cit., t. II, p. 297, 1er janvier 1776. «Этот памфлет — новогодний подарок для деятелей, стоящих у власти», — говорит Метра, но Башомон относит его появление к 11 ноября. «Уверяют, что министр, который должен быть выше этих гнусных обвинений, принял их близко к сердцу». (27 ноября.)

О памфлете против де Вэна см. выше, глава II.

ролевское заседание парламента. Весьма возможно, что в этот период Тюрго действительно занимался составлением своих эдиктов и немного задержался — отчасти из-за своей кропотливости, а отчасти из-за подагры, которая помешала ему даже присутствовать на заседании Совета 26 ноября. Говорили о готовящейся отмене дорожной повинности и цеховой системы, но говорили также о несуществующих проектах вроде снижения налогов на вино и на соль[1].

Но лишь в начале января его проекты начинают поступать в Совет, который заканчивает их рассмотрение через месяц; они датированы 6 февраля.

Эдиктов всего шесть, в трех рассматриваются важные вопросы: рыночная полиция и регламенты хлебной торговли, дорожная повинность и цеховая система. В остальных трех — вопросы второстепенные: рыночная полиция на пристанях и набережных, животные жиры и касса в Пуасси.

РЫНОЧНАЯ ПОЛИЦИЯ И РЕГЛАМЕНТЫ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ

Как до, так и после «Мучной войны» хлебная политика, несомненно, оставалась главной заботой Тюрго[2]. И так же, как прискорбные последствия голода в Лимузене только укрепили его либеральные убеждения, так и серьезные неудачи в мае не заставили его отступить от намеченной программы. Он был убежден, что мятежи были вызваны искусственным путем, но и в противном случае он объяснил бы их непониманием публики и ошибками полицейских властей на местах; все это естественные явления в переходный период, и с ними можно покончить, если в течение необходимого времени твердо держаться правильного курса. К тому же Тюрго никогда не был человеком упрямым и постарался принять все предосторожности, совместимые с его политической линией. Так обстояло дело со сделка-

1 «Gazette de Leyde», 5 décembre (корреспонденция от 26 ноября). Слухи о снижении налога на вино могли возникнуть в связи с проектом учреждения свободы винной торговли. Башомон намекает на проекты отмены дорожной повинности 5 октября и цеховой системы 22 октября. Планы Тюрго на этот счет были, очевидно, уже известны вследствие проведенных им опросов.

2 Сегюр делает большую ошибку, когда относит новый эдикт о рыночной полиции и регламентах хлебной торговли к второстепенным документам. (S é g u r. Op. cit., p. 273.)

ми, касавшимися снабжения Парижа. Этот случай ошибочно считали частичным отказом от либеральной хлебной политики[1]. Весьма возможно, что Тюрго в любом случае заключил бы их, даже если бы не было «Мучной войны». Во всяком случае, они были не отрицанием, а дополнением его политики, не отступлением, а средством продвижения вперед. Этот вопрос, которым часто пренебрегают, заслуживает некоторого уточнения.

В первом, недатированном мемуаре о хлебной торговле, который был, несомненно, написан в одно время с постановлением от 13 сентября, генеральный контролер ратовал за ликвидацию запасов зерна на складах в Корбее, на новейших мельницах, купленных королем у Малиссе. Кроме того, он просил короля «дать согласие на то, чтобы после продажи настоящих запасов была прекращена всякая покупка и продажа зерна за его счет», но добавил: «За исключением мер, которые понадобятся для обеспечения продовольствием столицы и провинций»[2].

Продажа действительно состоялась, но при каких обстоятельствах — остается довольно неясным. Некоторые авторы утверждают, что эту операцию Альбер поручил 16 октября 1774 г. некоему Ролану, которого вскоре постигли разные несчастья[3]. И продажа якобы была проведена в короткий срок Тюрго упрекали за эту ликвидацию, считая ее неблагоразумной. Кое-кто из авторов предполагает, что запасы зерна были сразу выброшены на рынок, и поэтому, когда в апреле—мае начался кризис, остались совсем без запасов[4]. Однако мы имеем полное основание считать, что это совершенно неправильное толкование.

Понятно, что Тюрго в принципе решил прибегнуть к ликвидации, ибо, как говорит Дюпон, эта мера была необходима, дабы показать торговцам, что со старыми методами теперь покончено. Надо было также санкционировать конец государственной торговли. Но трудно поверить, что Тюрго действовал с ненужной поспешностью и так непредусмотрительно. Мемуар, составленный, по-видимому, на основании полной документации, указывает, что продажа производилась постепенно, с октября 1774 г. до октября 1775 г.[5].

1 Он изменил своему принципу, когда отдал в руки частных лиц хлебные склады в Корбее на условии, что в рыночные дни они будут поставлять в Париж определенное количество хлеба и продавать его по рыночным ценам (Bachaumont Op cit, 5 novembre 1775.)
2 Archives Nationales, K 908, Biollay. Le Pacte de Famine Paris, 1885, p 218
3 См. Gustave Bord Le Pacte de Famine. Paris, 1887.
4 Ségur Op. cit, p 158 Сегюр цитирует Г Бора, который не говорит ничего определенного
5 Archives Nationales, F 11, 294.

В переписке Бертье де Совиньи мы находим указание на продажу зерна 24 апреля на 2 су ниже рыночной цены, что свидетельствует о существовании запасов. Отмечают также, с одной стороны, трудности, чинимые парламентом продаже продуктов, признанных испорченными, а с другой — пожар, происшедший на мельницах в Корбее в октябре 1775 г. и уничтоживший запасы зерна.

«Так стало немного меньше еды, предназначавшейся для нищих», — отмечает Метра[1].

Наконец, самые решающие уточнения дают впоследствии братья Леле в одной из своих памятных записок, где сообщают, что, приступив к управлению мельницами в Корбее, они нашли там 5 тыс. мешков муки. Это произошло в сентябре 1775 г., хотя в записке указан — вследствие явной описки — сентябрь 1774 г. Другие документы, оставшиеся от Леле, подтверждают, что они приняли управление в 1775 г., и к тому же они сами указывают, что назначил их интендант Фаржес, возглавлявший тогда продовольственный департамент. А Фаржес вступил в эту должность в мае 1775 г., сменив Альбера. Эта ошибка в дате ввела в заблуждение авторов, поддержавших версию о немедленной ликвидации запасов. Следовательно, мы можем считать доказанным, что запасы хлеба в Корбее не были распроданы целиком к тому времени, когда братья Леле стали во главе мельниц Корбея[2]. Тюрго заключил с ними контракт о снабжении Парижа; мы не знаем точной даты его подписания, но весьма возможно, что она совпадает с днем получения ими мельниц в Корбее, но вступил он в силу 1 января.

Значит, Тюрго принял меры, чтобы обеспечить Париж продовольствием, за исключением, быть может, самого последнего периода 1775 г. Это период, когда обычно конъюнктура не вызывает беспокойства. В данном случае в ноябре цены на зерно были низкие и хлеб шел по цене 11 су 6 денье[3].

Договор, заключенный с братьями Леле, дает новое, двойное свидетельство как постоянства намерений Тюрго, так и его исключительной виртуозности как специалиста, можно даже сказать, что он обладал истинно коммерческими способностями, которые поставил на службу государству. Он хотел избежать того, чтобы государство выступало покупателем и продавцом

1 Métra Op cit, t II, p 216, 24 octobre 1775 Согласно письму Ривьера, кто то спугал мельницу с другой постройкой, что и послужило причиной этого рассказа «На самом деле сгорел лишь скромный дом столяра» (19 октября) Однако из этого следует, что, по общему мнению, в Корбее еще сохранились склады зерна
2 Тюрго уже обращался к братьям Леле, побуждая их ввозить зерно из северных областей, операции эти, по их словам, оказались убыточными, но они были проведены за их счет
3 «Gazette de Leyde», 24 novembre.

товаров. Следовательно, никакого государственного управления торговлей[1].

Мы знаем, что Тюрго собирался перейти к профессиональной торговле, но, пока механизм либеральных мер еще не мог обеспечить ей достаточной надежности, ее следовало поддерживать с помощью гибкой системы гарантий и поощрений. Это «либерализм на костылях», но от этой традиции не отказались до сих пор.

Условия договора были просты. Король, оставаясь владельцем мельниц в Корбее, передал их в распоряжение Лелё. Последний обязался постоянно сохранять у себя запас в 25 тыс. мешков муки (по 325 фунтов каждый) и снабжать мукой парижский рынок всякий раз, когда на нем окажется в наличности меньше 2500 мешков[2]. 25 тыс. мешков должны были доставляться на парижский рынок в четыре приема (в первом квартале — 7 тыс., и в следующие три — по 6 тыс. мешков) и пополняться на складах в том же ритме. В виде компенсации Лелё получал, помимо пользования мельницами Корбея и пятью мельницами, принадлежащими больнице (l'Hôpital), освобождение от тальи и ассигнование 25 тыс. ливров в год (которое должно было покрываться дебетовым счетом на почти равную сумму ввиду покупки Лелё риса, находившегося еще в Корбее). Этот постоянно возобновляемый контракт (contrat «revolving») дает полную гарантию и выдерживает любую критику. Тюрго был хорошим коммерсантом, и договор оказался выгодным для государства. А Лелё потерпел убыток. В 1777 г. Неккер удвоил ему сумму ассигнований, а потом несколько раз увеличивал количество поставляемого хлеба и обязательства. Договор продолжал действовать до Революции и ни разу не вызвал недовольства в народе. Согласно мемуару, написанному Табуро в 1777 г., договор с Лелё после увеличений обеспечил за 70 тыс. франков в год то, что во время управления Террэ обходилось в 2 млн.[3].

1 Могло бы удивить, что Тюрго так далеко отходит в данном случае от системы вмешательства, которую он применяет в других делах (например, незадолго до того в почтовых перевозках), связанных с коммерческой деятельностью. Это доказывает, что у этого теоретика есть чувство целесообразности и своевременности и что он не только экономист, но и политик. Ибо в хлебной торговле следует опасаться того, о чем не приходится беспокоиться в деле с дилижансами, — подозрительности народа, склонного обвинять администрацию в незаконной торговле, спекуляции.

2 Количество, слегка превышающее необходимое для потребления 600 тыс. парижан, из расчета полутора фунтов хлеба на человека.

3 Договор с Лелё не найден. Все вышеизложенные сведения взяты из ряда документов: упомянутого нами мемуара 1790 г., доклада Табуро, находящегося в Национальной библиотеке под шифром Vp. 2680, и, наконец, нескольких документов, исходящих от братьев Элуа Луи и Доминика Сезара Лелё и составленных в связи с последующими конфликтами. См.: Comptes-rendus Vp. 2681: «Observations sur le deuxième mémoire de la communauté des boulangers Paris — Mardeville». В больших работах, рассматривающих хлебную торговлю, делом о договоре с Лелё обычно пренебрегают. О нем не говорят ни Афанасьев [у Афанасьева есть краткое упоминание об этом договоре. См.: Г. Е. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 365. — *Ред.*], ни Сегюр, ни Жобез, Биоллэ — очень мало (р. 218), а Шелль упоминает о нем лишь случайно. Только Гюстав Бор дает несколько неполных, а порой противоречивых сведений. Он указывает — и мы считаем это ошибкой, — что управление Лелё началось 1 сентября 1774 г. (наши доказательства см. выше).

Договор с Лелё имел для политики Тюрго гораздо большее значение, чем полагали до сих пор. Для министра дело шло не только о том, чтобы такой эмпирической мерой предохранить себя от риска новых волнений, но и о возможности сделать новый шаг: отменить регламенты парижской рыночной торговли.

Прежде чем мы остановимся на этом деле, мы должны упомянуть о некоторых промежуточных решениях и попытках. 3 июня 1775 г. Тюрго велел приостановить взимание городами ввозных пошлин (octroi) и сборы в пользу палачей (éxecuteurs de la haute justice). То была тактическая мера, чтобы поддержать снижение цен, но в то же время подготовка к настоящей реформе, которая должна была утвердить отмену этих прав с условием возмещения их обладателей. Мера эта вызвала неверные толкования: кое-где сочли, что сеньориальные права на сбор пошлин с хлеба были также приостановлены. Разумеется, такая мера не шла бы вразрез с желаниями министра, который не мог одобрять эти феодальные сборы. Но он не был так неосторожен, чтобы решиться восстановить против себя дворянство. С другой стороны, его юридический ум и скрупулезно бережное отношение к праву собственности не допускали возможности лишить кого-либо приобретенных прав без возмещения. Постановление Совета от 20 июля уточняло, что права эти не были затронуты, и осуждало «толкование, столь невыгодное для обладателей прав, которые не могут быть нарушены, пока Его Величество не объяснит свои намерения как относительно отмены этих прав, так и относительно полагающегося за них возмещения»[1]. Но сразу вслед за этим постановлением последовало новое, от 13 августа, предписывавшее всем обладателям прав представить документы, подтверждающие их права на взимание пошлин, чтобы можно было определить суммы возмещения (и в то же время, вероятно, чтобы прекратить некоторые незаконные поборы).

1 См.: Schelle, t. IV, p. 455—479. Штаты Бургундии сами решили отменить сеньориальные права при соответствующем вознаграждении. (См.: Véri. Op. cit.)

Все эти меры лишь уточняли существующее положение и подготовляли будущее. Это будущее Тюрго подготавливал, выпустив *12 октября постановление о каботажном плавании*. Предварительно анулировали ограничительные меры, введенные при аббате Террэ, и вернулись к системе, принятой в 1763 г.[1] Отныне торговля между портами могла осуществляться свободно на основе специальных разрешений. Это было логичным дополнением к свободе внутренней торговли между провинциями. Естественно, что торговля вдоль берегов, морским путем должна была вестись так же свободно, как по сухопутным или речным дорогам. И в то же время это была первая попытка приступить к освобождению международной морской торговли, так как эти два вопроса были всегда тесно связаны.

Что касается экспорта, то Тюрго оставался верен этой последней части своего плана и даже собирался приступить к нему не откладывая. Но он действовал осторожно и заботился о сохранении плана в секрете. Поэтому мы не имеем по этому вопросу никаких документов, которые были бы опубликованы в то время или даже позже. Но в архивах Лантейля сохранилась записка Верженна от 27 декабря 1775 г. в ответ на запрос Тюрго по этому вопросу[1]. Этот документ не только свидетельствует о настойчивых усилиях Тюрго осуществить свой план, но представляет также большой интерес своими соображениями по существу вопроса. Верженн, считавшийся одним из министров, встретивших с одобрением эдикт 1774 г., подчеркивает реальную трудность проблемы, как мы, впрочем, и указывали. Эта трудность, о которой Тюрго не говорил, хотя, разумеется, ее видел, проистекала из географических условий, которые невозможно было изменить. Некоторые приграничные французские провинции оказывались при системе свободной торговли в поле притяжения соседних иностранных рынков в ущерб более отдаленным французским провинциям, терпевшим недостаток в продовольствии. Следовательно, вопреки тому, что всегда утверждал Тюрго, неверно, будто повышение цен позволит восстановить равновесие на внутреннем рынке, так как оно компенсируется разницей в цене перевозок. В действительности легче перевозить из Бургундии в Швейцарию, чем в Лимузен. Верженн изучал этот вопрос более полно, чем Неккер и Галиани, затронувшие его лишь в общем. Он указывает, что иностранные области, граничащие с Францией, в большинстве как раз принадлежат странам, испытывающим нехватку зерновых, таковы, в частности, Ницца, Савойя, Швейцария, Шварцвальд. Что касается Пфальца и Трира, то горные области, богатые виноградниками, поглощают излишки урожая долин. Цвейбрюкен, бельгийские Арденны, Люксембург, австрийские Арденны, Эно — все импортеры. Единственно урожайные, имеющие, как правило, *излишки области — это австрийская Фландрия*, район Турне и Брабант.

1 См. Archives de Lantheuil Carton 19.

Наконец, Верженн делает также упор на экономическом соображении, редко отмечаемом в спорах. Деньги, как правило, дешевле за границей, чем во Франции. Например, в Швейцарии и Голландии это соотношение выглядит как 3 к 5 или к 6. Тем легче для этих стран запасаться продуктами во Франции и опережать внутренний спрос.

Это замечательное исследование поднимается до обобщающих заключений, в которых автор присоединяется к Монтескьё: «Искусство политики должно состоять в использовании всех верных и разумных средств в зависимости от обстоятельств и состояния умов; это искусство заключается в достижении наибольших результатов возможно наименьшими средствами»[1].

Однако из ответа Верженна можно заключить, что Тюрго не предлагал немедленно установить свободу экспорта. Его интересовало, можно ли установить систему торговых соглашений типа «двусторонних договоров» с некоторыми иностранными государствами. Такие соглашения, по мнению Верженна, невозможны, и он указывает тому причины.

Какое бы влияние ни оказало на него мнение его коллеги, Тюрго отказался пока заняться международной торговлей. К тому же было более логично завершить сначала внутреннюю реформу. После установления свободы внутренней торговли между провинциями (дополненной свободой каботажных перевозок) следующим этапом должна была стать отмена особых рыночных регламентов в больших городах. Так оно и было.

Париж вызывал особое беспокойство. Но договор с Леле — мы отмечали здесь его важность — начиная с 1 января развязывал руки.

Тогда Тюрго подготовил эдикт об отмене в Париже рыночной полиции и регламентов хлебной торговли. «Было бы невозможно поверить, насколько абсурдны существующие регламенты, если бы все их не знали». К тому же, замечает он, их никогда не соблюдали. Иначе Париж не прокормился бы и одиннадцати дней.

Тогда можно спросить, в чем же неудобство? «Эти регламенты — всегда занесенный меч, которым магистраты могут

1 «Нет ничего легче для человека, занимающего определенное положение, чем поразить великим проектом. В этом есть что-то фальшивое. Не средства должны быть блестящи, а основная цель. Истинная политика — это достигнуть цели скрытыми путями». (Монтескье.)

поразить, разорить и обесчестить торговца. Единственная польза регламентов состоит в том, что они дают возможность магистратам выставлять напоказ свою отеческую заботу о народе «во время голода». «Наконец, *это рычаг власти, всегда дорогой сердцу тех, кто им пользуется*» [1]. Мы видим тут единственную ошибку в рассуждениях Тюрго, которую можно поставить ему в вину за все время решения проблемы хлебной торговли. Он не хочет признавать *психологического значения* этих злосчастных регламентов. Если, однако, предполагать (явно преувеличивая), что все магистраты всегда заботятся при этом только о своем престиже, то как можно не видеть, что, если они таким образом поднимают свой престиж в глазах народа, значит, народ искренне одобряет подобные действия? Лишая их возможности обманывать народ, у них тем самым отбирают и средства его успокаивать.

Далее Тюрго замечает, что эти регламенты — выполняются они или нет — как бы блокируют Парижский округ и перерезают коммуникации между Бургундией и Шампанью, с одной стороны, и Нормандией — с другой. Следовательно, этим провинциям мешают оказывать помощь друг другу и поддерживать другие внутренние провинции. «Не надо оставлять дело освобождения незавершенным» [2].

Такая же проблема стояла и для других больших городов, где уже приступили к ее решению. В Бордо были отменены особые пошлины; в Руане была упразднена привилегированная корпорация хлеботорговцев. Были урезаны привилегии и Лиона, где собирались упразднить хлебные склады.

Отмена рыночной полиции и регламентов хлебной торговли в Париже должна была повлечь за собой упразднение чиновников рыночной полиции на набережных, рынках и пристанях, что было отмечено в том же документе. Это упразднение должно было, естественно, распространиться за пределы хлебной торговли и коснуться «присяжных продавцов рыбы». Тюрго предусматривал возмещение обладателей этих должностей, отчасти в звонкой монете [3]. Этому был посвящен специальный эдикт, который сам по себе не относится к политике хлебной торговли, но который можно рассматривать как дополнение к ней, — эдикт об упразднении чиновников рыночной полиции на набережных.

Тюрго подготовил еще одну меру, известную нам по архивам Лантейля: упразднение права монополии на помол хле-

1 Курсив в тексте. См: «Mémoire au Roi sur les six projets», Schelle, t V, p 155

2 Из королевской декларации, отменявшей рыночные регламенты, так же как и торгово-полицейские должности и сборы в их пользу с хлебной торговли в Париже.

3 Общий расход составил 4 млн.

ба Речь идет о вечной проблеме, ибо, хотя и в других формах, она ставится и в наши дни [1]. Производители не были свободны в выборе мельницы, где они могли бы смолоть свое зерно (они не свободны в выборе и сегодня). Эта обязанность подчиняться мельничному баналитету (монополии), задуманная вначале для удобства потребителя, обернулась для него помехой и новым бременем. На самом деле мельник, избавленный от всякой конкуренции, часто использовал свою монополию, чтобы требовать непомерной платы, да еще натурой ($^1/_{16}$, $^1/_{12}$ и даже $^1/_8$ помола) [2]. И еще одно неудобство, менее заметное на первый взгляд, но на деле более существенное: хозяину мельницы нет никакого расчета улучшать оборудование своего предприятия и качество помола, тогда как экономный помол мог принести большую выгоду всей общине. Хозяин мельницы даже заинтересован в обратном, так как грубый помол увеличивает потребление хлеба и, следовательно, его торговый оборот. Но разве это, возражают, не сфера права собственности? Тюрго в ответ выдвигает принцип свободы национальной торговли, «против которой ни налоги, ни договоры, ни сеньориальная юстиция не могут дать законных прав этим собственникам» [3].

Однако Тюрго не предлагает полной отмены монопольного права на помол. Он предполагает ограничить его для количества зерна, необходимого для личного потребления, из расчета 5 квинталов на человека, не считая детей младше пяти лет. Этот проект, представленный, как и предыдущие, хранителю печати, был им возвращен 29 января 1776 г.; значит, оставалось еще время присоединить его к серии эдиктов. Тем не менее Тюрго этого не сделал, как видно не желая перегружать свой «поезд» эдиктов. Думается, однако, что он не слишком увеличил бы реальные трудности.

Если бы умонастроение Тюрго оставалось таким же, как в 1774—1775 гг., он, наверное, ограничился бы декларацией о рыночной полиции и регламентах с добавлением к ней эдикта о чиновниках рыночной полиции на пристанях. Он легко прошел бы через это испытание (ибо текст эдикта о рыночной полиции не вызвал особых нареканий) и, таким образом, закрепил бы значительный успех в главном вопросе своей политики.

1 Регламентация, определяющая обязательные правила для помола, остается в силе, несмотря на постоянную критику Ее сохранение мотивируется сверхсложным оборудованием мукомольной промышленности.

2 Сообщение налогового прокурора Эне-ле-Шато в 1775 г. (См.: Archives de Joly de Fleury, 1159, t I, f° 1)

3 Фурке в своей записке по поводу этого проекта поддерживает этот аргумент, но ставит деликатную проблему «арендаторов этих прав» («engagistes»), которым придется возместить убытки, если они предпочтут передать свою концессию государству, но возможность эта кажется ему маловероятной.

Наконец, мы знаем, что другая часть зернового плана Тюрго предусматривала после реформы монопольного права на помол проведение реформы привилегий булочников — цеховых мастеров. В свою бытность в Лиможе он уже доказывал необходимость такой реформы. В «Mémoire sur la capitulation entre la liberté des grains et la police de Paris»[1] он наметил четкую, определенную систему. Булочники должны были сохранить свои привилегии на продажу белого хлеба, сдобы и булочек. Устанавливалась свобода торговли хлебом домашней выпечки, а также серым и пеклеванным. Эта часть плана отпала, когда Тюрго решил упразднить всю цеховую систему.

МАЛЫЕ ЭДИКТЫ

Помимо эдикта о чиновниках рыночной полиции на набережных, о котором мы довольно бегло говорили выше, в «поезд эдиктов» входят еще два малых эдикта.

Первый утверждает свободу торговли жирами и заменяет существовавшую пошлину в размере одного су с ливра налогом на скот[2]. Второй упраздняет кассу в Пуасси и Со. Это было типичное для той эпохи учреждение, ослабленное чрезмерным дирижизмом и сверхналогами, как будто специально придуманное, чтобы пробудить рвение либерального реформатора.

Продажа скота сосредоточивалась на рынках Пуасси и Со (кроме телят). Откупщики кассы платили скототорговцам наличными за мясо, приобретаемое мясниками, которые затем возвращали им деньги, обычно в течение шести недель. Откупщики вносили деньги только за мясников, считавшихся платежеспособными. В виде компенсации за эту услугу они взимали пошлину в размере 6% продажной цены скота, что составляло 92% годовых на их оборотный капитал; доход их, по подсчетам Бодо, равнялся 32 922 ливрам в неделю, или 1500 тыс. ливров в год.

С другой стороны, откупщик платил 150 тыс. ливров в год и авансировал 2 млн. по условиям арендного договора. По мнению Тюрго, уплачиваемая пошлина, за вычетом аванса, является налогом на скот, взимание которого, как и во всех откупах, сдавалось в значительной мере частным лицам в обмен на надежность поступлений и аванс казначейству. Эта пошлина была заменена налогом на живой скот или мясо при ввозе его в Париж, что при равных поступлениях снижало для населения тяготевшее над ним прежнее бремя на две трети[1].

Согласно некоторым указаниям, эта мера, однако, не была вначале чисто фискальной. Несомненно, создание кассы в 1743 г. представляется нам замаскированным восстановлением продажных должностей, не раз учреждавшихся в условиях острой нужды в деньгах после разорительных войн. Таковы должности 60 присяжных продавцов скота в 1690 г., 100 советников-казначеев на рынках Со и Пуасси в 1707 г., упраздненных в мирное время. Однако известно, что неплатежеспособность или мошенничество мясоторговцев и посредников вызывали в прежние времена множество жалоб, и именно потому парижский прево учредил в 1375 г. должности «продавцов скота», несущих персональную ответственность за уплату денег скототорговцам. Они получали за это комиссионные в размере 2,5%, а не 6% (но государство ничего не получало) и вмешивались нерегулярно.

Впоследствии государство сочло удобным продавать подобные должности. Некоторые старые и даже современные авторы утверждали, что касса в Пуасси, избавляя скототорговцев от риска и позволяя им сокращать свое пребывание в городе, поощряла их поставлять в столицу как можно больше скота[2]. В 1779 г., после вздорожания мяса, кассу восстановили на менее разорительных условиях и на добровольной основе.

ДОРОЖНАЯ ПОВИННОСТЬ

После опыта, начатого в Кане, успешно проведенного в Лимузене, а затем распространенного на другие генеральства (généralités), после проведенного в течение лета опроса интендантов, после предварительного благоприятного суждения коро-

1 Archives Lantheuil См выше, с 236, прим 3

2 Мясникам, вытапливающим жир, не разрешалось топить его свободно и хранить у себя; также и свечным мастерам запрещалось запасаться жиром, где им вздумается Жиры следовало выставлять на продажу в определенные дни и распределять по единым ценам между свечными мастерами — покупателями В результате отмены этих формальностей налог стали взимать в начале торгового оборота (со скота).

1 См.: Baudeau. Nouvelles Ephémérides, 1775, t. II et dernier; Schelle, t. V, p. 260; Foncin. Op. cit., p. 390.

2 Encyclopédie méthodique. «Finances», t. I de 1784, p. 153; Le Maire Mémoire, p. 128; Olivier Martin. La Police économique sous l'Ancien Régime. Cours professé à la Faculté de droit de Paris, 1944—1945, p. 289 et suiv.

ля, после стольких промедлений, так возмущавших Кондорсе[1], казалось, что о дорожной повинности все уже сказано и реформа как будто готова. На деле все было не так просто, в чем мы можем убедиться по переписке Тюрго с Трюденом в начале января 1776 г.

Трюден оспаривает преамбулу эдикта, он находит ее длинной и написанной в необычном тоне. Но Тюрго настаивает на подробном изложении предмета; как и в вопросе о хлебной торговле, он заботится о просвещении и формировании общественного мнения. Трюдена беспокоит оппозиция парламентов, до него уже дошли кое-какие слухи[2].

«Мне показалось, что президент Флёри решительно настроен против этого дела. Тут видно влияние партии принца де Конти». По мнению этой партии, «простолюдины по праву рождения могут быть произвольно облагаемы податями и барщиной», тогда как люди благородные «по праву рождения свободны от всяких налогов». Эта теория кажется Трюдену просто отвратительной, и он считает, что она должна вызвать «отвращение [к парламенту] у народа, если у него есть здравый смысл». Но после недавних разочарований Трюден скептически относился к возможности поддержки со стороны народа. «У нашей публики нет ни рассудительности, ни принципов». Добряк Трюден попытался было убедить своего президента парламента, говоря, что король стал на сторону бедных против богатых, но тот возразил ему: «Только константинопольский деспотизм защищал народ от сильных мира сего»[3]. Мы узнаем высокомерный язык принца крови — «патриота» и эрудита.

Однако классовая доктрина не могла служить надежным опровержением; и потому противники проекта выдвигали возражение, которое, кстати, долго поддерживал и сам Трюден: опасность использования не по назначению особого дорожного сбора.

Парламентская оппозиция, уже стягивавшая свои силы, имела в самом правительстве ревностного агента, и даже подстрекателя, в лице Мироменил. Он написал (как говорили, по наущению Морепа) записку с подробными критическими замечаниями по поводу проекта. Тюрго в свою очередь написал ответ

1 «Найду ли я дело о дорожной повинности законченным к моему возвращению?» (Лето 1775 г. Condorcet. Correspondance .., p 212; см. выше, часть первая, глава IV.)

2 Перед этим у него был более успокаивающий разговор с Ламуаньоном, кузеном Мальзерба (см.: Vignon. Op. cit., t. III, p. 114; Foncin. Op. cit., p. 375), но этот магистрат, насколько нам известно от Ожара, был далеко не лучшим экпертом, чтобы с ним советоваться.

3 Переписка, цитируемая Фонсеном. См.: Vignon. Op. cit, t. III, p. 114 et suiv. Два письма Тюрго к Трюдену, от 13 и 14 января, были опубликованы Шеллем. (Schelle, t. V, p. 162.)

на эти замечания. Эта форма дискуссии сделала его стиль более образным и язвительным, чем в его обычных докладах:

«По поводу крестьян, которые ходят пешком, да будет мне позволено с разрешения г-на хранителя печати заметить, что удовольствие ходить по хорошо вымощенной дороге не вознаграждает их за безвозмездный труд по ее постройке».

Но главный спор разгорелся по поводу налоговых привилегий. Тюрго указывает, что по этому вопросу министерство финансов давно проводит неизменную политику: «Из всех министров финансов вот уже восемьдесят лет и даже более... не было ни одного, кто постоянно не старался бы ограничить привилегии».

Тюрго оспаривает самый принцип привилегий дворянства, основанных первоначально на несении военной службы, «личной службы в армии»; принцип этот давно отжил свой век. Теперь дворянство покупается за деньги, «так что сословие дворян включает всех богачей». Дело привилегий стало делом богачей против бедняков[1].

Утратив свой смысл, эта привилегия в то же время стала более обременительной. Небольшие неравенства, лишь немного нарушающие справедливость, не приносят большого вреда. Но налоговое бремя непрерывно увеличивается и из «несправедливого» превращается в «нестерпимое». Если бремя равно двум ливрам... если бремя равно двумстам ливрам... если бремя равно четыремстам ливрам... «тогда, если его не разделить, оно становится невыносимым».

Однако Тюрго не делает из своих посылок логического вывода. Он не забывает о факторе своевременности. Надо примириться с существованием привилегии дворянства в отношении уплаты тальи «как с установленным правилом, которое было бы неразумно менять». Но «не надо обманываться и считать его мерой, справедливой самой по себе и тем более полезной». Что касается привилегий духовенства, то он не считает их более обоснованными, чем прочие. Но... «не надо затевать сразу двух ссор»[2].

1 Мимоходом, в связи с аргументом Мироменил о жертвах, приносимых дворянством на поле брани, Тюрго, воспользовавшись, как всегда, случаем, затрагивает другой близкий ему вопрос: о чрезмерном бремени военных расходов, которые «разоряют финансы и истощают наши национальные силы».

2 Кондорсе пишет, что самые просвещенные и самые разумные представители духовенства правильно считали, что «духовенство может надеяться сохранить свои привилегии еще на некоторое время, только если добровольно откажется от тех, которые вызывают наибольшее возмущение». (Condorcet. Vie de Turgot, p. 87, note.) А в своей переписке он отмечает более раздраженно: «Если французское дворянство поднимет крик и не позволит вам заставить духовенство платить дорожный сбор, оно будет последней сволочью на свете» (апрель 1776 г.).

Этот письменный диалог между двумя министрами является одним из лучших произведений Тюрго и значительным революционным документом. А сама форма его поражает нас тем, что он производит впечатление диалога между глухими.

Сам эдикт лишь слегка касается щекотливой дискуссии о привилегиях и останавливается на фискальных и технических аспектах проблемы. Но в нем есть интересное замечание, что время представляет собой ценность. Занимать время работника, даже вознаграждая его за это, — значит уже брать налог, а занимать его безвозмездно — это уже двойной налог.

«Нам представляется невозможным определить, во что дорожная повинность обходится народу».

Работы выполняются плохо. Строить мощеные дороги — настоящее искусство. Надо иметь постоянные кадры квалифицированных рабочих и ответственных подрядчиков. Существуют к тому же трудные работы: сооружение мостов, крутых откосов, земляных насыпей. Класс собственников должен «нести расходы, раз он извлекает из этого выгоду».

Наконец, эдикт вводит принцип, которого Тюрго придерживался при осуществлении своего плана бюджетной политики: в случае войны расходы, не имеющие неотложной необходимости, могут быть отсрочены. И соответственно особые сборы будут сокращены, чтобы дать возможность повысить чрезвычайные налоги.

Предусматриваемый дорожный сбор будет равен 10 млн. для областей, лишенных местного самоуправления (если учесть и области со штатами, то это соответствует цифрам, указанным Дюпон де Немуром в его расчетах) [1].

Наконец, что касается использования дорожного сбора, то эта сумма не будет поступать в королевскую казну, а передаваться в генеральства и использоваться в основном на местах; налог будет взиматься лишь в соответствии с новой сметой, утверждаемой Советом каждый год. Этот пункт обратил на себя особое внимание короля [2].

1 В заключение Тюрго исключает статью 11, обязанную своим появлением осторожности Трюдена и ограничивавшую сбор тремя годами. Он отвергает и предложение Миромениля, хотевшего вернуться к системе подписки (abonnement) Фонтетта. Это было бы плохим мероприятием и к тому же значило бы «пожертвовать авторитетом короля, уступив скороспелым требованиям парламента».

2 Morellet. Mémoires, t I, p. 95.

ЦЕХОВАЯ СИСТЕМА [1]

Мы уже видели, что политика свободы хлебной торговли привела Тюрго к проекту отмены цеховой системы. Если бы мы не знали этого обстоятельства, можно было бы подумать, что эта мера служит дополнением к отмене дорожной повинности. Освобождению работников земледелия соответствует освобождение работников промышленности и торговли. Такова, например, точка зрения Кондорсе: «Рабство деревенского народа было уничтожено, но народ городов оставался еще в цепях, которые следовало разбить». Однако мысль Тюрго следовала не по этому пути. Он собирался связать свою новую реформу не с отменой дорожной повинности, а со свободой хлебной торговли.

«После свободы хлебной торговли... это один из самых значительных шагов к возрождению королевства». «Это второе мероприятие будет для промышленности тем же, чем первое было для земледелия». Самым веским аргументом в его вступительном мемуаре к шести эдиктам было повышение цен на продовольствие, являющееся следствием цеховой системы. Фунт хлеба должен был стоить (исходя из стоимости сетье зерна в дни написания эдикта) 2 су и 2 денье; на деле же он продавался за 2 су и 9 денье. Так же обстояло дело и с мясом (не приводя точных цифр).

В этом же тексте Тюрго высказывает еще одно соображение, имевшее значение именно для промышленности и связанное со сложившимися в тот момент обстоятельствами. В то время английские фабрики оказались вынужденными прекратить торговые операции с американскими колониями. Следовательно, наступил благоприятный момент, чтобы привлечь во Францию умелых английских рабочих, которые принесли бы с собой новые способы производства. Однако цеховая система закрывала им дорогу.

С начала века цеховая система стала предметом критики новой либеральной школы. После труда Клико де Блерваша,

1 Вопрос о корпорациях при старом порядке был широко освещен в фундаментальных работах Мартена Сен-Леона, Оливье Мартена и Коорнера (Coornaerts). Поэтому, кроме необходимых общих сведений, мы ограничимся замечаниями в тех случаях, когда можем внести уточнения, используя малоизвестные или неизданные документы, относящиеся к периоду управления Тюрго и его непосредственного предшественника аббата Террэ.

вышедшего в 1757 г.[1], эта критика нашла свое наиболее законченное выражение в двух работах, написанных с одинаковых позиций, но в противоположных жанрах.

Одна из этих работ — беллетризованная апология под названием «Шинки, кохинхинская история» — была напечатана в 1768 г. аббатом Куайе по указанию генерального контролера Мейнона д'Энво[2]. Вторая — мемуар, написанный Биго де Сент-Круа, президентом палаты прошений Руанского парламента, которому это исследование было поручено генеральным контролером Лаверди. Его мемуар был напечатан посмертно в «Новых Эфемеридах» в 1775 г.[3]. Венсан де Гурне также писал на эту тему[4]; откликнулся на нее и Тюрго, хотя и не развил ее подробно, в «Похвальном слове Венсану де Гурне» и в письмах Дюпону и Такеру.

Либеральная школа уже добилась кое-каких успехов в административной практике. Так, в 1765 г. вышел эдикт о свободе оптовой торговли[5], а в марте 1767 г. новый эдикт разрешил «чужакам», то есть ученикам и подмастерьям из других городов, вступать в цехи.

АББАТ ТЕРРЭ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ РЕФОРМЫ

Обычно считают, что аббат Террэ в этом случае, как и в других, проявлял склонность к «дирижизму»[6]. Однако как в других случаях, так и в этом такая точка зрения кажется нам опи-

1 «Mémoire sur les corps de métiers» был опубликован в Амьене под псевдонимом Делиль. О работах экономистов и физиократов см. труды Мартена Сен-Леона (Martin Saint-Léon) и Вёлерса (Weulersse G. Le Mouvement physiocratique en France, 1756—1770, 2 vol., Paris, 1910).

2 См.: Schelle. Vincent de Gournay, p. 131.

3 Биго де Сент-Круа отстаивает концепцию, которая кажется современной: снижение себестоимости и ограничение прибылей посредников, — но он соединяет ее с предрассудком физиократов, выраженным в его самой нелепой форме (торговец и ремесленник обогащаются за счет крестьянина и землевладельца).

4 См.: Gournay V. Mémoire sur les communautés lyonnaises, 1752.

5 По правде говоря, это не было новшеством, но все же эдикт расценивали как поражение цехов. (См.: Martin Saint-Léon. Op. cit., p. 429.)

6 См.: Martin O. L'Organisation corporative, p. 520; Weulersse. Op. cit., p. 210.

бочной. Аббат Террэ не был приверженцем какой-либо доктрины, ни либералом, ни «дирижистом», он был прежде всего поборником крутой фискальной системы; но был довольно хорошим экономистом, как мы уже видели на примере хлебной торговли. Это первый генеральный контролер до Тюрго, обративший внимание на вопрос о цехах в целом, и по многим документам видно, что он собирался осуществить их реформу[1]. Поэтому он велел приготовить проекты эдиктов, окончательная форма которых нам неизвестна, но мы знаем их в общих чертах.

В этих текстах очень ловко сочетались либеральное смягчение цеховой системы и значительные финансовые поборы в пользу государства. Основная же идея сформулирована так: «Держаться золотой середины между господствующим ныне принуждением и общей свободой, между высокой долей пошлин и поборов и свободной деятельностью без всяких поборов».

Главные положения этих проектов можно резюмировать следующим образом:

государственный контроль над ставками сборов, установленными цехами, и над их счетами;

уменьшение пошлин (по-видимому, остановились на $^2/_3$) вместе с отменой незаконных поборов должно ограничить общие сборы 3 млн. вместо 4500 тыс.;

само государство воспользуется этим для получения пошлины в размере $^1/_5$ существующей вступительной платы, что составит капитализированную сумму в 12 млн., которые пойдут на погашение долгов корпораций;

обязанность изготовления шедевра отменялась, как чисто разорительная и притеснительная; подчеркивалось, что ее бесполезность доказана случаями, когда мастеров освобождали от этой обязанности.

Наконец, самое важное: король утвердит два вида новых патентов, дающих одновременно свободу и доход:

патент на ветеранство, позволявший мастерам после двадца-

1 Fonds Joly de Fleury, 1728—1729, f° 120 et suiv. Эта серия содержит ряд документов по интересующему нас вопросу, относящихся к эпохе Террэ, а некоторые и к эпохе Тюрго, но совершенно очевидно, что сверхфиксальные тексты, которые мы рассмотрим дальше, не могли принадлежать Тюрго. С другой стороны, сопроводительная записка генерального прокурора, ссылающаяся на проект эдикта и датированная 8 февраля 1773 г., могла быть адресована только Террэ (см. далее). Эта записка сопровождала, несомненно, проект эдикта, вдохновленный различными документами, которые были приложены к нему. Но документ, непосредственно следующий за ним, должен, напротив, быть отнесен ко времени правления Тюрго. Это решительно либеральный мемуар, который мог быть составлен Альбером и на который намекает Тюрго.

ти лет работы уступить свое дело, но при этом продолжать самим работать. Надо заметить, что такая мера представляется разумной, так как, если мастер не передавал своего дела перед смертью, то его трудно было продать, а если он уступал его при жизни, то был лишен возможности продолжать работу. Следовательно, ветеранство было решением благоприятным и для мастера и для казны;

патент на вступление [в корпорацию], что позволяло создавать новых мастеров, однако при условии отсутствия вакансий, на которые могли сначала претендовать кандидаты.

В теоретической части этих документов заметно влияние концепции регламентации, в частности нежелательность полной свободы: «публика не будет обслуживаться... доверие исчезнет»; а также право короля — «право назначать мастеров»; наконец, там выражены политические опасения, не лишенные интереса. Опасения, как бы не образовалась корпорация граждан, которая может попытаться добиться «полной независимости, столь опасной всегда в монархических государствах... Наступит всеобщий беспорядок, не будет больше ни корпораций, ни союзов, а вскоре и никакого подчинения. Иначе говоря, *государь не будет знать, кому же передавать свою волю*» [1]. Здесь очень конкретно выражена теория корпораций-посредников; речь идет о целой сети передач.

Но тут видна и забота о предоставлении большей свободы, что проявляется в некоторых формулировках, которые могли бы принадлежать и экономистам: «Пружины общего товарооборота вновь обретут свое естественное движение».

Один мемуар, находящийся в той же серии документов, но связь которого с остальными текстами не выражена достаточно четко, очень сурово осуждает злоупотребления присяжных * в цехах [2]. Часть средств тратится на «роскошные пиршества, незаконные дележи и на содержание тайной партии, которую они (цеховые смотрители и присяжные) создали». Собрания их беспорядочны, а при выборах все решают деньги.

Цеховые смотрители и присяжные путем подкупа заручаются поддержкой низших чинов полиции, что обеспечивает им безнаказанность и дает возможность препятствовать реформам, ибо по поводу каждого проекта советуются с полицией, которая поддерживает мнение какого-нибудь секретаря. Таким образом, регламент, несколько раз представляемый автором мемуара с 1770 г., так и не увидел света; какой-то секретарь внес контрпроект и хвастался, что его назначили на пост «генерального

1 Fonds Joly de Fleury, 1728—1729, t. II, f° 148.

* Выборные должностные лица в цехах. — *Прим. ред.*

2 Этот текст не содержит иных выводов, кроме того, что не следует доверять полиции в подобных вопросах.

кассира всех корпораций». Это тот контрпроект, который «за подписью магистрата, бывшего в ту пору председателем суда», был послан в 1772 и 1773 гг. для регистрации. Все эти даты относятся ко времени правления аббата Террэ.

Сам мемуар, судя по этим сведениям, относится к 1774 г. и был подан, вероятно, до прихода Тюрго, так как его автор, несмотря на резкость критики, говорит только о реформе, а не об упразднении цеховой системы [1].

Во всяком случае, можно, бесспорно, приписать сотрудникам аббата Террэ другую записку, приложенную к проектам эдиктов, очень характерную для принципов генерального контроля при предшественнике Тюрго. Автор этой записки подчеркивает слишком явный, исключительно налоговый (фискальный) характер проекта и говорит, что его следовало бы подкрепить соображениями общественного блага.

Наконец, несомненно, самый любопытный текст — сопроводительная записка генерального прокурора, позволившая нам установить точную дату, когда была собрана вся документация — 8 февраля 1773 г.[2] Жоли де Флёри отмечает, что проект эдикта (по-видимому, он имеет в виду окончательный проект, который не сохранился, но, очевидно, воспроизводил основные вышеизложенные положения) не вызовет отрицательной реакции у торговцев в целом, а только у смотрителей и присяжных «и тех из них [торговцев], кто грабит». Поэтому нечего опасаться и больших трений в парламенте. «Что касается налоговой (фискальной) администрации, то она всецело в руках у министра, а парламент только оттеняет картину, способствуя доверию». Эти оптимистические соображения приводят к интересному заключению, касающемуся некоторых нравов парламента (речь идет о парламенте Мопу, но в данном случае, как и в других, он старается копировать прежний): «Возможно, что каждому комиссару парламента дают (sic!) лишь скромную сумму в тысячу франков, а может, *даже ничего*. Следует, однако, заметить, что, давая скудную плату, получают такие же услуги»[3].

1 Однако он говорит языком, достойным «экономиста», когда подчеркивает, что главы ремесленных гильдий принуждают французских рабочих покидать родину и отваживают иностранцев. (Fonds Joly de Fleury, 1728—1729, t. II, f° 145.)

2 Эта пометка сделана другим почерком. Во всяком случае, сама редакция записки и отношения между генеральным прокурором и контролером, о которых она свидетельствует, совершенно исключают предположение, что подобное послание могло быть адресовано Тюрго.

3 Fonds Joly de Fleury. 1728—1729, t. II, f° 120.

ТЮРГО. ДОКТРИНА УПРАЗДНЕНИЯ ЦЕХОВ

Таким образом, выясняется, что вопреки общепринятому мнению вопрос о ремесленных цехах стоял в порядке дня до прихода Тюрго в министерство, и в частности во время правления аббата Террэ, которое считали пробелом в процессе усиления влияния новых экономических доктрин.

Однако там, где аббат Террэ высказался за реформу — реформу фактически либеральную, хотя главной ее заботой были фискальные интересы,— Тюрго не мог высказаться иначе, как за полное упразднение цехов. Этого и следовало ожидать, зная его общую доктрину, после опубликования мемуара Биго де Сент-Круа, после проведенного Тюрго летом опроса, а также после принятия им первых решений в сфере промышленности и торговли. Тюрго попросил своего верного Альбера составить по этому вопросу мемуар. Нам представляется возможным идентифицировать этот мемуар с текстом, находящимся в фондах Жоли де Флёри под № 121 и следующими, где его вложили в документацию Террэ.

Автор сразу занимает решительную позицию: «Установление корпораций порочно и противозаконно. Как финансовое учреждение они крайне пагубны. Как учреждение политическое они дают результаты, противоположные поставленным целям. Их злоупотребления неисправимы, так как порождаются порочностью самого учреждения».

Вот что значит правильно поставить проблему. Ибо ни один мыслящий человек, серьезный и бескорыстный, не мог в ту эпоху не знать о злоупотреблениях корпораций. Следовательно, надо было выяснить, были ли эти злоупотребления *присущи самому учреждению* или нет, можно ли было ограничиться реформой или надо было его упразднить. Сами эти злоупотребления, о которых существует обширная литература, а мемуар приводит интересные подробности, связаны с тремя главными моментами:

1. Плохое финансовое управление цехов. Они взимали слишком высокие пошлины и незаконные поборы, и вместо того, чтобы использовать их на уплату своих долгов [1], разбазаривали

1 Сами долги были фискального происхождения, так как цехи занимали деньги, чтобы перекупать должности, созданные королем; и именно чтобы возместить долги, им было дано право взимать пошлины. Мемуар № 121 дает красочное описание того, что в ту пору назы-

добрую их часть «на празднества, церемонии, процессы», как сказано в преамбуле эдикта (не говоря уже о «незаконных дележах», как указано в мемуаре № 145). Мемуар, приписываемый Альберу, дает некоторые уточнения. Вступительный сбор приносил парижским цехам в год 1 млн. франков. Пошлины за осмотр товаров и конфискации удваивали эту сумму. Из этих 2 млн. франков корпорации вносят всего 300 тыс. франков в счет своих долгов. Вознаграждение присяжных вместе с пиршествами и т. п. составляет 400 тыс. франков, помощь нуждающимся мастерам, которую никогда не проверяли у получателей,— 200 тыс. франков. Следовательно, употребление более чем половины доходов если и не остается в полной тайне, то, во всяком случае, не соответствует первоначальному назначению этого института. Из этой части, по-видимому, оплачиваются расходы на судебные процессы, которые аббат де Вери оценивает в 1 млн. и которые дают неплохой доход судейским. (Биго де Сент-Круа, который кажется нам более компетентным в этом вопросе, называет более скромную сумму — 400 тыс. ливров.)

2. Фактическая монополия, которую цехи обеспечивают сыновьям мастеров, сыновьям при мастерах, мужьям вдов и дочерей, достигается разными способами: продолжительностью обучения, вступительным взносом, расходами на изготовление шедевра и произволом в его оценках, запрещением жениться ученикам и т. д. [1]

3. Наконец, притеснения и преследования, которые чинят друг другу торговцы разных цехов (работающие в соседствующих областях) или последние покупателям. Тяжба между лоскутниками и портными, указывается в мемуаре, длится уже 250 лет и насчитывает 400 судебных решений. Нередко идут и на «провокации». Присяжные цеха торговцев уксусом, к примеру, посылают приятеля купить на 2 су горчицы у бакалейщика, а сами следят, притаившись в экипаже в конце улицы,— захват с поличным, судебное преследование, сопротивление вла-

вали «королевской пошлиной». Она обязана своим возникновением не решению короля, а выдумке чиновника королевского казначея, называвшего себя «королем галантерейщиков» и требовавшего уплаты пошлины за досмотр (визитацию) товаров. Пошлины, взимаемые парижскими цехами, достигали, по исчислению Биго де Сент-Круа, 5 млн.

1 О сроках обучения и работы подмастерьем см.: Martin Saint-Léon. Histoire des Corporations de Métiers, p. 457 et suiv. О плате за обучение см. также: Fonds Joly de Fleury, 1728—1729, t. I. Средний срок этих двух стадий обучения от 7 до 10 лет. «Семь лет обучения до работы подмастерьем, чтобы научиться сбивать бочки. Столько лет не понадобилось бы,— возразил Шинки,— даже для того, чтобы научиться строить корабли». (Coyer. Chinki, histoire cohinchinoise.)

«Сын при мастере» — это тот, чей отец еще не был мастером, когда он родился, но стал мастером позже.

сти, два месяца заключения. В мелочную лавочку посылают «женщину с бледным лицом, умеющую ловко прикидываться больной или беременной», она просит и получает для подкрепления стаканчик водки — судебное преследование. Присяжные парикмахеры могут останавливать прохожих на улице, чтобы проверить, не несут ли они каких-либо инструментов, относящихся к их профессии: они имеют право арестовать «нарушителей», и те должны заплатить 30 или 36 ливров выкупа. Завистливые соседи доносят на женщин — искусных вышивальщиц, и, хотя они и вышивают только для себя, как это докажешь? Публика имеет право покупать изделия непосредственно у производителя, но при этом рискует натолкнуться на проверку и преследование.

Присяжные цеха строителей преследуют тех, кто пользуется «буржуазной привилегией» поручать строительство домов тем рабочим, которых они выберут сами. Как-то привели домой избитого ребенка, которому родители поручили продать какую-то мелочь, и т. д. Автор мемуара, блестящий рассказчик, кажется нам менее убедительным, когда в своей преамбуле задается вопросом: действительно ли подобные злоупотребления присущи самой системе?

Что касается Тюрго, то он не вступает на легкий путь — набросать живописную картину. Впрочем, он отсылает королю мемуар Альбера. Преамбула эдикта написана довольно абстрактно, это одно из наименее ярких произведений Тюрго. В нем чувствуется такая же убежденность, как и в других его трудах, но нет страстной убежденности. Не теряя, конечно, прежней убежденности, он тут менее убедителен для других. Он приводит лишь два примера: запрещение жениться ученикам и отстранение женщин-вышивальщиц от работ [1], которые им, казалось, более всего подходят. Говоря о мелких злоупотреблениях, он выносит им всем резкое, исполненное презрения осуждение «Свод нелепых, тиранических правил, придуманных человеческой алчностью, принятых во времена темного невежества».

Начав с исторической части, которая кажется нам сегодня весьма спорной [2], Тюрго излагает юридические и экономические соображения, которых и следовало ожидать. Далекий от того, чтобы одобрять право короля создавать мастеров, он возмущается тем, что право на труд рассматривают «как королевское право, которое государь может продавать, а его подданные должны покупать». Король, напротив, должен обеспечивать

1 И от галантерейной торговли, подчеркивает мемуар. Мы видели выше, что понадобилось вмешательство самого генерального контролера, чтобы получить для несчастной швеи из Руана простое разрешение работать самостоятельно.

2 Martin Saint Léon. Op. cit., p. 477.

своим подданным «полное пользование всеми их правами», а особенно тем, кто не имеет иной собственности, кроме своих рук и своего промысла. Он не идет так далеко, как Биго де Сент-Круа, провозглашавший «свободу работать плохо»; он опровергает доводы тех, кто говорил об угрозе ухудшения качества, опираясь на опыт (рабочие «привилегированных мест» * работают не хуже других) и на экономические соображения. Это наиболее оригинальная часть его текста и наиболее передовая. Подлинное различие, подчеркивает он, существует не между мастерами и подмастерьями, а между предпринимателями (теми, кто вкладывает свои капиталы) и наемными тружениками (теми, кто располагает лишь трудом своих рук). Поэтому предприниматели не станут рисковать своим капиталом, нанимая плохих рабочих.

Тюрго с сожалением допускает четыре исключения, и лишь для «настоящего времени»: для цирюльников-парикмахеров, из финансовых соображений, так как это ремесло превратилось в должности [которые они купили] и пришлось бы выплачивать за них возмещение; для аптекарей, золотых дел мастеров и печатников, из соображений «полицейского надзора» [1].

За этими исключениями, корпорации будут упразднены. Их ликвидация произойдет организованно. Ремесленники должны будут только занести себя в полицейские реестры. Тюрго доходит до крайности в логическом завершении своей системы, запрещая всякие ассоциации и собрания. В наши дни кажется, что это запрещение противоречит принципам либерализма. Но свобода собраний и ассоциаций не была в то время общим правом для всех. Тогда казалось естественным предотвратить возможность восстановления осужденных организаций. Это же положение было подтверждено законом Ле Шапелье. Наконец, это запрещение было смягчено статьей X, предусматривавшей каждый год созыв собраний торговцев и ремесленников по округам для выборов синдиков (старшин) и их помощников, которые должны были следить за профессиональной дисциплиной, под контролем полиции. Несмотря на свой решительный характер, система Тюрго, по его обыкновению, была умеренной и «продуманной».

Антитеза на этот раз была представлена не в виде мемуара

* То есть мест, свободных от цеховой регламентации, например предместье Тампль. — *Прим. ред.*

1 Исключение легко понять по отношению к аптекарям. Что касается печатников, то Кондорсе указывает, что Тюрго вынужден был считаться с «предрассудками и нелепым страхом перед свободой печати». А для ювелирного дела Тюрго, по словам того же автора, готовил новое законодательство относительно золотых и серебряных изделий, которое предполагало свободу торговли с участием официальных «пробирщиков» (Condorcet. Op. cit., p. 93).

министерству, а в виде брошюры адвоката Делакруа (рассматривавшей вопрос о шести корпорациях и сохранении их привилегий), которая была опубликована в январе месяце [1].

Делакруа не отвечает непосредственно на эдикт, так как он еще не был опубликован, и таким образом якобы возражает Биго де Сент-Круа. Как и следовало ожидать, Делакруа занимает удобную позицию: он согласен, что следует исправить злоупотребления, но провести реформы — не значит упразднить. Один из его доводов — качество работ: рабочие, не прошедшие ученичества, неумелы. Другой довод—морального порядка; речь идет о профессиональной и социальной этике: торговцы, вместо того чтобы пристойно ждать покупателей, превратятся в «разносчиков, бесстыдно вторгающихся в дома». Затем следует похвальное слово специализации: зачем покупать шляпу у сапожника? Он опасается также нашествия ремесленников в города и обезлюдения деревни. Самый интересный довод в возражениях Делакруа, восстающего против Биго, сторонника централизации («крупный предприниматель добивается большего результата *с меньшими затратами*»), — *это вопрос о мелких предприятиях*, которые будут иметь долгую жизнь: «Деньги текут по разным каналам и обеспечивают много семей». В этом мемуаре нет чисто политических доводов, нет довода о социальном значении корпораций как промежуточных звеньев, посредников.

Вопросы дорожной повинности и ремесленных корпораций интересовали Людовика XVI. «Король, — пишет Бюффон после первого изучения проекта о дорожной повинности, — проявил в этом случае отеческую заботу о народе». А Морелле пишет лорду Шелбёрну: «Все были тронуты вниманием и интересом, которые король проявлял в течение целых трех часов»[2]. Возражения Мироменил и ответы Тюрго были переданы королю «в воскресенье вечером, перед ужином». А на другой день в 10 часов он их уже прочел.

Король дважды прочитал сам эдикты с их длинной преамбулой и захотел, чтобы в понедельник вечером, 5 февраля, их перечитали еще раз на последнем заседании комитета. «В них должна быть выражена ваша воля, а не воля министров», — сказал ему Морепа. А он ответил ему: «Я хочу хорошенько убедиться,

1 Delacroix J. V. Mémoire à consulter sur l'existence actuelle des six corps et la conservation de leurs privilèges. Жак Венсан Делакруа прожил довольно бурную жизнь и был плодовитым литератором; в годы Революции он издавал, в частности, «Le Nouveau Spectateur».

2 Письмо Бюффона от 6 января президенту Рюфэ (Ruffey) см. в: Foncin. Op. cit.; письмо Морелле от 4 января см. в: Morellet. Lettres à lord Shelburne, p. 95.

что это — мое собственное обдуманное намерение, и тогда решу»[1]. Понятно, что на этот раз король не остался безразличным, так как речь шла о конкретных вопросах, затронувших его воображение и чувства. Понятно также, что он принял решения Тюрго, потому что они соответствовали его добрым пожеланиям или по меньшей мере тому мнению, какое он себе составил о них, а еще больше тому, которое ему хотелось видеть у других. Людовик XVI, несомненно, стремился поступать всем на благо, но больше всего ему хотелось прослыть благотворцем. Как и в деле с парламентом, он становился на ту сторону, где думал удовлетворить чаяния народа и тем самым заслужить благодарность и популярность. В нем уживалась смесь застенчивой доброты с угрюмым эгоцентризмом и хитрыми и наивными повадками демагога.

Период правительственной разработки проекта был долог и тянулся с самых первых дней января до 6 февраля, в этот день на нем поставили последние подписи, а 9-го передали в парламент. Он, по-видимому, не вызвал серьезных споров, так как в этом деле король пожелал выразить свое собственное мнение. Мироменил сосредоточил свои усилия на дорожной повинности, а по поводу других проектов высказал лишь незначительные замечания. С другой стороны, он выступал в дебатах менее жестко, чем в письменных замечаниях.

Он уже берег силы для настоящей битвы. «Вот кто является главной пружиной волнений парламента», — пишет о нем Вери уже 3 февраля. Сен-Жермен проявил инициативу, предложив новую систему — достойный плод его оригинального ума, — которая заключалась в переложении дорожной повинности на войска при условии увеличения им оплаты и, конечно, не уступая власти[2]. Все министры держались враждебно-выжидательной позиции. Только Мальзерб искренне поддерживал Тюрго; однако он советовал ему действовать не так быстро и не так решительно: «Вы могли бы кое с чем повременить; могли бы достигнуть кое-чего иначе, постепенно, незаметно, растянув это на три-четыре года...» Тюрго ответил: «Пораженный нашим семейным недугом, могу ли я надеяться, что у меня хватит времени?»[3].

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 397.

2 См.: Métra. Op. cit., t. II, p. 319, 9 janvier 1776.

3 Véri. Op. cit., 17 janvier. Этот ответ обычно цитируется в сокращенном виде: «В нашей семье все умирают в пятьдесят лет». Позиция Мальзерба известна также по его переписке того времени с Трюденом. Мальзерб предложил внести несколько поправок в эдикт о дорожной повинности, а также провести его регистрацию в Палате косвенных налогов (Высшем податном суде). Трюден тем временем снова обрел былое мужество, ибо ответил ему весьма решительным мемуаром. (См.: Foncin Op. cit., p. 430 et suiv.; Vignon. Op. cit., t. III, p. 140.)

Однако он действовал как раз медленно. и его друзья в один голос упрекали его и жалели о промедлении. Именно его медлительность и кропотливость в гораздо большей степени, чем возражения его коллег и раздумья короля, были причиной потери нескольких драгоценных недель. «У этого министра два недостатка, — пишет аббат де Вери, — первый: он позволяет просачиваться сведениям о подготавливаемых нововведениях, — и второй: он слишком долго копается в деталях».

Конечно, надо также помнить и о его болезни[1]. 12 января Трюден снова писал в отчаянном тоне: «Необходимо торопиться... медлительность проведения [эдиктов] в жизнь... подрывает уважение к ним». Его записки становятся все более пессимистическими: «Будьте уверены, что нет ни одного советника в парламенте, который не считал бы появление эдиктов концом вашего министерства»[2]. Тюрго отвечает с резкостью, которую нетрудно понять, ибо во всех его [Трюдена] горьких сетованиях не было никакой конструктивной идеи[3]. К тому же Тюрго знал с самого начала, какой прием ожидает его в парламенте, и не нуждался в информации Трюдена. Мы знаем из депеши английского посла Стормонта, что генеральный контролер в самом начале января устроил себе свидание с президентом [парламента] д'Алигром. Но тот оказался несговорчивым. После довольно бурного разговора обе стороны разошлись, установив свое полное несогласие. Д'Алигр рассчитывал на непримиримую оппозицию. Тюрго — на королевское заседание парламента[4].

1 16 января коммерческий делегат из Бордо не мог повидаться с Тюрго из-за обострения его болезни. Вольтер пишет Фаржесу 26 января: «Говорят, что г-н Тюрго очень тяжело болен». Эти подробности приводит Фонсен. (Foncin Op. cit., p. 407, n. 3.) Вери пишет в конце января: «Я видел г-на Морепа, он очень озабочен, не зная, как найти Тюрго заместителя на время нового приступа подагры, и не хочет среди возникших слухов вызвать опасения за состояние его здоровья».

2 Foncin. Op. cit., p. 405, 12 janvier 1776.

3 «Вы просто смеетесь надо мной... и приводите меня в уныние вашими бреднями о доверии. Неужели вы думаете .. что у меня есть время обсуждать, да еще письменно, подобные бездельницы?»

4 Депешу Стормонта от 10 января 1776 г. см. в: Dakin. Op. cit., p. 242; см. также: Archives de Lantheuil, carton 39 По сообщению Сенака де Мейлана, друзья Тюрго устроили в это время обед, чтобы свести Тюрго с первым президентом и несколькими влиятельными парламентариями. Но Тюрго не старался пленить своих собеседников. (Sénac de Meilhan. Considérations, p. 192.)

Глава V

Королевское заседание парламента

— Сударь, а вы, кажется, довольно упрямы
— Бросьте! Упрям — нет, я не признаю этого слова, но я тверд.

(Диалог Дидро с принцем де Конти Sainte-Beuve. *Nouveaux Lundis*)

Враждебные действия начались еще до того, как эдикты были подписаны. 29 января парламент захватил анонимную брошюру о дорожной повинности, приписываемую Кондорсе и свидетельствующую об оплошности «взбесившегося ягненка». Брошюра начиналась словами, служившими ей также названием: «Благословим министра». Тюрго изъял почти весь тираж, осталось только с десяток экземпляров, но этого было достаточно, чтобы вызвать инцидент[1]. Со времени своего восстановления парламент уже несколько раз накладывал руку на печатные издания, то были как бы первые приметы его силы. Так, 30 июня 1775 г. он приказал изъять две политические брошюры: «Друг законов» («L'ami des Lois») и «Катехизис гражданина» («Le Cathéchisme du Citoyen»). Эти брошюры, которые было очень трудно назвать крамольными, повторяли лишь излюбленную идею Мальзерба об одобрении нации и напоминали, что законодательная власть принадлежала не одним королям, раз они часто созывали Генеральные штаты. Забавно было смотреть, как парламент возмущается всяким ограничением королевской власти, когда сам он служил разительным примером такого ограничения. По этому случаю товарищ прокурора Сегье упомянул о «покрове, которым наши осторожные отцы прикрывали все,

1 См.: Véri. Op. cit., t. I, p. 392 et 395.

что касалось администрации и правительства»[1]. Незадолго до этого мы видели, что парламент заключил мир с духовенством против либерализма и книготорговли. Эдикт о дорожной повинности давал им новый повод усилить оппозицию и укрепить свой союз. Неудачливый Лагарп снова оказался замешанным в историю — на этот раз потому, что поместил крамольный текст на страницах «Меркюр».

Эта операция «передового отряда» была организована и возглавлена молодым советником парламента Дювалем д'Эпременилем, который, «пользуясь как судья весьма посредственной репутацией среди своих коллег», начал, таким образом, смелой вылазкой карьеру вожака, которая продолжалась вплоть до Революции и дала ему возможность прославиться фразой, вошедшей в историю[2]. Д'Эпремениль набросился на экономистов. «Он называл их разрушителями государства, а их идеи и принципы — убийственными, сравнивал их с иезуитами». Не пощадил он и министра. «Не называя по имени, он обрисовал его так, что не узнать было невозможно». Он даже попытался высмеять его за «чувствительность, хотя и похвальную, но, пожалуй, все же чрезмерную», которую Тюрго проявил в деле де Вэна[3].

Товарищ прокурора Сегье вел себя более сдержанно. Изобличенное сочинение, по его мнению, достойно скорее презрения, чем ярости. Однако он продолжает гонения. Произведения Кондорсе и Лагарпа уничтожаются. «Раздавались даже голоса за то, чтобы сжечь и меня со всеми моими бумагами», — пишет Кондорсе Вольтеру.

С началом первых стычек в парламенте вновь появился его великий вождь принц де Конти, которого не пугали «ни жестокие холода, ни печать близкой смерти, отметившая его лицо».

Он сохранит до могилы свою беспокойную душу, замечает аббат Вери. И дорога ему предстояла не длинная. Уже давно страдая от подагры, а с 1770 г. еще и от фистулы, растратив свои силы в распутстве, сжигаемый внутренним огнем многих страстей, живя как в горячке, подхлестываемый острым и язвительным умом, «он дошел до полного изнеможения... и так исхудал, что на него страшно смотреть». Когда он появился в парламенте — это был просто живой труп, закутанный в меха. Вопреки ритуалу он пересекает зал по диагонали, так как у него

1 Rocquain. L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 333; Gomel. Op. cit., p. 147.
2 «Вот увидите, все это кончится постановлением парламента»
3 Bachaumont. Op cit, 5 février 1776. Однако, по словам Стормонта, он все же его назвал (31 января).

недостает сил обойти его кругом[1]. Он громко заявляет, что, если у него не хватит сил дойти до кареты, пусть его несут на носилках[2].

Откуда, однако, эта ненависть и злоба? После возвращения парламента и постепенного возрождения его власти, после признания его [Конти] неоспоримого «лидерства» разве не мог он наслаждаться своим торжеством, не впадая в бешенство?

Кое-кто пытался объяснить его яростные нападки на эдикты личными обстоятельствами и денежными интересами. Предместье Тампль, которым он владел, было одним из «привилегированных мест», где не действовали торговые регламенты. «Свобода и та стала привилегией», — сказал по этому поводу Биго де Сент-Круа. Снять помещение в черте Тампля — этого добивались очень многие, и принц де Конти получал хороший доход. Доход от сдачи внаем, как говорили, выражался в сумме 50 тыс. ливров в год[3]. Предполагают даже, что именно по этой причине, опасаясь проекта Тюрго и чувствуя угрозу своим доходам, он уже с апреля 1775 г. пытался организовать против министра превентивное нападение. *Мы склонны считать, что это объяснение* придает слишком большое значение побочному соображению, которое могло играть лишь второстепенную роль. Мы уже указывали, что подозрения, которые высказывали по адресу принца де Конти во время «Мучной войны», не получили ни малейшего подтверждения. Однако подозрения эти были высказаны; он не мог не знать о них, и они лишь усилили его враждебность к Тюрго. Но главным мотивом его яростной энергии не были, несомненно, ни любовь к наживе, ни злопамятность; он был более прямодушным и в своем роде более благородным.

Несмотря на свой парламентский пыл, за который Людовик XV называл его «мой кузен адвокат», несмотря на свой показной демократизм, за который его крестьяне из Л'Иль-Адама называли Конти «наш отец принц», несмотря на то, что его друзьями были Руссо, Бомарше и особенно Дидро (Дидро, осуждавший ремесленные цехи), секретарем — Лебрен-Пиндар, а духовником — аббат Прево[4],—несмотря на все это, принц оста-

1 Capon et Plessis. Vie privée du prince de Conti, p. 165 et 511; Bachaumont. Op. cit., 2 novembre 1775; Véri. Op. cit., p. 392.
2 Донесение Стормонта от 7 февраля 1776 г. см. в: Dakin. Op. cit., p. 243.
3 См. письмо графа де Крейца Густаву III, цитируемое в: Ségur. Op. cit., p. 286.
4 «Духовник мой, ты что смеешься? Я никогда не слушаю мессы». — «А я как раз, монсеньор, ее никогда и не служу». — «В таком случае ты как раз такой капеллан, какой мне нужен». И принц де Конти назначил ему пенсию в 1200 ливров. (См.: Capon et Plessis. Op. cit., p. 138.)

ется убежденным антилибералом и противником прогресса. Он враг всякой реформы и всякого либерализма — всего, в чем проявляется хоть капля демократизма, будь то в политике или в экономике. Но его антилиберализм не совпадает с абсолютизмом. Напротив, он остерегается просвещенного деспотизма и либерального абсолютизма.

Он искренно верит, как и его парламентский сеид, приводивший Трюдену в пример Константинополь, что «принцы и дворяне должны защищать короля от народа, а монархический строй — от самого короля»[1].

Этот пылкий любитель сенсаций, по-видимому, испытывает тонкое умственное наслаждение, пользуясь искусством дискуссии для защиты доктрины повиновения и пуская в ход оружие разума в борьбе за совершенно иррациональную социальную теорию. Наконец, у него натура оппозиционера. Он загорается, выступая «против».

Только в одном вопросе он показал себя либералом, или, скорее, вольнодумцем, но совсем в другом смысле слова, вот почему некоторые наделяют его смелым и передовым умом. Он отвергает авторитет церкви, религию и мораль. Отсюда и его расположение ко многим философам: он ценит их не за их теории, а за неверие в бога. Он противник религии. Он отстаивает свое безбожие с таким же рвением, как и другие свои убеждения, до самого конца, и перед смертью совершает поступок, прибавивший последнюю и самую яркую черту к экстравагантному образу, который он старательно создавал себе на протяжении всей своей жизни. Отказ от церковного причастия поистине венчает столь необычную и намеренно скандальную жизнь.

В первый и, вероятно, последний раз в истории принц крови пожелал умереть нераскаявшимся грешником. Ему приписывают следующие последние слова: «Избавьте меня от этого длинного человека в черном, он мне надоел»[2].

Принц умер 2 августа 1776 г. в возрасте пятидесяти девяти лет. Если бы это произошло на полгода раньше, битва за эдикты развернулась бы без него. Все события эпизодической истории оборачивались против Тюрго.

С таким стратегом следовало действовать осмотрительно. Правительство видело, что его уже обгоняют. Поэтому было решено сэкономить время и «послать эдикты сразу на пергаменте, не отправляя их предварительно на бумаге, для изучения главным лицам». Это сделали вопреки советам Трюдена, который

1 Он тем более ревностно относился к своему королевскому происхождению, что законность его рождения часто ставили под сомнение.
2 Это относилось к священнику — настоятелю Тампля. (См: Capon et Plessis. Op. cit., p. 316.) Чтобы соблюсти приличие, святые дары внесли в одну дверь и вынесли в другую.

писал: «Предупреждаю Вас, что парламент (grand banc) рассчитывает получить ваше сообщение [эдикты] на бумаге... его рассердит и возмутит, если вы этого не сделаете». В то же время Совет решил действовать мягко, но оставить за собой последнее слово: выделить разумное время на ремонстрации, если парламент их представит, и после этой отсрочки назначить королевское заседание парламента.

9-го, в пятницу, утром эдикты были переданы в парламент, где собралась Большая палата и Уголовная палата (Турнель), а также президенты д'Алигр, Лефевр д'Ормессон, де Ламуаньон и Жоли де Флёри. Было решено, что все дело в целом будет доведено до сведения объединенного заседания всех палат. Палаты одобрили эдикт о кассе в Пуасси и выбрали комиссаров. Эти последние поначалу как будто одобрили эдикт о хлебной торговле. Тактически это было ловкое начало, и неудивительно, что в этом видели направляющую руку принца де Конти. Парламент как бы показывал, что не руководствуется духом систематической оппозиции, что он глубоко изучает все вопросы и отвергает лишь то, что считает решительно неприемлемым. Наивный Кондорсе попался на эту удочку. «Предполагают, что все обойдется благополучно», — пишет он Вольтеру. Однако принц де Конти, хотя и еле живой, таскается на все собрания комиссаров. Но Кондорсе весело заключает: «Сколько бы ни старался этот принц, он и дорожная повинность уйдут из жизни вместе».

В субботу 17 февраля палаты снова собираются и приступают к изучению эдикта о дорожной повинности. Генеральный прокурор представил неблагоприятное письменное заключение. Комиссары (сегодня мы сказали бы о них «комиссия») в лице своего докладчика Саюге (Sahuguet) высказались в том же духе. Проголосовали, решили подать королю ремонстрацию и снова выбрали комиссаров для ее составления. Вечером того же дня было принято аналогичное решение относительно остальных эдиктов.

Тем временем дело Кондорсе послужило началом маленькой войны с цензурой, развернувшейся параллельно с главными операциями. Вслед за Делакруа ремесленные корпорации решили выпустить один за другим общие или отдельные мемуары. Сам Делакруа, усиливая нажим, прибавил к своему первоначальному тексту еще семь страниц ин-кварто и опубликовал слово в защиту портных[1]. Знаменитый Ленге не хотел отста-

1 По мнению Делакруа, упразднение цеха портних нанесет роковой удар нравам, ибо тогда мужчины смогут обшивать женщин и женщины мужчин: «Грубые мужские руки будут обхватывать нежную женскую талию... нескромный взор не будет знать преград под предлогом точного обмера...» Делакруа, как видно, забыл, замечает Метра

вать от других, но не мог подписать мемуара как адвокат, ибо был лишен этого звания, и напечатал его под заголовком «Размышления о шести парижских корпорациях, об упразднении цеховой системы». Он отыскивал аналогичные случаи в истории Египта, Рима, Китая и Англии, но был более умерен, чем обычно. Написал он еще и мемуар о белошвейках, где соперничал в смехотворных моральных рассуждениях с Делакруа, который писал о смежной профессии. Появились также «Размышления о мастерах-портных», сочинение адвоката Дюто, сочинение Леруа де Монтекли о граверах-резчиках и др. «Каждый старался, кто во что горазд», — замечает Башомон.

Тюрго решил, что они превысили всякую меру. Без сомнения, он был также возмущен оскорблением, нанесенным его другу Кондорсе. 21 февраля он написал Мироменилю, пожаловался на адвокатов, строчивших мемуары, и потребовал применения санкций. Мироменил ответил ему с наглостью, свидетельствующей о том, насколько испортились их отношения: «Сударь, у Вас плохая память». Об этом деле уже велись разговоры, и Морепа, Мальзерб и Тюрго решили ничего не предпринимать. «Я всегда почту за удовольствие совещаться с вами обо всем, что касается службы королю» [1]. На другой день, 22 февраля, Совет постановил запретить четыре указанные брошюры. Эта суровая мера не могла принести никакой пользы. Такой мерой Тюрго, казалось, отрицал свой собственный либерализм, что вызвало критику со стороны авторов и даже кругов, не относившихся враждебно к Тюрго. В этом незначительном эпизоде он, видимо, утратил свое хладнокровие, как это было перед тем в деле де Вэна.

Парламент, соблюдая установленную форму, приговорил 16 февраля к сожжению «Карманное богословие» аббата Бернье, впрочем написанное ранее. Это решение не затрагивало непосредственно экономистов, но свидетельствовало о стремлении парламента укрепить союз с духовенством. «Товарищ

что существуют женские портные, например знаменитый Сигли. Что касается Ленге, то он отмечает, что «после кризиса, связанного с нашествием англичан... Карл VII смотрел на корпорацию белошвеек как на одно из самых спасительных учреждений», и предсказывает «опасное щегольство, когда порок будет скрываться под видом ремесла, чтобы избежать скандала...». Эти современные Цицероны, добавляет Метра, издеваются над теми, кто платит им за такую стряпню. (Métra. Op. cit., t. II, p. 425 et suiv., 16 mars 1776.)

Остряки воспользовались случаем, чтобы представить мемуар от имени кроликов, оказавшихся под угрозой уничтожения в силу приказа, авторством которого так гордился Людовик XVI. Кролики ссылались на свое еще более древнее происхождение, чем корпорации. В другой вульгарной шутке ассенизаторы выражали опасение, как бы кондитеры не стали соперничать с ними.

1 Schelle, t. V, p. 255—256.

прокурора Сегье, который теперь заискивает перед духовенством, произнес в высшей степени ханжескую обвинительную речь» [1]. Такие преследования (суд Шатле в свою очередь обрушился на новое издание работы, разрешенной еще в 1760 г.) имели также своей целью поставить в затруднительное положение лейтенанта полиции Альбера, большого друга Тюрго. Тем временем Тюрго посвящал свои редкие свободные минуты конфликту с безансонским парламентом, советники которого утверждали, что они освобождены от уплаты тальи [2].

23 февраля, на другой день после постановления Совета, запретившего мемуары о корпорациях, парламент сделал ответный ход, осудив брошюру, озаглавленную «О неудобствах феодальных прав», появление которой приписывали влиянию Тюрго. Действительно, выяснилось, что рукопись была передана книгоиздателю чиновником генерального контроля по имени Бонсерф. За это дело энергично взялся принц де Конти. Книгоиздатель получил разрешение цензора. Его собирались уволить. «Прижмите его хорошенько, — сказал принц, — это мошенник». Стали разыскивать цензора, сначала думали, что это Пиданса де Меробер, затем — Леруа де Сенневиль, адвокат, известный своими симпатиями к экономистам. Но ответственным оказался другой адвокат — Кокеле де Шоспьер. Он заявил, что оправданием ему служит письмо Тюрго, которого, однако, у него не оказалось. Книга Бонсерфа не была очень резкой. Он осуждал не почетные привилегии и земельные ренты, а только самые архаичные права: баналитеты, пошлину, уплачиваемую сеньору держателем при переходе земли в другие руки, сеньориальные ренты и барщину.

Автор утверждал, что эти пережитки причиняют неудобства самому сеньору, который извлекает из них очень небольшой доход. И предлагал не упразднение этих прав, а выкуп.

Он указывал, в частности, на положение сервов в Сен-Клоде, о котором ему сообщил адвокат Кристэн, друг Вольтера. «Публика с интересом прочитала эту брошюру, — отмечает Вери, — и увидела, что автор не предлагал ничего противозаконного».

Товарищ прокурора Сегье, впрочем, уточнил, что сам он успел только просмотреть эту работу, и обвинял прежде всего экономистов, «партию, втайне мечтающую о перевороте». Было решено брошюру сжечь, а ее автора привлечь к суду. Тюрго предпринял решительные шаги, и 4 марта король в записке первому президенту написал: «Я велел дать мне отчет об этих решениях и выражаю желание, чтобы мой парламент не давал им никакого хода». Он повторил свой приказ 6 марта и распоря-

1 Bachaumont. Op. cit., 25 février.

2 В силу привилегии, подтвержденной во время присоединения Франш-Конте. См: Métra. Op. cit., t. II, p. 383, 16 février.

дился, чтобы не выносили никакого осуждения, пока ему об этом не доложат (через генерального прокурора). «Что до г-на Тюрго, — пишет Вольтер, — то он ходит с видом древнего римлянина» [1].

Весь этот шум создал Бонсерфу неожиданную славу. Брошюра была издана на нескольких языках.

12 апреля образованный прелат епископ Оранжский Дю Тийе написал Тюрго: «Это чтение исполнило мою душу сладостным утешением и величайшей надеждой... да будет трижды благословен тот, кто изобрел эту систему...» И однако, распространению этой довольно сухой брошюры приписали некоторые столкновения, происшедшие между крестьянами и их сеньорами[2].

В то время как кризис приближался к своей высшей точке, сторонники реформ перешли в наступление. В рифмованной аллегории под названием «Сезострис» * — которая кажется нам сегодня весьма плоской — Вольтер призывал Людовика XVI (Сезостриса), руководимого его гением (Тюрго), избрать себе в спутники Мудрость вместо Сладострастия (двор). Появилась брошюра «О финансах, или Кровавая диатриба против генеральных откупщиков и против злоупотреблений фискальной инквизиции». Занявшись поисками, эрудиты догадались напомнить, что в эпоху Генриха IV, в решающие годы становления ремесленных цехов, а именно в 1582 и 1583 гг., парламент не раз восставал против этого нововведения. Он отвергал тогда как гибельную для народа меру то, что сегодня защищает как общественное благо; выдержки из старых постановлений перепечатывали без комментариев. Парламентарии в поисках ответных ударов со своей стороны откопали речи Тюрго в Сорбонне и, стараясь оставить за собой последнее слово, распространяли

1 Письмо Вольтера от 28 февраля (г-ну де Вэну) и записку короля от 4 марта см. в: Schelle, t. V, p. 271. Обо всем этом деле в целом см.: Métra. Op. cit., 2 mai 1776 (который приписывает изобличение целиком принцу де Конти); Bachaumont. Op. cit., 24—25 février — 1er mars. («Просто непонятно, как они могли постановить разорвать и сжечь такую ничтожную брошюру... как бы глупа и скучна она ни была, все это создало ей популярность».) На эту тему Вольтер написал два памфлета в форме писем, адресованных г-ну Сегье преподобным отцом Поликарпом и другим монахом. (См.: Foncin. Op. cit., liv. III, chap. VIII; Archives Lantheuil.)

2 Маркиз де Вибрэ засадил в тюрьму крестьянина, отказавшегося уплатить ценз (чинш). Тогда тридцать или сорок его земляков вооружились и осадили замок сеньора, и тот сбежал. В этой деревне читали экземпляр брошюры. (См.: Métra. Op. cit., t. II, p. 421, 3 mars 1776; Carré, Sagnac et Lavisse. Op. cit., p. 45. Об инциденте во владениях герцога Мортемара см.: Métra. Op. cit., t. III, p. 23, 6 avril 1776. См. также далее, глава V.)

* Одно из имен египетского фараона Рамсеса II (1317—1251 гг. до н. э.). — *Прим. ред.*

отрывок, в котором Тюрго якобы осуждал дух системы: «Люди, в общем, созданы для поисков и экспериментов...» — мнение, в котором мы сегодня не видим ничего, что бы противоречило реформам дорожной повинности и цеховой системы. Его риторическим взлетам придавали скрытый смысл, изображая его «гением, который рассматривает законы как свое творение и у которого самолюбие и любовь к общественному благу сливаются воедино...» «Он связывает все звенья государственного управления: религию, конституцию государства, гражданскую жизнь— тысячью узлов, которые придется неизбежно разрубить, то есть разрушить государство, все силы которого служат опорой каждого отдельного закона». Это был самый отвлеченный и самый учтивый эпизод развернувшейся битвы [1].

Палаты парламента снова собрались 2 марта и одобрили ремонстрации королю. 4 марта Мальзерб принял депутацию и получил от нее текст.

Ремонстрации рассматривали три проблемы: упразднение цехов, отмену дорожной повинности и, наконец, «равное распределение тальи» (то есть обложение дворянства налогом, вводимым вместо дорожной повинности). 7 марта новая депутация получила ответ короля, составленный Мироменилем и исправленный Людовиком XVI. Этот ответ, зачитанный на другой день парламенту, указывал, что «ремонстрации не затрагивают ни одного вопроса, который не был бы заранее рассмотрен и глубоко продуман». Касаясь самого больного вопроса, король подчеркнул, что в его намерения отнюдь не входило «смешивать сословия» и лишать дворянство его «отличий» (привилегий). Что касается нового обложения, то он сам подал пример, согласившись на обложение налогом королевских земель. Он рассчитывает, что парламент без промедлений просто зарегистрирует эдикты. Если впоследствии обнаружатся какие-либо неудобства, «моя любовь к моему народу обяжет меня их устранить»[2].

На том же заседании 8 марта парламент «с глубокой печалью» решил послать королю «повторные почтительнейшие ремонстрации». По существу это были те же, что и раньше, их задержал лишь решительный отказ короля их принять. В этом тексте мы находим следующую прелестную фразу: «Послышался призыв опрометчивой свободы». Основные рассуждения посвящены в них вопросу о дорожной повинности и опираются на

1 См.: Véri. Op. cit., p. 418; Métra. Op. cit., t. III, p. 26, 9 avril 1776. Метра говорит о ремонстрациях парламента «при министерстве Кольбера».

2 Métra. Op. cit., p. 419, 10 mars 1776; Véri. Op. cit., p. 419.

сугубо феодальную доктрину, изложенную адвокатом Луазо в «Дворянском сословии». Духовенство несет тяготы просвещения, отправления культа и благотворительности, дворянство проливает свою кровь и помогает советами, «последний же класс нации, который не может оказывать государству таких важных услуг, расплачивается с ним податями, промыслом и физическим трудом». И парламент доводит логическое рассуждение до самого смехотворного последовательного (или непоследовательного) умозаключения: никто не может облагаться налогом, заменяющим дорожную повинность, если он не платит тальи: если дворянин станет платить талью, значит, он подлежит и обложению дорожной повинностью. «Таким образом, людей знатного происхождения, дворян, могут подвергнуть унижению, заставить отрабатывать дорожную повинность». И это вывод из текста, который как раз отменяет дорожную повинность [1].

Теперь пришел час померяться силами. До этого времени казалось, что, может быть, есть еще надежда обойтись без королевского заседания парламента. Поэтому король предпочел сначала ответить на ремонстрацию, оставляя еще парламенту возможность отступить. Кабинет министров в целом отнесся без энтузиазма к возможности созыва королевского заседания парламента. Один Мальзерб, который до тех пор поддерживал Тюрго из дружбы (причем его поддержка часто не приносила пользы, так как он советовал Тюрго быть осторожным и склонял его к отступлению), теперь поддерживал его по убеждению и ратовал за твердость. Он написал мемуар королю, указывая ему на «непристойное поведение парламента и необходимость его обуздать». При этом он обнаруживает ум политика и даже дар политического стратега. «Необходимо, чтобы парламент понял, — говорит он, — что ему не пойдут на уступки, пока он идет на поводу у принца крови, что, напротив, без этого вмешательства ему могли бы дать некоторое удовлетворение». Таким образом, он хочет отделить вожака от его отряда и избежать соединения разумной силы в лице магистратуры с необузданной силой, присущей честолюбию крупной личности. И не следует строить себе иллюзий, уточняет он, в расчете «на скорую смерть принца де Конти. Если позволить ему сегодня выиграть игру, то в ближайшие годы другие неистовые принцы пойдут по тому же пути».

Если не считать Мальзерба, Тюрго одинок; можно даже сказать, что в министерстве он окружен противниками. Мироменил — враг, активно действующий изнутри[2]. «Другие министры — Верженн, Сартин, Сен-Жермен, Бертен и пр. — остаются вне битвы; эти посредственности в душе, втайне радуются затруднениям Тюрго». Что касается Морепа, то он невольно, по мнению Вери (который, по-видимому, слишком снисходителен), является главным виновником кризиса: «Сам того не ведая, он истинный источник противодействия». Своими шутками, критикой и колебаниями он создал впечатление, будто «готов уступить и может пожертвовать даже Тюрго». Стормонт считает, что, если бы Морепа с самого начала высказался против эдиктов, он одержал бы победу: «Но он выбрал окольный путь, он, видимо, надеялся, что Тюрго запутается сам и будет вынужден отказаться от своих проектов без видимого его (Морепа) участия в этом». По словам того же Стормонта, король собрал свой Совет, чтобы определить окончательно позицию после новых ремонстраций. До Совета Морепа потратил немало усилий, чтобы отговорить короля от созыва королевского заседания парламента, и все министры, кроме Тюрго и Мальзерба, были того же мнения.

Людовик XVI признал правоту Тюрго.

Мы видим, как вновь складывается такая же обстановка, какую мы наблюдали во время «Мучной войны». Король Людовик XVI всем ходом событий принужден проявить твердость. По-видимому, тут произошло явление, аналогичное тому, которое принудило его отбросить свою застенчивость перед многочисленным собранием, — внезапное ощущение своей суверенной власти. В таких положениях он поддается влиянию генерального контролера, сильного человека среди его министров, в котором черпает энергию. К тому же король не хотел менять свое решение в том деле, куда он вложил собственную мысль. Наконец, парламент допустил большую оплошность, задев его самолюбие. Представляя свои ремонстрации, он подчеркнул, что будет умолять его (короля) изучить их *самому*. «Последнее слово было очень неудачно со стороны руководителей парламента». Оно оскорбило короля, так как предполагало, что «до сих пор он играл лишь пассивную роль».

«Морепа был так обижен, — отмечает также Стормонт, — видя перевес влияния Тюрго на этот раз (в чем ему было некого винить, кроме самого себя), что заговорил об отставке и об отъезде в Понтшартрен». Но английский посол заранее предвидит, что жена сумеет его удержать, «for she loves the sunshine of the court» [1].

Первые схватки в парламенте создали кризисную ситуацию. Медлительность парламентской процедуры, явные колебания

1 В ремонстрациях парламента идет также речь о хлебной торговле и о цехах. (Archives Nationales, XI, B 8 307.)

2 Впоследствии Мироменил защищался, отрицая, что он играл ту роль, какую ему приписывали. (См.: V é r i. Journal manuscrit, 15 octobre 1782.)

1 «Она слишком любит блеск двора» (*англ.*). Донесение Стормонта от 6 и 15 марта см. в: D a k i n. Op. cit.

представителей власти разжигали страсти противников и усиливали волнение и беспокойство масс. «Смятение публики сказывается на всем». «Со времени созыва парламента курс государственных ценных бумаг на бирже падает», — пишет Трюден. Говорили о секретных приказах, данных генеральными откупщиками своим кассирам, чтобы «своими платежами затруднить государство» (в наши дни сказали бы: создавать трудности казначейству) [1].

Чем кончится борьба, было трудно сказать, потому что позиция правительства казалась неясной. Подозревали разногласия среди министров. «Они кажутся спокойными, медлительными и часто нерешительными. Предполагают, что они не уверены в своем положении, встревожены, испуганы. Люди даже сомневаются, есть ли между ними согласие». За октябрьскими хвалебными виршами последовали насмешки:

Мальзерб все знает,
Сартин не доверяет,
Тюрго все усложняет,
Сен-Жермен все разрушает,
А Морепа всё потешает [2].

Этот род литературы не всегда был таким добродушным. Ко всеобщему замешательству, неизвестные пасквилянты изощрялись в оскорбительных нападках на королеву.

Накануне самого дня королевского заседания парламента полиция держалась настороже. Она получила сообщение (то ли правдивое, то ли выдуманное), будто существует странный заговор, достойный времен «Мучной войны». Тайные агенты якобы должны подговорить подмастерьев-пекарей уйти от хозяев, «чтобы нехватка хлеба возбудила недовольство народа». Но ничего не произошло.

Для Мальзерба последняя ночь была очень беспокойной.

Его разбудил курьер, чтобы сообщить, что принц де Конти, несмотря на состояние своего здоровья, собирается прибыть в Версаль и решительно выступить против эдиктов. Морепа и король решили позволить ему говорить, после чего запретить появляться в парламенте и даже посадить его под домашний арест в Тампле. Тюрго не одобрил этот проект, который «ход событий сделал ненужным»[3].

Торжественное королевское заседание парламента открылось утром во вторник, 12 марта, в Версале, с соблюдением всего торжественного церемониала и при большом стечении публики, которую при любом режиме привлекает зрелище парламентского кризиса [1].

Принц де Конти явился, как и ожидали, но, быть может, его предупредили, и он не произнес ни слова. «Он приготовил речь, которую не смог произнести, так как ему стало плохо. Он передал ее в письменном виде» [2]. Герцог де Шуазель тоже присутствовал, но в противоположность принцу объявил себя сторонником эдиктов. Он всегда обнаруживал либеральные склонности, в частности в области экономики: по вопросам хлебной торговли, ополчения и права обэн *. Однако могло несколько удивить, что он демонстративно поддерживал мнение, явно противоречившее взглядам и замыслам его группы. Так как его мнение по этим вопросам не составляло секрета, то предполагали, что позиция его объясняется политическими соображениями. Это был удачный случай показать свою преданность короне: для него вопрос был в том, чтобы угодить Людовику XVI, а не играть на руку Безанвалю. Проиграет Тюрго или выиграет, расчет оставался верным, хотя, разумеется, лучше, если проиграет.

Это предположение подтверждается как оглаской, так и обоснованием, которые Шуазель дал своей позиции. Как говорили, у него даже произошла по этому поводу стычка с принцем де Конти. Шуазель якобы сказал: «Покровительство, которое король оказывает Тюрго и его планам, настолько очевидно, что было бы неуважением к Его Величеству противиться планам его генерального контролера». На что Конти, «испепеляя его презрительным взглядом», ответил следующим выпадом:

«Герцог де Шуазель, в молодости вы были лишь вертопрахом, в министерские годы — наглецом, а теперь вы просто пошляк»[3].

---

1 Арди в своем дневнике отмечал 19 декабря кризис доверия на бирже.

2 Ривьер дополняет эти строки:

Бертен все одобряет,
А королева на все чихает.

3 См.: Véri. Op. cit., p. 420—421.

1 См. план королевского заседания парламента и картину Жирардо в: Jacob. Le XVIIIe siècle, p. 189—190.

2 Métra. Op. cit., t. II, p. 420, 13 mars 1776.

* Право короля или сеньора на имущество, оставшееся после пришлого человека или иностранца, умершего в пределах сеньории, с лишением наследства прямых наследников. — *Прим. ред.*

3 Некоторые историки указывают, будто инцидент этот произошел при входе на королевское заседание парламента (Ségur. Op. cit., p. 286), что придает ему особенно красочный оттенок. Но выбранное ими место кажется неправдоподобным: торжественная процедура королевского заседания не давала возможности для подобной перепалки. Метра же говорит об объединенном заседании палат, а не о королевском заседании (13 марта и 22 марта). Ривьер, у которого мы заимствовали этот рассказ, уточняет: «В момент первого волнения, вызванного в парламенте эдиктами». Эпитеты, приводимые Метра, еще более резки (самонадеянный, растратчик, повеса, подлец, трус) и потому кажутся нам малоправдоподобными. Ривьер добавляет: «Говорят, что у герцога Шуазеля достало ума, чтобы рассмеяться первым на эту тираду».

Вести игру надлежало хранителю печати, он должен был объяснить волю короля, которую сам не одобрял. Он изложил ее самым добросовестным образом и в духе преамбул, но более кратко.

Речь г-на д'Алигра была не длиннее выступления хранителя печати. В ней содержались только общие места, изложенные с позиций самого ограниченного консерватизма. Отмена дорожной повинности, или, точнее, вводимый вместо нее налог, наносит ущерб «земледельцам, является посягательством на естественную привилегию дворянства и духовенства, проистекающую из самой конституции монархии». Свобода хлебной торговли «угрожает снабжению продовольствием и доброкачественности продуктов». Эдикт об упразднении цехов «оставляет без [сдерживающих] регламентов и без узды буйную и распущенную молодежь, которая будет считать себя *независимой*»[1]. Он даже не соизволил упомянуть ни о рыночной полиции на набережных, ни о жирах. Вот образчик его высокого красноречия: «Августейший взор Вашего Величества повсюду встретит мрачное уныние. Если он соизволит обратить его на народ, то увидит, что народ удручен».

В то же время, по свидетельству Башомона, «кабачки были переполнены рабочими, ушедшими от своих мастеров... они предавались безудержному веселью»[2].

Затем стали рассматривать эдикты один за другим. Двери открыты, главный секретарь получает эдикт и громко его зачитывает; люди короля становятся на колени и встают. Г-н Антуан Луи Сегье произносит речь. После чего министр — хранитель печати поднимается вверх к королю и, став перед ним на одно колено, получает распоряжение, затем идет собирать мнения присутствующих, начиная со старшего из братьев короля, потом графа д'Артуа, принцев крови, светских пэров, обер-шталмейстера, старшего камергера; он возвращается к королю, отвешивает глубокий поклон и отправляется узнать мнение духовных пэров, маршалов Франции, капитана личного конвоя короля, капитана швейцарских гвардейцев, затем спукается в зал (Parquet), собирая мнения магистратов, снова подходит к королю, преклоняет колени, возвращается на свое место, садится и с покрытой головой произносит сакраментальную формулу.

Эта церемония повторяется пять раз, впрочем, за одним исключением. По поводу эдикта, упразднявшего рыночную полицию на набережных, Сегье, попросив короля «проявить свою доб-

1 Это слово использовали в ту эпоху в отрицательном смысле. Оно обозначало анархическую свободу.
2 Bachaumont. Op. cit., 21 mars 1776.

роту» к собственникам упраздняемых должностей[1], согласился потребовать регистрации. Что касается эдикта о жирах, то не стоило большого труда прийти к такому же урегулированию. Сегье понимает, что, отменяя эти права, король дает народу новое облегчение. Парламент был готов зарегистрировать королевские указы, если бы они не предполагали упразднение некой «корпорации».

По поводу отмены регламентации хлебной торговли и рыночной полиции оппозиция товарища прокурора была более определенна, но выражена очень кратко. Кстати, Вери отмечает с удивлением: «Кажется, будто возражения против четвертого эдикта не были особенно бурными, хотя он, несомненно, должен был вызвать недовольство».

Сегье больше ссылался на мнимые уроки опыта, чем на принципиальные соображения. При регламентации люди страдали от голода лишь в случаях «недорода». А при свободе торговли хлеб часто дорожал. И Сегье делает не лишенное тонкости замечание: «Именно отмена регламентации всегда оказывалась *поводом* или причиной самых крупных беспорядков». Это значило согласиться с мнением многих интендантов, что оправдание регламентации, быть может, опирается только на доводы психологического порядка.

Два основных раздела речи Сегье были посвящены, как и следовало ожидать, вопросам о дорожной повинности и о цехах. Причем на вопросе о ремесленных корпорациях он останавливается особенно подробно и придает ему, по-видимому, наибольшее значение. Это весьма знаменательно, так как вопрос о дорожной повинности был главным объектом сопротивления привилегированных, как видно из замечаний Мироменпля и из самого текста первых ремонстраций. Товарищ прокурора Сегье, казалось, обнаруживает некоторую независимость по отношению к группе принца де Конти. Мы могли уже заметить во время инцидента с д'Эпременилем, что он [Сегье] наполовину осудил выпад своего коллеги, действовавшего, видимо, по наущению де Конти. Несомненно, Сегье менее других подвержен кастовому фанатизму и не склонен обожествлять культ предков. Он более дирижист, чем феодал, более администратор, чем мистик, более магистрат, чем член аристократической лиги. Для

1 «Финансы этих служб» выражались в сумме 65 млн. Владельцы должностей получили возмещение в виде контрактов, то есть в государственных бумагах. Сегье делает двойной ход: с одной стороны, он подчеркивает, что это увеличивает задолженность государства, с другой стороны, выражает желание, чтобы этим должностным лицам дали лучшее обеспечение. С одной стороны, он осуждает (в скрытой форме) факт плохого финансового управления, с другой, якобы из соображений справедливости, настаивает на том, чтобы еще ухудшить положение.

него гораздо важнее, чтобы парламент продолжал распоряжаться своими деятельными отрядами полиции, судейских чиновников, магистратов и цеховых старшин, чем замкнулся в крепости дворянства, вход в которую ему пришлось бы охранять.

Итак, его речь о дорожной повинности и по тону, и по существу очень далека от выспренних и отвлеченных ремонстраций королю. Он говорит как практик, человек дела. Разумеется, он говорит о земельной собственности, но для того, чтобы оградить ее от тягот множества обложений. В своей критике нового налога он не может обойти молчанием «привилегий дворянства, столь же давних, как и монархия», но при этом заключает свою речь перечислением, в котором осуждает неограниченное время взимания налога и произвольность определения его ежегодного размера. Наконец, он приводит неожиданный аргумент и предлагает конструктивное решение. Во-первых, дорожный сбор хотят взимать с землевладельцев, так как они извлекают выгоду от дорог, однако было бы справедливо, чтобы плату брали и с иностранных торговцев, и с возчиков, и с путешественников, которые тоже ими пользуются и их портят. Понимая, что это неосуществимо, он приходит к такому же заключению, как и Сен-Жермен, кстати одобренному и Вольтером: заставлять выполнять дорожные работы солдат и выдавать им двойное жалованье. Он даже приводит краткий расчет для своего проекта[1].

Приступая к вопросу о цехах, Сегье, как хороший «дирижист», превозносит свободу, «принцип, лежащий в основе всякой деятельности, душу всякого государства... жизнь и главный двигатель торговли». Но тут же оговаривается, отделяя ее от безграничной свободы, которая «не что иное, как полная независимость». Значит, говорит он далее: «Независимость — это порок в политической конституции; человек всегда поддается искушению злоупотреблять свободой». Затем он вносит поправки в историческую часть преамбулы эдикта (не ссылаясь на нее), относя создание ремесленных корпораций ко времени Людовика IX (а не только Генриха III). В этом пункте трудно утверждать, что он не прав. Затем он переходит к так называемой теории политических, или промежуточных, корпораций, не давая им точных названий, впрочем малоупотребительных в ту

1 На 100 тыс. человек надо 25 тыс. ливров в день, 750 тыс. в месяц. Если прибавить такую же сумму на гужевой транспорт, это составит 1500 тыс. ливров в месяц. Инженерные части могли бы заменить Институт инженеров дорог и мостов, а средств, ныне предназначенных для этого института и для дорожных работ, было бы достаточно без всякого нового налога. Для солдат это была бы прямая выгода...

эпоху[1]. Для него это *«существующие корпорации»*, звенья длинной цепи, первое звено которой в руке Вашего Величества, как главы и суверенного правителя всего, что составляет основу нации». Поэтому одна мысль о том, чтобы разорвать эту драгоценную цепь, должна «привести нас в ужас». Здесь, как мы видим, речь идет не о чисто *феодальной* концепции, но об *органической* концепции социального организма и государства. С этой точки зрения ремесленные корпорации представляют собой «множество мелких республик».

Однако Сегье вскоре спускается с отвлеченных высот, чтобы вступить в область экономики, и тут беспорядочно, вперемешку с повторениями политических мыслей высказывает ряд неравноценных и к тому же довольно бессвязных соображений.

Прежде всего, это принцип регламентации, основанный на понятии защиты и гарантии качества. «Именно ограничения, преграды, запреты создали славу, надежность, размах торговли Франции». Отсюда предпочтение, оказываемое нашей продукции перед иностранными товарами. Если придет неограниченная свобода — тогда конец нашему превосходству. Торговля постепенно зачахнет. Сегье доходит до утверждения, что лучшие рабочие покинут свою страну (тут он использует в обратном смысле аргумент либералов).

В этом рассуждении он еще кое-как сводит концы с концами. Затем он переходит к теме изобилия товаров, считая, что оно приведет к уменьшению заработной платы и прибылей, а далее к множеству банкротств и в итоге разрушит всякую коммерческую деятельность. Разумеется, нельзя ожидать, чтобы Сегье в ту эпоху мог рассуждать исходя из покупательной способности. Но он мог бы по крайней мере заметить, что торговля, урезанная со всех сторон, вряд ли может считаться полнокровной. Наконец, мы видим у него избитую тему о бегстве сельского населения в города (а само население городов, несомненно, стремится за границу), о притягательной силе роскоши (что, однако, не вяжется с падением заработной платы и прибылей), о вздорожании продуктов питания (несмотря на их изобилие) и об избытке потребителей (разоренных). «Мы боимся, Сир, перегрузить эту мрачную картину». Наконец, он говорит о несправедливости, нарушении приобретенных прав, уменьшении налоговых поступлений и росте государственных долгов.

Хотя Сегье и был очень слабым экономистом, он был достаточно опытен, чтобы не держаться чисто консервативной линии.

1 Président de Lavie. Des corps politiques et de leurs gouvernements, 1766, 2e éd.; см.: Olivier Martin. L'Organisation corporative.

Он вынужден принять реформистскую идею Делакруа. Он ратует за сокращение числа корпораций, отменив, к примеру, корпорацию цветочниц и торговок фруктами, и как будто намечает различный порядок торговли для ряда продуктов широкого потребления. «Разве не следует разрешить каждому свободно продавать некоторые продукты, те, что всегда служили главными продуктами питания человечеству?» Доктрины физиократов понемногу просачивались — как это случается во все эпохи с новыми доктринами, — оказывая влияние на самых убежденных их противников.

Сегье предлагает также слить корпорации, занимающиеся аналогичным ремеслом или последовательными процессами изготовления одного товара. Например, портных и лоскутников, столяров и краснодеревщиков, каретников и шорников, трактирщиков и торговцев жареным мясом, булочников и кондитеров... Допустить женщин в некоторые цехи (вышивальщиц, модисток, парикмахерш), «дабы создать убежища для добродетели». В результате таких мер исчезнут бесконечные судебные распри между корпорациями. После погашения задолженности цехов можно будет отменить вступительный взнос, за исключением королевской пошлины, «которая существовала всегда». Сегье не уточняет, что она ведет свое начало от короля... галантерейщиков[1]. В заключительной части своей речи товарищ прокурора призывает на помощь авторитет Генриха IV и Людовика XIV, Сюлли и Кольбера. Указывать Людовику XVI образец, противопоставлять Тюрго его соперников — это еще не самая бестактная часть его речи.

Вот так, когда чувствуется революционное веянье, те, кто долго злоупотребляли своими привилегиями, всегда утверждают, будто они сами желают реформы, хотя от них одних зависело провести ее значительно ранее. Они думают успешно противопоставить свои реформы тем, без кого они никогда не пошевелили бы и пальцем; но сами обстоятельства, принудившие их хоть что-то осознать и толкнувшие их на своего рода признания, указывают, что прошел уже тот час, когда все их меры — и только эти меры — могли бы еще помочь.

«Придворные дамы, — пишет Вери, — которых было очень много на этом заседании, громко аплодировали речи против эдикта о цехах»[2]. Говорили, что Сегье выступал не как человек, а прямо как бог[3]. Башомон выразился гораздо менее восторженно: «Г-н товарищ прокурора напрасно хвалится, что никогда не произносил такой сильной и захватывающей речи. Его

1 См. выше, глава IV.
2 Их попросили снять фижмы, чтобы они могли уместиться на скамьях. (См.: Ségur. Op. cit., p. 285.)
3 См.: Hardy. Op. cit., 12 mai 1776.

выступления не поставят его в один ряд с нашими великими ораторами, с нашими героями-патриотами»[1].

Когда хранитель печати собирал голоса, Мосьё и граф д'Артуа дали отрицательный ответ. Король, как говорили, был удивлен. Заметили, что министр юстиции, который после каждого опроса подходил к королю и, преклонив колени, давал ему отчет, подолгу вел с ним переговоры, порой около получаса.

Создалось впечатление, что после последнего сообщения товарища прокурора король был «взволнован и потрясен»[2].

Король мог обойтись без заключительного слова. Однако он выступил с кратким заявлением и повторил то, что уже ответил на ремонстрации: «В мои намерения не входит смешивать сословия... Если этот опыт породит неудобства в какой-либо области... я позабочусь об их устранении».

«После чего король встал и вышел с соблюдением того же церемониала. Г-да президенты вышли в Посольский зал, где сняли свои мантии, как и секретарь суда; затем вся компания расселась по каретам и вернулась в Париж в полном составе, в сопровождении королевской гвардии, в том же порядке, как и прибыла».

В тот же день после обеда полиция отправилась в помещения цеховых общин и опечатала их кассы. Тюрго и его верный Альбер не теряли времени даром.

На следующий день, 13 марта, парламент снова собрался, чтобы протестовать против решений королевского заседания, и решил составить новые ремонстрации[3].

19 марта эдикты были зарегистрированы одновременно в Счетной палате — в присутствии Мосьё — и в Высшем податном суде — в присутствии графа д'Артуа. Братья короля отметили при этом всеобщую печаль присутствующих, а в Счетной палате услышали и детальную критику.

В Высшем податном суде (Палате косвенных налогов) первый президент де Барантен, занявший кресло Мальзерба, пожаловался на то, что палата (по-видимому, в отличие от Счетной палаты) даже не имела возможности изучить тексты эдиктов. «Вы опубликуете, Монсеньор, законы, которые нам неизвестны».

1 Bachaumont. Op. cit., 31 mars 1776.
2 Hardy. Op. cit., 12 mars 1776.
3 Действительно, они были вскоре посланы королю. Согласно запискам Арди, парламент на том же собрании решил поручить нотариусу, секретарю палаты Дюфрану, отправиться к Тюрго и спросить его, что он подразумевает под словом «свобода», значит ли это «освобождение от всякой дисциплины, от всякого порядка и от всякого закона»? Неизвестно, было ли в самом деле принято такое решение, и если было, то что за ним последовало. (См.: Hardy. Op. cit., 13 mars 1776.)

В своей речи Барантен перенял стиль президента д'Алигра: «Вокруг вас царит мрачное молчание... страх и тревога овладели умами».

Товарищ прокурора Була де Марёй предложил приступить к регистрации, «чтобы подчиниться категорическому приказу короля».

Парламентский кризис миновал.

Надвигался кризис министерский.

Глава VI Противоположные шансы

— Вы должны сами придавать силу вашим министрам.
— Я готов, как только они меня попросят...
(Диалог Людовика XV с одним из его бывших наставников) [1]

ВРАГ НАРОДА

На другой день после королевского заседания парламента можно было думать, что положение Тюрго упрочится. Таково было мнение некоторых наблюдателей, в частности Ривьера и, с несколько иным оттенком, Стормонта. Впечатление это было обманчиво.

Победа, одержанная над мятежом в 1775 г., была куплена дорогой ценой. Победа же, одержанная Тюрго над парламентом 12 марта 1776 г., была для него гибельной.

С этого времени скорое падение министра предвещает совпадение таких данных, как соотношение сил давления в политическом обществе и соотношение сил психологического давления в замкнутой сфере королевского произвола.

Было бы ошибкой думать, что популярность Тюрго возросла вследствие его реформ, во всяком случае, этот выигрыш был для него политически бесполезен. Верно, что тогда была сложена песня во славу «эдиктов короля Людовика XVI». Однако Тюрго в ней не упоминался. В ней говорилось о дорожной повинности:

Не поплетусь я больше на дороги,
Словно на каторгу.

О цехах:

Каждый может теперь жить
Ремеслом и не платить
Ни присяжным, ни цехам.

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 378.

О парламенте, называющем себя отцом народа:

Эх, дорогой прощелыга отец!

Вольтер был в восторге от этого припева[1].

Историки придают большое значение этим куплетам, но не уточняют, кто их распространял, а их нарочито деревенский стиль вызывает сомнение в народном происхождении. Люди пили в честь эдиктов и танцевали от радости. Но происходило это в Бристоле[2]. Если бы во Франции были подобные проявления восторга, Кондорсе не преминул бы о них упомянуть. Но нет никаких указаний на значительные проявления общественного мнения. Ни одна из реформ не способна была, впрочем, обеспечить Тюрго поддержку какого-либо определенного слоя населения.

В отмене дорожной повинности была заинтересована лишь отсталая масса крестьянства, жившая, перебиваясь со дня на день, вдали от больших городов, не умевшая выражать благодарность, даже если предположить, что она ее чувствовала. Одна напасть уничтожена, одной бедой меньше, но сколько их еще остается! Судя по данным финансовой истории, снижение налога вызывает гораздо меньше похвал, чем увеличение — проклятий.

Что касается отмены цехов, то, наверно, потребовалось бы немало времени, прежде чем создался новый класс мастеров, который, может быть, почувствовал бы признательность к Тюрго за свое существование (а более вероятно, что он в свою очередь стремился бы к привилегиям). Для этого понадобилось бы гораздо больше времени, чем продолжалось существование самого министерства и даже осуществление реформы, которая с некоторыми поправками была отложена на август. Было далеко не легким делом, даже с получением свободы, нанять лавочку или открыть мастерскую. Анекдот, рассказанный Метра, показывает, кто мог немедленно извлечь пользу из нового порядка торговли: бродячий гладильщик шляп с валяльным столиком, портативным котлом и собственной тележкой, заменявшими ему торговое предприятие. Не говоря уже об арестованном в Лионе самозваном священнике, который решил воспользоваться новым законом, чтобы выбрать себе ремесло по собственному вкусу: служить мессы за 12 су. «Его посадили в сумасшедший дом, и я считаю это вполне разумным»[3]. Такие

1 «Chansonnier historique», t. IX, p. 82. Письмо Вольтера д'Аржанталю от 19 апреля 1776 г. См.: Foncin. Op. cit., p. 506 et 509.
2 Condorcet. Lettre d'un cultivateur de province à un citoyen de Picardie. Bachaumont. Op. cit., t. IX, p. 762, 12 juin 1776.
3 Métra. Op. cit., 20 avril et 20 mai 1776.

занятия не требовали капиталовложений. К тому же полиция, пребывая в некоторой неуверенности, откладывала запись лиц, желавших заняться свободной торговлей.

Таким образом, воспользоваться реформой могли, скорее, лица наемного труда; упоминали явные случаи неповиновения, нарушения дисциплины, а также случаи повышения платы для некоторых рабочих в Париже, но без серьезных экономических последствий[1].

Тут тоже дело не могло продвинуться, так как фактически закон совсем или почти не применялся. Странный провал или саботаж нового законодательства в этих обеих областях объясняется новыми ремонстрациями, принятыми парламентом самое позднее 8 мая, за несколько дней до отставки Тюрго. В первом случае: «Мы были вынуждены умерить поток являвшихся к нам людей, ставя им условия, которые они не могли выполнить»*. Что касается рабочих: «Пришлось обуздывать их непостоянство, запрещая им покидать мастеров до определенного времени, задерживая их в принудительном порядке и, наконец, пуская в ход угрозы и увеличивая число арестов»[2].

В этих случаях нечего было противопоставить влиянию руководителей и основного костяка ремесленных цехов, которые показали себя такими же упорными в своей вражде, как впоследствии в своей лояльности к монархическому строю, которому они были благодарны за то, что он их пощадил. Могущество шести корпораций, столь ощутимое в Париже, усиливало этот «высший этаж города», непокорный с самого начала. Вся столица целиком была слабым местом для генерального контролера.

Как до, так и после реформ Тюрго сохранил доверие значительной части общественного мнения, несомненно, широкого большинства: доверие «народа» и «провинции», как говорят Вери и Мерси-Аржанто, за исключением, по мнению Бодо, «черни», которая плохо понимала тексты законов и не ценила «свободы хлебной торговли»[3]. Но это общественное мнение не было

1 См. письмо Ривьера принцу Саксонскому от 14 апреля 1776 г. (Archives de l'Aube). Согласно тому же источнику, некий слесарь, взяв крупный заказ, вдруг остался один, так как подмастерья ушли от него. Но Ривьер добавляет, что беглецов посадили в Бисетр [дом для умалишенных. — *Ред.*]. Это сообщение совпадает с парламентским документом, который мы цитируем в другом месте.
* Речь идет о лицах, желавших заняться свободным ремеслом. — *Прим. ред.*
2 Conseil secret, 8 mai. Archives Nationales, XI, B 8907.
3 «Любимец народа», — пишет Мерси 16 мая, после опалы Тюрго. «Провинции чувствуют, что Тюрго их опора». (Véri. Op. cit., p. 413.) Бодо пишет по поводу постановления о хлебной торговле: «Два противоположных слоя народа его не понимают, а именно люди, близкие ко двору, и высший слой городского населения, а также чернь. Я уже давно заме-

объединено, не имело организационных центров, а потому не располагало ни средствами выражения, ни возможностями оказывать давление. Даже узнать его можно было, только прибегая к необычному способу — перехвату частной переписки, а уж Риголе д'Уаньи заботился о том, чтобы к королю не доходили письма, одобряющие Тюрго[1].

В эту «срединную» часть общественного мнения, по выражению Бодо, не входят ни промежуточные корпорации, ни привилегированные классы; ее можно было бы точно определить, именно отбросив эти категории. Из-за отсутствия прессы и не имея представительства, она не может оказывать почти никакого влияния, тем более что отнюдь не из ее рядов выходят участники мятежей.

С другой стороны, Тюрго восстановил против себя все органические звенья, все промежуточные корпорации; соединив свои реформы, он вызвал объединение всех групп оппозиции. Он заставил соединиться для борьбы с ним противников из социально противоположных классов: с одной стороны, привилегированные сословия, освобожденные от налогов, дворяне и духовенство, крупные землевладельцы; с другой — привилегированные члены корпораций, неясного происхождения, почти всегда выходцы из низов, часто бедняки. Уксусовары и мелкие торговцы, предав забвению или сожалея о своих вековых тяжбах, чувствовали общность мыслей с самой высокой знатью, общность интересов с самыми богатыми финансистами. Новый союз не только сближал противоположные полюса, но и примирял жестокие антагонизмы. Магистраты и духовенство укрепили свой союз, заключенный еще во время ассамблеи 1775 г.

Партия шуазелистов, преобладавшая при дворе, оказалась в союзе с церковниками, несмотря на то что она способствовала изгнанию иезуитов и привлекла для наступления последний отряд «эгийонистов».

Реакционные прелаты, мечтавшие восстановить принятие монашеского обета с шестнадцати лет и возобновить гонения на еретиков, были готовы объединиться против Тюрго даже под знаменем банкира-чужеземца и... протестанта.

Влияние «*лоббистов*», как известно, весьма ощутимо при демократии. Можно себе представить, чего способны они добиться при режиме единовластия в случае их объединения

тил между этими двумя полюсами большое сходство...» (Baudeau. Op. cit., 22 septembre 1774.)

1 См.: Véri. Op. cit., p. 413. Риголе д'Уаньи относился враждебно к Тюрго, во-первых, потому, что он был финансистом, а во-вторых, потому, что Тюрго, по его мнению, не оказывал ему того «почтения, какого заслуживает человек, каждый день ведущий тайные беседы с королем».

с правящей олигархией, когда даже орган, называющийся парламентом, сам является «*лоббистским*».

Что мог противопоставить Тюрго этой коалиции привилегий и предрассудков, алчности и косности, этой лиге «vested interests»*, по выражению Декена? Симпатию шведского короля, гиперболы Вольтера, эшевенов (городских советников) Жекса, либералов Бристоля? Одобрительный шепот на базарах маленьких городков?[1] Зачатки политического сознания городского и сельского пролетариата, классовое сознание отбывавших дорожную повинность крестьян и поденщиков? Люди, путешествующие в «тюрготинах», виноградари Гаронны, потребители соли в Бретани, крестьяне, пострадавшие от эпизоотии, лесорубы из Франш-Конте — все они не представляли ни социальной силы, ни очага интриг. На поле битвы Тюрго собрал вокруг себя только внушавший недоверие отряд философов и экономистов и редкие ряды «просвещенной» буржуазии, уже разобщенные из-за боязни поставить не на ту карту и смущенные ловкой пропагандой партии Неккера.

И даже внутри правительства кризис, вызванный шестью эдиктами, показал изоляцию Тюрго. Он нашел поддержку единственно у Мальзерба, да и то лишь наполовину, к тому же Мальзерб уже еле держался в министерстве. В королевской семье и среди принцев крови генеральный контролер никогда не мог рассчитывать ни на одного человека. А Мосьё, граф Прованский[2], теперь выражал свою враждебность почти открыто. Уже в 1775 г. его окружение было, по-видимому, замешано в нападках на де Вэна, а в конце года ходили разговоры о том,

* «Имущественных интересов» *(англ.)*. — *Прим. ред.*

1 Вери пишет после отставки Тюрго о «печали, которую она вызвала в провинциях». «Картина, нарисованная мне человеком, приехавшим с базара в соседнем городке, способна растрогать даже постороннего, не то что друга». (Véri. Op. cit., p. 438.)

2 Напомним, что Тюрго, перейдя в морское министерство, провалил проект колониальной компании, в которой граф Прованский был заинтересован. Дюбуа де л'Эстан в своей брошюре «Тюрго и королевская семья» (Dubois de l'Estang. Turgot et la famille royale) напечатал четыре письма Мосьё к Тюрго. Они написаны, отмечает он, «со свойственной ему язвительностью, которая всегда была характерной чертой графа Прованского». Письма эти датированы:

30 октября 1774 г. — он требует уплаты денег и возмещения и просит продолжать выплачивать ему пенсию в 96 тыс. франков из средств короля;

27 ноября — по поводу некоего генерального откупщика;

10 декабря — о том же деле и о поступлениях денег;

8 августа 1775 г. — по поводу стычки между служителями откупа и драгунами графа, из которых двое были убиты.

Дюбуа де л'Эстан считает возможным отметить некоторое изменение тона в этих письмах. Однако это можно объяснить, особенно в последнем письме, разницей содержания.

что он взял на себя смелость представить королю своего собственного суперинтенданта финансов Кромо, который служил в генеральном контроле в качестве первого помощника при министрах де Л'Аверди и Террэ. И речь шла не просто об обычном визите, так как, по словам Метра, король, которому очень понравился Кромо («У него, что называется, тонкий ум, и он весьма красноречив»), поручил ему изложить «в письменном виде свои мысли и проекты, как восстановить порядок в финансах и облегчить положение народа». Такое предложение, сделанное постороннему человеку относительно вопросов, относящихся к личной компетенции Тюрго, не могло, естественно, доставить ему никакого удовольствия, тем более что сам он был о Кромо отвратительного мнения.

Менее официальным, чем представление Кромо, но наделавшим больше шума было появление 1 апреля знаменитого памфлета «Манекены», который в ту пору приписывали Мосьё, или, во всяком случае, считали, что он написан под его влиянием. Памфлет ходил в списках — такой обычай распространился из-за риска, которому подвергались издатели, — и был озаглавлен «Манекены, сказка или быль» («Les Mannequins, conte ou histoire»), а не «Сон Морепа, или Манекены французского правительства» — название, данное ему, возможно, в последующем, измененном издании, а вернее, в искаженной передаче Сулави[1]. Первый текст представлял собой аллегорию; действие происходит в Персии, и персонажи выведены под вымышленными именами, часто довольно прозрачными, ключ к разгадке которых нетрудно найти в самом памфлете. Али Бей — это Морепа, «бедняга» Мулла — аббат Вери, Тогюр — Тюрго, а главные экономисты названы с помощью анаграмм. Иронический текст памфлета довольно тяжеловесен, но отдельные эпизоды удачны и не лишены остроумия. Идея манекенов, оправдывающая это название, заключается в существовании некой цепочки, последовательно связывающей аббата Вери, г-жу Морепа, самого Морепа и, наконец, Людовика XVI; каждый из них оказывает влияние на следующего, и король становится не более чем «первым манекеном в своем королевстве». Теории экономистов и недавние реформы представлены как переплетение несообразностей, которые приводят к политике всеобщего уничтожения. Высмеивается и некий Тогюр, «его чрезмерная резкость и деспотизм», но портрет не лишен некоторых тонких наблюдений. «Жил в Персии человек, нескладный, тяжеловесный, неуклюжий... нелюдимый из самолюбия, застенчивый из гордости...» «Манией Тогюра было желание всему давать объяснение». Что же до короля «Софи», то он был «тогюризован» и его добродетелями злоупотребляли: «Несведущая честность в политике еще большее зло, чем просвещенное бесстыдство».

1 Дата 1 апреля указана Сулави, который уточняет, что памфлет вышел как «первоапрельская шутка». В данном случае мы, кажется, можем довериться этому автору, так как ему незачем было придумывать этот анекдот.

Памфлет «Манекены» должен был послужить сигналом к атаке на Тюрго[1] — а возможно, был просто одной из ее составных частей, — атаке в форме пасквилей. Куплет, понравившийся Вольтеру, вскоре исчез в этом потоке. Вначале появилась песенка, нападавшая на окружение министра, герцогиню д'Анвиль, Кондорсе, Морелле, Бодо: «Эта грубоватая шутка была нарасхват». До нас дошла только ее часть[2]. Затем последовало стихотворение, кажется, всего из одной строфы, заканчивавшееся распространенной остротой: «А чистый продукт равен нулю!»[3].

Потом появляется «Тюрготинское пророчество», в котором довольно верно, хотя и в смехотворном виде, передается доктрина прогрессистов:

Выйдут толпы на дорогу
Разночинцев и дворян.
И французы пойдут в ногу
К своим естественным правам.

В нем содержится довольно умное замечание (более глубокое, чем полагал сам автор), что король, «считая себя нарушителем прав, не захочет более им быть».

Ах! Как надо любить добро,
Чтоб королю превратиться в ничто[4].

Вскоре появилась песня под названием «Удивление монахов» («Les Etonnements des chartreux») и куплеты на мотив «Удивления», отличавшиеся тем, что они не ограничивались

1 Идея, что он был сигналом, укрепилась (см.: Foncin. Op. cit., p. 511), потому что памфлет относится к 1 апреля. Другие пасквили упоминаются позднее, однако следует отметить, что Башомон и Метра относят появление «Манекенов» к концу мая. Но рукописный текст, должно быть, распространялся довольно медленно.

2 Bachaumont. Op. cit., 10 avril. Некоторые строфы из нее опубликовал Шелль под заголовком «Министерство Тюрго». (Schelle, t. V, p. 475.) В них нет отрывка, касающегося герцогини д'Анвиль.

3 Это стихотворение вопреки мнению Фонсена не следует путать с предыдущим. (См.: Bachaumont. Op. cit., 16 avril; Foncin. Op. cit., p. 512; Schelle, t. V, p. 474.)

4 Bachaumont. Op. cit., 28 avril Текст «La Prophétie turgotine» см. в: Schelle, t. V, p. 476 et 477; Foncin. Op. cit., p. 513. По словам Барбье, приводимым Шеллем, автором был Ж. Б. Вик де Л'Иль (J. B. Vic de l'Isle). По мнению Сулави, его распространял советник д'Амекур по наущению Морепа.

нападками на Тюрго, но касались всего министерства: Мальзерба, Морепа, Верженна, Сартина, Сен-Жермена, Монбарэ, а также Гибера и «новых заправил продовольствием»[1]. Пасквиль, названный «Три Марии», посвящен вдохновительницам Тюрго: г-же д'Анвиль, г-же Блондель и г-же де Марше. Вопреки тому, что можно было ожидать от этого сюжета, и вопреки замечанию Сулави («Незаслуженное оскорбление трех уважаемых женщин») в этом памфлете, кажется, не было низких намеков на моральную сторону их отношений, а высмеивались вообще «смешные жеманницы» партии экономистов[2].

Наконец в какой-то день появился и «психологический» куплет, о котором мы говорили выше:

Горячий, строптивый, упрямый, тупой,
Кусает, пихает, лягает, крушит,
Кто это — мул, или конь, или бык? [3]

Эти непрерывные атаки — были ли они организованы «лигой» или нет, — несомненно, преследовали цель подорвать авторитет министра, показать его непопулярность, и, конечно, они в какой-то мере достигли этого. Если принять во внимание изначальную шаткость его положения, то, «чтобы его свалить, достаточно было нескольких насмешек и нескольких мелких интриг»[4].

Между тем две ключевые позиции в политической стратегии той эпохи занимали Морепа и королева.

А эти две позиции были отныне потеряны для генерального контролера.

Если бы дело обстояло иначе, ни «лига имущественных интересов», ни парламент, ни финансисты, ни духовенство, ни

1 Bachaumont. Op. cit., 19 avril 1776. Текст см. в: Métra. Op. cit., 2 mai 1776. Там находится и куплет о Тюрго, сумасшедшем министре; Фонсен неправильно считает его отдельным пасквилем и датирует 2 мая, однако это просто число, когда Метра отмечает факт, сообщенный Башомоном 29 апреля.

2 Soulavie. Op. cit., t. III, p. 138. «Сатира, высмеивающая личности и, вероятно, низкопробная», — говорит Фонсен, по-видимому исходя из комментария Сулави. Но по мнению Башомона, который, правда, знает только заглавие и сюжет пасквиля, «автор решил высмеять трех умниц из партии экономистов, тесно связанных с генеральным контролером, у которых он устраивает совещания с корифеями своей секты; таковы... эта последняя [г-жа де Марше] подвергается особенно острой критике» (p. 98). Г-жа де Марше и правда была женщиной очень эксцентричной как по своему облику, так и манерам.

3 И как рефрен к каждому куплету:
Немного овса, немного сенца
Далеко заведут министра-глупца.
И за этим следует неизбежная насмешка над чистым продуктом. См.: «Chansonnier historique», t. IX, p. 100; Schelle, t. V, p. 478.

4 Soulavie. Op. cit., t. III, p. 137.

пасквилянты, ни «Манекены» Мосьё не смогли бы пробить брешь в доверии короля к Тюрго. Впрочем, они, несомненно, смягчили бы или отсрочили свое наступление.

В течение кризиса, продолжавшегося более двух месяцев, Людовик XVI оказывал своему министру не только полное доверие, но и проявлял твердость, неизменную твердость. Мы уже знаем, что знаменитая слабость Людовика XVI была гораздо больше слабостью интеллектуальной, чем слабостью характера. В истории с эдиктами он решил, что выработал собственное мнение.

По некоторым признакам можно заключить, что доводы Сегье могли в последнюю минуту пробудить у него первое сомнение. Но это очень легкое колебание не могло привести к серьезным последствиям, пока оно не было замечено и использовано. А это могло сделать только его ближайшее окружение.

Король был гораздо менее уязвим для прямого и решительного противодействия, чем для длительного разъедающего влияния близких людей.

«Во время обычных столкновений,— отмечает Вери,— сопротивление короля не вызывает сомнения. Но нельзя сказать того же, когда ему надо оказать сопротивление с глазу на глаз, в своем тесном кругу». Что касается лиц, обладающих личной властью, главный козырь оказывается у тех, кто имеет к ним постоянный доступ. Так происходит даже с решительными характерами, а уж тем более если речь идет о самодержце, поддающемся влиянию. При Людовике XVI только двое людей пользовались таким преимуществом: королева и Морепа. Антресоли г-жи Дюбарри, с маленькой потайной лестницей, — вот где был настоящий портфель Морепа. Благодаря этому он стал с первого дня и оставался до конца фактическим премьер-министром. Случалось, как говорили, что король поднимался к нему в то время, когда он еще спал, тогда Людовик XVI тихонько уходил, чтобы не потревожить его сон[1]. Королева не раз замечала, что благодаря этим интимным беседам Морепа легко разрушал козни, которые она так долго и тщательно плела. На другой день не оставалось ничего от ее тайной работы. Подобно Пенелопе, ей приходилось снова приниматься за свои хитросплетения. «Одного его слова было довольно, чтобы опрокинуть самую хорошо рассчитанную комбинацию»[2].

1 «L'espion dévalisé». По свидетельству Жоржеля, именно во время подобного посещения короля была решена отставка Тюрго. Король высказал свои сомнения, а Морепа воспользовался случаем: «Г-на Тюрго выдают его творения: это безумец с романтическим воображением, он сражается с ветряными мельницами». (Georgel. Op. cit., p. 425 et 426.)

2 Besenval. Op. cit., t. I, p. 322.

Итак, на этот раз Тюрго окончательно оттолкнул от себя Ментора. Теперь дело обстоит не так, как во время бунта 1775 г., это не мимолетное раздражение. Во время «Мучной войны» Морепа добровольно держался в стороне. Между ними не было, собственно говоря, антагонизма. Что касается эдиктов и королевского заседания парламента, то Морепа включился в игру, хотя и со свойственной ему вкрадчивой осторожностью. По рассказу Стормонта, не вызывающему сомнений, он увидел, что король от него отдалился, что Тюрго восторжествовал над ним. Он ощутил дуновение ветра неудачи, дыхание отставки. Он об этом говорил, что свидетельствует о его страхе перед вынужденным уходом. Теперь это был человек, над постом которого нависла угроза, а значит, и над его жизнью.

Самые оптимистические для Тюрго комментарии отмечают это обстоятельство, определяющее все его будущее. По словам Ривьера, «влияние Тюрго восторжествовало над всяким иным, и просвещенные наблюдатели видят отныне в г-не де Морепа рядом с министром не более чем субделегата рядом со своим интендантом»[1].

А Стормонт писал: «Г-н Морепа не только останется на своем месте, но, вероятно, покажет себя гораздо более бдительным, чем был до сих пор, он будет следить за ростом влияния Тюрго и чинить ему тайные препятствия»[2].

На этот раз не было под рукой «примирителя». Аббат де Вери решил остаться в Сен-Сатюре.

Новые намерения Морепа вызвали полный переворот в игре самых интимных влияний на Людовика XVI. В течение более года эти влияния — влияние главного министра и влияние королевы — сталкивались друг с другом. После сентябрьского примирения эти соперничающие силы перешли к тактике взаимных уступок. Отныне, после 12 мая и в частном случае с Тюрго, оба влияния действовали в одном направлении. И приобрели, таким образом, непреодолимую силу.

Что касается отношения королевы к Тюрго, то оно не только не стало более благосклонным, а странным образом ожесточилось и ухудшилось, впрочем, по причинам, не имевшим связи с эдиктами и парламентской оппозицией.

Тюрго обычно не придавал большого значения настроениям Марии Антуанетты, изменчивость которых он не мог не замечать. После дел д'Эннери и Монморанси он, казалось, даже

1 22 марта. По этому поводу Ривьер в свою очередь рассказывает известный анекдот: «Только г-н Тюрго и я любим народ». Он добавляет: «Опасаются, как бы министр не ошибся в выборе средств или по меньшей мере не исказил того, что в них есть разумного, из-за скоропалительности, с которой он их применяет».

2 20 марта. См.: Dakin. Op. cit., p. 251.

не обратил внимания на ее холодность. Однако недовольство ее не проходило и было замечено окружающими. 8 ноября наблюдательный Стормонт писал: «These ennemies (de Turgot) derive no small advantage from the opinion the public has the queen is by no mean favourable to him»[1].

Через некоторое время после этой записи произошел новый инцидент, в связи с которым можно еще раз упрекнуть Тюрго в недостатке хладнокровия. Речь шла о совсем мелком деле: о пенсии в 6 тыс. ливров для г-жи д'Андло по ходатайству графини Жюли де Полиньяк, ее племянницы. У г-жи д'Андло была плохая репутация; «известная интриганка», она была удалена из свиты Мадам Аделаиды за то, что приносила принцессе непристойные книги[2]. Но что было до этого Тюрго? Разве сам он был таким пуританином? И что значили для бюджета 6 тыс. ливров? Но он высказался против. Однако король утвердил пенсию.

Графиня де Полиньяк написала Тюрго благодарственное письмо. Он ответил ей дерзостью. Вкратце: «Не благодарите меня, я тут ни при чем». Она написала ему остроумный ответ. Говорили, что у нее для этого недостало бы ума, но ей помогла сама г-жа д'Андло. Королева же «нашла ответ слишком мягким, пошла к королю, и они вместе составили письмо, которое графиня не хотела отправлять, считая его неуместным; однако, по решительному настоянию королевы и короля, отправила его». Тут Тюрго с некоторым запозданием сообразил, что не следует отвечать на это письмо, и никому не сказал о нем ни слова[3].

Подобные «булавочные уколы» создавали некоторую напряженность в отношениях. Но речь пойдет уже совсем не о простой напряженности, когда разразится второе дело де Гина. Тут мы увидим, как плохое отношение королевы, небольшое раздражение, примет чудовищные размеры и перерастет в настоящую ненависть. Холодная, расчетливая страсть, ожесточенная тем, что ее приходится держать в тайне, сочетается с почти безумным самолюбием, черпающим энергию в неудовлетворенной чувственности.

1 «Враги (Тюрго) извлекают немалое преимущество из того, что общественное мнение считает королеву отнюдь не благожелательно настроенной к Тюрго» *(англ.)*. (Dakin. Op. cit., p. 231.) В данном случае слова «общественное мнение» следует понимать в узком смысле, как мнение осведомленных людей, близких ко двору.

2 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 391. Речь шла о книге «Portier des Chartreux» адвоката Жервеза

3 У нас нет текста письма Тюрго. Дюбуа де л'Эстан опубликовал два письма графини де Полиньяк, от 13 ноября и 14 декабря 1775 г., в своей брошюре «Тюрго и королевская семья» («Turgot et la famille royale»). Их перепечатал Сегюр. (Ségur. Op. cit., p. 305 et 306.)

ВТОРОЕ ДЕЛО ДЕ ГИНА

Первый этап второго дела де Гина совпал по времени с кризисом, вызванным эдиктами, между началом января и началом марта 1776 г.

Граф де Гин был, несомненно, человеком, который постоянно «попадал в истории». Он так же неудачно обделывал свои дела, как удачно находил покровителей. Вернувшись на свой пост посла, он освободился от мошенника-секретаря и вероломного писца, но нашел там своего худшего врага — а именно самого себя. Его судебные похождения еще не закончились (дело пересматривалось[1]), а он уже стал героем дипломатического скандала.

Мы передадим его в нескольких словах.

Этот посол совершил ряд серьезных служебных проступков, о чем сообщили его правительству. Король отозвал его и заменил другим послом. А так как королева продолжала покровительствовать де Гину, король сделал его герцогом. И по этой причине, во всяком случае при поверхностном взгляде на историю, он подверг опале своего министра финансов, которому недавно оказывал самую широкую поддержку, отказался от политики реформ и погубил себя и свое королевство. В таком кратком изложении причинная связь событий представляется настолько абсурдной, что это ничтожное дело, нелепое и темное, заслуживает разъяснения.

Граф де Гин, как посол Франции в Лондоне, действительно совершил три служебных проступка. Их можно изложить в хронологическом порядке по мере их обнаружения[2], используя переписку Верженна и записи Вери.

1. Граф де Гин, не имея на то никаких инструкций, предпринял двойную инициативу. Речь шла о постоянных конфликтах между Испанией и Португалией из-за их американских ко-

1 В конце концов он его выиграл, и, несомненно, влияние королевы сыграло свою роль. «Вы, вероятно, знаете, что де Гин выиграл свой процесс на почетных условиях. А Фор осужден», — пишет многозначительно Тюрго Дюпону 1 апреля 1777 г. Фора объявили бесчестным, он должен был выплатить 300 ливров и на этот раз все судебные издержки. Постановление от 21 марта 1777 г. (См.: S é g u r. Op. cit., p. 351.)

2 См.: V é r i. Op. cit., p. 398, 401, 402, 415; S c h e l l e, t. V, p. 435, 436 (Шелль дает неполный и неточный анализ). Лучше всего эта история изложена у Жобеза (J o b e s. Op. cit, p. 496 et suiv.), который использует переписку Верженна, но не знает дневника Вери. См. также: S é g u r. Op. cit., p. 345 et suiv.; D a k i n. Op. cit., p. 258 et 259; N e y m a r c k. Op. cit., p. 230 et suiv.

лоний[1]. Сначала он «заявил британскому министерству, что если Англия не станет на сторону Португалии, то Франция не поддержит Испанию». Эти слова взяты из письма Верженна от 4 марта[2] относительно первого инцидента. Затем де Гин сообщил об этом своем первом демарше испанскому послу в Лондоне князю де Массерану, а тот в свою очередь сообщил об этом мадридскому двору.

Это первый инцидент, и он один вызвал решение об отзыве де Гина[3].

2. Только после отъезда графа де Гина стала известна его вторая сумасбродная выходка. Он «как друг» сообщил испанскому послу в Лондоне, что на основании донесений своих шпионов убежден, будто «серьезные приготовления на суше и на море, которые ведутся в Лондоне и направлены якобы против американских колоний, на самом деле направлены против Мексики, принадлежащей Испании».

Мы ясно видим опасность этого второго поступка. Первый мог быть, по выражению Вери, тайной миной; а второй уже был взрывателем.

3. Де Гин дал письменное заверение английскому министру, что французский двор не окажет американским колониям никакой поддержки — ни прямо, ни косвенно. «Это прямо противоречило полученным им инструкциям».

4. Наконец, обнаружили и четвертый эпизод, на деле самый ранний, он был связан с первым и мог бы служить к нему вступлением.

«Задолго до своего отозвания он уведомил двор, что в лондонском правительстве ему намекали на проект оборонительного и наступательного союза с Испанией в целях обоюдной гарантии их колоний в Америке». «В Версале отнеслись к этому проекту лишь как к ловушке английского правительства, которое всегда подозревали в намерении разорвать союз Франции с Испанией, и сочли также этот проект бредом де Гина, который сообщает о нем так, словно допускает такую возможность».

1 Испанский посол д'Аранда «советовал своему правительству оказывать помощь американцам, но в то же время аннексировать владения Португалии, с которой у Испании возник конфликт из-за территории, расположенной на правом берегу реки Рио-де-ла-Плата, напротив Буэнос-Айреса. Он предлагал Франции Бразилию, принадлежавшую Португалии, если Франция поддержит его планы». (C a r r é, S a g n a c et L a v i s s e. Op. cit., p. 104.)

2 Различные письма Верженна, цитируемые в этой главе, находятся в Национальном архиве. (Archives Nationales, K. 164.)

3 Мы не находим у Вери изложения этого первого инцидента, ибо одна из его тетрадей (относящаяся ко времени разразившегося скандала) утеряна. Остальные три инцидента не были подробно описаны в переписке Верженна.

Значит, об этом деле де Гин, в виде исключения, доложил своему двору. Но доклад его был лживым.

Инициатива исходила не от английского двора, а от него самого.

«От некоего темного посредника, оказывавшего услуги де Гину, вскоре узнали, что это он сам через третьи руки предложил английскому правительству проект о взаимных гарантиях...»

Итак, запутанная интрига. Англичане думают, что предлагает Франция, французы — что предлагает Англия... Что касается Испании, то, узнав об этом, она может только затаить недоверие к своей союзнице[1].

Мы можем отметить — для понимания дальнейшего хода событий, — что эти следующие одно за другим разоблачения составляют единое целое, и довольно внушительное целое. Занимаясь всей этой неуместной и бестактной деятельностью, не имея на то инструкций и никому не отдавая отчета, следовал ли посол просто полету собственной нелепой фантазии? Или он преследовал определенную цель? Будучи агентом партии Шуазеля, не действовал ли он, быть может и без инструкций, таким образом, чтобы усилить напряжение и вызвать кризис? Противники Шуазеля считали его [Шуазеля] сторонником войны. Его друзья могли думать, что война была бы удачей для Шуазеля. Таково было толкование, данное немного позже Вери, а быть может, и самим королем: «Он был убежден [король] и даже несколько раз повторял, что г-на де Гина, нарушившего свои обязанности посла, можно заподозрить в желании вызвать войну...»[2]

При этом предположении речь шла бы уже о настоящем плане, каждая часть которого объясняет последующие.

Если Испания почувствует себя преданной, если она заподозрит, что ей угрожают, разве она не может совершить необдуманный шаг? Разве Англия со своей стороны не почувствует себя обманутой, не будет возмущена невыполнением обещаний и порочащими ее признаниями?

1 Эта запись Вери от 9 марта намекает на последнее заседание Государственного совета. Этот эпизод, должно быть, имел место после или в момент возвращения де Гина во Францию.

2 V é r i. Op. cit., t. II, p. 6. «Король начинает подозревать, что в деле де Гина речь идет больше чем о простых покровителях.. Очень трудно отказаться от страшного подозрения, что путь, по которому он шел или на который его направляли в каждом случае, имел своей целью породить разногласия между дворами Европы». Когда в письме к королю от 30 апреля Тюрго пишет: «Что будет, Сир, если к внутренним беспорядкам добавятся тяготы войны, к которой могут привести *тысячи неосмотрительных демаршей»*, то нам кажется, что эти слова относятся непосредственно к самовольным выходкам графа де Гина, об отозвании которого Тюрго говорит в том же письме.

Мы не можем разобраться в этом клубке противоречий лучше, чем его современники и, быть может, само заинтересованное лицо.

Каковы бы ни были его истинные намерения, но он, во всяком случае, играл с огнем.

Сообщения о первом инциденте поступили по двум каналам. Эта подробность дает нам интересные сведения о нравах и приемах дипломатии времен старого порядка.

Первый канал: испанский двор, получив сообщение от своего посла в Лондоне, в свою очередь информировал своего парижского посла — графа д'Аранда. Граф показал Верженну депешу своего коллеги, переданную ему из Мадрида, и даже отдал ее ему. Таким образом, французский министр был извещен... испанцами о том, что делал и говорил его собственный представитель[1]. Верженну не оставалось ничего другого, как сообщить об этом деле совету министров.

Чтобы понять, какие чувства могли волновать в этом случае душу главы французской дипломатии, следует знать его служебные и личные заботы. С точки зрения проводимой им политики ничто не могло потрясти Верженна сильнее, чем то, что он узнал. Из его мемуара от 1774 г. мы знаем, что неизменными принципами его политики были, с одной стороны, желание опереться на союз с Испанией, а с другой — постоянная боязнь опасного отдаления Англии.

Союз, считал Верженн, был на деле более выгоден Франции, чем Испании. Англия действительно была вынуждена соблюдать осторожность в отношении Испании, с которой она вела крупную торговлю. Что касается Франции, то ее [Англию] не сдерживали никакие подобные соображения. Таким образом, для французов союз с Испанией был не только крупным козырем в случае войны, но и гарантией сохранения мира. «Если что-либо сдерживает и внушает уважение Англии, то только объединение Франции и Испании, уверенность, что первый пушечный выстрел против одной из них немедленно вызовет ответный удар обеих».

В то время Верженн в самом деле боялся нарушения мира и считал, что опасность грозит со стороны Англии. К тому же Верженн был склонен к беспокойству в силу своего характера[2] и боялся нарушения мира уже из тех, так сказать, философ-

1 Судя по записям Вери, испанцы не думали, впрочем, ставить де Гину в вину это дело.

2 Тому есть много доказательств. Так, Вери отмечает, что был момент, когда Верженн опасался, как бы русские не помогли англичанам укротить их колонии, после чего могли бы предъявить свои притязания на французские острова. (См.: V é r i. Op. cit., p. 374.)

ских соображений, что он длился очень долго. «Истина, которую нельзя не признавать, хотя она и кажется тривиальной, гласит: чем дольше длится мир, тем меньше вероятности, что он еще продлится. У нас мир длился двенадцать лет. Это серьезный довод против его дальнейшей устойчивости». Точнее говоря, Верженн опасался со стороны англичан не обдуманного решения (вышеизложенные соображения его исключали), а какого-либо безумного порыва, вызванного внутренним напряжением в этой стране и шатким положением правительства. «Их затруднения [министров] могут миновать или, наоборот, возрасти до такой степени, что побудят правительство направить возбуждение умов на внешние проблемы. Мы можем оказаться втянутыми в войну вопреки воле лондонского двора».

Через полтора года Верженн не считал, что положение стало более устойчивым, как раз наоборот. В письме от 22 января 1776 г., написанном в тот день, когда было решено отозвать де Гина, и где он излагал кое-какие сведения, полученные от Бомарше, он утверждал: «Англия стоит на грани отчаяния» Министры, стараясь избежать самой большой опасности для себя лично, возможно, не найдут иного выхода, кроме «отчаянных мер».

Следовательно, Верженн должен был расценивать действия своего подчиненного как крайне вредные, не говоря уже о вопросах дисциплины и соблюдения приличий; но в то же время он знал, каким неизменным покровительством королевы пользовался граф де Гин. Верженн имел самое непосредственное отношение к первому его делу, возражая против оглашения документов, переписываясь непосредственно с королем, который хотел держать Совет в стороне от всех этих неприятностей. Верженн, почти случайно вошедший в министерство, не имевший личных покровителей, озабоченный своим материальным положением, страдавший комплексом неполноценности из-за происхождения жены, держался за свой пост так же цепко, как Морепа за свой. По словам Сулави, он поклялся «умереть министром» и всеми силами старался сдержать слово[1].

Легко себе представить, в каком смятении предстал перед Советом министр, столь добросовестный в своей работе и в то же время столь дорожащий своей должностью, неся в портфеле, как бомбу, письмо князя де Массерана[2].

1 Soulavie Op. cit, t. V, p 100; см: Véri Op. cit, p. 354. «Он был скуповат на деньги Человек не может отрешиться от своего прошлого. Долгие годы он занимал второстепенные должности с небольшим жалованьем. Жена его — из низшего сословия, наверно, привыкла считать каждую копейку, и боязнь потерять свое место заставляла и его быть бережливым »

2 Мы не знаем, как он провел свой доклад, потому что не имеем сообщений Вери об этом первом заседании Совета Но на следующем заседании (происходившем в начале мая), когда обнаружилось предложение де Гина о взаимных гарантиях, Верженн был так взбешен, что пришел в кабинет короля с побелевшим лицом «и попросил г-на Мальзерба прочесть письмо на Совете, потому что сам он слишком взволнован». (Véri. Op. cit, p 417.)

И тут произошла сенсация. Открылся второй канал информации. Король уже знал этот документ. Он узнал о нем благодаря перлюстрации почты. Чтобы понять это совпадение, надо сказать, что почта из Лондона в Мадрид шла через Париж. А тут служба Риголе д'Уаньи действовала, не раздумывая о ее дипломатической неприкосновенности. Король сохранил у себя это письмо и не передал его Верженну, как обычно поступал: то ли потому, что еще не успел, то ли потому, что боялся возбудить дело против подопечного королевы. Быть может, Людовик XVI так ничего бы и не сказал. Но, увидев, что министр получил такой же текст, он не стал далее умалчивать.

Верженн осмотрительно воздержался как в тот момент, так и впоследствии от требования санкций против де Гина. Он не раз объясняет свое поведение в переписке, и порой она принимает воистину панический тон; таково письмо от 23 февраля:

«Вашему Величеству известно, какое участие я принимал в решении и что я не подделал письмо князя де Массерана, о котором я по долгу службы обязан был сообщить Вашему Величеству на Совете, поскольку оно было передано мне графом д'Аранда и поскольку речь шла о сохранении союза между двумя коронами. Это письмо, Сир, в котором князь де Массеран сообщает двору о признании, сделанном ему графом де Гином относительно странного оборота, который он [де Гин] придал своим переговорам, — письмо это, Сир, было передано Вашему Величеству тайным кабинетом; вероятно, оно и сейчас находится в Ваших руках, так как я не удостоился милости получить его».

Нетрудно вообразить ужас обоих — министра и короля — при мысли о возможной реакции Марии Антуанетты. Какое старание проявляет министр, чтобы оправдать столь необходимый шаг! Чтобы заранее отвергнуть немыслимое обвинение, будто он мог подделать письмо! Как настойчиво подчеркивает, что он непричастен к решению, которое должен был бы сам предложить и потребовать! А король? Он предпочел бы ничего не говорить, если бы никто не поднял этого дела, и сохранял у себя документ, когда все уже раскрылось, как будто эта нелепая предосторожность могла позволить ему замять дело после его огласки!

У нас нет точных сведений о том, что происходило в первое

время, так как корреспонденцию Верженна нельзя назвать протоколом событий, а одна из тетрадей Вери пропала. Однако другие тетради позволяют нам делать выводы путем сопоставлений. Мальзербу поручили (подобные люди как будто предназначены для выполнения миссий, от которых все уклоняются), а может, он и сам взялся поговорить с королевой. Мария Антуанетта во время первого разговора, «пораженная опрометчивостью [де Гина], поняла необходимость его отозвать». Однако дело затягивалось. «Г-н Верженн, которого это непосредственно касалось, лавировал... Тогда г-н Тюрго и г-н Мальзерб решили взять опасную инициативу на себя».

Тюрго должен был первый работать с королем [1], и потому он взялся сообщить ему о разговоре Мальзерба с королевой, «о котором король не подозревал и узнал с удовольствием». Тюрго предложил ему вызвать Морепа или Верженна для обсуждения. Король отказался и сказал, что сам поговорит с Морепа и с королевой.

Прошла еще неделя без результата. Морепа и Верженн были одного мнения, что не надо настаивать. Но сильный человек министерства не мог ограничиться этим. Он написал королю «обдуманное письмо», где повел речь и о других делах. На следующей аудиенции король сказал ему сам, что, поговорив с королевой, он решил отозвать своего посла. «Я вам очень обязан,— сказал он,— было бы *просто смешно* оставлять его в Англии» [2]. Решение было принято 22 января.

31 января Верженн сообщил королю, что он известил лорда Стормонта: «Я думаю, что (английский) двор будет жалеть об уходе графа де Гина, он должен опасаться (нового) посла, который будет действовать более осмотрительно».

Здесь нам открывается истинный характер Верженна, который был таким же добросовестным, как и боязливым, и которому в течение его долгого пребывания в министерстве всегда удавалось весьма удачно сочетать осторожность и смелость. Вновь напоминая королю, что сам он ничего не сделал для отозвания де Гина, он настаивает теперь, когда решение принято, чтобы к нему не возвращались, а как можно скорее назначили преемника.

6 февраля он сообщает, что посланный в Лондон курьер вернулся и что де Гин опротестовал свое отозвание.

1 По словам г-жи Дюдефан (письмо от 5 июня 1776 г.), Тюрго поручил Мальзербу поговорить с королем. Тут, по-видимому, произошла путаница из-за разговора Мальзерба с королевой. Сообщение Вери вдобавок подтверждается письмом Тюрго к королю от 30 апреля. Именно генеральный контролер взял на себя эту инициативу.

2 Выделено в тексте. В этом отрывке мы почти точно следовали рассказу Вери. (См: Véri. Op. cit., p. 388 et 389.)

Тем временем правительство узнало и о других проступках графа де Гина.

Но тем временем и партия Шуазеля овладела собой. И в свою очередь овладела королевой.

В самом начале наблюдалась некоторая растерянность. Сам герцог де Шуазель, казалось, осуждал своего протеже. По словам Лозена, он якобы сказал, что, если бы речь шла о его собственном сыне, он просил бы о единственной милости—«посадить его в Бастилию». Из того же источника мы знаем, что в день, когда общество узнало о принятом решении, принцесса де Гемене давала бал. Гости тут же начали обсуждать эту новость. Принцесса и герцог де Куаньи, опираясь на мнение Шуазеля, считали, что это дело надо оставить. Но Лозен настаивал на том, что де Гину надо дать возможность оправдаться, «иначе лучшие слуги королевы не смогут рассчитывать на ее милость и покровительство». Это значило затронуть самую чувствительную струну королевы. «Я последую совету г-на де Лозена» [1], — сказала она.

7 февраля Вери отмечает новую тактику, принятую партией Шуазеля: оттягивать назначения преемника де Гина и даты последнему возможность защищаться.

Тогда Тюрго сделал смелое и разумное предложение: созвать в присутствии короля совещание между королевой и тремя министрами, рассмотреть депеши де Гина и сделать королеву судьей. На замечание де Вери, что это значит ввести королеву в круг государственных дел, Тюрго ответил: какая разница, королеву или фаворитку!

Но их опередили еще до того, как они приступили к этому плану.

9 февраля королева по просьбе Шуазеля встретилась с ним в Опере. Глава партии снова собрал свои силы. Он заявил, что, глубже изучив дело и посовещавшись с испанцами, пришел к убеждению в невиновности графа де Гина. В чем он легко убедил и королеву. После этого разговора Мария Антуанетта стала совсем несговорчивой. Она возглавила заговор, участники которого кричали, что другие плетут тайные козни. Якобы Мальзерб, Тюрго и Морепа подстроили эту историю по наущению г-жи Морепа и ее племянника д'Эгийона. Как будто снова вернулись времена дела Фора.

Разумеется, де Гин снова потребует предъявления тайных документов. Это будет еще опасней, чем в предыдущем случае, так как придется признаться публично и перед другими странами в перехвате корреспонденции. 23 февраля Верженн в

1 Lauzun. Mémoires, p. 248 et suiv.

письме, отрывок из которого мы цитировали выше, касается этого вопроса. Он просит короля не оглашать причин отзыва посла. «Если Ваше Величество разрешит упомянуть о них, это будет равносильно сообщению Франции и, по-видимому, всей Европе о существовании у нас перлюстрации». В выспренних выражениях он утверждает, что король имеет право оказывать доверие по своему усмотрению. «Посольство — это не собственность, а поручение». Он приводит в пример себя: он сам был отозван с предыдущего поста, хотя получал одни только похвалы. Если бы дело обстояло иначе, заключает он, «это новое законодательство... могло бы стать весьма пагубным в теперешнее время, когда умы, к несчастью, столь склонны к экзальтации...»

Наконец граф де Гин приехал.

3 марта де Гин вручил Верженну, а тот передал королю письмо, где он выражает желание оправдаться. В заключение он утверждает, что не показал себя недостойным покровительства... королевы. За почтительностью сквозила угроза.

И внезапно разговоры о деле де Гина прекратились. Полное молчание наступило как раз в то время, когда приезд главного героя, казалось, должен был ускорить события и усилить шум, поднятый вокруг этого дела.

О нем не говорили больше ни слова.

Все умы были заняты королевским заседанием парламента.

Королева притворялась абсолютно равнодушной. Все это время — с конца масленицы, уточняет Мерси, — она почти не бывала на вечерах принцессы Гемене, и Мерси радовался, видя, что она отдалилась от этого гнезда интриг. Он тогда не догадывался, что такое скромное и разумное поведение имело лишь одну цель: скрыть, что она втайне плела гораздо более опасную и решающую интригу.

Друзья графа де Гина считают его «несчастнейшим малым», по выражению г-жи Дюдефан. «Эта принцесса (королева), — пишет граф де Крейц, — вела себя в этом деле со скрытностью и ловкостью, не свойственными ее возрасту. В обществе она за все это время не обмолвилась ни словом с де Гином, и все решили, что она его покинула».

Она терпеливо готовила свою победу. Она хотела добиться для графа де Гина блистательного реванша — титула герцога. А для Тюрго не менее блистательного возмездия — отставки и даже, как мечтала она, заключения в Бастилию.

Она была так коварна, что сознательно ввела в заблуждение аббата де Вермона, ибо знала о его связях с Тюрго. Аббат де Вери, услышав разговоры о том, что королева потворствует назначению Морепа первым министром, содействуя интриге графини Полиньяк (Мерси-Аржанто получил такую же информацию), отправился навести справки у де Вермона, которого он прозрачно называет «истинным наперсником королевы». Но де

Вермон опроверг этот слух. И даже, заключил он, королева составила себе на основании двух бесед с Морепа очень невыгодное мнение о своем собеседнике. И напротив, «она же [королева], хотя ее со времени коронации настраивали против Тюрго, теперь снова питает к нему уважение» [1].

С помощью притворства и, надо прямо сказать, чистого обмана Марии Антуанетте удалось не только способствовать осуществлению своих непосредственных замыслов, так как ни ее советники, ни сама жертва ничего не опасались, но даже довольно долго обманывать почти всех окружающих.

Почему, однако, она сосредоточила свою ненависть на одном Тюрго? Она как будто была сердита и на Мальзерба, но он избежал ее ярости. И на Верженна, но она не требовала для него тюрьмы; она хотела только его удаления, но этого она не добилась. А между тем он был ответственным лицом *по долгу службы,* но он всегда уклонялся брать на себя ответственность за принятые решения. Быть может также. Людовик XVI больше заступался за Верженна: он не брал короля на измор, как его коллега министр финансов.

Королева чувствовала, что угрожает ей именно Тюрго, больше, чем кто-либо другой, по существу, он один. Он был способен помешать ее намерениям, ее планам.

Она видела в нем равного себе противника.

Итак, поведение королевы, несмотря на ее пренебрежение к справедливости и недостаток логики, можно так или иначе объяснить. Поведение Тюрго более необъяснимо. «Зачем его понесло на эту галеру?» * — насмешливо и не без основания спрашивал аббат Галиани.

Когда мы видим, как осторожно вел себя Верженн, к компетенции которого относилось это дело, трудно найти объяснение бессмысленной отваге Тюрго. Неужели в горячую пору подготовки своих эдиктов, в самый разгар парламентского кризиса он не мог предоставить своим коллегам заниматься их собственными делами и не впутываться в этот дипломатический инцидент?

---

1 Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 38, 10 avril; Véri. Op. cit., p. 413. Однако Вери накануне своего отъезда слышал разговоры о том, будто королева рассчитывает, что через две недели Тюрго уже будет устранен и что Морепа согласен с королевой. «Мне не показалось, что это входит в его намерения, когда я его прощупывал, однако возможно, он мне не доверяет». (Véri. Op. cit., p. 424.)

* Знаменитая фраза из комедии Мольера «Проделки Скапена». Ловкий и хитрый слуга (Скапен) уверяет скупца Жеронта, что его сын попал на турецкую галеру, что его увезут и продадут в рабство, если он не внесет солидный выкуп. Жеронт скрепя сердце вынужден заплатить, но в ходе разговора он несколько раз восклицает: «Зачем его понесло на эту галеру?» — *Прим. ред.*

После того как он по необходимости занялся делами, входившими в компетенцию Морепа, зачем ему было без всяких оснований вмешиваться в дела Верженна?

Отмечали, что у Тюрго уже были однажды основания жаловаться на графа де Гина, но, впрочем, эта странная история упоминается лишь в одном источнике [1]. Якобы Тюрго отправил в Англию в конце 1775 г. трех аббатов с таинственной миссией. Они должны были убедить нескольких богатых промышленников-протестантов вернуться во Францию, чтобы поддержать политику экономической экспансии. Де Гин, не знавший подоплеки этого дела, разбранил и отправил обратно клерикальных эмиссаров министра-философа. Последовал обмен «резкими и оскорбительными» письмами и жалобы королю. Если предположить, что еще одной своей «оплошностью» де Гин и создал некоторое затруднение, он не мог этим вызвать у Тюрго непримиримую враждебность.

Мы можем предполагать две более серьезные побудительные причины. С одной стороны, желание избежать опасности международных осложнений, связанных с поведением посла, с другой — поддержать непререкаемый авторитет государства. Мы считаем, что если принять во внимание эти обстоятельства, ход событий, который мы восстановили, характер Тюрго, каким мы его знаем, то всего этого достаточно, чтобы объяснить неосторожность, по существу очень благородную, последствия которой он, возможно, недооценил, хотя и взял на себя ее риск.

Он слишком снисходительно судил о королеве, опираясь на мнение Вермона. И оказывал ему больше доверия, чем тот заслуживал на деле. «В глубине души королева честна, хотя и легкомысленна, — говорил Тюрго де Вери. — Вы знаете о ее доверии к аббату де Вермону, а у него тоже честная душа». Вот почему он и предложил устроить общее совещание. Он, несомненно, рассчитывал ее убедить, показав депеши, как рассчитывал убедить публику своей преамбулой к эдикту о хлебной торговле. Во второй раз этот человек, безгранично веривший в разум, столкнулся с совершенно неразумной психологией — в первый раз коллективной, а теперь индивидуальной, — совершенно пренебрегающей разумом, когда следует сделать усилие, чтобы проанализировать и понять, но полностью владеющей разумом, когда надо найти средства, чтобы добиться своей цели. Королева, которую было так же трудно разубедить, как и толпу, но еще труднее обуздать, стала для Тюрго отныне равносильна новому мятежу.

1 См. письмо Ривьера принцу Саксонскому от 22 марта 1776 г. в: Ségur. Op. cit., p. 343.

Глава VII Голова на плахе

В тяжелых тучах небо грянет буря

Шекспир

Тюрго не посчастливилось пасть в разгар боя. Он даже не имел преимущества подвергнуться опале в определенный, переломный момент.

На другой день после королевского заседания парламента он решил вести себя осторожно. Он попросил своих самых ревностных друзей, двух аббатов-полемистов, Рубо и Бодо, прекратить свои публикации [1]. На советах он предлагал лишь второстепенные меры. Самыми значительными делами за это время были дела Учетной кассы и винной торговли. Но никто не подумал счесть их пробным камнем [2].

Его два главных врага, отныне союзники, если не заговорщики, Морепа и Мария Антуанетта, предпочитали вести тайную войну с помощью психологических средств: войну на измор в душе самого короля.

Эта тактика побуждала их использовать любой случай или инцидент, какой им представлялся или какой они вызывали сами; они использовали даже реакцию самого Тюрго на эти инциденты.

1 См.: Schelle, t. V, p. 12. Согласно письмам Бодо.

2 Вопрос об Учетной кассе, о которой мы говорили выше, рассматривался 24 марта. Эдикт о винной торговле датирован апрелем. Другие дела, рассмотренные за это время, не имели большого значения: о лекарствах (12 апреля), о посадке деревьев (17 апреля), о комиссии по эпизоотии (29 апреля) и т. д.

За два последних месяца произошел ряд незначительных эпизодов, порой даже не вполне ясных. Трудно определить истинное значение каждого отдельного случая, еще труднее расставить их в порядке их значимости. Таким образом, последняя фаза правления Тюрго оставляет одновременно драматическое и тусклое впечатление. Она обычно обескураживала историков и биографов, которые ограничивались перечислением, собиранием и приблизительной оценкой фактов, за что их трудно винить.

Приступив к этому исследованию с целью выявить историческую причинность событий, мы считаем необходимым довести до конца нашу работу, постаравшись раскрыть последние пружины этой цепи событий.

Король продолжал поддерживать Тюрго в течение первого месяца — ровно половину этого критического периода. Это вытекает из общих наблюдений, но у нас есть к тому же и точное подтверждение. В самом деле, в письме к своему близкому другу аббату де Вери в самый день падения Тюрго г-жа де Морепа пишет: «Вот уже месяц, как эта гроза нависла над его головой, но он не хотел ее замечать» [1]. Г-жа де Морепа занимала такое положение, что была прекрасно информирована, и потому можно считать это утверждение верным. Примерно 12 апреля Людовик XVI изменил свое отношение к Тюрго.

Поэтому нам представляется необходимым поискать какое-нибудь близкое к этому числу событие, способное вызвать такую перемену в поведении короля.

Сначала мы исключим эпизоды, происшедшие позже 12 апреля: они могли иметь определенное значение, но не решающее. Таковы случай с Лебро и Лакруа и дело о взимании пошлин генеральным откупщиком Лавуазье.

Мы должны рассмотреть затем два инцидента, о которых сообщает Дюпон, не указывая их дат.

Первый — следствие вмешательства интригана маркиза де Пезэ[2], доверенного корреспондента короля, связанного одновременно с Морепа и с Неккером. По словам Дюпона, Морепа, желая дискредитировать Тюрго, передал Пезэ служебную записку Тюрго о бюджете на 1776 г.

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 432.

2 Пезэ был признанным любовником г-жи де Монбарэ, имевшей на г-жу де Морепа, свою кузину, чрезвычайно большое влияние. По ходившему в ту пору анекдоту Морепа сказал однажды иностранцу, спросившему его, кто такой Пезэ: «Это король Франции» — и дал следующее объяснение: «Он правит г-жой де Монбарэ, она правит моей женой, моя жена правит мной и т. д.» Старый скептик приложил к себе самому, несколько видоизменив ее, идею «Манекенов». (Sénac de Meilhan. Op. cit.)

Пезэ якобы дал ее изучить двум людям, одним из которых был Неккер; эти два эксперта высказали критические замечания, причем сошлись во мнениях, а Пезэ передал их королю, который был потрясен как самой критикой, так и совпадением мнений[1].

Этот рассказ находит частичное подтверждение в записках аббата де Вери. «Некоторое время, — говорит он, — (Пезэ) поддерживал г-на де Морепа и г-на Тюрго; я предполагаю, что, когда Тюрго его разочаровал, не оказывая ему достаточного почтения, Пезэ стал ему вредить, выставляя его как фигуру, вызывающую ненависть общества и всеобщее осуждение».

По мнению того же Вери, это Пезэ побудил Морепа остановить свой выбор на Неккере.

Вот еще один источник информации. «Я думаю, — писал Тюрго Кондорсе 29 ноября 1776 г., — что г-н Неккер действительно посылал или передавал г-ну де Морепа разные мемуары, *либо во время,* либо после моего управления; но ни один из них не был мне переслан, во всяком случае под его именем. Я вспоминаю только один проект займа с помощью лотереи...»

Сулави со своей стороны подтверждает, что Пезэ был явным врагом Тюрго и работал на Неккера. Он приводит, ссылаясь на Сенака де Мейлана, красочный рассказ, как «высокомерный Неккер, облаченный в длинный сюртук, прячется в каретном сарае у Пезэ, дожидаясь возвращения фаворита из Версаля»[2].

Эти два источника подтверждают правдивость рассказа Дюпона. Но даже если считать его верным, трудно допустить, что подобный инцидент мог оказать решающее влияние на ум короля. Людовик XVI плохо разбирался в бюджетных вопросах и не вправе был жаловаться на дефицит бюджета, зная, какую ничтожную помощь оказал он политике экономии. Весьма возможно, что он отнесся к замечаниям Пезэ или Неккера так же, как несколько месяцев назад отнесся к замечаниям Кромо, интенданта финансов Мосьё.

Второй инцидент связан с перехватом писем и был вызван фальсификацией переписки знаменитым начальником Тайного кабинета Риголе д'Уаньи, чья ненависть к Тюрго не вызывала сомнений. Вери подозревал, что он делал выборку из писем, где говорилось о генеральном контролере, и показывал королю только отрицательные отзывы. Если верить Дюпону, там плелась и другая интрига: д'Уаньи сам фабриковал отправляемые из Вены в Париж письма, якобы адресованные Тюрго его близким другом, который их не подписывал. Д'Уаньи дошел даже

1 См.: Du Pont. Op. cit., p. 383 et suiv.

2 Soulavie. Op. cit., t. IV, p. 12 et 14. Сегюр оспаривает этот анекдот как выдумку врага Неккера. (См.: Ségur. Louis XVI et Necker, p. 53.)

до сочинения ответов Тюрго, стараясь подделать его стиль, но не его почерк. В них всегда указывалась какая-нибудь причина, например нездоровье, якобы помешавшая ему писать своей рукой.

Эта «вымышленная, фиктивная и условная» переписка была очень тонкой и тщательно проведенной операцией. Сначала была принята спокойная нормальная редакция, чтобы установить личность корреспондента. Затем предполагаемого автора заставили выражать недовольство и отвращение. Потом в этих письмах появились насмешки по адресу королевы и Морепа, даже оскорбительные для короля выражения. Эту интригу, по словам Дюпона, раскрыл более года спустя д'Анживилье, когда король доверился ему.

Нам трудно вынести суждение, действительно ли имела место столь поразительная махинация, но Дюпон сам умаляет ее значение своим дальнейшим рассказом. Д'Уаньи, говорит он, передавал королю и другие письма, быть может и не поддельные, где поносили Тюрго. Так, за несколько дней до опалы Тюрго он передал королю письмо, в котором была следующая фраза: «Это честолюбец, и единственная его цель — злоупотребить добротой короля, чтобы захватить высшую власть, сбросить принцев и унизить магистратуру. Можно всего ожидать и всего опасаться со стороны этого дерзкого притворщика».

Однако король показал Тюрго это письмо. Тюрго поблагодарил его и опроверг обвинения. Дюпон как будто бы намекает на письменное оправдание или, во всяком случае, на последующую переписку: «Король ответил ему чрезвычайно любезно: доверие было, или казалось, что было, восстановлено».

Но записка короля не была передана Тюрго, а была послана по почте и дошла до него только на третий день, после того как прошла через руки Морепа. Последний же, испугавшись восстановления доверия, о чем свидетельствовало письмо, убедил Мальзерба подать в отставку, а королю в беседе, к которой мы еще вернемся, сказал, что «ни Мальзерб, ни Тюрго нисколько к нему не привязаны». После чего Дюпон внезапно заключает: «Отставка Мальзерба была принята. Тюрго получил приказ тоже подать в отставку».

Этот рассказ не свидетельствует о проницательности Дюпона. Нельзя понять, почему король вдруг отставил Тюрго, когда за несколько дней до этого дал ему доказательство своего уважения. Замечание, сделанное мимоходом Морепа по поводу отставки Мальзерба, не могло заставить короля вдруг резко изменить свое мнение.

Мы должны предположить, следуя логике рассказа, что король не был обижен на Тюрго за «поддельные» письма, если он очень любезно говорит с ним по поводу более банального перехваченного письма.

Наконец, завершение этого рассказа опровергается фактами. Действительно, Мальзерб уже давно высказывал намерение подать в отставку. Это решение не могло быть результатом только усилий Морепа, предпринятых в последний момент.

Таким образом, объяснение Дюпона нельзя считать удовлетворительным. Однако, как мы увидим, в нем содержится несколько точных, но плохо связанных между собой фактов. Он подчеркивает связь между отставкой Мальзерба и уходом Тюрго, к чему мы еще вернемся.

Во всяком случае, мы можем отбросить инцидент с фальшивками д'Уаньи как решающую причину, раз за ним последовало примирение. К тому же если указанные тексты были так оскорбительны для королевы и короля, что могли оправдать отставку министра, то это решение было бы принято немедленно, а не оттягивалось на целый месяц.

Покончив с этими гипотезами, мы рассмотрим теперь имеющиеся у нас факты за первую половину последнего периода, то есть с 12 марта по 12 апреля.

Мы видим, что *их гораздо меньше, чем для второй половины периода*. Этому можно дать много объяснений, которые, кстати, друг другу не противоречат. Часть этих фактов совпадает — это усиление общей кампании, развязанной врагами Тюрго, для подготовки и развертывания которой, если считать, что она началась сразу после королевского заседания парламента, потребовалось некоторое время. Так, о появлении памфлетов упоминают несколько позже намеченного нами рубежа (12 апреля), тогда как некоторые из них неизбежно готовились ранее, и, уж во всяком случае, «выход» «Манекенов» можно отнести к первым числам апреля. Можно также согласиться с тем, что колебания Людовика XVI, известные узкому кругу лиц (или о них лишь догадывались), поощрили инициаторов некоторых нападок и позволили раздуть кое-какие инциденты, на которые при иных обстоятельствах не обратили бы внимания.

Следовательно, точка падения кривой подтверждает — до некоторой степени — сообщения г-жи де Морепа.

Наконец, мы считаем установленным, что при наличии такой значительной документации и разнообразных источников ни один серьезный факт, способный резко изменить мнение короля, не мог остаться совершенно неизвестным.

При таком положении дел только два обстоятельства, как нам представляется, могли вызвать известные нам последствия. И эти два обстоятельства, по нашему мнению, тесно связаны между собой.

Первое — это продолжение атак парламентской оппозиции.

Второе — *дело об отставке* Мальзерба. Мы употребляем этот

термин сознательно, так как отставка Мальзерба не была простым и мгновенным событием. Это был длительный «процесс», тянувшийся в целом весь период — с 12 марта до 12 мая.

Мы знаем, по некоторым свидетельствам, что на короля произвело сильное впечатление сопротивление парламента и речь Сегье.

Итак, парламент отнюдь не считал себя побежденным.

30 марта, воспользовавшись как предлогом своего рода жакерией во владениях герцога Мортемара (довольно схожей с делом маркиза де Вибрэ [1]), парламент издал постановление; его значение странно не соответствовало мелкому инциденту, который не имел серьезных последствий. В этом постановлении парламент напоминал в виде общего положения всем подданным короля, что они должны выполнять свои разнообразные обязательства как перед королем, так и перед своими сеньорами. Это было подтверждение сеньориальных прав. В то же время постановление содержало «очень решительное запрещение подбивать людей — будь то речами или неподобающими сочинениями — на какие-либо нововведения, противные вышеупомянутым правам и законным обычаям».

Таков был ловкий, не прямой, но довольно прозрачный ход, чтобы напомнить о преследованиях книги Бонсерфа, начатых и прекращенных по прямому, дважды повторенному приказу короля.

Постановление намекало на «беспокойные умы», которые «*системой* своих воззрений искажали древние и незыблемые принципы». Выражение «система» совершенно ясно указывало на Тюрго. Это было понятно каждому. По словам Метра, Тюрго якобы попросил отмены этого постановления, но король ему отказал. Однако парламентскому издателю Симону было запрещено его печатать.

На другой день после постановления, 31 марта, товарищ прокурора Сегье явился к королю с депутацией, чтобы передать ему повторные ремонстрации парламента по поводу эдиктов, зарегистрированных на королевском заседании. Согласно записи

1 См.: Métra. Op. cit., t. II, p. 421; t. III, p. 23.
Обычно комментаторы связывают постановление с делом Мортемара. Однако Ривьер говорит о разного рода жалобах, «целой куче донесений» относительно неповиновения крестьян. Так, у г-на Монморанси крестьяне «нахально» потребовали, чтобы он заплатил за них талью, под тем предлогом, что так поступал его предшественник. Ривьер рассказывает также о мятеже против монопольного права на кузницу. Нормандские крестьяне стреляли дичь своего сеньора и удили рыбу в его прудах. (Rivière. Op. cit., 14 avril.)

в дневнике Арди от 6 апреля, король воспользовался случаем и задержал у себя Сегье, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. По мнению того же Арди, у короля начали возникать сомнения по поводу реформ Тюрго. Он будто бы обратился к Тюрго приблизительно в те же дни со следующими словами:

«Но, господин Тюрго, вы говорите мне только о счастье моего народа и общественном благе моих подданных. Как же получается, что столь полезные и столь выгодные, как вы говорите, меры вызывают так много протестов?»

Подлинность этого рассказа не очевидна. Однако важно отметить, что здесь мы в первый раз видим у летописца той эпохи указание на подобную позицию короля.

В связи с этим слухом он отмечает, что проведение в жизнь эдикта о цехах встречает затруднения. Многие кандидаты являются в полицию, чтобы заявить, как то было предписано эдиктом, о своем желании открыть торговлю. Но там не знают, что им отвечать. Пришел и еврей, а это поставило новую проблему. Ему сказали, чтобы он пришел в другой раз. В итоге на всякий случай с кандидатов потребовали залог в 50 ливров с человека, что обескуражило многих желающих. Первого апреля тот же автор отмечает, что желающих попросили повременить [1].

Однако 29 марта Тюрго заставил Совет принять три постановления о ликвидации цехов [2].

С другой стороны, Тюрго 1 апреля провел в Совете постановление об отмене судебного преследования ростовщиков Ангулема, возбужденного палатой Турнель.

Мы не можем отметить больше ни одного выступления парламента и никаких инцидентов до намеченного нами рубежа — 12 апреля.

Теперь мы должны постараться выяснить дело с отставкой Мальзерба.

Отставка министра королевского двора была официально объявлена 12 мая, одновременно с уходом Тюрго. Но ясно, что решение о ней было принято ранее. В письме к Вери от 30 апреля Тюрго дает следующее уточнение, подтвержденное и менее надежными источниками: «Ваш друг (Морепа), который сначала побудил короля потребовать от Мальзерба остаться до Троицы... и т. д.» Следовательно, 30 апреля об отставке Мальзер-

1 См.: Hardy. Op. cit., 21 mars, 23 mars, 1er avril.
2 Первое постановление касалось передачи и использования продуктов питания, второе — взыскания имущества, захваченного смотрителями и присяжными, третье — продажи движимого имущества.
20 апреля он велел направить эксперта Эгрессе для осмотра домов, принадлежащих цехам, имея в виду их продажу.

ба уже знали, и она была принята королем. Но с какого числа?

Мальзерб принадлежал к той категории министров, которые начинают говорить об отставке, едва успев занять свой пост. Чаще всего эти люди, вечно болтающие об отставке, напротив, цепко держатся за свою должность. Они покидают ее с большим сожалением в тот роковой день, когда сболтнут об этом лишний раз, в самое неподходящее время и тут-то их поймают на слове. Но случай с Мальзербом был, как мы знаем, не таким.

Еще 6 августа Мерси-Аржанто писал барону Нени: «Я предвижу, что задержать надолго г-на Мальзерба на его посту будет нелегко».

По свидетельству Вери, у него не раз бывало поползновение выйти в отставку, но в течение всего периода это были только мимолетные настроения, душевные побуждения, но никак не твердое решение. Его удерживала искренняя преданность королю.

Побуждения его претерпели изменения и окончательно определились ко времени, явно совпавшему с кризисом, вызванным эдиктами [1]. Поползновения превратились в твердое решение.

Обычно это решение объясняют недовольством, которое испытывал Мальзерб из-за того, что не смог осуществить свои проекты реформы придворного штата и экономии в расходах двора. Морепа якобы отверг мемуар, поданный Мальзербом. Это объяснение вытекает из ошибочного мнения, будто Мальзерб принял свое решение после королевского заседания парламента, тогда как он принял его ранее. В феврале месяце, в разгар кризиса, вызванного эдиктами, никто не интересовался экономией. К тому же Мальзерб вообще никогда ею не занимался и ни разу не подавал мемуара на эту тему.

Реформа королевского двора зависела от возможности упразднить продажу придворных должностей. Мальзерб, с его юридической щепетильностью, разумеется, не согласился бы на ликвидацию таких должностей без соответствующего возмещения. Тюрго со своей стороны ничего подобного и не требовал. Напротив, то ли под влиянием собственных чувств, то ли разделяя взгляды Мальзерба, он решил с помощью займа в Голландии добыть необходимый капитал, чтобы покрыть крупные расходы по выкупу должностей [2].

Итак, не было никакой причины для конфликта ни между двумя друзьями, как некоторые ошибочно полагали, ни с кем-либо другим, поскольку план еще не созрел. Зачем стали бы препираться из-за проекта, который был еще под вопросом и который Тюрго к тому же держал в секрете?

1 См.: Véri. Op. cit., p. 408, 413, 415.
2 См. выше, глава III.

Путем исключения мы приходим к установлению того, что кажется нам настоящей причиной отставки Мальзерба.

Дело в открытом конфликте с высшими судами из-за кризиса, вызванного эдиктами. Хотя в критический момент Мальзерб посоветовал сопротивляться, он был очень привязан к парламентскому миру и к славе, которую там снискал.

Кроме того, он настаивал на том, чтобы эдикт был зарегистрирован в Высшем податном суде. Однако его требование не было удовлетворено, во всяком случае в той форме, какую он имел в виду. По словам Трюдена, эта регистрация заняла бы не менее двух месяцев в каждой палате. Однако эдикты все же заставили зарегистрировать, но без предварительного рассмотрения и не дав суду возможности подать свои ремонстрации. Первый президент Барантен заявил, что палата не имела возможности прочитать тексты. 19 марта граф д'Артуа собрал нечто вроде королевского заседания, на котором были обоснованы возражения и оговорки, отмеченные нами ранее.

Мальзерб мог испытывать лишь глубокую горечь, видя, как пренебрежительно отнеслись к введенному им порядку юрисдикции и как его заместитель [на посту президента палаты. — *Ред.*] осудил деятельность правительства, к которому сам он еще принадлежал.

Как должен был страдать этот добрый и чувствительный человек, любивший аплодисменты и единодушное одобрение, видя, что его окружает осуждение «своих», его соратников, его соперников, его учеников — всего парламентского мира, мудрым и просвещенным главой которого он был во время кризиса, вызванного Мону, чувствуя также, что он утратил доверие общественного мнения, которое не любит, чтобы его фавориты изменяли своей роли. Общество ценило его и восхищалось им, видя в нем воплощение античных добродетелей в парламентской сфере. Оно было смущено его новым воплощением. Его жалели, считая, что он поддался, по выражению Ривьера, «тлетворному духу двора». «Похоже, что он утратил там часть своих прежних парламентских принципов». Ранее его называли «последним римлянином», теперь же прозвали «развращенным крестьянином» *. Отныне речь шла в какой-то мере о «спасении» его чести.

Поэтому нам представляется весьма вероятным, что решение Мальзерба, принятое им предположительно незадолго до королевского заседания парламента, стало для него в душе решительным и бесповоротным в течение нескольких дней, последовавших за заседанием Высшего податного суда 19 марта.

* Название романа Ретиф де ла Бретона — «Развращенный крестьянин, или Опасности города», вышедшего в 1776 г. — *Прим. ред.*

Хронология этих событий снова побуждает нас уточнить дату. За шесть недель до отставки Мальзерба (официально о ней было объявлено 12 мая) Морепа сказал королеве, что собирается предложить Сартина на этот пост, если он освободится[1]. Этот факт доказывает, с одной стороны, что дело с отставкой к этому времени значительно продвинулось, что Морепа тревожился, кем заменить [Мальзерба], и уже сделал выбор (который затем не стал поддерживать), а с другой стороны, что король еще не был извещен и не принял еще решения об отставке своего министра.

Учитывая это, можно заключить, что Мальзерб мог попросить короля об отставке и получить его согласие, начиная с первых чисел апреля до 10—12 апреля, — таков возможный, но уже крайний срок.

В самом деле, Мерси-Аржанто писал 13 апреля Марии Терезии: «Нынешний министерский кризис вызывает у меня большую тревогу в части решений, какие может принять королева». Это не что иное, как намек на отставку Мальзерба.

Изучив период с 12 марта по 12 апреля, мы считаем возможным заключить, что событием, которое произошло 12 апреля или несколько ранее и способно было так настроить Людовика XVI против Тюрго, была именно отставка Мальзерба.

Современники Тюрго и историки считали, что отставка Мальзерба была пагубна для Тюрго потому, что оставляла его совершенно одиноким в министерстве и ставила перед ним очень опасную проблему замены. Но это было не все, и даже не самое главное. Отставка Мальзерба наносила Тюрго удар в самом сознании короля.

И как могло быть иначе?

Решение Мальзерба неизбежно должно было быть воспринято как осуждение политики Тюрго человеком, который был его лучшим другом, до последнего времени оставался союзником и опорой его политики, был порукой за нее перед королем.

Разумеется, сам Мальзерб не мог дать такого объяснения своему решению — это исключено. Но подумаем, на какие причины мог он сослаться? Мы не можем найти достаточно конкретных и в то же время убедительных доводов. Пожаловаться королю на провал своих проектов экономии? Не говоря уже о том, что он их не предлагал, это значило бы косвенно обвинить самого короля, сказать ему, что он не способен помочь своему министру пресечь злоупотребления и расточительство его двора. Не мог он также вернуться к злополучному делу о тайных королевских указах о заточении, когда Совет, то есть сам король, признал его неправым. По-видимому, Мальзерб ограничил-

1 См.: V é r i. Op. cit., t. II, p. 11.

ся тем, что сослался на свою непригодность к государственной деятельности, на переутомление и усталость. Мы видим «добродушного человека» в его истинной роли: это старый школьник, который хочет сбежать из коллежа[1].

Но тем самым он оказал Тюрго еще худшую услугу, чем если бы открыто выразил свое несогласие. Ибо Людовик XVI мог понять только одно: если Мальзерб уходит, значит, он разочаровался. Если он покидает министерство, значит, он разочаровался в человеке, который его туда ввел. Если он *утомился,* значит, Тюрго слишком *утомителен.* Даже его самый близкий друг не может больше выдержать такого темпа и все время подвергаться такому риску.

Признания Мальзерба помогли королю осознать свои собственные чувства, и его реакция показалась ему вполне законной. Он понял, до какой степени он сам расстроен, измучен, выбит из колеи из-за всех этих кризисов, вызванных по вине Тюрго, «Мучной войны», истории с эдиктами.

Если Мальзерб имеет право на отставку, то почему он, король, не имеет права хотя бы на «передышку»? Ему приписывают следующую реплику: «Какой вы счастливец! Почему я сам не могу покинуть свое место!»[2] Быть может, он тогда же подумал: «Но я могу по крайней мере освободиться от Тюрго». Если он и не подумал так в ту минуту, ему очень скоро внушили эту мысль.

Людовик XVI был слаб и непостоянен? Да, несомненно; но в этот период менее, чем обычно считают. Вместо того чтобы говорить, что он так быстро выдохся, не следует ли удивляться тому, что он так долго держался? Можно даже восхищаться, что он дольше хранил верность обесславленному министру и его трудной политике, чем лучший друг этого министра, самый надежный приверженец этой политики, магистрат, прославившийся своей просвещенностью, глубиной мысли и мужеством.

Теперь Морепа и, разумеется, королеве оставалось только воспользоваться положением, созданным Мальзербом. Вероятно, именно к этому времени относится рассуждение Морепа, переданное нам Дюпоном, который неправильно относит его к самым

1 «Теперь душа его полна радости, как у школьника, который вырвался из коллежа». (V é r i. Op. cit., t. I, p. 459.)

2 B a c h a u m o n t. Op. cit., 14 juin 1776. Обычно считали, что этот диалог произошел в день окончательного решения об отставке Мальзерба, 12 мая. Но вполне можно допустить, что он относится к разговору, который, по нашей гипотезе, состоялся на месяц раньше. Как в том, так и в другом случае он ясно отражает реакцию Людовика XVI на уход его министра.

последним дням. Это рассуждение можно считать подлинным по своему существу и решающим по тому действию, которое оно оказало, и потому мы приводим его ниже:

«Вот два человека, которых я сам привел к вам, считая их людьми в высшей степени добродетельными и питающими к вам самую глубокую привязанность. Один из них покидает вас (из-за нескольких пустяковых затруднений, вызванных полезной осторожностью). А другой часто угрожает, что покинет вас, если вы не будете выполнять все его планы. Я с огорчением вижу, что они нисколько к вам не привязаны — ни тот ни другой» [1].

Таков был самый опасный удар. «Эти люди вас не любят», но так как первый уже вышел из игры, значит, «этот человек, ради которого вы претерпели так много неприятностей, то есть Тюрго, вас не любит».

Вначале между королем и генеральным контролером возникла привязанность. В момент разрыва ее сменила горечь досады.

Теперь Морепа мог еще усилить свой нажим с помощью критики финансовых счетов на 1776 г.; то ли он выжидал, чтобы изложить ее в благоприятную минуту, как и случилось теперь, то ли он уже успел изложить ее ранее и сейчас лишь напомнил о ней. Это было все равно, что сказать: «Этот такой неудобный человек еще, оказывается, и не волшебник в финансовых делах. Он сумел уменьшить дефицит только до 24 млн.» [2]

Что касается королевы, то излюбленный мотив ее выпадов мы можем узнать из анекдота, бывшего в ходу в апреле месяце. Она старалась подчеркнуть перед королем (жаждавшим выглядеть благодетелем своего народа) непопулярность его любимого министра. Так, однажды, когда Мария Антуанетта вернулась из Оперы, король спросил, какой ей там оказали прием, но она ничего не ответила. Король, поняв, что крылось за ее молчанием, решил пошутить на любимую им тему: «Наверно, потому, Мадам, что на вас было слишком мало перьев». «Хотела бы я поглядеть на вас, Сир, если бы вы пришли туда с вашим Сен-Жерменом и с вашим Тюрго; думаю, что вас бы здорово освистали», — живо возразила королева, чем насмешила монарха [3].

Он засмеялся, но призадумался.

Король, по-видимому, сразу принял отставку Мальзерба, но попросил его на некоторое время отсрочить свой уход. Этой

1 Du Pont Op cit, p 393. Слова, взятые нами в скобки, намекают на объяснения решения Мальзерба об отставке, которые кажутся нам маловероятными

2 Du Pont Op cit, p. 387.

3 Bachaumont Op. cit, t IX, p 90 et 91, 24 avril 1776

отсрочки, несомненно, хотел Морепа, и мы увидим почему. Речь шла о Троице (письмо Тюрго), а также, по некоторым свидетельствам, о сентябре или о празднике всех святых[1]. Публика оставалась в неизвестности. То ходили слухи об уходе министра, то их опровергали, указывая на продолжавшиеся у него аудиенции[2].

В период с 12 апреля и до конца месяца отмечаются еще кое-какие колебания. Кривая быстро снижается, но это еще не прямое падение.

Отставка Мальзерба была принята, но с отсрочкой, и его заместитель еще не был назван.

Уход Тюрго был, по-видимому, предрешен — несомненно, король даже дал какие-то обязательства, — но еще не утвержден. Из опыта с Мопу и Террэ было известно, что король не так-то быстро решается подписать отставку.

За этот период атаки усилились. Распространение памфлетов говорило публике об ослаблении позиций Тюрго и снисходительности полиции. «Враги г-на Тюрго не прекращают нападки на него... Его противников из королевского двора и министерства поощряет безнаказанность ..»[3] По словам Сулави, главные памфлеты против Тюрго распространял советник Амекур по наущению Морепа.

19 апреля состоялось заседание парламента в присутствии неугомимого принца де Конти. Собравшиеся, по-видимому ободренные тем, что постановление парламента от 30 марта не было отменено, решили представить королю ремонстрации по поводу отданного им парламенту приказа прекратить преследования против сочинения Бонсерфа о сеньориальных правах. В парла-

1 См Hardy. Op cit, 7 mai, 18 avril

2 Все сведения почерпнуты у Арди, записи которого являются самым ценным источником для этого периода

16 апреля — неуверенность в судьбе Мальзерба, который продолжает принимать

18 апреля — Мальзерба упрекают за переписку с канцлером Мопу, который предлагал отречься от своего звания канцлера в его пользу и тут же просил возмещения в 50 тыс ливров С другой стороны, Мальзерб якобы протестовал против проекта Тюрго, касающегося реформы королевского двора, так как он предусматривал упразднение без возмещения определенного количества должностей.

Последние сведения опровергаются записями Вери Тюрго, напротив, был озабочен выкупом этих должностей и с этой целью вел переговоры о займе в Голландии (Véri Op cit, t I, p 457.)

28 апреля — Мальзерб остается Король обещал ему, что без него ничего не будет предпринимать в отношении придворного штата Он успокоил его также относительно королевских указов о заточении

2 мая. На предыдущем, воскресном заседании Совета (28 апреля) произошла стычка с Мальзербом, и говорят, что ему прочат в преемники Бертена

3 Bachaumont. Op. cit., t. IX, p. 86, 88, 16 avril — 19 avril 1776.

менте, как видно, предполагали, что после первых жакерий король стал более чувствительным в этом вопросе, а быть может, там узнали даже об интересе, который он проявил к постановлению, принятому по делу Мортемара.

Однако Морепа не мог удовлетвориться распоряжениями короля, высказанными в довольно туманной и отнюдь не официальной форме. Он больше не хотел полагаться на давление извне, хотя сам всячески его поощрял. Его характеру было более свойственно плести интриги, вроде той, какую он затеял в 1774 г. с герцогом Орлеанским. На этот раз вдобавок он имел того же сообщника — Ожара.

Тут Морепа задумал — или дал себе внушить — план, который нам кажется поистине макиавеллистским.

Он состоял в том, чтобы предложить для замены Мальзерба такого человека, который вызовет «отвращение» у Тюрго и выведет его из себя. Таким образом, его либо принудят подать в отставку, либо своим резким отпором он доставит королю новый повод для недовольства.

Весьма вероятно, что у Морепа уже была в голове эта идея, когда Мальзерб решил уйти в отставку. Иначе ему было бы выгоднее не хлопотать об отсрочке, а как можно скорее выставить его из министерства. Если бы Морепа остановился на своих первых кандидатах — Сартине или де Клюньи, — все могло бы произойти очень скоро, так как они оба были под рукой.

На деле он отказался от своего первого плана и придумал новый. Мальзерба должен заменить племянник самого Морепа, бездарный Амело, которого Тюрго против собственного желания назначил в январе 1775 г. интендантом финансов.

«Я думал, Сир, — писал Тюрго королю 30 апреля, — судя по тому, в какой тайне г-н Морепа держал свои планы от г-на Мальзерба и меня, что он готовит какой-то необыкновенный выбор. Но должен сознаться, я никогда бы не поверил, что он посмеет предложить Вам г-на Амело, чья полная бездарность ему хорошо известна».

Тюрго как будто обвиняет главным образом Мироменил за этот выбор или по крайней мере за сильную поддержку этой кандидатуры, в которой тот, по его мнению, заинтересован. Тюрго говорит о послушании Амело. Кого же он слушается? — спрашивает он. — ...г-на хранителя печати.

Как бы то ни было, но первоначально идея, по-видимому, все же была подана Ожаром, который рассказывает об этом со свойственной ему готовностью. Однако в его намерения вовсе не входило провоцировать Тюрго (хотя он его и не любил), он просто хотел выдвинуть «своих»: «Мне хотелось, чтобы это место осталось за кем-нибудь из моих родных...»

Он рассказывает затем, как он отправился к матери Амело, маркизе д'Аванзага, которая поддержала его предложение. Ожар

взялся сам поговорить об этом с Морепа, который сначала чуть его не прогнал, но Ожара осенила удачная мысль, и он сказал: «Если вы посадите в это ведомство интригана или такого человека системы, как Тюрго...»[1] Это имя оказало свое воздействие.

Морепа обещал подумать. И он подумал. Маловероятно, чтобы он одобрил этот выбор из соображений непотизма. Он тотчас сообразил, какую бурную реакцию вызовет у Тюрго такой выбор, и, наверно, именно это побудило его решиться.

Такова была интрига Морепа. Тюрго со своей стороны начал контринтригу, но тут мы употребляем этот термин отнюдь не в отрицательном смысле. Хотя Тюрго и не знал о новых поразительных намерениях Ментора, он не мог оставаться равнодушным к выбору министра королевского двора, преемника Мальзерба.

Итак, Тюрго составил свой собственный план, и, надо сказать, план этот был политически весьма примечателен. Его козырем был аббат де Вери.

Этот человек мог не только достойно и с пользой занимать такого рода министерский пост, но, главное, он мог помочь Тюрго восстановить его отношения с Морепа. Тюрго хорошо понимал, во всяком случае к этому времени, что отношения его [с Морепа] испорчены, и не менее ясно сознавал, что влияние его ослабло. Вери-министр, с его сильным влиянием на чету Морепа, был бы еще лучшим «примирителем», чем Вери-наперсник.

Тюрго вел эту игру, имея в виду не только Морепа, но и самого короля. Он хотел доказать королю свое желание восстановить согласие с Морепа и таким образом убедить их общего хозяина в сотрудничестве и взаимном доверии его главных министров, лишь ненадолго разобщенных. Людовик XVI, очень привязанный к Морепа, но сохранивший и некоторую симпатию и уважение к Тюрго, мог бы тогда подумать: «Их ссора была кратковременной, все еще уладится». Таким образом, при его нерешительности он был бы избавлен от трудной проблемы и, возможно, от необходимости сделать выбор. Это значило сказать королю: «Если вы согласитесь дать мне аббата де Вери, вы обретете мир в своем министерстве. Раз уж я прошу вас об этом, то это доказывает, что таково мое желание. Если я спорил с Морепа, то совсем не для того, чтобы восторжествовать над ним, а чтобы еще вернее с ним помириться и с тем большей пользой служить вам».

---

1 Augeard. Op. cit.

Мы можем с уверенностью сказать, что примерно в это время Тюрго написал несколько писем королю, из которых три были посвящены именно этому вопросу. Почему такое множество писем? Возможно, Тюрго хотел последовать совету того же Вери, который находил доводы Тюрго более убедительными, когда он выражал их в письменной форме. «Пишите побольше королю о своих взглядах, — советовал ему аббат еще до 4 марта [1], — потому что вы пишете превосходно, но гораздо менее сильны в устных дискуссиях».

Но более вероятно, что Тюрго находил уже у короля сдержанный и холодный прием.

Из этих трех писем до нас дошел только текст последнего — документа очень важного, написанного 30 апреля. Его нашли в бумагах аббата де Вери, и письмо можно считать подлинным. Но ему «предшествовало два письма, которые я видел лишь мельком», — говорит Вери.

В первом письме Тюрго предлагал следующее решение: удержать Мальзерба в Совете и взять Вери в качестве государственного секретаря. Это действительно значило сделать двойной ход. Следовательно, Тюрго надеялся, что еще можно уговорить Мальзерба не подавать в отставку, если освободить его от «административных дел»; это свидетельствует о том, что Мальзерб выставил как основную причину своего ухода неспособность к подобного рода деятельности.

Если верить тексту самого Вери, впрочем довольно краткому, эти три письма излагали одно и то же предложение. Однако этого нельзя сказать о последнем письме. Без сомнения, это была лишь отправная точка, но, как только Тюрго понял, что решение Мальзерба окончательно, он предложил Вери как его преемника, а не как помощника.

Интересно отметить, что Тюрго не подумал открыть Вери свою игру и сообщить ему о той роли, которую он для него задумал. В своем письме к Вери от 30 апреля, где он зовет его на помощь, он ничего не говорит ему об этом и, напротив, пишет: «Если бы вы были здесь, вы по крайней мере убедили бы их (чету Морепа) сделать разумный выбор, каким был бы, например, выбор г-на Фуркё». Это противоречие ввело в заблуждение Дюбуа де л'Эстана, который усомнился в подлинности письма[2] в ту пору, когда тетради Вери еще не были опубликованы. Его сомнения сегодня отпадают. Вери не стал бы переписывать в свой дневник фальшивое письмо. На деле эту кажущуюся непоследовательность довольно легко объяснить деликатностью,

1 Запись, на которую мы ссылаемся, датирована этим числом. (Véri. Op. cit., t. I, p. 441.)

2 См. далее, с. 507, прим. 3.

свойственной характеру Тюрго. Даже в то время, когда он выдвинул кандидатуру своего друга, он предпочитал не говорить ему об этом, так как не был уверен в результатах своей инициативы.

Тюрго не ограничился письмами. У него был разговор с королем на эту тему. Реальность этого разговора и его результаты подтверждаются намеком на них в последнем письме Тюрго к королю от 30 апреля: «Ваше Величество сказали мне, что Вам еще надо подумать и что Вам не хватает опыта». Значит, разговор состоялся, и он касался именно этой темы, если министр ссылается на него.

Вполне возможно предположить, что разговор этот имел место до первых писем Тюрго, то есть, очевидно, вскоре после того дня, когда отставка Мальзерба была в принципе принята королем. К этому заключению приводит также анализ письма от 30 апреля. В самом деле, в начале этого письма Тюрго замечает: «Я не могу скрыть от Вашего Величества, какую рану нанесло моему сердцу жестокое молчание, которое Вы хранили со мной в последнее воскресенье, после того как я так подробно изложил в моих предыдущих письмах все обстоятельства моего и его положения...» Таким образом, ясно, что в воскресенье 28 апреля король видел Тюрго (в этот день, кстати, собирался Совет) и ничего не сказал ему о его письмах. Вышеупомянутый разговор состоялся, значит, раньше, так как его нельзя уподобить молчанию. Все эти эпизоды можно расставить в следующем порядке:

около 12 апреля: первый разговор. Король не решается отвергнуть предложения Тюрго, но говорит, что ему надо подумать, у него слишком мало опыта;

между 12 и 28 апреля: Тюрго пишет два письма королю (те письма, которые Вери видел мельком «впоследствии»);

28 апреля: Тюрго ждет, что король заговорит с ним о его письмах, очень подробных, по его словам. Однако ничего. Молчание;

30 апреля: Тюрго узнает о проекте назначения Амело. Тогда он пишет свое третье письмо королю, то, которое мы имеем. В то же время он пишет письмо и аббату де Вери, которое мы тоже имеем.

В этом последнем письме Тюрго еще настаивает на назначении Вери и объясняет его доводами, приведенными нами выше. Он уверяет в чистоте своих намерений в отношении Морепа: «Я крайне далек от желания лишить его Вашего доверия и восстановить одно министерство против другого». Напротив, «я хочу стать его другом, обрести силу возле него при посредничестве нашего общего друга (аббата де Вери) и усилить тем самым и его самого... Вот, Сир, план, который я Вам предлагаю».

Тюрго предлагал и других кандидатов в качестве возможного варианта: либо Буажелена де Кюсэ, архиепископа Экского, либо, если первые два отпадут, г-на де Фуркё.

Если бы Тюрго ограничился в письме только этими соображениями, он, несомненно, все равно не добился бы успеха; но он по крайней мере не ухудшил бы своего положения. Однако его письмо в целом должно было произвести на короля самое неблагоприятное впечатление.

В самом деле, невозможно себе представить более неудачную защитительную речь. В начале письма Тюрго, предаваясь чувствительным излияниям, доходит до сентиментальности, он подчеркивает такие стороны своего положения, которые выставляют его в самом невыгодном свете. Он показывает себя человеком одиноким, покинутым или преданным, озлобленным и затравленным. С другой стороны, он неуклюже нападает на Морепа, хотя уверяет, что у него нет иной цели, как вновь стать его другом и «подчиняться ему во всем». Какая непоследовательность! Он сетует на слова Морепа, сказанные Мальзербу: «Если бы он оставил на месте аббата Террэ, расходы не превысили бы доходов». Он описывает необыкновенную слабость главного министра, останавливаясь на самых унизительных подробностях. Все знают, что им помыкает жена. Он десятки раз менял свое мнение по поводу королевского заседания парламента в зависимости от того, кто был его собеседником. Во всех сколько-нибудь трудных делах он выдвигал вперед Тюрго: при отозвании де Гина, назначении Сен-Жермена. Тюрго, наконец, обвиняет Морепа в том, что тот завидовал ему во время мятежей 1775 г. И наконец, попутно разоблачает бездарность Амело и коварство Мироменил.

Ни одно из этих утверждений не было выдумкой, но было неумно и даже неприлично ссылаться на них. Тем самым Тюрго губил свой интересно и оригинально задуманный план, провозглашенный им дух примирения, свое желание укрепить министерство, сблизившись с человеком, которого он так беспощадно критиковал.

Тюрго срывал покровы со всего, что король знал и сам, но предпочитал не знать.

Тюрго опускался до уровня своих противников, применяя к ним те же приемы шельмования, какие, как он жаловался, они применяли к нему. Но в этой игре он был слабее своих врагов.

Наконец, в следующей части письма, изложенной довольно сумбурно, он предостерегал короля против его собственной слабости: «Вас считают слабым, Сир, и бывали случаи, когда я опасался, не был ли этот недостаток присущ Вашему характеру...» И он подчеркивал политическую опасность такой слабости в фразе, ставшей знаменитой своим пророчеством: «Никогда не

забывайте, государь, что только слабость привела голову Карла I на плаху...»

Это предостережение не казалось в то время столь невероятным, каким оно кажется в наши дни. Эта мысль развивалась более пространно и носила более общий характер[1]. С другой стороны, трагическая смерть английского короля в ту эпоху тревожила многие умы. По словам г-жи Кампан, когда г-жа Дюбарри была недовольна происками парламента, она подводила Людовика XV к великолепному портрету Карла I кисти Ван-Дейка, купленному ею в Лондоне[2].

Другая часть письма представляет политический интерес — та часть, где Тюрго сравнивает правление Людовика XVI с правлением Людовика XV; он указывает на ухудшение общественного мнения: «Умы в тысячу раз более возбуждены многими вопросами». Он предчувствует закономерность ускорения исторического процесса: «Подумайте, как далеко может зайти беспорядок, если за двадцать лет он достиг того, чему мы уже были свидетелями».

Такой ход мысли характерен для Тюрго. Это внутренний критерий подлинности письма, который подкрепляет критерии внешние[3]. Тем не менее мы не можем считать этот текст политическим завещанием Тюрго, как его иногда преподносят, разве только с точки зрения хронологической последовательности.

Это, скорее, письмо, говорящее об условной отставке. Разумеется, в завуалированной форме, так как королю не ставят условий. Тюрго прямо указывает, что ему невозможно продолжать свою деятельность при существующем положении: «Я бу-

---

1 «Именно слабость сделала Карла IX жестоким; она была причиной организации Лиги при Генрихе III; она сделала Людовика XIII, а в наши дни — португальского короля коронованными рабами. Именно слабость была причиной всех бедствий последнего царствования».

2 См.: Mme Campan. Op. cit., t. I, p. 33.

3 Это письмо, как мы уже указывали, находилось в бумагах Вери и было опубликовано в первом томе его «Дневника». Перед тем г-н де Ларси (Larcy) напечатал отрывки из него в «Le Correspondant» за 25 апреля 1868 г. Вери говорит о нем в своем «Дневнике». Противоречие, которое озадачило Дюбуа де л'Эстана и объяснение которого мы предложили выше, опровергается и двумя предыдущими письмами, упоминаемыми Вери. Значит, совершенно достоверно, что Тюрго предлагал аббата Вери в качестве министра королевского двора, что к тому же подтверждается официальным донесением Мерси-Аржанто от 16 мая 1776 г. (Mercy-Argenteau. Op. cit., t. II, p. 442 et note.) С другой стороны, Сулави указывает, что он видел в бумагах Людовика XVI письмо, в котором Тюрго говорил ему, что «судьба Карла I или Карла IX — это судьба монархов, которыми управляют куртизаны». Наконец, письмо от 30 апреля можно сопоставить с письмом от 18 мая, которое было найдено в архивах Лантейля. В самом деле, в этом письме Тюрго выражает сожаление о том, что король не сообщил ему сам о своих намерениях. В письме от 30 апреля он умолял короля сообщить ему самолично о его возможной опале.

ду лишен возможности служить (Вашему Величеству), если Вы не окажете мне помощи... Я буду лишен возможности сопротивляться тем, кто мне вредит, из-за того зла, которое они мне причиняют, и из-за того добра, которое они мне не дают делать». Наконец: «Мне так ясно дали понять, что я не смогу оставаться один, в той изоляции, в какой я нахожусь ныне, что, если бы мой долг не обязывал меня говорить Вам всю правду, у меня все равно не было бы никакого интереса скрывать ее от Вас».

У него не было иного выхода: он должен был либо ускорить свою отставку, либо добиться решающего поворота. В таком умонастроении он идет на риск проявить неловкость и даже явно нарушить приличия. Он не старается придать своим мыслям стройность, а выражениям сдержанность. Порой можно даже счесть его вызывающим: «По правде сказать, Сир, я Вас не понимаю». Его состояние, близкое к отчаянию, объясняет необычность его выражений, которая могла породить сомнение в подлинности текста.

Тюрго не строит себе иллюзий относительно шансов добиться успеха. «Ваше молчание, — говорит он, — заставило меня усомниться, хотите ли Вы сохранить меня у себя на службе». Но как знать? Призыв, посланный в тот же день аббату де Вери, показывает, что он не считал свою партию окончательно проигранной.

И наконец, в этом письме от 30 апреля есть еще кое-что. За этой бессвязной и докучливой аргументацией с ее повторами и сетованиями, в этой нестройной защитительной речи, озаренной молнией пророческого предвидения, мы чувствуем также боль разочарования, глубокое страдание раненого сердца. Тюрго дважды просит короля сообщить ему самолично о своем недовольстве или о своем решении. Он силится восстановить, хотя бы в последний раз и даже в самом разрыве, человеческую близость. Он хочет получить ответ. Он хочет понять. Он хочет знать, правда ли, что его больше не любят.

Он хочет разбить молчание даже ценой поражения.

Это молчание длится, однако, с 8 апреля по 12 мая. Кажется, что две последние недели тянутся бесконечно. Голова на плахе: неотвратимая судьба нависла над ней как топор.

Последние дни апреля были отмечены двумя частными происшествиями, одновременно нелепыми и мучительными: делом Шанвалона и делом Лакруа—Лебро.

Дело Шанвалона — тема второго письма Тюрго к королю, написанного того же 30 апреля. Это совпадение показалось многим малоправдоподобным, но мы не понимаем почему.

Речь шла об очень старом деле, в котором был замешан брат Тюрго. Враги министра попытались оживить это дело, чтобы создать для Тюрго дополнительные неприятности.

В 1764 г. шевалье Тюрго был назначен генерал-губернатором Гвианы; он застал там ужасное положение, возникшее из-за непродуманного плана герцога Шуазеля, который хотел создать в Кайенне колонию переселенцев. Караваны судов с эмигрантами были отправлены на остров, где ничего не было подготовлено для их устройства и где они погибали в огромном количестве. Шевалье Тюрго не нес никакой ответственности за это дело, замысел которого принадлежал не ему, а осуществление было поручено интенданту Шанвалону. Тюрго арестовал Шанвалона и отправил его обратно, а одновременно, под свою ответственность, распорядился вернуть во Францию партию эмигрантов, которых вопреки его предупреждениям тем временем послали в Кайенну. За это его осуждали, хотя и не было ничего общего между его распоряжением, быть может слишком резким и неполитичным, и тем бедствием, которое ему предшествовало. Шуазель, разумеется, свалил всю вину за этот провал на своих подчиненных, а Шанвалон постарался уйти от ответственности, нападая на Тюрго.

В завершение всей этой путаницы Шанвалона судила специальная комиссия, которая вынесла ему оригинальный приговор. Он должен был на собственные средства заказать постоянную мессу за упокой души эмигрантов, погибших из-за его нерадивости, и учредить больницу для заболевших колонистов; после чего он был интернирован, а на его имущество был наложен арест.

Что касается шевалье Тюрго, хотя ему не в чем было себя упрекнуть, Шуазель вынес ему порицание и отправил в изгнание, однако сохранил ему пенсию в 12 тыс. ливров, от которой тот отказался [1].

В 1775 г. Шанвалон после долгого молчания попытался добиться пересмотра своего дела. Он утверждал, что, когда против него были приняты санкции, из его дела были изъяты некоторые документы. Сартин, получив его прошение, тотчас же сообщил о нем Тюрго и пригласил его на собрание, куда был вызван прежний докладчик по этому делу — Шардон. Прошение было признано необоснованным и не имело никаких последствий.

В 1776 г. было либо подано новое ходатайство Шанвалона, либо возобновлено старое — мы не знаем точно, при каких об-

1 Тюрго был очень огорчен этим делом, происшедшим в лиможский период его деятельности. Он старался составить себе об этом собственное мнение.

стоятельствах. Сартин решил провести новое расследование, но на этот раз не уведомил своего коллегу Тюрго. Шуазель, напротив, был извещен «перед его отъездом в Шантлу». Сартин предложил королю назначить новых комиссаров.

По-видимому, Людовик XVI вел себя в этом деле по отношению к Тюрго, как обычно. Он сообщил ему о нем, причем заверил его, что ни самого Тюрго, ни даже его брата все это никак не затрагивает. Затем, по-видимому по просьбе Тюрго, он направил ему бумаги, о которых шла речь. Послал он их ему по почте. Вот откуда, несомненно, родилась ошибка в рассказе Дюпона, когда он говорит об отправке по почте послания, которое следовало бы передать с курьером [1].

В своем ответе королю Тюрго вначале не преминул отметить неосторожность его поступка. Говоря о сути дела, он подчеркивает, что расследование, проведенное в 1768 г., не вызывает никакой критики. Шанвалон даже не называет, какие именно документы были якобы изъяты. Прежние комиссары не вызывают никакого недоверия. Зачем же их менять? «Теперь хотят вести дело секретно».

Затем Тюрго указывает на изменение поведения Сартина между 1775 и 1776 гг. «В прошлом году *приход г-на Мальзерба в министерство* и милости Вашего Величества не давали повода думать о моей отставке... В этом году *уход г-на Мальзерба*, более решительное объединение всех партий против меня, моя полная изоляция, известная враждебность г-на Миромениля и его влияние на г-на Морепа — все подтверждает, что я держусь лишь на волоске».

Горечь Тюрго вполне понятна; его доводы очень убедительны. Однако он вновь предстает как человек, который вечно «попадает в неприятные истории», жалуется на дурное отношение к нему всех его коллег и выступает в роли жертвы — самой невыгодной роли для политического деятеля.

После падения Тюрго никто больше не вспоминал о Шанвалоне.

Дело Лакруа—Лебро еще мельче. Тюрго нигде не говорит о нем, так же как и аббат де Вери, и мы находим упоминание о нем лишь во второстепенных источниках, правда, мнение их совпадает: у Метра, у Арди и у некоего комедианта по имени Флёри. Это что-то вроде ничтожного добавления к делу де Вэна.

Ничто не доказывает, что этот инцидент можно принять за маневр врагов Тюрго. Насколько можно судить, речь шла о

1 См. выше, с. 492. Данные нами уточнения взяты из письма Тюрго, опубликованного Сулави. (Soulavie. Op. cit., t. III.)

бестактности, допущенной служащим генерального контроля по имени Лакруа, и этот маленький скандал смог разразиться только потому, что он случайно совпал с последними событиями.

Лакруа захотел отобрать у некоей г-жи Лебро, содержательницы театра в Лионе, ее привилегию; она получила ее от герцога де Вильруа, губернатора провинции. Г-же Лебро удалось узнать, что Лакруа и один из его друзей были сами заинтересованы в этом деле и должны были получить взятку в 50 тыс. ливров и пожизненную ренту в 8 тыс. Эта дама пожаловалась своему покровителю, а тот сообщил королю, и король приказал удовлетворить ходатайство дамы. Тюрго, по своему обыкновению, попытался заступиться за своего служащего и попросил, чтобы ему [Лакруа] разрешили объясниться. По этому поводу король якобы произнес очень неприятные для Тюрго слова, которые передаются в двух версиях.

Согласно первой, он сказал: «Я не люблю ни мошенников, ни тех, кто их защищает». Такой грубый ответ кажется малоправдоподобным.

Согласно второй версии, сообщенной Арди, король, соединив это дело с прежними нападками на де Вэна, «сказал своему министру, что считал, будто его окружают только честные люди, а оказывается, он окружен одними жуликами».

В результате Тюрго был вынужден уволить Лакруа, однако все же назначил ему пенсию в 6 тыс. ливров, за что подвергся новой критике [1].

Нам кажется, что хронисты придают этому эпизоду чрезмерное значение. Метра видит в нем одну из причин «опалы, угрожавшей Тюрго: еще одну главу в истории крупных событий, вызванных мелкими причинами». А Арди замечает, что из-за этого дела под угрозой оказались не только планы Тюрго, но и он сам.

Эти разные дела были в действительности не причинами, а только следствиями, что явно подтверждается случаем с Шанвалоном. Именно потому, что положение Тюрго пошатнулось, подобные дела возникали, или им придавали значение. Ну а затем они уже в свою очередь усиливали движение, которое их породило.

Помимо этих ничтожных инцидентов, Тюрго по-прежнему отражает воинственные нападки высших судов.

На этот раз парламент захватил сочинение некоего Лан-

1 Согласно более поздней информации, Лакруа был уволен Клюньи с пенсией в тысячу ливров, так как новый министр хотел освободить место для своего собственного секретаря Букареля. (Métra. Op. cit.)

жюинэ, озаглавленное «Совершенный монарх». Эта трехтомная апология императора Иосифа II была написана с некоторой смелостью. Книжная новинка была не первой свежести, так как вышла в Лозанне в 1774 г.

Товарищ прокурора Сегье стремился сохранить полное почтение к Иосифу II и оставить его как бы в стороне. Но он нашел в трех томах Ланжюинэ два-три предложения, в которых усмотрел подлинный призыв к мятежу.

«Несчастные народы, которым куют оковы особой закалки, умейте же в случае необходимости уничтожить ваших тиранов... Короли будут дрожать перед вами, вы же не дрогнете ни перед кем».

И дальше:

«Есть такая пора, которая становится неизбежной для некоторых правительств, пора грозная, кровавая, но это сигнал к свободе, это гражданская война, о которой я хочу говорить».

Но для Сегье это прежде всего был случай, которым он воспользовался, чтобы еще раз напасть на «дух системы» Тюрго, хотя он его и не называл.

«Эти предприимчивые гении, — провозглашал товарищ прокурора, — жаждут только независимости и хотят распространить на общество такую же распущенность, такую же свободу, какую они проявляют в своих писаниях... они сверяются лишь со своими теориями... и в своей дерзости позволяют себе *разрушать все правительства, под предлогом их реформы*».

Постановлением от 3 мая это сочинение было запрещено, но не осуждено на сожжение: прецедент с книгой Бонсерфа побуждал к относительной мягкости. «Все это, — философски замечает Башомон, — прекрасно содействовало распространению книги, за которую раньше боялись браться из-за ее объема».

По словам Арди, Тюрго упрекали также за то, что по поводу «Совершенного монарха» он написал письмо Сегье, в котором якобы сказал: «Будь я автором этой работы, я защищал бы ее принципы» [1]. Эта подробность не установлена.

Местом действия следующего инцидента был Высший податной суд. У нас имеется только один официальный документ — постановление этого суда от 8 мая, «запрещающее взимать налоги с гороха, бобов, чечевицы и риса и требующее возвращения незаконно полученных денег». Судя по запискам Арди, это дело рассматривалось Высшим податным судом после инцидента, происшедшего у заставы Сен-Жака из-за взимания пошлины за провоз тележки с рисом. Было указано, что этот налог более не взимается, согласно декларации от 5 февраля.

1 Hardy. Op. cit., 13 mai 1776.

Служащие откупа сослались на приказ, полученный ими от генерального откупщика Лавуазье. Тогда Лавуазье вызвали в суд. Он заявил, что прекращение взимания этих пошлин, как это вытекает из декларации, наносило незаконный ущерб откупам; что он объяснил создавшееся положение Тюрго, а по его указанию и Альберу, в результате чего ему разрешили продолжать взимать эти пошлины. Суд обсудил, следует ли вызывать генерал-лейтенанта полиции, но большинством в 14 против 12 голосов это предложение было отклонено. Именно при этих обстоятельствах появилось постановление, осуждавшее откупа.

Однако доводы откупщика были, должно быть, достаточно вескими, и данное ему разрешение, как видно, подтвердилось, потому что декларацией от 19 мая, обнародованной после отставки Тюрго, взимание этих пошлин было восстановлено.

Однако Тюрго упрекали за то, что он самовольно решил это дело.

На другой день после ухода Тюрго Арди отмечал этот инцидент в Высшем податном суде как одно из основных обвинений, выдвинутых против министра.

Эта интерпретация, как и толкование дела Лебро, была, без сомнения, в значительной мере досужим вымыслом. Опала Тюрго была решена раньше и по другим причинам. Но накопление этих мелких осложнений могло действительно укрепить Людовика XVI в его решении освободиться наконец от такого всеми осуждаемого и неудобного министра.

В то же время оппозиция в торговых кругах нисколько не ослабевала, как и оппозиция судов. Генерал-лейтенант полиции опрашивал одного за другим всех коммерсантов, хоть сколько-нибудь способных занять посты синдиков, предусмотренные *новым порядком. Но все уклонялись, и ему не удалось найти* желающего [1].

Видя все эти трудности, а также явное ослабление позиций министра, парламент осмелел и решил нанести ему сильный удар. 8 мая он утвердил текст новых ремонстраций королю, прося его пересмотреть эдикты, принимая во внимание пагубные последствия их применения.

В этих новых ремонстрациях парламент настаивал на пересмотре эдикта о цехах. Следуя по пути, уже намеченному Делакруа, он выражал особый интерес к мелкой торговле[2]. Он настаивал на вынужденной необходимости оттянуть запись

1 См.: Hardy. Op. cit., 7 mai 1776.

2 «Это значит поставить мелкого торговца, которого легче других раздавить конкуренции, между двумя крайностями, равно для него па-

желающих [открыть свое дело], а также требовал принятия репрессивных мер для пресечения нарушений дисциплины рабочими.

Что касается отмены регламентов хлебной торговли в Париже, он напоминал об опасности этой меры для поддержания общественного порядка, намекая на «Мучную войну».

Говоря о дорожной повинности, он становится на точку зрения дворянства: «Такая система делает из сеньора и вассала двух равных землевладельцев, двух завистливых соседей, двух опасных врагов».

Наконец, в заключение парламент решительно нападает на политику Тюрго в целом: «Это ветви некой системы, которая без конца все разрушает, ничего не создавая. Разве необходимость требовала проведения реформ сразу во всех сферах администрации?» Затем парламент присоединяется к критике финансовой политики Тюрго, которая уже велась в окружении короля, и замечает, что единственной задачей, стоявшей перед министром, было наведение экономии и оздоровление бюджета *после опустошительного урона, нанесенного ему неудачными* войнами и многочисленными тратами.

Это значило призвать министра заниматься своими прямыми обязанностями — счетоводством, утверждая в то же время, что в этой области он не оправдал возлагавшихся на него надежд, и осудить саму концепцию экономической политики.

Однако мы видим, что в этом документе появляются замечания экономического порядка: «увеличение заработной платы следует с большим отставанием (или его вовсе нет) за повышением цен на продукты». Парламент заметил основную проблему XVIII в., но он попросту обвинил в этой аномалии либеральный режим.

Этот последний удар не успел достигнуть своей цели: Людовик XVI назначил прием ремонстраций на 19 мая. Король сказал президенту д'Алигру и его двум коллегам, что он их рассмотрит, но, в сущности, это было ненужно, так как он уже согласился с их выводами. И несомненно, на этот раз он избавил себя от усилий, которые так старательно прилагал в январе.

Тот же период очень беден событиями с точки зрения министерской деятельности Тюрго, то ли потому, что он решил лучше повременить со своими проектами, то ли потому, что он на-

губными: либо с убытком закрыть свою торговлю, которую он не в силах продолжать, либо, продолжая ее, пойти на риск банкротства». Далее в тексте, как бы для соблюдения симметрии, говорится о положении богатого торговца и фабриканта. (Archives Nationales, Conseil secret, X 1, B 8 907.)

талкивался на своего рода итальянскую забастовку. Последнее из решений, имевших государственный характер,— а именно создание медицинской комиссии по борьбе с эпизоотией, — было принято по его докладу 29 апреля. Мы больше ничего не находим вплоть до 10 мая, даты, когда Государственный совет принял постановление о мелких правилах проверки документов, дающих право на взимание пошлин с хлеба (это отнюдь не доказывает, что Совет действительно собирался в этот день.

Однако, кажется, Тюрго все же имел случай встретиться с королем в один из дней, последовавших за его письмом. В рукописи дневника де Вери, в зачеркнутом отрывке, мы читаем: «Это письмо (от 30 апреля), которому предшествовали еще два, пришло, когда опала Тюрго была *уже почти* решена. *Во время работы, которая последовала за ним, король, очень смущенный, разговаривал с г-ном Тюрго как-то неопределенно, и Тюрго все еще сомневался, но за эту неделю он убедился, что его отставки желают, как он мне об этом писал*»[1].

Пребывая в этой неуверенности, Тюрго, кажется, думал подать в отставку сам. По рассказу Моро, он говорил об этом со своими наперсницами г-жой Блондель и г-жой д'Анвиль.

Г-жа Блондель посоветовала ему уйти, г-жа д'Анвиль — остаться, пока его не прогонят. Последнее мнение одержало верх[2]. Но Тюрго готовился к такому исходу. Наверное, именно в эти дни он начал писать мемуар о реформе королевского двора, решив вручить его в тот день, когда покинет свой пост.

Из чего можно заключить, что теперь Тюрго считал такой конец неизбежным, но не таким близким, каким он был на деле.

Наконец наступила пятница 10 мая — день развязки, 12 мая было лишь эпилогом. Можно даже сказать день двойной развязки, так как одновременно завершились две интриги: одна, о которой подозревали, — это интрига Морепа в пользу Амело; другая, скрытая от всех,— интрига королевы в пользу де Гина.

Тюрго узнал сначала о первой. Он тотчас написал де Вери, чтобы его уведомить. Король наконец уступил настояниям Морепа. Назначение Амело предположительно состоялось. Морепа поделился новостью с Мальзербом. В то же время Тюрго узнал (из источника, который сохранил в тайне), что Морепа, рассчитывая, что Тюрго в свою очередь подаст в отставку, собирается выдвинуть на его место Клюньи.

1 Обычным шрифтом дан опубликованный текст (Véri. Op. cit., t. I, p. 457), а курсивом — текст, зачеркнутый в черновике.
2 Moreau. Op. cit., t. I, p. 254.

Однако Тюрго не решался на немедленную отставку и собирался только ускорить осуществление задуманного им плана, который, по-видимому, уже начал выполнять:

«Мне осталось всего несколько дней, чтобы представить королю план реформы королевского двора. Он, наверно, не будет принят, и я попрошу предоставить мне свободу. Я уйду, сокрушаясь о том, что развеялась прекрасная мечта, и видя молодого короля, достойного лучшей участи, и целое королевство, погубленное тем, кто должен был их спасти».

Слова, суровые для Морепа.

Тюрго упорно сохраняет свои иллюзии. Он думает, что от него зависит потребовать свободы, что он еще волен распоряжаться собой.

В то время, когда он писал это письмо, он еще не знал о второй интриге, касающейся дела де Гина. Он узнал о ней, по-видимому, в тот же день и сообщил об этом Вери во втором письме, датированном следующим днем, 11 мая:

«Г-н де Гин получил титул герцога, стало быть, он чист как снег. Назначение Амело, возможно, будет объявлено уже сегодня. После этих новостей вы можете теперь строить ваши политические умозаключения об этой стране».

Королева, узнав об успешном завершении интриги Морепа, решила отбросить мудрую сдержанность, которая была с ее стороны лишь притворством. Нам кажется несомненным, что ее внезапное выступление было вызвано «операцией Амело» и никак не может считаться простым совпадением. Она даже твердо решила, что ее собственный успех должен предшествовать успеху министра, и добилась задержки вызова Мальзерба, который был назначен на тот же или следующий день, но состоялся лишь 12 мая [1]. Ей надо было, чтобы общество, ожидавшее других новостей, прежде всего узнало о триумфе королевы. Она побежала к королю, потребовала и добилась, чтобы он даровал герцогский титул графу де Гину. Она заставила короля написать собственной рукой и даже трижды переделать письмо с сообщением об этой монаршей милости ее подопечному в самых лестных для де Гина выражениях. Эта новость была официально объявлена одновременно с назначением преемника де Гина во французском посольстве в Лондоне—маркиза де Ноай[2]. Агреман на его назначение был, несомненно, тем временем получен. Это совпадение подчеркивает значение столь небольшого события. Конечно, королева получила блестящую компенсацию для своего протеже, а король выставил себя в смехотворном виде, восхваляя своего представителя, которого отозвал за грубые ошибки. Однако теперь де Гин терял всякую надежду вернуться на свой пост, так как его место было официально занято другим. А Верженн, такой же упорный, как и осторожный, в основном добился своего.

1 Это лишь наша гипотеза, но мы не видим другого объяснения этой отсрочки, что подтверждается сценой, происшедшей между Морепа и королевой, которую мы приводим ниже.

2 Этот факт отмечается в письме Тюрго к Вери от 11 мая. Следовательно, назначение де Ноая ранее не было известно. Эта подробность была упущена всеми комментаторами последующих событий.

Казалось, этот новый поворот дела де Гина не имел отношения ни к замене Мальзерба, к которой королева подчеркнуто не проявляла никакого интереса, ни к положению генерального контролера, которому не было никакого дела до пожалования кому-либо герцогского титула. Эти не имеющие между собой ничего общего дела были связаны лишь благодаря яростной жажде мщения, овладевшей королевой. Она хотела, чтобы все были поражены силой ее власти, столь же ужасной в ненависти, сколь щедрой в милости. Она желала одновременно разить, как молния, и венчать лаврами. Наказание Тюрго должно было сопровождаться триумфом герцога де Гина. Почему именно Тюрго? Мы уже изложили причины такого накала страсти. Но как его наказать? Его опала была уже известна посвященным, ее предвидело общество, и отставка Тюрго не могла никого особенно ошеломить. И Мария Антуанетта задумала фантастический план: не только отставить генерального контролера, но и заточить его в Бастилию. И наконец, она хотела, чтобы эти известия грянули одновременно, в доказательство ее всемогущества.

Все это казалось бы невероятным, если бы мы не располагали свидетельством Мерси-Аржанто: «Королева задумала потребовать от короля, чтобы он прогнал Тюрго и даже засадил его в Бастилию в тот самый день, когда граф де Гин будет объявлен герцогом». Мерси-Аржанто не было никакого смысла выдумывать такую историю, так как он до тех пор посылал успокоительные сообщения о поведении Марии Антуанетты и теперь рисковал показаться наивным или бездеятельным. Желая сохранить свой престиж, он был, скорее, заинтересован преуменьшить это дело. Поэтому, нам кажется, что тут можно поверить ему на слово. «Пришлось употребить самые сильные и самые настойчивые увещевания, — пишет он Марии Терезии,— чтобы сдержать проявление гнева королевы, не имеющего иных причин, кроме ходатайства об отозвании графа де Гина, которое Тюрго счел своим долгом взять на себя». Если мы вспомним, что Тюрго просил об этом четыре или пять месяцев назад, то увидим, что эта молодая женщина была весьма злопамятна и способна на долгую холодную ненависть. В официальном донесении от того же 16 мая Мерси подчеркивает, что ему пришлось

самому вмешаться в это дело. Можно предположить, что к этому вмешательству, весьма вероятно, присоединился и аббат де Вермон, и это, несомненно, объясняет, почему королева именно в то время, по свидетельству де Вери[1], лишила доверия своего чтеца-наперсника.

Мерси в ту пору, однако, думал, что он предотвратил не только заключение Тюрго в тюрьму, но и его отставку. Быть может, ему бы это даже удалось, если бы не противодействие Морепа, о котором он не знал.

Тюрго, к несчастью, оказался в центре пересечения двух интриг: интриги королевы в пользу де Гина и интриги Морепа в пользу Амело. Не имей они общей точки пересечения, эти интриги могли бы идти параллельно, ибо Морепа так же мало интересовался новым герцогом, как и королева будущим министром королевского двора. Ментор попробовал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы вступить в переговоры с королевой. Думая, что королеву смягчил ее успех и она будет ему признательна за содействие отставке Тюрго, Морепа надеялся добиться некоторого послабления для своего племянника д'Эгийона, все еще бывшего в изгнании. Он пытался прельстить такой возможностью г-жу Морепа, чтобы как-то нейтрализовать те добрые чувства, которые она все еще питала к Тюрго[2].

Но в своей безумной гордыне Мария Антуанетта не была расположена к сделкам. Когда Морепа попросил ее об аудиенции, королева, чтобы подготовить ответ, отправилась к г-же де Гемене, вновь появившись, таким образом, в салоне, который она дипломатично не посещала все последнее время. «Я не собиралась торговаться, — сказала она министру, — когда просила короля воздать справедливость г-ну де Гину». И добавила коварно: «Я должна выразить вам соболезнование по поводу выбора г-на Амело, ведь вы желали г-на Сартина...» Г-н Морепа, заключает де Вери, ясно понял насмешку[3].

Морепа расплатился некоторой долей стыда: он привык расплачиваться именно этой монетой.

Когда Тюрго узнал о милости, оказанной герцогу де Гину, он, несомненно, увидел в ней последнее и самое зловещее из целого ряда предзнаменований. По-видимому, он тогда же узнал

1 Véri. Op. cit., p. 431. Следовательно, 30 апреля Вермон еще по-прежнему пользовался доверием, поскольку Мерси передал ему корреспонденцию для королевы.
2 См. письмо Кондорсе к Вольтеру от 12 июня 1776 г, цитируемое в: Foncin. Op. cit., p. 530. Это толкование подтверждается приводимым далее рассказом Вери.
3 См.: Véri. Op. cit., t. II, p. 11 et 12.

и об истинных намерениях королевы, серьезность и упорство которых до тех пор недооценивал. Действительно, Мерси говорит: «Генеральный контролер, узнав о ненависти, которую питает к нему королева, решил, главным образом по этой причине, подать в отставку». Письмо Мерси датировано 16 мая[1], но оно, несомненно, написано раньше, так как в нем не сообщается о событиях 12 мая и ничего не говорится о судьбе Верженна. Значит, вышеприведенные строки относятся к положению, существовавшему 10 или 11 мая. Есть все основания предполагать, что аббат де Вермон, вмешавшийся в это дело одновременно с Мерси, предупредил или велел предупредить Тюрго. Быть может, Тюрго решил ускорить свою отставку, не откладывая ее до окончания своего мемуара королю? Это, пожалуй, самое правдоподобное объяснение его настойчивых попыток попасть на прием к королю, предпринятых им, по рассказу Моро, 10 и 11 мая. Такая настойчивость могла показаться непочтительной, если бы у него не было именно того намерения, которое мы только что указали. Он не был принят. Он мог бы написать. Но мы знаем, что он хотел любой ценой добиться последней беседы, последнего общения с государем, которому так верно служил и кого так искренне любил.

В воскресенье 12 мая Мальзерб был утром на приеме у короля. Его отставка была принята, и он отправился к Тюрго, чтобы ему об этом сообщить. Выходя от него, он встретил в дверях Бертена. О причине его визита догадаться было нетрудно. Мальзерб вместе с ним вернулся обратно. «Итак, — сказал он весело, — мы уходим вместе!»

Невольно задумываешься, какие чувства могли волновать в этот час душу Бертена де Сен-Жерана, который играл с той поры лишь второстепенные роли в министерстве, но в прошлом и сам был государственным секретарем по морским делам и генеральным контролером финансов, и сам мечтал о крупных и необходимых преобразованиях. Думал ли он, как доказал это на своем собственном опыте, что генеральный контролер — даже действуя с большой осторожностью — не может выдержать длительной войны на измор с парламентами[2]. Помнил ли он, что был одним из первых министров, сочувствовавших группе экономистов? Помнил ли, что он провел первый министерский

1 Это дата официальной отправки письма. Существуют два разных письма, помеченных тем же числом, но явно написанных ранее.
2 «Я сказал, что г-н Бертен довольно скоро поссорился с парламентами, которые чинили препятствия его административной деятельности и в конечном счете заставили его уйти». (Moreau. Op. cit., t. I, p. 118.)

опрос относительно свободы хлебной торговли? Помнил ли ответ, полученный им тогда от лиможского интенданта? Помнил ли, что попытался осуществить важный эксперимент, обнародовав декларацию 1763 г.? Помнил ли, что хотел стать великим реформатором двадцатины? Помнил ли, что с самого начала советовал Тюрго действовать с осторожностью «зубного врача»? Хотел ли он говорить по душам с этим человеком, которого не любил, но с которым мог бы найти так много общего? Однако он сказал лишь то, что ему было поручено сказать, и, быть может, душа его не дрогнула и, возможно, он уже ни о чем не помнил[1].

Тюрго попросил разрешения написать королю и, получив через д'Анживилье его согласие, написал свое последнее письмо, датированное 18 мая. Вначале он с достоинством говорит о своих материальных делах. Король через Бертена предложил выплачивать ему пенсию, превосходящую жалованье министра. Тюрго заявил, что готов принять министерское жалованье, иначе его доход уменьшился бы на треть по сравнению с лиможским периодом, но большего ему не нужно. Он выражает глубокое огорчение, что король, несмотря на его просьбы, не сообщил ему лично о своих намерениях. Он благородно выражает пожелание, чтобы время опровергло его предостережения: «Я хотел бы, чтобы время не доказало моей правоты». Наконец, он просит не как милости, а как справедливости, чтобы король принял его, дабы он мог оправдаться во всех возводимых на него обвинениях, и чтобы король «никогда не осуждал его в своем сердце, пока не выслушает»[2].

Король не ответил на его письмо.

Эти два человека больше никогда не увиделись.

Были ли главной причиной опалы Тюрго дело де Гина и королева? Или дело Амело и Морепа? (Случайно совпавшие с ними эпизоды имеют, очевидно, весьма второстепенное значение.)

Первое предположение находит сильное подкрепление в письме Мерси. Второе больше соответствует длинной цепи

1 Бертен, проявив вначале интерес к новым идеям и обнаружив недюжинные административные способности, во второй период своей политической деятельности решительно держался в стороне от всех крупных проблем. Он прилагал все усилия, чтобы сохранить свой пост, и долгое время в этом преуспевал. В последние годы он занимался только своими материальными и сердечными делами, за что в момент своей отставки заслужил суровое осуждение. «Людовик XVI, к счастью для Совета, попросил Бертена уйти в отставку: он отнюдь не украшал Совет своим присутствием». (Lescure. Op. cit., t. I, p. 445, 26 octobre 1781.)

2 Foncin. Op. cit., p. 533.

обстоятельств последнего времени, которую мы восстановили выше. Аббат де Вери с самого начала обвинял королеву: «Прежде всего я подумал, что королева оказала большое влияние на решения короля и что вечные ходатайства Морепа в пользу того или другого, нисколько не заботясь об интересах дела, все решили». Но Вери еще раз вернулся к этому вопросу: «Ненависть королевы к Тюрго была не столько следствием ее внутреннего чувства, сколько следствием влияния определенной клики... Поэтому она очень слабо действовала против него». Без сомнения, Вери не знал донесений Мерси, но должен был знать об этом деле в общих чертах от аббата де Вермона.

Сама королева защищалась перед матерью, отказываясь от всякой ответственности: «Признаюсь, дорогая моя матушка, что не огорчена этими отставками, но я в них совсем не вмешивалась». Это утверждение противоречит рассказу Мерси, а само старание Марии Антуанетты заранее оправдаться уже ее разоблачает. Это притворство вполне соответствует ее тактике действовать исподтишка, примененной ею в этом деле. Впрочем, Марию Терезию не удалось обмануть: «Вы говорите, что не были огорчены. Вы должны иметь на то достаточные основания. Однако с некоторых пор публика перестала расточать вам похвалы... и прямо приписывает вам мелкие интриги»[1].

Корифеи партии шуазелистов, напротив, считали, что существует несомненная связь между блестящей реабилитацией герцога де Гина и падением министра, и приписывали решающую роль в этом деле Марии Антуанетте. Часто цитировали поразительные слова герцогини де Шуазель, показывающие, до какого исступления эта нелепая история довела главных заинтересованных лиц: «Я была вне себя от радости, узнав о триумфе г-на де Гина. Я считаю, что сопутствующая ему опала двух министров уподобляет г-на де Гина римским триумфаторам, за колесницей которых тащили их рабов»[2].

Сам Тюрго никогда не обвинял Марию Антуанетту. Помимо чувства приличия, всегда удерживавшего его от упоминания имен членов королевской семьи, он, по-видимому, считал Морепа главным, если не единственным, виновником своего падения. Так, 11 июня 1776 г. он пишет Дюпону: «Разговор с г-ном д'Анживилье только доказывает недобросовестность одного из собеседников [он говорит здесь, несомненно, о Морепа], который, как я твердо убежден, сделал все сам и только что не прибег к помощи д'Уаньи и Сартина или не помог им»[3].

1 См. письмо Марии Антуанетты от 15 мая и ответ Марии Терезии от 30 мая в: «Correspondance», t. II, p. 441, 491.

2 Письмо от 18 мая 1776 г., цитируемое Сегюром. См.: Ségur. Op. cit., p. 352.

3 Schelle, t. V, p. 435.

Печатные хроники того времени не пытались анализировать причины опалы Тюрго. Рукописные хроники менее осторожны. Но только Арди намекает на вмешательство в это дело королевы. В перечне возможных причин опалы, о которых говорят вокруг, он упоминает передачу королевой в руки Морепа мемуара герцога де Гина, который якобы имел особые причины жаловаться на Тюрго. Трудно себе представить, о чем могла идти речь в таком мемуаре, разве что мы поверим рассказу о трех аббатах, посланных с миссией в Англию, который кажется нам малоправдоподобным. Помимо этого, Арди упоминает письмо Тюрго к Сегье по поводу «Совершенного монарха», другое письмо к супруге советника парламента, жаловавшейся на действия своих крестьян, очень резкие возражения против назначения Амело, представленные в Совет, наконец, дело с Высшим податным судом. На это последнее дело ссылается и Ривьер в своей попытке объяснить происшедшие события.

Так как эти летописцы тщательно собирают самые мелкие слухи, то можно, следовательно, заключить, что публика не обвиняла ни королеву, ни Морепа в том, что они своими интригами вызвали падение генерального контролера. Ловкость, с которой действовали и та и другой, чтобы убедить короля в своих добрых намерениях, имела еще один дополнительный и немаловажный результат—им удалось утаить свои козни от публики.

Самое правдоподобное объяснение состоит в том, что оба маневра осуществлялись соединенными усилиями, хотя это и не было оговорено заранее, поскольку не было никакой «сделки». Королева оказывала постоянный психологический нажим, который был, несомненно, очень значительным. Но сам механизм был создан Морепа в результате ухода в отставку Мальзерба. Именно Морепа играл роль *«ведущего»*, но и сам в свою очередь был *«ведомым»*.

Итак, мы можем вывести заключение, которое кажется нам приблизительно верным с точки зрения последовательности причинных связей. Помимо множества запутанных и иррациональных эпизодов, главным движущим фактором была *парламентская оппозиция*. Именно она

вызвала отставку Мальзерба;

повлияла на Морепа, а потом поощряла его;

изменила первоначальные намерения короля.

Следовательно, на обоих этапах своего эксперимента Тюрго столкнулся с одним и тем же явлением — коллективным непониманием.

В мае 1775 г. с непониманием народа, которое нашло выражение в беспорядках «Мучной войны» и завершилось невольным саботажем новой политики.

В марте 1776 г. с непониманием парламента, которое нашло выражение в обструкции, в форме скрытой агитации и нажима и завершилось тоже саботажем, но на этот раз вполне обдуманным и решающим.

Констатация этих фактов представляется нам важной, поскольку она позволяет свести к минимуму роль эпизодических факторов.

Кроме того, она выявляет некоторые сходные моменты в падении Тюрго в 1776 г. и в падении Неккера в 1781 г. «Парламенты никогда ничего не прощают, и нет ни одного примера, когда враждующий с ними министр смог чего-нибудь добиться, разве что ему удавалось некоторое время отбиваться» [1].

16 мая Морепа принял присягу в качестве главы Финансового совета [2].

Таким образом, он повторил маневр, уже предпринятый им незадолго до отставки аббата Террэ. Ходили слухи, что он возглавит все советы, что было бы равносильно провозглашению его первым министром. Но хотя он, как мы подозреваем, и лелеял все еще эту мечту, ему так никогда и не удалось ее осуществить.

Несколько дней спустя пост генерального контролера, обязанности которого временно исполнял Бертен и который утратил свое прежнее значение из-за восстановления Финансового совета, был передан новому министру в лице Клюньи.

Ожар утверждал, что этот выбор был сделан без участия Морепа. Он был так окрылен отставкой Тюрго, что не стал якобы заниматься подысканием ему заместителя. Клюньи же будто одержал верх благодаря интриге камердинера короля Тьерри[3] и Риголе д'Уаньи. Эта выдумка, обманувшая некоторых историков[4], не выдерживает критики.

В самом деле, мы уже видели, что Морепа был благожелательно настроен к Клюньи и подумывал о нем еще во времена замены Террэ. С другой стороны, в письме к Вери от 10 мая Тюрго сам упоминает, что Морепа говорил о Клюньи с королем.

Вероятно, Морепа хотел скрыть от Ожара, одного из возмож-

---

1 Секретная переписка, опубликованная Лескюром.

2 В этот совет тогда входили следующие лица: Фейдо де Марвиль, Жоли де Флёри, Бостар, Табуро де Рео.

3 В то время Тьерри, кажется, действительно пользовался особым доверием короля Об этом говорит и Арди.

4 Сегюр даже приходит к выводу, что, назначая Морепа главой Финансового совета, Людовик XVI хотел загладить нанесенную ему таким образом обиду. (Ségur. Louis XVI et Necker, p. 5.)

ных кандидатов на этот пост, какую роль он сыграл в назначении Клюньи.

Два человека, сменившие один другого во главе ведущего министерства, представляли собой разительный контраст. В частной жизни Клюньи пользовался такой же постыдной славой, как и Террэ, но вдобавок он был полностью лишен тех деловых способностей, которыми в высшей степени обладал грозный аббат.

Однако в пору своего интендантства в Бордо, особенно во время эпизоотии, Клюньи показал свою истинную трудоспособность. Теперь же приобщение к высшей государственной власти, а также, наверное, предчувствие близкого конца развязали самые низкие наклонности его натуры.

Обосновавшись в Париже с тремя сестрами, которые все три были его любовницами, он вел самую распутную жизнь и занимался спекуляциями.

У него едва хватило времени найти легкий выход, организовав лотерею, и отменить основные реформы Тюрго. Цеховая система была восстановлена с некоторыми изменениями, и дорожная повинность тоже, но в более скрытой форме [1].

Клюньи с истинным хладнокровием заявлял, что он опровергнет пословицу, которая гласит, что ни один генеральный контролер не умирает на своем посту. И в самом деле, он умер 18 октября 1776 г., заслужив всеобщее осуждение. И действительно, как тогда распевали, «один способ он нашел усидеть на месте».

Генеральный контроль был теперь доверен содружеству Табуро—Неккер. Отныне мог бы начаться новый опыт реформ. Но публика, увидев осуждение реформаторов, больше не верит в реформы. *Неккер — человек дальновидный и полный благих* намерений, но он больше финансист, чем экономист, и больше банкир, чем финансист.

Правительство упустило время и счастливую возможность. Людовик XVI мог бы сказать, как и тиран Малатеста в пьесе Монтерлана:

Неужели так рано — уже поздно?

В первые дни, последовавшие за отставкой, могло показаться, что для Тюрго она благо, это, естественно, объяснялось концом чрезвычайного напряжения, ставшего просто непереносимым.

В тот же вечер в доме у своих друзей (наверно, у г-жи Блондель) он слушал забавные рассуждения Мальзерба, объяснявшего ему все ошибки, которые он совершил, «помешавшись на

1 Эдикты от 11 августа и 19 августа 1776 г.

общественном благе». «Эта шутливая сцена оживила весь вечер» [1].

21 июля аббат де Вери еще отмечает: «Душа и тело г-на Тюрго наслаждаются покоем, какого он не знал, когда занимал свой пост» [2].

Тюрго любил шутить по поводу смерти Террэ и Сен-Жермена, повторяя слова Мальзерба об особой «болезни министров», которая была определена «как la pituite vitrée * у древних». «Не думаю, — говорил он, — что г-н Мальзерб и я умрем от этой болезни». А через несколько дней: «Не в обиду вам будь сказано, но у меня нет никакого желания умирать от болезни министров» [3]. Однако г-жа де Морепа была не лишена проницательности, ибо в день опалы Тюрго она писала: «Мне кажется, он больше держался за свое место, чем вы думаете».

Тюрго был задет более глубоко, чем выказывал, и, вероятно, глубже, чем ему самому казалось.

И аббат де Вери, как видно, тоже в этом убедился, так как осенью 1777 г. заметил: «Я вижу, что г-н Тюрго проводит дни в приятных занятиях литературой, наукой, в беседах с друзьями, но он никогда не говорит им, что счастлив, обретя спокойствие».

Испытание надломило творческую силу, глубокую внутреннюю энергию этой исключительно жизнестойкой натуры.

За весь последний, почти пятилетний, период Тюрго не подумал продолжить свою теоретическую работу, которой он мог бы теперь посвятить так много свободного времени.

Можно было ожидать, что теперь, обогатившись новым опытом, он вновь возьмется за большие проблемы экономической науки, в которые он сам уже внес так много нового. Но этого не произошло.

Кондорсе объясняет это странное молчание его щепетильностью. Тюрго больше не хотел заниматься политическими вопросами и всем, что могло иметь хоть какое-либо отношение к административным делам. «Такие занятия слишком болезненно напоминали бы ему» его великие несбывшиеся надежды.

Ему неизбежно пришлось бы ссылаться на собственное управление, а это вызвало бы задевающие других лиц комментарии, его могли бы заподозрить в мстительных побуждениях.

1 Véri. Op. cit., t. I, p. 449.
2 Ibid., t. II, p. 25.
* Рвота, бывающая по утрам у алкоголиков. — *Прим. ред.*
3 См.: Du Pont. Op. cit., 24 février, 6 mars 1778; Schelle, t. V, p. 541—544.

Сколь бы ни были весомы эти ссылки на чувствительность и деликатность, мы не видим, как они могли помешать Тюрго продолжить хотя бы теоретический анализ, который мы находим в его трудах «Богатство», а еще больше в «Деньгах», или собирать материал, не заботясь о его скорой публикации.

По свидетельству того же Кондорсе, Тюрго составил план большой работы, «посвященной его родине — человечеству». Но так никогда и не начал ее писать. Кондорсе вкратце передает план этой работы по воспоминаниям о своих беседах с Тюрго. «Однако, — замечает он, — Тюрго не любил о нем говорить даже своим самым близким друзьям». Судя по описаниям Кондорсе, которые в силу высказанного выше могут показаться не очень достоверными, речь шла, по-видимому, о философском и метафизическом сочинении, посвященном происхождению понятий и языка, всеобщей морали и бессмертию души.

Единственная творческая работа, заниматься которой в годы своей опалы Тюрго имел силы или желание, были переводы латинских поэтов. Он закончил наконец «Дидону» Виргилия, перевел французским метрическим стихом большую часть [его же] «Буколик» и одну книгу «Энеиды».

Среди сохранившейся весьма обширной корреспонденции Тюрго мы лишь изредка находим столь любимые автором длинные рассуждения по поводу текущих событий. Мы можем отметить лишь несколько соображений, предназначенных для Франклина и касающихся налогов, и еще несколько, предназначенных для Прайса и касающихся политического режима в Соединенных Штатах [1].

Что касается остального литературного наследства, то мы просмотрели нечто вроде дневника, написанного с живостью, свойственной Тюрго в его частной переписке. В нем много подробностей личного характера, в частности о здоровье автора и его друзей. Подагра Тюрго, режим его жизни, костыли, болезнь г-жи д'Анвиль, страдавшей от камня в печени, болезнь г-жи Альбер, харкавшей кровью. Г-жа Блондель сломала ногу... у г-на Франсе разболелось горло...

Он вел своего рода хронику Американской войны за независимость для информации своих корреспондентов. Он описывал, как страстно заинтересованный зритель, все поражения и победы в этой борьбе.

Он скептически отзывается о возможностях правительства во Франции, а о своих противниках — главным образом о Морепа и Неккере — порой сурово, а порой с насмешливым презрением. Первое время он говорил о Морепа с некоторой горечью («человек этот одержим жаждой мести... цель его — представить меня королю как безумца, окруженного безумцами...»), но вскоре он обретает у него черты комического персонажа.

1 По мнению Дюпона, эти тексты были первыми набросками двух научных сочинений, задуманных Тюрго, а именно: «Traité des vrais principes de l'imposition» и «Réflexions sur la situation des Américains unis».

Что касается Неккера, то он «Человек-оборотень», «г-н Надутый», г-н Nekre, «человек для меня ныне и навсегда отвратительный». «Вот господин Неккер, сияющий от славы и самодовольства...» [1]

Тюрго охотно подсмеивается над отношениями между двумя министрами: «Говорят, будто г-ну Морепа весьма надоел г-н Неккер и его проекты. А г-ну Неккеру еще больше надоел г-н Морепа, но любовь к общественному благу и к славе — страсти, умеющие преодолеть любое отвращение».

Он считает их способными — и вместе, и порознь — на любую низость: «Я даже боюсь, как бы эти два господина, чтобы укрепиться попрочнее [возле королевы], не вытащили снова г-на де Гина».

За время пребывания Тюрго в Париже мы находим мало эпизодов, заслуживающих упоминания. Иосиф II во время своего путешествия инкогнито во Францию пожелал встретиться с Тюрго частным образом у его друзей.

Тюрго усердно посещал собрания Академии надписей и изящной словесности, куда был избран 5 марта 1776 г. В 1778 г. он стал ее президентом.

Он решил выступить на ее заседании 15 декабря 1780 г. против проекта, имевшего своей целью отменить право состоять одновременно членом двух академий. Но Тюрго не везло в устных дискуссиях: он вызвал раздражение большинства и получил всего пять голосов.

Некоторое время он занимался поисками дома в Париже, где хотел разместиться со своей библиотекой. Наконец в 1779 г. он купил особняк, отель Виарм, на улице Бурбон Сен-Жермен (ныне дом № 121 по Лилльской улице), где и обосновался в апреле 1780 г. Там 25 февраля 1781 г. его настигла новая болезнь. На этот раз не обычный мучительный приступ подагры. Троншен поставил диагноз — воспаление желчного пузыря, а впоследствии вскрытие обнаружило множество камней в печени. Он уже больше не вставал, но пережил несколько периодов ухудшения и улучшения. Лежа в постели, он закончил диктовать Дюпону перевод (на этот раз не метрическим стихом) оды Горация «Aequam memento»*, которая была так схожа с его положением». Он закончил ее так:

1 Письмо г-же д'Анвиль от 4 ноября 1777 г.

* «Старайся хранить духа спокойствие» *(лат.)* — *Прим. ред.*

Чтоб переплыть подземную реку,
Откуда более нет возврата.

18 марта 1781 г. состояние Тюрго ухудшилось и казалось уже безнадежным. «Он не думал, что конец его так близок», и не выразил свою последнюю волю. Он умер без церковного причастия. Самые преданные его друзья, Дюпон, г-жа Блондель и герцогиня д'Анвиль, дежурили у его постели. Но в последние минуты Дюпон решил — о чем он потом сожалел — увести своих спутниц, чтобы уберечь их от слишком тяжкого испытания. И смерть настигла человека в полном одиночестве [1].

1 См. письмо Дюпона Мальзербу от 17 апреля, приводимое Шеллем. (Schelle, t. V, p. 652). Г-жа д'Анвиль прочла в книге какого-то хирурга, что слух покидает человека позже всех других чувств. Тогда Дюпон пришел в отчаяние, что покинул своего друга до наступления роковой минуты.

Послесловие

Предшествовавшие Революции пятнадцать лет правления Людовика XVI оказались чрезвычайно благодатной почвой для вечного (ибо он неразрешим) спора о детерминизме. С одной стороны, почти физически ощущаешь непреодолимую силу давления, все возрастающее напряжение, которое отмечали дальновидные современники, и кажется, что уже ничего нельзя было избежать. С другой стороны, в сцеплении событий видишь некоторые возможности сделать выбор, отступить, сманеврировать, и кажется, что еще можно было, «сменив лошадей», изменить судьбу. Как мы уже отмечали по поводу «Мучной войны», революционному явлению в решающий период его развития присуще особое свойство: каждый может его заметить, но никто не знает, как его предотвратить. И сам факт, что все случайности действуют всегда в одном и том же направлении, не служит ли явным признаком неотвратимости?

Революция никогда не бывает неожиданной, но всегда удивляет. Даже в наши дни отношение западных держав к тому, что они называют «коммунистической опасностью», или отношение высокоразвитых стран к странам экономически отсталым дают нам тот же пример способности видеть и полной неспособности что-либо сделать, какой мы наблюдали во время заката старого порядка.

Страна, породившая и сделавшая всемирной идею Революции, — Франция — не была первой, осознавшей революционное

явление деколонизации как на территориях, которыми она управляла раньше, так и на тех, которыми она управляет и сейчас, когда пишутся эти строки. Можем ли мы осуждать современников Людовика XVI, не понимавших предостережений Тюрго, касавшихся проблем того времени (покупательной способности, несправедливого налогообложения, мотовства двора), если мы до сих пор не вполне понимаем того, что он писал два века назад о проблеме *нашего* времени (независимости колоний)?

Но детерминизм тем не менее не доказан. Он *недоказуем*. Если в истории мы наблюдаем только неизбежные революции, то это потому, что история может показать нам лишь революции свершившиеся. Фаталисты (и консерваторы) могут всегда сослаться на то, что реформы тщетны, даже вредны (так как они не могут оставлять людей безразличными): они найдут прецеденты для доказательства. Но не потому ли, что чаще всего реформы были недостаточны, запоздали или, как в нашем случае, не были проведены в жизнь?

Можем ли мы перечислить революции, которых действительно удалось избежать с помощью реформ? Или роковые события, которые удалось предотвратить не случайно, но благодаря решительным действиям и — следует добавить — благодаря усилиям личности? Способны ли мы признать, что мучительные уступки, сознательные жертвы могут *сэкономить* стране великие бедствия? Возвращаясь еще раз к современности, мы хотим напомнить либеральные решения правительства в 1954 и 1955 гг. в отношении протекторатов Франции в Северной Африке, решения генерала де Голля в 1958 и 1960 гг. о Сообществе; если бы они не были приняты, в каких страшных последствиях не обвинили бы мы сейчас ужасный детерминизм истории.

В заключение нашей работы нам хотелось бы отметить, что в опыте государственных преобразований Тюрго роль случая кажется нам весьма ограниченной вопреки тому, что так часто думают. И мы полагаем, что можем решительно отбросить широко принятое и удобное объяснение, которое усматривает эту случайность в особенностях характера двух лиц: «Если бы Тюрго был Ришелье», «Если бы Людовик XVI был Людовиком XIV...»[1].

«Тюрго не мог победить потому, что был слишком тверд, и потому, что Людовик XVI был недостаточно тверд».

1 «Представим себе, что в это время царствовал бы не добрый Людовик XVI, а Генрих IV или Людовик XIV. Представим себе, что на месте видного философа и экономиста, но лишенного практической хватки, каким был Тюрго, судьбой Франции распоряжался бы Ришелье...» (Choulgine. L'histoire et la Vie, p. 84.)

В борьбе с народным мятежом, с парламентской оппозицией, с натиском привилегированных и заинтересованных лиц Тюрго не хватало точки опоры — явной поддержки определенной части общественного мнения. Средние слои общества, мало просвещенная «провинциальная публика», всегда ему сочувствовали, даже когда и не вполне его понимали, но не имели никаких средств выражения.

Можно утверждать — и мы придерживаемся такой точки зрения, — что главная болезнь старого порядка, во всяком случае вначале, коренилась в экономике. Тюрго был хорошо подготовлен, чтобы разбираться в экономических проблемах, так как был одним из немногих, сумевших их разглядеть; и, продолжая начатое, он сумел бы исправить ошибки или крайности теории. Но для экономической реформы общества необходимо, чтобы в государстве были определенные политические предпосылки. Такие предпосылки были еще не все налицо, а когда пятнадцать лет спустя они возникли (зародыш национального представительства в лице Генеральных штатов), то тогда, разумеется, было уже поздно, слишком поздно. Но, не сумев спасти старый порядок, ускорил ли Тюрго его падение, в чем его порой упрекают? Если упрек нелеп, то сам факт возможен. В такое время, когда только самая решительная реформа может предотвратить революцию, неудавшаяся попытка реформы способна лишь ее ускорить — о, совсем немного! — и движение становится отныне неудержимым. Не бывает политики без риска, но есть политика, обреченная на неудачу. Привилегированные и противники прогресса, оставаясь до конца верными своей логике, обвиняют во всех своих несчастьях тех, кто, подобно Тюрго, пытался их спасти, избавив от клейма несправедливости. «Слепец глядит на себя в зеркало»[1]. *Дающие всегда достойны жалости.*

1 Мы заимствовали это выражение из заголовка Рене Беэна (Béhaine). Следующая цитата, как нетрудно узнать, принадлежит г-же де Ноай.

Приложение

Побочные обстоятельства событий 10—12 мая 1776 г.

Эти последние дни поставили перед нами еще две проблемы, которые как будто относятся к мелким событиям истории, но тем не менее представляют немалый интерес при изучении причинной связи событий, которой мы занимались на страницах этой книги.

1. Мы уже видели, что с 10 мая отставка Тюрго была твердо решена Людовиком XVI в согласии с Морепа. Нам также известно, что (вынужденный) уход генерального контролера должен был совпасть с (добровольным) уходом министра королевского двора. Людовик XVI таким образом покончил со всеми спорными вопросами: прежде всего с делом де Гина в угоду королеве и почти тотчас же с делами Мальзерба, Амело, Тюрго.

Однако за последние сорок восемь часов произошел какой-то инцидент, какой мы не знаем, который еще ухудшил отношение короля к «опальному» министру.

Восстановив вычеркнутые отрывки в рукописи де Вери, мы видим:

что король сначала хотел написать Тюрго письмо. Он отказался от этого намерения: «В воскресенье 12 мая вместо того, чтобы получить учтивое письмо от короля с благодарностью за верную службу, как то было условлено с г-ном Морепа...»

что Морепа предложил сам отправиться к Тюрго, но король отговорил его от этого: «Когда они решили между собой объявить завтра об отставке Тюрго, Морепа сказал: Я пойду к нему, чтобы быть с ним, когда он узнает о решении своей судьбы

(когда он получит Ваше письмо), ведь я всегда был связан с ним. — Нет,— ответил король, — в этом нет необходимости. К тому же не считайте его в числе ваших друзей. У меня есть доказательства обратного».

«Это доказательство, — добавляет Вери, — находится в том письме, о котором я говорил...» [1]

Откуда такое резкое охлаждение, которое выразилось, разумеется, не в самой отставке, уже твердо решенной, но в жестокости ее проведения?

Конечно, можно предположить, что король был раздражен настойчивостью, с какой Тюрго добивался аудиенции. Это объяснение имеет то преимущество, что совпадает с намеком в последнем письме Тюрго (от 18 мая), но нам оно кажется психологически натянутым. Такой случай мог раздосадовать короля, но не умалить в нем чувство уважения.

И мы готовы предположить, что именно тут и произошел пресловутый эпизод с поддельным письмом, якобы перехваченным д'Уаньи.

Кажется вполне естественным, что такой человек выбрал именно этот момент, чтобы нанести последний удар: действовать раньше было бы для него рискованно.

Аббат де Вери услышал рассказ об этом перехваченном письме 10 октября 1783 г., значительно позже происшедших событий, и эта версия представляется нам гораздо более правдоподобной, чем необыкновенная история, рассказанная Дюпоном. Речь шла якобы не о подделке письма, написанного самим Тюрго, что было бы и трудно, и опасно, а об ответе кого-то из друзей Тюрго на его письмо; такой текст было легче сфабриковать, да к тому же он мог вполне быть подлинным. Этот друг якобы писал: «Я не думал, что король такой ограниченный человек, каким вы его описали»[2].

Можно себе представить, какое впечатление должно было произвести такое замечание на государя, страдавшего «комплексом неполноценности», как раз в тот момент, когда он уже решил отставить своего министра.

Мы видим здесь еще раз, как эпизодические явления вызывают обычно только эпизодические последствия. Низкое, мелкое мошенничество д'Уаньи не лишило Тюрго министерства. Оно лишило его самое большее одного письма и одного свидания.

2. Вторая проблема, несомненно, связана с той, которую мы только что обсуждали. Она поставлена в самом письме Тюрго от 18 мая.

---

1 Вычеркнутые места в рукописи относятся в основном к с 457 опубликованного текста.

2 Рукописный дневник де Вери.

Тюрго упоминает в нем о своем демарше, не уточняя, каком именно: о «предпринятом мной демарше, который, кажется, вызвал ваше недовольство...»

Некоторые авторы предполагают, что речь шла о демарше, предпринятом Тюрго перед королем по поводу отозвания графа де Гина. Такое толкование кажется нам совершенно неприемлемым. Ведь это было сделано еще в январе. А значительно позже, во время королевского заседания парламента, король дал Тюрго самые убедительные доказательства своего доверия.

Поэтому мы считаем более вероятным, что речь идет о демарше, сделанном значительно позже и связанном с его письмами, о которых он говорит в следующей фразе, и, значит, связанном с назначением преемника Мальзерба. А быть может, Тюрго имеет в виду просто свою попытку проникнуть к королю в пятницу 10 мая. Выражение «который, кажется, вызвал ваше недовольство» может свидетельствовать лишь о раздражении, с каким король отказался его принять.

Еще более вероятно, что Тюрго, потрясенный сухостью и формой своей отставки, решил, что именно этот «демарш», каким бы он ни был, вызвал взрыв королевского недовольства, истинной причины которого, согласно нашей гипотезе, он не подозревал.

Общие взгляды Тюрго на внешнюю политику Франции

К счастью, мы знаем их из очень полного документа, написанного Тюрго как раз в это время (по словам Дюпона, около 6 апреля) по поводу мемуара, составленного Верженном в ответ на запрос Испании, желавшей знать, каковы взгляды французского правительства на выполнение обязательств по «семейному пакту», в случае если Испания или Португалия окажутся в состоянии войны [1].

Тюрго, как всегда, проявил в этой работе свою склонность к пространным и всесторонним рассуждениям. По своей композиции, а также в силу породивших этот текст обстоятельств, не требовавших немедленных практических мер, он написан скорее Тюрго-ученым, чем Тюрго-министром. В нем имеются длинные теоретические рассуждения, которые не устарели и в наши дни, но, наверно, казались слишком отвлеченными в ту эпоху.

Основные идеи этой работы, выраженные часто убедительно и с большой силой, связаны непосредственно с ранними произведениями Тюрго.

Он развивает и ныне актуальную тему о неизбежной независимости колоний и дает урок политической мудрости, состоящей в умении «предвидеть настоящее»: *«Мудрой и счастливой будет страна, которая первой сумеет подчинить свою политику новым обстоятельствам и согласится видеть в своих колониях*

1 Приводится в: Schelle, t. V, p. 384—420.

лишь союзные провинции, а не земли, подвластные метрополии»[1].

Независимость колоний не только неизбежна, но она не сулит и тех неприятностей, какие ей приписывают. Тюрго старается доказать в соответствии с теорией, называемой ныне «cartieriste», что расходы, связанные с колониальной системой, превышают приносимые ею доходы.

С коммерческой точки зрения колонии дают метрополии лишь очень небольшую выгоду, ограниченную частью прибыли, получаемой национальной экономикой на перевозках (к тому же мы сами оплачиваем продукты, которые покупаем или покупают иностранцы, и в обоих случаях происходит только перемещение богатств к выгоде коммерсантов, но не создается новой стоимости).

С финансовой точки зрения взимаемые налоги и пошлины целиком уходят на обеспечение порядка и администрацию.

Наконец, с военной точки зрения колонии могут быть полезны, лишь когда речь идет о территориях, имеющих определенное стратегическое положение (базы), то есть расположенных вблизи возможного противника.

«Если сосчитать, сколько тратится каждый год на оборону и администрацию колоний даже в мирное время и если прибавить к этому колоссальные расходы, какие они требуют в годы войны, то следует задуматься, не будет ли выгоднее для нас отказаться от них и *предоставить им полную независимость, даже не дожидаясь того момента, когда события заставят нас принять такое решение»*.

Это общее соображение было высказано не только по поводу тринадцати английских колоний в Америке, хотя речь шла именно о них. Нельзя считать большой заслугой Тюрго, что он теперь предвидел исход этого дела, ведь он предвидел его еще тридцать лет назад, задолго до развития событий.

Но эти соображения Тюрго относились и к Франции. Он доказывал, что для Франции нет никакой выгоды сохранять колонии, производящие сахар, так как она во всяком случае будет вынуждена предоставить им полную свободу торговли.

Эти соображения относились и ко всем европейским странам: «Вот к чему рано или поздно придут все европейские страны, имеющие колонии, будь то добровольно или поневоле». Независимость американских колоний лишь ускорит это движение.

И наконец, совет этот особенно ценен для Испании. Почему бы ей не начать первой! «Было бы в высшей степени достойно мудрости испанского короля и его совета немедленно сосредоточить свое внимание на возможности такого ускоренного отделения и на мерах, которые следует принять, чтобы к нему подготовиться».

1 Выделено в тексте.

И Тюрго в самых ярких выражениях развивает идею превращения колониальных уз в узы содружества:

«Заменить цепи прежнего порабощения американских провинций принципами братского содружества, основанного на единстве происхождения, языка, нравов, отсутствии противоположности интересов».

«Надо суметь предложить свободу как дар, не дожидаясь, когда у нас вырвут силой власть, которую мы уже не сможем удержать».

Нам кажется, что мы снова видим блестящего Тюрго времен его политической философии, теоретика «Распределения богатств». Но нам труднее видеть в нем государственного деятеля. Неужели Тюрго всерьез предлагал немедленно предоставить независимость колониям, производившим сахар? И мог ли он думать, что Испания последует его разумному совету, когда она то и дело волновала весь мир своими распрями с Португалией из-за нескольких полосок земли в Южной Америке?

В разделе своего мемуара, непосредственно касающемся вопроса, о котором запрашивала Испания, Тюрго снова предается абстрактным рассуждениям. Так, он говорит, и не без основания, что в дальнейшем развитии англо-американского конфликта самым выгодным для Франции было бы, если «Англия сломит сопротивление своей колонии», так как тогда последняя будет разорена и Англии придется постоянно держать там часть своих войск — для ее сохранения. Однако он не доводит до логического конца свое рассуждение, а именно что Франции следовало бы содействовать такому завершению событий. Напротив, он ратует за косвенную поддержку повстанцев.

Вот краткое изложение практических заключений Тюрго:

1. Не доверять Испании, которая может втянуть нас в войну. Не доверять также дипломатам этой страны, давшим много примеров нескромной болтовни. По-видимому, в Мадриде было немало «гинов».

2. Избегать утверждения расходов, бесполезных для обороны наших островов, но незаметно укреплять наши военно-морские силы.

3. Наконец, в случае возможного конфликта, симулировать подготовку морского десанта, а на самом деле сосредоточить свои силы в наших собственных колониях или в Индии.

Если верить Дюпону, мемуар Тюрго «произвел потрясающее впечатление на короля». Он так расхваливал его, что вызвал зависть других министров к генеральному контролеру.

Каким бы сильным ни было впечатление короля, оно не помешало ему через несколько дней принять решение об отставке столь уважаемого министра.

Библиография

ОБЩИЕ РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КОНЦУ СТАРОГО ПОРЯДКА

Carré H. La France sur Louis XV. Paris, 1891.

Cherest A. La Chute de l'Ancien Régime. Trois volumes. Paris, 1884—1887.

Gaxotte P. Le Siècle de Louis XV. Deux volumes. Paris, 1935.

Gomel Ch. Les Causes financières de la Révolution française. Deux volumes. Paris, 1892—1893. T. I: "Les ministères de Turgot et de Necker". T. II: "Les derniers contrôleurs généraux".

Imbert de Saint-Amand A. L. Les dernières années de Louis XV. 1768—1774. Paris, 1891.

Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.

Labrousse M.-R. La Crise de l'Économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris, 1944.

Idem. Esquisse du mouvement des prix et des revenus au XVIIIe siècle. Paris, Dalloz, 1933.

Martin Germain. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. Paris, 1900.

Stourm R. Les Finances de l'Ancien Régime et la Révolution. Deux volumes. Paris, 1885.

Idem. Bibliographie historique des finances de la France au XVIIIe siècle, Paris, 1895.

Tocqueville Hervé de. Histoire philosophique de règne de Louis XV. Deux volumes. Paris, 1847.

ВОСПОМИНАНИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННИКОВ

Augeard J-M. Mémoires secrets. Paris, 1866. (1760—1800. Publ. par Evariste Bavoux.)

Bachaumont Louis Petit de. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France... Trente-six volumes. Londres, 1781—1789.

Baudeau Nicolas, abbé. Chronique. (Publ. dans la «Revue rétrospective», série I, t. III, 1834, p. 29—96, 262—296, 375—415).

Besenval Pierre Victor, baron de. Mémoires... Trois volumes. Paris, au XIII—1805. (Publ. par Alexandre de Ségur. Réédité en 2 volumes en 1821.)

Campan. M-me. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. Trois volumes. Paris, 1822.

Choiseul, Duc de. Mémoires. Paris, 1904. (Publ. par F. Calmette; cf. l'article de P. Muret dans la «Revue d'hist. mod. et cont.», 1904—1905, t VI.)

Croy, duc de., 1718—1784. Journal inédit... Deux volumes. Paris, 1906. (Publ. par le Vte de Grouchy et Paul Cottin.)

Georgel, abbé. Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin de XVIIIe siècle. Six volumes. Paris, 1820.

Hardy S. P. Mes loisirs, 1764—1789. (Publ. par M. Tourneux et M. Vitrac.) Tome I. 1769—1773. Paris, 1912.

Levis, duc de. Souvenirs et portraits. Paris, 1815.

Maurepas, comte de. Mémoires. Quatre volumes. Paris, 1792.

Métra François. Correspondance secrète, politique et littéraire, ou Mémoires pour servir à l'histoire des cours, des sociétés et la littérature en France depuis la mort de Louis XV. Dix-huit volumes. Londres, 1787—1790.

Mercy-Argenteau, comte de. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Trois volumes. Paris, 1874. (Publ. par. A. d'Arneth et M.-A. Geffroy.)

Mirabeau, comte de. Mémoires du ministère du duc d'Aiguillon... Paris, 1792.

Montbarey, prince de. Mémoires. Trois volumes. Paris, 1826—1827.

Montyon Antoine, baron de. Particularités et observations sur les ministres des finance de France. Paris, 1812.

Moreau J. N. Mes Souvenirs.. Deux volumes. Paris, 1898. T. I: 1717—1774; t. II: 1774—1797.

Morellet André, abbé. Mémoires... sur le XVIIIe siècle et sur la Révolution. Deux volumes. Paris, 1821.

Nougaret P.-J.-B. Anecdotes du règne de Louis XVI. Trois volumes. Paris, 1776—1780. T. I: 1774—1776; t. II: 1777; t. III: 1778—1779.

Saint-Germain Claude-Louis, comte de. Mémoires... Amsterdam, 1779.

Ségur Louis-Philippe, comte de. Mémoires, ou souvenirs et anecdotes. Trois volumes. Paris, 1825—1826.

Soulavie, abbé. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. Six volumes. Paris, 1801.

Terray, abbé. Mémoires... avec une relation de l'émeute arrivée à Paris en 1775. Paris, 1776. (Rédigé par J-B. Coquereau.)

Lauzun Armand-Louis de Gontaut, duc de. Mémoires... Paris, 1858. (Publ. par Louis Lacour.)

Saint-Priest, comte de. Mémoires. T. I. Règne de Louis XV et de Louis XVI. Paris, 1929.

Véri, abbé de. Journal... Deux volumes. Paris, 1928. (Publ. par J. de Witte.)

Weber J. Mémoires... Trois volumes. Londres, 1804—1809.

«Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française». Sept volumes. Londres, 1774—1776. (Par Pidansat de Mairobert et Mouffle d'Angerville.)

«Nouvelles à la main de la fin du règne de Louis XV». Paris, 1898. (Publ. par le vicomte de Grouchy.)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Людовик XVI

Capefigue G. B. Louis XVI, son administration et ses relations diplomatiques avec l'Europe. Quatre volumes. Paris, 1844.
Jobez A. La France sous Louis XVI. Six volumes. Paris, 1877—1893.
Larcy R. de. Louis XVI et Turgot. Paris, 1866.
Maricourt A. de. Louis XVI et Malesherbes. — «Revue hebdomadaire», 1903, t. XII, p. 257—270.
Proyart, abbé. Louis XVI détrôné avant d'être roi... Hambourg, 1800.
Idem. Louis XVI et ses vertus aux prises avec la perversité de son siècle... Cinq volumes. Paris, 1808.
Renée A. Louis XVI et sa cour. Paris, 1858.
Ségur Mis de. Au couchant de la monarchie: Louis XVI et Turgot. Paris, 1910.
Semichon E. Les Réformes sous Louis XVI. Assemblées provinciales et parlementaires. Paris, 1876.
Tocqueville A., de. Coup d'œil sur le règne de Louis XVI. Paris, 1850.

Мария Антуанетта

Almeras H. d'. Marie-Antoinette... les amoureux de la reine. Paris, 1907.
Armaillé, comtesse de. Marie-Thérèse et Marie-Antoinette. Paris, 1870.
Fleischmann H. Les maîtresses de Marie-Antoinette. Paris, 1910.
Imbert de Saint-Amand A.-L. La Cour de Marie-Antoinette. Paris, 1887.
Nolhac P. de. Le Trianon de Marie-Antoinette. Paris, 1914.
Nolhac P. de. Marie-Antoinette à Versailles. Paris, 1932.
Walter G. Marie-Antoinette. Paris, 1948.
[О 1774—1776 гг. см. третью часть книги.]
Welvert E. Marie-Antoinette et Mme Du Barry.—"Feuilles d'histoire du XVIIe au XX-e siècle", 1910, t. III, p. 489—496.

Тюрго

Его сочинения

Œuvres de Turgot et documents le concernant, avec biographie et notes: Cinq volumes. Paris, 1913—1923. [Publ. par G. Schelle. T. I.: La vie de Turgot et ses écrits jusqu'en 1761. T. II: Turgot intendant de Limoges et ses écrits de la période 1761—1767. T. III: Turgot intendant de Limoge et ses écrits de la période 1768—1774. T. IV: Turgot ministre et ses écrits de la période 1774—1775. T. V: Turgot ministre; ses dernières années et ses écrits de la période 1775—1781. Index général.]

Общие исследования о Тюрго
(указаны в хронологической последовательности)

Du Pont de Nemours P. S. Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot. Philadelphie, 1782.
Condorcet J.-A.-N., marquis de. La Vie de Turgot. Londres, 1786.
Mastier A. Turgot, sa vie et sa doctrine. Paris, 1862.
Tissot J. Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages. Paris, 1862.

Foncin E. Essai sur le ministère de Turgot. Paris, 1877.
Say L. Turgot. Paris, 1887.
Stephen W. W. The life and writings of Turgot. London, 1895.
Schelle G. Turgot. Paris, 1909. [Биографическое исследование, написанное издателем «Полного собрания сочинений» Тюрго.]
Dakin D. Turgot and the Ancien Régime in France. London, 1939. [Лучшая работа о Тюрго, появившаяся в XX в.]
Allengry F. Turgot, 1727—1781, homme privé, homme d'État. Paris, 1942.
Jolly P. Turgot. Paris, 1944.
Gignoux C. J. Turgot. Paris, 1945.

Специальные исследования о Тюрго

Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1884.
Angelesco D. Après l'expérience de Law: la lettre de Turgot sur le papier-monnaie. Paris, 1928. (Thèse de doctorat.)
Batbie A. Turgot philosophe, économiste et administrateur. Paris, 1861. [Серьезная работа, но ныне уже устарела.]
Bonnefon P. Turgot et Devaines, d'après les lettres inédites.—"Révue d'hist. litt. de France", 1901, t. VIII, p. 577—621.
Bouchot A. Éloge de Turgot. Paris, 1846. (Présenté à l'Académie Française.)
Cadet F. Turgot. Paris, 1873. [Краткая биография.]
Carré H. Turgot et le rappel des parlements—"Révolution française", 1902.
Chevalier M. Turgot et la liberté du travail. Paris, 1873.
Coyecque E. La Maison mortuaire de Turgot.—"Bulletin de la Société de l'hist. de Paris et de l'Ile-de-France", t. XXVI, 1899.
Daire E. Notice historique sur la vie et les ouvrages de Turgot. Paris, 1844.
[Extr. de l'édition des "Œuvres de Turgot" publ. par la librairie Guillaumain.]
Dareste A. C. Éloge de Turgot. Paris, 1846. (Présenté à l'Académie Française.)
Dubois de l'Estang E. Turgot et la famille royale. Paris, 1894.
Depuy L. Éloge historique de M. Turgot. Paris, 1782.
[Это сочинение было зачитано на публичном заседании Академии надписей и изящной словесности.]
Ellwood Charles A. Turgot; une philosophie sociale méconnue du XVIIIe siècle.
[Extr. de la "Révue internationale de sociologie", 1935, t. XLIII, p. 113—122.]
Feilbogen S. Smith und Turgot. Vienne, 1892.
Fengler O. Die Wirtschaftspolitik Turgots und seiner Zeitgenossen im Lichte der Wirtschaft des Ancien Régime. Leipzig, 1912.
Ferry F. de. Les Idées de l'œuvre de Turgot en matière de droit public. Paris, 1911. (Thèse de doctorat.)
Foucaut G. Turgot et la liberté du travail. Paris, 1901. (Thèse de doctorat.)
Gerlier F. Voltaire, Turgot et les franchises du pays de Gex. Genève, 1883.
Glagau H. Turgots Sturz.—"Hist. Zeitschrift", 1906, t. 97, p. 473—537.
Grange H. Turgot et Necker devant le problème des salaires.—"Ann. hist. de la Rév. française", 1957, t. XXIX, p. 19—33.
Grellier-Pougeard R. L'intendance de Turgot en Limousin. Poitiers, 1905.

Guérin U. Les docteurs de l'économie politique, Turgot.—"Revue du Monde catholique", 1899, 7e série, t. I, p. 462—476.
Henri C. Correspondance inédite de Condorcet et de Turgot. Paris, 1882.
Hughes G. d'. Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges. Paris, 1859.
Hutter J. P. Turgot, Franklin et les Insurgents.—"Revue d'hist. moderne", 1927, t. II, p. 56—58.
Lafarge R. L'Agriculture en Limousin au XVIIIe siècle et l'intendance de Turgot. Paris, 1902. (Thèse de doctorat.)
Lafont J. Les idées économiques de Turgot. Bordeaux, 1912. (Thèse de doctorat.)
Lavigerie R. de. Généalogie de la famille Turgot.—"Bull. de la Soc. hist. et arch. de l'Orne", 1929, t. XLVIII, p. 65—124, pl.
Marion M. Turgot et les grandes remontrances de la Cour des aides. — "Vierteljahrschrift für Soz. und Wirtschaftsgesch.", 1903, p. 303—313.
Martin P. Les idées de Turgot sur la décentralisation administrative. Paris, 1917. (Thèse de doctorat.)
Misch G. Zur Entstehung des französischen Positivismus... I. Die philosophische Begründung des Positivismus in den Schriften von Turgot. Berlin, 1900.
Monjean M. Notice sur la vie et les ouvrages de Turgot. Paris, 1844. [Extr. du "Journal des Économiste".]
Moule L. et Raillet A. Turgot et L'École vétérinaire de Limoges. Paris, 1902.
[Extr. du "Recueil de médecine vétérinaire", 1902.]
Nio J. Turgot et la liberté du commerce. Bordeaux, 1928. (Thèse de doctorat.)
Nourrisson G. F. Trois révolutionnaires: Turgot, Necker, Bailly. Paris, 1885.
Oppenheimer F. et Karmin O. Les idées de Turgot sur l'origine de l'inégalité économique.—"Revue hist. de la Révolution", 1911, t. II, p. 28—35
Renan Ernest. Turgot.—"Revue de Paris", 1901, t. IV, p. 1—11.
Renaud G. Les Martyrs de l'économie politique: Vauban et Turgot. Paris, 1870.
Riaux F. Turgot philosophe.—"Dictionnaire des Sciences philosophiques", t. VI, p. 913—929.
Schelle G. Turgot et le pacte de famine.—"Comptes rendus de l'Académie de Sciences, mor. et pol.", 1910, t. 174, p. 189—217.
See H. La doctrine politique et sociale de Turgot.—"Annales hist. de la Révolution française", 1924, t. I, p. 413—426.
Shepherd R. P. Turgot and the Six Edicts. New York, 1903.
Steinbrecher A. Zur Entstehung von Turgot—Dupont Munizipalitäten-Entwurf .. Marburg, 1910.
Talandier F. Éloge de Turgot. Limoges, 1814.
[Couronné par la Société d'Agriculture de Limoges.]
Tschupp A. Das Theokratische System Turgot und seine Beziehungen zur physiokratischen Doktrin. Chur., 1929. (Thèse de doctorat.)
Vigreux P. B. Le Fondement de la valeur de la monnaie d'après Turgot.—"Revue d'histoire économique et sociale", 1935.
Villey E. Note sur la correspondance de Turgot avec l'intendant de la généralité de Caen.—"Bull. des Sciences économiques et sociales" publ. par le Comité des travaux historiques et scientifiques, 1899.
Waeles L. Turgot als Pädagog. Bonn, 1901. (Thèse de doctorat.)
Wallon H. Correspondance de Turgot... avec la Chambre de commerce de Normandie.
[1774—1775. Sur le commerce des blés.—"Travaux de l'Académie de Rouen", 1900—1901.]
"Apologie de M. Turgot". Londres, 1778. [Работа неизвестного автора.]
"Turgot". Rabat. 1943. [Работа неизвестного автора].

Другие биографические работы

Мадам Аделаида

Stryenski C. Mesdames de France, filles de Louis XV. Paris, 1910.

Барон де Безанваль

Schmid O. Der Baron von Besenval. Zürich, 1913.

Герцог де Шуазель

Maugras G. Le duc et la duchesse de Choiseul, leur vie intime, leurs amis et leur temps. Paris, 1924.

Графиня Дюбарри

Aulneau Y. La comtesse Du Barry et la fin de l'Ancen Régime. Paris, 1937.

Форбоннэ

Veron-Duverger. Étude sur Forbonnais. Paris, 1899.

Госпожа Жоффрен

Aldis G. Mme Geoffrin, her salon and her times, 1750—1777. London, 1906.

Венсан де Гурне

Say L. Vincent de Gournay. Paris, 1897.

Принцесса де Ламбаль

Cabanes Dr. La Princesse de Lamballe intime. Paris, 1922.

Мальзерб

Allison John P. Lamoignon de Malesherbes, defender and reformer of the French Monarchy. New York, 1938.
Boissy d'Anglas F.-A. de. Essai sur la vie, les écrits et les opinions de M de Malesherbes. Trois volumes. Paris, 1819—1821.
Gaillard M. Vie ou Éloge historique de M. de Malesherbes. Paris, 1805.

Герцог де Лозен

Maugras G. La fin d'une société: Le duc de Lauzun et la cour intime de Louis XV. Paris, 1924.

Жюли де Леспинас

Ségur, comte de. Julie de Lespinasse. Deux volumes. Paris, 1931.

Mony

Maupeou J. de. Le Chancelier Maupeou. Paris, 1942.

Мерси-Аржанто

Pimodan, comte de. Le comte F.-C. de Mercy-Argenteau. Paris, 1911.

Неккер

Chapuisat Ed. Necker. Paris, 1938.
Lavaquery E. Necker fourrier de la Révolution. Paris, 1938.

Графиня де Полиньяк

Fleischmann H. Madame de Polignac et la cour galante de Marie-Antoinette. Paris, 1910.

Граф де Сен-Жермен

Mention L. Le comte de Saint-Germain et ses réformes, 1775—1777. Paris, 1889.

Трюден

Andrieux Ch. Trudaine, sa vie, son œuvre, ses idées. Clermont-Ferrand, 1922.

Аббат де Вери

Witte J. de. L'abbé de Véri et son journal.—"Revue d'hist. dipl.", 1925, t. XXXIX, p. 131—167, 263—301.
Idem. Un prélat du XVIIIe siècle: l'abbé de Véri.—"Revue des Deux Mondes", 1924, 7e pér., t. XXIII, p. 117—129.

Аббат де Вермон

Welvert E. L'Eminence grise de Marie-Antoinette.—"Revue hist. de Versailles", 1921, p. 129—142, 227—240.

Зерновая проблема

Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892.
Afanassiev G. Le Pacte de famine.—"Comptes rendus de l'Acad. des Sc. morales et politiques", nov.—déc., 1890.
Biollay L. Le Pacte de famine. Paris, 1885.
Bloch C. Le Commerce des grains dans la généralité d'Orléans. Paris, 1898.
Bord G. Le Pacte de famine. Paris, 1887.
Cahen L. L'approvisionnement en pain de Paris au XVIIIe siècle et la question de la boulangerie.—"Revue d'histoire écon. et soc.", 1926, t. XIV, p. 458—472.
Idem. Le Pacte de famine et la spéculation sur les blés.—"Revue hist.", 1926, t. CLII.
Caraman P. La Disette des grains et les émeutes populaires en 1773 dans la généralité de Bordeaux.—"Revue hist. de Bordeaux", 1910.
Carré A. Necker et la question des grains à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1903.
Chambon E. L. Émeute populaire à Laval relativement à la cherté des grains.
[1725—1726. "La Province du Maine", 1902, t. X, p. 226—234.]
Desmarets Ch. Le Commerce des grains dans la généralité de Rouen à la fin de l'Ancien Régime. Paris, 1926. (Thèse de doctorat.)

Gaudemet E. L'abbé Galiani et la question du commerce des blés à la fin du règne de Louis XV. Paris, 1899.
Gignoux C. J. L'abbé Galiani et la querelle des grains au XVIIIe siècle.—"Revue d'hist. économique et sociale", 1922, t. X, p. 17—37.
Girard R. L'abbé Terray et la liberté du commerce des grains.—"Bibliothéque de la Faculté des Lettres de l'Université de Paris", série 2, № 3, 1924.
Gomont. La Guerre des Farines.—"Journal des économistes", t. X. 1845.
Lefevre P. Le Commerce des grains et la question du pain à Lille de 1713 à 1789. Lille, 1925, p. 223.
Люблинский В. С. Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже.—«Вопросы истории», № 11, 1955.
Люблинский В. С. Вольтер и «Мучная война».—Сб. ст. «В память акад. Е. В. Тарле». М., 1957.
Musart Ch. La Réglementation du commerce des grains en France au XVIIIe siècle. La théorie de Delamare. Paris, 1921. (Thèse de doctorat.)
Pfister Ch. Le magasin de blé à Nancy et la révolte de 1771.—"Bull. de la Soc. d'Arch. Lorraine", 1906.
Rudé G. La Taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne.—"Annales hist. de la Rév. fr.", 1956, t. XXVIII.

Экономические проблемы

Сочинения экономистов — современников Тюрго

Abeille L. P. Premiers opuscules sur le commerce des grains. 1763—1769. Paris, 1911.
[Publ. par E. Depitre à la suite de l'ouvrage de Dupont de Nemours "De l'exportation et de l'importation des grains."]
Baudeau Nicolas. Première introduction à la philosophie économique ou Analyse des États policés (1767). Paris, 1910. Publ. par A. Dubois.
Idem. Avis au peuple sur l'impôt forcé qui se percevait dans les halles marchés sur tous les blés et toutes le farines. Paris, 1774.
Dupont de Nemours P. S. De l'exportation et de l'importation des grains, 1764. Paris, 1911. Publ. par E. Depitre.
Idem. De l'origine et des progrès d'une science nouvelle, 1768. Paris, 1910. Publ. par A. Dubois.
Graslin J.-J. Louis. Essai analytique sur la richesse et sur l'impôt. 1767. Paris, 1911. Publ. par. A. Dubois.
Herbert Cl.-J. Essai sur la police générale des grains, sur leurs prix et sur les effets de l'agriculture (1775). Avec un "Supplément" par J.-G. Montaudouin de la Touche, 1757. Paris 1910. Publ. par E. Depitre.
Le Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques, 1767. Paris, 1910. Publ. par E. Depitre.

Теоретические работы

Caillaud E. Les Idées économiques de Condorcet. Poitiers, 1908.
Fournier de Flaix E. Montesquieu économiste et financier.—"Journal des Économistes", 1903, t. 55, p. 161—177.
Gascheau M. Les Idées économiques chez les auteurs philosophes du XVIIIe siècle. Paris, 1903. (Руссо, Мабли, Морелли, Рейналь).
Kraus B. Das Oekonomische Denken Neckers. Wien, 1925.
La Serve P. de. Mably et les physiocrates. Poitiers, 1911.
Lebeau A. Condillac économiste. Paris, 1903.
Mazure A. Les Idées de l'abbé Morellet. Paris, 1910.
Proteau P. Etude sur Morellet considére comme auxiliaire de l'École physiocratique et examen de ses principaux ouvrages économiques. Laval, 1910.

Secrestat-Escande G. Les Idées économiques de Vincent de Gournay. Bordeaux, 1911.
Sauvaire-Jourdan. Isaac de Bacalan et les idéés libre-échangistes en France vers le milieu du XVIIIe siècle.—"Revue d'Économie politique", 1903, p. 589—615, 698—708.
Schelle G. Dupont de Nemours et l'école physiocratique. Paris, 1888.
Truchy H. Le Libéralisme économique dans les OEuvres de Quesnay.—"Revue d'Économie politique", 1899, t. XIII, p. 925—959 .
Vacher de Lapouze Cl. Necker économiste. Paris, 1914.
Weulersse G. Le Mouvement physiocratique en France. 1756—1770. Deux volumes. Paris, 1910.
Idem. La Physiocratie à la fin du règne de Louis XV, 1770—1774. Paris, 1959.
Idem. La Physiocratie sous les ministères de Turgot et de Necker. Paris, 1950.

Парламентский кризис

Carré M. La fin des parlements. Paris, 1912.
Flammermont J. Le Chancelier Maupeou et les parlements. Paris, 1883.
Glasson E. Le Parlement de Paris sous Louis XVI.—"Revue parlementaire", 1900, t. XXIV—XXVI.

Указатель имен

Аванзага, маркиза д' , мать интенданта Амело де Шайу 502
Авенель, виконт д' , экономист 210
Агессо Жан Батист д' , государственный советник, сын канцлера Франции 157
Аделаида, Мадам, тетка Людовика XVI 29, 35, 37, 42, 47, 79, 477
Алатерр, генеральный откупщик 189
Алигр, маркиз д' , первый президент Парижского парламента 154, 156, 158, 289, 446, 451, 460, 514
Альбер, доверенное лицо Тюрго, сначала занимался вопросами продовольственного снабжения, в 1775 г., после отставки Ленуара, стал генерал-лейтенантом полиции 89, 90, 237, 250, 281, 284, 311, 314, 315, 378, 422, 423, 437, 440—442, 453, 465, 513
Альбер, г-жа, жена предыдущего 526
Амекур, советник парламента 473, 501
Амело де Шайу, интендант финансов 82, 89, 502, 505, 506, 515, 516, 520, 522, 534
Анвиль, герцогиня д' , вторая дочь герцога Александра де Ларошфуко, вдова герцога д'Анвиля, убитого в 1740 г. во время военной кампании против англичан 49, 77, 80, 99, 101, 145, 178, 215, 335, 368, 473, 474, 515, 526—528
Андло, г-жа д' , тетка графини де Полиньяк 477
Анживилье де Ла Бийардери, суперинтендант королевских построек 98—100, 413, 492, 520, 521
Анкр Леонора д' , жена маршала д'Анкра, *приближенная* Марии Медичи, сожжена на Гревской площади 8 июля 1617 г. 142
Антом, генеральный сборщик налогов принца Конде 314
Аранда, граф д' , испанский посол во Франции 52, 479, 481, 483
Ардашев П. Н. 7
Арди Симон Проспер 261, 273, 277, 293—295, 302, 303, 307, 310, 318, 320, 321, 458, 465, 495, 501, 510—513, 522, 523
Аржансон Рене Луи Вуайе, маркиз д' , министр иностранных дел при Людовике XV 227
Аржанталь Шарль Огюст, граф д' , советник Парижского парламента, друг Вольтера 468

Аристид, афинский государственный и военный деятель 202
Аркур, герцог д' , генерал-губернатор провинции Нормандия 165
Артуа, граф д' , младший брат Людовика XVI 158, 200, 204, 295, 348, 402, 460, 465
Артуа, графиня д' , жена предыдущего 396
Атеньян, шансонье 403
Ато, подмастерье парикмахера, арестованный в мае 1775 г. за ведение подрывных разговоров 314
Афанасьев Г. Е. 5, 10, 12, 161, 226, 233, 243, 257, 267, 308, 425
Аффри, полковник швейцарских гвардейцев 270

Баденский маркграф (Карл Фридрих), вел переписку с Дюпон де Немуром 265, 306, 315
Бадран, форейтор г-на де Монрабона, участник майских волнений 1775 г. 314
Байи, нотариус в Бомоне, временно исполнявший обязанности генерал-лейтенанта полиции во время «Мучной войны» 265—267, 302, 314, 316
Баллеруа Шарль Огюст де ла Кур, граф де, генерал-лейтенант королевской армии 351
Барантен Шарль Луи де, заместитель прокурора Парижского парламента, первый президент Высшего податного суда 465, 466
Барантон, генерал-лейтенант полиции в Понтуазе во время «Мучной войны» 268
Барбэ, начальник отделения генерального контроля финансов 83, 87
Барбье, библиограф 473
Батай де Франсе-Давиль, посол в Англии, друг Тюрго 100
Башомон Луи Пети де, автор «Mémoires secrets» 88, 105, 106, 108, 109, 127, 260, 335, 347, 366, 401, 420, 421, 452, 460, 464, 473, 474, 512
Безанваль Пьер Виктор, барон де, полковник швейцарской гвардии 30, 38, 39, 48, 59, 65, 66, 68, 69, 102, 104, 136—138, 198, 338—342, 348—355, 358—362, 382, 392, 400, 401, 414, 459
Беллар, хлеботорговец 312
Бельбёф, генеральный прокурор Руанского парламента 287
Бель-Иль, маршал де 59, 87, 149, 405
Бёмер, ювелир Марии Антуанетты 341
Бераль, адвокат в Овилларе, был выслан за неблаговидные речи 130
Берго Дени, отвечал за техническое управление государственными почтовыми перевозками 364
Берго Жан Батист, руководитель государственного управления производством пороха и селитры 126
Бернар, генеральный инспектор почт прусского короля 364, 365
Берни Франсуа Иоахим де Пьер, кардинал де, поэт, посол Франции в Венеции и Риме 36
Бернье, аббат, псевдоним барона Гольбаха. «Карманное богословие» было впервые опубликовано в 1768 г. 452
Бертен Анри, генеральный контролер финансов в 1759 г. После отставки герцога д'Эгийона в 1774 г. временно исполнял обязанности министра иностранных дел 30, 55, 56, 84, 121, 122, 129, 130, 226, 243, 365, 388, 457, 458, 501, 519, 520, 523
Берто Жан, администратор управления доменами 113
Бертье де Совиньи Луи Бенинь, интендант Парижского генеральства, был убит 22 июля 1789 г. 91, 124, 423
Бертье де Совиньи Луи Жан, отец предыдущего, первый президент парламента Мопу в 1771 г. 91
Бетман, консул в Бордо 251
Биго де Сент-Круа, президент палаты прошений Руанского парламента, автор «Essai sur la liberté du commerce et de l'industrie», умер в возрасте 30 лет 436, 440, 441, 443, 444, 449
Биоллэ Л., историк, писал о «пакте голодовки» 237, 425
Бирон, маршал де, командовал войсками, которым было доверено подавление майских волнений 1775 г. 152, 273, 277, 279, 282—284, 335

Блезон, налоговый прокурор в Вильмомбле, руководитель группы мятежников 299, 314
Бло, аббат, кюре Ондевилье-ан-Бри, замешанный в майских волнениях 1775 г. 312
Блонд, адвокат, автор пасквиля, направленного против де Вэна и Тюрго 377
Блондель, представитель Франции в Англии, сын приятельницы Тюрго 357, 401
Блондель, г-жа, мать предудущего, дочь генерального сборщика налогов в Суассоне 99—101, 401, 474, 515, 524, 526, 528
Бове, княгиня де 86
Бово, капитан гвардии короля 271, 272
Бодо Никола, аббат, сначала противник, а затем сторонник доктрины Кене, руководил журналом «Эфемериды» 50, 87, 88, 91, 97, 98, 101, 105, 106, 192, 227, 260, 281, 316, 369, 430, 469, 470, 473, 489
Бодуэн де Гемадёк, докладчик в Государственном совете 99
Бомарше Пьер Огюст Карон де 65, 102, 344, 376, 449, 482
Бомон, комиссар 319
Бон, аббат, наставник детей герцога Шольна 40
Бониоль Антуан, ветеринар, автор работы по эпизоотии 129
Бонсерф Пьер Франсуа, чиновник генерального контроля, автор брошюры «О неудобствах феодальных прав» 18, 453, 454, 494, 501
Бор Гюстав, историк, занимался «пактом голодовки» 422, 425
Бордье, житель Руана, замешанный в майских волнениях 1775 г. 315
Боссан дю Биньон, королевский нотариус в Ла Сюзе 211, 216
Боссю Шарль, аббат, математик, член Академии наук 93, 109, 110
Бостар, член финансового совета, возглавляемого Морепа, после падения Тюрго 523
Бретёй Луи Огюст, барон де, выполнял секретные дипломатические поручения Людовика XV 45, 46, 54, 400
Брионн, графиня де, урожденная Роган-Рошфор 263
Брольи Шарль Франсуа, граф де, младший брат маршала 400
Броше де Сен-Пре, интендант торговли, занимался продовольственным снабжением при Террэ 83, 90, 230, 237
Броэ, начальник отделения денеж канцелярии генерального контролера 83, 87
Буабедёй, субделегат в Лиможе 257
Буажелен де Кюсе, архиепископ Экский 357, 506
Буажелен, графиня де, жена французского представителя в Парме 351
Буайе, интендант французского посла в Англии де Гина 346
Буан Буржуа де, морской министр до Тюрго 30, 48—50, 78, 144, 203
Буасси д'Англа Франсуа Антуан, будущий член Конвента, биограф Мальзерба 355
Буато, автор книги «Французское государство в 1789 г.» 170
Букарель, секретарь генерального контролера Клюньи 511
Була де Кэнси, докладчик в Государственном совете, коллега Тюрго 83
Була де Марёй, товарищ прокурора в Высшем податном суде 466
Булонь, один из шести интендантов финансов, подчиненных генеральному контролеру 82, 84, 88
Бурбон, мадемуазель де, суперинтендант (министр) двора королевы Марии Лещинской 397
Бурбулон, казначей графини д'Артуа 396
Буре, генеральный откупщик 188
Буретт, урожденная Торкебьо, замешана в майских волнениях 1775 г. 313
Буржела, ветеринар 130
Буржуа, книготорговец 376, 377
Бутей, полицейский офицер, жертва народной манифестации 26 августа 1774 г. 151
Бутэн, один из шести интендантов финансов, подчиненных генеральному контролеру 88, 89
Бюффон Жорж Луи Леклерк, граф де 109, 356, 444

Валикур, мятежник 152
Вальрош, откупщик 312, 376
Ван-Дейк Антуан, художник 507

Вассёр, хлеботорговец из Гранвилье 318
Вебер, сын кормилицы Марии Антуанетты, автор мемуаров 307, 309
Вёлерс, историк 436
Венфре, лейтенант жандармерии 300
Верден, генеральный откупщик 194
Верженн Шарль Гравье, граф де, министр иностранных дел 45—47, 49, 54, 61, 64, 67, 150, 151, 153, 160, 183, 185, 221, 342, 347, 402, 416, 417, 426, 427, 457, 474, 478, 479, 481—484, 486—488, 517, 519, 537
Вери Жозеф Альфонс, аббат де, друг Тюрго, учился вместе с ним в Сорбонне 21, 23, 26—28, 30, 32, 36, 38, 40, 41, 43, 46, 49, 52—54, 56, 59—61, 63, 64, 67, 71, 73, 75, 78, 80, 95, 100, 101, 117, 121, 131, 141, 150, 153, 154, 156, 159, 163, 164, 166, 174—176, 180, 183, 184, 186, 187, 189—191, 195, 197—200, 205, 206, 226, 227, 233—235, 255, 265, 272—274, 276—279, 282, 285—287, 306, 310, 316, 318, 336, 338—340, 350, 351, 353, 355, 357—361, 363, 368, 369, 375, 378, 394, 395, 398, 401—403, 410, 413, 416, 417, 441, 446, 448, 453, 457, 464, 469, 471, 475, 476, 478—488, 490, 491, 495, 496, 501, 503—505, 507, 508, 510, 515, 516, 521, 523, 525, 534, 535
Вермон, аббат де, «серое преосвященство» Марии Антуанетты, ее наставник 53—57, 180, 198, 204, 344, 355, 358, 361, 362, 397, 486—488, 518, 519, 521
Вибрэ, маркиз де 454, 494
Вигрё, экономист 71
Вик де Л'Иль Ж. Б., предполагаемый автор «Тюрготинского пророчества» 473
Викк-д'Азир, врач 129
Виктория, Мадам, дочь Людовика XV 29, 35, 36, 42, 197, 204, 395
Вилье, начальник отделения генерального контроля 83, 87
Вилье дю Терраж, брат предыдущего, его помощник 87
Вильруа, герцог де, губернатор провинции Лионнэ 512
Виргилий (Вергилий), знаменитый римский поэт 526
Вири, граф де, французский посол в Пьемонте 397
Вирлево, один из пяти интендантов торговли, подчиненных генеральному контролеру 83, 90
Во, граф де, командовал войсками, подавлявшими в мае 1775 г. волнения на Нижней Сене 284, 400
Вогюэ, маркиз де, внук Машо 37
Вогюэ, аббат де, инициатор созыва ассамблеи духовенства 393
Вольтер Франсуа Мари Аруэ 9—12, 15, 16, 47, 49, 50, 101, 142, 191, 215, 228, 255, 260, 289, 306, 310 313, 366, 381—384, 389, 395, 404, 446, 448, 451, 453, 454, 462, 468, 471, 473, 518
Вэн Жан де, управляющий доменами в Лиможе, первый помощник Тюрго в министерстве финансов 11, 84—86, 95, 133, 186, 375—377, 382, 448, 452, 454, 471, 510, 511

Гайар М., историк 357
Гален, знаменитый врач античности 378
Галиани Фердинандо, итальянский буржуазный экономист и философ 5, 10, 97, 171, 216, 218, 221, 244, 307, 426, 487
Гемене Мария Луиза де ла Тур-д'Овернь, принцесса де Роган, жена принца де Роган-Гемене 485, 486, 518
Генрих III, король Франции 462, 507
Генрих IV, король Франции 205, 228, 336, 383, 454, 464, 530
Гийо, прево Вильмомбля 299
Гийом, см Мальзерб
Гибер Ипполит, граф де, военный тактик и драматург 396, 474
Гин Адриан Луи де Бонньер, граф, затем герцог де, посол Франции в Берлине, а затем в Лондоне 341, 342, 345—348, 351, 361, 368, 477—486, 506, 515—518, 520—522, 527, 534, 536
Гланьер Ришар де, автор «плана экономического налогообложения и управления финансами» 104—107
Глюк Кристоф, немецкий композитор 205
Голль Шарль де 12, 13, 18, 19, 46, 200, 530

Гомель Ш., историк 308
Гораций Флакк, Квинт, римский поэт 527
Готье Юг, врач короля 93
Грален, советник Парижского парламента во времена Фронды 142
Гранд, амстердамский банкир 417
Гранжан де Фуши, непременный секретарь Академии наук 109
Гримо де Ла Реньер, генеральный откупщик 188
Гурне Венсан де, физиократ 436
Густав III, король Швеции 183, 449, 471

Давид Лоран, финансист, подписал договор, заключенный аббатом Террэ 1 января 1774 г. 80, 111, 188, 192
Д'Аламбер Жан Лерон, философ и математик, работал вместе с Дидро над созданием «Энциклопедии» 8, 101, 109, 376, 382
Дебонер, советник парламента 154
Дебре Мишель, политический деятель 200
Декарт Рене 41
Декарт, женщина, арестованная в связи с волнениями в Бомоне в мае 1775 г. 313, 319, 324
Декен (Dakin), английский биограф Тюрго 308, 471
Делакруа Жан Венсан, адвокат и литератор 444, 451, 452, 464, 514
Деламар Никола де Ламар, комиссар при парижском суде Шатле 22
Деларю (Де Ла Рю), капеллан дома призрения в Гарансьер-ан-Друэ, был замешан в майских волнениях 1775 г. 304, 312
Делепин (де Л'Эпин), каменщик-кабатчик, замешанный в волнениях 1775 г. 298
Делиль, псевдоним Клико де Блерваша, см. это имя
Дельпеш, переписчик при после де Гине 346
Демонтион, генерал-лейтенант в Бомоне 267, 268, 328
Депорт Жан Дени, парикмахер, был повешен за участие в волнениях во время «Мучной войны» 293, 294, 324
Дерив Жан, участник майских волнений 1775 г. 295, 324
Дерив Игнас, водонос, участник майских волнений 1775 г. 295, 324
Деромон, прокурор 250
Детуш, начальник отделения генерального контроля финансов 83, 86
Дидро Дени 85, 447, 449
Доазан, врач, первый синдик Бордо 129
Довернь, бальи, автор доклада о волнениях в Бри в мае 1775 г. 302
Дора Мишель де Кюбьер-Пальмезо, литератор 152
Друэ де Сантер, казначей графини д'Артуа 396
Думерк, один из купцов, занимавшихся торговыми операциями с хлебом за счет государства 230, 231, 233, 234, 236—238, 259, 315
Дурдан, аббат, был замешан в майских волнениях 1775 г. 312
Дюамель, генеральный инспектор арсеналов 109
Дюбарри Жанна, графиня, фаворитка Людовика XV 9, 30—32, 42, 45, 154, 178, 193, 201, 203, 235, 343, 350, 351, 475, 507
Дюбуа, адъютант графа Сен-Жермена, начальник стражи 401
Дюбуа, аббат, брат предыдущего 402
Дюбуа, участник майских волнений 1775 г. в Мелёне 314
Дюбуа де л'Эстан, историк 287, 471, 477, 504, 507
Дюбю де Лоншан, начальник кассы погашения долгов 186, 375
Дюваль д'Эпремениль, советник Парижского парламента 448, 461
Дюдефан Мари де Виши Шамбор, маркиза 49, 90, 101, 307, 365, 484, 486
Дю Крок де ла Кур, секретарь Д'Аламбера 376
Дюмон Алексис, финансист, подписал договор, заключенный Террэ 16 июня 1772 г. 126
Дюморту, адвокат 299, 300
Дю Мюи, граф де, военный министр 46, 95, 121, 130, 150, 155, 160, 194—197, 205, 225, 270, 283, 320, 361, 400, 401, 403, 405, 411
Дюплекс, интендант Дижонского генеральства, назначенный Тюрго 252
Дюпон де Немур Пьер Самюель, экономист, друг Тюрго 15, 69, 74, 91, 92, 96—98, 109, 116, 122, 125, 127, 133, 144, 160, 182, 183, 186,

187, 189, 193—195, 216, 217, 236, 265, 279, 291, 292, 306, 315, 317, 318, 320, 322, 323, 335—339, 367, 368, 370—374, 379, 382, 389, 391, 410, 411, 416—418, 422, 434, 436, 478, 490—493, 499, 521, 526—528, 535, 537, 539
Дюран, подмастерье переплетчика, замешанный в майских волнениях 1775 г. 275
Дюпюи, начальник отделения по делам рент генерального контроля финансов 83, 87
Дю Тийе, епископ Оранжский 454
Дюто, адвокат, автор «Размышлений о мастерах-портных» 452
Дюфран, нотариус, секретарь палаты Парижского парламента 465
Дюфрен, налоговый прокурор и первый эшевен в Бри-Конт-Робере 300, 301
Дюшен, магистрат в Блуа 249, 250

Екатерина II, российская императрица 32
Елизавета, Мадам, сестра Людовика XVI 197, 200

Жавен, бальи Аржантея 272, 328
Жанти, коммерсант в Дижоне 253
Жарден, булочник в Париже, ограбленный во время майских волнений 1775 г. 293
Жени де Брошо, финансист, заключенный в Бастилию 77
Жервез де Латуш Жан Шарль, литератор 289, 477
Жеронт, герой комедии Мольера «Проделки Скапена» 487
Живрак, г-жа де 404
Жирар, автор исследования, посвященного аббату Террэ 235
Жирар де Межан, генеральный откупщик 377
Жирардо 459
Жиро, экономист 251, 252, 254, 257
Жироду, писатель 349
Жобез А., историк 160, 205, 308, 425, 478
Жоли де Флёри Омер, генеральный прокурор Парижского парламента 154, 155, 176, 249, 266, 272, 308, 318, 327, 432, 439, 440, 451, 523
Жоливе Никола, поставщик музыкальных инструментов двора ее величества, замешанный в майских волнениях 1775 г. 314
Жоржель, аббат, бывший иезуит, поверенный в делах Франции при Венском дворе, затем старший викарий епископства Страсбургского при кардинале Рогане, был замешан в «деле с ожерельем королевы» 160, 270, 402, 475
Жоффрен Мария Тереза, урожденная Роде, покровительница писателей и философов 101
Жуфруа, аббат, кюре из Сероля, замешанный в майских волнениях 1775 г. 312, 322
Журне, интендант объединенных финансовых округов Ош и Байонна 91, 128, 131, 132
Жюльен, интендант Алансона 235, 236

Иосиф II, австрийский государь, старший брат Марии Антуанетты 66, 334, 341, 347, 352, 512, 527

Каде де Санневиль, королевский цензор 258
Кадиньян, барон де 132
Кайоль, столяр, замешанный в майских волнениях 1775 г. 270
Калонн Шарль Александр де, интендант генеральства Мец 91, 167, 168, 182, 371
Кампан Жанна Луиза, г-жа, первая камеристка Марии Антуанетты 26, 36, 198, 361, 397, 507
Кандрэ, коммерсант 314
Канте, участник майских волнений 1775 г., заключенный в Бастилию 311
Кариньянский, принц, отец г-жи де Ламбаль 204
Карл I, король Англии 11, 507
Карл VII, король Франции 142, 452
Карл IX, король Франции 507
Каролина, королева Дании 405
Карре, участник «Мучной войны», приговоренный к повешению и помилованный 295
Карре, владелец мельницы у реки Урк 254, 321
Кастри, маркиз де, маршал Франции 354, 361, 400
Катресу, советник Парижского парламента во времена Фронды 142
Катромм, советник Парижского парламента во времена Фронды 142
Кауниц Венцель Антон, князь фон, канцлер 32, 54
Кенель, ораторианец 383
Клавьер Этьенн, банкир, министр государственных налогов во время Революции 176, 371
Клико де Блерваш, экономист, предполагаемый автор «Шинки, кохинхинская история»; автором этого произведения считают также Куайе 435, 436
Климент XI, папа римский 383
Клоттен, негоциант 258
Клотильда, Мадам, сестра Людовика XVI 200, 204, 388, 396
Клюньи де, интендант Перпиньяна и Руссильона, затем генеральный контролер финансов 48, 131, 380, 502, 511, 515, 523, 524.
Козер Жан, мясник в окрестностях Бреста, проживший более 100 лет 382
Кокеле де Шоспьер Шарль Жорж, адвокат, поэт, издатель сборника королевских эдиктов в одиннадцати томах 453
Кокеро Жан Батист, адвокат, издатель мемуаров аббата Террэ 176, 179
Кольбер Жан Батист, министр Людовика XIV 166, 214, 215, 227, 244, 383, 455, 464
Ком Жан, знаменитый хирург 197
Конде, принц, губернатор Бургундии 119, 185, 314
Кондорсе Антуан Никола, маркиз де, философ и математик 6, 10, 15, 51, 86, 90—96, 98, 99, 102, 108—110, 117, 118, 162, 164, 260, 261, 336, 366—368, 370, 374, 377, 420, 432, 433, 435, 443, 447, 448, 451, 452, 468, 473, 491, 518, 525, 526
Конти Луи Франсуа де Бурбон, принц де, враг Тюрго 152, 154, 156, 158, 159, 260, 265, 289, 290, 307, 315—317, 348, 432, 447—449, 451, 453, 454, 456, 458, 459, 461, 501
Коорнер, историк 435
Котт, один из пяти интендантов торговли, подчиненных генеральному контролеру 83
Кошен, интендант финансов, смещенный Тюрго 87, 88, 90, 112
Крапар, хлеботорговец 305
Крейц, граф де, шведский посланник 26, 449, 486
Кремий М. де 405
Крепэн, советник Парижского парламента во времена Фронды 142
Кристэн, адвокат в Безансоне, друг Вольтера 366, 453
Кровиль Клеман, участник майских волнений 1775 г. 314
Кромо, интендант-казначей графа Прованского 154, 472, 491
Куайе, аббат, предполагаемый автор «Шинки, кохинхинская история» 436
Куаньи, герцог де, старший шталмейстер короля, близкий друг Марии Антуанетты 205, 303, 361, 485
Кузен, булочник 275
Кук Мэри, английская леди 396
Курбетон Жан Виван Мико де, директор пороховой компании 127, 128
Кюле, советник Парижского парламента во времена Фронды 142

Лааж де Бурне, псевдоним Тюрго 382
Лабалерн (Ла Балерн), начальник стражи 282
Ла Бег де Прель, доктор медицинских наук 130
Лаборд (Ла Борд), придворный банкир 173
Лабрусс Эрнест Камиль, историк 210, 329
Ла Бурдоннэ де, президент палаты парламента 155
Лабурёр, начальник стражи, смещенный во время майских волнений 1775 г. 282
Лаваль, г-жа де, приятельница де Вэна 86
Лаверди (Л'Аверди), генеральный контролер финансов 56, 87, 229, 436, 472
Лависс Эрнест, историк 63, 307
Лаврийер (Ла Врийер), граф де Сен-Флорантен, затем герцог де, министр королевского двора до Мальзерба 30, 39, 44, 49, 60, 61, 64, 95, 161, 206, 282, 293, 296, 320, 334, 351, 353, 354, 393, 400
Лавуазье Антуан Лоран 109, 126, 189, 194, 490, 513
Ла Галезьер, интендант, член комиссии, которой было поручено

наблюдать за продовольственным снабжением 222, 230, 400
Лагарп Жан Франсуа, литератор 382, 395, 448
Лакруа, личный секретарь Тюрго в Лиможе, начальник отделения в генеральном контроле финансов 83, 87, 105, 490, 508, 510, 511
Ла Марш, граф де, сын принца де Конти 154
Ламбаль Мария Тереза Луиза, принцесса де, суперинтендант двора королевы 204, 397—399
Ла Мишодьер, купеческий старшина 230
Ламуаньон Кретьен Франсуа де, президент парламента с 1758 г., выслан в 1772 г. 146, 432, 451
Ланглуа, президент Высшего совета в Руане 315
Ланжюинэ Жан Дени, преподаватель церковного права в Ренне, в дальнейшем депутат Учредительного собрания и Конвента, автор сочинения «Совершенный монарх», прославлявшего Иосифа II 511, 512
Лардийон, каноник 257
Ларош, парижский булочник, пострадавший во время майских волнений 1775 г. 274
Ларошфуко, монсеньор де, кардинал, архиепископ Буржа 40
Ларошфуко, герцог де 400
Ларош-Эмон, монсеньор де, кардинал, архиепископ Реймский 316, 392
Ларси Р. де, историк 507
Ла Салль, изобретатель 388
Латур Морис Кантен де, художник 30
Латур дю Пен, генерал-лейтенант провинции Бургундия 252—255, 279, 285
Ла Ферте-Эмбо, г-жа де, покровительница Кондорсе 93
Лафонтен Жан де, баснописец 355
Лаффит, негоциант из Бур-Сент-Эспри 130
Ла Шалоте Луи Рене, генеральный прокурор парламента Бретани 143
Ла Шармуа, лицо, связанное с генеральным откупщиком Жираром де Межаном 377
Лебрен Шарль Франсуа, королевский цензор при Мопу, в дальнейшем один из трех консулов во времена Консульства 166
Лебрен, прозванный Лебреном-Пиндаром, поэт, секретарь принца Конти 449
Лебро, г-жа, содержательница театра в Лионе 490, 508, 510, 511, 513
Левис, герцог де, мемуарист 99, 349
Леду, архитектор 381
Леду де Бомениль 266, 267
Лезёр, начальник отделения в генеральном контроле финансов 87
Ле Кавалье, аббат, кюре Паннейёза, близ Вернона, замешанный в майских волнениях 1775 г. 304, 312
Леклерк, первый помощник генерального контролера при Террэ 84, 203, 237
Лелё, братья, владельцы мельниц 228, 236—238, 258, 423—425, 427
Лемуан Этьенн, участник майских волнений 1775 г. 314
Ленге, журналист и литератор 101, 236, 451
Ленуар, генерал-лейтенант полиции 91, 118, 131, 248, 273, 274, 279, 281, 282, 320
Ле Ок, изобретатель, предложивший производить селитру из морской воды 127
Ле Плеж, адвокат 138
Ле Прево де Бомон, двадцать два года (1768—1789) отсидел в тюрьме за разоблачение мнимого «пакта голодовки» 230
Леруа де Монтекли, адвокат 452
Леруа де Сенневиль, адвокат 453
Леруа де Шомон, занимался гоеударственными торговыми операциями с хлебом после Малиссе 230
Лескюр 415, 523
Леспинас Жюли, м-ль де, близкий друг Тюрго 74, 75, 85, 90, 93, 99, 101, 133, 179, 377
Ле Трон, экономист 99, 227, 261
Ле Шапелье И. Р. Г., депутат Учредительного собрания, автор закона, направленного против ассоциаций 443
Лиль М. де, драгунский офицер, состоял в переписке с Вольтером 142, 289
Ложель, изобретатель мукомольной машины 109
Лозен, герцог де, племянник маршала Бирона, известный своими любовными похождениями 361, 485
Ломени де Бриенн Этьенн Шарль, архиепископ Тулузский, генеральный контролер финансов накануне Революции 55, 71, 226, 291, 378, 394, 395
Лорагэ, герцог де Бранкас, член Академии наук 88
Лоран, финансист 188, 189, 192
Лорине, школьный учитель в Ганьи, был замешан в майских волнениях 1775 г. 298
Лотанж, граф де 388
Лоу Джон, финансист 70, 143, 188
Луиза, Мадам, дочь Людовика XV 29
Люблинский В. С., историк 293, 306, 308, 310
Людовик IX, король Франции 462
Людовик XIII, король Франции 336, 507
Людовик XIV, король Франции 139, 144, 163, 336, 388, 414, 464, 530
Людовик XV, король Франции 26, 31, 32, 35, 39, 45, 54, 55, 65, 67, 75, 79, 97, 122, 139, 144—146, 162, 163, 166, 168, 174—176, 178, 186, 188, 192, 198, 201, 203—206, 336, 339, 343, 449, 467, 507
Людовик XVI, король Франции 21, 22, 26—29, 31, 33, 34, 36, 39, 40, 43, 46—49, 51, 54, 61—63, 65—68, 70, 72, 74—77, 82, 87, 90, 99, 122, 142, 144—146, 149, 156, 166, 167, 169, 174, 179, 201—205, 223, 227, 242, 270, 271, 287, 296, 306, 317, 336, 337, 342, 344, 346—348, 355, 361, 366, 368, 370, 380, 383, 392, 395, 402, 408, 444, 445, 452, 454, 455, 457, 459, 464, 467, 472, 475, 476, 483, 487, 490, 491, 493, 498, 499, 503, 507, 510, 513, 514, 520, 523, 524, 529, 530, 534
Люксембург, шевалье де, протеже Марии Антуанетты 361
Л'Эгийе Жан Клод, подмастерье-газовщик, участник майских волнений 1775 г., был повешен в назидание другим 294
Л'Эпин, кабатчик, был замешан в майских волнениях 1775 г. 314
Льежон, архитектор 105

Малиссе, мельник, по договору с правительством обязан был сохранять постоянный запас хлеба 229, 230, 238, 422
Мальзерб Кретьен Гийом де Ламуаньон де, президент Высшего податного суда, сменил герцога де Лаврийера на посту министра королевского двора 23, 58, 75, 95, 100, 101, 139, 154, 157, 161—164, 207, 240, 336, 337, 355—358, 368, 374, 375, 377, 378, 392, 393, 395, 396, 398—403, 409, 411, 415, 417, 420, 432, 445, 447, 452, 455—458, 465, 471, 474, 483, 484, 487, 492—506, 510, 515—517, 519, 522, 524, 525, 528, 534
Марион Марсель, историк 166
Мария Антуанетта, королева Франции 21, 31, 33—35, 42, 43, 45, 47, 53, 54, 57, 63, 64, 66, 100, 203, 205, 334, 336, 339—343, 345, 347, 349, 352—355, 368, 396, 401, 403, 409, 410, 476, 483—485, 487, 489, 500, 517, 518, 521
Мария Лещинская, королева Франции 307
Мария Терезия, австрийская государыня, мать Марии Антуанетты 21, 26, 27, 33, 34, 43, 45, 46, 54, 64, 66, 100, 146, 165, 203, 334, 336, 341, 349, 352, 361, 404, 498, 517, 521
Маркс Карл 70
Мартеман, советник парламента во времена Фронды 142
Мартен Анри, историк 230
Мартен Оливье, историк 435
Мартен Сен-Леон, историк 435, 436
Марше, г-жа 99, 474
Массеран, князь де, испанский посол в Англии 479, 483
Мафер, подмастерье слесаря, был замешан в майских волнениях 1775 г. 275
Машо Жан Батист, генеральный контролер финансов в 1745—1754 гг. 36, 37, 393
Мэнон д'Энво, генеральный контролер финансов, один из предшественников Тюрго на этом посту 56, 178
Менар де Конишар, начальник отделения в генеральном контроле финансов 83, 87
Ментор, см. Морепа
Мерси-Аржанто, граф де, австрийский посол во Франции, наставник Марии Антуанетты 21, 27, 29, 43, 45, 49, 54, 57, 62—64, 66, 74, 103, 165, 174, 204, 341, 344, 345, 348, 349, 352, 354, 355, 358, 361, 362, 368, 397, 398, 401, 404,

Рубо, аббат, один из директоров «Журналь дю коммерс» 98, 489
Руссель, откупщик 111, 113
Руссо Жан Жак 407, 449
Рюде Д., историк 264, 269, 280, 293, 308, 316, 321, 397
Рюфэ де 444

Саксонский Мориц, граф, маршал Франции, прадед Жорж Санд 406
Саксонский, принц 402, 469, 488
Сальверт, генеральный откупщик 376
Санблансэ 178
Сандрие, прокурор в Сансе 305
Сартин Габриель де, генерал-лейтенант полиции с 1759 г., в 1774 г. был назначен морским министром 29, 50, 58, 61, 64, 150, 153, 194, 225, 230, 281, 344, 349, 353, 354, 361, 368, 388, 457, 458, 474, 498, 502, 509, 510, 518, 521
Сати, аббат, изобретатель способа получения селитры из морской воды 127
Саффре де Буалаббе, королевский адвокат в Понтуазе, привлекался по делу о «заговоре» в мае 1775 г. 268, 314, 325, 328
Саюге, см. Эспаньяк
Сегюр, историк 35, 287, 293, 308, 399, 402, 421, 422, 425, 491, 521, 523
Сегье Антуан Луи, товарищ прокурора в Парижском парламенте 157, 395, 447, 448, 453, 454, 460—464, 475, 495, 512
Сенак де Мейлан Габриель, интендант и литератор 178, 376, 399, 446, 491
Сен-Васт де, генеральный сборщик двадцатины, был назначен Тюрго главой управления доменами 114
Сен-Жермен Шарль Луи, граф де, военный министр 78, 79, 199, 387, 392, 395, 399—415, 420, 445, 457, 458, 462, 474, 500, 506, 525
Сен-Жюльен, г-жа де, жена генерального сборщика податей для духовенства в области Жекс 255, 382, 383
Сен-Морис де, капитан швейцарской гвардии графа Прованского 79
Сен-Симон Луи де Рувруа, герцог де, мемуарист 39
Сент-Бёв Шарль Огюстен де, писатель 66, 67
Серра Антонио 214
Серро, комиссар, которому была доверена проверка счетов Сорена и Думерка, 237
Сигли (Cigli), знаменитый портной той эпохи 452
Сигорнь, аббат, преподаватель философии Тюрго 92
Симон, парламентский издатель 494
Силуэтт Этьенн де, генеральный контролер финансов 173, 200
Сисе Ж. Б. Шампион де, епископ Труа, затем Осера, учился вместе с Тюрго в Сорбонне 70
Смит Адам 120
Сократ 150
Сорель Жюльен 72
Сорен Бернар Жозеф, поэт и драматург, член Академии наук с 1761 г. 241
Сорен, аббат, профессор философии в Монпелье 311
Сорен де Бонн, комиссионер короля, занимался хлебными торговыми операциями 230, 231, 233, 234, 236—238, 315
Соссере, откупщик 111
София, Мадам, дочь Людовика XV 29, 204, 395, 396
Стендаль (Бейль Анри) 72
Стормонт, лорд, посол Англии во Франции 153, 165, 240, 410, 446, 448, 449, 457, 467, 476, 477, 484
Струэнзе Иохан Фредерик, граф де, министр-реформатор Дании, обезглавлен в 1772 г. 405
Субиз Шарль де Роган, принц де, маршал Франции, победитель при Росбахе, фаворит г-жи Помпадур и г-жи Дюбарри 121, 410
Сулави Жан Луи, аббат де, мемуарист, во времена Революции дипломат 36, 48, 49, 99, 295, 307, 309, 351, 370, 399, 472—474, 482, 491, 501, 507, 510
Сэ Леон, экономист 307
Сюир, вдова, булочница 274
Сюлли Максимилиан де Бетюн (барон де Рони), герцог де, министр Генриха IV 166, 214, 215, 227, 244, 383, 464

Табуро де Рео, интендант Эно и Шамбрези 231, 400, 424, 523, 524
Такер Джозая, английский экономист, один из предшественников Адама Смита 120, 171, 436
Тантон, была привлечена к суду по делу о «заговоре» в мае 1775 г. 302, 313, 324
Террэ Жозеф Мари, аббат, генеральный контролер финансов, предшественник Тюрго на этом посту 26, 29—31, 34, 45—47, 49, 50, 52, 56, 58—61, 76, 78, 80, 84—91, 97, 98, 110—115, 120, 125, 126, 144—146, 150, 151, 166—179, 185, 186, 193—195, 200, 202, 203, 210, 213, 216, 217, 222, 224, 225, 228—238, 249, 258, 261, 292, 307, 315, 317, 323, 325, 326, 329, 366, 375, 424, 426, 435—437, 439, 440, 472, 501, 506, 523—525
Тимолеонт (Тимолеон), древнегреческий политический деятель и полководец 202
Тире де ла Мартиньер, аббат, кюре в Сен-Винсене, привлеченный к суду по делу о «заговоре» в мае 1775 г. 312
Тома, осведомитель Тюрго 316, 317
Торель, слуга 315
Трюден (Трюден де Монтиньи) Жан Клод, сын великого интенданта Трюдена, сменивший его в 1769 г. 82—84, 89, 184, 193, 378, 382, 432, 434, 445, 446, 450, 458
Тэн Ипполит, историк 200
Тюрго Этьенн Франсуа, шевалье, старший брат Тюрго 366, 509
Тьерри де Вилль-д'Авре, первый камердинер Людовика XVI 26, 523

Уолпол Орас, английский политический деятель, друг г-жи Дюдефан 340

Фаржес, аббат, друг юности Тюрго 68
Фаржес, бывший интендант Бордо, поставленный Тюрго во главе Монетного двора 89, 90, 92, 95, 281, 382, 423, 446
Фейдо де Марвиль, государственный советник, член Финансового совета 84, 393, 523
Фисжан де Сент-Коломб, советник парламента, подозревавшийся в скупке зерна 254, 255
Фитц-Джеймс Шарль, герцог де, главнокомандующий в провинции Бретань, маршал Франции с 24 марта 1775 г. 205
Флер Робер де, драматург 50
Флери Андре Эркюль де, кардинал, министр Людовика XV 43, 191
Флери (Жозеф Абрахам Бенар), актер Версальского театра, в мае 1774 г. вступил в Комеди франсез 510
Флессель, интендант Лиона 91, 388
Фонсен, биограф Тюрго 82, 105, 109, 160, 168, 170, 230, 308, 364, 368, 388, 391, 432, 446, 473, 474
Фонтетт, канцлер графа Прованского 154, 434
Фор де Бофор, изобретатель «противогнилостной воды» 130
Фор де ла Сонд, секретарь французского посольства в Англии 345—347, 478, 485
Форре, булочник 294
Франклин Бенджамин 526
Фрейд 66
Фрето, советник Парижского парламента, в дальнейшем член Учредительного собрания, гильотинирован во времена террора 289
Фридрих II Великий, король Пруссии 53, 65, 345, 404
Фуаш Ж. Б., директор Управления сборов с кож 153
Фуллон Жозеф Франсуа, один из шести интендантов финансов, убит в июле 1789 г. 87—89
Функ-Брентано, историк 311, 314, 315, 320
Фуркё Бувар де, государственный советник, член комиссии по контролю за продовольственным снабжением, учрежденной аббатом Террэ, помогал интенданту Трюдену во времена Тюрго 230, 429, 504, 506

Чарторыский, князь 91

Шабо, участница волнений 2 мая в окрестностях Версаля 319
Шамфор Никола Себастьян, литератор 42
Шанвалон, интендант Гвианы 508—511
Шантеклер 366
Шапп, парижский булочник 274
Шардон, докладчик по делу Шанвалона 509

Шарлемань, фермер в Бобиньи 296, 297, 314
Шарпантье, фермер 313
Шартрский, герцог де, будущий *герцог Орлеанский, Филипп* Эгалите 149, 150, 156, 157, 348
Шатлен, коммерсант, подвергшийся преследованию по обвинению в различных махинациях для повышения цен 314
Шатору, г-жа де, фаворитка Людовика XV 39, 40
Шевалье, егерь, был привлечен к суду по делу о «заговоре» в мае 1775 г. 312, 320
Шекспир Уильям 489
Шелбёрн, лорд, английский государственный деятель 68, 70, 272, 370, 444
Шелль, издатель собрания сочинений Тюрго 82, 92, 99, 109, 115, 132, 160, 164, 169, 177, 187, 225, 243, 270, 307, 308, 425, 432, 473, 478, 528
Шенон, комиссар 268, 314
Шефдёйль, заместитель королевского прокурора в Бомоне 265
Шмит, изобретатель мукомольной машины 109
Шоу Бернард 406
Шуазель Этьенн Франсуа, граф де Стенвиль, затем герцог де, министр иностранных дел 31—34, 36, 39, 41, 47, 53, 56, 67, 75, 87, 97, 144, 153, 161, 164, 173, 198, 201, 263, 340, 343—345, 348, 350—355, 358, 359, 367, 368, 408, 459, 480, 485, 509, 510
Шуазель Луиза Онорин Кроза дю Шатель, герцогиня де, жена предыдущего 307, 521
Штаремберг, князь де, близкий, доверенный человек Марии Терезии *348—349*
Эгийон Арман Виньеро-Дюплесси-Ришелье, герцог д', министр иностранных дел при Людовике XV, протеже г-жи Дюбарри 26, 29, 30, 31, 33, 36, 37, 44—48, 143, 144, 157, 202, 203, 206, 339, 343—354, 358, 366, 368, 410, 485
Эгийон, герцогиня д', жена предыдущего 402
Эгрессе, эксперт, назначенный Тюрго для проведения в жизнь эдикта об отмене цеховой системы 495
Эйлер Леонард, известный математик, химик и физик XVIII в. 93, 110
Эйраль, аббат, изгнанный за неблаговидные речи 130
Эннери д', главнокомандующий Мартиники, а затем Сан-Доминго 349, 354, 355, 358, 359, 361, 476
Эон Шарль Огюст, шевалье д', тайный агент Людовика XV 196
Эпинэ Луиза Флоранс Петрониль Делалив д', жена генерального откупщика, возлюбленная Жан Жака Руссо 244
Эронвиль д', инспектор 121
Эсмангар, интендант Бордо 107, 125, 129, 213, 379
Эспаньяк, аббат Саюге д', советник парламента 240, 451